

Вращение временной оси

Ибикус

18+

Ибикус

Вращение временной оси

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70542892

SelfPub; 2024

Аннотация

Жанр боевая фантастика. Состоит из четырех рассказов, объединенных общим героем. В некотором роде связана с предыдущей книгой "Ветер над пропастью".

Содержание

Откуда что берется	5
Неопределенность	9
Туман над ущельем	136
Хозяин – барин.	267
Пора домой	690

Ибикус

Вращение временной оси

Откуда что берется

Прежде чем читатели, если таковые найдутся, ознакомятся с самими рассказами, надо сказать несколько слов об их появлении на свет.

Началась эта история давно, более семидесяти лет назад, когда я будучи пацаном, носился по двору дома своего деда. Друзей приводить в дом мне не разрешалось, и я играл во дворе один, размахивая деревянной саблей, крушил воображаемых врагов направо и налево. В качестве врагов выступали какие-то растения и неодушевленные предметы. В пылу жаркого боя меня занесло на чердак, где я намеревался укрыться от превосходящих сил противника, чтоб потом неожиданно налететь и учинить злодеям форменный погром. Причем погром у меня получался всегда, за что был неоднократно порот матерью, которой приходилось объясняться с бабушкой, ибо мои сражения происходили в ее доме.

На чердаке мне раньше бывать не приходилось, поскольку ход туда был всегда закрыт на висячий замок. В этот раз замка не было. Но на чердаке было сумрачно, свет проникал через небольшое мутное оконце. По большей части чердак был пуст, только в одном углу стояла поломанная мебель: стулья, стол на трех ногах, лежащий на боку шкаф без две-

рок и сундук, углы которого имели железные закругления.

Мне пришло в голову выглянуть в окно, и я забрался на стол, не обращая внимания, что он качается. Выглянуть на улицу я не успел, поскольку стол завалился на бок и я, улетев с него, больно ударился головой о сундук. Уже открыв рот, чтоб громко заорать, сообразил, что если меня тут обнаружат, то получу очередную порку, а ход на чердак закроют на замок.

Я встал и решительно потянул за крышку сундука, и она подалась. Но содержимое его меня разочаровало. Ничего интересного там не было: какое-то старое тряпье. Я проткнул его своей шпагой. Естественно, деревянная шпага ничего не проткнула, только сдвинула тряпки в сторону, а под ними обнаружилась стопка общих тетрадей. Если кто не знает: общая тетрадь состоит из 96 листов и имеет плотную обложку. Читать я еще не умел и, полистав исписанные страницы, положил все на место.

Прошло двадцать лет, и старый дом был продан на слом. В разборке дома я не участвовал, но присутствовал. Хозяин, который купил дом, увидев меня, сказал:

– Если что надо из старых вещей, можешь взять.

Мне ничего не надо было, да и не видел я ничего, кроме сундука, стоявшего когда-то на чердаке. Просто так для интереса открыл крышку и обнаружил там, тряпье, даже, проще говоря, ветошь. Разворошил ее и на свет снова, как в

далеком детстве появилась стопка общих тетрадей. Но теперь-то я читать умел! Взял первую попавшуюся, исписана она была еще перьевой ручкой, такими ручками я сам писал в школе. Но текст меня заинтриговал.

Тетради я принес домой и начал читать. Автор явно был поклонником фантастики, я и сам любил этот жанр, только не часто удавалось найти хорошие книги. В те времена... Впрочем речь не о временах, просто разбирать, не всегда внятный рукописный текст, было не так просто, и я, не дочитав первой тетради, бросил это занятие. Или, как принято говорить, оставил до лучших времен.

Прошло еще сорок лет, и я снова взялся за эти тетради. Нет, лучшие времена так и не наступили и, теперь-то я точно знаю, что они никогда не наступают, зато появилось свободное время и можно переосмыслить доставшееся мне наследство. А чтоб сделать все правильно, я решил перенести содержимое тетрадей в электронный носитель. Для чего я это сделал? Да вот для чего. К сожалению, фантастика такой жанр, который со временем устаревает. Вот, например, описал фантаст какое-то, далекое будущее, поразил воображение читателей, фантастической техникой, но наступило совсем недалекое будущее, и появилась техника на порядок лучше той, которую он описал. А в результате его произведения читать уже никто не будет, какими бы талантливыми они ни были. Вот «Войну и мир» читать будут во все времена, а с фантастикой такое не прокатит. Короче, начал я

править сочинения неизвестного автора, сюжет, конечно, не трогал и стиль изложения старался сохранить, тем не менее, внес существенные коррективы.

Ну вот, собственно, и вся прелюдия. Автор основного текста, мне неизвестен, но я точно знаю, что издавать свои произведения он не собирался, иначе за некоторые неосторожные высказывания мог загреметь в места не столь отдаленные... Ну, а я коммерческих интересов не преследую, и под всеми сочинениями ставлю свой псевдоним «Ибикус».

Неопределенность

1

Под нависающей скалой свистел ветер. Я, вцепившись в страховочный трос, двигался по узкому карнизу, шаг за шагом приближаясь к спасительной расщелине. Высота скалы была небольшой, относительно, конечно. Метров пятнадцать, не больше. Я шел где-то посередине, внизу был большой сугроб. Даже если бы сорвался с карниза, не особо и пострадал бы. Только, небось, потерял бы несколько часов на повторный подъем. Но даже это мне не грозило, поскольку меня страховал Никита, мой друг и наставник. Ведь в горы по одному не ходят, это всем известно, а туда, куда мы пошли одному вообще нельзя... А ведь до настоящих гор-то еще далеко, а это всего лишь предгорья.

Думаете, в горы собрались и маршрут выбираем трудный и опасный, чтоб потом было что рассказать? Ну, в общем, поначалу так оно и было. Даже фотографировали друг друга в героических позах. У меня и фотографии есть с прошлого похода. Никита с ледорубом в руке рубит во льду ступени... Все, как в песне. И я, конечно, тоже с рюкзаком и ледорубом у пояса, обняв заледенелую скалу, стою на карнизе. Вот и теперь уже достиг расщелины, достал ледоруб и начал

скалывать лед. В нижней части расщелина расширилась, и в нее можно было вползти, толкая перед собой рюкзак, но для этого надо сколоть лед, которым она обросла за полгода нашего отсутствия. Работа мне предстояла не быстрая и нелегкая. Попробуйте-ка в полувисячем состоянии поработать молотком. Тем более, что я парень не маленький, не то что Никита. Во мне метр восемьдесят роста и семьдесят пять кило веса.

Пришлось часа полтора ледорубом махать, потом забросил в образовавшуюся дыру рюкзак и, мысленно перекрестясь, залез сам. Ну вот, как и рассказывал Никита, внутри тьма кромешная. Теперь надо ждать его самого. Минут через десять должен появиться. Впрочем, если ему верить, то время тут идет не туда или вообще не идет. Все равно надо подождать, а дальше уж вместе. Посветив фонариком вокруг, я увидел невысокий туннель уходящий вглубь с небольшим уклоном, но, может, показалось.

Полгода назад мы с Никитой здесь уже были и планы у нас были грандиозные. Надо было обогнуть по карнизу эту скалу, затем двинуться дальше по заранее разработанному маршруту. Только наша затея сорвалась на этом самом месте. Никита шел первым и вдруг исчез, ну буквально минуту его не было, зато, когда появился, на себя был не похож. Я сначала подумал, что это другой мужик. Весь он был ободраный, заросший, увидев меня, завопил и обниматься бросился, вернее, хотел броситься. Как тут обниматься стоя на

карнизе на скале. Короче, спустились мы, он первое время ничего вразумительного сказать не мог кто его так изнахратил. Ну, другого слова просто не подберешь. А дальше он мне такого понарасказал, что ни о каком продолжении похода речи уже не было, домой мы с ним отправились. Я поначалу, естественно, ему не поверил. Для меня было главной задачей доставить его домой, к жене и детям, а там уж пусть они его сами в порядок приводят, в смысле голову. Поскольку то, что он молотил в действительности быть не может. Только одна вещица, которую он мне показал, заставила меня усомниться и в собственном здравомыслии. А вас бы не заставила? Вы когда-нибудь видели ручные часы со стрелками, которые идут в обратную сторону и все цифры в зеркальном отображении. Ручаюсь, что таких часов вы не видели, но как они выглядят, можете увидеть, для чего поднесите к зеркалу любые часы со стрелками. Вот. А тут Никита просто снял с руки часы и вручил мне...

– Слушай, Никита, – сказал я ему, – вещь, конечно, занятная, только на хрен она нужна? Время определять можно, но зачем такие сложности?

– Да пойми ты, это я специально тебе показываю, чтоб ты мне поверил! Там другой мир. Он точно такой же, как наш, только зеркально отображенный. И я там пробыл несколько дней, а здесь ничего не изменилось...

– Я помню, была детская сказка про зазеркалье, там еще все имена наоборот звучали: Оля – Яло...

– Это детская сказка, а тут все не так. Тут все имена звучат правильно и вообще все в том же времени, как у нас, никакого средневековья. Только все отображено зеркально. Все надписи и записи с лева направо, левая и правая сторона поменялись местами. Уловил? Нет? У людей сердце с правой стороны, а печень с левой. Внешне ничего не изменилось. Я тебе больше скажу, если ты там придешь к себе домой, то встретишь свою копию, внешне не отличимого от себя Максима. Который будет говорить с тобой на простом русском языке, если, конечно, с ума не спятит.

Кстати, забыл представиться: меня зовут Максим.

– Ладно, давай-ка сейчас возвращаемся домой, а наше путешествие повторим в зимние каникулы, – сказал я.

– Не веришь мне? Ну и ладно. Я бы, наверное, тоже не поверил. Возвращаемся. Я через полгода сюда вернусь, а ты уж как хочешь. Но вдвоем было бы гораздо лучше...

Конечно, я не верил. А кто бы поверил? Но две вещи объяснить было невозможно: его наручные часы и то, как он за две минуты оброс недельной щетиной. К тому же так изгваздаться в грязи за две минуты тоже невозможно.

Значит, вернулись мы из этого похода домой. Никита в лоно своей семьи, к жене и детишкам: двое их у него. Постепенно шок у него от этого приключения прошел, никому он ничего не сказал и на работу вышел, сохранив часть отпуска. Вообще-то такие манипуляции с отпуском не позволялись, но он договорился отгулять его остаток в начале

февраля. Все знают, сколько желающих гулять отпуск в феврале? Вот именно, нисколько. Поэтому не удивительно, что мы с Никитой в феврале 1967 года отправились в этот поход и на поиски приключений заодно. Я-то студент второго курса института, у меня после зимней сессии каникулы. Вот! Осталось сказать, что живу и учусь в городе Ельске в Забайкалье. Мне восемнадцать лет, брюнет, крепкого телосложения, глаза серые, нос прямой. В общем, нормально выгляжу, на мой непредвзятый взгляд. Ну вот, теперь понятно как мы тут оказались, остальное по ходу рассказа будет проясняться или наоборот запутываться.

Однако долго что-то Никита не появляется. Неужто свалился? Да не должно быть, он старше меня и опытнее, и задача у него гораздо проще. Пошел я, вернее, пополз, к выходу из расщелины, но тут-то мы и встретились.

– Чего ты так долго? Я уж думал: ты вниз рухнул...

– Ничего не долго, сразу вслед за тобой. Давай зажигай фонарик и пошли.

Мы двинулись по тоннелю вниз. Идти пришлось согнувшись, сам туннель был широкий, только высота была метра полтора, а местами и ниже. Стены были неровные, как и потолок, только пол был относительно ровный, будто приспособлен для ходьбы, но каких либо следов не было. Похоже мы тут единственные землепроходцы. Никита был на десять лет старше меня, поэтому и спрашивать глупо, кто был командиром нашего маленького отряда. Я с этого момента дол-

жен был повиноваться ему беспрекословно. Так мы с ним условились, еще когда готовились к этому походу. Правда, про себя-то я решил, если все что он рассказывал – туфта, то, ни о каком повиновении речи быть не может. Буду вытаскивать его домой всеми силами, поскольку один явиться на глаза его жене и детям не смогу.

– Что у тебя в рюкзаке? – спросил Никита.

– Консервы, еда всякая. Никаких этикеток и вообще надписей нет. Я хорошо тебя понял: брать с собой можно только то, что имеет зеркальное отображение схожее с оригиналом... Одежда и еда.

Я, конечно, немного хитрил, кое что у меня было... Да кто будет проверять наши рюкзаки. И вообще, мы и в нашем-то мире никому особо не нужны, а уж в другом-то... Задача у нас простая: добраться до города Боровска, это небольшой совсем городишко, тысяч десять жителей. Там можно людей посмотреть, какой-нибудь экзотикой разжиться, хотя как тут разживешься. Денег местных нет, а наши совершенно не годятся. Ну, представьте рубль в зеркальном отображении. За такую деньгу ничего не продадут, кроме этих самых... которые и бесплатно получить можно.

Тут Никита, который шел первый, сделал мне знак остановиться. Впереди была огромная яма, вернее провал, а сбоку в две ладони шириной карниз, по которому нам предстояло пройти метра два. Но на высоте примерно роста Никиты был натянут трос, за него можно держаться. Висеть на нем нель-

зя, так Никита сказал, но использовать как страховку можно. Я, конечно в яму фонариком посветил, глубина была метра четыре и внизу что-то валялось. Не дай бог наши предшественники... Бр-р. В общем, преодолели мы это смешное препятствие и двинулись по тоннелю дальше. А дальше мы вышли опять к такой же щели, которую покинули. Мне даже показалось, что мы сделали круг, только в тоннеле никаких ответвлений не было, ну никак мы не могли круг сделать, а главное сама щель за эти полчаса, что мы тут ходим, никак не могла зарости льдом. Опять пришлось мне взяться за ледоруб.

Короче, выбрались мы из щели на тот же карниз. Ну, голову готов дать на отсечение, что мы оказались в том же месте, откуда нырнули в эту щель. Только теперь первым шел Никита, а я за ним, как привязанный. Впрочем, почему как. Привязан я был страховочным шнуром, пока мы не слезли с этой скалы. Мы снова оказались внизу, но к моему удивлению своих следов не обнаружили.

– Удивляешься, что наших следов нет, – сказал Никита, – это еще цветочки. Все самое удивительное впереди. Сейчас мы с тобой пойдем на станцию и там ты должен окончательно убедиться в том, что мы находимся в зеркальном мире. Проще говоря, в совершенно другом мире.

Следы наши меня больше не беспокоили, дело было в другом. Мои часы показывали три часа дня, а вернее пятнадцать часов, а солнце клонилось к востоку. Вот что, действительно

поражало.

– Получается, еще поменялись местами запад и восток? – спросил я.

– И это тоже, – ответил Никита. – Но сейчас у нас другие проблемы: во-первых у нас нет денег, во-вторых у нас нет документов. Конечно, они у нас есть, только предъявлять их нельзя. Иначе нас сразу заберут в МВД. Нам это надо?

– Думаю, нет, – ответил я, шагая вслед за Никитой на станцию «Басоргина», с которой мы начали это короткое путешествие.

До станции было километров пять, и мы шли по проторенной дороге. Бульдозер прошел с утра, мы его видели. Впрочем, это ведь другой мир. Или нет?

Через час мы оказались на станции. Теперь уж нет сомнений, что мы в зазеркалье. Название станции ясно все говорило. Я его прочитал не без труда, пока мы шли к зданию. А уж что со мной было в самом здании... Хорошо, что народу было мало. Не только надписи все были наизнанку, так еще и кассы были там, где буфет, а буфет, соответственно, в той стороне, где кассы. Поезда шли в противоположные направления, так как стороны света поменялись местами. Мне почему-то захотелось домой... Зачем мне эти приключения? Без денег и без паспорта я здесь никто. Вот арестует меня дяденька милиционер, а потом отдаст тутошним ученым для опытов. Ведь у меня организм устроен не как у них... Кто я такой здесь? Да вообще никто! Меня не существует, как

личности. Я тут объект, а не субъект.

– Садись, Макс, – сказал Никита и указал на кресла в конце зала ожидания, – поговорить надо.

– Говори, – ответил я, усаживаясь в кресло.

– Теперь ты понял, что мы находимся в другом мире, только никуда с этой станции не уедем, потому что у нас элементарно нет денег. Заработать мы их не можем, поскольку у нас нет паспортов...

– Есть...

– Ну да, есть, только они тут недействительны. Короче, нам нужны друзья из местных, а лучше всего найти самих себя.

– То-то они обрадуются...

– Может и не обрадуются, но помогут. Я бы помог, например...

– Слушай, Никита, а зачем вообще все это. Они без нас спокойно живут, мы без них. Время-то ведь одно и то же. Да и вообще все одно и то же. Если бы они опережали нас в своем развитии, или отставали бы, тогда другое дело. А так, что мы будем иметь, кроме геморроя?

– Ну не знаю, надо подумать.

– Давай про это дома думать. А тут как то неудобно, выловят нас, как мышей, и в психушку посадят. Тебе это надо?

– Ладно, переночуем на станции, как будто поезда ждем, а завтра обратно. Сегодня уже темно возвращаться.

– Никита, – сказал я ему минуту спустя, – я тут местный

сортир навещу. Ты пока не спи, а то лишимся имущества...

– Давай, – ухмыльнулся он, – только ты там не очень старайся, смотри не нарушь равновесие между мирами...

– Да пошел ты... остряк.

Свои дела я сделал быстро, правда, чуть было в женский не заскочил. Хорошо, что прямо передо мной оттуда вышла женщина. Это зеркальное отображение до добра не доведет, хотя буквы «М» и «Ж» в обоих мирах выглядят одинаково. Выйдя на улицу, я решил перекурить, прежде чем вернуться в зал ожидания. И тут мне пришла в голову простая мысль: «Если в этих мирах все одинаково, а судя по некоторым признакам, так оно и есть, то наши зеркальные прототипы, то бишь Максим Петрович Савельев и Никита Федорович Берестов, должны быть сейчас в нашем мире и сидеть на станции Басоргина в зале ожидания без гроша в кармане». Я вернулся минут через десять, Никита сидел как-то напряженно. И тут я увидел, что на моем месте сидит милиционер и о чем-то разговаривает с Никитой. Заметив меня, он сделал незаметный знак, махнул потихоньку рукой, что наверняка означало «уйди». Поздно. Милиционер направился ко мне.

– Максим Савельев? – спросил он.

– Да, – ответил я, а какой смысл врать.

– Прошу пройти со мной, – довольно вежливо сказал милиционер, жестом указав направление к кабинету дежурного.

Никита остался на месте, похоже милицию интересовал

только я. В комнате, кроме сержанта, который меня привел, сидел еще капитан, и накурено было, хоть топор вешай.

– Нашелся, потеряшка! – радостно сказал сержант. – Похоже, он сам уже домой собирался. Поезда ждал. Ты хоть знаешь, что тебя уже полгода ищут? – это он ко мне обратился.

Откуда мне было знать, что происходит в этом мире. Конечно, я не знал. Но в течение последующего часа я узнал, что прошлым летом не вернулся из похода, в который отправился с Никитой Берестовым, то есть пропал при невыясненных обстоятельствах. И моя фотография была разослана во все отделения линейной милиции.

Короче, надо было уносить ноги, иначе появятся «родственники» и мне всегда придется жить в этом изнаночном мире, ну если не всегда, то достаточно долго. Меня, пока никто не держал, я ведь числился просто потеряшкой, а не опасным преступником, но и бежать-то было некуда. А через некоторое время появился Никита, который притащил наши рюкзаки и начал объяснять милиции свою версию, вполне для них правдоподобную.

Он вдохновенно сочинил сказку про мою амнезию, про то, как меня нашел, и уже возвращаясь в Ельск, мы лишились всех денег, по собственной беспечности и теперь находимся в затруднительном положении...

Капитан положил передо мной лист бумаги, ручку и сказал.

– Пиши, как было дело и поподробнее...

Я взял ручку и начал писать, стараясь полностью соответствовать легенде, на ходу сочиненной Никитой. Взглянув на него, я вдруг понял, что совершаю ошибку. Очень уж у Никиты рожа была растерянной. Однако, когда я глянул на капитана, то увидел, что и у того глаза на лоб лезут. Но тут и до меня дошло... Ну не умею я писать левой рукой и справа на лево... Капитан отобрал у меня писчие принадлежности и некоторое время пытался прочесть написанные мною десяток строк.

– Что это? – ошарашено, спросил он. – Я уже много чего повидал на этом свете, но такое... А ну-ка из карманов все на стол!

Я встал и стал не спеша выкладывать на стол содержимое карманов, понимая, что хуже уже не будет и засыпались мы с Никитой по полной программе. Сержант стал разглядывать пачку сигарет «Яхонт», а капитан заинтересовался моим бумажником. На Никиту они больше внимания не обращали. Вытащив из бумажника два десятирублевика, капитан внимательно рассматривал деньги на свет, затем он заинтересовался монетами. На меня оба милиционера перестали обращать внимание и я, чтоб не маячить у стола сел на стул возле двери. Милиционеров вроде это и не волновало. Ну, куда я мог сбежать со станции, да еще зимой. Это, то же самое, что пытаться свалить с подводной лодки. Не знали они, что тут совсем недалеко есть портал в зеркальный мир, где сидят

такие же милиционеры и в ус не дуют. Вот только догонят они нас, если мы с Никитой в бега подадимся. Надо что-то придумать...

– Что же с вами делать-то, – вдруг с тоской сказал капитан. – Эти дела не по нашему ведомству. В психушку вас сдать не могу, не возьмут вас доктора. В вышестоящее ведомство тоже будет трудно спихнуть... Давайте-ка так договоримся. До рассвета можете в нашем изоляторе перекапаться, а с рассветом дуйте на все четыре стороны, и чтоб здесь вас больше не было.

– Так в изоляторе же эта сидит... – начал было сержант.

– Вот всех троих и отправишь с рассветом за ворота, – сказал капитан. – Пусть отправляются туда, откуда пришли. Ну не нужны нам тут непонятные приключения... У нас своих дел невпроворот.

«Ну вот, – подумал я, – дяденек милиционеров понять можно. Я бы на их месте так же поступил. Завтра уберемся восвояси. Для чего нам этот мир?» Что думал Никита, я не знал, но это решение капитана было явно ему по вкусу. Мы быстро сгребли со стола свое имущество, взяли рюкзаки и сержант, открыл дверь в смежную комнату, которая и являлась изолятором.

Комната была маленькая, метров десять квадратных, да еще девчонка там сидела в углу. Мы с Никитой расположились у противоположной стены на стульях, рюкзаки бросили на пол. У девчонки имущества, похоже, не было.

– Как звать тебя, красавица? – спросил Никита.

Красавицей она явно не была, поскольку вид имела не только усталый, а какой-то замученный. А еще мне показалось, что она очень хотела есть.

– Аня, – осторожно ответила она.

– Я, Никита, а вот он Максим, – сказал Никита. – Ужинать с нами будешь?

– Да.. – жалобно протянула она.

Я достал из рюкзака термос и банку консервов, а Никита хлеб, купленный на этой же станции, только на «той стороне». Банка консервов быстро кончилась, и я достал вторую. Экономить не было смысла, все равно возвращаемся... После ужина все постарались заснуть, хотя какой сон в сидячем положении.

Только я уснул, как появился сержант и очень бодренько скомандовал подъем. Спорить никто не стал и очень быстро мы все втроем оказались за дверями станции. В качестве напутствия он сказал, что если еще раз нас встретит, то наши дела пойдут совсем в другом направлении и не факт, что нам это понравится. А мы с Никитой уже твердо решили возвращаться домой и дальше не испытывать судьбу в этом зазеркалье.

Мы быстро шагали к нашей скале, рассуждая о том, есть ли польза вообще от нашего открытия. Я лично, ничего полезного для себя и для страны в этом не видел. Оба мира существовали параллельно и во времени жили одинаково, од-

ним словом шли ноздря в ноздю. Никита мыслил не столь категорично, но ничего полезного тоже не изрек. Случайно обернувшись, я увидел Аню, которая топала вслед за нами, не приближаясь, но и не отставая.

– Никита, – сказал я, – у нас попутчица...

Мы остановились, поджидая девушку. Она сначала замедлила шаг, потом тоже остановилась. Никита призывно махнул рукой и Аня подошла.

– Мы сейчас уйдем туда, куда тебе никак нельзя идти, – сказал он. – И, вообще, ты почему домой не идешь?

– Я не знаю, куда мне идти, я вообще ничего не понимаю, – из глаз девушки покатались слезы.

– Давай рассказывай, кто ты и откуда, – сказал я.

Далее последовал путанный и сбивчивый рассказ, который я приведу в более удобоваримом виде, без слез и восклицаний. Небольшая группа туристов прибыла на станцию Басаргина из города Боровска. Погода была зимняя, но не морозная, пробежались немного на лыжах, установили палатки на снегу, развели костер, приготовили еду. Вечером Вадим пошел пофотографировать местный скальный ландшафт, Аня увязалась за ним. На свою беду, Вадим обнаружил расщелину в скале и протиснулся туда. Аня довольно долго ждала, пока он вылезет, но не дождавшись, решила протиснуться тоже. Лаз был очень узкий вначале, но потом расширялся, и скоро она шла уже совершенно свободно, только темновато было. Скоро ее глаза привыкли, и она уви-

дела длинный коридор, но Вадима нигде не было. Аня решила возвращаться и позвать ребят для поиска товарища, но вдруг запнулась и покатила куда-то вниз в яму. Стало совсем темно, а фонарика у нее не было. Она стала звать на помощь, но никто не отозвался. Дальше она двигалась вперед на ощупь, ну это ей так казалось, что вперед. Ведь когда человек в темноте внезапно сваливается вниз, то ориентация в пространстве теряется. Короче двигалась она какое-то время на ощупь, вдоль стенки, и вдруг вверху увидела слабый свет, а под руки ей попала веревка и довольно толстая. Стенка была крутая, по которой надо было лезть к свету и без веревки ей бы ни за что не забраться. Впрочем, даже с веревкой ей это удалось не сразу. Она вылезла из той же расщелины с немалым трудом и огромным облегчением. Несмотря, что по ее подсчетам она провела в этом подземелье, никак не меньше двух часов, было еще светло. Она узнала эту местность, но не нашла никаких следов своей туристической группы. Как будто никого тут и не бывало вовсе. Зато недалеко была дорога на станцию, по которой они пришли сюда. Но куда все делись? Аня решила идти прямо на станцию Басаргина. А там уж выяснится, где ее друзья товарищи, и, главное, где Вадик. Наверное, его придется искать в этой расщелине... Прямо – бермудский треугольник какой-то.

Если до этого места в Анькином рассказе все было понятно, то дальше начиналась чертовщина и придется привести его по возможности дословно.

« Я шла на эту станцию и радовалась, что удалось выбраться из этого подземелья, оставалось только вызвать спасателей, чтоб спасти Вадика. В том, что вся наша группа уже на станции и связались с МЧС-никами, я уже не сомневалась. Однако, не тут то было. Сначала я прочитала название станции, которое было написано наизнанку, и подумала что это шутка такая, довольно глупая. Потом уже на самой станции, глянув на расписание поездов и на стенды, я чуть с ума не сошла. Да и на самой станции левое и правое крыло местами поменяли. Тогда я отправилась к пункту полиции, но полицейские были какие-то странные. Форма совершенно неизвестная, но это ерунда, а вот то, что на двери было написано ЯИЦИЛИМ вместо ПОЛИЦИЯ, меня повергло в ужас. Ну, ведь всяким шуткам есть предел. Мелькнула мысль: может, кино снимают... Надписи переделать можно легко и просто, да вот здание вокзала перестроить в зеркальном отображении, никак не получится. Вот тут то, я испугалась по-настоящему. Пришла сдаваться дяденькам милиционерам. А они, когда увидели мой паспорт, часики и смартфон, сами в ступор ушли, и меня посадили под замок. Только сейчас вместе с вами выпустили»

– Послушай, Аня, – сказал Никита. – Наверное, мы сможем тебе помочь, но в твоём рассказе мне кое-что не ясно. Ты извини за бестактность, но нельзя ли взглянуть на твой паспорт?

Анна повздыхала, потом извлекла на свет из недр своей красивой курточки заветную книжицу. Никита сначала заулыбался, потом нахмурился и, наконец, совершенно ошарашено произнес:

– А скажи-ка, милая моя, какой сейчас по твоему год?

– Когда я залезла в эту щель в скале, был две тысячи восемнадцатый...

– Родилась ты в России в две тысячи первом году?

– Да...

– А вот Максим родился в тысяча девятьсот сорок седьмом году в Советском Союзе, а в эту щель в скале залез в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом. Только мы с ним живем не в этом зазеркалье, мы сюда случайно забрели и сейчас собираемся обратно. Можем тебя с собой захватить... Ну, или оставайся здесь, как тебя домой отправить мы не знаем. Пока не знаем.

– Лучше уж я с вами... Мне не нравится, где все наизнанку...

Мы продолжали свой путь к скале. Девчонку было жалко, но как ей помочь мы представить себе не могли. В своем мире ее можно было как-то устроить, можно было снять комнату... А тут мне пришла в голову занятная мысль. Поскольку она из будущего, то она историю наверняка изучала и некоторые события, которые еще не случились, могла знать. Если ее познания с толком использовать, то на этом можно и заработать. Хотя вряд ли. Предсказывать политические события,

смысла нет – никто не поверит, а когда они произойдут, тут и неприятностей можно огрести. Ничего другого в школе не проходят, значит, от ее познаний толку будет ноль. Ну, разве что любопытство потешить...

К скале мы подошли часа через три, после того как нас выперли со станции. Скала, слава богу, была на месте, и мы гуськом стали на нее взбираться. Аня пыталась нам втолковать, что мы идем не в ту сторону. Щель находится немного в стороне. Я задумался.

– Послушай, Никита, – сказал я, – давай сначала девушку отправим в ее мир, а потом сами отправимся восвояси. Ну не бросать же ее здесь. Опять же в будущем побывать заманчиво... Анюта! А ты сможешь нас приютить у себя на пару дней? Ну, с чисто познавательной целью?

– Вы только меня не бросайте ребята, – чуть не плача сказала она. – Когда вернемся домой, я найду место, где вас поселить. Будете гостями у нас. Заодно и подтвердите, что я не в дурдоме была, а в другом мире.

– Ладно, договорились, – сказал Никита. – Веди нас, если дорогу помнишь.

Мы начали спускаться, а затем стали обходить скалу с другой стороны. Снег был глубокий и скоро мы обнаружили следы Анюты, а затем и сам вход в пещеру. Впрочем, это был очень узкий лаз. Я с трудом протолкнул туда свой рюкзак, потом с трудом влез сам. Довольно неприятное было лазанье, метра два было очень узко, и я двигался с трудом. Никите

и Ане было проще, у них габариты меньше. Ну, вот мы выбрались в какой-то грот, и я включил свой фонарик и увидел крутой спуск вниз. Но в расщелину в камне был вбит крюк, к нему была привязана веревка, довольно толстая, и она уходила вниз. В свете фонарика, глубина спуска была метра три – четыре, а дальше ровная площадка.

Я сбросил свой рюкзак, схватился за веревку и стал спускаться. Собственно, спуск то был простой, потому что стенка не была вертикальной, а был уклон градусов семьдесят. Потом Аня сбросила мне рюкзак и начала спускаться сама. Ну, у нее это получалось неплохо, видно был опыт лазанья по горам. Дальше была очередь Никиты, но вдруг раздался посторонний шум, я быстро направил луч фонарика в противоположную сторону. Там в двух метрах был арочный вход в коридор, и я прошел вперед и посветил в него, но увидел только стены и тоннель уходящий вдаль. В этот момент наверху вспыхнул свет от мощного фонаря, у Никиты такого не было.

– Это кто еще тут! – раздался зычный голос.

Подняв голову, я увидел Никиту, стоявшего наверху с какой-то растерянной улыбкой на лице. Вдруг раздалось какое-то лязганье железа, а затем грохнул выстрел. Грохот был такой, что даже уши заложило.

– А ну пошел отсюда! – снова рявкнул чей-то бас. – Убирайся, быстро, откуда пришел, не то пристрелю к чертовой матери!

– Да, мне надо... – начал Никита.

Снова грохнул выстрел, и посыпалась каменная крошка.

– А ну лезь обратно! Следующая пуля будет твоя, сталкер хренов! И больше не вздумай тут появляться! Пошел!

Я со своего места не видел стрелка, видел только, как попятился Никита, а затем по шороху понял, что он лезет обратно в тот же лаз. Ну, куда ему было деваться. Против ружья не попрешь, а я снизу ему никак помочь не мог, да еще Аня. Она вся тряслась от страха, вцепившись мне в штормовку двумя руками.

Мы стояли в тоннеле пещеры, всматриваясь вверх. Вскоре наверху послышались шаги, свет фонаря наверху постепенно погас, и стало совсем тихо. Я слышал только сопение девушки.

– Пошли, – сказал я ей шепотом. – Никита выберется через другой вход, а я тебя провожу до дома, не бойся.

Мы стали пробираться по тоннелю. Сначала почти на ощупь, потом я включил фонарь, надеясь, что сторож этого проклятого места нас не обнаружит. Я уже понял, что мы с Никитой пришли по верхнему ярусу, а Аня попала в нижний, и мы сейчас движемся к выходу в ее мир. Сейчас мы шли взявшись за руки и я чувствовал, что ее рука дрожит. Теперь главное ее доставить на место, а сам-то я выберусь. Клаустрофобией я не страдал, и путешествия, вообще-то, любил, только очень уж негостеприимно встречали нас тут. Стрелок-то был, похоже, не из органов правопорядка. Ско-

рее всего, блатные ребята застолбили это место. Аняте, я свои мысли не озвучивал, итак страху натерпелась.

Впереди появилось слабое свечение. Ну, вот добрались до лаза. В этот раз девушка лезла первой, затем я толкнул свой рюкзак, который она вытащила, находясь уже снаружи, наконец, вылез сам.

2

Станцию Басаргина я поначалу не узнал. Само здание было очень похоже, только стало выше, да и название станции было написано иначе, но, слава богу, не наизнанку. На подходе к станции я решил попрощаться, поскольку понял, что проблемы моей спутницы решились, а вот мои отнюдь. Ведь я оказался в далеком будущем, где мне делать нечего, поскольку нет ни денег, ни документов и любой милиционер возьмет меня за шкуру и сдаст в дурдом.

– Ну, давай прощаться Анята, я должен отправляться во-свояси, – сказал я.

– Нет! – с ужасом воскликнула она. – Я боюсь! Не бросай меня. Я хочу, чтоб ты проводил меня до дома.

– Да я бы с удовольствием, только ведь у меня ни денег, ни документов, сама понимаешь. А придется где-то заночевать... В общем, у тебя со мной проблемы будут...

– Эти проблемы я решу!

Короче, Аня решила пригласить меня погостить, я решил

не отказываться. А кто бы отказался погостить в будущем? Правда, как-то неудобно на халяву. Ну, допустим, от местных хулиганов я ее защищу, ежели такие тут водятся. Впрочем, потом можно и ответный визит организовать, ведь ей наверняка интересно будет побывать в прошлом... Правда, там какой-то придурок с ружьем, но эта проблема решаемая. Пока я размышлял об этом мы дошли до станции. Название было написано правильно, правда, само здание сильно отличалось. Это явно не деревянная постройка, но и на камень тоже не очень походит. Похоже, новые материалы изобрели. Ну как же! Полвека прошло. А вот на самой станции я просто замер столбом. Нет, киоски меня не сильно удивили, поражало обилие вывесок на английском языке.

– Слушай, Ань! – дернул я за рукав свою спутницу. – Нас что, американцы захватили?

– Чего?! – вытаращилась она на меня.

– Ну, а как же, тут всяких вывесок, надписей и указателей на английском больше чем на русском, – продолжил я.

– Не обращай внимания, это все наши русские продавцы изгаляются. Им же надо свой товар продать... Постой около меня, я сейчас билеты куплю на электричку до Боровска. Странно, что наших нет, значит, Вадик нашелся, а меня, наверное, объявили в розыск...

Мы подошли к какому-то ящику и Анька начала нажимать на кнопки, а на экране вверху ящика замелькали цифры, какие-то названия... Потом она достала картонный пря-

моугольник, вставила в щель в этом ящике. Прямоугольник исчез, потом ящик загудел и прямоугольник вернулся, а затем из другой щели вылезли чеки, как из кассового аппарата. «Билеты, – догадался я.» Только зачем картонный прямоугольник, понять не мог, и когда она успела деньги засунуть в этот ящик, я тоже не углядел. Впрочем, не удивительно, вокруг меня было столько чудес, что голова вертелась как пропеллер.

– Сейчас я домой позвоню, – продолжила Анька (я уже мысленно начал так ее называть), – а потом, наверное, в полицию придется зайти, сказать, что я нашлась...

Я промолчал, хотя слово: «полиция» меня насторожило. Домой позвонить, конечно, надо. Звонком домой меня не удивишь. Телефоны и сто лет назад работали, а уж в мое время были даже у некоторых моих одноклассников в квартирах. Теперь, небось, у многих установлены. Но, когда Анька достала из кармана маленькую черную коробочку, размером с ладонь и на ней вдруг появился цветной экран, я окончательно лишился дара речи. Нет, я понимал, что нахожусь в будущем и удивляться глупо, просто связь развилась так, как нам и не снилось. Однако, одно дело читать об этом в фантастике и домысливать самому, и видеть все воочию. Надо сказать это две большие разницы. Анька, тем временем возила пальцем по экрану, нажимала на невидимые кнопки, а потом приложила эту коробку к уху и начала разговаривать.

Разговор с матерью был обычный, какой и должен быть,

после двухдневного отсутствия семнадцатилетней дочки ни в неизвестно где. В итоге она получила категорический приказ сидеть на станции и никуда не дергаться, через полчаса приедет отец на машине и доставит домой свое неразумное чадо. В полицию он сообщит сам, когда воочию убедится, что чадо нашлось. Я совершенно спокойно прослушал весь диалог дочери с матерью и постепенно отошел от стресса. Да, мир меняется, но люди остаются теми же.

– Ну, вот теперь, Анюта, я уже с чистой совестью могу покинуть тебя и убраться восвояси, пока с ума не спятил, – сказал я.

– Нет! – с прежним ужасом в голосе, завопила Анька и вцепилась мне в рукав.

Пожилая женщина, стоявшая рядом, уставились на нас, явно, заподозрив недоброе.

– Да, тихо ты! На нас люди смотрят, не хватало еще к милиционерам загреметь, – прошипел я.

– Нет тут милиционеров, они давно полицейскими стали.

– Хрен редьки не слаще.

– Сейчас папа приедет, и поедem к нам. Если я расскажу, где была, мне никто не поверит.

– А мне поверят? – хмыкнул я.

– В твоem рюкзаке и в карманах доказательств достаточно...

– О-о! Ну, уж нет! Я не собираюсь легализоваться в вашем мире, мне и в своем неплохо.

– Ладно, придумаем что-нибудь, я тебя не отпущу, пока у нас не погостишь. А я тоже должна убедиться окончательно, что попала домой, а не черте куда.

Мы вышли из здания станции на улицу. Солнце, как ему и положено клонилось к западу. Зимняя дорога, которая вела к Боровску, была чистая, аж до асфальта. Я такого чуда раньше не видел, да и такого количества машин, тоже. Разглядывая окрестности я старался придать себе беззаботный вид, вроде как ничего особенного вокруг, ничего интересного, «видали мы зверей почище львей и то...». Анька стояла рядом, держа меня за рукав штормовки, за руку взять не решалась. То ли опасалась, что я вдруг сбегу, хотя чего ей опасаться в своем мире. Это я должен дрожать, как осиновый лист или, хотя бы, выглядеть смущенным. Но ничего подобного во мне не наблюдалось, некоторую напряженность чувствовал, оттого что не знал, что наврать Анькиному отцу, который наверняка заподозрит меня в некоторых намерениях относительно его дочери... Тут я посмотрел на девушку более внимательно, раньше-то, сами понимаете, не до того было... А она ничего! В смысле, очень даже привлекательна, в этой импортной курточке, брючках и цветном свитере... А сам-то я... Эх, знать бы, мог брюки поновее одеть... А Анька, ей богу хороша! И смотрит на меня, как на именинный пирог.

Подъехала машина, не «москвич» и не «победа», впрочем, определять породу этого транспортного средства я не

пытался. Отец Ани выглядел усталым, но, увидев дочь, откровенно обрадовался. Это был высокий худощавый мужчина. В первые минуты встречи он не обратил на меня внимания, разглядывая дочь со всех сторон, затем, видимо удовлетворившись осмотром, занялся мной.

– Кто такой? – строго спросил он.

– Максим, – представился я, затем добавил, – студент...

– Валерий Петрович, – ответил отец Ани, протягивая руку, и сразу заулыбался.

Напряженность враз исчезла, словно мой социальный статус студента снял все вопросы. Мы с Анькой сели на заднее сиденье и отправились в Боровск. Анюта что-то вдохновенно врила, как она заблудилась, а я, вдруг появился, как благородный рыцарь и спас ее от всех напастей вывел к дому и теперь меня надо принять как гостя. Собственно в ее рассказе присутствовала доля правды и не такая уж маленькая. Ее отец вел машину и, вполуха, слушая болтовню дочери, поинтересовался, откуда я родом и на кого учусь.

– Я из Ельска, – учусь на радиоинженера в тамошнем институте.

Валерий Петрович как-то напряженно замолчал, а Анюта уставилась на меня с удивлением.

– Неужели ваш университет все еще называют институтом? А... Это просто студенческий сленг, – сказала она и незаметно ткнула меня кулаком в бок.

– Конечно, – беззаботно ответил я.

После этого пояснения Валерию Петровичу явно полегчало, впрочем, не только ему. Кажется, даже машина, в которой мы ехали стала урчать по другому. Когда въехали в Боровск, я и не заметил, а когда в окно автомобиля увидел каменные многоэтажки, то никак не мог осознать, что это и есть тот заштатный городишко, где каменных зданий было меньше десятка. День-то уже клонился к вечеру, да и есть страшно хотелось, впрочем, не только есть. Так, что когда поднялись в квартиру Анькиных родителей, я уже на чудеса, творящиеся вокруг, внимания не обращал, а интересовало меня только одно: где в этом супер-пупер цивилизованном мире туалет и как туда пробраться, не уронив своего достоинства.

– Смотри, какого жениха нашла наша дочь! – громогласно объявил Валерий Петрович, когда открылась дверь в квартиру и на пороге возникла приятная женщина в брюках и нарядной блузке. – Не зря два дня пропадала в Басаргинских лесах!

Женщина всплеснула руками и схватила свою дочь и начала целовать ее утомленное, но довольное личико. Слова отца Анюте явно понравились.

– Мария Александровна, – представилась она, подавая мне руку.

– Максим, – ответил я, сделав ответный жест.

Мы вошли в квартиру, разделись. Я забросил в угол свой рюкзак и, отбросив церемонии, обратился к отцу Анны. Раз

уж он обозначил меня женихом, то какие церемонии между будущими родственниками.

– Извините, Валерий Петрович, где я могу умыться и привести себя в порядок?

Нужное мне место я нашел сразу и без церемоний освободил мочевого пузыря, проблемы начались сразу, поскольку смывного бачка над унитазом не оказалось и соответственно шнура с гирькой тоже... Тут я понял, что смывной бачок прилеплен прямо к унитазу, надо только привести его в действие. А как? Не было ни рычага, ни педали, был только фарфоровый бачок с наглухо закрытой крышкой, и поднять ее не удалось. Ну, дела!!! Хоть Аньку на помощь не зови. Но тут обнаружилась круглая блямба на крышке бачка, и она поворачивалась. Похоже это гайка и если ее покрутить, то крышку бачка можно будет снять, а дальше уж я как-нибудь справлюсь с этим аппаратом, воду-то смогу выпустить и крышку на место поставлю. Но тут на мое счастье, я чисто случайно надавил на эту блямбу пальцем, и бачок сработал, так как ему и положено.

Вышел я из туалета весь красный, матеря про себя Аньку и все ее семейство, и сразу нырнул в ванную комнату. Тут тоже не обошлось без сюрпризов. Кран над раковиной, конечно, был, ведь должна же вода откуда-то течь, а вот вентиляей не было, вместо них был какой-то рычаг. Ну что за идиоты живут в двадцать первом веке, чем им вентиля-то не угодили! Впрочем, с рычагом я быстро разобрался. Даже порадо-

вался что можно отрегулировать теплую воду и горячую сделать... В моем времени горячая вода уже была в некоторых домах. До рабочего класса она еще не дошла, но для больших людей уже была...

Пока я осваивал сантехнику будущего, Анькины родители о чем-то совещались. Понятно о чем. Обсуждали жениха: меня, то есть, нежданно свалившегося им на голову. Однако стол к ужину был уже собран. Я, для начала извинился за эту заминку в туалете и ванной, а потом замолк, поскольку не знал что говорить, а главное, не представлял, что меня ждет за столом.

Но за столом, прежде всего, меня ждала Анна, которая организовала мне эти приключения, и теперь я с полным основанием надеялся на ее помощь. Она-то ведь знала, откуда я взялся... За ужином, к счастью, проблем не возникло. Обычный был ужин, ну может быть чуть пошикарнее, чем дома, но ведь гостей принимали, хоть и нежданного и незваного. Ладно, я тут не при чем, все их дочь придумала. Короче, и пища была обычная и инструмент за столом вполне привычный, только разговоры...

Невозможно ведь жениху, – ну пусть кандидату в женихи, – ужинать в гостях у родителей невесты и молчать, как партизану на допросе. Вот то-то. А как отвечать на вопрос Валерия Петровича: «Что вы думаете, Максим о нашем президенте? Как вы находите его политику?» Мать моя женщина! Какой президент!? А о политике-то что говорить? Да

здравствует ЦК КПСС и его верный ленинец Леонид Ильич! Ну тут я как-то выкрутился: пробурчал, что все нормально, вроде все не плохо, хотя могло быть и лучше... А политика дело такое, что как ее не поверни, ничего путного не получается. Тут-то Валерий Петрович переключился на тему о современной молодежи, которой кроме соцсетей да компьютерных игрищ вообще ничего не интересно. Хоть я и услышал от него много непонятных слов, возможно даже ругательных, но был ему даже благодарен, поскольку ответа его пламенная речь не требовала. С моей стороны вполне было достаточно пожимания плечами, вздохов и согласного кивания головой. Его монолог я даже не пытался понять. Зато Анька понимала всю ситуацию и с трудом сдерживала хохот.

Обстановку разрядил телефонный звонок. Это я потом понял, что звонил Анькин телефон, а сначала ошалел от какой-то громкой музыки. Какие мощные динамики в таком небольшом аппарате, восхитился я, а увидев цветной дисплей, чуть не выпал в осадок. Тем временем моя подруга, – как-то неловко, даже в шутку, называть ее невестой, – вела разговор с кем-то из одноклассников. Очевидно, с одним из участников ее злополучного похода. Он, а вернее она, пыталась выяснить подробности ее исчезновения и чудесного возвращения. А когда Анька проворковала что-то о молодом человеке, который ее спас и сейчас находится у нее дома и беседует с родителями, то разговор принял несколько другой оборот...

– Да, он такой красавчик... Ему двадцать лет... Студент, учится в Ельском универе... Специальность? Что-то связанное с радиоэлектроникой, я еще толком не разобралась... Конечно у нас заночует, куда ему ехать на ночь глядя... Ну, не знаю... Ну, хорошо...

Анюта отложила свой аппарат и объявила своим родителям, не глядя на меня.

– Мы с Максимом выйдем прогуляться. Надо встретиться с нашими, а то они лопнут от любопытства.

Отец усмехнулся, а мать шепнула дочери:

– Не терпится похвалиться своим приобретением?

Я сделал вид, что не услышал последнюю реплику. Мне и самому не терпелось прогуляться по Боровску, который ничем не напоминал тот Боровск, в котором я бывал не раз. Анюта выглядела в своей зимней куртке великолепно, словно киноактриса из импортного фильма, зато моя выдавшая виды штормовка выглядела дерюгой. Однако, мою подругу это совершенно не смущало, она тотчас взяла меня под руку, и мы двинулись навстречу приключениям в знакомом городе.

Я старался не вертеть головой, и поддерживать разговор, но это было невероятно трудно, поскольку цветная реклама была повсюду в разных видах. Правда рекламировали то, не знаю что... Ну, это только я ничего не понимал, остальному-то народу наверняка все было ясно. Однако, скоро и я перестал обращать внимание на рекламу, увидев цену, на ре-

кламируемые зимние ботинки. Это какой же идиот станет их покупать за 2999 рублей? На остальные товары цены были не лучше. Наш диалог с Анютой никак не клеился. У меня снова появилась мысль распрощаться с ней, да вот только вот мой рюкзак остался у нее дома.

С одноклассниками Ани, Вадимом и Ритой, мы встретились в кафе, и, как я понял, нас уже ждали. Я, разумеется, только мельком взглянул на Вадима, и основное внимание уделил его спутнице, яркой голубоглазой блондинке, невысокой, но вполне развитой девушке. Аньке это, конечно, не понравилось, и разговор за нашим столиком стал, каким-то напряженным. А если учесть, что я постоянно вертел башкой, пялясь на огромные цветные экраны, с которых постоянно звучала музыка и ситуация стала усугубляться. Вадим снисходительно, почти насмешливо поглядывал на меня, а я в своей заношенной до дыр штормовке, вдруг почувствовал себя оборванцем. Короче, Анька злилась на меня, за то, что я пялился на ее одноклассницу, и пыталась уязвить ее, Вадима явно раздражало, что я увел одну его девушку и уже покушаюсь на вторую, и он старался выставить меня дураком, что ему вполне удавалось, поскольку многого в его словах я действительно не понимал. Сами должны понять мое состояние. Меня просто злила вся эта ситуация, а больше всего то, что я не управлял ей. Приходилось быть марионеткой и ведь не сбежишь... Из всей нашей компании, казалось, только Рита была всем довольна, всем улыбалась, смехом и безобидными

репликами сглаживала обстановку.

– Классная у тебя курточка, – продолжал куражиться Вадим.

– Ну, извините, смокинг в Ельске остался, я тут в некотором роде, оказался неожиданно, – раздраженно отвечал я.

– Подходящая одежда для супермена, не так ли Аня, – ответил Вадим, покровительственно глядя на нее.

Аньку разозлила его фамильярность.

– Чем глазеть на чужих мужиков, лучше бы даме своей внимание уделил, – ответила она.

Рита рассмеялась.

– Да, что вы собачитесь, – вдруг сказала она. – Ведь все хорошо. Все хорошо закончилось. У Аняты появился завидный кавалер, да и у меня тоже...

Она улыбалась во весь рот, а Вадим несколько растерялся и потерял свой пыл...

– Я думаю, нам пора! – вдруг сказала Анна. – У нас был трудный день, и, вообще, мы устали за последние два дня. Так что до встречи.

– Вас рассчитать? – спросила подошедшая официантка, обращаясь ко мне.

Я побледнел. Рассчитываться-то было нечем, и я беспомощно уставился на Анну.

– Кажется, не только смокинг остался в Ельске, – ухмыльнулся Вадим, понимающе глядя на меня, – но могу выручить, сударь.

Тем временем Анна, вручила официантке свою картонную карточку, – позже я узнал, что это пластик, – и та удалилась. Через некоторое время она карточку вернула вместе с чеком. А Вадим совершенно серьезно сказал мне:

– Максим, я понимаю вашу ситуацию и действительно могу выручить. Я вижу на вашей руке раритетные часы «Победа», предлагаю за них тысячу...

Предложение меня ошарашило. Эти часы достались мне от дядьки еще в школе, и уже давно просились на свалку... Я моментально расстегнул ремешок и без разговоров протянул часы Вадиму. Тот с совершенно серьезным видом взял их и вынул из бумажника купюру совершенно мною невиданную. Однако на ней словами и цифрами была обозначена именно та сумма, которую он мне и предложил. Анька, увидев это, зло фыркнула, а Рита недоуменно пожала плечами. Вадим же, вдруг, вместо сарказма, начал проявлять дружелюбие. Я засунул тысячную купюру в свой бумажник и почувствовал себя богачом. Однако, вспомнив рекламу ботинок, понял, что моего богатства хватит только на один бот, без шнурков, но Анюту надо было чем-то порадовать. Ведь в данной ситуации, она моя дама, а я кавалер, как ни крути.

– Анюта, – сказал я, когда мы вышли из кафе и отправились к ее дому, – я так внезапно разбогател, что никак не могу придумать, чем бы тебя порадовать. Скажи сама, чего бы ты хотела?

– Я бы хотела, чтоб ты никуда не уходил, но понимаю что

это невозможно... А у тебя там, в твоём мире есть девушка?

– Да вроде бы нет пока, – неуверенно промямлил я. – Видишь ли, учеба много времени занимает, да еще скалолазанием увлекся.

Почему-то я считал, что в моем возрасте не иметь девушки, это серьезный недостаток и продолжал оправдываться перед Анькой. Но вскоре понял, что ее этот факт сильно порадовал, и она его к недостаткам не относит.

– А я бы хотела уйти с тобой в твой мир, только не представляю, как это сделать, чтоб не отразилось на учебе и родители панику не подняли... Ведь аттестат надо получить, а главное мне страшно снова лезть в эту пещеру... А ты можешь прийти сюда навсегда?

– Боюсь, что нет. Ну, сама подумай, что я тут буду делать? С моими знаниями тут я смогу только дворником, метлой махать... Хочешь замуж за дворника? ... То-то же.

– Ну, ты хотя бы снова появишься здесь?

– Это другое дело... Я уже думаю об этом. Надо наладить какой-нибудь товарообмен и в качестве контрабандиста наверняка здесь появлюсь.

– Я тоже подумаю об этом, а как мы будем держать связь? У тебя же нет сотового телефона... Я тебе подарю, у меня их два! Надо только симку купить.

– Ты, главное, научи меня пользоваться этими чудесами техники, а то у меня уже были недоразумения... А мне-то что тебе подарить?

– Подари мне свой рюкзак.

– Забирай, только зачем тебе этот хлам?

– Надо...

– Вадику продашь, как раритет?

– Вот еще! Возьму себе на память. А как раритет он ни-

чего не стоит...

Я все больше привыкал к чудесам этого мира, но суть некоторых слов я не знал, и поэтому они не звучали для меня. Надо симку купить? Да ради бога, если надо давай купим... Тут снова заиграла музыка в Анькином телефоне... Звонила ее мать. Слышно было хорошо.

– Теща? – изображая любопытство, спросил я.

Анька сначала недоуменно посмотрела на меня, потом прыснула, не удержавшись. Мария Александровна, тоже услышала мою реплику и, судя по смешку, юмор оценила. Но в итоге она попросила дочь зайти в магазин и купить кое-какие продукты. Само собой в магазин мы вошли вместе, а дальше я опять выпал в осадок, в переносном смысле. Мой обалдевший вид Анюту достал.

– Перестань тарачиться на продукты! Иди за мной и делай только то, что я скажу! Неужели в твоём мире этого не было...

– Если бы ты только знала... Значит коммунизм все-таки построили. Полное изобилие всего и деньги платить не обязательно, достаточно картонкой помахать перед кассиром. Только цифры непонятные перед продуктами.

– Чего тут непонятного, это цены. И деньги со счета снимаются, когда я карточкой провожу по терминалу, и чек выходит. Коммунизм перестали строить еще до моего рождения, сейчас у нас капитализм, со всеми его радостями и бедами.

– Только я пока бед не углядел, зато радости полны карманы.

– А ты потом посмотри внимательнее: почти все промышленные товары – импортные. В стране безработица, медицина платная, за редким исключением, учеба в вузах тоже в основном платная, бюджетных мест немного... А цифры перед продуктами, это цены. Инфляция прошла, и прежний рубль превратился в копейку, а то и меньше... Зарплаты, конечно, тоже выросли, и все же не все продукты доступны простому гражданину...

Я последовал ее совету, сделал лицо попроще и перестал тарашиться на продукты, хотя тысяча в кармане чесалась и просилась наружу, особенно, когда встретились вино-водочные ряды... Но что подумает обо мне подруга? А Мария Александровна вообще сочтет алкоголиком... Нет уж! В другой раз. Да и тысячи тут маловато... Даже бутылка пива семьдесят с гаком... Водка за триста перевалила, а коньяк вообще... Тут Анька ткнула меня кулаком под ребра и я побрел вслед за ней к кассам.

На улице она вручила мне увесистый мешок из неизвестного полупрозрачного материала. Мешок был интересен

тем, что напоминал клеенку, но был украшен картинкой и надписью на английском, которую я не смог прочитать и перевести. Впрочем, я изучал немецкий, и меня не особенно интересовал перевод. Анна держала меня под руку, и мы важно шествовали к ее дому. Пожалуй, хватит мне на первый раз впечатлений от этого мира, пора убираться, пока меня не рассекретили и не сдали компетентным органам. Пожалуй, не стоит ждать завтрашнего утра, лучше на вокзале переночую. Не впервой.

– Даже не думай! – сказала вдруг она, угадав мои мысли. – Сегодня переночуешь у нас, а завтра утром я сама провожу тебя на электричку...

В общем-то, все получилось неплохо... Весь вечер, почти до полуночи, Анна объясняла мне устройство и назначение своего смартфона, который подарила мне. Я из ее объяснений мало, что понял, но ведь в моем мире все было устроено гораздо проще, и этот навороченный аппарат превращался просто в кинокамеру и кинопроектор. Правда, он еще мог служить и магнитофоном с огромным запасом памяти. Реальных возможностей хранилища фотографий, видеофрагментов и звукозаписей я пока не представлял. А утром, перед тем как отправиться на вокзал, родители Анны сделали мне подарок. Подарили часики... Даже затрудняюсь их описать. Черный такой пластиковый браслет, но если его коснуться рукой, то появляются цифры, которые являются временем, то есть часы и минуты. Через пару секунд экран гас-

нет и снова на руке только черный браслет. Но все не так просто, эти часы измеряют пульс, сатурацию, – черт знает, что это такое, – пройденный путь (шаги и километры) и еще что-то, во что я даже не стал вникать. Естественно, что я получил и зарядные устройства, и меня научили заряжать и смартфон и часы.

Пока я ехал в электричке на станцию «Басаргина» эти заумные прибабасы лежали у меня в небольшом школьном рюкзаке, который я получил взамен своего старого брезентового друга. От Анькиного смартфона я был в восторге, а часики посчитал девчачьей лялькой и носить не собирался. Подарю кому-нибудь... На моей руке это будет смотреться, как серьги в ушах у мужика. Кроме того в моем бумажнике была тысяча рублей, которая снимала множество проблем при возвращении в этот мир.

Осталось вроде бы несложная операция: переход в свой мир, где, возможно, меня потеряли родственники. А еще в пещере бегают, какой-то придурок с ружьем. Надо соблюдать осторожность, – думал я шагая от станции «Басаргина» к знакомой скале.

3

Скалу я нашел быстро, там, в снегу, даже следы еще виднелись. Лаз пришлось расширять, заледенело все, видно теплый воздух изнутри выходит. Полчаса поколотил ледорубом,

и можно стало ползти, рюкзачок-то теперь маленький был. После яркого зимнего дня и вдруг оказаться в полной темноте, это нечто... Глаза привыкали долго, фонарик не хотел включать, но вот темнота стала не такой густой и тишину ничего не нарушало. Я начал осторожно спускаться по пологому склону. Свет, идущий от лаза, постепенно тускнел и отдалялся и вскоре я нырнул под свод туннеля. Тут уже можно было включить фонарик. Слава богу, в туннеле никого не было, и я довольно быстро двинулся в путь, однако, фонарик прикрыл тряпкой, чтоб не слишком далеко светил, а перед выходом из туннеля вообще выключил и двигался осторожно, почти на ощупь.

Выйдя из туннеля, я услышал голоса, пришлось вернуться в арочный свод и замереть. Разговаривали два мужика, причем в сильном подпитии. Суть их беседы сводилась к тому, что их работа по охране этого объекта очень трудная и важная, а платят за нее очень мало, потому что их начальник пассивный гомосексуалист... Ну, понятно, это вольный перевод с матерного языка на русский, поскольку дословно их беседу привести нельзя. Я же старался определить их местонахождение, и это мне удалось, когда один из них закурил. Они находились наверху, как раз рядом с тем лазом, который вел в изнаночный мир. А мне надо было подняться из провала по веревке по довольно крутой стенке. Высота метра четыре, немного, и задача нетрудная, если бы не эти два... Ну как их еще назвать!

На подъеме они меня и без ружья уделают. А если брякнуться с четырехметровой высоты на камни, то уже и не встать... Задача... Я сидел и слушал их беседу, а что еще оставалось делать? Вскоре понял, что у них тоже проблема. Пиво кончилось, а душа требовала продолжения банкета. Далее начались препирательства кому бежать за добавкой. Наконец, один из них крякнув, начал протискиваться в щель, которая вела в изнаночный мир. Ну и дела! Интересно бы понаблюдать, за этим голубчиком... Протянет денежку, а его под белы руки и в ментовку, а там... Не завидую я дяденькам милиционерам.

Впрочем, мне тоже пора. Под шумок я уже взялся за веревку и начал осторожно подниматься. Свет становился ярче, отверстие для выхода было как раз над головой. Оставшийся охранник стоял ко мне спиной и облегал свой мочевого пузырь прямо в провал, где я недавно находился. Я рывком выбрался на ровную поверхность, как раз когда этот мужик повернулся ко мне.

– Ты чего!... – недоуменно промычал он. – Ты, ваще, кто?

Вдруг он что-то вытащил из за пояса и бросился на меня. Я пригнулся и в ответ ударил его головой в живот. Удар был не сильный, но он неловко взмахнул руками и с диким воплем полетел в провал, а под ноги мне упала железяка. Машинально подняв ее, я узнал пистолет Макарова и сунул его в карман. Ну не оставлять же этим раздолбаям.

После этого мне ничего не оставалось, кроме как самому

вылезти в изнаночный мир. Собственно я так и планировал сделать. Выбравшись, я обнаружил множество следов вокруг и начал обходить скалу, чтоб выйти к тому месту, где мы с Никитой вошли в этот мир. Пришлось подниматься на скалу, затем двигаться по карнизу с великой осторожностью. Наконец, показалась щель, обледеневшая настолько, что мне явно не удастся пролезть. Снова пришлось поработать ледорубом...

Далее началось все сначала. Глаза долго привыкали к темноте, затем я прислушивался, спрятавшись за выступом. Наконец с облегчением убедился, что здесь-то я один. Отдышавшись и успокоившись, я уже не спеша стал пробираться к выходу в свой мир. Я бы даже сказал к лучшему из миров, и при этом, ничуть не покривив душой. Лучший из миров это тот, в котором ты родился. Кто это может оспорить? Такие мысли бродили в моей голове, когда я двигался по карнизу, держась за страховочный трос, а потом шел по проходу, беззаботно подсвечивая фонариком дорогу.

Щель выхода в мой мир льдом не заросла, к великому моему удивлению. Мне даже показалось, что ее совсем недавно очистили ото льда и, что еще более странно, я узнал следы собственных трудов по очистке прохода ото льда. А ведь прошло двое суток. Впрочем, главный сюрприз был впереди. Едва я вылез из щели и взглянул вниз со скалы, как увидел Никиту. Он вид имел довольно замученный, словно пробежал стометровку со своим рюкзаком на спине.

– Никита! – заорал я.

Тот обернулся и вытаращился на меня с видом крайнего изумления. Через полчаса он уже обнимал меня так, словно год не виделся.

– А где Анна? – с тревогой спросил он.

– Дома, наверное, – удивленно ответил я.

– Ты что, бросил ее в пещере с этим придурком?

– Ты о чем, вообще?! Я проводил ее до дома и даже переночевал в квартире ее родителей...

Короче, нет смысла пересказывать наш диалог с Никитой, поскольку был парадокс со временем при переходе из одного мира в другой. Мы с Никитой в этом скоро разобрались, правда, коэффициент замедления-ускорения определить не удалось, да и вообще с теоретическим обоснованием этой чертовщины ничего не выходило. Правда, не очень-то мы и старались.

Пока мы возвращались на станцию «Басаргина», я рассказывал Никите о своих впечатлениях, об Анькином мире, но почему-то не стал хвастаться подарками. Хотелось самому сначала с ними разобраться. Никита, конечно, заметил, что я без рюкзака. Тот школьный рюкзачок, до кучи подаренный Анютой, он сразу высмеял. Я даже обижаться не стал, но уже в электричке, когда ехали в Ельск, показал ему подаренные часики браслет. Никита сразу онемел, а потом мы с ним всю дорогу ими забавлялись. Научились мерить пульс, сатурацию, хотя и не знали, что это такое, измеряли прой-

денный путь по шагам и метрами, пытаюсь удостовериться в правильности результатов. В итоге пришли к выводу, что если и есть погрешность, то невелика.

– А ведь браслетик-то женский, – неожиданно сказал Никита. – Подаришь своей Мальвине?

Я задумался... Да, было о чем подумать. Еще пару месяцев назад, на вопрос: есть ли у тебя девушка, я без колебания мог ответить: да, есть. А сегодня я бы сказал: «а черт его знает!» С Мальвиной, которую, вообще-то звали Ирина, но чья-то влюбленная душа прилепила ей кукольную кличку, так вот с Мальвиной, студенткой из параллельной группы я встречался на протяжении почти целого семестра. Я был в восторге и эйфории, ну еще бы, самая красивая девушка на курсе. Роскошные светлые волосы, бездонные голубые глаза, фигура, как у Мерлин Монро... А главное, мои чувства были взаимны и хотя наши свидания были полны страсти, но ничего выходящего за рамки приличия мы себе не позволяли. Рамки-то, конечно, она сама установила. Однако, дальше, по мере того, как моя страсть все возрастала, ее начала убывать. Свидания становились короче, затем стали реже. Ее отказы от свидания становились все равнодушнее, а в последнее время она просто отмахивалась от меня, как от назойливой мухи. А я страдал, правда, не плакал и не играл на мандолине, как кукольный персонаж, но переживания были.

Когда Витек, мой давний друг, мимоходом сообщил мне, что у моей Мальвины появилось другое Пьеро, я не удивил-

ся. Он специально выразился в среднем роде о моем сопернике, да и обо мне тоже, чтоб вызвать неприязнь к Мальвине... Короче, нет у меня никакой девушки на данный момент, но не стал я это говорить Никите. Иначе, он найдет применение браслету...

– Там видно будет! – ответил я. – От такого подарка, в нашем мире и коронованная особа не откажется.

– Конечно, не откажется, – поддержал мою мысль Никита. – С чего бы ей отказываться. Правда, коронованных особ вокруг не наблюдается...

С Никитой мы распрощались возле его дома и договорились, что летом непременно навестим другие миры, но надо подготовиться получше. У нас обоих засела мысль наладить контрабандный обмен с миром будущего, изнаночный мир нас вообще не интересовал. Ничего, кроме неприятностей там не приобретешь.

Тем временем начались занятия в институте... Третий семестр проходил в занятиях. Предметов стало больше, заданий тоже добавилось. Студенчество.., кто учился в те времена, тот знает, что кроме бесконечных занятий были еще и вечера и вечеринки с вином и подругами. Нежданно, негаданно, но я получил приглашение на день рождения Мальвины. Сама нашла меня и пригласила, я не напрашивался. Правда, приглашенных было десятка два, в основном друзья подруги из ее группы, но были и со стороны. Ее теперешний

Пьеро открыто не просматривался. Может и ошибся Витек, думал я, надеясь на чудо. А ведь чудо-то было можно сказать у меня в кармане. После такого подарка интерес к моей особе возрастет и еще как! Этот браслет на руке Мальвины произведет фурор, тут к гадалке не ходи.

Таким образом, вопрос с подарком у меня не стоял, и два дня перед именинным банкетом я ходил королем с таинственным видом. Витек криво усмехался, явно не одобряя того, что я принял приглашение.

– Смотри Макс, – сказал он. – Женщины любят сильных и независимых мужчин. А ты ведешь себя как теленок: поманили и пошел. Поверь мне, ничего хорошего тебя там не ждет...

Я не поверил, а зря... На этих именинах, вместо триумфа, получилось фиаско. Оба слова иностранные, а значения прямо противоположные. Короче, первым подошел к Мальвине рослый блондин, которого я раньше нигде не встречал, и вручил ей золотые часики. В наше время, вещь роскошная, и дарят ее обычно взрослым женщинам. Мальвина пискнула от удовольствия и повисла на шее у блондина. Я сразу понял, кто теперь новое Пьеро, а кто старое. Мой подарок застрял в моем кармане, а мое настроение... В общем, и так понятно, что со мной происходило. Дальнейшее вручение подарков проходило, как в тумане... Я, вручил браслет, ну куда деваться, объяснить, что это такое не успел. В этом гвалте и суете... Мальвина перехватила инициативу.

– О! Эбонитовый браслетик! Это модно. Помогает от нечистой силы...

После этих слов, она сунула браслетик в кучу других подарков и ее сестра Ольга унесла их в другую комнату. Ольга была на два года моложе Мальвины и явно приглядывала себе кавалера на дне рождения сестры.

Началось застолье, Мальвина, в качестве хозяйки, занималась столом и гостями. Родители ее: отец, полковник госбезопасности, и мать врач невропатолог, ушли на время праздника, а квартира была столь велика, что затеряться в ней несчастному Пьеро, – это я о себе, – не составляло труда. А счастливый Пьеро усердно помогал хозяйке потчевать гостей. Я, конечно, тоже выкушал горячего и горячительного, но душевного облегчения не почувствовал, а когда Мальвина, проходя мимо, одарила меня счастливой улыбкой, готов был провалиться сквозь землю. Провалиться, это аллегория, а вот уйти по-английски, еще до начала танцулек, это реальность. Как же можно спокойно наблюдать за этой парой? И вообще этот день варенья очень напоминал свадьбу. Слава богу, что никто не орал: «горько!» Хотя именно это чувство я и испытывал.

Дальнейшая судьба моего подарка не волновала меня ни сколько. Прележит этот браслетик где-нибудь в ненужной бижутерии недели две, за это время аккумулятор разрядится, и он благополучно сгинет в небытие в мусорном ведре и никто никогда не узнает об этом чуде двадцать первого века.

Впрочем, в том-то веке, это никакое не чудо...

Тем временем в одной из комнат начались танцульки, не пришлось для этого сдвигать столы и стулья, ведь полковник госбезопасности человек не простой и семья его, из четырех человек, «ютилась» в пятикомнатной квартире. Вот, я уже начал язвить... А ведь еще недавно считал все семейство милейшими людьми. Впрочем, в моем восприятии они таковыми и остались... Просто я, вдруг оказался на обочине. А кого винить? Ведь сердцу не прикажешь... Или прикажешь? Просто, я в это общество, как то не вписываюсь. Вот ведь какая белиберда крутиться в голове... Так! Кажется, в прихожей никого нет, а моя куртка лежит под этой кучей одежды... Ботинки, как им и положено стоят в сторонке...

Вдруг меня кто-то схватил за руку и потащил в другую комнату... Ольга, сестра Мальвины, приложив палец к губам, куда-то вела меня. И, как скоро выяснилось, в свою комнату, где в этот момент никого не было. Я никаких чувств к сестре Мальвины не испытывал, хотя она очень на нее походила, а ростом была даже повыше. В этом году она заканчивала школу и собиралась поступать в медицинский, продолжать династию врачей по женской линии, так сказать... Однако, суть не в этом. На Ольгиной руке красовался браслетик, подаренный мною Мальвине.

– Максик! – плаксивым детским голосом начала она. – Я у сестрицы выпросила эту штуку! Ну пусть она будет моя! Ты ведь не против, да? Ей Артур уже подарил часы, зачем ей

вторые... Ну скажи, что ты не против!

– Да, мне-то какое дело, – пожал плечами я. – Она вольна распоряжаться своими подарками, по своему разумению...

Некоторые функции часиков она уже знала, кроме времени, она поняла, что можно измерять количество пройденных шагов, пульс и сатурацию. В отличие от нас с Никитой, она знала, что это такое и это особенно восхищало ее. Мне не пришлось почти ничего объяснять по сути функционала, только вручил ей упаковочную коробульку и зарядное устройство. Однако, именно тут-то и возникли затруднения. Я ей почти час втолковывал, зачем нужна подзарядка, как подключать их к зарядному устройству, и где виден процент заряда. Она внимательно прочитала инструкцию, ничего в ней не поняла, что неудивительно, поскольку и мы с Никитой не все там поняли.

– О! Максик! Да ты, кажется, быстро утешился! Вешаешь лапшу сестренке? – услышал я насмешливый голос Мальвины.

Часики в руках Ольги мгновенно исчезли, будто их и не было, а сама она с хитрой улыбкой положила голову мне на плечо. Меня же слова Мальвины почему-то сильно разозлили, и вся моя любовь к ней начала таять, как снег по весне. Я уже собирался сказать ей что-то нелестное, но сознавая, что я в гостях, а она именинница, передумал.

– Мальвиночка, – начал я врать, – моя любовь к тебе вечна и негасима, именно это я сейчас объяснял твоей сестрен-

ке. А поскольку торжественная часть банкета уже закончена, и твой кавалер не даст тебе скучать, я собираюсь тихо удалиться, чтоб никому не испортить настроения своим страдальческим видом...

– О! – воскликнула она. – Сколько пафоса и вранья! Сестренка, ты ему не верь. Сейчас Максик должен иметь вид безутешного страдальца, а он уже к тебе подкатил. А тебе Макс должно быть стыдно. Идем за мной, у нас кавалеров не хватает для взрослых девочек, а школьницам еще рано крутить амуры...

Она взяла меня за руку и утащила в танцевальную залу. Но я понял, что Ольга успела спрятать свое нечаянное приобретение, и не собирается открывать сестре его тайну, по крайней мере, сейчас. Она с загадочным видом проследовала за нами и остановилась у стенки. Потому что на десять девчонок... так поется в песне, и так было на этой именинной вечеринке. Танцульки были в самом разгаре и кавалеров действительно не хватало. Я пригласил, стоявшую поблизости девушку, но через пару минут музыка кончилась. А nasledующий танец меня бесцеремонно вывела Ольга, несмотря на сердитый взгляд сестры.

– Я Ирине ничего не скажу и не покажу, – тихо шептала она мне в ухо.

– Я так и понял, – ответил я. – Одурачила сестру.

– Ну, сам подумай! Как она будет носить двою часов? К тому же Артурчик обидится. Знаешь, какой он ревнивый!

Зато мои подружки лопнут от зависти...

– Не лопнут, а всем разболтают и сразу кончится твоя тайна.

– Ну и пусть. Все равно теперь Иринка их обратно не отберет...

Танцульки продолжались еще некоторое время, и Мальвина уже с тревогой поглядывала на свою сестру, которая ходила с блаженным видом. Мне все это уже наскучило и я потихоньку, не прощаясь, как настоящий англичанин, отправился домой. «Больше к Мальвине ни ногой», – думал я, шагая по заснеженной улице, с удовольствием вдыхая холодный воздух. – Пусть дальше с Артурчиком... Пьеро очередное, для нашей красавицы... Я себе в изнаночном мире найду красотку... Кстати, меня в мире будущего Анька ждет... К тому же у меня есть смартфон. Можно столько фотографий наделать! А сколько музыки можно записать. Уж его-то я дарить никому не собираюсь...»

Прошел месяц, потом другой, наступил апрель, а я продолжал страдать по Мальвине, которая со своим Артурчиком совсем обо мне забыла. Об Аньке из мира будущего, я даже не вспоминал. Зато Никита достал меня со своим желанием навестить иные миры. Собственно изнаночный мир его не интересовал, а вот в мир будущего он готов был бежать в любое время. Правда, в отпуск за свой счет на пару недель он мог выбраться только в начале августа. А теперь он ломал

голову, как наладить контрабанду между мирами. Что отсюда везти понятно без всяких раздумий. Оттуда можно вести все, что под руку попадет. А вот туда что?.. Ни мне, ни ему ничего в голову не приходило. Наконец, порешили на том, что надо в мире будущего навестить антикварные магазины и узнать на что там есть спрос... Придется еще один пробный заход сделать. Но теперь есть немного тамошних денег, я ведь уже удачно толкнул свои старые часы. Эта тысяча свою роль сыграет. Не хотелось только с Анькой встречаться. Никаких чувств у меня к ней не было, а вот Мальвина... Да уж, помяни черта, а он у ворот.

Девушка, махала мне рукой с противоположной стороны улицы. Я, узнав Мальвину, сразу ринулся на другую сторону. Наши транспортные магистрали были отнюдь не перегружены, и я ничем не рисковал. Даже милиция на такие нарушения смотрела сквозь пальцы. Однако, в этот раз я ошибся, и принял за Мальвину ее сестру Ольгу. Разочарование было велико, но когда, увидев меня, Ольга стала шмыгать носом, я сильно удивился.

– Ты чего это? – спросил я.

– Часики сломались, – еще сильнее зашмыгав носом, ответила она.

– Стоит из-за этого реветь? – пожал плечами я.

– Они ведь дорогие, наверное...

– Да ну, – беззаботно махнул рукой я. – Их китайцы делают и продают по рублю за килограмм...

Ольга прыснула. Я подивился столь быстрой смене настроения.

– Может, сможешь их починить? – почти умоляюще попросила она, передавая мне коробку, где кроме часиков были шнур и зарядное устройство.

– Попробую, – вздохнул я. – Честно говоря, сами часики герметичны и вскрывать их бесполезно, если только зарядное устройство скончалось, то можно попытаться восстановить.

– Позвони, как починишь, – сказала она, чмокнула меня в щеку и убежала.

Я сунул коробку в карман и до вечера забыл о ней до вечера. Уже перед сном вспомнил, достал свой самодельный авометр и вынул из коробки зарядник. Он исправно показал выходное напряжение пять с половиной вольт, что соответствовало норме и говорило о том, что зарядник исправен. Часы, естественно на прикосновение не реагировали. Впрочем причина определилась сразу, разъем переходника был смят и явно потому, что его вставляли наоборот. Если бы это были нашинские разъемы, то никаких проблем бы не было. А тут все было микроскопическое. Нужен тончайший инструмент, чтоб все выправить.

Короче провозился я три вечера, но разъем удалось выправить. Вставился он с трудом и я понял, что если отдать Ольге в таком виде, то его на долго не хватит, поэтому приклеил его к переходнику намертво эпоксидным клеем. Оль-

га была безумно рада и налетела на меня, как тайфун. Я пытался втолковать ей, чтоб при зарядке этой игрушки была осторожнее. Разъемы дергать не надо, просто подключи переходник.

– Может быть, ты будешь так добр и познакомишь меня с этими китайцами, которые продают такие часики, – сказала она перед моим уходом.

– Да я бы не против, только путь туда, где они обитают, труден и опасен, – ответил я.

– Я не боюсь трудностей, возьми меня с собой, когда пойдешь к ним...

– Непременно! – галантно ответил я и помахал ей рукой, отправляясь домой.

Брать ее с собой, я конечно, не собирался. Зачем мне лишняя морока. Я и Никиту-то не взял бы с собой, одному, все же, проще... И ведь, что интересно: путешествия в иные миры по сути-то эпохальные события и как минимум должны регулироваться и управляться государством, а мы с Никитой собрались использовать их в своих, каких-то прохиндейских целях. Решили заняться контрабандой, хотя дураку ясно, что миллионерами мы тут не станем, а загреметь в кутузку, в любом из миров, можем запросто, за ту же контрабанду. Впрочем, скорее всего нам дадут пинка под зад, а ту скалу обнесут колючкой в выставят охрану.

Вот такие мысли бродили в моей голове до самой сессии, потом начались зачеты, экзамены и к середине июня, бла-

гополучно сдав сессию, я готовился к отработке в составе небольшого стройотряда. Задание было – построить коровник в одном из поселков. Под руководством одного профессионального строителя два десятка студентов, в подавляющем большинстве – пацаны, за месяц возводили объект, что называется: под ключ.

До отъезда оставалась неделя, а меня нашел Никита.

– Слушай, Макс, – сказал он после взаимных приветствий, – я тут подумал: чего нам зря время терять. Ты же можешь один смотаться в разведку в мир будущего. Я сейчас никак не могу, мне только в августе удастся на две недели в отпуск отпроситься, да и то, если повезет. А у тебя тропа протоптана. Я имею в виду подругу Анну, да и денежка тамошняя имеется... Навестишь там ломбарды, скупки... Может к барыгам дорогу найдешь... По времени вполне успеваешь. День туда, день обратно. Тамошнее время в зачет не идет, сам знаешь. Ну, ты как?

– Да я уже думал об этом, – ответил я. – Только одному стрёмно, как то... К тому же там наши конкуренты ошиваются и при оружии. Я в прошлый раз еле отбился...

Никите я не говорил, что в результате стычки с этой шпаной, обзавелся «Макаровым». Там, правда, всего четыре патрона оказалось, но даже с неполным магазином я чувствовал себя гораздо увереннее. Одно дело с голыми руками против двух вооруженных противников и совсем другое, когда в кармане «Макаров».

– Ты зря не рискуй, – продолжил Никита, – если увидишь кого, сразу деру. Только, мне кажется, там уже никого нет.

– Тоже на это надеюсь, – ответил я. – Может Аньку на экскурсию привести? Как думаешь? А то я у них гостил, а она у нас нет. Сможешь ее приютить на пару дней, а потом обратно сопроводить? Мне-то в стройотряд надо...

– Ты в уме? Я Маргарите что скажу? Макс мне свою подружку одолжил на пару дней! Она пока у нас поживет, потом я ее домой отведу?

– Да не подружка она мне. Нам с тобой надо из нее тоже контрабандистку сделать. Она будет работать на той стороне, а мы на этой. Если мы, конечно, найдем здесь что-то полезное для тамошней жизни...

– Нет, давай обратную экскурсию до августа отложим. Там, ахось, разбогатеем, снимем комнату для гостыи из будущего... Ну так, как насчет разведки?

– Ладно, что дома-то сочинить.

– Ушел в поход на неделю. Ничего сочинять не надо.

Никита ушел, а я начал готовиться к «походу». Собственно, ничего нового он мне не сообщил, я уже давно предвидел такой вариант. Работа на режимном предприятии предусматривает отпуск один раз в год. Разбить его пополам весьма проблематично, но то, что половина его отгуляна Никитой зимой, это плюс. А я, пока студент, имею некоторую свободу маневра. Короче, начал я готовиться к этому странному походу. Вместо рюкзака, которого у меня теперь не бы-

ло, я взял дорожную сумку, которая выглядела вполне даже прилично, и это вызвало немое изумление у матери. В сумке находилась моя, вполне цивильная одежда. Я уже понимал, что как бы я не вырядился, во мне сразу угадают чужака. Покрой одежды... Тут ничего не поделаешь. Хотя выход простой, надо купить тамошнюю одежду. Только и тут проблемы, но уже финансовые. Нелегко приходится начинающим контрабандистам.

Но тут главное уверенность, а она у меня была. Ведь я шел не с пустыми руками. Для пещерной шпаны был «Макаров», для иного мира была денежка: хватит и на дорогу и на перекусить, а там что бог пошлет или черт подаст. К тому же там есть Анька, которая ко мне не ровно дышит. В крайнем случае, позвоню ей... Пока я собирался, – недолгими были сборы, – мысли о Мальвине не покидали меня. Что бы такое привезти ей, чтоб вызвать интерес к себе, именно к себе, а не к экзотической ляльке? С часиками получился облом. Впрочем покупать, таким образом, интерес, наверное, глупо... Ну вот, я с удовлетворением осмотрел себя в зеркало, в таком виде я не слишком буду бросаться в глаза, а когда вместо штормовки надену ветровку, и вовсе не буду выделяться в толпе. Хорошо бы обойтись без сюрпризов. Авось пронесет...

Не пронесло. Сюрприз меня ждал прямо на вокзале. Там в этот ранний утренний час было малоллюдно, и я сразу увидел

Ольгу, сестру Мальвины. Она, радостно улыбаясь, с дорожной сумкой на плече шла прямо ко мне. Замелькали мысли: неужели со мной собралась, но как узнала? А может опять часики сломались...

– Ты забыл меня предупредить, – весело сказала она, – но я не обижаюсь. Знаю, что путь наш будет труден и опасен. И не воображай, что сможешь от меня отделаться...

– Как узнала! Никита разболтал? – воскликнул я.

– Это неважно! Важно то, что ты пойдешь не один! Я сильная, умная и не боюсь трудностей.

– Ты еще маленькая, – с тоской протянул я, уже понимая, что моя экспедиция на грани срыва и надо принимать решение.

У нее сходство с Мальвиной просто поразительное, что неудивительно: сестры ведь. Только никакого влечения к ней я не испытывал. Если ее брать с собой, то только на правах полноправного компаньона, а это возможно лишь с согласия Никиты.

– Так ты не ответила на вопрос: откуда узнала?

– Никита рассказал. Он и посоветовал встретить тебя здесь, кстати, билеты на поезд до станции «Басаргина» я уже купила, – ответила Ольга.

– Ну ладно, если так, то ты становишься полноправным членом нашей команды, в поезде я тебе объясню что к чему. Если передумаешь, то можешь сразу же отправиться обратно...

Мы сели в вагон, ехать предстояло почти сутки. Времени более чем достаточно, чтоб пересказать все приключения. Но вот так с налету, с бухты-барухты, вываливать Ольге все наши дела с Никитой, а потом мои с Анькой, я не стал. Пока человек сам там не побывает и не увидит своими глазами, он не поверит. Таким образом, чтоб Ольга не усомнилась в моих умственных способностях, я очень осторожно повел свой рассказ. Стараясь все логически обосновывать. Однако, скоро я понял, что никакие логические обоснования ее не интересуют. Ее волнует само путешествие. Наши с Никитой контрабандные дела ее как-то тоже не цепляют... Мне стало интересно, что она наврала дома, когда собралась в дорогу. Но от этого вопроса она отмахнулась.

– Я сейчас на даче у подружки, готовлюсь к вступительным экзаменам. Отдала ей те волшебные часики, и она обещала прикрывать меня столько, сколько сможет...

Ну и ладно, при хорошем раскладе, мы вернемся через два-три дня. Хорошо, что часиков при ней нет. А так мне даже нравилось быть гидом для девицы, несмышленища, по неизвестному миру.

4

Однако, как оказалось, мои проблемы еще не начинались. Нет, поначалу все было замечательно, мы высадились на станции «Басаргина», позавтракали в станционном буфете

и направились в сторону гор. Было раннее утро, погода прекрасная, лето в самом разгаре, а за плечами, вместо обычных рюкзаков, нетяжелые дорожные сумки на ремне. Я-то все заранее продумал, а Ольгу видно Никита надоумил, что надо с собой брать. У меня в заднем кармане брюк лежал «Макаров» и это придавало уверенности. Пистолет, конечно, выделялся в кармане, но штормовка прикрывала его от любопытных глаз. Естественно, я не забыл поставить его на предохранитель, но патрон был уже в стволе, на всякий случай. В пещере лязгать затвором нельзя, там могут оказаться нехорошие дяденьки...

До нужной скалы мы бодро дошагали за пару часов, Ольга шла легко и не выказывала усталости. Мне казалось, что все пройдет легко, но увы... До расщелины надо было идти по карнизу скалы чуть больше четырех метров с поворотом и высота была метров пятнадцать... Страховочный трос был натянут уже давно, мы с Никитой его не снимали. В общем, как оказалось, Ольга скалолазанием никогда не занималась. Она и в походы-то вряд ли ходила... Идти по карнизу она поначалу отказалась наотрез.

– До станции сама доберешься, или проводить? – спросил я, не особенно огорчившись.

– Обрато не пойду. Ты специально придумал это скалолазание, чтоб меня спровадить... Ну должна же быть другая дорога!

– Другой дороги нет. Ты же говорила, что храбрая и силь-

ная...

В конце концов, после недолгих препирательств, она ступила на карниз вслед за мной, и мы начали движение к расщелине. Еще повезло, что у нее не было боязни высоты. Зато возникла другая беда. Когда я влез в расщелину, Ольга категорически отказалась лезть за мной. Возникла патовая ситуация. Идти в обратном направлении было невозможно, поскольку ей пришлось бы идти первой, а идти за мной в расщелину, она отказывалась. Я мысленно уже сказал множество нелестных слов в адрес Никиты, Ольги, да и себя клял, на чем свет стоит. Проблему это не решало: Ольга зависла перед расщелиной снаружи, а я внутри. Никакие уговоры не действовали, она стояла вцепившись в страховочный трос и хлопала носом... Наконец, мне пришла здравая мысль.

– Стой спокойно, сейчас я выберусь наружу, – сказал я ей придвигаясь поближе. Затем схватил за шиворот и со всех сил потащил ее в расщелину. Она заорала, но страховочный трос отпустила. Тяжелая была девица, но я справился и втащил ее в пещеру. В темноте она замолчала, а я включил фонарик.

– Я тебя предупреждал, что дорога трудная и опасная. Это крайняя точка, с которой я еще могу вернуть тебя домой. Или ты слушаешься меня беспрекословно, или немедленно возвращаешься. До станции я тебя провожу...

– Идем дальше, – тихо, но твердо ответила Ольга.

Двинулись дальше, в пещере было тихо, только хлопала

носом моя спутница. Сама виновата, никто тебя не звал, и жалеть тебя не собираюсь, думал я. Но через пару минут уже сменил гнев на милость и начал разговаривать на отвлеченные темы, чтоб скрасить унылый пещерный вид коридора, по которому мы шли. Вскоре она успокоилась, и хлюпанье прекратилось, но тут мы дошли до провала, и снова пришлось идти по карнизу. Сначала я проделал путь дважды туда и обратно: перенес наши сумки и заодно протянул еще одну страховочную веревку. Только после этого повел Ольгу. К моему удивлению она шла уже довольно сноровисто и дополнительная страховка не понадобилась.

Дальнейший путь вывел к расщелине.

– Мы что, сделали круг и вернулись обратно? – удивленно спросила Ольга.

– Если бы так... – со вздохом ответил я. – Сейчас начнутся настоящие трудности.

Из расщелины я вылез первый и встал на карниз. Пока выбиралась Ольга, я прошел по карнизу и сбросил на ровное место наши сумки. Затем страховал свою спутницу.

– Мы вернулись на то же место, – раздраженно сказала Ольга. – Ты эти трудности специально придумал...

– Тихо! – сказал я. – Мы находимся в другом мире. Посмотри вокруг внимательно.

Ольга сердито стала осматриваться, затем удивленно посмотрела на небо.

– Странно, солнце на западе. Мы что, целый день пробы-

ли в пещере? А мне казалось, что мы там были меньше часа... Слушай Макс, мне страшно. Я узнаю это место, мы сюда пришли со станции, только теперь почему-то весь ландшафт выглядит как зеркальное отражение.

– Все правильно, это зазеркалье. Точная копия нашего мира, только поменялись местами правая и левая сторона. Если мы сейчас пойдём на станцию, то ты увидишь много чудес. Однако нам туда не надо. Может, когда-нибудь, мы совершим экскурсию по этому миру: ты найдёшь свое Яло, а я Скама, но сегодня у нас другая задача. Мы немного отдохнём и двинемся дальше.

– Опять лазать по скалам?

– Не совсем. Будем лазать по пещере, но не на высоте.

– Уже хорошо...

– Хорошо-то хорошо, только есть опасность нарваться на нехороших дяденек...

Мы обошли скалу, и я не без труда нашел лаз, все травой заросло.

– Полезем в эту нору?

– Ты угадала. Первым лезу я, а ты держись за веревку, когда я дерну два раза, толкнешь в нору наши сумки, а потом лезь сама. Здесь действовать надо быстро и молча.

Я вынул из кармана «Макаров» и осторожно полез. Лаз был не длинный, метра полтора, потом сразу открывался большой грот, влево и вправо уходила ровная каменная дорожка, шириной в метр, а прямо был крутой спуск, глубиной

метра три или больше. Я влез в грот и встал во весь рост, держа пистолет наготове. Первый выстрел на испуг, – решил я, – остальные придется на поражение. Но хорошо бы вообще обойтись без стрельбы. И, кажется, сегодня мне подфартило, в пещере была полная тишина и темнота. Я прислушивался пару минут, затем достал фонарик и стал осматривать место вокруг лаза. Вскоре обнаружили следы, да еще какие. На камнях валялись окурки, пустые пачки от сигарет, бутылки из под пива, а немного в стороне стоял примус, на нем чайник. Он был еще теплый, значит, охранники отлучились недавно.

Я снова вернулся к лазу и два раза дернул за веревку, второй конец которой, держала Ольга. Сначала, как и было условлено, я вытащил наши сумки, а потом показалась и девушка.

– Мне показалось, что в нашу сторону шел какой-то мужчина, – неожиданно сказала она.

– Так! Быстрее вниз, – сказал я. – Начинаем спуск. Держись за веревку и потихоньку вниз...

Ольга стала спускаться, а я с «Макаровым» наблюдал за лазом, который в темноте выделялся светлым пятном. Олька пискнула, зацепившись за камень, затем крикнула, что она спустилась. Я быстро последовал за ней. Оказавшись на дне, я включил фонарик и увлек свою подругу в туннель. Когда мы оказались под сводом, я почувствовал некоторое облегчение. Не хотелось устраивать стрельбу, даже безобидную.

– Он тебя видел, – спросил я.

– По моему, нет. Он смотрел в сторону, а я сидела в тра-
ве...

Путь по туннелю прошел без приключений, как и в про-
шлый раз. Мы выбрались из провала и вылезли из но-
ры. Солнце снова оказалось на востоке, окрестности как-то
неуловимо изменились, но перед лазом была такая же высо-
кая трава. Я вздохнул с облегчением: опасности кончились.
Мы развалились на траве и устроили небольшой отдых с пе-
рекусом. Ольга взяла, колбасу, булку вареные яйца и термос
с чаем, у меня было, почти, то же самое.

– Опасности кончились, сейчас начнутся чудеса, – сказал
я ей после трапезы. – Главное держи себя в рамках и ничему
не удивляйся. И еще, у меня тут есть одна знакомая девица,
но звонить ей я буду только в самом крайнем случае.

Ольга пожалала плечами, сказала, что ей надо переодеться
и скрылась в ближайших кустах. Когда она вышла, это была
уже совсем другая девица, модные брюки, кофточка, даже
ветровка выглядела нарядно, не забыла и косметику нанести.
Только кеды остались на ногах.

– Потом, на станции поменяю на туфли, – сказала она,
перехватив мой взгляд.

Я снял штормовку и достал из сумки ветровку.

– Брюки менять не будешь? – с сомнением спросила Оль-
га.

– Больше ничего менять не буду, – раздраженно ответил я.

Хотел добавить, что и она зря так старалась, но решил не обострять... Сама потом поймет.

До станции «Басаргина» мы добрались, как я и планировал, к двум часам дня. Ольгу за время пути я инструктировал так, чтоб нам сразу не влипнуть в неприятности. «Все очень просто, – говорил я ей, – ничему не удивляйся, не задавай вопросов и во всем слушайся меня». Впрочем, всякий, кто имел дело с семнадцатилетними девицами, понимает, как воспринимались эти указания. Нет, она не возмущалась и не спорила, но ее молчаливое согласие, не означало ничего, и я это понимал.

Когда мы вошли на станцию, Ольга замерла прямо в дверях, пришлось взять ее за руку и тащить в кассовый зал, почти силой. Денежка у меня была, благодаря Анькиному другу. Купив билеты до Боровска за ненормальные деньги: по семьдесят рублей за каждый, я отошел от кассы, неловко пряча сдачу в бумажник.

– Откуда у тебя такие деньги!? – зашипела мне в ухо Ольга.

– В прошлый раз часы свои продал, – ответил я.

– Золотые!?

– Нет, деревянные, – разозлился я. – Идем на электричку, в Боровск только к вечеру приедем.

– А зачем нам в Боровск?

– У меня там дела... В общем, для тебя это просто экскур-

сия, а я должен кое-что узнать. Ночевать придется на вокзале, а завтра отправимся в обратный путь. Сейчас идем в газетный киоск и купим местную прессу...

Когда я рассчитывался за купленные газеты, у Ольги отвисла челюсть. Теперь она сама крепко держала меня под руку и не думала отцепляться. Электричка подошла минут через двадцать, причем нам повезло, ходили они очень редко. Ольга постепенно привыкала к новой обстановке. Главное-то ведь было осознать, что находишься в другом мире, а дальше надо просто наблюдать за окружающими людьми и поступать так, как поступают они. Теперь она поняла, наконец, насколько сложен и многообразен этот мир и единственной ее опорой в этой среде был я. Можно было не сомневаться в ее послушании.

– Я есть хочу, – неожиданно сказала она.

– Приедем в Боровск, купим что-нибудь.

– У меня бутерброды остались, только чай в термосе кончился...

– Ладно, сейчас куплю какой-нибудь воды и в электричке съедим твои бутерброды.

Напиток, который стоил дороже, чем билет до Боровска, привел Ольгу в восторг. Мы пытались прочесть его название, но так ничего и не поняли. Впрочем, статьи в газетах были тоже не очень понятны, честно говоря: вообще не понятны. Меня, правда, интересовали объявления: куплю – продам. Этих объявлений было великое множество. Продавали и по-

купали все: квартиры, дома, садовые участки и еще много вещей: очень нужных и совершенно не нужных. Предлагали свои услуги электрики, сантехники и еще куча людей совершенно непонятных профессий. Ольгу, да и меня тоже поразили объявления, где всевозможные гадалки, колдуньи и знахари предлагали сделать привороты и отвороты, снять порчу, венец безбрачия, вернуть мужа в семью, и прочую чертовщину, за которую в нашем мире этих умельцев отправили бы на принудительное лечение...

Я тут еще возьми да и пошути...

– Вот раздобуду кучу денег, – с ухмылкой шепнул я Ольге, обращусь к колдунье, чтоб приворожить твою сестрицу...

– Идиот! – чуть не завопила она. – Зачем тебе Ирина? Я красивее ее, умнее и моложе!

– Да тихо, ты! Ну, пошутил я. Неужели ты веришь в эту чертовщину...

– Знаешь, попав сюда, я готова поверить во что угодно, – спокойно и совершенно серьезно ответила она.

Газетные статьи почти все, целиком, были совершенно непонятны, зато были понятны даты, которые мелькали повсюду. Шел две тысячи восемнадцатый год... Интересно бы повстречаться с самим собой, правда, это другой мир и меня тут может не оказаться...

Некоторые объявления прямо вводили в ступор. Например: куплю радиодетали... Это как? Имея такую развитую электронную промышленность, скупать радиодетали у част-

ников? Нет, пожалуй, без консультаций с местными барыгами, никакую контрабанду не наладить. Ольга объявления тоже просматривала, естественно, и ей хотелось разбогатеть и прибахлеться. Именно она и нашла нужное, по крайней мере на первых порах объявление: кто-то скупал монеты пятидесятих и шестидесятих годов нашего столетия... За некоторые предлагались баснословные деньги в тутошних купюрах. Я уже в этой денежной системе начал немного разбираться, а менять деньги на деньги было выгодным занятием во все времена, правда, в нашей стране это каралось законом. Но ведь мы собирались заниматься этим не в нашей стране и даже не в нашем мире...

Ольга, прочитав объявление, уже обшаривала свой портмоне, собрав всю мелочь она внимательно разглядывала выбитые даты чеканки этих монет. Я, понятно, последовал ее примеру и у меня мелочи оказалось даже побольше. Потом мы стали прикидывать: сколько получим, если удастся все поменять, получалась невероятная по величине сумма.

В Боровске моя поделница (А как теперь нас называть?) никогда не была, и сравнивать изменившийся до неузнаваемости городок ей было не с чем. Поэтому воспринимала его, как экзотическое создание невидимого творца.

Для начала, мы начали спрашивать у пожилых людей, где тут поблизости «комиссионка». Это простое и понятное слово в нашем мире, здесь никто не понимал. Некоторые пожимали плечами, отвечали: «не знаю» или пытались выяснить

у нас, что это такое... Однако, на третий или четвертый раз нам повезло. Один старый дедушка, с любопытством взглянув на нас, сказал: «Вам нужна антикварная лавка, молодые люди?» Короче, дорогу он нам объяснил. Мы довольно быстро нашли ее. Боровск-то городок небольшой был, сейчас он, конечно, вырос, но вырос он не вширь, а ввысь. Появились многоэтажки, но частный сектор еще оставался отдельными островками.

Нашли мы антикварную лавку, – небольшой такой магазинчик, где покупали и продавали старые вещи. Ну, это для здешнего мира они были старые, а у нас вполне обиходные. Вокруг витрин толкались три человека. Один мужик, явно из сельской местности, просто задумчиво разглядывал витрины, где были наши родные бумажные деньги: трешницы и пятерки, часы наручные разных марок, но произведенные в Советском Союзе. Женщина средних лет пыталась сдать фарфоровую статуэтку, но продавец почему-то отказывался ее брать. Еще одна женщина, помоложе, просто стояла и рассматривала настенные часы, которых было выставлено немало. Были даже часы еще досоветского производства с римским циферблатом.

Мы с Ольгой недолго мялись возле витрины. Я первый решился и достал, заранее приготовленные пятикопеечные монеты. Продавец, мужчина лет пятидесяти, сначала мельком взглянул, затем стал внимательно рассматривать каждую монету...

– Четыре двести за все, – сказал он и положил монеты на прилавок.

Я молча кивнул, а он, быстро убрав монеты выложил четыре тысячных бумажки и две сотенных. Вслед за мной решилась на обмен Ольга и достала новенький юбилейный рубль с профилем дедушки Ленина.

– Ого! – воскликнул продавец и, осторожно взяв монету, стал внимательно ее рассматривать. – Прямо как новая, – добавил он удивленно.

Он еще некоторое время вертел ее в руках, затем, видимо решившись на рискованный поступок, произнес, – пять тысяч!

Ольга криво улыбнулась и кивнула головой. Мужик убрал рубль и положил на прилавок красненькую купюру, на которой было ясно обозначено 5 000 рублей. Ольга забрала деньги, и мы вышли из антикварной лавки. Я был почти на седьмом небе: менять деньги на деньги мне понравилось, зато Ольга выглядела обиженной.

– Ты за четыре пятака получил четыре двести, а я за целый рубль, только пять тысяч... Неправильно как-то, – недовольно протянула она.

– Это же для них антиквариат, – назидательно сказал я. – Они не по номиналу меняют. Видела на витрине бумажные деньги. Они вообще почти ничего не стоят... Радуйся, ты сейчас на эту пятерку сможешь смартфон купить, а это такая штука, скажу я тебе... Поинтереснее часиков.

Ольга между тем смотрела на свои ноги, обутые в очень неплохие полукеды, затем переводила взгляд на ноги проходящих мимо девушек и юношей и кривилась, как от зубной боли.

– Идем в обувной магазин, – сказала она и потянула меня в сторону. – Ну не могу я больше в этом ходить.

Она указала на свою обувь.

– Натерла что ли? – догадался я.

– Ага, натерла...

Магазинов вокруг было предостаточно, от названий рябило в глазах. Правда, разглядеть обувной было не просто, но Ольге это удалось, и мы ринулись на противоположную сторону улицы. Едва избежав попадания под автотранспорт, поскольку правила движения беспардонно нарушили, мы вбежали в магазин. Такого изобилия обуви: мужской, женской и детской, я еще не видывал. Ольга довольно быстро сориентировалась и начала примерять новую обувку. Я глянул на цены и мысленно произнес неприличные слова, кстати, обувка называлась «кроссовки». После покупки у Ольги от ее пятерки осталось полторы тысячи, зато она вся просто цвела от счастья. Закинув свои полукеды в пакет, который ей дали в магазине вместе с кроссовками, она гордо вышагивала, взяв меня под руку. Обувь смотрелась прекрасно на ее ноге, но мои кеды смотрелись при этом как крестьянские лапти.

– Ну, теперь тебе придется стать чемпионкой по бегу.

– Это с чего вдруг?

– Спортивная обувь обязывает...

– А ты посмотри вокруг.

– Да я прекрасно знаю, что мы выйдем не очень.

– Говори за себя, – и, отпустившись от меня, она стала гордо вышагивать впереди.

– Прежде чем менять кавалера, штаны поменяй, – насмешливо заметил я.

Действительно ее прекрасно сшитые брюки не шли ни в какое сравнение с джинсами местных девиц, а ведь Боровск, это далеко не столица и даже не Ельск. Ольга и сама уже видела разницу. Ее самоуверенность мгновенно испарилась, она снова вцепилась в меня и потянула в какой-то магазин. Естественно, это оказалась женская одежда. Пока она выбирала брюки и примерялась в примерочной, я прикинул коэффициент соответствия цен этого мира и нашего. Получилось примерно в сто раз. Ольге на брюки явно не хватит, а это значит...

– Слушай Максик, займи мне три тысячи... – канючила Ольга, внезапно оказавшись передо мной.

– Послушай, нам ведь еще обратно выбираться и с ночевкой решать вопрос, – хмуро ответил я.

Но тут голубые глаза Ольги стали наполняться слезами, и я, опасаясь водопада, тотчас вытащил из бумажника требуемую сумму. Она чмокнула меня в щеку и убежала совершать покупку. Должен сказать, когда она появилась в новых брючках и с еще одним цветным пакетом, то выглядела очень эф-

фектно.

– Максик! – воскликнула она, опять взяв меня под руку. – Я с тобой рассчитаюсь, когда вернемся!

– У тебя есть еще один юбилейный рубль? – с придурашным удивлением спросил я ее.

Она проигнорировала мой сарказм и шагала рядом, что-то напевая про себя. А я, решив больше не поддаваться на ее провокации, которые наверняка последуют, и вообще больше не брать ее с собой. Ну не годится она в контрабандисты. Вот сейчас надо решать вопрос с ночевкой и еще выбираться через проход может оказаться не так просто.

– А почему ты сказал, что здесь торгуют китайцы? – вдруг спросила Ольга.

– Посмотри на страну производителя, твоих покупок, – ответил я.

Она долго рассматривала бирки, срезанные с кроссовок и брюк.

– Убедилась? Теперь веришь, что это китайцы продают свои товары по рублю за килограмм?

– Как это по рублю? А, ну вообще-то да... – хихикнула она. – Ну, в следующий раз я лучше подготовлюсь...

– Я, так понимаю, что ты забыла, как мы добирались сюда, – заметил я. – Готовиться надо не только в финансовом плане.

Пока Ольга восхищалась своими нарядами, я обдумывал вопрос с ночевкой. Конечно, одну ночь можно бы и переқан-

товаться на вокзале, а завтра поутру в обратный путь. Но на вокзале полиция проверяет документы, так было во все времена: прошлые и настоящие. А какие паспорта мы, почти законопослушные граждане, можем предъявить? Боюсь, что с ними придется заночевать в обезьяннике, а утром определяют в бомжи, или в дурдом... Есть вариант: позвонить Аньке, это если бы я явился один, но появление Ольги ее явно разозлит. А если использовать парадокс времени? Ведь время, проведенное в этом мире, у нас, как бы, не существует. То есть: сколько бы мы здесь не прожили, мы вернемся в наш мир в тот день, когда ушли. Это мы с Никитой проверили. Значит, мы можем пожить здесь на даче, – наверняка у Аньки дача есть, то есть у ее родителей. А потом, мы возьмем ее с собой, и пусть она погостит у Ольги. Я тем временем поработаю в стройотряде, вернусь, и мы с Никитой и Анной вернемся в ее мир. Вот такой умопомрачительный план сформировался...

Достаю я смартфон, весьма смутно представляя как надо звонить, и начинаю с ним копать, елозя пальцем по экрану. Ольга, естественно, увидела, встала за моей спиной и стала наблюдать. Из-за этого наблюдателя, я долго не мог вызвать на экран Анькин номер...

– Послушай, Ольга, – сказал я ей, оставив свои манипуляции с аппаратом. – Сейчас я с помощью этой штуки позвоню своей знакомой и попробую договориться с ночлегом, а ты пока постарайся не слушать, что я буду говорить...

Однако, едва ли она услышала, что я сказал, поскольку

смотрела на цветной экран в моих руках, на котором появлялись картинки, когда я возил по нему пальцем. Наконец телефон загудел, посылая вызов абоненту, причем довольно громко.

– Але! Привет, Максим! – раздался радостный Анькин голос.

– Привет, Аня! – удивленно сказал я. – Как ты узнала, что это я?

– Я же сама поставила тебе симку и завела тебя в свои контакты.

Опять столько непоняток, что... Ладно, со временем разберусь что к чему, а пока надо решать насущные вопросы...

– Слушай, Анюта, надо бы встретиться, а то мы здесь ненадолго...

– Кто это, мы? – подозрительно спросила она.

– Ну, понимаешь, я хотел один прийти, но тут одна знакомая увязалась...

– А знакомая знает, что у тебя уже есть девушка, – раздраженно сказала Анна.

– Теперь знает, – ответил я пожав плечами и глядя на Ольгу.

– Ладно, говори, где ты находишься, впрочем, я сама определю, если ты навигатор не выключил...

Я на всякий случай перечислил ориентиры, где нас искать. Ольга скорчила мне гримасу.

– У тебя в каждом мире есть девушка! Ну, ты и фрукт.

– В нашем мире у меня больше нет девушки, если ты помнишь: твоя сестрица дала мне отставку, и уже давно...

– А я?

– А ты-то тут причем? – возмутился я. – Я, что для вас предмет гардероба, который вы с сестрой носите по очереди?

Ольга пыталась захлюпать носом, потом затихла, как видно что-то придумав. А я, понимая, что являться с пустыми руками, перед нашей будущей благодетельницей, неприлично, купил на углу улицы, у сидящей бабульки, букетик цветов за несусветные деньги. Ну, это для меня они несусветные, а так для этого мира вполне даже адекватные. Ольга, увидев, мое расточительство, злорадно ухмыльнулась... Вот ведь, дура набитая, если бы не она, я бы может и не стал Аньке звонить, переночевал бы в парке на скамейке.

Ольга надулась и стояла с видом гордым и независимым, – ну это она так считала, – а меня ее гримасы только раздражали. Я вертел башкой, как пропеллером, пытаюсь среди прохожих распознать Анну, образ которой уже подзабылся. То же, небось, имел глупый вид: стоит верзила с букетом и ждет кого-то, а рядом яркая голубоглазая блондинка осуждающе на него смотрит. Хорошо, что Анька себя ждать не заставила: пятнадцати минут не прошло, как появилась. Увидела меня, заулыбалась, а получив букет, чмокнула в щечку. Потом увидела Ольгу, и настроение ее явно испортилось.

– Девчонки, – сказал я, подхватив их обеих под руки, – нам надо кое-что обсудить.

Парк со скамейками был неподалеку, там даже фонтан имелся, я его заметил, пока ждал Ольгу возле магазина. Чтоб не ходить вокруг да около, ведь для Анны не было тайной, что мы явились из другого мира, я сразу объявил ей.

– Послушай, Аня, мы тут появились в вашем мире с целью наладить выгодный товарообмен, между мирами. Что можно везти из вашего мира в наш, мы понимаем очень хорошо. А вот из нашего мира, что можно сюда доставить мы пока не очень понимаем. Поэтому я предлагаю тебе вступить в нашу компанию, может и тебе от этого будет какая-то польза. Ну, если не захочешь, конечно, неволить никто не станет. Однако, сейчас у меня к тебе просьба, нам надо где-то переночевать. Может на даче у твоих родителей? А завтра мы отправляемся домой и можем тебя с собой прихватить. Посмотришь наш мир, поживешь, сколько захочешь, потом я тебя домой доставлю. При всем при этом из-за временного парадокса, сколько бы ты времени у нас не провела, ты всегда вернешься домой в тот же день, когда вышла в наш мир. Ну, в крайнем случае, на следующий день. Это уже проверено.

Аня задумалась. Это и понятно. Непростую задачу я перед ней поставил.

– А я буду жить у тебя? А твои родители что скажут?

Что скажут мои родители, я даже предполагать не хотел...

– Нет, я думаю: это будет, несколько, неприлично. Ты остановишься у Ольги, ее родители будут точно в восторге. Ведь ты целый кладезь знаний, а если возьмешь с собой элек-

тронные устройства, которые в вашем мире уже устарели, то будешь жить припеваючи, сколько хочешь. Ну как вступаешь в нашу компанию контрабандистов?

Ольга, услышав мою затею с поселением у нее Анны, сначала недовольно хмыкнула, но прослушав мою речь до конца, оценила перспективу товарообмена и сразу подобрела. А что? С помощью такой подруги можно в нашем мире просто чудеса творить.

– Хорошо, – сказала Анна, – сейчас идем ко мне. Переночевать есть где, поскольку родителей дома нет, они на даче ночуют, а за мной бабушка «присматривает». Значит завтра я к вам в гости? Макс, я хочу познакомиться с твоими родителями!

– Да не вопрос...

Покинув парк, мы отправились к Аниуте домой. Она уверенно держала меня под руку, демонстрируя Ольге свои права на меня. Я старался ее не разочаровывать и готов был стать ее собственностью. А почему бы и нет? С Мальвиной все порвано и растоптано, а ее сестрице я никаких поводов не давал... Короче, Ольга шла рядом, правда сильно опечаленной не выглядела, скорее, была задумчива. Так ведь было о чем задуматься. Две обновки на ней, приобретенные всего за рубль, доставили неопишное удовольствие. А впереди-то какие перспективы...

И вот я снова в знакомой квартире, могу опять лицезреть диковинные устройства. Совершенно плоский цветной те-

левизор с продолговатым экраном, а изображение на нем... Совершенно не важно, о чем передача, так бы и смотрел не отрываясь. Но приличия надо соблюдать. Сначала в ванную, умыться, привести себя в порядок с дороги... Ох, Ольга в туалет отправилась. Что сейчас будет... Надо бы предупредить, но как?

Тут я был, просто и решительно, представлен бабушке Анюты.

– Бабуль, знакомься, это Максим!

– Очень приятно. Александра Ивановна.

Я аккуратно пожал руку, невысокой пожилой женщине в домашней одежде. Она с интересом осмотрела меня, как видно была в курсе нашего с Анютой зимнего приключения. То, что я прибыл с ночевкой, ее видимо не удивило. Правда, появление Ольги она восприняла с недоумением. А сейчас та явно задерживалась в туалете... Черт! Может крикнуть ей, что надо нажать кнопку на бачке. Наконец я решился и шепнул Аньке на ухо:

– Слушай, Анюта, у Ольги похоже проблемы с вашей сантехникой. Мы ведь прибыли из прошлого и у нас эти приборы работают по другому...

– Чего это? Как, по другому? – вытаращилась на меня Анька.

– Скажи ей, что надо нажать кнопку на бачке! – разозлился я непонятливости Аньки.

Тут я представил ее в нашем туалете, где бачок сверху и

надо дергать за гирьку, и меня разобрал смех... А Ольга-то оказалась не душой и из туалета послышался характерный шум, а Аня покрутила пальцем у виска.

– Я знаю, – сказала она, – что ваша техника отстает на полвека, но ведь не до такой степени...

– До такой, – буркнул я и прошел в комнату, где Анькина бабушка хлопотала у стола, собираясь напоить нас чаем.

Через некоторое время вошли и девушки. Ольга устала в телевизор, а Анна завела со мной беседу об учебе в Ельском университете, где я старался дать исчерпывающие ответы, но нигде не проколоться. Правда, при слове университет Ольга удивленно взглянула на меня, но промолчала. Зато на вопрос Александры Ивановны ответила, что выпускные экзамены сдала успешно и теперь готовится поступать в медицинский институт. Теперь уже удивилась бабушка Анны.

– А как ты ЕГЭ сдала? – спросила она.

Тут уж Анька почувала подвох и пришла на помощь.

– Хорошо она сдала и наверняка пройдет на бюджет...

Ольга беспомощно смотрела то на меня, то на Анну. Неизвестно чем бы завершились эти расспросы, если бы Александра Ивановна, вдруг что-то вспомнив, не устала в телевизор.

– Ой, мне очень нравится эта передача, я давно ее жду. Аня, займи свою гостью, вам наверняка есть о чем поговорить.

Анька пожалала плечами, о чем говорить с гостьей из прошлого? Вот с гостьей из будущего было бы о чем поговорить... Но на ее счастье Ольга тоже уставилась в телевизор и перестала замечать окружающее. Анята же решила развлечь меня и подвела к аппарату, который назывался компьютер. Этого слова я не знал, поскольку изучал немецкий, а не английский. Впрочем, в мое время едва ли его изобрели. ЭВМ были на полупроводниках, а точнее, на транзисторах, даже за бугром. Но суть не в этом. Анна, включив этот аппарат, показала мне игру: гонки на автомобилях. Все было настолько реалистично, включая вой мотора, что я забыл обо всем на свете и через полчаса стал заправским автогонщиком... Пришлось Аньке нацепить мне на уши наушники, поскольку Александра Ивановна стала раздраженно на нас поглядывать. А я уже перестал замечать окружающее.

Анна пыталась меня вытащить из этой игры, но потом бросила это занятие и переключилась на беседу с Ольгой. Похоже, девушки все же нашли общий язык. А я обалдев от реалистичности декораций городских и сельских автодорог, полностью погрузился в игру. В какой-то момент, выиграв очередной заезд и при загрузке следующего этапа, я на секунды отвернулся от экрана и увидел сидящую рядом Анну. Она смотрела на меня, и ее улыбка таила непередаваемое очарование. Ее невозможно описать словами. Так смотрит женщина на своего мужчину, который вернулся из дальнего и опасного похода. В ее взгляде была и любовь, и нежность, и

покорность и то, чему еще не придумали название. А я вдруг почувствовал себя мерзавцем. В наглую использую влюбленность девушки для каких-то своих корыстных целей. Мало того что сам приперся, так еще девицу притащил... Игра, от которой еще минуту назад я не мог оторваться, вдруг, потеряла для меня всякий смысл. Я снял наушники.

– Ань, – начал я свое покаяние. – Ты извини, что я вот так просто приперся к тебе. Ты, правда, мне очень нравишься, только ведь даже когда я закончу институт, мне в вашем мире не будет места... А тебе наш мир не понравится. Ты сама это скоро поймешь...

В этот момент я окончательно понял, что Мальвина выветрилась из моих мыслей, из сердца и других органов, которыми завладевает любимая женщина. Теперь ее место заняла Анна. Вот так просто в одночасье произошла перемена. Собственно даже не перемена, ведь я давно получил отставку у Мальвины, и Анна заняла уже вакантное место.

Я сел рядом с Анютой, взял ее за руку, и понял, что не знаю о чем сейчас говорить. Может признаться в любви? Только обстановка не располагает... Александра Ивановна смотрит какой-то фильм, но иногда поворачивается в нашу сторону, а Ольга держит в руках какую-то пластиковую дощечку и самозабвенно елозит по ней пальцем. Если бы не она, пригласил бы Анюту на прогулку, погода как раз располагает. Ольгу одну тут не оставишь, все-таки отвечаю за нее. Черт бы взял Никиту, устроил мне приключение в квадра-

те... или в кубе. Ведь обратный путь не простой... Интересно есть ли у Аньки навыки скалолазания? Едва ли... Была у меня одна «скалолазка» теперь две... А еще придурочный блок пост в изнаночном мире. Завтра скучно мне не будет, как пить дать.

Анюта сидела рядом, положив мне голову на плечо, и я чувствовал, что ей хорошо. Я тоже испытывал приятные ощущения. Время шло, и фильм у Александры Ивановны подходил к концу, а Ольга продолжала свое бессмысленное, на мой взгляд, занятие.

Александра Ивановна дала своей внучке некоторые распоряжения, относительно нас, и мне постелили на диванчике в гостиной, а Ольгу увели ночевать в другую комнату.

5

На другой день мы собрались очень быстро, а Анюта сказала бабушке, что проводит нас до Ельска и вернется завтра или послезавтра. Поначалу это путешествие было ей категорически запрещено. Пришлось созваниваться с родителями, и я клятвенно пообещал Валерию Петровичу вернуть его дочь в целостности и сохранности, а для страховки она должна будет обязательно отзвониться после прибытия в Ельск и после убытия. Ну а что еще оставалось делать? Я совершенно честно собирался убереечь ее от всяческих опасностей, и полагался на свой ПМ с четырьмя патронами.

Нам с Ольгой собирать-то было нечего, а вот Anne я присоветовал взять с собой старый и ненужный электронный хлам, которого у нее оказалось немало. Три устаревших смартфона, в комплекте с зарядниками, и почти неработающая электронная книжка, где заедали кнопки. Это она так выразилась. Что такое электронная книжка я понятия не имел, но исправить заедающие кнопки, для меня, опытного радиолюбителя, какая проблема?

– Бери все, что не работает, – сказал я ей. – Чинить разный электронный хлам, мое любимое занятие...

Однако не берусь судить, чем она набила свой компактный рюкзачок. Я ей, конечно, сказал, что за один старый, по ее меркам смартфон, ей отвалят в нашем мире столько денег, что она может жить припеваючи не один месяц и покупать себе все, что пожелает... Я даже заранее прикинул, кому можно его сбыть, не поднимая волну, – образно выражаясь...

Ну вот, через два с половиной часа мы прибыли на станцию Басаргина, где Анька сделала свой первый звонок родителям, беспардонно наврав, что находится на пути в Ельск. Дальнейших звонков не предполагалось, но ведь она должна была вернуться в тот же день, сколько бы времени не провела в гостях. Я был в этом уверен, поскольку сам имел уже такой опыт.

А теперь поздним солнечным утром мы шли по знакомой тропе к заветной скале. Я шагал с двумя симпатичными

девицами, но на седьмом небе не был, поскольку путь был очень не прост. Честно говоря, в такие походы надо ходить с пацанами, или брать одну девицу на двоих, тогда возникающие проблемы проще решать, но что сделано, того не воротишь. Ольга шла задумчивая, но Анной, явно, была в дружеских отношениях и на меня внимания не обращала. Анька была довольная и радостная, что добавляло мне оптимизма.

Вот и цель нашего не длинного пути. Я уверенно подходил к кустам возле скалы, которые своими густыми зарослями скрывали лаз. Ольгу он уже не пугал, ее на этом этапе вообще ничего не пугало. Анна шла с нами, не задумываясь о дороге, она была у этой скалы зимой и сейчас едва ли нашла бы к ней путь. Впрочем, одной сюда ходить ей не придется, уж об этом я позабочусь, как бы там дальше не сложилось.

– Значит так, дамы, – сказал я им, бросив свою сумку на землю, – привал здесь делать не будем. Порядок движения такой: первый лезу я, если все нормально, я вам крикну. Далее вы передаете мне поклажу: сумки и рюкзачок. Затем лезет Анна, Ольга последняя. Вопросы есть? Вопросов нет. Далее, на все время пути: не пререкаться и мои указания выполнять быстро и точно.

При переходе через этот лаз проблем раньше не было и, слава богу, сейчас они тоже не появились. Мы спустились по веревке вниз, собственно, путь-то был уже всем знаком, и углубились в туннель. Я шел первый, освещая дорогу фонариком, за мной Анна, последней Ольга.

Перед выходом из туннеля, я погасил фонарик и приказал девушкам остановиться. Впереди слышались странные хлоп-ки, свист и стук камней. Вдруг рядом, буквально, упало что-то тяжелое и все стихло. Выждав некоторое время, я включил фонарь и осветил у выхода из туннеля. От увиденного меня слегка замутило. На камнях лежал человек, неестественно вывернув голову. В том, что он мертв, можно не сомневаться. Не может у живого человека голова находиться в таком положении. Наверху все было тихо, только лаз был освещен идущим снаружи светом. Я еще раз, уже более внимательно осмотрел тело. Это был невысокий мужчина в замызганном пиджаке, штаны были грязны и ботинки тоже соответствовали одежде. Рядом с ним валялся автомат АК, а какой еще может быть автомат в российской глубинке... Похоже он пытался стрелять, на стволе была насадка, для бесшумной стрельбы. Да-а... А ведь кто-то столкнул его сюда. Я снова прислушался, но наверху стояла мертвая тишина... Рядом со мной уже хлопала носом одна из девушек. Я не заметил, как они подошли и, конечно, увидели убиенного.

– Надо выбираться отсюда, – сказал я им. – Чужие разборки нас не касаются. Но этого красавца придется вытащить наружу. Нельзя его здесь оставлять...

Вытаскивать труп с четырехметрового склона с помощью веревок занятие не из легких. Но две перепуганные девушки помогали мне не жалея сил. Вытащив его из лаза и оттащив в сторону на несколько метров, мы все трое вымотались до

предела.

– Сейчас мы обойдем скалу и сделаем привал, – сказал я.

Обе девицы согласно кивнули. Автомат покойника я разрядил и положил возле него. Место тут, конечно, не людное, но то, что друзья-подельники его найдут, я не сомневался. Пришлось обыскать «красавца». Занятие не из приятных, но надо было знать, кто тут устроил блок пост между мирами. Найденный в кармане бумажный рубль, дал исчерпывающий ответ. Как я и догадывался, дензнак был наизнанку. Значит, криминалитет изнаночного мира взял этот портал под свой контроль. Это плохо само по себе, но зато есть возможность с ними договориться, а вот если про него узнает государственная структура, то такой возможности не будет.

Пока мы поднимались на скалу по не слишком крутому склону, дурные мысли не давали мне покоя. Ведь этот переход мог оказаться последним... ну или предпоследним. А ведь Анюту я обязан доставить домой. Привал мы устроили прямо на площадке перед карнизом, по которому предстояло пройти до щели. Аня там еще не была. Пока мы отдыхали и пили чай из термоса запасливой Ольги. Она продумала этот путь и еду захватила, очевидно, не без помощи Александры Ивановны. В то же время было видно, что она отчаянно трусит. Анна не знала, что ей предстоит и думала, что самое страшное позади. На мой взгляд, так оно и было.

– Теперь, дамы, придется немного полазать по скалам, – сказал я после трапезы. – Скалолазки вы еще те... Но

больших подвигов не потребуется, надо пройти по карнизу несколько метров, я каждую из вас буду вести по очереди. Страховочная веревка натянута, слушайте меня и вниз не смотрите.

Первую я провел Анну, по росту она была меньше Ольги, да и по весу тоже. К моей радости она почти не боялась, и полностью полагалась на мое умение и сноровку. Я, со своей стороны, принял все меры предосторожности. Ольга тоже страховала ее с помощью троса. Проведя ее в щель, я вернулся за Ольгой. Вести ее было намного труднее, она прижималась к скале и двигалась с трудом. Приходилось все время разговаривать с ней и уговаривать сделать следующий шаг. Протиснувшись в щель и втащив туда Ольгу, я окончательно решил больше ее не брать. Хотя она и сильнее Анны, но скалолазка из нее не получится.

Карниз внутри пещеры прошли быстрее и легче. Неудивительно, он был шире, да и темнота внутри пещеры скрадывала глубину провала, а страховочный трос внушал уверенность. Зато последний переход на выходе из щели дался очень трудно. Анну я вывел по карнизу на площадку без особых трудов, зато с Ольгой пришлось повозиться. Выбравшись из щели в скале, она снова пыталась туда вернуться. Только мои физические усилия и матершина помогли привести ее в адекватное состояние. Уже стоя на площадке перед пологим спуском вниз на ровную поверхность, я принес ей свои извинения за грубость.

– Ну, как, дамы, путь дорожка? – спросил я их уже спустившихся со скалы.

– Надо бы привал сделать, – жалобно сказала Анька.

Ольга ничего не сказала, но ее состояние было близко к обморочному. Естественно, мы расположились на отдых в живописном месте. Выпили остатки чая и доели бутерброды.

– До станции недалеко, можно перекусить в буфете или сразу в поезде, – сказал я.

При слове поезд у Ольги на лице заиграла счастливая улыбка. Ясное дело, соскучилась по дому и в следующее путешествие ее калачом не заманишь. Судя по положению солнца, было утро, это подтверждало мое предположение, что внутри портала время не существует или очень сильно замедляется. А сейчас, для нас это просто благодать, потому что мы успеваем на вечерний поезд в Ельск. Ольгу не потеряют ее родители, а у меня только удивятся столь раннему возвращению из похода.

Полчаса мы провалялись на траве, потом я скомандовал подъем. Ольга окончательно пришла в себя, а Анна выглядела бодрой и отдохнувшей.

– Мне кажется, что мы вернулись в то же место, откуда пришли, – задумчиво сказала она. – Скала выглядит так же...

– Не хочется тебя разочаровывать, – ответил я, – но скоро ты убедишься в обратном. Станцию ты не узнаешь...

Впрочем, Анна увидела разницу еще на подходе к стан-

ции, поскольку последний километр мы топали по грунтовке, а не по асфальту. А войдя в само здание, вместе с нами, она просто испугалась. Вспомнила свои зимние приключения в изнаночном мире.

– Дамы! Вы пока подождите в зале, а я за билетами до Ельска, – негромко сказал я и указал девушкам на зал ожидания.

Денег на три билета в плацкорт у меня хватало, хотя и впритык. Ольга повела испуганную подругу в зал. Отчего Анна так боится, она искренне не понимала.

– Да что с тобой? – раздраженно спросила она.

– Я этих боюсь, – ответила Анна и кивнула головой в сторону проходившего мимо милиционера.

– Это же милиция, – удивилась Ольга. – Они нас от хулиганов охраняют, их не надо бояться.

– В прошлый раз они меня в обезьянник посадили...

– За что!

– Им мой паспорт не понравился...

– О! Святая мадонна... Ну сейчас ты со мной и ничего не бойся. Если что, я покажу свой паспорт и, будь уверена, он им понравится.

Пока я стоял в очереди у касс дальнего следования, девушки о чем-то шушукались, потом вышли из зала ожидания. «Наверное, в буфет отправились», – подумал я. С покупкой билетов на обратный путь всегда было не просто, но сегодня мне повезло. Проходящий поезд должен появиться

через два часа. В буфет я не пошел, ну не просить же денег у Ольги, своих осталось только добраться до дома. Я остался сидеть в зале ожидания. Сами придут, может и принесут чего-нибудь пожевать... Мои приключения вступили в новую фазу. Теперь предстоит определить Анну на проживание к Ольге, а потом я отправлюсь на месяц в стройотряд. Но надо еще загнать знакомым ее чудесные игрушки, и сделать Анну богатой. Ольга тут тоже наверняка поможет. А потом предстоит обратный путь, тут уж без Ольги. Мы с Никитой управимся быстрее и проще. Вот только с каким товаром мы туда вернемся?

Девушки вскоре появились, правда, были они не в буфете. Анна выглядела сильно смущенной, а Ольга почему-то хохотала.

– А знаешь, что со мной было, когда я в вашем туалете не обнаружила ни бачка, ни гирьки, за которую надо дергать? – давясь смехом, произнесла она.

Тут я понял, где они были и причину веселья Ольги. Да, жизнь полна неожиданностей. Надо бы Ольгу в буфет отправить, в поезде-то кроме чая, скорее всего ничего не будет. Жаль, я не телепат... К счастью она сама догадалась. А может мои телепатически волны дошли? Когда она ушла, Анна села рядом со мной и положила голову мне на плечо. Я замер. Эх, никто нас не сфотографировал.

В поезде Анна обучала нас пользоваться ее старыми теле-

фонами и смартфонами, которых она набрала аж три штуки. Из всех удивительных чудес, которые были затолкнуты в эти маленькие коробульки, для нас годились фото и видео съемка, ну и музыка еще. Кстати, столь портативный магнитофон мог иметь множество применений. С кнопочными аппаратами мы с Ольгой научились обращаться довольно быстро, а вот с более современными, сенсорными, наши руки долго привыкали. Но ученики мы были прилежные, а Анна терпелива. К концу пути мы уже освоили технику и я прикидывал, как бы ее повыгоднее сбыть.

Ольга глаз положила на сенсорный смартфон, о чем мне недвусмысленно намекнула. Правда тут же добавила, что Анна может жить у нее сколько хочет, с родителями вопрос решит. Я подумал, что такая гостиница дороговата, но вслух ничего не сказал. Сам-то я уже решил, кому смогу толкнуть кнопочные аппараты, но деньги, разумеется, вручу Анне. Хотя, если трезво подумать, зачем ей наши деньги? За два кнопочных устройства, я рассчитывал получить не менее пятисот рублей. Деньги в нашем мире огромные. Пусть тратит куда вздумается... А куда вздумается? Вот мне, местному жителю, ничего путного в голову не пришло.

Мы вышли из вагона в Ельске ранним утром и сразу отправились по домам. Ну, я к себе домой, а Ольга с Анной домой к Ольге. Договорились, что вечером я Анне позвоню и поведу ее показывать местные достопримечательности ну и с родителями познакомлю. А как иначе? Правда, Ольга наш

разговор не слышала. Вообще-то ситуация мне не нравилась, не должна Анна жить в доме у Мальвины. Да еще ее сестра тут... Но куда деваться то. Никита тоже не горел желанием взять ее на постой. А у меня и вовсе некуда ее пристроить: квартира двушка, родители и я.

Днем я привел себя в порядок, пообщался с Никитой, показал ему Анькину чудо технику и поручил готовить покупателей, оставив для показа один аппарат. Вечером я приоделся, предупредил мать, что возможно вечером приду знакомить ее со своей девушкой. Мать всполошилась, но я заверил ее, что речь о женитьбе не идет, да и девице еще нет восемнадцати...

Я вышел на улицу полон радужных надежд, в предвкушении свидания... Телефон-автомат был за углом, а номер Мальвины еще не выветрился из памяти. Наверное, он никогда не выветрится... Трубку взяла Мальвина...

– Привет, Максик! – как-то преувеличенно радостно сказала она. Давненько я не слышал столь радостного приветствия.

– Привет, Мальвина! А можно Анну к телефону.

– Фи, Максик! Ты так быстро утешился. А должен был еще страдать от несчастной любви! Это даже обидно...

– У тебя же другое Пьеро... Зачем тебе мои страдания. Позови Анну, – со вздохом сказал я.

– Ты назло мне решил приударить сразу за двумя девицами, Макс?

Меня разговор уже начал раздражать, к тому же в голосе Мальвины слышалось торжество. Ну вот какого черта ей надо.

– Мальвина, позови Анну, – продолжал уныло канючить я. А что мне оставалось?

– А нету Анны! – злорадно ответила она. – Моя сестрица увела ее на вечеринку к своей подруге, там и мальчики будут. Пусть наша гостья из будущего оторвется по полной...

– Не может быть, – с отчаянием произнес я.

– Может, – продолжала злорадствовать Мальвина. – А ты думал моя сестра ангел во плоти? Но для тебя есть хорошая новость. Артурчик укатил к себе на малую родину, и я всю неделю совершенно свободна. Можешь пригласить меня на randevu!

Очень хотелось послать их с Артурчиком в одно нехорошее место, но из-за Анны нельзя провоцировать конфликт.

– В другой раз, сегодня не могу, – хмуро ответил я, и собирался положить трубку.

– Подожди, Максик! – вдруг затараторила Мальвина. – Скажи мне, где Ольга так прибарахлилась! Я тоже хочу такие брючки и спортивные туфельки... А я скажу тебе, где ты сможешь найти свою Анну. Давай подходи к моему подъезду, я сейчас выйду...

Обалдеть, вот как все обернулось. Еще неделю назад, я мог только мечтать о таком свидании, а теперь не знаю, как из него выпутаться... Конечно же подошел к подъезду, и

даже ждать не пришлось, Мальвина буквально вылетела из него и сразу схватила меня под руку, словно поймала беглеца. Вся была довольная и радостная. Только у меня радости не было. Я все еще был растерян, хотя раздражение нарастало.

– Да не злись, ты. Ничего с ней не случится. – затараторила она. – Расскажи лучше, куда ты Ольгу водил. Я тоже туда хочу. А правда, что она свои спортивные тапочки и классные брючки всего за рубль приобрела?

– Неправда, – буркнул я. – Она еще у меня два пятака заняла.

Мальвина захохотала.

– Ну, юмористы, – отсмеявшись, сказала она. – Рассказывай, где ты нашел страну дураков, и где в ней поле чудес?

– Ну, во-первых, это не страна дураков! И попасть туда очень не просто. Ни тебя, ни Ольгу я туда больше не поведу.

– Ольга и сама не пойдет...

– Правильно сделает. Дорога трудна и опасна, надо идти по карнизу на скале несколько метров, ползать по пещерам, а еще там стреляют... В общем трудно и очень опасно. Все еще хочешь идти?

– Нет! – глядя на меня чистым, голубым взглядом, ответила Мальвина. – Но ты ведь все равно туда пойдешь?

– Придется. Возьму с собой Никиту... Кстати, ты хотела сказать, куда твоя сестрица увела Анну.

– Да не волнуйся ты так. У Ольгиной подруги Зои Серки-

ной сегодня вечеринка по случаю чего-то там... До вступительных экзаменов еще далеко, решили расслабиться девочки. Ну, если тебе невтерпеж, могу проводить...

Идти незванным гостем на вечеринку не хотелось, но оставлять Анну одну в чуждом ей мире не хотелось тоже. Надо найти для Аньки другое жилье, но для того чтоб снять комнату надо срочно разбогатеть...

Мальвина шла нарочито медленно, уверенно держа меня под руку.

– Вот, сообщат твоему Артурчику, что ты со мной гуляешь, – мстительно сказал я ей.

– Было бы очень кстати, – проворковала она, и в голосе ее слышалось злорадство.

Похоже, Артурчик уже не фаворит у нашей Мальвины, – подумал я. Но мне-то что за дело, я больше не артист этого кукольного театра... Тем временем мы оказались у подъезда Зойки Серкиной. Я эту девушку не знал и приглашения на ее вечеринку не имел. Проблема, однако...

– Четвертый этаж, двенадцатая квартира. Вперед! – лучезарно улыбаясь сказала Мальвина.

– Может ты сходишь, позовешь? – хмуро пробурчал я.

– А что мне за это будет?

– Невинный поцелуй в щечку...

– Хорошо! Целовать меня будешь при Анне! Я ей сейчас сообщу твои намерения! – хохоча сказала Мальвина и убежала в подъезд.

«Идиот! – мысленно сказал я. – Сейчас Мальвина устроит представление». А Анька тоже хороша. Знала, что вечером я позвоню и все равно ушла на вечеринку. А вот сорву им представление, не буду Мальвину целовать. Ха! Я же не сказал кому будет невинный поцелуй в щечку! Вот я Анну и поцелую при всех! А при ком, при всех? Анна же одна должна выйти. Что-то долго она не выходит... То ли Мальвина обо мне забыла, то ли там гуляют от души... Хотя время еще не позднее, девяти еще нет. Так! За стол сели часов в семь, значит сейчас танцы в самом разгаре...

Подождав еще несколько минут, я плюнул и поднялся в двенадцатую квартиру. Дверь мне открыли не сразу. Лилась незнакомая ритмичная музыка, источник которой никак не просматривался. В центре большой комнаты на ковре танцевала Анна странный, завораживающий танец, а возле стен стояли и сидели зрители, как я понял приглашенные на эту вечеринку. Девушки и парни переговаривались вполголоса и не сводили глаз с танцовщицы. Тут действительно было на что посмотреть. Я и представить себе не мог, что одиночный танец мог быть таким красивым. Нет. Фигурное катание по телевизору я видел, там танцы тоже вызывали восхищение, но здесь было нечто другое.

– Что это? – шепотом спросил я.

– Тихо! – кто-то шикнул на меня, но ответ я все ж таки получил. – Это шафл, новый танец. Смотри, как великолепно танцует...

Все мое раздражение мигом улетучилось. Анята привела в восторг всю аудиторию и, явно, была звездой этой вечеринки. Источник музыки я определил быстро, это был ее смартфон, лежащий на тумбочке. Похоже, никто из присутствующих не заметил моего появления. Мальвина стояла рядом со мной, но меня уже не замечала.

Музыка кончилась, и Анна отключила свой смартфон. Народ сразу загалдел, кто-то просил станцевать что-нибудь еще, а девушки просили показать движения, чтоб научиться танцевать, парни хотели списать музыку. Анята, уже уставшая, но довольная произведенным эффектом, старалась угодить всем, снова включила музыку и стала показывать движения, кто-то из парней притащил магнитофон и установив микрофон пытался записывать, несмотря на шум. Меня никто не замечал, даже Анята так увлеклась, что забыла обо всем на свете.

Я отыскал Ольгу.

– Мы так не договаривались! – раздраженно сказал я.

Она сначала непонимающе смотрела на меня, а потом вдруг вскипела.

– А как мы договаривались? Ты просил приютить ее на какое-то время, я сделала это! А ты что хотел? Чтоб она жила у меня, а ты приходил к ней на свидания?! Ну тогда извини... У меня не дом свиданий!

У меня от ярости перехватило дыхание. Вот значит как! Я нянчился с ней двое суток, помог приборахлиться, почти на

халяву, а она теперь мою девушку пытается подsunуть своим знакомым пацанам. Впрочем, я, наверное, слегка перегнул в своих предположениях. Ольга тоже поняла, что сказала лишнего и пыталась сказать что-то, но я уже развернулся и вышел из квартиры успев поймать насмешливый взгляд Мальвины.

Выйдя на улицу, я немного остыл. Сам виноват, загнал ситуацию в тупик. Надеюсь, за сутки с ней ничего не случится. Но тут кто-то дернул меня за руку... Передо мной стояла Анна.

– Почему ты уходишь? Ольга сказала, что ты придешь на вечеринку к Зое, а ты так опоздал, и теперь, вообще уходишь... Что происходит Макс?

– Извини, Анюта. Ольга тебе наврала, я не знал про эту вечеринку и нашел тебя, через ее сестру... А вообще, я не должен был оставлять тебя у нее. Завтра я сниму тебе комнату. Давай договоримся так, завтра в четыре часа мы встретимся у кинотеатра «Восход», а сегодня тебе придется переночевать у Ольги.

В этот момент к нам подошли другие участники вечеринки.

– Максим! Оставь в покое Анну, – требовательно сказала Ольга. – Тебя, кажется, сюда не приглашали. Мальчишки нас проводят до дома.

– Но ты же сказала... – пораженно ответила Анна, – что Максим будет с нами!

– Это была шутка. А разве тебе было плохо без него? – усмехнулась она.

– Я не пойду к ней ночевать, – давясь рыданиям, сказала Анна и, отпустившись от меня, пошла по улице.

– Ой, какие нежности... – злобно крикнула вслед Ольга.

Я, конечно, Анну догнал.

– Не надо плакать, – сказал я, подавая ей носовой платок. – Я все решу. Извини, не знал, что Ольга так себя поведет.

– Куда мы пойдем? – постепенно успокаиваясь, спросила Анна.

– Сейчас позвоню своему приятелю, – ответил я и накинул ей на плечи свой пиджак.

Я позвонил Никите и вкратце описал ситуацию.

– В общем, Никита, комнату надо снять прямо сейчас... В конце концов, пора тебе тоже поучаствовать...

– Да я понял, подходи к моему дому, я тебе передам ключи от нашей дачи, берешь такси и вперед, время еще не позднее. Правда, там беспорядок и удобства во дворе, но какое-то время можно перекантоваться. А завтра мы с тобой разбогатеем и снимем квартиру...

– Не мы с тобой, а Анна!

– Ну да, конечно, извини. Давай подходи, я жду.

Дальше удача повернулась ко мне лицом. Дача Никиты оказалась не столь запущенной, и ночевал я там вместе с Ан-

ной. Ну не мог же оставить там одну. Родителей в известность, конечно, не поставил. А как мне это сделать? В общем и целом все сложилось удачно. Анюта была даже счастлива, что все так повернулось, да и я тоже. Утром мы сразу занялись делами. Первым делом навестили моих родителей. Пришлось опять просить прощения, за то, что заставил их поволноваться.

Но и тут все обошлось бесконфликтно. Увидев Анну, и пообщавшись с ней несколько минут, отец сказал:

– Не могу поверить, что вы из Боровска. Мне почему-то кажется, что вы из другой страны, я бы даже сказал, – с другой планеты.

– Почему вы так решили? – смутилась она.

– Нет провинциального налета... Признайтесь, ваши родители из столицы?

– Нет, – растеряно сказала она.

Я пришел к ней на помощь, отвлек отца какими-то вопросами, а матери сказал, что Анна готовится поступать в институт, а в Ельск приехала на два дня, просто так отдохнуть у тетки. И чтоб избежать дальнейших расспросов, сказал, что нам очень некогда, мне надо починить ей одну вещь. Я показал ей аппарат, – плоскую дощечку, – которую Анька называла электронной книгой. Мать пожала плечами и ответила, что по случаю знакомства надо хотя бы чаю попить. Я понял, что моя пассия ей понравилась. Мальвину, в свое время, она встречала довольно прохладно.

Мы прошли в мою комнату, и я занялся ремонтом аппарата. «Чего тут ремонтировать? – думал я. – Всего четыре кнопки, пропаю или почищу контакты...» Провозился минут двадцать, открывая корпус. Оказалось все не так просто, хорошо, что у меня осталась насадка на паяльник для пайки мелких деталей. Пропаил контакты почти наобум, но, о чудо, аппарат заработал. Анна включила его... Увидев каталог книг, которые якобы находились там, я только хмыкнул. А кто бы в это поверил?. Но когда она открыла какой-то фантастический роман и начала листать страницы, я потерял дар речи...

Нас все же усадили за стол пить чай. На Анну сыпались самые разнообразные вопросы, особенно со стороны матери. Я бесцеремонно вклинивался и старался отвечать за нее, не хватало еще тут засыпаться. Мать возмущалась моим вмешательством, отец помалкивал, наблюдая нас как бы со стороны.

Наконец, я объявил, что у нас еще много дел, и забрав два кнопочных «старых» аппаратов Анны, мы отправились к Никите. Пора делать бизнес. Родителям объявил, чтоб не ждали, вернусь поздно, а возможно заночую у Никиты на даче.

Когда мы вышли на улицу, Анна сказала, что хотела бы забрать свои вещи, которые остались у Ольги.

– Я еще свой смартфон вчера забыла у Зои, – добавила она.

– Хорошо, сейчас заберем твои вещи, если Ольга дома, –

ответил я. – Потом к Зое ходим.

Дела пошли не так, как я планировал, а послезавтра мне уезжать в стройотряд. Оставлять тут Аньку одну, похоже, нельзя... Я направился к телефону автомату.

– Так странно, – сказала она, – как вы живете без сотовой связи, без интернета?

– Без чего? – тупо спросил я.

– Без связи...

– Так связь есть, только по проводам, – ответил я. – Впрочем, радиосвязь тоже есть, но аппараты громоздкие. В карман не поместятся...

Я набрал давно известный мне номер телефона. Ольга оказалась дома.

– Привет, – сказал я, – это Максим. Анна хотела бы забрать свои вещи.

– Пусть приходит и забирает, – хмуро ответила Ольга.

– Хорошо, мы сейчас подойдем, – ответил я и положил трубку.

Возле Ольгиного подъезда мы встретили Зою с парнем.

– Аня! Как хорошо, что мы тебя встретили, – затараторила Зоя. – Ты вчера забыла у нас свой магнитофончик! Такая классная штука! Вот он. Держи. Я хотела передать через Ольгу. Знакомься, это Игорь. Он вчера у нас был, но ты так быстро убежала.

– Здравствуй Зоя, привет Игорь, а это мой друг Максим.

– Я помню вчерашний эпизод, – ответила Зоя. – У вас с

Ольгой какое-то недоразумение произошло, но раз вы к ней пришли, значит уже все в порядке. Идемте вместе.

– Идемте, – ответила Анна, – только я пришла забрать свои вещи...

– Значит, не помирились. Тогда мы подниматься не будем, подождем вас на улице. Не люблю участвовать в разборках.

Кто же любит эти дела... Ну а мне придется сопроводить мою подругу, хотя тоже с удовольствием подождал бы на улице. Дверь открыла Ольга и пропустила Анну, а меня пропускать не спешила. Тогда Анна тоже вышла из двери и сказала:

– Оля, пожалуйста, принеси мою сумку.

Ольга ушла, но вместо нее появился ее отец.

– Что ж вы стоите молодые люди, – удивленно сказал он. – Проходите. Анна, насколько я понял, гостит у нас. А вас Максим, я, кажется, тоже знаю.

Еще бы ему не знать. Столько времени был штатным кавалером его старшей дочери. К тому же полковнику КГБ по должности положено знать все, и даже то, что не касается его дочерей. Вот эта мысль и сидела во мне как заноза.

– Извините, Вадим Петрович, – сказал я, – но сейчас мы спешим. Во дворе нас ждут друзья, сейчас Ольга нам передаст кое-что, и мы пойдем.

Появилась Ольга с Анькиной сумкой в руке, но передавать не спешила.

– Может, пройдет? – хмуро сказала она.

– Извини, но нам действительно некогда, – твердо ответи-

ла Анна и протянула руку.

Ольга протянула ей сумку.

– Ну как знаешь, твой смартфон я не нашла...

– Оставь его себе. Пользоваться им ты уже умеешь, а у меня другой есть.

Во дворе нас ждали Игорь и Зоя.

– Аня, – сказала Зоя, – может, скажешь, куда ты документы подала? Ты в какой институт поступаешь?

– В медицинский, – ответил я вместо нее. – Извините, ребята, но нам надо идти по очень срочному делу.

– Знаешь, Максим, – обижено сказал Зоя. – У тебя есть одна особенность, ты всегда появляешься некстати. А тебе, Аня, должна сказать, что в тебя вчера все наши мальчики влюбились. Ты прямо, как комета, промелькнула на нашем небосклоне и исчезла. Но, надеюсь, мы еще встретимся. Игорь тоже в медицинский поступает...

Мне за сегодняшний день уже надоело извиняться. Анька, как магнит, притягивала к себе самых разных людей, а я без конца извинялся. Если дальше так пойдет... Нет! Дальше так не пойдет. Девиц пусть сама отшивает, а с парнями, если появятся, я разберусь без расшаркиваний. Мы помахали Зое с Игорем, который за все время не произнес ни слова, и быстрым шагом направились к Никите.

Никита встретил нас радостный и довольный. Два кнопочных аппарата он уже успел реализовать по 250 рэ за штуку, вручил Аняте 400 рэ.

– Нам с тобой комиссионные положены, по 50 рэ, – шепнул он мне.

– Ну, это все неплохо, – ответил я. – Теперь надо Анне снять комнату. Мне надо завтра отбыть в стройотряд, а ты будешь курировать нашу гостью. Я через месяц возвращусь, а ты к этому времени выходишь в отпуск на две недели...

Никита сразу сник.

– Послушай, Макс, – сказал он. – Во первых ей лучше пожить у нас на даче и не светиться в городе... Во вторых тебе надо как-то откосить от стройотряда, давай я попробую достать тебе справку о болезни... У меня есть теперь надежный человек в больнице. Все будет хорошо, только Анну не желательно оставлять одну, не то что на месяц, а даже на час. Иначе накроется наш бизнес медным тазом.

Анна наш разговор с Никитой не слышала, занята была беседой с женой Никиты. Я понимал справедливость его доводов, но косить от работы в стройотряде не хотел. Выход был только один: надо совершить обратный вояж и вернуть девушку в свой мир. В конце концов, ответный визит состоялся, хотя не удалось организовать должный комфорт. Знакомство с моими родителями тоже состоялось... Ну осталось поводить ее по городу, может в кинотеатр, показать наши магазины, а куда еще?

– Ладно, Никита, доставай мне справку на неделю, – ответил я. – За это время, мы определимся какой товар, сможем поставлять в обратную сторону, ведь везти туда наши монеты антикварам, это не серьезно. Потом, я отправлю Анну назад и вернусь.

Через час мы с Анной вышли от Никиты, и я предложил Анюте отобедать в ресторане, по случаю успешного завершения сделки. Правда к тем четыреста рублям она отнеслась равнодушно, заметив вскользь, что едва ли их хватит на обед в ресторане. Нам хватило пяти рублей, причем я выбирал самые дорогие блюда, правда, от спиртного воздержался. И именно это обстоятельство сыграло свою положительную роль в дальнейших событиях.

Дело шло к вечеру, и я решил заготовиться продуктами и отправиться на дачу. Анята не возражала, похоже, события последних суток утомили ее. Название магазина «Гастроном» ее не удивило, в шок поверг сам магазин.

– Какие странные витрины, – почему-то шепотом сказала она. – И товаров почти нет... А супермаркетов у вас не бывает?

– А что такое супермаркет? – также шепотом спросил я.

Впрочем, какие у них магазины я уже знал, поэтому, чтоб не привлекать излишнего внимания, я быстро купил хлеб, масло, сыр, шматок колбасы, чай. Все это поместили в Анютин рюкзачок. Напоследок я решил купить консервов, взял кильку в томате и, чтоб не открывать снова рюкзак, сунул

ее в карман ветровки. Это, как потом оказалось, не только спасло мне жизнь, но и развернуло нашу историю в другое русло.

На последний автобус мы успели, и через полчаса тряски по ухабистой дороге, бодро шагали через небольшой лесок к воротам дачного товарищества. Солнце клонилось к закату, дул теплый ветерок, а за поворотом, уже не далеко от ворот, прямо посередине дороги стояла серая волга. Такие машины нечасто заезжали на садово-огородные массивы, правда и «москвичи» там тоже были редкие гости. Автобус, – вот транспорт огородников во все времена... Но не машина меня насторожила. Прямо перед машиной посреди дороги стояла Ольга и ждала, пока мы подойдем. Однако я остановился и остановил Аньку, которая рот открыла от удивления. Ситуация мне все больше не нравилась. Я машинально сунул руку в карман ветровки и инстинктивно ухватился за банку консервов.

– Анна, садись в машину, тебя отвезут в гостиницу. Максим сегодня очень занят и не сможет тебя сопровождать, – подходя к нам, сказала Ольга.

– Я без Максима никуда не поеду, – твердо ответила Аня. В этот момент, я почувствовал, что меня сзади схватили за руки, которые я так и не вынул из карманов ветровки. Обернувшись, я увидел за спиной двух крепких парней, возникших из ниоткуда. Так, приехали. Это захват, работает комитет безопасности, а именно Вадим Петрович Сосновский.

Ольга подключила папочку... А вот и он сам вылез из машины и шагает к нам.

– Давай Максим, без глупостей! – крикнул он. – Да, нашу гостью поселят в гостиницу, а с Максимом побеседуют в нашем ведомстве, ему есть что рассказать.

«А вот хрен вам, – разозлился я. – Мальвин своих допрашивай, Карабас–Барабас чертов». Вслух правда ничего не сказал.

– Так, значит, гостей встречаете... – сказала Анна и хищно взглянула на Ольгу.

Та даже попятилась. А у Анны в движениях появилась какая-то кошачья грация, и она стала смещаться в сторону... Вдруг сделав разворот, она нанесла удар ногой в голову парню, который держал меня за правую руку. Тот раскинув руки опрокинулся навзничь. Я тотчас выдернул руку из кармана ветровки, а в ней была зажата банка консервов. Донышко блеснуло на солнце, и банка полетела на дорогу к Ольге и ее папаше.

– Ложись! – заорал тот и, побледнев, закрыл собою свою дочуню.

Второй парень отпустил меня и упал на землю.

– Бежим! – крикнул я и, увлекая Анну, бросился в лес.

Анна не отставала, и мы резво бежали прямо по лесной тропинке, которая вела к дороге, но если с нее свернуть и пробежать немного вдоль забора огородов, то можно попасть в настоящий лес. Именно так я и поступил.

– Догнать! – раздался отдаленный крик Вадим Петровича. Анна бежала довольно резво, но вдруг остановилась.

– Ты чего? – тоже остановился я. – Догонят, проблем не оберешься...

– Пусть догонят, – спокойно сказала она. – Их же всего двое.

– Нам и одного хватит...

– Я чемпионка города Боровска по карате. Могу свободно четверых таких парней уложить. Они же понятия не имеют об этой борьбе... Ну сам подумай: зачем нам бегать по лесу? У нас, по-моему, другие дела найдутся...

В этот момент нарисовались оба преследователя. Анька не наврала насчет своего чемпионства. Одного она успокоила сразу и, похоже, надолго, зато другой выхватил пистолет и направил его на меня. Лучше бы он этого не делал. Выстрелить он успел до того, как она сломала ему руку, но мимо. Потом она добавила еще, и он взвыл от боли, катаясь по земле, зажимая сломанную руку.

– Больше не ходите за нами, – сказал я ему, затем подобрал пистолет и сунул в карман ветровки, где раньше была банка консервов.

Надо было быстро покинуть Ельск, это я уже понял. И надо во что бы то ни стало вернуть Аньку в ее мир. На станции Басаргина нас наверняка будет ждать засада. Да! Хотелось интересных приключений со стрельбой и погонями, так вот они! Теперь если госбезопасность возьмет меня за шкирон, о

стройотряде можно не беспокоиться, да и об институте можно забыть. Сначала в армию... или нет сначала в тюрьму. А как же! Нападение на сотрудников, завладение оружием... Лет на семь потянет... Так! Хватит мечтать! Надо действовать. Сразу к порталу нельзя, надо где-то отсидеться, неделю или две, для этого нужны деньги. И они у нас есть! Хвала Никите и его барыгам.

Места эти я знал хорошо. Впереди в пяти километрах лежал поселок, через который ходили междугородние автобусы и мы направились к нему. Что для нас пять километров после таких-то приключений. И пока мы шли, возник план. Ближайший город, небольшой, поменьше Ельска, назывался Белоярск. Именно туда мы и направились. По дороге я изложил своей подруге, как я вижу наше ближайшее будущее.

– Сейчас, Анюта, – заговорил я, – мы устроим себе небольшое путешествие. Впереди поселок Дружба, там мы сядем на автобус и уедем в город Белоярск, закупим туристское снаряжение: рюкзаки, палатку спальники, котелок, примус, посуду, продукты и отправимся на природу. В поход, проще говоря. Мы же любим друг друга, устроим себе медовую неделю или две... Дальнейшая жизнь у нас вряд ли получится, но тебя я домой верну, в этом не сомневайся.

– Ты прав, я согласна, – со вздохом ответила она.

– Ну вот! Природа тут прекрасная, погода отличная, солнце, речка, лес и никого вокруг, только мы с тобой...

На берегу лесной речки со странным названием Сива, стояла желтая палатка под тентом, вокруг шумел лес. Не глухой таежный угол, но до ближайшей деревеньки километров семь с гаком. Главное народу вокруг нет. Ни единого человека сюда не забредало. Только я и моя Аня. А нам больше никого и не надо. Мы купались в прозрачной воде, загорали на песке, готовили пищу на костре или на примусе. Мы рассказывали друг другу о жизни: каждый, о своей, стараясь находить темы, понятные другому. Я узнал много из того что должно произойти в нашем мире, а Аня рассказывала о своем, не пытаясь приукрасить или очернить его. Сердце мое переполняла любовь к этой девушке, которую по своей глупости затащил в такую передрагу...

Срок нашего пребывания зависел только от финансовых средств и не от чего больше. Впрочем, я видел, что Анна уже скучает по дому, хотя старается не показывать виду. Эта глупая игра в контрабандистов между мирами, которую мы придумали с Никитой, больше меня не вдохновляла. И единственное, что мне хотелось, это разрушить портал в Анян мир, чтоб никакой Карабас Барабас туда не попал. Как только отправлю ее туда, так устрою небольшую катастрофу в этих пещерах, надо только взрывчатку найти.

Две недели прошло, и хотя деньги еще оставались, я сказал, что нам пора.

– Ты будешь жить у нас! – безапелляционно заявила Анна. – Тебе нельзя возвращаться...

Я и сам знал, что меня ждет по возвращению, но зачем сейчас об этом думать.

– Сейчас, Анята, нам надо думать о том, как отсюда выбраться, – ответил я.

Собственно, план-то я продумал еще в первые дни нашего отдыха на природе. Правда, я взял некоторое альпинистское снаряжение. Появилась у меня мысль поискать другие пути внутри скалы, – на обратном пути, разумеется. А пока мы продвигались к цели на пригородных и междугородних автобусах. Ночевали в деревнях, там народ деньгами не избалован и за пять рублей пускали переночевать, не спрашивая паспорт.

Короче, появились мы у заветной скалы совсем не со станции Басаргина. Я сразу заметил часового, который охранял подъем к заветной площадке, откуда начинался путь по карнизу скалы к щели портала. Все ожидаемо, нас ждут со стороны станции, а с другой стороны подняться невозможно. Только я знал, что на эту площадку можно попасть и с другой стороны. Одному там не пройти, а вдвоем очень даже можно. С помощью Аняты я поднялся на высокий уступ, затем втащил ее, потом мы повторили это на следующем уступе, дальше было уже проще. Тут главное не нашуметь... И мы с этой задачей справились. Не прошло и получаса как мы оказались на площадке. Часовой на площадку не смотрел и мы с Анной начали движение по карнизу.

В этот раз Анна шла первой, а я замыкал нашу группу.

Часовой все же нас заметил на карнизе.

– Стоять! – заорал он. – Немедленно вниз!

Затем выстрелил в воздух и побежал наверх к площадке. Он попытался ступить на карниз, но идти не решился.

– Стоять! Стрелять буду! – снова заорал он.

– Анята, – сказал я подруге, – не обращай внимания, не будет он стрелять.

На поражение он действительно не стрелял, зато начал лупить по скале над карнизом. Каменная крошка летела во все стороны. Но это ничего не меняло. Анна скрылась в щели и, через пору минут, я последовал за ней.

Оказавшись в пещере, мы отодвинулись от щели, опасаясь выстрелов, которые все еще доносились снаружи. Достать он нас уже не мог, но запросто могли снарядить погоню. Наверняка рядом должна быть группа бойцов обученных скалолазанию, впрочем, и внутри нас могли ждать сюрпризы. Я включил фонарик и осмотрелся, каменный проход был пуст, насколько доставал луч фонарика. Внезапно раздался странный гул, сверху полетела каменная крошка, и вдруг что-то грохнуло. Сразу стало темнее. Только лучи наших фонарей освещали пещеру. Щель, через которую мы только что влезли, исчезла. Гул прекратился. Я стал внимательно осматривать стену пещеры, где был выход наружу, но обнаружил только камень.

– Ну вот! Теперь Карабас Барабас нас не достанет, – хмуро сказал я. – И Мальвине не видать контрабандных шта-

нов. Видно не судьба мне стать контрабандистом между мирами...

– Макс! Чего ты там бормочешь, – громким шепотом сказала Аня. – Наши проблемы еще не кончились. Идти надо!

– Ты права, идем... – отозвался я.

Впереди тоже могли быть сюрпризы. Наверняка полковник отправил сюда разведку. Ну, тем хуже для них... Мы бодро шагали по каменному коридору, освещая путь фонариками. А вот и провал... никуда не делся. Я взял Анну за руку и двинулся к стене, чтоб перебраться, как обычно по карнизу, но... Карниза не было. Веревки страховочные держались, на вбитых кем-то крюках, а ниже, где всегда был карниз, теперь была гладкая стена. Вот это да!

Но для меня это не препятствие. Снаряжение я закупил, будто знал, что нас ждет. Ну, допустим стену можно пройти маятником, натянуть страховку, а потом Анну протащить. Навыков у нее нет, но она девушка смелая и высоты не боится. Впрочем, в темноте высоты и не видно, чего ее бояться... Затем, я посветил вниз, в провал. Не так уж и глубоко, метров семь-восемь. Можно спуститься вниз, а потом подняться вверх. Так, пожалуй, будет безопаснее для нее.

Новое, неожиданно возникшее препятствие, Анну не смутило, чему я порадовался в душе. Если бы не ее месте была Ольга, проблем было бы больше... Объяснив ей порядок дальнейших действий, я начал спускаться. Стена была не ровной, как это часто бывает в горах, было за что уцепить-

ся и куда ногу поставить, но несколько крюков я вбил, для страховки. Не много времени мы потратили на спуск, зато внизу ожидал сюрприз. Это был не просто провал, в ту же сторону, откуда мы пришли, уходил туннель. Идти по нему надо было согнувшись, но все же идти, а не ползти.

– Ладно, – сказал я, – разведывать новые пути будем в другой раз. Сейчас пойдем по проторенному, через зеркальный мир.

– Хорошо, – ответила Анна.

Дальше, оставив ее внизу, я начал штурмовать семиметровую стену. Она стояла почти вертикально, но были выступы и щели. Я вбивал крючья и поднимался. В голову лезли нехорошие мысли. Если лаз в зеркальном мире охраняют нехорошие дяденьки с автоматами и, увидев нас, сразу начнут палить? У меня, конечно, теперь есть «макаров» с шестью патронами, но против калаша слабовато... А что делать? Заползаешь в нору и не знаешь, что тебя ждет. Ну, да ладно, чему быть того не миновать.

Выбравшись на площадку перед щелью, я спустил Анне веревку, которой она обвязалась, как положено. Однако, перед тем, как ее поднимать, я на всякий случай решил выглянуть наружу. Вдруг там тоже сюрприз приготовлен от полковника Сосновского.

– Подожди пока, – крикнул я Анне, – надо проверить кое-что.

Проверил... Лучше бы уж бойцы Сосновского ждали...

Цель выхода в зеркальный мир была на месте, только почему-то она стала уже раза в три-четыре. Если раньше сквозь нее протиснуться было довольно легко, то теперь нечего и мечтать. Даже одна Анна не пролезет... даже без одежды... Мне стало не по себе. Похоже, ловушка захлопнулась с двух сторон.

– Анята! – крикнул я. – Стой там, я спускаюсь к тебе.

Я спустился быстро.

– Придется искать другой путь, – начал объяснять ей сложившуюся ситуацию.

– Ловушка захлопнулась, – мрачно, но без паники, прокомментировала она.

– Там есть выход, – ответил я, указывая на туннель. – Чувствуешь, дует оттуда...

Идти по низкому туннелю, где нельзя встать в полный рост, да еще тащить рюкзаки это то еще удовольствие. Рюкзаки пришлось тащить почти волоком. Я шел первый внимательно осматривая путь впереди, Анята двигалась за мной без всяких жалоб и стонов, правда свой рюкзак она откровенно волочила по камням. Шли, конечно, медленно. Наконец впереди показался тусклый свет и шел он откуда-то сверху. Наши фонарики уже почти сдохли, надо было менять батарейки. Это я, слава богу, предусмотрел, они лежали в моем рюкзаке в боковом кармане, но в данный момент, я их менять не собирался и мы шли почти на ощупь.

Наконец я увидел вверху круглую дыру, из которой лился

свет и чуть не свалился в провал вниз. Помешал огромный камень, который лежал на пути. Теперь свету было достаточно, и я убедился, что этот валун упал сюда совсем недавно. Анята подошла ко мне и тоже рассматривала отверстие наверху.

– Да здравствует свобода! – не скрывая радости, сказала она.

Я и сам был безмерно рад. До желанной свободы было ходу метра четыре по не очень крутой стенке. Уклон градусов семьдесят, с выступами, для меня трудностей не представлял. Я быстро прошел его, кое-где вбивая крючья, и протянул страховочную веревку. Затем вытянул наши рюкзаки и подстраховал Аняту, которая уже довольно сносно управлялась с альпинистским снаряжением.

В результате мы оказались на небольшой площадке скального массива. Местность была совершенно незнакомая. Но это меня не удивило. Мы с Никитой далеко в горный массив не забирались. Площадка заканчивалась карнизом, по которому предстояло пройти метров десять до пологого склона. Придется поработать молотком, вбивая крючья. Но для начала, мы, конечно, отдохнули, обозревая окрестности.

Внизу, примерно в часе пути просматривалась зеленая ложина, наверняка там ручей или речка, можно поставить палатку и заночевать. Анята достала свой смартфон и даже взвизгнула от радости.

– Есть сигнал! Слабый, но есть!

– Кому звонить собралась? Если бабушке, то не забудь, что мы в Ельске. Раньше завтрашнего дня в Боровск нам не попасть...

Но Анна меня не слушала и уже набирала номер.

– Бабуль, привет!... Как чего звоню? Просто так звоню! Настроение хорошее! Мы с Максимом завтра приезжаем!... Как с каким Максимом? С моим Максимом... Да тебе я звоню, бабуль. Как я могу ошибиться, если твой номер в списке контактов... Тебя зовут Александра Ивановна, меня зовут Анна Валерьевна, а твоего сына, моего отца зовут Валерий Петрович... Я тоже ничего не понимаю... Куда я вышла? В «магнит» за продуктами?

– Анята! – сказал я. – Прекращай разговор. Потом разберетесь, кто куда вышел, и как кого зовут.

Похоже, случилось то, во что очень не хотелось верить. Портал вывел нас не в тот мир, куда мы хотели попасть. Маршрут-то другой. Пока Анна в глубокой задумчивости укладывала свой смартфон, я ступил на карниз и начал прокладывать путь, вбивая крючья и натягивая страховочную веревку. Это заняло почти час. Следующий час мы спускались в лощину. Склон был пологий, и мы бодро шагали по камням. Анна молчала. Она уже поняла, что мы в зеркальном мире, причем, ее мире. Солнце садилось на востоке, а разговор с бабушкой развеял последние сомнения.

– Ну что, разбиваем палатку или пойдем знакомиться с твоим отражением? – наконец, спросил я.

– Разбиваем палатку, – мрачно ответила она.

Костер мы разводить не стали, пищу приготовили на примусе. Палатку разбили недалеко от ручья. За день мы вымотались и морально и физически, потому уснули быстро. На другой день встал вопрос, куда идти дальше. Собственно, это я должен объявить дальнейший маршрут, как командир отряда или глава клана, или проводник между мирами или как черт знает кто еще. Все пути дороги мелькали в голове, но в целостную картину не складывались. Анна готовила завтрак и в мои размышления не вмешивалась.

В этот момент с другой стороны ручья послышались голоса, и перед нами появилась группа туристов: три пацана и две девушки.

– Привет! – крикнул высокий белобрысый парень. – Вы откуда?

– С Боровска, – ответил я. – А вы?

– Мы издалека, с Ельска, в горы собрались.

– А мы уже возвращаемся, только вот... – вдруг мне в голову пришла одна мысль, – тут есть одна пещера, и мы хотим ее навестить.

Я показал пальцем на скалу, с которой мы спустились. Вход в пещеру с такого расстояния выглядел как едва заметное пятнышко...

– Не рекомендую! – категорично заявил блондин, очевидно, он был в этой группе командиром. – Знающие люди говорят, это плохое место. Никто из вошедших в эту пещеру

обратно не вернулся.

– Спасибо за совет, – ответил я.

«То место, откуда мы прибыли, тоже плохое, – думал я, – надо найти хорошее».

– А хороших пещер поблизости нет? – с глуповатой улыбкой поинтересовался я.

– Мы этого не знаем! Не спелеологи, ведь! – сказал парень, и группа проследовала мимо нас. – Пока! – крикнул напоследок вожак.

– Чего это они так тарацились на нас? – спросила Анна, когда группа отошла достаточно далеко.

– А ты не догадываешься? Наша экипировка отличается от их, как небо и земля. Они такую палатку только в кино видели, а рюкзаки...

– Ну, ладно, бог с ними... Что делать дальше будем? Ты уже решил?

– Вариантов два: можно поискать еще пещеру на этой скале или вернуться и отправиться, как сказал этот парень, в нехорошее место. Там есть еще неисследованные ходы: вверху, прямо напротив выхода, и внизу откуда мы поднялись.

– Мне сказать свое мнение?

– Говори!

– Я за то, чтоб поискать другую пещеру на этой скале.

– Я за то же самое. Надоело шараться в темноте. На станции нам делать нечего, денег тутошних все равно нет...

– У меня есть карточка и она может сработать.

– Будем иметь в виду...

Некоторые особенности Анькиного мира я уже знал. Кое-что по собственному опыту, большинство по ее рассказам. Мы свернули палатку, собрали рюкзаки и отправились к скале. Мысли мои мысли, что мне с вами делать... Получается, нарушил я свое обязательство отцу Анюты: не могу ее вернуть. С другой стороны, если там время не идет, пока мы бегаем по другим мирам, то он об этом и не узнает? Только в зазеркалье мне все равно оставаться не хочется, да и Анюте тоже...

– Макс, я в зазеркалье оставаться не хочу, – словно подслушав мои мысли, сказала Анна. – Лучше уж жить в твоём мире.

– А что в этом хорошего? – ответил я. – Меня сразу посадят, а твоя судьба вообще неизвестно как повернется. В моем мире сейчас социализм, а в твоём капитализм. И не дай бог народ узнает что-нибудь о жизни без направляющей линии партии и ее ЦК! Не зря полковник Сосновский так всполошился. Да даже если нас оставят в покое, перекрыв портал, ты не сможешь жить в моем мире... А я наверное не смогу в твоём...

– Что же нам делать? Ведь я люблю тебя, а ты любишь меня!

– Нам надо, во что бы то ни стало, вернуться в твой мир. А потом мы расстанемся...

– Нет! Я не отпущу тебя!

– Ты еще маленькая, тебе всего семнадцать.. А жизнь длинная...

Переговариваясь, мы поднимались по склону, осматривая внимательно скалу на предмет другой пещеры. А погода портилась: поднялся ветер, появились тучи и где-то вдали уже грохотал гром. До карниза, по которому мы вышли на склон, было уже недалеко. Но до начала грозы было гораздо ближе. Впрочем, проходить карниз при таком ветре было невозможно. Надо было искать укрытие... И оно вдруг нашлось. Грот. Совсем небольшой: метра три в глубину, в ширину побольше. От дождя укрыться в самый раз.

А гроза-то разразилась не на шутку. Ветер завывал в каменном мешке, как черти в аду. Почему-то напрашивалось это сравнение. Молнии сверкали, и в их блеске менялись очертания скального пейзажа, а раскаты грома так били по ушам, что стало казаться, будто нас обстреливают из пушки нехилого калибра. Я расстегнул ветровку, и Аня спрятала голову у меня на груди, словно котенок.

Дождь не заставил себя ждать, полил так, что вскоре слышно стало, как потоки воды бегут по склону вниз. На наше счастье, вода в грот не затекала. Буйство природы продолжалось. Мне стало казаться, что молнии целенаправленно бьют именно в нашу скалу, словно высшие силы передали про двух странников не из мира сего и решили их испепелить. По моему разумению, гроза уже должна была растратить свою силу и пойти на убыль. Ведь так всегда было...

в моем мире. Так природой назначено...

Но похоже природа сейчас не на нашей стороне. Молнии продолжали бить в скалу, выше нашего грота, и, я почувствовал, что скала отвечает им, каким-то странным эхом. Может мне это только кажется? Спросить у Анны я не решился, наверное, ей и так страшно...

Гроза прекратилась внезапно. Она не стихла, а именно прекратилась. «Но ведь так не бывает, – подумал я». Голова гудела как пустой котел, а снаружи уже выглянуло солнце. Анята встала, потянулась, как после глубокого сна и вышла из грота. Я последовал за ней. На голубом небе светило яркое солнце. Что-то неуловимо изменилось в окружающем мире. Будто вовсе и не было страшной грозы, где-то щебетали птицы. Трава, пробиваясь среди камней, блестела каплями воды. Вся природа выглядела так, словно только что проснулась после долгого сна. Даже серые скальные камни, стали выглядеть поновее. Внезапно передо мной появилась Анна. Судя по ее радостной улыбке, она уже знала то, о чем я уже начал догадываться.

– Мы уже не в зеркальном мире, – сказала она. – Я вижу по солнцу, по расположению скал, по деревьям...

– Я уже это тоже понял. А еще, здесь нет больше карниза, который ведет в нашу пещеру...

– Кстати, самой пещеры тоже нет...

– Тогда доставай свой смартфон и звони бабуле.

– Не могу, аккумулятор разрядился. Он уже вчера был на

границы...

Мы надели свои рюкзаки и отправились в недлинный путь на станцию «Басаргина», рассчитывая к вечеру, ну пусть к ночи, быть в Боровске.

Туман над ущельем

1

Шесть всадниц во весь опор летели по проселочной дороге. Храпели кони, летела грязь из под копыт. Третий час они преследовали карету, запряженную шестеркой лошадей, которую сопровождали два десятка верховых. Силы слишком неравны, противник силен. Дело даже не в количестве, если бы это были обычные кавалеристы или даже казаки, то хорошо обученным амазонкам можно было надеяться одолеть врага. Ведь стреляли они из своих карабинов великолепно, а в рукопашной схватке, каждая стоила троих. Однако, в этот раз им противостояли равные соперники, или почти равные. Это были тренированные бойцы, владевшие рукопашным боем и умевшие неплохо стрелять.

Элла Юрьевна, куратор амазонок вела свою группу по следу, оставленную каретой, которая увозила их подругу Веру Павловскую в неизвестность. Клан «Черный кристалл», ворвался в пансионат искусств, где воспитывались амазонки, и не только они, а еще и другие девочки, которые не занимались боевыми искусствами. Они почти молниеносно захватили в заложники младшую группу воспитанниц и под угрозой расправы потребовали выдать им Веру Павловскую.

– Мы не хотим войны с вами! – выкрикнул их предводитель. – Отдайте нам Павловскую и все останутся живы!

В этих обстоятельствах Вера вышла добровольно. Ее усадили в карету, и весь отряд нападавших также молниеносно покинул пансионат. В результате этого нападения были убиты два сторожа, конюх и ранена директор пансионата Татьяна Павловна. У нападавших потерь не было, слишком внезапным был этот налет.

Погоня возникла спонтанно. Ника бросилась в арсенал, вооружилась и, оседлав коня, поскакала выручать подругу. Четверо амазонок, выпускницы 1916 года, присоединились через несколько минут, а вслед за ними и их куратор Элла Юрьевна.

Шел 1918 год, война с Германией и революция потребовала мобилизации мужского населения, но остались еще внутри страны мужики, которые вели совсем другие войны. Еще никогда пансионат не подвергался нападению, но все когда-то случается в первый раз. Элла возглавляла погоню. Глупой она не была и не собиралась немедленно вступать в бой. Главное было не упустить их из виду, определить место, куда везут Веру, а уж потом заняться ее освобождением. А у бойцов клана задача была прямо противоположная: сбить со следа амазонок. Они-то понимали, кто им противостоит и точно знали, несмотря на то, что пансионат понес потери, война объявлена, и до победы еще далеко.

Кавалькада вылетела из леса, впереди расстилалось вы-

кошенное поле. Поздняя осень, однако. Низкие тучи сеяли мелкий дождь, завывал промозглый ветерок. Далеко впереди катила карета, в сопровождении очень немаленького эскорта.

Элла не упустила момента, когда два десятка всадников вдруг развернулись и поскакали им на встречу, но не в лоб, а разделившись на две группы стали охватывать амазонок с флангов. Маневр был ясен: уничтожить погоню, и не дать никому уйти. Благодаря численному перевесу он должен был удасться, и наверняка удался бы с любым войсковым подразделением, но...

– Всем спешиться! – скомандовала Элла. – Ника, Света направо, остальные налево. Стрелять с колена на поражение всадников, огонь по готовности!

Команда была немедленно выполнена. Раздались выстрелы, ответ последовал незамедлительно, атакующие стреляли на скаку. Однако результат был предсказуем: каждая амазонка успела сделать три выстрела и силы стали равны. Хотя Элла получила пулю в грудь, у амазонок осталось только пять противников, правда конных против пеших. Командир эскорта слишком поздно понял свою ошибку. Удрать, даже на конях было невозможно, девы слишком хорошо стреляли. Оставалось принять бой.

Ника, метнув нож, ссадила с коня одного и, уклонившись от палаша второго, прыгнула к нему сзади на круп лошади, жестко захватив голову левой рукой, а правой загнала нож

под ребро. Остальным амазонкам удалось справиться с всадниками без потерь.

Эскорт кареты «Черного кристалла» перестал существовать, но сама карета исчезла в дождливом мареве осеннего дня. Элла получила тяжелое пулевое ранение и нуждалась в немедленной помощи.

– Дальше я одна, – сказала Ника своим подругам. – Вы должны спасти Эллу Юрьевну.

Авторитет Ники в группе амазонок был непререкаем и никто не оспорил ее команду. Собственно, другого решения быть не могло. Оставив подруг, Ника верхом отправилась до ближайшей деревни, надеясь отыскать следы скрывшейся кареты.

Время шло и следы кареты, увозившей Веру, терялись среди раскисшей дороги. Начало темнеть, и Ника свернула к поселку. Вообще-то это было довольно большое село, в котором раньше амазонкам приходилось бывать, правда, они были в обычной женской одежде, но теперь, во время революционных преобразований, уже появлялись женщины, наряженные в военную форму, что местным населением воспринималось, как развратное поведение.

Теперь понятно, что когда Ника появилась на постоялом дворе в черном бушлате и таком же комбинезоне, это вызвало неодобрение среди прислуги. Впрочем, неодобрение было почти молчаливым, только косые взгляды, да многозначительные хмыканья среди женщин и понимающие улыбки

у мужчин.

На доме постоянного двора висел красный флаг, и Ника не была уверена, что ей удастся здесь переночевать. Теперь тут мог быть штаб или совдеп, или еще какое-нибудь учреждение новой советской власти... Но день клонился к вечеру, моросил дождь, и ночевать где-то надо, да обсушиться не помешает.

К счастью, постоянный двор еще не утратил своей основной функции и Нике, несмотря на неодобрительные взгляды, удалось снять комнату. Деньги, а они у нее были, решают почти все проблемы. Хотя, когда их слишком много, они еще и создают проблемы. У Ники денег было много даже при себе, а не только в тайнике. Только кто об этом знал? Если бы не революция, национализировавшая банки и перевернувшая с ног на голову всю экономическую систему, Ника была бы богатой помещицей и все ее возникавшие неприятности решала бы полиция. А сейчас полиции нет, а то, что образовалось вместо нее: народная милиция или ВЧК, искать Веру Павловскую точно не будут. Они и Ваську Рябого приструнить не могут, хотя тот уже всю округу достал своими грабежами.

Эта проклятая секта «Черный кристалл» нашла их с Верой еще на дальнем востоке, когда они прекратили службу в морской разведке. И ведь не по своей воле прекратили. Ну не нужна революции эта служба. Раз пролетарии всех стран должны объединиться против своих угнетателей, зачем нужна внешняя разведка? Вот и остались они с Верой не у дел.

Правда у Ники еще были сбережения в иностранной валюте и золотых червонцах от прошлой жизни, – родители оставили. А вот у Веры ничего не было, и родителей своих она не знала. Тут все было мраком покрыто. Но вот, поди ж ты, именно Веру старалась заполучить эта секта, да еще как старалась... В прошлый раз в Староникольске еле удалось отбиться, потому и вернулись в лоно родного пансионата. А теперь вон как обернулось.

Эти мысли вертелись в голове у Ники, когда она устраивалась в комнате на ночлег. За комнату пришлось отдать червонец, неслыханная цена, да деваться некуда. Возможно, коня придется продать и одежду поменять на обычное женское одеяние. Наверное, так проще будет заниматься поисками.

А в это время жена трактирщика выговаривала своему мужу:

– Зря ты на деньги позарился, пустил эту... Совсем девки стыд потеряли, рядятся в мужскую одежду... Вон и комитетчик-то присланный косо на тебя смотрел. Не было бы беды...

– Да будет тебе. Наша эта девка. Амазонка с пансионата, слышала, небось, о таких. А то, что в форме своей сюда заявила, так время сейчас такое. В ваших бабских нарядах на лошади не поскачешь... Видно, беда у нее приключилась... Я это сразу чую.

– У той, что вчера появилась в срамной одежде тоже беда? Тоже пожалел...

– У нее мужик ранен, уход нужен. Должна же ты понять!

Она же серьги из ушей вынула, чтоб заплатить.

– И задницей перед тобой вертела...

– Да, те двое явно не из наших краев, и одежда странная и говорят чудно... Но пока пусть живут, серьги дорогие отдала. Интересно только, чем они с доктором расплачиваться будут, денег-то у них точно нет, а в мешке тряпье, какое-то.

Ника проснулась рано. Она понимала, что надо бы спросить хозяина и постояльцев о проехавшей вчера карете. Может кто-то знает ее маршрут, может, видели пленницу. И совершенно точно известно направление, в котором она уехала. Об этом можно и не спрашивать дорога вела в сторону Павловска, но по пути были развилки. Не любила Ника вести такие разговоры, да и не умела. Вот Вера умела, она быстро и ловко все бы выведала, никто бы и не заподозрил, что она задумала. Но судьба так распорядилась. Вера нужна этой секте, а, вернее, ее главарю, который называет себя принцем. Сделать Веру принцессой он явно не собирался, иначе не действовал бы так грубо. А вот для чего она ему нужна, большой вопрос. Ведь обыкновенная девушка. Ну, может не совсем обыкновенная. Очень красивая девушка, блондинка с зелеными глазами и стрелять умеет, как богиня Диана, а может даже лучше. Да наверняка лучше...

Ну, что ж, пора вставать. Надо коня проведать, найти покупателя для него... Дальше верхом нельзя, надо маскироваться под местную жительницу, значит, надо и одежду по-

менять. Ника вышла во двор и увидела странную картину: молодая девица, одетая в странные обтягивающие штаны, отбивалась от трех нападавших на нее парней. Она очень ловко уворачивалась от их рук, махала ногами и наносила удары руками, хотя ударами это не назовешь: скорее толчки. Парни ухмылялись и наверняка собирались ее затащить в сарай, понятно с какой целью. Ника, поначалу собиравшаяся ей помочь, быстро поняла, что девчонка в помощи не нуждается. Если та будет бить по настоящему, то через минуту парни будут лежать в отключке, а то и совсем... «Не хочет шум поднимать, думает так отбиться, – поняла Ника, – только ничего у нее не получится, эти так не отстанут. Надо помочь... А вот откуда она взялась, такая? Явно не наша, да и техника боя у нее не та. Нас не так учили. Неужели из тех, кто напал на пансионат? Да нет, там были одни мужчины».

Пока Ника размышляла, вышел хозяин и прикрикнул на парней.

– Ну-ка, отстали от девчонки! Заняться больше нечем!

– Ты бы не встревал! – ответил один из них. – Думаешь, зачем она такие штаны надела? Чтоб нас раздухарить. Вот мы и покажем ей сейчас кой чего!

В этот момент один из парней получил хороший удар и, зажавшись, свалился на землю. Остальные отскочили, явно разозленные. Один из парней вынул нож.

– Оставьте ее, – вдруг крикнула Ника, подходя к ним вместе с хозяином.

Парни сразу присмирели, увидев амазонку в ее униформе. Видно о них они были наслышаны, пансионат-то был не столь далеко.

– Она же не из ваших, – хмуро сказал один из них. – И одета не так, и говорит чудно.

– Наша она, – безапелляционно заявила Ника и увела девушку за собой.

Они зашли в комнату Ники. Девушка не возражала и, не смотря на утро, выглядела усталой и какой-то потерянной.

– Зря ты так нарядилась, – сказала Ника. – Драться ты умеешь здорово, но против револьвера это не прокатит. Прострелят ногу, а потом сделают свое дело и доктора не позовут.

– Мне как раз доктор нужен, – ответила она. – Муж у меня ранен. А денег совсем нет...

– Ты уже замужем? – удивилась Ника, поскольку девушка выглядела совсем молоденькой.

– Да! А ты из тех, кто карету сопровождал? Отстала от своих...

– Они мне не свои, – хмуро ответила Ника. – Это секта «Черный кристалл», они мою подругу увезли. Если подскажешь где их искать, я тебе помогу. Дам денег, хватит и на доктора и на одежду женскую. Кстати, мне она тоже понадобится. Звать-то тебя как?

– Анна.

– А я Ника. Расскажи про карету. Куда они направились?

Анна рассказала Нике и то, о чем та сама догадывалась, и то, о чем не подозревала.

Когда мы с Максом вышли на дорогу и пошли по направлению к станции, вдруг увидели скачущих всадников. За ними мчались другие всадники и стреляли на ходу. Зрелище было завораживающим. Макс сказал, что это снимают кино о гражданской войне и предложил подойти поближе... Но вдруг он упал, я подошла и увидела, что из ноги идет кровь. Оказалось, что стреляли из настоящих ружей и настоящими пулями... Я перевязал его, как смогла, а потом увидела повозку запряженную лошадьми и попросила кучера довести нас до деревни... Вот так мы оказались здесь.

Я отдала трактирщику свои сережки, он поселил нас в отдельную комнату и даже доктора вызвал. Доктор пулю достал из ноги и сделал повязку, но Макс ходить не может и еще долго не сможет. А еще доктор сказал, что через три дня надо еще раз осмотреть раненого, может начаться воспаление, не дай бог... Доктору надо платить, я понимаю, но у меня денег нет, вернее мои деньги не годятся для оплаты...

А вчера вечером прибыла карета и с нею несколько всадников. Я несла в свой номер еду для Макса, и они увидели меня. Потом один из них зашел в наш номер, даже не постучавшись. Я не боюсь мужчин, если надо я могу запросто справиться с тремя или четырьмя, да ты сама видела... Но

этот, только взглянул на меня и спросил откуда мы прибыли. Я не знала, что отвечать ему, поскольку смутно представляла, где мы находимся.... Сейчас-то я понимаю, что мы попали в самый разгар гражданской войны, по истории проходили, и я кое-что помню. Но этот мужчина, видя, что я молчу, спросил: знаю ли я амазонок из пансионата. Я ответила, что понятия не имею ни о каких амазонках и, вообще, никого здесь не знаю, а когда Макс сможет ходить мы уйдем отсюда. Тогда мужик нарисовал знак на листке бумаги: два скрещенных ромба и сказал, что их орден называется «Черный кристалл», они помогут мне вернуться обратно в мой мир. Но для этого мы Максом должны прибыть в село Загорское и в тамошнем трактире показать трактирицику этот знак. Тогда он проводит нас к магистру, и нам помогут попасть домой. А сейчас им надо уходить, поскольку их преследуют...

Но мне почему-то вся эта компания не понравилась и я, когда Макс поправится, не собираюсь ехать в Загорское. Мы сами выберемся. Только Максиму пока очень плохо. Я боюсь, как бы не началось заражение... Лекарства, которые оставил доктор кончаются...

Девушка всхлипывала на протяжении рассказа, а потом просто разрыдалась на плече у Ники.

– Вот возьми, – сказала Ника, протягивая несколько серебряных монет, – этого хватит на доктора и чтоб добрать-

ся, но не до Загорского, а до нашего пансионата. Там тебе помогут. Женскую одежду я тебе принесу.

Теперь Ника знала, где искать подругу. Едва ли адепты ордена рискнут везти ее на дальний восток по железной дороге. Значит можно успеть застать их в Загорском. Она продала своего коня, впрочем, не столько продала, сколько обменяла на два комплекта женской одежды и продукты. Одежду она принесла Анне и присоветовала ей немедленно сменить наряд. Ну не привычны здешние мужики видеть женщин в столь обтягивающей одежде, незачем привлекать их в столь плачевных обстоятельствах. Вообще-то здесь в женщинах недостатка нет, много мужчин не вернулось с войны, да и теперь они слишком старательно убивают друг друга.

– Старайся выглядеть как все, – сказала она Анне, вручая одежду, – и никто на тебя внимания не обратит. В пансионате скажешь, что я вас послала. В случае нужды поможешь амазонкам, рукопашному бою тебя учить не надо. Там есть группа Марии Фингерт, она тебя возьмет...

С таким напутствием Ника оставила свою новую подругу, надеясь, однако, снова встретить ее в более благоприятных обстоятельствах.

Ника заранее просчитала свой маршрут. До железной дороги было пятнадцать верст и до Загорского можно было до-

браться гораздо быстрее, чем туда прибудет карета. Правда, поезда ходили как попало, но тут уж как повезет. Само село было не далеко и не близко, верст сто, с гаком. Карета туда прибудет дня через два, никак не раньше и у нее была возможность опередить ее, а это давало немалое преимущество. С другой стороны, там наверняка будут ждать агенты ордена и свежие лошади. Этап вызволения подружки она пока не продумала, да и как тут продумаешь, когда неизвестно почти ничего об этом селе. В Загорском Ника не была, хотя знала где оно расположено. Картографию им преподавали в пансионате и, вообще, довольно много полезной информации дали для ведения боевых действий.

Коляска плавно катила по дороге. Рядом с Никой сидел парень, тот самый хулиган, пытавшийся затащить девчонку в сарай. Правда, теперь он вел себя вполне прилично и не пытался прижиматься к Нике. До станции должны были добраться за два часа. Осень. Дорога еще не совсем раскисла, но лошадь уже не могла бежать резво. Грязь. Парень ехал на станцию по своей надобности, но без вещей, видно кого-то встречать. Первое время ехали молча. Но скоро молчать ему надоело, да и как тут не заговорить. Об амазонках ходило столько слухов... А тут такая возможность пообщаться с одной из них. В обычной женской одежде девушка выглядела иначе, чем вчера, когда он ее встретил во дворе. Теперь ее не отличишь от деревенской девушки, впрочем, не отличишь, если в лицо не смотреть. Есть в этих девицах что-то такое,

чему и названия не подберешь. Глянет своими голубыми глазами и сразу понятно, что такую силком не возьмешь.

– Скажи хоть как звать-то тебя, красавица? – заговорил он.

– Ника, – равнодушно ответила та, но даже не поинтересовалась именем парня.

– Буржуйское имя, – ответил тот. – Вот и у меня тоже, буржуйское... Савва меня зовут.

– Имя не может быть буржуйским или пролетарским, – все тем же безразличным тоном ответила Ника.

– А в своей форме ты выглядела красивше, – помолчав, сказал Савва.

Ника не ответила.

– Куда же едешь-то, Ника? Скажи, если не секрет, – продолжал парень.

– Секрет, – последовал равнодушный ответ.

– Зря ты так. А ведь может помощь моя понадобится, – с обидой продолжил Савва.

Ника фыркнула, но промолчала.

– Времена сейчас опасные, порядку мало. Женщину одну любой обидеть может... – продолжал рассуждать парень.

– А ты, значит, защитишь? – уже не скрывая насмешки, ответила Ника.

– А то! – с вызовом ответил Савва.

– И что ж ты утром от дружков своих девчонку не защищал? Даже вроде бы заодно с ними был, – хмуро продолжи-

ла Ника.

– Так мы же шутили... Да она и сама была не против. Так для виду сопротивлялась... А скажи честно: она ведь не из ваших. Одета слишком уж... Да и говорит чудно.

– Не из наших, – задумчиво сказала Ника, – и бой ведет иначе... А вас трех дурней могла в минуту уделать... Жале-ла...

– Да ну! Хотя про вас такое говорят... Будто любая может с тремя вооруженными мужиками управиться. Это правда?

– Это правда, но проверять не советую.

– А в вашем пансионате и мужики есть?

– У нас женский пансионат, для сирот.

– Как же вы без мужиков-то?

– В восемнадцать лет мы должны покинуть пансионат и жить самостоятельно...

– А ты?...

– А я уже покинула, как видишь.

– И чем жить собираешься? Родня есть?

– Нет родни, а благодаря «товарищам» нет ни кола, ни двора, да и денег кот наплакал...

– Значит ты наша пролетарская девушка...

– От слова пролетать, – равнодушно заметила Ника.

– Тебе надо в красную армию, чтоб бороться с мировой контрой! – восторженно закончил Савва.

– А может в белую? Я ведь из этих... У меня и поместья отобрали, и деньги в банке реквизирировали...

– Ты же сирота... Я знаю, что в ваш пансионат только сирот берут. Откуда у тебя поместья, деньги?

– Наследство...

– Когда советская власть победит, все будет общим. Наступит счастливая жизнь...

– Бабы тоже общими будут? Я уже такое слышала от кого-то... И что-то не хочется мне быть общей...

– Так ведь все по согласию будет! Эх, глупый вы бабы народ... Своего счастья не понимаете...

– А ты умный? Сегодня одну будешь любить завтра другую. А в детях своих как разберешься? Где твои, а где чужие, если бабы общие? Или тебе все равно?

Савва замолчал. Что-то не состыковывалось в его теоретических познаниях. Подул холодный ветер, и его соседка укуталась в шаль. На дороге кружились желтые листья. Амазонка нравилась парню, но он не знал, как к ней подступиться. Он и на станцию-то поехал в одной коляске, чтоб познакомиться и попытаться узнать о ней больше. Ну, вот узнал, а что толку? Вот едут они рядом и разговаривают, а такое чувство, что между ними тыща верст. Ведь она-то его ни о чем не спросила, значит, не интересен он ей. Вот оно как. А ведь Савва парень видный, и он это знал.

Теперь, когда все мужики наперечет в их селе, на Савву многие девки заглядываются, а тут полное безразличие. А раз так... тут у Саввы внутри что-то екнуло. Появилось чувство, которого до сель небывало. Может это любовь? Так в

селе он с девками и не робел вовсе. И недостатка в плотских утехах не было, а утренний эпизод с той непонятной девицей, – это так, просто интересно было узнать: кто такая, зачем пожаловала... Да, глупо получилось все... Теперь еще Ника видела все это. Будет думать... Да ничего она о нем не будет думать, наплевала она на него. У нее свои дела на станции. Может ехать куда-то надумала? А вдруг в Загорское! Вот удивительно будет встретиться в поезде. До Загорского часов пять, если не больше. А по нынешним временам можно и сутки добираться.

Дело у Саввы было простое, надо было тетку перевезти из Загорского к ним в село. Так отец с матерью решили, нечего ей одной там оставаться. В нынешние времена надо кучнее держаться. Так отец сказал. Мать, хоть и не обрадовалась, но перечить не стала. Дом был большой, места хватало... Коляска мягко катила по сухой земле, мысли Саввы скакали с одного на другое, но соседка, которая даже не взглянула в его сторону, занимала его все больше. Молчание вовсе не угнетало ее, но Савве надо было продолжить разговор.

– А можно еще спросить, – начал разговор парень, – как ваше полное имя?

Ника удивилась. С чего бы вдруг такая любознательность у случайного попутчика? Но скрывать свое имя намерения не имела. Да и зачем?

– Никандра Александровна, а зачем тебе?

– А куда вы направляетесь Никандра Александровна?

– Я же тебе сказала: секрет! Чего ты такой любопытный? Шпионишь за мной?

– Вот еще! – возмутился Савва. – Очень нужно... Может нам по пути? Всегда лучше ехать в знакомой компании, чем одному...

– В Загорское мне надо, – с усмешкой сказала Ника.

– О-о! Вот это да! – чуть не подскочил на месте Савва.

– Только не говори, что и тебе туда же, – удивленно ответила девушка.

– Вот, истинный крест, не вру! – с восторгом ответил парень. – Я еду туда свою тетку перевозить к нам в село.

– Ну и дела, – покачала головой Ника. – Ну что ж. Может это и к лучшему. Наверное, ты прав, вдвоем будет проще. Ко мне вязаться никто не будет, ты ведь будешь моим защитником?

– Знамо дело! – гордо ответил парень, хотя, конечно, понимал, что вряд ли амазонку испугает вокзальная шпана. А вот военный патруль, тут дело другое. Когда баба находится при мужике, допытываться не о чем.

Ника задумалась. Посвящать неожиданного помощника в свои дела пока не стоит, но, поскольку в Загорском он уже бывал, кое в чем помочь может. Может его тетка приютит ее на пару дней, деньги пока есть, в накладе никто не останется. И к трактирщику можно его послать, если хорошо подумать... Надо хорошо подумать, и время еще есть.

За разговорами время шло незаметно. Показалась стан-

ция. Небольшое бревенчатое здание и постоянный двор, весьма не маленький. Сюда съезжался народ с окрестных сел и деревень. Железная дорога, это великое достижение цивилизации. Можно быстро добраться до ближайшего города, да и до не ближайшего тоже. При старом режиме порядок соблюдался. Поезда ходили часто, но далеко не все останавливались на этой станции. Однако два поезда останавливались всегда. Один шел утром, другой вечером. Вот на вечерний поезд и нацелились наши путники.

Коляску они отпустили, расплатившись еще в поселке, но кучер, отправляясь обратно, уже нашел попутчиков. Савва багажа не имел, а у Ники была небольшая котомка за плечами, которую она несла сама, даже не помышляя отдать своему нечаянному кавалеру. Савва постеснялся предложить помощь. Так и пошли они в здание станции. Вокзалом-то это сооружение не назовешь. Вокзалы в те времена были в городах, а между ними станции да полустанки.

День клонился к вечеру, и народу на станции было много, к тому же скоро выяснилось, что утреннего поезда не было. Гражданская война. Военные ехали по казенной надобности или просто на побывку, а простой народ спасался от грабежей и запасался продуктами впрок, путем натурального товарообмена. Мешочники вокруг. Так теперь называли тех, кто возил менять товар на товар или деньги на товар. С деньгами-то тоже все было не просто. Золото и серебро, как во все времена было в ходу и принималось всеми и всегда,

а с бумажными деньгами были сложности, николаевские купюры почти никто не брал, да и керенки были не в чести. А вот доллары брали все. Просто удивительно, как быстро простой народ научился ориентироваться в этой круговерти. Но мы немного отвлеклись от повествования... Деньги были у наших героев.

Савва и Ника нашли местечко в станции. На улице-то было уже прохладно. Савву уже давно, ну с того момента, как он выяснил, что на поезде они едут вместе, терзала одна мысль. Прямо зудела в голове, не давая покоя. Ему казалось, что Ника несколько старше его, самому-то было восемнадцать годков и то, что его пассия старше, сильно напрягало парня. Он за последний час уже понял, что ему нужна именно такая жена: сильная, смелая, умная, а главное очень красивая. Наверное, последнее было решающим определением, все остальные эпитеты, – это так прибаамбасы. Для себя он решил, если что, то отправится с ней по ее делам, а на тетку можно наплевать, пусть отец сам ее перевозит. А они с Никой бок о бок будут сражаться с белыми бандами, а когда вся контра будет разгромлена, будут жить в большом городе и воспитывать детишек, которые у них народятся. Никаких общих жен, конечно, не будет... Но это сейчас не главное, надо во что бы то ни стало узнать, когда у нее был выпуск из пансионата. Тогда сразу станет ясно, сколько ей лет. Ведь если она старше, то все его мечты рушатся... Хотя почему? Наверное, Савва и сам не знал, просто чувствовал, что это

так.

– Никандра, – наконец, он решился спросить, – а когда у тебя был выпуск из пансионата?

– В шестнадцатом году, – чуть задумавшись, ответила она. Вопрос был неожиданным. Все мысли амазонки были о поезде, который, то ли придет, то ли нет. В галдящей толпе ходили разные слухи, но со станции никто не уходил.

– А чем ты занималась эти два года, – упавшим голосом спросил Савва.

– Служила в морской разведке, – равнодушно поведала Ника.

– Морская разведка? ... Но ведь ты же амазонка, а не морячка! Как такое возможно?

– Возможно. Послушай Савва, ты сейчас не о том думаешь. Нам надо попасть на вечерний поезд. Народу, желающего уехать, полно, и еще неизвестно будет ли поезд. Ты бы походил по перрону, пообщался с военными, они наверняка что-то знают...

Савва кивнул и отправился выполнять поручение. Да, теперь он много узнал о Нике и эти знания его не обрадовали. Она действительно старше на два года, да еще успела послужить во флоте. Он, конечно, знал, что во время войны женщин стали принимать на военную службу, даже сформирован был женский батальон. Но чтобы во флот? Впрочем, морская разведка еще не означает плаванья по морям...

Ника сидела в переполненном зале, надеясь, что поезд все

же придет. Все надеялись, и можно представить какая давка будет при посадке. Впрочем, багажа у нее не было, а уж в вагон-то она сумеет пробраться. От мыслей ее отвлек чей-то веселый с прибалтийским акцентом голос.

– Привет, красавица! Далеко ли собралась? Что это у нас в котомке?...

Ника не сразу поняла, что обращаются к ней, но высокий мужчина в солдатской шинели уже тянул руки к ее вещам. При этом он улыбался во весь свой щербатый рот. Соседки сочувственно смотрели на нее, а мужик, сидевший неподалеку, старательно делал вид, что ничего не замечает. Рядом с высоким стоял мужичонка пониже, засунув руки в карманы такой же солдатской шинели и с явной насмешкой смотрел на Нику. Она сердито отодвинула свой мешок и хмуро сказала:

– Не лезь к чужим вещам, целее будешь...

– Ого! Какая храбрая, – весело заметил длинный и снова потянулся к котомке девушки.

А стоявший рядом с ним мужиченка, вдруг вытащил из кармана нож и направил его на Нику.

– Тихо, крошка! – шепотом прошипел он. – Не шебуршись...

Ника привстала и сделала быстрое движение, почти незаметное движение, но грабитель вдруг захрипел, выронил нож и повалился на пол. Длинный, которому все же удалось завладеть котомкой, с удивлением смотрел на своего поделель-

ника. Ника еще раз взмахнула рукой, и он выпустил котомку из рук, согнувшись пополам. Соседи продолжали старательно делать вид, что ничего не происходит. Девушка села на свое место, но перед этим, пинком отправила нож в сторону выходной двери.

Первым пришел в себя длинный. Он, со страхом поглядывая на Нику, пытался привести в чувство своего товарища. Тот встал на четвереньки и мычал что-то невразумительное. Наконец, длинному удалось поднять его на ноги и вывести на улицу. Соседи, наблюдавшие этот инцидент, старались не смотреть на Нику. Дескать, отшила девчонка вокзальную шпану и, слава богу, но мы тут не причем, наше дело сторона.

Появился Савва и, судя по его довольному виду, принес хорошие новости. Хотя Савва и сам не знал, что лучше: уехать вечером или заночевать на станции в обществе Ники. Но амазонка явно торопилась в Загорское, и хотелось сделать ей приятное.

– Значит, поезд сегодня будет? – полу утвердительно спросила Ника.

– Верно! А как ты угадала? – спросил Савва.

– Вид у тебя довольный. Ты ведь тоже спешишь...

– Вовсе нет. Тебя порадовать хотел. А что у тебя за дела в Загорском. Или секрет?

– Подругу повидать надо... Боюсь не застать. Она на днях уехать должна, – ответила Ника.

Врать парню ей не хотелось, но посвящать в свои планы не хотелось еще больше. По крайней мере, пока ему больше ничего знать не нужно. Помощник, конечно, очень даже не помешает, даже такой неумеха, как Савва. Девушка развязала котомку и извлекла из нее полкаравая хлеба и флягу с водой.

– Давай пообедаем, – сказала она, отломив половину хлеба Савве. – Ужинать, возможно, не придется.

– Спасибо, – ответил Савва, принимая хлеб. – Я рассчитывал пообедать в трактире, но там такая публика... Лучше тебе там не появляться.

– Тут ты прав, Савва, – спокойно ответила Ника. – До Загорского не оголодаем. Кстати, ты хорошо знаешь это село?

– Бывал пару раз, – степенно ответил парень.

Поезд прибыл почти во время. Народ со всем своим багажом уже стоял на платформе. Стоянка предусматривалась десять минут и Ника сразу поняла, что попасть в вагон будет не просто. Правда, то, как будет происходить посадка, она еще не догадывалась, так же как и Савва. А народ давно уже приспособился к новым временам и когда поезд остановился, возле каждого входа в вагон образовались кучки крепких мужиков. А дальше все было просто, в раскрытые двери вагона передавались мешки, котомки, чемоданы, кофры и прочий багаж, который в вагоне принимали и рассовывали по местам определенные люди, а крепкие мужики оттирали от дверей вагона неопределенных людей, которые пы-

тались втиснуться со своим багажом или без него. Проще говоря, свои люди проходили, а посторонние блокировались без лишнего шума и толкотни. И то же самое происходило возле других вагонов. Повсеместно слышались крики, мат и даже визг, но картина не менялась. Некоторые пытались «встать в очередь», но уже через пару минут понимали, что не успеют.

Ника с Саввой метались от одного вагона к другому, благо вещей у них не было, но пробиться в вагон не могли. Это, по-хорошему, не могли. Ника быстро поняла, что еще пять минут метаний по перрону и поезд уйдет без них. Она подошла к окнам вагона и сказала Савве:

– Жди меня здесь!

Затем она быстро подошла к двери, где полным ходом шла посадка и быстро сделала подсечку мужику, который ловко оттирал ее своей спиной от двери вагона. Мужик опрокинулся на спину и Ника, наступив на чьи-то мешки и ударив головой в живот другого мужика, который уже замахнулся на нее, быстро проскользнула в вагон. Проводник пытался схватить ее, но безуспешно и Ника, миновав тамбур, оказалась в вагоне. Механизм открывания окна был ей знаком. Через мгновение она открыла одно окно. Втащить Савву оказалось делом непростым. Парень сначала не понял, что от него требуется, а потом оказался довольно неуклюж. Ника, конечно, была сильной девушкой, но тяжелая атлетика не ее стихия. Некоторые пассажиры вагона откровенно хохотали,

глядя, как баба втаскивает в окно мужика.

Впрочем, для девушки важен был результат, а не смешки случайных попутчиков. Проводник, уразумев, что парень с девушкой вполне обычные пассажиры, а не зайцы, сразу стал доброжелательным. К тому же эта пара ехала почти без багажа, в отличие от мешочников, заполонивших своими пожитками почти весь проход. Он даже нашел для них местечко на скамье, хоть и довольно тесное, зато можно ехать сидя. Впереди ночь, а в Загорском они будут утром и это еще в лучшем случае.

Это тесное пространство, где можно сидеть только, прижавшись друг к другу, Савве очень понравилось и, когда они уселись, он не мог скрыть довольной улыбки, даже глаза зажмурил от удовольствия. Однако скоро получил от своей соседки довольно чувствительный толчок локтем.

– Ты что это разнежился, как кот на перине? – прошипела она. – Спать будем по очереди. Тут полно ширмачей всех мастей. Проснемся без вещей и без денег.

Савва тотчас выразил готовность нести вахту всю ночь и оберегать свою ненаглядную от всех напастей. Ника понимала, что он уснет на посту, без зазрения совести, поскольку службу нести не приучен, тем не менее, объяснила:

– До полуночи твоя вахта! Если увидишь подозрительных людей, толкни меня.

– Ладно, – легко согласился Савва, даже не задумываясь: кого считать подозрительным. Если подумать, да поглядеть,

какие рожи вокруг, то спать, вообще, не придется. Да он и не собирался спать, наоборот, если Ника уснет, он будить ее не будет ни в коем случае, а будет охранять ее сон до самого конца пути. У него даже закралась мысль проехать Загорское, сказать, что случайно получилось, а потом обратным поездом ехать обратно. Ника, конечно, разозлится, зато они еще день проведут вместе... Если ему повезет, то ее подруги в Загорском не окажется, и они отправятся в обратный путь... Все это он думал про себя, а в слух только обещал бдеть не смыкая глаз и при любом подозрительном действии внутри вагона или снаружи, немедленно будить Нику.

Ника, конечно, видела, что парень втюрился и теперь из него можно веревки вить... Но теперь это означало лишь, что он не будет тянуть к ней руки и любую ее просьбу выполнит. Злоупотреблять его чувствами она не собиралась, в логово адептов ордена «Черный кристалл» его не возьмет, но и от безобидной помощи отказываться глупо. Сама-то она никаких чувств не испытывала. Пока Вера в опасности, ни о чем другом, кроме спасения подруги, она думать не могла. Сейчас у нее были все шансы опередить карету, в которой везли Веру, а дальше придется действовать спонтанно. По железной дороге ее явно дальше не повезут, значит остается тракт...

Поезд тронулся, и под мерный перестук колес Ника задремала, откинувшись на стенку вагона. Савва смотрел на девушку, но его мучила бытовая проблема... Наконец, он ре-

шился и тронул руку своей попутчицы.

– Что? – мгновенно проснувшись, спросила она.

– Мне это... – смущенно начал Савва, – покурить надо отойти...

– Ну, давай, только недолго...

Ника смотрела, как Савва пробирается к тамбуру, среди сидящих пассажиров и лежащих на полу мешков. Путь был недлинный но трудный. Пассажиры ворчали, а мешки никак не сдвигались. В вагоне было душно, несмотря на открытые кое-где окна. Уже возле тамбура парень встретил проводника и чего-то спросил у него. Впрочем, понятно чего. Проводник кивнул и указал на закрытую дверь. Савва оперся о стену и замер в ожидании. Все понятно. Ника перестала наблюдать за парнем и уставилась в окно. За окном тянулся осенний лес, сгущались сумерки, скоро станет совсем темно. Вагон освещался тремя тусклыми фонарями и вокруг царил полумрак.

Пассажиры в основном крестьяне, которые собранный урожай спешили обменять в городе на нужный бытовой инвентарь или на худой конец продать. Деньги-то российские быстро обесценивались, золото и серебро за продукты получить не просто. У простого люда этого не было, а те, у кого было, бежали из страны. Были в вагоне и военные, без знаков различия. А зачем в красной армии знаки различия: там все равны, все товарищи. Командиры, конечно, есть и к ним так и обращались: товарищ командир. Но военных было не

много. Все в солдатских шинелях. Оружия видно не было, но то, что оно было, можно не сомневаться. Времена такие. Гражданская война...

Савва недолго ждал своей очереди, вышел мужичок с всклокоченной бороденкой и парень вошел в распахнутую дверь вагонного туалета. Через пару минут он вышел, но обратно пробираться не стал, замешкался, а потом направился в тамбур. Он же покурить вышел, в конце концов, и папиросы у него имелись, правда, ни спичек, ни зажигалки не было, но разве в вагоне это проблема. Прикурил у стоявшего возле приоткрытой двери мужика. Крепкий мужичок, лет сорока с трехдневной щетиной на лице, но выглядел вполне представительно: в черном бушлате, фуражке с эмблемой железнодорожника и сапогах. Можно сказать: выглядел щегольски и говорил уверенно с усмешкой.

– Хороша краля! – начал он, не глядя на Савву.

– Где? Кто?

– Да та, возле которой ты сидишь, которая тебя в вагон затаскивала.

Савва крякнул с досады и отвернулся.

– Хороша! Только не для тебя она, хоть и вырядилась крестьянкой. Зря к ней ладишься...

– Тебе-то что за дело! Моя это баба! – зло ответил парень.

– Ишь ты, каков! Не баба она, это уж точно. Повидал я всяких за свою жизнь, и тебе точно могу сказать: не твоя она...

Савва выбросил окурок, зло плюнул и вошел в вагон. Всего несколько слов, а настроение испорчено. И чего это надо мужику лезть не в свои дела. Тоже мне знаток!

До своего места он добрался довольно сноровисто, не обращая внимания на толчки и ворчание.

– Ты чего такой злой, – удивленно спросила Ника, – или обидел кто?

– Да нет, – смущенно ответил парень. – Все в порядке, извини...

– Там очередь?

– Где?

– ... Ну, в курилке, – помолчав ответила Ника.

– А... Да уже нет никого, – еще больше смутившись ответил Савва.

– Ладно, я сейчас... – сказала она и повторила путь Саввы.

Он проводил ее взглядом, понимая, что вживую сопровождать нельзя. Вернулась Ника быстро. За окнами уже совсем стемнело, народ вокруг устраивался вздремнуть, хотя бы пару часов, до следующей станции. Ника снова задремала, привалившись к стенке вагона, но не к плечу Саввы, как он мечтал. Впрочем, так ее лучше было видно в тусклом свете ближнего фонаря. Он вздохнул и заступил на вахту, согласно договоренности, а вернее распоряжению Никандры Александровны. Спать он не собирался. Разве можно уснуть, находясь в такой близости с предметом своей, так внезапно вспыхнувшей, страсти. Савва перестал обращать внимание

на все кроме спящей девушки и погрузился в свои мечты.

Ника проснулась внезапно от остановки поезда. Савва спал, положив голову ей на колени с улыбкой младенца на губах. Она осторожно переложила его голову на свою котомку. Будить его не было нужды. За окнами поезда были огни какой-то станции, в вагоне началась сутолока: народ пытался войти, натываясь на вещи и матерясь. До Загорского оставалось часа четыре, как сообщил проводник кому-то из пассажиров.

3

Нике повезло. В это беспокойное время поезд прибыл на станцию Загорское, которая была рядом с селом, во время. В пути не случилось никаких происшествий, и ранним утром она вместе со своим попутчиком сошли на нужной им станции. Савва предложил сразу отправиться к его тетке, где можно позавтракать и привести себя в порядок, а потом уже заняться другими делами. Ника очень не хотела с утра светиться на постоялом дворе и втайне надеялась, что Савва предложит остановиться у его тетки, поэтому сразу согласилась на его предложение.

– Домишко-то у тетки так себе, – честно сказал он, – но пару дней перекантоваться можно...

– Я вас не стесню, – заверила его Ника. – За пару дней все свои дела надеюсь решить.

Тетушка Саввы была еще не старая женщина, но явно уже давно одинокая. Домишко небольшой и покосился уже, ворота почернели и поверху мхом пошли, забор стоял вкривь и вкось. Да и сама Евдокия Семеновна одета была небогато, но опрятно. Была она темноволосая, худощавая, невысокая, но на вид больше сорока пяти не дашь.

– Ну, здравствуй, племянник! – всплеснув руками, приветствовала она Савву. – Значит, вижу, перевозить меня собрался. Вон какую кобылку запряг. Любо дорого взглянуть!

Ника усмехнулась, ничуть не обидевшись на «кобылку». А чего обижаться на пожилую женщину, откуда ей знать об их взаимоотношениях с Саввой. Небось, думает, что жена или невеста...

– Как звать-то тебя, красавица? – обратилась к ней тетушка парня.

– Ника... Никандра, значит...

– Вона как! Надо же. А меня проще, Евдокия Семеновна. Для тебя тетя Дуся буду.

Евдокия провела гостей в дом, где на столе уже ждало нехитрое угощение. Ждала она племянника, правда одного ждала, но за столом места хватит. Вещи уже были собраны, немного вещей было, ведь не насовсем она переезжала к брату.

– Не поехала бы я, – продолжила Евдокия, – да не пережить мне зиму. Дом-то обветшал совсем без мужицкого

пригляду. Печка никудышная стала... А мужика-то где в нынешние времена взять? Много нас, таких как я, вдовых, теперь в нашем селе, есть и покрасивше и побогаче. Куда уж мне... Ладно брат согласился приютить на зиму. Летом-то я проживу, прокормлюсь как-нибудь...

Ника достала из своей котомки хлеб, вяленое мясо, вареные яйца, чем просто восхитила женщину.

– Евдокия Семеновна, мы с Саввой попутчиками оказались. Только вчера познакомились. Если вы не против, я бы пожила у вас пару дней, за постой заплачу и пропитание прикуплю, если вы подскажете где. Дело у меня здесь...

– Да мне не жалко, живи, коль поглянется... – ответила тетушка, – только вот уезжать мы собрались... Ну, да два-три дня можем и погодить. Что скажешь племянник? Хотя, что я спрашиваю. Вижу, что еще в дороге вы обо всем договорились.

– Ну да, – степенно ответил Савва, – вот Никандра решит свое дело, и вместе отправимся обратно.

– Этого обещать не могу, – сказала Ника, – но за постой заплачу, и беспокойства вам от меня не будет, это обещаю.

– Хорошо, коли так. Значит, решай свои дела Никандра, а тебе племянник я работу найду: надо дом к зиме подготовить, хоть и плохонький у меня домишко, а другого-то нет. Забор надо поправить, погреб тоже. Ты уж прости меня Савва, одна ведь я тут уж больше десяти лет... Федор мой с японской войны не вернулся. Да, что я тебе рассказываю...

После утренней трапезы, Ника оказалась предоставлена сама себе, поскольку Евдокия начала показывать племяннику ту работу, которую надо было сделать в первую очередь. Девушка для начала привела себя в порядок, после длительного пути, а затем уже подошла к тетушке.

– Евдокия Семеновна, – начала она, – я думаю нам нужно запастись продуктами, вы же не рассчитывали, что ваш племянник приедет не один, да еще задержка с отъездом... Я, понимаю, что сама должна это решить, но у вас лучше получится. Согласитесь. Вы же здесь всех знаете, а мне придется идти к трактирщику...

– Ты права, конечно. Я уж и сама собиралась, – ответила Евдокия.

Ника быстро вручила ей два серебряных рубля.

– Богатую невесту отыскал племянник, – усмехнулась женщина.

– Разве это богатство, – грустно сказала Ника, – да и не невеста я ему, просто попутчица...

– Да я уж поняла...

– Тетушка, вас ведь не затруднит попутно узнать новости в селе: кто уехал, кто приехал? Подругу мне надо встретить. Но есть нехорошие дядьки, которые могут мне помешать... Не знаю как вам объяснить...

– Никак не надо объяснять, твои дела нас не касаются. Только племянника не впутывай... Я сразу поняла, как тебя увидела, что не нашенская ты. Зря он планы строит. Ну лад-

но, помогу, чем смогу, но и ты помни что обещала.

Тетушка ушла, а Ника достала из своей котомки белые штаны, мужскую рубаху, переделась и подошла к Савве, который пытался привести в порядок покосившиеся ворота. Савва подивился на наряд девушки, но помощь принял с удовольствием. Ну, еще бы! Работать вместе с предметом своего обожания, да еще и быть руководителем. Это ли не мечта? Работа пошла быстрее, ведь Ника была девушкой сильной и ловкой, правда орудовать молотком и топором была непривычна. Короче, к возвращению тетушки пара работала так, что смотреть любо дорого. Ворота были укреплены, открывались и закрывались без скрипа и скрежета, и подворотня стояла ровно. Савва примерял ставни на окна, впрочем, работы еще было полно. Евдокия Семеновна занялась обедом, работников надо хорошо кормить, тогда и дело будет спориться. Новости тетушка рассказывала за обедом. Ника не пыталась выспрашивать что-то наедине, чужие тайны всегда настораживают. Да и спешить было пока незачем, ведь она опередила карету как минимум на сутки.

– Ничего нового на селе не происходит, – начала свой рассказ Евдокия. – Набирают добровольцев в красную армию. В деревнях, да и у нас тоже идет продразверстка. На дорогах грабят обозы с продовольствием и убивают охрану... Это ближние новости. А про дальние болтают разное. На юге генерал Деникин воюет с красными, на востоке адмирал Колчак объявил себя верховным правителем. По дорогам ездить

не безопасно, грабежи сплошь и рядом. Так что придется нам с тобою, Савва, поездом переезжать.

Евдокия Семеновна замолчала. Ника так и не услышала того, что хотела услышать. Впрочем, отсутствие информации – тоже информация. Продукты она закупила и за работу Савву похвалила. А тот с гордостью стал так хвалить свою помощницу, что тетушка только качала головой да посмеивалась.

– Да, да племянничек, хороша Маша, да не наша... Не раскатывай губу.

Когда Савва вышел во двор, она сама подошла к Нике и сказала.

– Не хочу при Савве говорить, но про твои дела тоже узнала. К трактирщику заглянула продуктов в дорогу прикупить, задержалась немного, с приказчиком поговорила... Ждут сегодня к вечеру, какого-то важного гостя или гостью. Я не допытывалась, мне-то что за дело, просто слушала. Посыльный уже прибыл, скакал, коня не жалея. Непростой гость едет, охраны человек семь... Было больше, да потрепали в дороге лихие люди... Долго не задержаться здесь. Сутки отдохнут и дальше... Куда дальше никому не ведомо. А трактирщик-то при делах... У меня глаз наметан. Больно уж он перед посыльным стелился... Будет у тебя похоже трудная ночка, только Савву не впутывай. Помни, ты обещала.

– Спасибо вам, Евдокия Семеновна, – сказала Ника. – Обещание мое помню. Если меня к утру в доме не будет, то

не ждите и не ищите. Отправляйтесь с Саввой в обратный путь.

После обеда Савва и Ника продолжили заниматься хозяйственными делами под руководством тетушки. Потом Евдокия отлучилась ненадолго. Надо ведь и с соседями попрощаться, да попросить их за домом приглядывать, объяснить, кому надо, что не бесхозный дом остался, вернется весной хозяйка.

К ужину собрались в доме. Невелик дом у Евдокии Семеновны и за ужином у Саввы уже глаза блестели, он поглядывал то на Нику, то на тетку свою. Явно что-то задумал, но сказать пока не решался. Впрочем, его затея понятна и без слов, наладился к девице поближе улечься, да тетушка тут же в двух шагах... Куда бы ее спровадить на ночлег? Может сама догадается к соседке уйти? Но тетка решила его проблему по-своему.

– Вот что, племянник! – сказала она ему. – Я пока в своем доме и никакого разврата тут не допущу. Она тебе не жена, и будете вы спать раздельно. Вот когда к твоему отцу передо, тогда я тебе не указ, делай что хочешь. А пока, извини Савва, затея твоя не состоится. Да и девица, как я понимаю, не готова тебя ублажать...

– Совсе меня не надо ублажать! – возмутился Савва. – Я исключительно в целях защиты и охраны! А обвенчаться готов хоть завтра.

– А у отца-то спросил, жених? – усмехнулась тетка.

Никандра думала о своем и к разговору не слишком прислушивалась, хотя он касался ее напрямую. План спасения подруги у нее был весьма приблизительный. Надо было проникнуть на постоянный двор, узнать в какой из гостевых комнат держат Веру, а дальше останется только обезвредить охрану, которой не более пяти человек, при этом двое будут спать, а с тремя можно справиться по-тихому. Надо только узнать в каком состоянии Вера. Если ее все время держали связанной, то сможет ли она передвигаться верхом? Много было неясного... Однако, одно не подлежит сомнению, надо это село покидать как можно быстрее и не в пансионат возвращаться, а в город.

На ночь тетка отправили Савву спать на палати.

– Места там много, тесно тебе не будет, – усмехнувшись, сказала она. – Опять же сверху видно все, если конечно, лампу зажечь...

Спорить Савва не стал и, молча, полез на палати. Нике Евдокия постлала на лавке, а сама улеглась на кровать. Так в маленьком доме все уместились легко и просто. В десять вечера все уже спали. Ну, якобы спали. На самом-то деле спала только Ника, которая давно уже научилась просыпаться в нужное ей время.

Евдокия лежала с открытыми глазами, мысленно общаясь с братом, у которого собиралась перезимовать. Все бы ничего, если бы не золовка. Хоть и жили они далеко друг от друга, но дружеских или родственных чувств, друг к дружке

не питали. Открыто, конечно, не враждовали, но при мысли, что придется подчиняться жене брата, Евдокия тяжело вздыхала. Потом мысли ее плавно перетекли на подружку Саввы. А вот бы золовке и в самом деле такую сноху! Евдокия даже хихикнула вслух. Слухи про амазонок ходили разные. Ника, правда, не походила на здоровенную бабу, способную одним ударом сокрушить мужика. Даже наоборот, очень привлекательная была девица. Роста невысокого, голубоглазая и черноволосая, да и вся женская стать в наличии. Не зря Савва на нее запал...

Савва, тоже не сразу заснул, правда, мысли в его голове бродили другие. Даже не мысли это были, а фантазии. Если привезти такую невесту домой, то родители не обрадуются. Тут тетка права. Да и не собирался Савва домой ее везти, рано ему еще жениться. Нет, надо в город перебираться. Там вступать в революционный отряд, чтоб вести непримиримую борьбу с угнетателями трудового народа. А Ника будет его поддержкой и опорой... Она девушка умная и смелая...

К полуночи и Савва и Евдокия уже спали глубоким сном, зато Ника проснулась. Она бесшумно поднялась со своей постели, взяла заранее приготовленную свою котомку и вышла в сени, чтоб никого не разбудить своими приготовлениями к предстоящей вылазке. Она облачилась в форму амазонок: комбинезон и бушлат, проверила метательные ножи и спрятала в потайной карман маленький четырехзарядный браунинг. Затем нанесла сажей полосы на лицо и надела на руки

черные матерчатые перчатки. Теперь в темноте она была совершенно неразличима.

В этот момент дверь в сени открылась и появилась Евдокия Семеновна с керосиновой лампой в руке. Увидев свою жиличку в таком виде, она на миг остолбенела.

– Прощайте, Евдокия Семеновна, – улыбнувшись, сказала Ника. – Спасибо вам за помощь и не поминайте лихом...

– Господи Иисусе! – крестясь, ответила та. – Если на благое дело идешь, пусть бог тебе поможет.

Ника забросила за плечи котомку и вышла за ворота.

За два часа до описываемых событий, Вера очнулась в одной из гостевых комнат постоялого двора. Пока она не знала, где именно находится. В дороге ей подмешали в воду какое-то снадобье, и она провела в полузабытьи несколько часов, а может и дней. Вот и сейчас она чувствовала себя отвлратно, тело с трудом повиновалось ей, но голова была ясной. Ей с трудом удалось сесть на лежанке. Кровати в комнате не было, зато был большой стол, на котором стояла керосиновая лампа. За столом сидел мужчина в черном балахоне, обычного телосложения, лицо рассмотреть было невозможно. Лампа стояла так, что он оставался в тени, в то время, как Вера и ее лежанка были освещены. За окнами темно, значит, сейчас ночь и гостевой народ уже спит. Впрочем, звать на помощь она не собиралась, понимая, что это бесполезно. Ее похитители люди серьезные и на такой ерун-

де не проколются.

– Вижу, что вы очнулись, Вера Александровна, – заговорил мужчина. – Пришла пора побеседовать нам. Для начала позвольте представиться. Перед вами главный магистр ордена «Черный кристалл». Меня называют принц. Этот титул я сам придумал для краткости, на королевскую кровь не претендую. Хотя если у нас с вами все сложится, мне будут завидовать и короли, и императоры, и даже президенты. Ну а теперь к делу. Вы хорошо себя чувствуете?

– Если бы хорошо себя чувствовала, то ты бы тут уже не сидел, самозванец хренов, – хрипло ответила Вера, растирая руки.

– Я вам верю, сударыня. Ваше похищение было вынужденным решением и досталось нам дорогой ценой. Мы потеряли два десятка бойцов, у вас тоже есть потери. Но ведь вы сами в этом виноваты. Я хотел просто поговорить с вами и склонить к сотрудничеству, для этого послал к вам своего человека, но вы не пошли на контакт.

– Вы имеете в виду Маргариту? Попадись она мне только... – хмуро ответила Вера.

– Ну, вот видите как. Впрочем, теперь разговор состоится, пусть даже против вашей воли. Для начала скажу вам сразу. После нашего разговора вам придется принять решение, хотите вы того или нет. Временем я вас не ограничиваю и, после нашего общения, вы будете свободны. Ваша подруга, наверное, уже прибыла в Загорское и, я надеюсь, раньше по-

дуночи она не появится здесь, чтоб освободить вас, поэтому времени у нас немного. Слушайте меня внимательно. Начнем с вашего рождения. Ваш отец, граф Лямин, обычный человек, жил в небольшом городке Павловск, где вы наверняка уже бывали не раз. А вот о вашей матери нам почти ничего не известно. Почти... Мы знаем, что она умерла сразу после вашего рождения, и ваш отец отдал вас в приют. Ваша мать была очень красивая женщина, и вы точная ее копия. Она обладала некоторыми способностями, которыми обычные люди не обладают. Но самое главное она могла управлять временем. Прошу поверить мне на слово, ибо доказать вам я ничего не могу без вашего участия. Она могла перенестись в прошлое или в будущее. Для этого в предгорьях Сихотэ-Алинь, есть пещера, где находится аппарат переноса. Собственно, воспользоваться им может любой, а вот войти в эту пещеру могла только ваша мать. У вас на шее есть крестик, на котором вместо распятия выбиты две пересекающихся окружности. Это не простой крестик. Теперь я точно знаю, что вы тоже можете входить в эту пещеру и пользоваться перемещением во времени...

Принц замолчал, давая Вере возможность осмыслить сказанное. Вера тоже, молча, сидела, склонив голову. Она наконец-то узнала тайну своего рождения... То, что этот самозванец говорил о перемещении во времени она всерьез не воспринимала. Впрочем, и остальное еще вилами на воде писано.

– Давайте будем считать, что я поверила в вашу сказку, – наконец сказала она. – Я вам нужна для того, чтоб вы могли перемещаться во времени. А вам-то это для чего нужно.

– Ну вот! – оживился принц. – Это уже деловой подход. Теперь я могу объяснить вам перспективы нашего сотрудничества. Мною создана мощная организация: орден «Черный кристалл», в нем более сотни членов. С боевым крылом этого ордена, вы, к сожалению, уже познакомились. Но с вашей помощью мы восполним потери. Амазонки прекрасные бойцы... Но это уже детали, главное в другом. Обладая механизмом перемещения во времени, мы можем менять события, происходящие в мире, и, тем самым направлять его развитие в благоприятную для нас сторону. Мы станем правителями мира, правительством надо правительствами. Поверьте, Вера Александровна, мы не стремимся к обогащению, мы не стремимся к абсолютной власти. Мы будем действовать во благо всего человечества. Ведь мы сможем предотвращать войны. Вот подумайте сами, разве нельзя было предотвратить мировую войну? Или избежать войны с Японией? Но уж избежать поражения, можно было точно... Впрочем, это касается только России, а ведь есть и другие страны. Подумайте, Вера Александровна. Кстати, должен заметить, если вы используете ваши возможности без нас, самостоятельно, так сказать, то ничего хорошего из этого не выйдет, поверьте. Да и пещеру вам не найти. Ну, а мы без вас, тоже ничего не сделаем. Вот, я все сказал. Думайте. Как надумаете, дайте

мне знать, для этого передайте трактирщику эту метку.

С этими словами принц положил на стол небольшой металлический жетон, на котором был выбит знак ордена: два перекрещивающихся ромба. Жетон был хорошо виден на столе, в то время как сам принц продолжал оставаться в тени. Вера молчала, но попыталась встать с лежанки. Это ей удалось не без труда. Она попыталась сделать шаг к столу...

– Сядьте, Вера Александровна, – снова заговорил принц. – Вы скоро сможете передвигаться вполне свободно, действие препарата заканчивается. Я еще не закончил. С этого момента вы свободны, поэтому вашей подруге нет никакой необходимости освобождать вас и вступать в схватку с моими людьми. Сейчас два моих бойца помогут вам спуститься вниз, после чего мы уйдем, а вы встретите вашу подругу у входа, пока она не устроила здесь побоище с метанием ножей, стрельбой и прочими методами уничтожения своих недругов.

Сказав это, принц встал из-за стола и вышел из комнаты, так и не показав своего лица. Тотчас в дверь вошли два здоровых мужика и направились к Вере.

– Не надо! Я сама справлюсь, – сказала она.

Мужики вышли, а Вера с трудом, на негнущихся ногах подошла к двери, вышла из комнаты и осторожно спустилась вниз.

Ника подошла к постоялому двору совершенно бесшум-

но, прислушалась. Ворота были открыты, но сторожа во дворе не было. Такая беспечность адептов ордена напрягала гораздо больше, чем усиленная охрана. А пленницу должны были охранять... Или ее здесь уже нет? Ника осторожно обошла здание, но вокруг была полная тишина и никакого движения. Внезапно открылась дверь и Ника резко отпрянула в сторону. В этот момент она узнала свою подругу, которую шла спасать из плена...

– Ника, заходи, – совершенно спокойно сказала Вера. – Они ушли. Я свободна.

Девушки поднялись в комнату, где два часа назад Вера пришла в себя. Ника бросила на пол свою котомку и стерла с лица маскирующую раскраску. Вера подробно пересказала ей разговор с принцем.

– Значит, этот принц решил управлять развитием человеческой цивилизации, – уточнила Ника. – А свое настоящее имя он не назвал?

– Да я, как-то не поинтересовалась, – пожала плечами Вера. – Какая-то бредовая затея.

– Ну, если вдуматься, то не такая уж и бредовая. Предотвратить войну, конечно, не просто, но возможно. Ты же знаешь, что все началось с убийства эрцгерцога Фердинанда каким-то сербом. Теперь известно время и место этого убийства, что нам стоит перехватить этого фанатика?

– Ты знаешь, меня гораздо больше волнует моя собственная жизнь. Мои родители... Но мать моя останется жива, ес-

ли не будет меня, – сказала Вера и глаза ее наполнились слезами. – А зачем мне мир, где не будет меня? А отец мой, наверное, жив, но зачем мне отец, которому на меня наплевать?

– У меня подобная ситуация, – задумчиво сказала Ника. – Я никак не смогу предотвратить гибель моих родителей. Ведь тогда мне придется вмешаться в их личную жизнь... Мне кажется, что я не вправе это делать. А вообще-то тебе решать, принимать предложение принца или нет. Только я почему-то думаю, что у него есть свои корыстные интересы во всей этой истории, и он наверняка тебе не все рассказал. А что будет после того, как ты откроешь ему доступ к аппарату управления временем? Если он замыслил стать властителем мира, то конкуренты ему не нужны.

– Наверное, ты права, – ответила Вера. – Я бы даже поставила вопрос по-другому. Если только я имею доступ к аппарату управления временем, то зачем мне нужен какой-то принц вместе с его шайкой? Правда, я весьма приблизительно знаю, где находится та пещера. Хребет Сихотэ-Алинь не маленький... Долго можно ее искать.

– Я думаю, раз адепты ордена ее нашли, то и мы найдем, – продолжила Ника. – Только зачем? Что мы хотим изменить в этом мире?

– Я не знаю, – ответила Вера.

– Может ничего и не надо менять?

– Давай отложим этот сложный вопрос на потом, сей-

час-то что будем делать? Возвращаемся в пансионат? Или отправимся на дальний восток?

– Ты знаешь, Вера, – задумчиво сказала Ника, – деньги у меня скоро закончатся, как их зарабатывать я пока ума не приложу. Но в моем бывшем имении припрятана шкатулка с фамильными драгоценностями. Зачем им пропадать? Именине могут разграбить и сжечь. По нынешним временам это обычное дело. Давай-ка съездим туда, заберем их. А потом можно ехать куда угодно и не думать о хлебе насущном.

– Вот это правильно! – обрадовалась Вера. – А потом отправимся в Питер, может, удастся и свою личную жизнь устроить. Меня ведь когда-то Саша Сычев замуж звал...

– Меня тоже, не далее как вчера замуж звали, правда не морской офицер, а приказчик из соседнего села, – рассмеялась Ника, – да еще малолетка, к тому же.

4

А в пансионате в это время тоже происходили некоторые события. Татьяна Павловна, директриса пансионата, приняла окончательное решение о его закрытии. Собственно, ничего другого и не оставалось. Уже давно перестала поступать денежная помощь от меценатов, нечем было платить зарплату учителям, продовольствия явно не хватало, чтоб пережить зиму. Новая власть решительно отказалась финансировать это буржуйское учреждение. А недавний налет адептов

ордена «Черный кристалл» показал, что даже амазонки не смогут защитить пансионат от нападения извне. Это же не монастырь с каменными стенами. А деревянный двухметровый забор при современном оружии – не препятствие. Амазонки, каждая из которых в рукопашном бою справится с тремя здоровыми мужиками, не устоят против казачьей сотни.

Многих девочек удалось отправить к родственникам, а последних, у которых вообще никого не было, пришлось отправить в сиротский приют ближайшего города. Остались амазонки, группа из десяти человек которыми командовала Мария Фингерт и выпускницы шестнадцатого года, четыре девушки, которые остались без двух своих подруг из-за недавнего налета неизвестного доселе ордена «Черный кристалл». Вчера они привезли своего куратора Элли Юрьевну с тяжелым ранением. Правда доктор, до сих пор остававшийся в пансионате надеется на благоприятный исход.

В стране бушевала гражданская война. По сельским дорогам шли небольшие вооруженные отряды, принудительно собиравшие у крестьян излишки продовольствия, а иногда и не излишки тоже. Продразверстка. А куда деваться? В городах начинался голод. Крестьяне не хотели продавать свою продукцию за деньги, которые очень быстро превращались в бумагу. Инфляция. Они, конечно, не знали таких слов, но сам процесс был вполне понятен и ощутим.

Этот день не задался с самого начала. Сначала пришлось

проводить пятерых восьмилетних девочек в город в сопровождении двух воспитателей. Уезжать они не хотели, но выбора не было, трудным было прощание. Затем, четверо амазонок привезли раненную Эллу, которая раньше была их куратором, а теперь занималась обучением младших групп. Определив ее в лазарет, амазонки рассказали о том, что Ника отправилась в одиночку освободить свою подругу.

Почти сразу же в ворота ворвался продотряд, состоящий из четверых вооруженных матросов и одной подводы. Старший потребовал немедленно сдать излишки продовольствия.

– Ну откуда у нас излишки, господин уполномоченный? – укоризненно сказала директриса. – Ведь у нас не крестьянская община. У нас дети сироты воспитываются... воспитывались... Мы сами с протянутой рукой ходим... ходили.

– У нас теперь господ нет! – рявкнул матрос. – Бросьте эти старорежимные словечки. Мы знаем, что здесь буржуйские отпрыски воспитывались. Не прибедняйтесь!

– Здесь воспитывались сироты. Какая разница от буржуев они остались или от товарищей?

– А вот мы сейчас проверим, ваши складские помещения, – ухмыльнувшись, сказал старший.

Однако, когда он вышел во двор к своему отряду ухмылка сползла с его лица. Во дворе стояли восемь девиц в черной униформе амазонок с карабинами в руках.

– Уезжайте с богом господа товарищи, – сказала, вышед-

шая следом, Татьяна Павловна. – Нет у нас ничего.

Командир продотряда, осознав весомость аргументов директрисы, махнул рукой, и продотряд покинул территорию пансионата. Сама же Татьяна Павловна решила отложить разговор с амазонками и обслуживающим персоналом пансионата о его закрытии до следующего дня. Хотя, девочки были умные и понимали, что не зря младшую группу воспитанниц отправили в город. Да и оставшиеся учителя и воспитатели уже давно ждали этого решения. Просто идти им было некуда.

На другой день Татьяна Павловна попросила всех, кроме сторожа на воротах, собраться в актовом зале учебного корпуса. Речь ее была краткой, и собравшиеся выслушали ее молча.

– С этого дня, – сказала она, – наш «пансионат искусств» закрывается на неопределенный срок. Сами мы автономно существовать не можем, а новая власть отказалась нас содержать. Не нужны мы никому. Младших воспитанников отправили в город, я думаю, их примут в детские дома. А мы с этого дня вольны отправиться куда угодно. У нас на складе есть некоторое количество продовольствия, но зиму нам не пережить. В окрестных деревнях нам ничего не дадут, да и продотряды прошлись по ним... С этого момента я слагаю с себя полномочия директора...

Тут она замолчала. Амазонки и персонал пансионата в составе трех учителей, двух дворников и двух конюхов, тоже молча топтался в зале. Вопросов ни у кого не было. Надеж-

ды-то были, но... Все понимали, что директриса сделала все, что могла в данных обстоятельствах. Многие работали здесь не один десяток лет, а большинство амазонок воспитывались с семилетнего возраста. Старшая группа, четверо девушек, готовы были уезжать и ждали только известий от Ники, которой могла понадобиться их помощь... А младшая группа, десять девушек шестнадцати – семнадцати лет, смотрели на своего командира Марию Фингерт. За последние два года они сдружились, расставаться не хотели, а теперь, привыкшие к дисциплине, ждали ее команды.

В этот момент подошел сторож, стоявший на воротах.

– Там это... ваша милость, – сказал он, обращаясь к Татьяне Павловне, – телега подъехала, на ней парень раненный и девица не нашенская, просят их принять... Ссылаются на нашу воспитанницу: Никандру Александровну...

– Пусть заезжают, – сказала бывшая директриса, забыв, что только что сняла с себя полномочия, – раненного в лазарет. Доктор, займитесь им, а девушку ко мне в кабинет.

Все собравшиеся одобрительно зашумели. Жизнь продолжается обычным образом, словно не было только что отречения от должности. Амазонки выбежали встречать прибывших, надеясь, получить сведения о своих подругах Нике и Вере.

Лазарет в пансионате был один, и раненный парень оказался в одной комнате с раненой Эллой Юрьевной. Оба они были тяжелые и едва ли осознавали неудобство ситуации.

Доктор, осмотревший юношу, однако высказал оптимистические надежды на выздоровление. С Эллой дела обстояли намного хуже.

Амазонки узнали о Нике только то, что она напала на след похитителей ее подруги и надеется освободить ее в ближайшие дни. А вот Татьяна Павловна не узнала о своих гостях почти ничего. Девушка назвала свое имя Анна и имя своего парня, который по ее утверждению, являлся ее мужем. Но никаких документов у нее не было, или она не захотела их показывать. Вообще это была странная пара, она не могла толком объяснить: откуда они появились. По-русски она говорила чисто, но многие слова были непонятны. Ее крестьянская одежда была явно с чужого плеча. Две котомки с вещами были необычны на вид и явно сделаны на фабрике. На иностранцев они совершенно не похожи, но и на российских горожан тоже. Девушка была сильно утомлена и едва держалась на ногах. Татьяна Павловна не стала ее долго терзать расспросами. Надо дать ей отдохнуть, тогда, может, расскажет что-нибудь вразумительное.

В жилом корпусе были комнаты на четверых и теперь многие пустовали. Анну заселили отдельно от остальных девушек и туда же принесли вещи ее и ее мужа. А к вечеру истопили баню и принесли ей чистую одежду: униформу амазонок и белье. Алла, которая проводила ее в баню, была безмерно удивлена поведением своей подопечной...

– Она, похоже, никогда не видела бани, – рассказывала

она своим подругам, – даже не знает, как в ней моются, а уж когда я хотела попарить ее веником, она встала в стойку. Ну, точно как мы перед поединком.... Я даже подумала, что она одна из нас...

– А парень, постарше ее будет года на два – на три, – задумчиво сказала Света. – Откуда они взялись, она так и не сказала, но разговаривает она чудно. Я некоторые слова не разобрала.

– Свои котомки, она называет «рюкзаки», – сказала Алла. – Это немецкое слово... наверное.

– Тяжелые, – подключилась к разговору Таня. – Интересно, что в них...

– Сегодня пусть отдыхает, – продолжила Алла, – завтра, надеюсь, сама расскажет.

На другой день, едва проснувшись, Анна побежала в лазарет проведать Максима. Там она обнаружила Аллу, которая сидела у кровати раненной женщины. Она приложила палец к губам, призывая девушку к тишине, затем поманила ее за собой.

– Спит твой мужчина, – сказала она, когда они вышли из лазарета. – Лучше ему, на поправку идет. А вот нашей Элле Юрьевне плохо пока. Доктор говорит, что сепсис может начаться... Лекарства плохо помогают...

Она намеренно сказала «мужчина», а не муж. Почему-то не верилось, что эта юная девица замужем, да и кольца на

пальце нет.

– Я сейчас принесу, что у меня осталось... – ответила Анна и побежала в комнату, где ночевала и где находились их с Максом рюкзаки.

Схватив все, что осталось от их импровизированной аптечки, – то, что они впопыхах собрали, отправляясь в поход, она быстро вернулась обратно в лазарет.

– Вот, – сказала она, передавая Алле упаковки таблеток аспирина, анальгина и левомецетина.

– Хорошо, я передам доктору, – ответила Алла, удивленно вертя в руках блистеры. – Никогда таких лекарств не видела.

Анна все же вошла в лазарет и, некоторое время, смотрела на спящего Максима. Парень спал спокойно, а вот его соседке явно было не очень... Женщина лежала, разметав по подушке светлые волосы, на лбу выступил пот дыхание было частым, прерывистым. Алла вытерла ей лоб и, вздохнув, села у кровати.

– Скоро доктор придет, – вполголоса сказала она. – А ты иди. Сейчас девушки сделают утренний моцион и позовут тебя к завтраку.

Анна вышла во двор и увидела собирающихся там amazонок. Одна из них, по-видимому, командир группы, помахала ей рукой и крикнула.

– Сейчас у нас пробежка до озера. Окунемся и вернемся к завтраку. Если хочешь, беги с нами.

Девушки были в белых парусиновых штанах и футболках

необычного покроя. На Анне были бриджи и футболка, так что она отличалась от них разве что кроссовками. Амазонки были обуты в какие-то архаичные ботинки. Впрочем, она понимала, что в эту эпоху обувь амазонок была, пожалуй, лучшей из всего, что носили женщины на ногах.

Короче, Анна без разговоров пристроилась к выбегающим из ворот пансионата девушкам и, стараясь не отставать, побежала за ними. Это поначалу давалось ей легко, она же не знала, сколько бежать до озера, и силы не сэкономила, но, пробежав около километра, стала терять дыхание. Амазонки, заметив это, замедлили темп.

– Уже недалеко, – сказала Мария и ободряюще улыбнулась.

Анна постаралась взять себя в руки и увеличила темп. Дома она всегда гордилась своей физической подготовкой и подтянутой спортивной фигурой. Но тут из-за леса показалась полоска воды и вскоре амазонки столпились на песчаном берегу небольшого лесного озера. Все, кроме Анны мгновенно скинули свою одежду и, оказавшись голышом, мгновенно попрыгали в холодную воду озера. Анна замешкалась. А кого стесняться-то, ведь вокруг никого не было, и Анна решительно последовала за ними. Холодная вода поначалу обожгла разгоряченное бегом тело, но девушка быстро поплыла, догоняя своих новых подруг демонстрируя доселе неизвестный им стиль плавания.

На том берегу не задержались и тотчас поплыли обратно.

Выбежав из воды стали растираться полотенцами, которые оказались у всех, кроме Анны. Но это не осталось без внимания и ее тоже растерли, не давая замерзнуть. Затем все так же быстро оделись и побежали обратно. Анне обратный путь дался легче, она уже втянулась в темп.

– Ты молодец, – сказала ей бегущая рядом Мария. – Я даже думаю, что ты одна из нас. Может ты и рукопашному бою обучена.

– Обучена, – ответила Анна и с гордостью добавила, – я чемпионка Боровска по-карате.

– Не знаю такого города, – с некоторым удивлением ответила Мария. – Или это не город?

– Город... небольшой, – смущенно сказала Анна.

– Ну, хорошо, потом в спортзале покажешь свои таланты. У нас тут есть тоже чемпионы... пансионата. А стреляешь как?

– Я стрельбой не занималась.

– У нас тут есть еще обязательная дисциплина: скалолазание.

– Это я тоже не умею, но очень хочу научиться, – с жаром воскликнула Анна. – Максим вот умеет, а я только раз попробовала...

Девушки вбежали в ворота пансионата и пошли готовиться к завтраку. Вновь прибывшая подруга показала себя хорошо. Мария готова была взять над ней шефство. Немного странная девушка по разговору и по одежде, но ведь и они –

амазонки, тоже странные, если взглянуть со стороны.

Для младшей группы амазонок жизнь потекла по обычному расписанию, словно не было вчерашнего собрания и объявления Татьяны Павловны о закрытии их родного учреждения. А что им оставалось делать? Все были сироты, уходить некуда. Да, до недавнего времени у их командира, Марии Фингерт, было именье и больной отец и брат... Но неделю назад никого не стало: именье разграблено, а брат и отец убиты. Банда Васьки Рябого отметилась... Мария, пылая мстью, со своими амазонками прочесали округу, но на след банды не попали. Может оно и к лучшему. У Васьки полсотни сабель, а амазонок всего десяток. Саблями они не владеют, зато из своих карабинов стреляют так, что богиня Диана могла бы позавидовать. А в рукопашном бою каждая стоит троих. Но все равно, маловато их для Васькиной банды. Правда сейчас в гостях выпускницы: четыре амазонки, которые уже прошли огонь и воду. С ними можно банду распотрошить, а уж сохранить пансионат от налета и подавно. Теперь еще одна девушка появилась и, похоже, не робкого десятка. Эти мысли крутились в голове Марии, когда она собиралась к завтраку.

Сразу после завтрака Алла позвала новенькую в лазарет, где ее ждал доктор, невысокий сухонький старичок уже давно практикующий в этом пансионате.

– Откуда у вас это? – спросил он Анну, едва она ступила за порог.

– Это мы с собой привезли, – растеряно ответила она.

– Я хотел спросить, – терпеливо повторил доктор, – где вы это взяли?

– В аптеке, – честно ответила Анна.

– И где же эта аптека?

– Там... – замешкалась девушка, – откуда мы пришли...

Ну это долгая и странная история... Да вы все равно не поверите.

– Ну, хорошо, аспирин и анальгин лекарства известные, только упаковка странная, а вот левомецетин я не встречал и не знаю, что это такое.

– Он хорошо помогает при диарее... – покраснев, сказала Анна.

– Понятно... – протянул доктор. – А может у вас еще что-нибудь есть?

– Уже нет, – вздохнув, ответила девушка. – Были бинты, йод, но я все потратила, когда Макса ранили. А как он?

– Этот парень идет на поправку. Через неделю сможет ходить, правда, на костылях пока. Сепсиса удалось избежать. Значит, больше у вас ничего нет?

– Ничего, – подтвердила Анна.

Максим лежал на кровати с открытыми глазами и улыбался Анне. Это был хороший признак. Девушка присела к нему на кровать. Одна из амазонок принесла завтрак в лазарет. Ел он уже с аппетитом. А вот его соседку кормила Алла жидким бульоном. Потом остатки еды унесли и Анна сидела с

Максимом, рассказывая ему где они сейчас находятся. Потом она ушла в комнату, которую ей выделили, и стала строить планы перевести туда Макса. Ей было явно неуютно одной в этом мире, даже, несмотря на доброжелательное отношение окружающих ее людей. Хотелось объяснить свое появление здесь, но не знала, как это сделать. В задумчивости она бродила по пансионату, пока не появилась одна из девушек и не позвала ее за собой.

Так Анна оказалась в спортзале. Там амазонки проводили физические тренировки, отработывали приемы рукопашного боя. Анна сначала наблюдала за тренировочными схватками амазонок, пытаясь определить этот вид борьбы, но не преуспела в этом. Некоторые приемы были ей знакомы, но в большинстве своем, она не понимала их действия. Впрочем, чтоб понять, надо попробовать самой провести учебную схватку. Но напрашиваться было неудобно. Потом начались просто физические упражнения: прыжки с переворотом. Амазонки были прекрасно развиты, но при этом ухитрились не потерять своей женской привлекательности.

Наконец, Света, которая вела эти занятия, позвала ее «на ковер» и попросила показать свое умение. Анна не стала отнекиваться, наоборот, решила блеснуть своим искусством ведения боя. Однако сначала ее проверили на предмет владения своим телом, предложив скрутить сальто вперед и назад. Убедившись, что ее физическая подготовка соответствует к проведению тренировочной схватки, руководитель-

ница предложила Анне самой выбрать себе соперницу. Анна поначалу хотела вызвать Марию Фингерт, как самую подготовленную на ее взгляд, но, подумав, решила не накалять обстановку и объявила, что пусть девочки сами решают. В результате ей досталась невысокая, но крепкая рыженькая девушка.

Поединок длился минуты четыре, а это очень большое время для таких поединков. Анна победила, но победа далась ей весьма нелегко. Света внимательно следила за боем и по окончании предложила Анне сразиться с Марией. Ситуация сложилась не очень... Анне не хотелось обижать командира амазонок, но сдаваться она тоже не собиралась. Решив, свести поединок на ничью она вышла «на ковер». Ковра-то, конечно, не было, просто был обрисован круг, на досчатом полу зала. Мария была девушкой сильной и хорошо подготовленной, но тот прием блокировки соперницы она не знала, да и ни к чему этот прием в реальной боевой схватке, ведь амазонок готовили именно к ним. Короче, Анна заблокировала соперницу таким образом, что обе не могли продолжать схватку, потому что любая попытка выйти из блокировки вела к поражению.

– Так не пойдет! – сказала Света. – У нас ничьих не бывает. Вставайте и начинайте сначала.

Поединок продолжился. Попытка Анны повторить этот прием не прокатила. Вернее, именно эта попытка и привела ее к поражению. Соперницы пожали друг другу руки, хотя

по правилам, к которым привыкла Анна, должны были только поклониться друг другу. На этом занятия завершились, и девушки пошли принимать водные процедуры. Душа тут не существовало и они обливались чуть теплой водой в специальном банном помещении, но не в той бане, куда Анну водили вчера.

После обеда, по плану тренировок, которому амазонки следовали неукоснительно, были стрельбы, и девушки отправились в тир. Тут, прямо скажем, успехи Анны были более чем скромные, хотя со снаряжением карабина она справилась и даже в мишень попала пару раз. В тире пробыли не более двух часов. Следующим занятием была верховая езда. А куда без этого? Пеших амазонок не бывает. Без верховой езды нельзя. Само собой разумеется, что Анна не владела этим искусством, чем весьма разочаровала своих новых подруг.

– Ничего, научишься, – сказала Мария. – Татьяна Павловна сказала, что мы еще месяц можем здесь находиться. А потом... Нет, потом тоже можно, только продукты закончатся. Придется идти на службу, ведь больше мы ничего не умеем, кроме как мутузить друг дружку, стрелять, скакать на конях...

– По-моему, здесь это самая востребованная профессия, – усмехнувшись, сказала Анна.

– Здесь... Ты сказала здесь, – серьезно ответила Мария. – А сама-то ты откуда?

Анна уже давно ждала этого вопроса, и все равно, все получилось неожиданно.

– Я понимаю, что должна рассказать вам, как мы с Максом здесь появились. Только я боюсь, что вы посчитаете меня обманщицей и прогоните... А мне... нам... идти некуда. Максим ходить не может, я его не брошу, да и не уйти мне без него. Там в горах проход требует альпинистской подготовки. Я не умею лазить по скалам... Нет, высоты я не боюсь, просто не умею. А Максим, с его ногой, ему вообще не пройти.

– Это уже интересно, – задумчиво сказала Мария. – Кстати, скалолазание тоже есть в нашей программе обучения. Но суть не в этом. Тебе придется все равно рассказать нам свою историю, может, мы сможем помочь вам. Но уж, во всяком случае, выгонять вас отсюда никто не будет. Правда, остаться здесь надолго мы тоже не сможем. Закрывается наше учреждение. Не нужны мы новой власти...

Свое появление в этом мире Анна рассказала по возможности правдиво, даже совершенно правдиво, умолчав только о том, что они с Максимом из разных миров и мужем и женой формально не являются.

– Мы с Максом находились в скальном гроте, когда началась сильная гроза, – рассказывала она. – Я такой грозы никогда раньше не видела. Свистел ветер, небо потемнело, стало вообще темно как ночью... Потом, я почти потеряла сознание. Меня растормошил Максим, сказал, что надо ид-

ти. И мы пошли, вышли на равнину, а горы как-то быстро исчезли из виду... Вдруг мы увидели скачущих людей на лошадях, они стреляли друг в друга. Максим сказал, что это снимают кино про гражданскую войну... И он сказал, что надо посмотреть поближе... Это безопасно, сказал, ведь стреляют-то холостыми... А оказалось... – Анна всхлипнула, – оказалось, что все по настоящему и патроны боевые. Тут его в ногу и ранили, случайно. Случайная пуля, всадники, наверно, нас даже не заметили... А дальше вы знаете...

– Дальше-то мы знаем, а чего не знаем, нетрудно догадаться, – усмехнулась Мария. – Мы не знаем главного: кто вы и откуда.

– Мы из далекого будущего, – с глубоким вздохом ответила Анна. – Максим из 1968 года, я могу показать его паспорт...

– Покажи, – хмуро ответила Мария, решив про себя, что девушка повредила умом. Такое бывало.

Анна отправилась в свою комнату и начала потрошить рюкзак Максима, намереваясь кроме его паспорта, найти и другие доказательства. И это ей удалось. Несколько мелких монет и трехрублевик. Подумав, она не стала брать пистолет ПМ, который Максим таскал с собой, путешествуя между мирами. Свои электронные игрушки тоже брать не стала, поскольку ее смартфон и часики были совершенно разряжены.

Анна принесла паспорт Максима и деньги, которые будут

в ходу через пятьдесят лет. Девушки некоторое время рассматривали диковинки. Ни паспорт, ни денежные знаки ничего им не объяснили. Да, это диковинка! Согласились все, но в его паспорте было непонятно все: и название страны, и название органов выдавших паспорт. Даже черно-белое фото вызывало недоумение. Пришлось Анне объяснять и что такое СССР, и что такое ОВД. Только от ее объяснений толку было немного, поскольку она сама это знала из учебников истории. Ведь ее-то паспорт был совсем другой. Но одно из ее рассказов они поняли ясно: советская власть это надолго и едва ли они доживут до ее окончания.

Мария Фингерт пребывала в раздумьях. Самое простое было счесть Анну тронувшейся умом. И ведь было от чего! Да только слишком многое в ней было непонятно. А главное, она чувствовала, что девушка не сочиняет небылицы, наоборот, она не говорит всего что знает... Но самое невероятное то, что никаких гор поблизости не было. Правда, вскоре выяснилось, что они с Максимом жили в восточной Сибири. И в момент «переноса» находились именно там. Конечно, Мария отправилась к своей директорисе, чтоб сообщить о необычных гостях. Та сначала слушала, как бы в пол-уха, а потом просто отмахнулась.

– Слушай, Мария, – сказала она. – У нас проблемы и очень немаленькие. Я, честно говоря, ночей не сплю, стараясь что-нибудь придумать, чтоб как-то сохранить пансионат, а ты тут со своими сказками. Да пусть она рассказывает что угодно,

поправится ее муж и пусть идут с богом хоть в будущее, хоть в прошлое, хоть к черту на рога. Ты бы вот лучше придумала, как стать полезными новой власти... организовать здесь детский дом для девочек, обучать их какой-нибудь полезной профессии, не обязательно военной... Ведь беспризорников полно, а для девочки беспризорничать страшно вдвойне... Я хочу съездить в Петроград и еще раз поговорить с самым высоким руководством. Ты как считаешь, это правильно?

Мария задумалась, пытаясь переключить свои мысли на другое направление. Конечно, Татьяна Павловна совершенно права. Если все они просто уйдут, то пансионат просто разграбят, как разграбили ее родную усадьбу. И через несколько лет тут останутся руины, а потом и их не останется...

– Вы правы, Татьяна Павловна, – ответила Мария. – И я всегда рада помочь, но не знаю как. Ведь кроме преподавания военной науки: рукопашного боя и стрельбы, мы ничего толком не умеем делать.

После разговора с директрисой, Мария, да и другие амазонки перестали докучать Анне вопросами. Действительно, перед ними стояла насущная проблема: как жить дальше. Но это не означало, что они стали как-то избегать Анны, сторониться. Нет! Девушки с удовольствием обучали ее конному делу, учили стрелять из кавалерийского карабина, и сами у нее учились некоторым приемам рукопашного боя. Она стала одной из них. Каждое утро начиналось с пробежки, окуна-

ния в озеро, потом начинались занятия. Одним из упражнений была альпинистская подготовка: лазанье по обрыву в паре, с применением страховочной веревки. Этому виду подготовки Анна уделяла особое внимание, ведь рано или поздно им надо возвращаться восвояси. А время шло, наступил ноябрь. Незаметно пролетели три недели.

Максим уже уверенно ходил, опираясь на палку. А Элла Юрьевна начала поправляться, чему несказанно радовались старшая группа амазонок, да и доктор был рад. Анна продолжала свои занятия, дожидаясь окончательного выздоровления Макса. По вечерам они жарко обсуждали пути возвращения в свой мир, понимая, что им придется ехать в восточную Сибирь, найти станцию Басаргина, или хотя бы полустанок, а оттуда уже искать путь в свои миры. Если же ничего найти не удастся, то придется обустраиваться как-то в этом мире. Были у них и такие мысли...

На дворе стало холодно и одежда Анны, да и Максима явно не соответствовала времени года. Алла принесла для Максима шинель, оставленную подпоручиком, который вел у амазонок огневую подготовку. Сам-то подпоручик ушел из пансионата еще весной, когда прекратилось денежное довольствие и теперь воюет где-то на просторах огромной страны.

– Погоны спори, – присоветовала Максиму Алла, – а то пристрелят «товарищи». Для них погоны, что красная тряпка для быка...

Максим выслушал, но не прислушался, так и щеголял подпоручиком. «Товарищей-то» поблизости не наблюдалось, а ковылять, опираясь на палку, в виде раненного офицера было в кайф. Старую офицерскую фуражку, того же подпоручика он разыскал самостоятельно. Теперь даже амазонки стали смотреть на него по-другому. Анне девушки тоже принесли утепленную форму и пальто подобрали. С женской одеждой в пансионате было все проще. Много было ее на любой размер. Форму амазонки Анна даже попыталась подогнать по фигуре с помощью швейной машинки, но тут получился конфуз. Когда ее увидела в этой подогнанной форме Мария Фингерт, она отозвала ее в сторону и сказала:

– Анна, как ты думаешь, вот моя форма амазонки говорит о том, что я женщина?

– Ну-у, – протянула Анна, не понимая куда та клонит, – говорит...

– А твоя форма просто кричит об этом, я понятно говорю?

– Я не совсем понимаю, тебе не нравится, как я ее ушила?

– Хорошо, скажу прямо. Ты сейчас похожа на шлюху. Это грозит большими неприятностями тебе и кладет пятно на нас всех. Приведи форму в первоначальный вид. Наша одежда не должна висеть балахоном, но выпячивать наши выпуклости тоже не должна. Мера должна быть соблюдена. Возможно, в вашем мире такая одежда обычное явление, но здесь нет! Так что будь любезна, сними это.

Анна, уже давно вступившая в ряды отряда Марии Фин-

герт, беспрекословно выполнила приказ своего командира, правда кое в чем все же поступила по своему.

А Макс, раздобыл где-то гитару и иногда брэнчал на ней какие-то песни, Анне совсем неизвестные. Но у него образовалась компания слушателей, вернее слушательниц. Услышав знакомые звуки из комнаты амазонок старшей группы, Анна, постучавшись, вошла. Максим сидел на стуле с гитарой в обнимку и тихо пел песню о какой-то шамаханской царице, которая постоянно грустит о нем, а он собрался взять ее в жены, «как того пожелала она». Алла и Ольга, которые находились в комнате, слушали его, раскрыв рот. Анне песня тоже в целом понравилась, только она не была уверена, что является той самой шамаханской царицей. А если учесть, что девушки были весьма привлекательны и ровесницы Максима, то от этой встречи остался неприятный осадок.

– Кажется, ты уже выздоровел, – с некоторой издевкой, сказала она ему вечером.

– Я готов отправиться хоть сегодня, – ответил Максим, – если ты освоила на своих занятиях скалолазание и сможешь меня подстраховать на карнизе...

– Да ладно, сам ведь понимаешь, что даже с моей помощью, тебе по карнизу не пройти и из провала не выбраться. Не злись, но я вижу, что здесь на тебя некоторые уже запали. Что делать, бабье царство вокруг и не надо идти в страну Шамаху.

– Уходить нам отсюда придется, – совершенно серьезно

сказал Максим. – Я тут, конечно, делаю какую-то мужскую работу: дрова и мелкий ремонт по зданиям, но ведь пансионат уже закрыт. Снабжения нет... Всем придется уходить. Надо продать где-то нашу палатку и рюкзаки, чтоб мы смогли добраться до восточной Сибири. Я представляю, что там сейчас творится. А две амазонки из старшей группы, Ника и Вера, как раз собираются во Владивосток... Правда этих девушек сейчас здесь нет, но подруги ждут их возвращения.

– Нику я знаю, – ответила Анна. – Это благодаря ей нас приняли здесь. Если правда то, что мы изучали по истории и то, что я читала в книгах, то нам туда не добраться одним... Разве что с боевой группой амазонок. Так что, придется закрыть глаза на твои вокальные упражнения... Я только надеюсь, что ты ими и ограничишься...

– Ну ладно, не ревнуй, я же тебя люблю, – примирительно ответил Максим.

Тем не менее, концерты продолжились, и круг слушательниц расширился. Его с удовольствием слушали девушки младшей группы, даже у Марии глаза временами увлажнялись. Как оказалось, песен о временах гражданской войны Максим знал множество, авторство этих песен было покрыто мраком, только гитарой он владел как папуас барабаном: мелодия угадывалась и ладно...

– Послушай, Максим, – однажды сказала ему Анна, после его очередного концерта, – я тоже хочу поучаствовать в твоих выступлениях, только не как вокалистка. Для этого ты

должен как-то зарядить мой смартфон. Там довольно много музыки закачано, мы изобразим Бременских музыкантов и решим наши финансовые проблемы. А то я тоже неуютно себя чувствую, живя здесь за счет умирающего пансионата...

– Да я уже думал об этом, – ответил он. – Динамо машина здесь есть, можно приспособить ветряк, чтоб ее крутить. Есть даже приборы, для контроля напряжения, но я не знаю, как устроено зарядное устройство для смартфона. Разобрать его невозможно, да даже если разберу, параметры элементов все равно неизвестны. Короче, если подать напряжение на вход больше 220 вольт, то можно его сжечь, а как сделать ограничитель, чтоб такого не случилось, я еще не придумал.

– Давай, придумывай скорее... А то мне кажется думы у тебя не о том. На Ольгу заглядываешься! Думаешь я дура, или слепая?

– Да, ладно тебе... Ни на кого я не заглядываюсь, а насчет зарядки смартфона, есть у меня одна мысль: завтра попробую реализовать. Если сожгу зарядное устройство, надеюсь твой отец простит меня, когда вернемся...

– Тьфу! – плюнула с досады Анна. – Да у меня этих зарядок, как...

Она даже задохнулась, не в силах подобрать сравнение. Максиму стало понятно, что переживать на эту тему никто не будет. Осталось зарядить смартфон. Этим он и занялся на следующий день.

На зарядку аппарата Анны он потратил полтора дня, зато

дело было сделано. Можно было удивить амазонок по полной программе. Кстати, или некстати, на вечерний концерт явилась даже директриса и Элла Юрьевна появилась. Анна, конечно, подготовилась к своему выступлению, она решила станцевать шафл. Этот танец имел уже оглушительный успех в мире Максима, собственно, с него и начались там неприятности, от которых они пытались сбежать столь неудачно. Этот танец станет сюрпризом и для него тоже.

Амазонки танцами тоже занимались и весьма успешно, пока в пансионате были уроки танцев. Теперь же не было ни музыкантов, ни учителя танцев, да и текущая обстановка не располагала... Обстановка-то не изменилась, но ведь и люди не изменились. Невозможно постоянно предаваться унынию, эмоциональная разрядка тоже нужна.

Для начала Максим исполнил песню Кукина «Горы далекие, горы туманные...». Слушали молча, песня была необычна для того времени, необычна была и манера исполнения. Под гитару исполнялись романсы, авторская песня была в новинку. Младшая группа амазонок реагировала прохладно, Максим знал, им танго подавай. Модная мелодия, эксцентричный танец, а если еще слова... «Утомленное солнце» к примеру... Но в этот раз он решил не идти на поводу у юных девушек, тем более, что старшие: Элла и Татьяна Павловна, слушали с удовольствием. Или ему показалось... Но нет! Не показалось! И он спел еще одну песню Кукина «Вы пришлите в красивом конверте...». Понрави-

лось всем и, естественно, все хотели продолжение, но Максим внезапно встал и объявил.

– А теперь уважаемые дамы, я прошу внимания. Сегодня мне удалось починить музыкальный аппарат Анюты. Он довольно необычный, и музыка будет несколько необычна. Я его сейчас включу, и Анна исполнит для вас танец.

С этими словами Максим взял смартфон, которым научился управлять еще будучи в своем мире, открыл музыкальный каталог, включил мелодию, по уговору с Анной. Зазвучала музыка, сначала очень тихо. Амазонки притихли, они и не ожидали громкой музыки от маленькой дощечки, которую Макс держал в руке. Но звук постепенно нарастал, и мелодия звучала все громче и, наконец, звучание стало таким, словно рядом играл небольшой оркестр, и Максим пристроил аппарат в стоящий у стены книжный шкаф. Анна, улыбаясь, вышла на середину комнаты и начала свой танец. Одета в просторные брюки, футболку и кроссовки, она танцевала, и ее незамысловатые движения буквально заводили публику. Успех был грандиозным. Этому танцу хотели научиться все. Ведь танец был одиночным, а в коллективе был только один мужчина, да и тот хромым. Музыка звучала снова и снова. Потом все начали изучать содержимое этой музыкальной шкатулки, смотреть видеоклипы и Максим понял, что теперь зарядка смартфона будет его основной обязанностью.

Но всему хорошему приходит конец, впрочем, всему пло-

хому тоже, только хорошее кончается почему-то гораздо быстрее, чем плохое. Ну, это так, к слову. А тут просто смартфон умолк, поскольку кончилась зарядка, и все собрались расходиться по комнатам. Однако, заговорила Татьяна Павловна.

– Девушки, задержитесь ненадолго и вы Максим тоже. Я должна вам кое-что сказать. Все вы знаете, в каком положении пансионат, повторяться я не буду. Завтра я выезжаю в Петроград, попытаюсь еще раз доказать новой власти целесообразность существования нашего учреждения. И я хочу взять с собой трех девушек: Свету, Аллу и тебя, Анна. Света и Алла уже знают и готовы отправиться со мной. А насчет тебя Анна, я решила только сейчас, и мне нужно твое согласие. Я знаю, что вы с Максимом собираетесь покинуть пансионат, но наша поездка долго не продлится, а Максим еще не выздоровел окончательно. Я жду твоего решения Анна...

– Я согласна, – ответила девушка.

Собственно, постановка вопроса и не предусматривала иного ответа. Тем не менее, Анна понимала, что не может ответить черной неблагодарностью людям которые помогли ей в трудную минуту. Конечно, она не понимала, чем может помочь этой хорошей женщине в разговоре с большевиками, которых откровенно побаивалась. Хотя чего ей бояться в компании двух амазонок, да и сама она могла за себя постоять. За последний месяц пришлось применить свои навыки в мире Максима, да и здесь тоже...

Макс заряжал смартфон всю ночь, и наутро, к отъезду Анны он был заряжен почти на пятьдесят процентов. Прощание невенчаных супругов было бурным, но скомканным. Анна откровенно боялась оставлять его в женском обществе, да еще в отсутствие директрисы.

– Да не бойся ты, – сказала ей Мария. – Кому он нужен, хромой-то...

Это она просто так сказала. В это непростое время и хромые и безрукие могли свободно обзавестись любовницами. Но Максим тоже боялся за свою Анну, но не того, что она найдет ему замену, а просто боялся за нее. Женщина ведь, хоть и владеет рукопашным боем и в сопровождении амазонок, но пуля-то не разбирает. А стреляли в то время все: и бандиты, и милиция, и белые, и красные.

Вот так и уехала Анна, взяв с собой рюкзак и смартфон с зарядным устройством.

5

Татьяна Павловна предпринимала уже вторую попытку спасти свой пансионат, которым она руководила больше двадцати лет. Теперь, в этой поездке, она использовала собственные сбережения. У ее амазонок денег почти не было, у кого-то оставались украшения, которые продавались или выменивались на продукты, но бесконечно это продолжаться не могло. Вот и теперь у нее оставалась надежда не неко-

торых старых друзей. К одному из них она и отправилась, прибыв в Петроград.

Бывший каперанг Сибирцев принял, опять же бывшую директрису пансионата вместе с сопровождавшими ее девушками, и разместил на проживание в своей квартире. Места, слава богу, хватало, поскольку его еще не уплотнили, то есть не вселили в его квартиру других жильцов, хотя такое происходило повсеместно.

Выслушав свою давнюю подругу, каперанг сказал:

– Единственное, что я могу теперь для вас сделать, Татьяна Павловна, это определить здесь на проживание, да и то не на долгое время... Во власть я теперь не вхож, а мое участие в вашем деле может скорее навредить, чем помочь.

– Спасибо вам, Валентин Семенович, и на этом. Я понимаю, что объясняться с властями мне придется самой. Но вы ведь поможете мне найти наших прежних покровителей?

– Сожалею, Татьяна Павловна, только все они уже далеко от Петрограда, а иных уж и на свете нет. Впрочем, я от помощи не отказываюсь. Все, что в моих силах, готов исполнить.

Сама директриса и не надеялась на его помощь. Приютил всех на время, и за это спасибо великое. Назавтра она намеревалась искать комиссара, в ведении которого находятся сиротские дома и приюты. Для разговора с ним она планировала взять с собой Анну. Ведь теперь спасти пансионат, который в прошлый ее приезд он назвал буржуйским гнездом, могло только чудо, и это чудо у нее теперь было в лице

Анны, девицы появившейся неизвестно откуда.

На следующий день, после приезда, Татьяна Павловна, объявила своим девушкам:

– На сегодня Алла и Света свободны, а мы с Анной отправляемся в комиссариат и попробуем добиться приема... ну, или хотя бы договоримся о приеме, что будет большой удачей.

Они шли по Невскому нераним утром, неспешным прогулочным шагом. Анна не понимала, зачем директриса взяла ее с собой и очень смутно представляла себе предстоящий разговор. По сути, она просто выполняла приказ. За прошедшие два месяца в пансионате она привыкла выполнять приказы, ей было спокойнее, что за все сейчас происходящее несет ответственность взрослый, опытный человек. Внезапно, со стороны проезжей части остановилась пролетка.

– Таня! – раздался мужской густой бас и из пролетки выскочил мужчина.

Он был не молод. Говорят, что борода мужчину старит. Ну, это молодого мужчину она, наверное, старит, а когда мужчине под пятьдесят, то вовсе даже и не старит. А в данном случае было именно так. Высокий статный мужчина в черном пальто и какой-то странной фуражке, вдруг возник перед ними, взял Татьяну Павловну за руки и молча, смотрел на нее своими серыми глазами. Он просто, молча, смотрел, и она как-то по-детски, даже жалобно, улыбалась ему. Не надо

быть очень проницательным, чтоб угадать в нем военного. Об этом говорила выправка, манера стоять перед дамой, даже следы споротых знаков различия на его пальто. Они просто молча стояли, держась за руки. Анне стало неудобно, и она отвела взгляд. А для двоих время остановилось и они, замерев, боясь пошевелиться, чтоб не спугнуть чего-то эфемерного, невидимого другим людям, продолжали стоять.

– Барин, заплатить бы надо... – послышался чей-то голос.

Анна повернулась и увидела кучера пролетки, который топтался возле пары.

– Вадим... – выдохнула Татьяна Павловна и уронила голову на грудь мужчины.

– Идем, – сказал он, словно очнувшись и, выплывая из небытия, потянул ее за руку к пролетке.

– Я не одна, – смущенно ответила директриса и указала взглядом на Анну.

– Вы тоже садитесь к нам, – ответил мужчина, указывая на пролетку.

Кучер уже сидел на козлах, а Вадим помог подняться внутрь сначала Татьяне Павловне, потом Анне. Пролетка двинулась, Татьяна и Сергей сидели рядом, держась за руки, и ничего не говорили. Даже кучер ничего не спрашивал, видимо, ему был известен адрес. Анна поняла происходящую ситуацию, да и кто бы не понял? Только она не знала, что теперь делать. Все дела откладывались, по крайней мере, на сегодня, но ей-то куда деваться. Этим голубкам, она теперь

только помеха, в этом городе никого не знает, и идти ей некуда... Черт ее дернул согласиться на эту поездку. Зачем она здесь? Там хоть Макс рядом...

Пролетка остановилась возле особняка, мужчина вышел и помог спуститься дамам. Они вошли в небольшую квартиру и остановились в прихожей.

– Эту квартирку мы снимаем с поручиком... – замешкавшись, произнес Вадим.

Он помог раздеться Татьяне и Анне и провел их в комнату.

– Поручик в соседней комнате... Сейчас я его приглашу и представлю вас...

Тут раздался стук в дверь и вошел мужчина, лет тридцати в армейском мундире без знаков различия. Широкоплечий красавец, выше Анны на полголовы, шатен с серыми глазами и тонкими аристократическими чертами лица.

– Сергей, – представился он.

– Татьяна Павловна, – представил Вадим свою даму, которую все еще держал за руку, словно боялся, что она исчезнет.

– Анна, – сказала девушка, не дожидаясь пока ее представит директриса, которая, кажется, выпала из реальности.

В реальности, похоже, оставался только поручик, остальные стояли без слов, которые автор этой пьесы забыл написать.

– Сударыня, – сказал он, обращаясь к Анне, – оставим некоторое время Вадима Петровича и его даму. Им нужно

поговорить без нашего участия. А вас я приглашаю пройти ко мне, в соседнюю комнату. Уверяю вас, что вы не соскучитесь, и в любой момент можете вернуться к вашей... тетушке.

Он, наконец, подобрал слово, определяющее степень родства Анны и Татьяны Павловны. Анна вышла вслед за поручиком и прошла в его комнату. Небогато жил поручик, впрочем, скорее всего квартира съемная, поэтому и обстановка такая: гардероб, шкаф, кровать, стол и три венских стула. Окно давно не мыто, но в целом в комнате чисто, хотя чувствовался запах табака.

– Позвольте представиться, сударыня, так сказать полным именем, – сказал он, выходя на середину комнаты и выдвигая стул для Анны. – Жилин Андрей Алексеевич, бывший поручик, бывшего полка, бывшей армии Его Императорского Величества!

При этом он щелкнул каблуками и наклонил голову.

– Анна Постольская, – неуверенно ответила девушка, затем усмехнулась и продолжила, – бывшая абитуриентка Медицинской Академии города Ельска, бывшая чемпионка по карате города Боровска.

– Присаживайтесь, сударыня. Не бывал в этих городах, да и что такое карате не знаю, но ценю женщин с чувством юмора. Впрочем, если относится к теперешней жизни без юмора, то она станет совсем кислой.

Анна села на предложенный стул и с интересом смот-

рела на поручика. Всегда приятно смотреть на крепкого и уверенного в себе мужчину. А поручик, казалось, источал чувство надежности и спокойной уверенности. Можно было расслабиться, почувствовать себя женщиной, а не пружиной на боевом взводе. Можно было даже немного пококетничать... Это же позволительно замужней женщине в определенных обстоятельствах. Вернее, в неопределенных обстоятельствах. Что происходит в соседней комнате, можно было только догадываться. Анна даже не подозревала, что у директрисы пансионата может быть личная жизнь... Да еще какая! Тут, верно, был бурный роман, со всеми сопутствующими атрибутами... Хотя почему был?

Тут размышления Анюты были прерваны появлением на столе бутылки с красочной этикеткой.

– Мускат белого камня, – ответил поручик на немой вопрос своей гостьи, – берег специально для вас. Одно из лучших крымских вин.

Сам он стоял перед столом и тер полотенцем фужеры, как заправский бармен. Он не задал Анне ни одного вопроса, просто открыл бутылку и плеснул в фужеры драгоценную жидкость, предварительно взболтав бутылку. Пока девушка раздумывала, что все это означает и что может за этим последовать, как на столе появилась вазочка с карамельками и поручик, подняв бокал, произнес тост.

– Я пью, за синеву ваших глаз!

Он сделал глоток и отставил бокал.

– Ну что же вы? – укоризненно продолжил он. – Вы можете, хотя бы чуть-чуть пригубить. Ведь мы с вами не знаем, сколько продлится ожидание вашей...

– Директрисы, – усмехнулась Анна, а затем, расхохотавшись, добавила, – бывшей...

– Тогда за бывших... – сказал поручик и поднял бокал.

Анна тоже подняла свой и сделала глоток. Вино ей понравилось, и она сделала еще глоток. В руках у поручика вдруг возникла гитара. Совершенно некстати, вдруг ей вспомнился Макс. «Небось, тоже сейчас бренчит, а Ольга рядом, конечно» – раздраженно подумала она и сделала еще глоток из бокала. Ее бокал вдруг наполнился, словно сам собой, а Сергей, стал осторожно трогать струны, подкручивая при этом колки. Затем полилась мелодия, и поручик запел какую-то песню. В смысл Анна не вникала, слова точно ложились на мелодию, песня была про осень, и навевала грустные мысли. Глядя на него она поняла, что Максу никогда так не сыграть и не спеть, да и вообще... Перед нею был сильный и надежный мужчина, а не мальчик, заблудившийся во времени. « *В лесу опустевшем аукаюсь с лешим, Что же и делать в осеннем лесу...* » – закончил свою песню поручик.

Анна сидела, задумчиво глядя в окно. Что дальше делать она не знала, в животе у нее разливалось тепло, от выпитого вина, а в голове поплыл туман.

– Как вы думаете, сударыня, чем сейчас должен заниматься боевой офицер? – неожиданно спросил Сергей, в упор

глядя на девушку.

– Не знаю, – растеряно ответила Анна.

– Знаете, сударыня, знаете! Боевой офицер должен служить! Вопрос только кому... Царя батюшки больше нет. Отрекся! Вот как. У государя все просто: отрекся и все, делайте что хотите. А вот мы с Вадимом отречься не можем! Боевые офицеры должны служить...

Анна поморщилась, если он сейчас начнет толкать речь, придется уходить. Весь романтический образ героя, бравого русского офицера, начал таять. И ведь уйти-то некуда. Однако поручик, мельком глянув на девушку, вдруг осекся на полуслове.

– Вы совершенно правы, сударыня. Виноват. Сам не люблю болтунов... Давайте выпьем за прекрасных дам.

Он снова поднял свой бокал и Анна, неожиданно для себя, подняла свой. Выпили. Уже понимая, чем все может кончиться, она решительно не хотела идти в соседнюю комнату и выяснять что-то у Татьяны Павловны. Если уйти на улицу, то она совершенно не знала, как найти их квартиру, она даже адреса не знала, да и денег было, кот наплакал. Накатило раздражение: на директрису, на Макса, на себя... А поручик снова настраивал свою гитару... Снова звучали песни и романсы о любви, о тех временах, которые она знала только по книгам и фильмам. *Балы, красавицы, лакеи юнкера и вальсы Шуберта и хруст французской булки*... пел поручик и его песни навевали тоску и безысходность. Сознание Анны

уплывало, она различала отдельные фразы, сам смысл песен ускользал. Ну, что можно требовать от девушки, которая родилась в двадцать первом веке и о гражданской войне столетней давности имела самые смутные сведения.

За окном темнело, Анна лежала в кровати поручика, положив голову ему на грудь.

– Считаешь меня шлюхой? – равнодушно спросила она его.

– Ваше целомудрие, сударыня, – спокойно ответил тот, – сейчас волнует меня меньше всего. А вот ваше душевное здоровье внушает серьезные опасения. Вы помните, что говорили десять минут назад?

– Нет.

– Я так и думал. У вас раздвоение сознания... Такое бывает у очень впечатлительных особ...

– Довольно, не продолжай. Мне нужно идти.

– Скажите куда, и я вас отвезу.

– Адрес у Татьяны Павловны...

– Не хотелось бы их тревожить... Может, утром?

– Можно и утром, – ответила Анна, вставая с кровати. – А как вы думаете, поручик, на ужин я заработала?

– Зря вы так к этому относитесь, – ответил тот с некоторой укоризной в голосе. – А ужин я и сам хотел вам предложить. Тут есть недалеко одно место, не шикарное, но, как говорится, что имеем тем и рады...

Анна, накинув рубашку поручика, выскользнула из комнаты в поисках, какого бы то ни было, туалета. Поиски не затянулись, поскольку она заметила точно такую женскую фигуру в таком же наряде, которая быстро прошмыгнула в соседнюю комнату. Татьяна Павловна, похоже, не заметила Анну, но на девушку вдруг напал смех. Она сдерживалась, давилась смехом, но остановиться не могла. Эмоциональная разрядка... Впрочем, в комнату поручика она явилась уже в полном спокойствии.

– Идемте в вашу забегаловку, поручик. И не волнуйтесь, я не привередлива.

Одевались быстро и молча, позвать с собой соседей никто не подумал. «Сами не маленькие» – решила Анна. «Каперанг, может позволить себе и ресторан», – решил поручик.

Ужин был скромный, Анна прекрасно поняла, что поручик на мели и сейчас тратит на нее последние деньги, но есть очень хотелось... Поручик, рассчитавшись за ужин, уже решил, что не далее, как завтра двинет в добровольческую армию, а каперанг, похоже, собирается к Колчаку... Подходя к дому Андрей почувствовал тревогу, в его комнате горела керосиновая лампа, которую он не зажигал. Может, Анна... Открыв дверь в квартиру он сразу почувствовал запах крови...

– А вот и второй! – услышал он веселый голос человека в солдатской шинели с винтовкой, штык которой был направлен поручику в живот. Рядом стоял матрос с маузером в ру-

ке, а из комнаты каперанга выходил еще один матрос с таким же маузером.

– А ты дамочка дуй отсюда, пока я добрый. А то за компанию с этими контриками пойдешь, – сказал матрос, стоявший на верхней ступеньке лестницы.

В течение следующих пяти секунд происходило следующее. Поручик сунул руку в карман, солдат отвел штык, чтоб с размаха всадить его в живот поручику. Но не всадил, а уронил винтовку и бревном рухнул на пол. Матрос рядом с ним вдруг выпучил глаза и тоже стал оседать.

– Эй, вы чего? – удивленно спросил тот, кто стоял наверху.

Но тут метнулась тень и он, лишившись оружия, тоненько по-женски взвизгнув, сел на пол. Поручик снова опустил в карман ненужный уже револьвер и, мельком взглянув на свою даму, сказал:

– Эти двое готовы, третьего я пока покараулю, а вы, сударыня, зайдите к Вадиму, посмотрите что там. Мне очень не понравились эти ребята...

Анна вошла в комнату каперанга и почти тотчас вышла. Затем направилась к сидящему на полу матросу и пнула его, как будто без замаха и не сильно, но тот, хрюкнув, завалился на бок. И по его остановившемуся взгляду было понятно: громить контру он больше не будет никогда.

Андрей открыл дверь в комнату своего товарища, тот лежал поперек кровати с дыркой во лбу. Татьяна Павловна ле-

жала на полу в луже крови с ножом в горле. Поручик вернулся в свою комнату.

– Амазонка? – полувопросительно сказал он, обернувшись к Анне.

– Так и да! – зачем-то моделируя еврейский акцент, ответила она. – Карате хорошо подходит для боя на ограниченном пространстве. Не каждая амазонка смогла бы...

– Надо уходить, и чем быстрее, тем лучше.

– Собирайтесь поручик, все мое на мне, – ответила Анна. – Отправляемся в Сибирь.

– Почему в Сибирь, а не на Дон к Деникину? – удивился Сергей.

– Потому, что я сибирячка и хочу домой, к маме. Не бросите же вы меня тут одну, ведь я же вас не бросила...

– Ну, что ж. Чего хочет женщина – того хочет бог. Не помню, кто это сказал, но так тому и быть.

Холодным ноябрьским вечером поручик, забрав все ценное, что было у него в квартире вместе со своей внезапно обретенной подругой, отправился на московский вокзал. Маршрут следования он представлял, весьма, приблизительно, а Анна не представляла вовсе. Кто бы узнал теперь в ней ту безоглядно влюбленную в Макса девчушку, которой она была еще менее полугодом назад... Теперь это была молодая, сильная и уверенная в себе женщина. Увидев в комнате Вадима труп Татьяны Павловны, она поняла, что пансионата больше нет и не будет. Решение пришло только одно отправ-

латься в Сибирь в Забайкалье, в родные места и там искать станцию Басаргина, чтоб попытаться уйти домой. Теперь она сможет сделать это одна. А Макс? Что Макс? Сколько можно быть для него нянькой? Сколько можно его спасать? Да к тому же он в надежных руках. Поодиночке они выберутся, а вот вместе, едва ли.

А вот в том ли была причина ее решения не возвращаться в пансионат? Понятно, что нет. Просто она внезапно и безоглядно влюбилась в бравого поручика. Не так уж сильно ее волновало возвращение домой. И вообще, если возвращаться, то только с ним.

О чем думал поручик? Загадка. Но уж точно не о том, что взял на себя обузу. С такой дамой можно переходить линию фронта как проезжую дорогу.

Максим проснулся, боясь пошевелиться, он смотрел на полуоткрытую дверь комнаты. Оля спала на его плече, обнимая его одной рукой, а другая свисала до пола. Узковата кровать для двоих. Заниматься любовью можно, а вот спать вдвоем тесновато. Впрочем, Максим от тесноты не страдал, он тоже крепко обнимал девушку. А страдал он по другому поводу. Запутался он в своих чувствах. То, что Оля к нему равнодушна, он давно понял, но когда Анна была рядом, он не придавал этому никакого значения, стоило только ей отлучиться, и нате вам. Сначала он ей рассказывал что-то интересное, ведь для нее все было интересно, потом исполнил

какую-то песню. А дальше, как то естественно Оля расправила ему кровать, затем совершенно спокойно разделась, легла и подвинулась к стене, освобождая ему место.

Вот так и заблудился Максим не только во времени и пространстве, но и в своих чувствах. Проснулся он от легкого скрипа, кто-то заглянул в комнату, а потом оставил дверь полуоткрытой. Что из этого следует? Только то, что теперь всем обитателям пансионата известно об отсутствии моральных принципов Максима, и из раненного героя он превратился в прожженного ловеласа. Что за этим последует? Возможно, изгнание... Что сделает Анна? А ведь ее надо доставить в ее мир. Он обещал, и должен это сделать. Как? Ведь ходит-то он с трудом, правда костыль уже оставил, палкой обходится. Пешком ему далеко не уйти, а верхом не умеет. Да...

Оля проснулась, дружески улыбнулась ему, чмокнула в губы, быстро оделась и убежала плотно закрыв дверь. Вот такие дела.

Максим оделся и поплелся к завтраку, хромя сильнее обычного. Амазонок в столовой уже не было. Он завтракал вдвоем с Эллой Юрьевной, которая после ранения большую часть времени, проводила в своей кровати, но в столовую ходила сама, а после отъезда директрисы, фактически стала замещать ее, решая административно хозяйственные вопросы.

Элла холодно кивнула Максиму и предложила после завтрака пройти в кабинет директора пансионата. Что сие означало, он понял без вопросов.

Элла Юрьевна начала без предисловий.

– Вот, что Максим. У нас уже, как ты знаешь, не пансионат! Но и не бордель! Если б не твое ранение, я бы просто выгнала тебя... В общем, так! До возвращения Татьяны Павловны будешь жить в лазарете, на ночь я тебя буду запира- рать. Никакого музицирования в комнатах амазонок больше не будет! И будьте любезны, спорите погоны с вашей шинели, звание подпоручика надо заслужить под пулями, а не под одеялом!

При последних словах Максим подскочил, сжав кулаки. Затем он снял шинель, швырнул ее в угол комнаты и вышел из кабинета, не взглянув на Эллу. Он тотчас отправился в лазарет, на холоде злость его быстро прошла, да и на кого злиться? Все сказанное справедливо. Надо уходить. Вот до- ждусь Анну и отправимся. Главное добраться до города, пока еще есть что продать. В лазарете он обнаружил свой рюк- зак, все свои вещи и гитару. К вечеру его навестила Элла Юрьевна, принесла шинель со споротыми погонами и акку- ратно повесила на вешалку. Затем вышла и задвинула ще- колду снаружи. Максим усмехнулся. Зачем закрывать дверь, если окна без решеток и высота от земли метра полтора. Правда, с его ногой этого достаточно... пока.

Конечно, Элла не ограничилась воспитательной работой с Максимом, с Ольгой тоже была проведена беседа.

– У тебя совесть есть? – строго спросила она ее при встре- че.

– Была где-то, – дурашливо улыбаясь, ответила девушка. –
Одолжить?

Теперь уже Элла пришла в ярость. Однако, сдержалась и после паузы ответила.

– Вот приедет твоя подруга...

– Она мне не подруга, а ему не жена...

– Пусть так, но превращать пансионат в бордель я не позволю!

– Да поняла уже. Завтра мы с Таней уезжаем в Питер, так что отпусти парня.

– Приедет Татьяна Павловна, пусть она решает насчет этого кота. Есть еще группа Марии Фингерт, там девицы тоже любят музыку послушать... Пусть посидит!

Следующий день был богат на события. Утром Максим обнаружил, что дверь открыта. Вчерашнему разговору это не противоречило, Элла обещала запирать его на ночь. В столовой завтрак был обычный, оставались еще запасы. Завтракали опять вдвоем с Эллой. Она молчала, Максим тоже. Женщина была старше его, лет на восемь и в матери ему явно не годилось, но, безусловно, была руководителем, которой подчинялись все. А всех-то было немного, поскольку Мария решила навестить свою бывшую усадьбу, недавно разграбленную бандой Васьки Рябого, и вместе со своим отрядом ускакала с раннего утра. А Оля с Таней, как и было обещано, прямо с утра отправились в Питер.

Таким образом, в пансионате, кроме Эллы с Максимом,

оставались еще сторож Кузьмич и повариха Зоя Петровна. Люди они были немолодые, всю жизнь работали в пансионате, и идти им было некуда. На чудо надеялись или на хозяйку, Татьяну Павловну...

После обеда Максим, в шинели без погон, сидел на крыльце и бесцельно созерцал осеннюю погоду. Завывал ветер, кружа по двору желтые листья. На душе было мерзко. Конечно, в ЗАГС он Анну не водил и формально она ему не жена. Но фактически... Да если б не она, сидел бы он сейчас в тюрьме в своем мире, или умер бы от гангрены в этом. Ну да ладно, главное вернуть ее к родителям, а на остальное наплевать.

Вдруг раздался громкий стук в запертые ворота. Сторож открыл смотровое окошко. Разговора слышно не было, но Кузьмич вдруг крикнул Элле Юрьевну и открыл калитку. Быстро вбежал молодой парень, затем они вдвоем с Кузьмичом открыли ворота и ввели коня. Ворота быстро закрыли. Подошла Элла и парень, размахивая руками, стал быстро что-то рассказывать. Максим не прислушивался. Его уже ничего здесь не интересовало, но как оказалось напрасно. Элла направилась прямо к нему.

– Идем со мной, – крикнула она и направилась к административному корпусу.

Максим встал и захромал вслед за ней.

– Плохи наши дела Максим, – сказала Элла на ходу. – Сюда идет банда Васьки Рябого, полсотни сабель. Сейчас нас

будут убивать и грабить. Живых после грабежа они не оставляют. Кузьмича и Зою я отправила за ворота, может, успеют уйти. А мы с тобой ни верхом, ни пешими, как сам понимаешь, уйти не сможем. Придется принять бой.

Они вошли в административный, корпус, затем спустились в оружейку, где Элла взяла карабин и несколько пачек патронов.

– Бери карабин и патроны, – сказала она Максиму. – Стрелять-то умеешь, надеюсь...

Максим вооружился, как ему было велено. Кроме карабина, в кармане у него был «макаров», который он прихватил с собой после того, как вышел из лазарета. Элла привела его в кабинет директрисы, где недавно проводила с ним воспитательную работу. Отсюда хорошо просматривался двор и ворота пансионата.

– Прознали, что амазонок нет, и решили поживиться, – продолжала рассуждать Элла. – Наша с тобой задача удержать ворота. Не дать им открыть их. Иначе ворвутся на конях всем скопом и тогда нам конец. А пока ворота заперты, мы контролируем двор...

Элла с карабином расположилась перед окном, Максим занял позицию у другого окна. Карабин он впервые держал в руках, но довольно быстро разобрался. ПМ он вынул из кармана и положил рядом. Умом он понимал, что их с Эллой положение безнадежное, но, одновременно, ему казалось, что все это спектакль, и все происходит понарошку... Наблюдая

за ним Элла скептически усмехнулась, но пистолет ее заинтересовал.

– Откуда он у тебя? – спросила она.

– Оттуда, – буркнул Максим и неопределенно мотнул головой.

За воротами послышался шум и сильные удары. Потом послышались крики с требованием открыть ворота.

– Открывайте! Хуже будет! – орали из-за ворот.

– Хуже уже не будет, – равнодушно сказала Элла.

Вдруг она резко вскинула карабин и выстрелила. Во двор дома рухнул здоровый бородатый мужик. Но во двор, преодолев забор, прыгнули еще двое. Элла выстрелила еще два раза, оба свалились, не успев открыть запор. Максим тоже начал стрелять по тем кто пытался высунуться из-за забора. Правда, ни в кого не попал, но бандиты больше не пытались преодолеть двухметровое препятствие сходу.

– Сейчас зайдут с другой стороны, но чтоб открыть ворота им все равно придется преодолеть двор, – сказала Элла.

И, действительно, раздались удары в дверь административного корпуса. Но дверь была крепкая и прикладами ее не выбить. Раздались выстрелы с целью выбить засов.

– Иди, Максим, к двери. Пугни их там. Стреляй через дверь, авось попадешь...

Максим тотчас бросился к двери и стал превращать ее в дуршлаг. Но вовремя сообразив, что таким образом он помогает ее снятию, прекратил стрельбу и затаился. Из каби-

нета доносились выстрелы. Со стороны жилого корпуса по окнам кабинета тоже стреляли. Бой продолжался. Но вот в ворота ударили чем-то тяжелым.

– Таран притащили, – сказала Элла. – Похоже, кончилась наша оборона.

Она взглянула на него и усмехнулась.

– Не держи на меня зла, Максимка. Мне на твои шашни с Ольгой наплевать, но репутация нашего заведения выше всего. Это ты должен понять!

Последовали еще несколько страшных ударов в ворота, и они распахнулись. Сломалась жердь, удерживающая их. Сразу десяток всадников ворвались во двор. Максим бросил карабин и схватил пистолет. Элла тоже вынула наган. Наступал последний и решительный...

В этот момент раздались выстрелы с противоположной стороны двора, где находились конюшни и несколько всадников, ворвавшихся во двор, повалилась с седел. Максим вышел из кабинета в коридор и сразу выстрелил в лицо какому-то рябому мужику, а затем непрерывно стреляя открыл дверь на крыльцо и вышел во двор. В этот момент началась стрельба за воротами и всадники, ворвавшиеся во двор пансионата, заметались, стали спешиваться, ища укрытия от пуль. Максим понял, что вернулись амазонки. В этот момент он увидел мужика, замахнувшегося на него саблей. ПМ был уже пуст, а карабин остался в кабинете. «Ну вот и все» – подумал он и опустил руки. Удара саблей он не ощутил, только

что-то мазнуло по лицу и по груди, а в голове бумкнуло и он упал. Бой еще продолжался. Алла со Светой, проникнув в пансионат со стороны конюшен по одному им известному ходу, стреляли из-за укрытий. Элла продолжала стрелять из окон, меняя свою позицию. А вовремя вернувшаяся группа амазонок Марии Фингерт ворвалась в тыл банды и начала громить ее с тыла.

Бандиты дураками не были и быстро сообразили, что дело не выгорело. Они прыгали на коней, которые носились по двору и мешали прицельной стрельбе. Через несколько минут остатки банды уже удирали по дороге, ведущей в город. Впрочем, осталось их меньше десятка, стрелять амазонки умели... Сабля не их оружие, зато карабин, револьвер и нож в их руках делали свое дело. По сути банды больше не было, а сам Васька Рябой валялся в административном корпусе с дыркой во лбу. Но самое главное среди амазонок потерь не было. Элла не получила даже царапины, хотя окна и стены кабинета были испещрены пулями. Максим тоже был жив. Сабля только чиркнула по лицу и груди. Правда, щека была разрублена насквозь и кожа на груди до кости, но в остальном и он не пострадал. Эти ранения испортили только внешний вид. Впрочем, такие ранения мужчину лишь украшают.

Элла обработала раны Максима и наложила швы на грудь и на щеку. В себя он пришел довольно быстро и от боли не страдал. Сильное беспокойство вызвало то, что появились

амазонки, которые уехали с директрисой пансионата и его Анной. Где Анна он не знал, а девушки старательно избегали его. Впрочем, он быстро сообразил, что Татьяна Павловна отправила амазонок за ненужностью, а сама осталась решать дела и подругу его оставила для компании. Вечером в лазарет пришла Элла принесла шинель, на которой снова были пришиты погоны подпоручика.

– Я возвращаю вам звание подпоручика, Максим, за проявленный героизм в сражении с бандитами и за ликвидацию главаря банды Васьки Рябого. Он был убит из вашего оружия неизвестной нам системы.

– Служу Советскому Союзу, – гаркнул Максим.

– Чего? – недоуменно переспросила Элла.

– Служу трудовому народу! – поправился Максим.

– Где это вы здесь трудовой народ увидели, господин подпоручик?

– Служу России! – после минутного замешательства, сказал Максим.

– Так гораздо лучше, – со вздохом ответила Элла.

– Похоже, я в вашем лазарете надолго прописался, – хмуро сказал он. – Только не надо меня больше закрывать.

– Не буду, – тихо ответила Элла. – У меня плохие новости Максим. Вернулись наши девочки из Питера. Татьяна Павловна убита при невыясненных обстоятельствах, а ваша Анна исчезла.

– Как исчезла? – подскочил Максим.

– Лежи спокойно, а то швы разойдутся. Так вот исчезла. Утром она вместе с Татьяной Павловной отправились на прием к комиссару по дела сиротских приютов, или как теперь это называется... Но не в этом дело. Просто до комиссариата они не дошли, никто их там не видел... Позже, уже на следующий день, Татьяну Павловну обнаружили в одном из домов зарезанной ножом, рядом был убитый капитан первого ранга и трое неизвестных, тоже мертвых, только убиты они были не оружием, а ударами тупого предмета в разные части тела. Так могут убивать амазонки, поэтому, друг Татьяны Павловны, который их приютил, попросил Аллу и Свету побыстрее покинуть Питер, хотя он понимал, что это не их рук дело. Вашу подругу никто не видел. Алла со Светой больше ничего не знают. Однако, когда они мне рассказали, в каком помещении произошло это побоище, я поняла, что это дело рук, или ног, твоей Анны. Я видела ее тренировочные бои с амазонками. Наши амазонки не могут так действовать на ограниченном пространстве. Куда она направилась, теперь кроме вас никто сказать не сможет, но в Питере ее наверняка нет...

Максим задумался. Идти ей некуда, кроме как обратно в пансионат. Ну не бросит же она его, раненного, разве что, прознала про его шашни с Ольгой. Но это невозможно. Да не добраться ей одной до той станции в дремучей тайге...

Амазонки трудились весь следующий день не покладая рук, убирая тела бандитов и приводя пансионат в порядок.

Все уже знали, что директрисы больше нет, и самого пансионата юридически тоже не существует, не знали только что теперь делать.

6

Ника и Вера утром вышли с постоялого двора уже в обычной женской одежде, с котомками за плечами и направились на станцию. Заметив там Савву с тетушкой, Ника помахала им рукой, в ответ Савва встрепенулся и поставив свою котомку с тетушкиными вещами на землю бросился к девушкам.

– Савва, – сказала Ника, жестом останавливая его порыв приблизиться к ней, – я встретила свою подругу, как видишь. Мы с ней сейчас уезжаем, но не на поезде... Я хочу навещать свое поместье. Ты ведь знаешь, что я помещица, хоть и бывшая.

Парень молчал, пожирая ее глазами, и вид у него был восторженный. Вера стояла рядом с усмешкой, наблюдая сцену.

– У меня к тебе просьба Савва, сообщи директору пансионата, что с моей подругой, Верой Павловской, все в порядке. А теперь прощай, тебя ждет твоя тетушка...

Возле станции можно было нанять крытую повозку, для поездки в соседние деревни или поместья, погода стояла осенняя, иногда моросил дождь, поэтому в открытой коляске уже никто не ездил. Поместье Ники, было не слишком да-

леко, в восьмидесяти верстах, и девушки надеялись к вечеру добраться до цели, если конечно удастся сменить лошадей. Деньги-то у Ники еще были. Извозчики поначалу воротили нос от барышень, опасаясь неприятностей. Действительно на дорогах в эти времена было беспокойно, и обидеть их можно любой, а отвечать за них перед властями кому? Вот именно. Откуда было знать извозчикам, что барышни эти очень непросты и их обидчикам мало не покажется в случае чего. А еще в то время по дорогам ездили продотряды, собирая продовольствие с крестьянских дворов. Продразверстка. Не продавали крестьяне хлеб в города, поскольку деньги обесценились, да и кому продавать? Обнищал народ. Вот и ездили по деревням вооруженные отряды по пять – десять бойцов, изымая хлеб у крестьян принудительно.

Но наши барышни, будем их пока так называть, поскольку они были не верхом и при оружии, а совсем наоборот, извозчика нашли. Не отличались они теперь от местных девушек ни одеждой, ни манерами. А извозчик тарантаса, увидев серебряные монеты, которыми Ника предлагала расплатиться за поездку, стал весьма покладистым и даже цену не заломил за поездку. Серебро, конечно, не золото, но и не бумажные деньги, цену свою не теряет.

Осенняя дорога радостных мыслей не навеивает и, несмотря на чудесное возвращение из плена, раздумья были не из веселых. Страна делилась на два лагеря, появились красные и белые, и гражданская война набирала силу. И те и другие

с упоением истребляли друг друга, причем в рядах красных были и бывшие аристократы, принявшие советскую власть, а в рядах белых было немало крестьян, которые терпеть не могли «товарищей». Однако большинство населения в политические игры не играло. Все равно, какая власть будет, лишь бы порядок держала и не допускала грабежей. Вот этому-то большинству и доставалось на орехи: и от белых, и от красных. Не возможно стало отсидеться в стороне. Приходилось поневоле принять чью-то сторону. Теперь и перед нашими барышнями маячил такой вопрос. Правда, в те времена у женщин обычно не спрашивали за кого ты: «за большевиков, али за коммунистов?» Прошу прощения за цитату. Женщина замужняя, соответствовала политическим взглядам мужа, а незамужняя всегда могла изобразить дурочку.

Ника и Вера, пока ни к каким политическим партиям не примкнули, и меж собой жарких политических споров не вели. Зачем девятнадцатилетним девам спорить о политике, ведь давно уже пора подумать о своей семье. Вот и во время этого путешествия они думали и говорили о том, как встретить мужчину, с которым можно создать семью и идти по жизни рука об руку, воспитывая детей.

Ника рассказала Вере, где находится тайник с семейными драгоценностями. Она полностью доверяла своей подруге, да и одной невозможно было справиться с извлечением их из тайника и последующим превращением в денежные знаки, неподдающиеся обесцениванию. Это занятие трудное, и

не просто трудное, но еще и опасное. Сама-то Вера, хоть и имела происхождение аристократическое, ничего от графа Лямина, своего отца, не унаследовала. Впрочем, о своем отце и происхождении она узнала недавно.

Засветло добраться до своего имения, увы, бывшего имения, уже не удавалось. Опять пришлось ночевать на постоялом дворе.

– Но так даже лучше, – сказала Ника своей подруге. – Завтра перед обедом приедем, до вечера сделаем наши дела, переночуем и обратно.

– Это если в поместье нет посторонних. Я имею в виду, если там не расположен штаб какой-нибудь дивизии или поселковая администрация. Сколько ты здесь не была?

– Мы с тобой в шестнадцатом году отсюда уехали, ты же помнишь...

Утром следующего дня амазонки снова сели в свою повозку. Уже возле своей усадьбы барышни увидели груженую мешками телегу, которую сопровождали четверо вооруженных винтовками солдат. Ворота усадьбы открылись, и телега въехала в ворота, солдаты вошли следом.

– Что это было? – ошарашено спросила Ника, ни к кому конкретно не обращаясь, когда их повозка остановилась перед запертыми воротами.

– А это, барышни, продразверстка, – ответил сошедший с козел кучер. – Извольте рассчитаться барышни. Я вас доставил по назначению.

– Изволь, любезный, – ответила Ника, отсчитывая деньги. – Но чтоб тебе обратно не пришлось порожняком гнать, подожди нас. Мы завтра вечером отправимся обратно. Переночуешь здесь... Согласен?

Кучер задумался, ночевать вместе с продотрядовцами ему не хотелось. Мало ли чего. Но и выгоду упускать не хотелось.

– Давайте так, барышни. Я заночую на постоялом дворе, а завтра к обеду подъеду и подхвачу вас. А вы не передумаете ехать?

– Не сомневайся, голубчик, не передумаем, – ответила Ника.

Ника несколько не сомневалась в успехе своей задумки. За сутки можно выбрать время навестить тайник, даже если во дворе будет ошиваться взвод солдат. Главное попасть в усадьбу. Она решительно начала стучать в калитку. Калитка открылась, но зайти во двор усадьбы ей не дали, поскольку из нее вышел высокий мужчина в солдатской шинели и с винтовкой.

– Чего надо? – грубо спросил он у нахохлившихся девушек.

– Я хозяйка этой усадьбы и хочу домой, – раздраженно сказала Ника.

– Хозяев теперь нет, а это народная собственность! – зло рявкнул солдат, но потом уже мягче добавил. – Дуйте отсюда побыстрее барышни.

– Ну, хоть переночевать-то пустите! – раздраженно сказа-

ла Ника. – Мы отпустили свою карету, теперь куда нам!

– Зови своего командира! – командным голосом добавила Вера.

Солдат вошел во двор усадьбы, но амазонок не впустил, закрыв перед ними дверь. Его не было четверть часа. Ника даже растерялась, проникнуть в усадьбу можно было и окольным путем, в одном месте доски забора легко отодвигались, все дворовые это знали, да и Нике было известно, но проникать таким путем в свою усадьбу... ну пусть даже не в свою... Это уж слишком! Она начала со злостью пинать в калитку. Дверца открылась. На этот раз солдат не вышел наружу, а крикнул изнутри.

– Проходите... Сами напросились, не жалуйтесь потом.

Девушки вошли во двор усадьбы и направились к дому. На крыльце их встретил усатый мужчина в кожаной куртке.

– Бывшие хозяйки? – спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Я командир продотряда, Лев Борисович, ваша усадьба временно занята под промежуточный склад. Через неделю мы уйдем и вы ваши дела будете решать с местным поселковым советом.

– Да нам только переночевать, – пожала плечами Ника. – Завтра мы сами уедем.

– Странно, – задумчиво сказал командир. – Я думаю: или вы прибыли за припрятанными тут драгоценностями, или вас прислали шпионить за нами. Так?

– Нет не так! – зло ответила Вера. – Мы переночуем и

уйдем.

– Ну ладно, будем считать, что я вам поверил. Ночуйте. Только у меня двенадцать бойцов и все барские комнаты заняты.

– Мы вас не стесним, – насмешливо сказала Ника и вошла в дом.

Вера прошла следом. Давно Ника не была в своей усадьбе, но некоторые детские воспоминания сохранились, да и те несколько дней, проведенных ею здесь в шестнадцатом году, она тоже помнила. Девушки прошли в ту половину, где жила прислуга. Ника узнала Катерину и та тоже узнала свою бывшую барыню, правда радости на ее лице не отразилось, скорее наоборот: женщина смутилась и встревожилась.

– Да не тревожься Катерина, – усмехнулась Ника. – Мы не надолго. Завтра уедем. Я просто захотела проведать родовое гнездо. Детство вспомнить...

– Я вам соберу что-нибудь поесть, только уж не обессудьте, барышня. Сами видите, что вокруг творится... Ночевать вам я у себя постелю...

– Подожди, Катерина, – хмурясь, сказала Ника, – а что наши постояльцы боковушку тоже заняли?

– Вот еще! – обрадовано ответила та. – Кто же им скажет!

– Ну, вот и славно! – обрадовалась Ника. – С ночлегом вопрос решен. Теперь собери что-нибудь на стол, не как барыне, просто как гостье. Мы с Верой в еде неприхотливы.

Перекусив, девушки вышли во двор. Солдаты грузили

мешки на телеги, явно собираясь уезжать. Две подводы груженные зерном выехали из ворот в сопровождении восьми вооруженных бойцов. Вот тут-то Ника растерялась. Нет, то, что в усадьбе осталось всего четверо солдат, ее вовсе не взволновало, а вот то, что мешки выносили из чулана, который был превращен во временный склад, повергло ее в шок. Ведь чулан теперь охранялся и замок на нем висел внушительный. Проникнуть через чулан в подвал, где был тайник, теперь просто так не удастся.

– Иди за мной, – сказала она Вере, – надо кое-что обсудить.

Девушки прошли на барскую половину, не обращая внимания на подозрительные взгляды командира. Там в одной из спален, где, по счастью, никого не было, Ника подошла к платяному шкафу, сиротливо стоящему у стены, открыла дверцу и что-то повернула внутри. Затем она навалилась на шкаф, и он повернулся, открывая вход в небольшое помещение. Это была совсем маленькая комната, в которой была кровать, небольшой стол и кресло. Комната освещалась небольшим окном, расположенным под потолком. Вот такая тайная комната была в усадьбе. Ника еще с детства помнила ее. Она даже помнила, как ее строили, отгородив часть обширного крыльца. Зимой и осенью тут было холодно, поскольку по сути это было часть крыльца и, естественно, тепло от печек сюда никак не доходило. Девушки вскоре это поняли. Зато было неоспоримое преимущество, тут никто их не

мог найти, а согреться можно было, натянув на себя одежду и одеяла...

– Чулан заперт, – вполголоса сказала Ника. – Теперь до шкатулки никак не добраться.

– Придется задержаться на неделю, – ответила Вера. – Не пропадать же добру.

– Не хотелось бы тут задерживаться, да видно придется, – вздохнула Ника.

На крыльце послышались голоса.

– Куда это барышни запропалились? – голос явно принадлежал командиру.

– Из усадьбы они не выходили, это точно, – ответил другой, очевидно караульный. – Где-то у прислуги прячутся. Небось, нас опасаются...

– Теперешняя хозяйка воспитывалась в пансионате... Ее подруга, наверняка, тоже...

– Ну и что?

– А то, что в этом пансионате из девушек делают бойцов. Они умеют стрелять, скакать верхом, а в рукопашной могут справиться с пятью такими как ты...

Собеседник командира захохотал.

– Эти-то пигалицы? – сквозь смех ответил он.

– Дурак ты, братец, – вздохнул командир. – Я вот думаю, неспроста они тут появились. Крестьяне обозлены продразверсткой, надобно нам побыстрее сворачиваться. Завтра прибыть должна группа Сироткина. Как только прибудут,

сразу снимаемся и возвращаемся в Павловск.

– Крестьяне против нас не пойдут, мы их от помещиков освободили...

– От хлеба тоже освободили... Говорю тебе, обозлен народ. Сожгут усадьбу и нас заодно... Короче! Этих девок надо найти, и глаз с них не спускать! Я даже думаю с собой их забрать, в Павловск, а там пусть идут куда хотят...

На другое утро Ника с Верой выбежали во двор в одежде амазонок для своих ежедневных физических упражнений. Девушки подбежали к воротам, собираясь совершить пробежку к реке, но часовой остановил их, объявив, что никого выпускать не велено. Ника не удивилась и спорить не стала, вчерашний случайно подслушанный разговор воплотился в реальность. Пришлось амазонкам выполнять упражнения во дворе. Время было раннее, и никто им помешать не мог, только часовой, стоявший у ворот сначала удивленно, а потом восторженно наблюдал за ними. Удивляться-то было чему. Сначала девушки просто бегали по кругу, потом стали крутить сальто, переворачиваясь в воздухе, затем махали ногами и руками, и, наконец, явно для своего единственного зрителя разыграли учебный бой, имитируя удары друг другу, уклоняясь от них или блокируя.

Затем они отправились в баню для принятия водных процедур. Баня, конечно, не была протоплена, но теплая вода там явно была. Завтракали они в людской у Катерины. Ни-

ка одарила женщину несколькими серебряными монетами, как иначе, ведь она уже не хозяйка... Денег у нее оставалось немного, но ведь и семейные драгоценности близко. Правда и тут не все гладко. Как проникнуть в чулан, она так и не придумала. «Придется видно подзадержаться, – решила она. – Должен прийти еще один обоз».

Солдат осталось всего четверо, вместе с командиром пятеро, для двух амазонок не соперники, но воевать с ними они не собирались, чревато последствиями. Однако свои боевые навыки они им показали: Вера выстрелом из винтовки сбила на лету ворону, а Ника метнула штык в полено на расстоянии восьми метров, естественно попала в центр. В глазах продотрядовцев появилось сначала восхищение, а потом даже опасение. В результате их вызвал к себе командир, Лев Борисович.

– Вот, что девоньки, – без предисловий начал он, – зачем вы сюда прибыли я не знаю. Но у меня задача доставить хлеб, взятый у крестьян, в город. И, чтоб по дороге его у нас не отбили разбойники, или те же крестьяне, я вас отсюда не выпущу. Вы поедете с нами до Павловска. Согласия вашего не спрашиваю, другого варианта у нас с вами нет.

– Когда выдвигаемся? – спросила Ника.

– Должна подойти еще одна подвода с хлебом в сопровождении четверых бойцов. Как только придут, сразу и отправимся, – ответил командир, весьма удивленный столь деловым подходом бывшей хозяйки имениня.

Вера не удивилась, словам подруги. Ведь их планы совпадали. Забрать клад из подвала было делом десяти минут, а дальше они собирались в Питер, и путь туда лежал через Павловск. Группа Сироткина прибыла только к вечеру. На подводе, которую тянула одна тощая кобыла, было пять мешков. Четверо солдат шагали рядом. Лица у всех были хмуры и озабочены, не так-то просто давалась эта продрозверстка простым солдатам, бывшим крестьянам. Это не с беляками воевать. Там все проще: перед тобой классовый враг, или ты их или они тебя. А тут вроде бы и свои... Но ведь без хлеба вымрут города... и забирали только излишки... Да только все понимали неправильность ситуации, нельзя просто так забирать плоды чужого труда... Советская власть назвала это продрозверсткой, а продрозверстка – временная мера. Но в деревнях побывали и другие отряды, которые тоже изымали продукты, только не заморачивались придумыванием названия этому изъятию.

Мешки сгрузили в тот же чулан. Повесили замок и поставили часовых. Впрочем, часовой был один на всю усадьбу, но вахту нес добросовестно. Все понимали, что налет на продуктовый склад или обоз, – не пустые страхи. Такое происходило уже не раз. Но ночь прошла без происшествий, а на утро командир собирался покинуть усадьбу и на двух подводах вывезти все.

Утром амазонки выполняли обычные упражнения во дворе, только в этот раз командир уже поднял всех своих бой-

цов, и началась подготовка обоза к отправлению. Девушки своими занятиями отвлекали солдат, и погрузка шла медленно. Собственно, дело-то и так не быстрое: запрячь в телегу пару лошадей, и нагрузить ее мешками из чулана, а тут еще две красотки бегают во дворе в белых штанах и рубахах.

Командир прикрикнул на своих, но это мало помогло. Солдаты глазели на необычных девок, хоть стреляй их на месте... Стрельбы то, конечно, не было, зато в ворота раздался стук и не просто стук, а грохот, словно били кувалдой. Часовой метнулся к воротам, остальные схватились за оружие. Амазонки метнулись в дом, в этот момент ворота распахнулись, и во двор повалила толпа мужиков, у некоторых в руках были обрезы, у других вилы и топоры. Часовой взял винтовку наизготовку, но выстрелить не успел. В него метнули вилы, и он упал навзничь.

Солдаты заняли позиции за телегами и открыли огонь, не дожидаясь команды командира. Засвистели винтовочные пули, в ответ грохнули обрезы. Но солдаты знали свое дело и толпа, оставив во дворе несколько лежащих тел, отхлынула обратно за ворота.

– Отдайте наше добро! – крикнули из-за ворот. – Иначе сожжем тут все!

– Заканчивайте погрузку! – крикнул командир своим бойцам. – Они и так все тут сожгут, будем прорываться.

В этот момент вышли амазонки в своей черной униформе. Ника уже поняла, что придется уходить не солоно хлебавши.

Но другого варианта не было.

– Вот мы и вступили в красную армию, – сказала она своей подруге. – Придется уходить с продотрядом. Без него нам не убраться отсюда, впрочем, им без нас тоже...

Восемь винтовок в умелых руках против плохо вооруженной толпы крестьян, это сила. А если учесть, что Вера с первого выстрела успокоила предводителя этого стихийного крестьянского восстания, то ничего удивительного в том, что продотряд вырвался из западни и даже не очень пострадал. Два солдата были убиты и один ранен вилами. Рана, правда была плохая, и едва ли ему повезет выжить... Но продотряд вышел вместе с продуктами и добрался до Павловска благополучно.

Уходя от своей усадьбы, Ника увидела клубы дыма и попрощалась с фамильными драгоценностями. «Может оно и к лучшему, – подумала она. – Таскать в котомке такое богатство тоже чревато неприятностями».

Надо ли говорить, что в Павловске они оказались в ВЧК. Нет, их не арестовали. Наоборот, командир продотряда рассказал, как они героически обороняли обоз от взбунтовавшихся крестьян. И это было правдой, рядовые бойцы подтвердили слова командира. Вот так две амазонки и пополнили ряды народной милиции. А куда им деваться? Надо было на что-то жить, а значит где-то служить. Ведь другой специальности, кроме боевой подготовки, у них не было.

Пансионат заметало снегом. Зима наступила и до нового года уже недалече. Группа амазонок Марии Фингерт, десять рано повзрослевших девиц, давно отправилась на Дон чтоб, влиться в белую армию. Советской власти они были не нужны, а как иначе объяснить расправу над их директрисой? Зря Татьяна Павловна поехала в Питер... Да что теперь говорить... Элла Юрьевна уехала спустя две недели. В Питере у нее были родственники, которые едва ли обрадовались ее приезду, но надо было как-то устраиваться в этой жизни. Образованный человек мог найти применение своим знаниям, а Элла могла работать с детьми и учителем и воспитателем. Сиротские дома в городе были, как же без них. Они и в мирное время не пустовали, а уж теперь-то... Нашла Элла Юрьевна, бывший куратор амазонок, свое место в жизни, а вскоре и личную жизнь устроила: вышла замуж за бывшего каперанга, который упорно отрещивался от всех политических партий, но тем не менее стал капитаном одного из крейсеров имел квартиру в Кронштадте.

А Максим продолжал «зализывать» свои раны. Впрочем, перед новым годом раны физические уже почти не беспокоили его. Шрамы на лице и на груди зарубцевались. Хромота практически сошла на нет, кровоточила только душевная рана. Анна не объявилась в пансионате, да и в Питере ее не было. Об этом дала знать Элла Юрьевна, прислав подробное

письмо.

Две амазонки, Алла и Света оставались в пансионате, ну нельзя же бросить раненного «подпоручика», тем более что в это звание Максима произвела куратор старшей группы амазонок. Девушки чувствовали свою ответственность, а может не только ответственность... Лицо Максима, конечно, было изуродовано корявым шрамом, да и на груди осталась отметина, зато он уже почти не хромал. Увечных мужчин в те времена было много, и женщины смотрели не на лицо, а в душу.

Запасы продовольствия в пансионате еще были, и на троих их должно было хватить до весны. Но дело-то было не в запасах, просто никто из троих не знал, что делать дальше. У девушек никого из родственников не было и им оставалось только присоединиться либо к советской власти, либо бежать на Дон или в Сибирь к Колчаку. Но ведь и там надо найти свое место, не шашкой же махать... Их учили стрелять, рукопашному бою, топографии, механике, математике, да многому учили. Одного только они не знали: где можно применять свои знания...

Максим же, потеряв единственного близкого человека в этом мире, впал в черную меланхолию... Но, по мере выздоровления, присоединился к физическим упражнениям амазонок, которые продолжали свои тренировки вбитые им в подсознание с раннего детства. Конечно, Максим не мог так махать ногами, как они, но некоторые приемы рукопашного

боя усвоил хорошо. Ну еще бы... С такими-то учительницами! Но кроме того он научился стрелять, ведь тир в пансионате был, а патронов было завалилось еще с давних времен. Короче, учительниц своих он не превзошел, но того Максима, которым он был полгода назад, не осталось и в помине. Это уже был не пацан, отправившийся в иные миры в надежде разбогатеть, а битый жизнью мужчина. И цель у него была одна: найти Анну и вернуть ее родителям, все остальное отошло на второй план. Из истории он знал: чем кончится гражданская война и что будет потом. А из своего путешествия в мир Анны, он узнал что такое капитализм... Правда разбираться кто тут прав, а кто еще правее, у него времени не было. Хотя времени-то как раз море, что делать в пансионате, кроме занятий с амазонками и бытовых работ? Только мысли постоянно обращались к Анне...

Пансионат был пуст, девушки и Максим заняли комнату Татьяны Павловны и смежный с ней кабинет. Так было проще отапливаться. В поисках теплой одежды, Максим обошел комнаты, где раньше жили преподаватели мужчины. Кое-что нашел: свитер, гимнастерку того же подпоручика и даже жестянку с табаком и трубку. Вообще-то он не курил, но теперь сам бог велел. Размышлять о жизни с трубкой в руках и пуская дым к потолку, это нечто... Сразу жизнь приобрела другие оттенки. Правда, в кабинете бывшей директрисы, где он обосновался, Максим не курил, выходил на улицу, чтоб не напрягать девушек. Подсознательно он продолжал ждать

Анну, хотя понимал, что она, если бы хотела, могла вернуться давно, или хотя бы дала о себе знать. Значит, или произошло непоправимое, или она просто бросила его и отправилась сама себя спасать. Не так уж трудно найти станцию Басаргина, или полустанок, или то место, где ее построят. А там выйти к скале... Еще три месяца назад они вдвоем обсуждали маршрут. Кстати, Анна тут обучалась скалолазанию и проблем с этим не будет... Одной ей даже проще пройти маршрут, чем тащить с собой хромого Максима. Правда он уже почти не хромым, но она об этом не знает. Да, она теперь едва ли узнает его. За последний месяц так изменился: борода и этот шрам... Впрочем и душевные терзания отложили свой отпечаток. «Да нет, не могла она бросить его, – думал он. – Хотя, если подумать: ведь именно она постоянно спасала его, и в его мире и в этом... А ведь должно быть наоборот. Он мужчина. Он обязан заботиться о ней и доставить ее домой в целости и сохранности, но вместо этого превратился в обузу. Значит она права? Но ведь могла хотя бы сообщить... А если она узнала о его связи с Ольгой?»

В общем, Максим пребывал в раздумьях и, отнюдь, не относительно грядущей мировой революции и социального устройства государства Российского. Волновали его сугубо личные проблемы, впрочем, как и большинство населения страны. А меньшинство, разделившись на два лагеря, творили беззакония и одновременно создавали новые законы. Немало потом придется потрудиться историкам, чтоб спря-

тать неприглядные места и вывести на передний план социальные достижения. Но пока, в конце восемнадцатого года, даже вожди не знали, чем закончится борьба товарищей с господами.

Холодным зимним вечером, после ужина, когда топились печь и трещали дрова, Максим потихоньку тренькал на гитаре, а девушки, сидя за столом, напротив, слушали, подперев головы руками. Много песен неизвестных им авторов перепел он этими длинными зимними вечерами. Вот и сейчас тянул песню Городницкого: «У Геркулесовых столбов...» .

*Меня забыть ты не спеши, ты подожди немного,
И вина сладкие не пей, и женихам не верь...*

Максим закончил песню, Света ушла в смежную комнату, а Алла продолжала сидеть, глядя на Максима каким-то пустым взглядом.

– Не хотела я тебе говорить всего, что знаю об убийстве нашей директрисы, но вижу, что придется прояснить ситуацию, иначе будешь вечно ждать свою Пенелопу... Была я в том доме, где произошло все. И хоть я не дознаватель, но кое-чему нас здесь учили. Каперанг снимал двухкомнатную квартиру вместе с пехотным поручиком. Он и привез к себе в гости Анну и Татьяну Павловну, с которой у него когда-то давно были отношения, но жизнь не сложилась. Анна оказалась в гостях за компанию и, очевидно, чтоб не мешать своей руководительнице, удалилась с поручиком в его комнату. На столе в комнате поручика была почти пустая бу-

тылка хорошего вина и два пустых бокала. Трагедия произошла поздним вечером или ночью, причем по расположению трупов было видно, что Анна с поручиком входили в квартиру, а бандиты встретили их на входе. Поскольку все трое разбойников были убиты без применения оружия, а прихожая и лестница довольно тесные, то сделать это могла только Анна. Ее стиль рукопашного боя позволяет работать в таких помещениях. Таким образом, твоя Пенелопа провела с поручиком почти сутки, а вот это я нашла в комнате поручика возле кровати...

С этими словами Алла положила на стол женскую заколку. Максим заколку тотчас узнал и гитара с глухим стуком выпала у него из рук. Он смотрел на Аллу, не в силах произнести ни слова.

– Вот что, Одиссей, – продолжила она. – Анна тебе не жена. Ведь так? Она ушла в плаванье на другом корабле и с другим капитаном. А то, что не предупредила тебя, так это может и к лучшему. Меньше знаешь – крепче спишь. И не строй из себя обманутого мужа. Твои шашни с Ольгой здесь все знают... Я тебе рассказала все только за тем, чтоб ты перестал сидеть тут сиднем и петь жалостные песни. Достали они меня... Найти твою подругу можно где-нибудь возле входа в ее мир, и ты это место знаешь.

Алла ушла в смежную комнату, а Максим, набив трубку табаком, вышел курить на крыльцо. За последний месяц он много чего передумал. Такая версия развития событий

у него тоже была. Но одно дело предполагать, другое знать точно... «Вот, значит, как! – думал он. – Ушла к первому встречному... А может она права? Может что-то не так со мной? Сначала Мальвина променяла меня на Артурчика, теперь Анна на поручика...» Мысли его метались по кругу. Наконец, ситуация стала проясняться: вернуться в свой мир Анна сможет и без него, это уже не та девушка, которую он увел из дома полгода назад. Она может и себя защитить и по скальному карнизу пройти... Значит, он свободен от обязательств? Ну, ведь не он ее бросил здесь... Можно возвращаться домой. Только вопрос: нужно ли? За ту стычку у садового массива его наверняка посадят, или чего похуже сотворят. В мир Анны теперь дорога закрыта. Хотя почему закрыта? Ведь необязательно ехать в Боровск. Вся страна открыта. Да только кому он там нужен? Этот вариант отпадает. Изнаночные миры тоже отпадают. Ну их... Значит, остаюсь здесь. То есть, не именно здесь, а в этом мире. Осталось определиться, кто мне ближе: господа или товарищи... Впрочем, о чем это я? Товарищи победят в этой войне, значит надо к ним.

Ночью Максусу снились кошмары: то Васька Рябой размахивал шашкой, то его снимали со скалы солдаты с голубыми погонами, вдруг появился отец Анны и закричал: «Где моя дочь!»

Проснулся он рано, шести утра еще не было, и амазонки мирно спали на своей половине. Макс долго лежал, дожидая-

ьясь побудки. Обычно Света, выбегая из комнаты, кричала: «Рота подъем!» Амазонки просыпались без будильника, его тут не было, во всяком случае, Макс его не видел. А просыпались девушки благодаря выработанной годами привычке. Но сегодня первым проснулся самозванный подпоручик, и когда ему надоело лежать с открытыми глазами, он встал, потихоньку умылся, вышел на улицу, выкурил трубку. Это уже вошло в привычку. Глянул на часы, было половина шестого. Во дворе лежал пушистый снег, на небе светили звезды. Он вернулся в комнату, взял гитару. На ум пришла песня Окуджавы о комсомольской богине...

*Я гляжу на фотокарточку, две косички строгий взгляд,
И мальчишеская курточка, и друзья кругом стоят.
Во дворе все дождик тенькает, снова лужи во дворе,
Но привычно пальцы тонкие, потянулись к кобуре...
Вот скоро дом она покинет, лишь только пушек грянет
гром,
Но комсомольская богиня... ах, это братцы о другом...*

Дверь в комнату амазонок открылась, и на Макса уставились две пары изумленных глаз. Бравая мелодия еще звучала. Молодец Булат Шалвович, для утренней побудки амазонок этот марш гораздо лучше подходит, чем казарменный окрик: «Рота подъем!» Второй куплет Макс не помнил, да он и не понадобился. Девчонки моментально оделись и вы-

бежали во двор...

– Вот это хорошая песня, правильная, – сказала Алла, когда они прибежали в спортзал для обычных утренних занятий. – Ты нам ее потом полностью пропой, ну чем мы хуже комсомолок.

– Вы лучше! Если б мне талант, я бы про вас такую песню сочинил! – ответил Максим.

Наступил девятнадцатый год. Неважно обстояли дела у Красной армии в это время, теснили ее и с запада и с востока, только наша троица об этом не знала. В пансионат никто не заходил и не заезжал, зима ведь, дороги замело. Правда, сани на конной тяге проехать могли.

Максим историю изучал: и в школе и в институте. Фильмов было огромное количество на эту тему, но и фильмы, и книги, и учебники истории несли одну непреложную версию: белые плохие, злые и жестокие, а красные хорошие, честные и благородные. Случались, конечно, и исключения... Впрочем, сейчас важно было не это, а то, какая власть установится в данной местности в ближайшее время. Вот таких-то подробностей Макс не знал. Он и месторасположение пансионата представлял себе довольно смутно. До Питера, или уже Ленинграда, верст двести с гаком, так ему сказали знающие люди. То, что в Питере советская власть была всегда, Макс знал точно, а вот насчет районного центра, города Павловск, он не был уверен. Однако, после рож-

дества, на общем собрании, большинством голосов решено было пансионат покинуть и отправиться в Павловск. За отъезд были обе амазонки, а Макс пытался убедить их остаться до весны. Но продуктов оставалось мало, а ехать в деревни и пытаться что-то выменивать на продукты амазонки не хотели...

Таким образом, в середине января наша троица сначала оказалась в селе, где когда-то Ника встретила Анну и раненого Максима. Прошло всего полгода с того момента, а Максима уже было не узнать... Во всяком случае, на том же постоялом дворе его не узнал никто. Борода и шрам изменили его до неузнаваемости. Погоны подпоручика он предусмотрительно спорол.

В том же селе они продали телегу и лошадь и еще что-то по мелочи. Впрочем, не столько продали, сколько выменяли на продукты, которые амазонки сложили в котомки, а Максим набил в рюкзак. Денег, которыми можно было расплачиваться у них оставалось немного, и по прибытию в Павловск надо было искать себе заработок. Максим твердо рассчитывал пополнить ряды местной милиции, о чем сообщил барышням. Однако, вопреки его ожиданиям, они не горели желанием составить ему компанию.

– Сначала надо осмотреться, – резонно заметила Алла, – а там видно будет. Мы когда-то служили в морской разведке, поэтому отправимся в Питер. В общем, время покажет. Если повезет, тебя не забудем, но и ты нас не забывай.

В Павловске красноармейский патруль взял их, что называется тепленькими, почти сразу после приезда. Макса беспардонно обыскали. В его рюкзаке, кроме продуктов нашли много интересного. Особенно заинтересовал красноармейцев компактный туристский примус, и споротые погоны подпоручика. Амазонок особо не обыскивали, девушки все же, да и не было у них ничего необычного. Впрочем, оружие-то было у всех, но револьвер нашли только у Максима. Вкупе с погонами, пусть даже споротыми, это тянуло на большие неприятности, если расстрел, как белогвардейского шпиона, у ближайшего оврага можно назвать неприятностью.

Начальник патруля отрапортовал заместителю начальника местной ЧК, Льву Борисовичу о задержании белогвардейского шпиона в чине подпоручика и двух сопровождавших его барышень.

– Барышень отпустить, а подпоручика под замок, – ответил тот. – Завтра допрошу, а пока пусть посидит, подумает о жизни... Может, что интересное расскажет. Тут спешка не нужна, расстрелять всегда успеем.

Барышень, однако, отпустить не удалось, поскольку они отправились добиваться приема у начальника ЧК, то есть опять же попали к Льву Борисовичу. Тут то и выяснилось, что они не барышни, вернее не только барышни, но еще и амазонки из пансионата, а подпоручик, вовсе не подпоручик, а вообще неизвестно кто. В общем, просто раненный мужчина, который уже полгода, как просто лечился в том же

пансионате. Ранение в ногу Максиму пришлось показать, когда его привели на допрос. Девушки деликатно отвернулись, а Максим приспустил штаны. Рана уже заросла, но командира убедила.

Собственно, командира больше убедили слова Ники, ее вызвали с квартиры, которую им с Верой предоставили власти, как сотрудникам ВЧК. Она подтвердила, что Максим получил случайную пулю, а сам является сугубо гражданским лицом и к армии никакого отношения не имеет. Короче, разобрались, кто есть кто, и начальник принял другое решение.

– Максима отпустить, выдав справку удостоверяющую его личность. Во всем должен быть порядок. А вот барышень, вернее, амазонок, принять в ряды народной милиции и поставить на довольствие.

Алла и Света, встретив здесь своих подруг, спорить не стали, не без размышлений, конечно, но согласились. Хотелось им все же в столицу, но здесь уже было готовое место в жизни, а там их никто не ждал. Ну а Максим, при таких делах, тоже попросился в отряд к Льву Борисовичу и был принят. Очень нуждалась советская власть в молодых бойцах, а рекомендация Ники дорогого стоила. Эти девушки: Ника и Вера, уже успели показать себя в стычках с бандитами.

И потекли будни рядового милиционера Максима. Однако, вскоре в рядах народной милиции была создана комсомольская ячейка, под руководящим и направляющим оком

партийных товарищей. Максим вступил одним из первых, понимая, что в его работе это необходимо, поскольку приходилось выступать на собраниях в рабочих коллективах, разъясняя населению суть советской власти. Амазонки тоже вступили, вероятно, по тем же соображениям. Максим считал себя докой в структуре социалистического строя и готовился стать комсомольским вожаком, а это уже открывало путь в руководящие структуры власти. Но однажды, после его выступления в одном из рабочих коллективов, его вызвал Лев Борисович и устроил форменный разгром его выступления.

– Ты что это там плел, насчет капиталистического окружения нашего социалистического государства?! Какая борьба с капиталистической идеологией? Мы находимся на пороге мировой революции. В будущем мироустройстве никакого капитализма не будет. Миром будет править пролетариат! Германия уже освободилась от своего кайзера. Скоро и остальные страны последуют ее примеру. В общем так, Максим, твою идею насчет комсомольских субботников я одобряю. Город действительно захламлен мусором, порядок наводить некому. Но вот в комсомольские вожаки тебе рано! Надо глубже вникать в суть революционных преобразований! Не могу я тебя толком понять, Максим. С одной стороны ты вроде бы наш человек, и родину любишь и за наше социалистическое будущее радеешь, но иногда начинаешь такую чушь нести... Короче, на роль секретаря нашей комсо-

мольской организации, партия рекомендует Никандру Александровну. Прошу это учесть, и на собрании вашей ячейки принять правильное решение!

После этой пламенной речи, Максим снова задумался о своем пребывании в этом мире, но альтернативы не имелось. А тут возникло еще одно обстоятельство, образ Анны в его сознании уже затуманился, а вот Никандра Александровна, в обращении просто Ника, стала привлекать его внимание. И неопределенный образ комсомольской богини из песни Окуджавы, вдруг обрел вполне осязаемое воплощение.

Надо отметить, что к лету девятнадцатого года, Максим поменял свой гардероб. Выдали обмундирование: сапоги, штаны гимнастерку и шинель. Кое-что он прикупил сам. Он приобрел гитару, подстриг бороду и теперь выглядел таким матерым волчарой, чему немало способствовал рубленый шрам на щеке. Вечерами, на комсомольских посиделках он исполнял песни Окуджавы и Городницкого, но к репертуару подходил очень вдумчиво. Песню о комсомольской богине он исполнял не часто, но при этом с вызовом поглядывал на Нику, у которой косичек никогда не было, зато все остальное, согласно песне, было в наличии. Только никакого впечатления его песни на Нику не производили. Все свое свободное время она штудировала какие-то технические книги, явно присланные из столицы. Иногда она рисовала портреты подруг, получалось весьма похоже.

К лету Вера, подруга Ники, перебралась на место житель-

ства в Питер. Побывав там в командировке, по служебным делам, она внезапно объявила о своем увольнении и переезде. Ее начальник, позвонил своему начальнику и чинить препятствий в переезде не стал. Вслед за ней в том же направлении отбыла Алла.

– Революция революцией, но пора устраивать собственную жизнь, – усмехнувшись, ответила Ника на невысказанный вопрос Максима.

Однако, попытку Макса пригласить ее в, открывшийся недавно, синематограф отвергла с тем равнодушно-отрешенным видом, который явно свидетельствует о бесполезности дальнейших ухаживаний. Нельзя сказать, что Максим был обделен девичьим вниманием, скорее даже наоборот, комсомолки готовы были часами сидеть в прокуренных комнатах, чтоб услышать его песни, а потом зазывали его на свои девичьи посиделки. Были и недвусмысленные предложения. Но Максима с некоторых пор никто, кроме Ники не волновал. Так уж мир устроен. Человеку надо то, что недоступно, а то, что рядом лежит, пусть и дальше лежит. Нужна только черноволосая голубоглазая красавица, или никто, вот так-то. Не только Максим засматривался на Нику. Недавно появился в их управлении еще один ухажер. Он вообще недавно появился в их управлении: молодой парень с редким именем Савва. Только у Саввы добиться благосклонности Никандры шансов вообще не было.

Но чувства чувствами, а обстановка в городе и области

была, мягко говоря, сложная. Грабежи, убийства в городе, и банды конных разбойников грабивших крестьянские хутора и деревни. Макс уже давно научился сидеть в седле, махать шашкой и стрелять с седла. Очередное задание выехать в область в составе небольшого отряда и разобраться на месте с убийством нескольких крестьян, не вызвало у него удивления и вопросов. Пять милиционеров выехали в довольно большое село, где все это произошло, а поскольку прибыли поздно, то заночевали на постоялом дворе.

Комната, где Максим поселился вместе с Саввой, показалась ему знакомой, да и постоялый двор тоже... Хотя, в селах постоялые дворы все похожи.

– Ничего не припоминаешь? – вдруг спросил его Савва.

Максим пожал плечами. Разговаривать с этим парнем не хотелось и не потому, что он постоянно пялился на Нику, просто его восторженные мечты о новой счастливой жизни, после победы мировой революции, уже вызывали раздражение.

– Ну и не удивительно, – с усмешкой продолжил Савва. – Ты был тогда в таком состоянии. Если бы не твоя подруга, едва ли бы смог поправиться. Она серьги свои продала, чтоб доктору заплатить. Верно говорят: для милого дружка и сережку из ушка... Кстати, где она сейчас?

Тут Максим все вспомнил и постоялый двор, и комнату эту, и Анну... Он даже парня этого вспомнил... Год прошел, а столько всего было. Он сел на кровать и обхватил голову

руками...

– Слышь, а подруга-то твоя, где сейчас? Она ведь тоже амазонка? – продолжал допытываться Савва.

– Отстань, а... – простонал Максим. – Не знаю я, где она. Уехала с каким-то поручиком...

– Ну и дела... – удивился Савва, ничуть не обидевшись на просьбу отстать.

С разговорами Савва больше не лез, ушел, почти сразу, к своим родителям, поскольку родом был из этого села. Макс, которому слова Саввы разбередили душу, еще долго не мог уснуть, курил свою трубку, потом просто лежал на кровати и только под утро смог задремать.

С утра вместе с другими милиционерами они вышли на место происшествия. В одной из окраинных мест была вырезана крестьянская семья, не пощадили даже малолетних детей. А поскольку семья была не богатой, то причиной резни была, скорее всего, месть. В то время такие вендетты были в селах не редкость. Макс как старший группы опросил свидетелей. Следы были уже затоптаны, да и не было среди его группы следопытов. А свидетели твердили, что это сделали пришлые люди и уж никак не местные. Время и место преступления были установлены, осталось найти пришлых людей, а для этого снова отправились на постоянный двор.

Макс, конечно, понимал, что спустя три дня найти пришлых убийц едва ли удастся, но рвение следовало проявить. Об этом Лев Борисович постоянно твердит. Народ должен

знать, что власть существует, и всякое злодейство будет расследовано и наказано.

На постоялом дворе их встретил Савва, у которого с местным населением был не просто контакт, а и родственные связи. Он сразу объявил, что в десяти верстах есть заимка, которая раньше принадлежала местному богатею, Федору Рогожину, а теперь уже никому не принадлежит, поскольку Рогожины съехали в город. Так вот эта заимка и является главным бандитским гнездом, оттуда и приходят все напасти на добропорядочных сельчан.

Максиму осталось скомандовать: «По коням!» И кавалькада из пяти всадников понеслась к заимке. Он, конечно, не рассчитывал там кого-нибудь застать, иначе не был бы столь беспечным. Заимка была укрыта в небольшом перелеске, и с дороги ее было не просто разглядеть, но ведь Савва дорогу прекрасно знал. Только он тоже не ожидал встречи со злодеями.

Затрещали выстрелы, и Максим вместе с лошастью полетел на землю. Из ворот дома выскочили два всадника и поскакали в сторону проезжей дороги. Кавалькада милиционеров остановилась, Максима подняли на ноги. Он довольно быстро пришел в себя, и убедившись что не получил даже царапины, вознамерился устроить погоню. Только вот конь его пулю получил и бился в конвульсиях на земле. Один из милиционеров прекратил мучения животного.

– Догнать! – скомандовал Максим. – Я здесь подожду...

Четверо всадников бросились в погоню. Имея двукратный перевес, можно рассчитывать на успех. Максим отправился исследовать заимку. Никого он там не нашел, но свежих следов было сколько угодно. Осталось дожидаться возвращения погони.

Солнце нещадно пекло, Макс сначала сидел в тени раскидистой ели, затем перебрался в дом, но погоня не возвращалась, и он вышел на открытое пространство, ближе к дороге. Закралась тревога. Вдруг его группу навели на засаду. Однако выстрелов он не слышал, а ссадить с седла бесшумно четверых милиционеров едва ли кто-нибудь сможет. Но прошел полдень, а все было тихо, и Макс решил подняться на ближайший холм, до которого было не более версты. Ну это ему так казалось, а когда поднялся, день клонился к вечеру. Он обозрел окрестности, вдалеке просматривалась заимка, а село было не видать. С противоположной стороны маячила невысокая скала, смутно ему что-то напомнившая. «Странно, – подумал он. – Тут не должно быть скал, неужели... Если это то, о чем я думаю...» Макс решительно зашагал к скале. Сначала шел пологий подъем, потом показался уступ, а перед ним небольшой грот. «Надо передохнуть», – решил он. Сапоги снимать не стал, хотя очень хотелось, но гимнастерку стащил с плеч и сам примостился на камне. Взглянув на небо, он увидел красную полосу заката, остальное небо было закрыто тучами.

Внезапно подул ветер. Макс хотел натянуть гимнастерку,

но ветер был теплый, а затем полетели крупные капли дождя. Дождь был тоже теплый. Блеснула молния и почти тотчас загрохотал гром...

Хозяин – барин.

Я шел по дороге, как говорят, на автомате. Куда и зачем иду, просто не знал. После того, как вышел из грота, мелькнула мысль, что мои мытарства в революционной России закончены. Ведь все повторилось: грот, внезапно налетевшая гроза и тишина, наступившая за тем. Но первое, что меня убедило – это полуденное яркое солнце, стоявшее в зените, а не темная ночь, как должно было быть. На мне были сапоги, штаны и белая рубашка, гимнастерку и фуражку со звездой я в гроте оставил. Сам не знаю почему. Просто лень было надевать...

Хочу домой, пусть даже меня посадят, за те прошлые дела. Отсижу. А может и не посадят, я ж никого не убил и даже не ранил. Анька – другое дело. Это она накостыляла гэбистам, но ее они не достанут. Меня за сопротивление могут привлечь – плевать, отсижу. Это тут, в мире прошлого, я много чего натворил, но про то никто не узнает.

Дорога неширокая, и колея была от тележных колес, но это меня не обескуражило, лошадиные силы в моем мире имели живое воплощение, особенно в сельской местности. Правда, следов автомобильных шин не наблюдалось, но это тоже ничего не значило. Следопытом я не был, да и башка гудела, как котел. Надо идти по дороге и куда-нибудь приду.

Впереди маячило темное пятно. Через полчаса неспешного хода, я понял, что это. Посреди дороги стояла карета. Да... Здравствуй жопа. Большая черная карета, покосившаяся на один бок по причине отсутствия одного колеса, и запряженная двумя лошадьми. Лошади мирно стояли, лишь временами пофыркивали и отгоняли хвостами вездесущих мух. Я открыл дверцу и заглянул внутрь. Никого. Зато мягкие сидения, – пуховые подушки, не иначе, – и вообще комфорт. С крестьянской телегой, да и с господскими экипажами никакого сравнения. Только вот пассажиры где? Может, отошли по нужде, вон, лесок виднеется в полуверсте...

Я без дальнейших раздумий забрался в карету и устроился на подушках. Голова гудела и страшно хотелось спать. Надо придумать, что врать буду, когда хозяева явятся. Это было последняя мысль, которую я додумал до конца, перед тем как заснуть...

1

– Барин приехал... Живой!

– Спаси господи...

«Барин, это хорошо, – думал я, – барином я еще не был. Студентом был, контрабандистом был, даже подпоручиком был, недолго, правда... А вот барином еще не был.» Ну пора просыпаться, будем определяться в этом мире... Я открыл глаза и увидел две бородатые физиономии, которые с благо-

говейным ужасом тарасили на меня глаза из под лохматых бровей.

– Вы кто? – спросил я, подпустив свой вопрос строгости.

На мой взгляд, именно так и должен разговаривать настоящий барин. Интересно, у них тут еще крепостное право или уже нет?

– Я Прохор, управляющий вашим именьем, а он Степан, – кучер ваш. Да вы не сердчайте. Сейчас мы колесо приладим, и дальше поедете. Тут недалеко уже, верст пять.

Здорово, значит, у меня и именье тут есть. Интересно только с кем меня перепутали. Ну, да ладно, авось накормят и выспаться дадут, а там разберемся, что к чему.

– Ну давайте, только быстрее...

Мужики, не мешкая, стали прилаживать колесо. Интересно, где они его нашли? А я сел на приступок, наблюдая за их работой. Судя по одежде моих крестьян, а как их еще назовешь, – меня занесло еще дальше в прошлое. Да и сама карета об этом намекает... А, была не была, решился я...

– А что Прохор, какой нынче год?

– Дык, урожайным должен быть. Дай-то бог... Июль-то ведь только начался. Коли никакой напасти не случится, хороший год будет.

Так. Надо иначе спросить. Или уж не спрашивать пока, итак ситуация скользкая.

– Вот прошлый год был, – продолжал рассуждать Прохор, – не больно-то хорош. Дожди шли в наших краях, отто-

го и урожай пшеницы скудный вышел. Нынче-то не так... А скажите-ка, барин, что у вас в армии говорят? Новой войны с басурманами или еще с кем не случится? Мы хоть и далеко от границ-то, а все одно беспокойно. Наполеон, вон до Москвы дошел, армия огромная была, мог и до нас дойти...

– Эк, сказанул, Прохор. Никуда он после Бородина не мог дойти, накостыляли ему там. Да и когда это было, – ответил я, сам поражаясь своей догадливости.

– Так всего семь годков прошло, – раздумчиво ответил тот.

«Так, поздравляю, – мысленно сказал я себе, – значит, сейчас девятнадцатый год девятнадцатого века. Вот как, на сто лет в прошлое перелетел! Значит, крепостное право. Но с другой стороны, я же барин, а это балы, красавицы, лакеи, юнкера... Кто же это написал? Да какие балы в этой глуши, а красавицы тут ходят в сарафанах».

– Ну вот, барин, карета готова. Извольте, садится, вас уж заждались в имении.

Я, разумеется, тотчас забрался в карету. В имении ситуация должна проясниться. Хотя кое-что я уже начал понимать. Барина в лицо они не знают или знают плохо, а шрам и борода вовсе собьют с толку. Скорее всего, настоящий-то барин немало лет провел в армии да в столицах, а именье навещал не часто, если вообще навещал. Остается неясным, куда он подевался из этой кареты, но это дело не мое и объявлять его в розыск я не собираюсь. Отдохну от трудов пра-

ведных или неправедных, осмотрюсь и отправлюсь дальше. Господи, такими темпами и до питекантропов недалече...

Усадьба «моя» мне поначалу не понравилась. Никакой особой роскоши не было, комнаты маленькие в немаленьком доме. Главное, – удобства во дворе. Столовая – самая большая комната, но назвать ее залом, можно с большой натяжкой. Ну, а больше я ничего в первый день и не рассмотрел, поскольку меня сразу же усадили за стол и накормили так, что я с трудом добрался до кровати. Опочивальня, то бишь, спальня, была невелика и окна ее выходили во двор. Кровать оказалась в самый раз по моему росту, а перина выше всяких похвал. Уснул я сразу, как только голова коснулась подушки. Промелькнула последняя мысль: «Начинаю барствовать».

Проснувшись, я тотчас вскочил с кровати, ну не совсем вскочил. Можно вскочить с кровати, если на ней матрац, а вот попробуйте вскочить с пуховой перины... В общем, сполз я с кровати и чуть не свалился на пол, поскольку оказался в ночной рубашке до пят. Раньше я думал, что только женщины так наряжаются на ночь. А вот нате же! Кто только меня так обрядил? Я, разумеется, этот балахон тотчас с себя стащил и оказался в чем мать родила. А поскольку было утро, ну мужики меня поймут, видок был что надо... Да еще пока выпутывался из ночного одеяния вслух произнес несколько непечатных словечек. А что? Я же один был в комнате... В комнате, да, но в доме...

Дверь отворилась и появилась высокая, крепкая, черно-

волосая девица в сарафане до пят. На вытянутых руках она держала одежду

– Ой! – вскрикнула она и отвернула голову, но с места не двинулась.

Я забрал тот ворох одежды, что был у нее в руках, после чего развернул девицу и тихонько выставил за дверь. Хорошо, что межкомнатные двери тут есть, правда без запоров. Одежда, на мое счастье оказалась впору: рубашка и обтягивающие кавалерийские лосины. Штаны по-нашему, а в те времена их называли рейтузы. В моем мире так назывались женские трусики. Ну да ладно, я не привереда. Подошли, и слава богу. Похоже, барин был в чине подпоручика, ну да здесь не армия. Тут я в отпуске или в отставке, пока не ясно, разберемся со временем.

Надел я штаны и отправился во двор, привык я к физическим процедурам, да и умыться надо с дороги. Вечером баню велю организовать. Велю! Во как! Главное, чтоб не появился настоящий барин, но что-то мне подсказывает, что он не появится. Может он переместился на мое место, на сто лет вперед, вот и пусть поработает милиционером вместо меня. А я уж тут вместо него с делами управляться буду. Впрочем, с делами управляться управляющий есть, а я буду просто барином... «Балы, красавицы, лакеи, юнкера...», – вот привязалась песня. А та девица, что одежду принесла, очень даже ничего... Пора знакомиться с обслуживающим персоналом.

Во двор я вышел с голым торсом и босой, в общем, кроме

штанов на мне ничего не было. В углу двора обнаружилась кадка с водой и ковш. Умываться без умывальника я не привык, ну уж как получилось: штаны забрызгал и вокруг кадки грязь развел, зато от умывания получил истинное удовольствие. А когда передо мной вдруг возникла та же девица с полотенцем в руках, настроение и вовсе скакнуло на максимум. В этот раз она не отворачивалась, а на мой рубленый шрам на груди, смотрела чуть ли не с восторгом.

– Как звать тебя, красавица? – спросил я.

– Ольга, – ответила она.

Голос с легкой хрипотцой. Едва ли она курит, скорее всего, волнуется. А ведь действительно, хороша.

– Ну, будем знакомы, Ольга, – ответил я. – А я Максим!

Брякнул я, не подумав. Откуда мне знать имя барина?...

Придется выкручиваться как-то... Но не пришлось.

– Я знаю, Максим Петрович, – ответила красотка.

Я вернул ей полотенце и отправился осматривать свои владения. Двор был велик. Тут все как положено: конюшня, сарай, где наверняка и погреб есть, баня ну и еще какое-то строение. Не графский замок, но имение, где хозяин – барин. Дом-то я вчера не разглядел толком, но не маленький, оказывается, сложен и огромных бревен, два этажа, крыльцо с перилами. До Шереметьевского дворца ему далеко... Но для меня одного вполне довольно.

Я провел разминку в углу двора: попрыгал, поприсядал, подтянулся пару раз, уцепившись за дверной косяк. Бегать

по двору не решился: народ не поймет-с. Крепостные народ темный, еще решат, что барин умом подвинулся... Надо угол во дворе отгородить для занятий спортом, но это завтра. А сейчас пора трапезничать.

Я постарался привести в себя в надлежащий вид. Для начала надел рубашку и жилет, затем, подумав, натянул сапоги. Пусть лучше прислуга примет меня за солдафона, чем шлепать по дому босиком. С домашними тапочками потом разберемся. Взглянув в зеркало, сразу понял, что моя прическа и борода не соответствует эпохе. Надо отрастить бакенбарды, но это дело не быстрое. Пока придется поработать ножницами, убрать щетину с подбородка и распушить с боков. Остальное можно списать на ранение. С одной стороны шрам через щеку уродовал внешность, с другой позволял некоторое небрежение современной модой. Через полчаса, я готов был показаться своим крепостным во всей красе. Да и самому хотелось взглянуть на то, чем обладаю волею случая.

Но в столовой меня ждало разочарование. На стол подавала пожилая женщина, которая назвалась Евдокией, никого больше не было. На столе был самовар, чайная пара и плюшки. Выпечка домашняя, откуда другой взяться. Весь дворовой народ был занят на хозяйстве.

– Евдокия, ты мне расскажи про именье, что тут и как, я ведь давненько тут не был.

– Давненько, барин, – усмехнулась та. – Лет двадцать прошло. Мы как известие получили, что вы к нам едете, так и

ходим все в задумках. Чего это барин про нас вспомнил? Может вы жениться надумали? Или, не приведи бог, продать нас решили? А именье ваше в порядке содержим. Все тут как при вашем батюшке было, царство ему небесное, так и ведется. Не обеднели, но и не разбогатели.

«Так, – подумал я, – ситуация немного проясняется. Немного напоминает комедию «Ревизор» незабвенного Николая Васильевича. Но ведь я не Хлестаков, деньги занимать не собираюсь».

– Ты Евдокия народ успокой, жениться я пока не надумал, и продавать вас не собираюсь. Приехал в отпуск, отдохнуть от трудов ратных, раны старые залечить.

– Да уж, – вздохнула Евдокия. – Ольга сказывала. Видела она давеча ваши раны. Доктор-то вот у нас далече живет. Верст шестьдесят или более. В Загорском у него больница. Ежели чего, туда приходиться ездить.

– Ничего, съезжу, коль приспичит, – ответил я, – но надеюсь, все обойдется. Ты, вот что, Евдокия, как Прохор с текущими делами управится, пусть зайдет ко мне, поговорить надо.

Не прошло и часа, как явился Прохор и притащил несколько амбарных книг, где велись записи обо всех податях, оброках, и прочих инструментах угнетения крестьян. В других книгах были записи о проданном зерне и других продуктах, о полученном доходе и отправленных молодому барину, то есть «мне» деньгах. Взглянув на все эти бухгалтер-

ские тома, написанные корявым почерком с ятями и ерами, я приуныл. Как у Пушкина все просто и изящно написано: «...ярем он барщины старинной, оброком легким заменил, и раб судьбу благословил...» Ага! Попробуй, замени! Тут год разбираться надо... А оно мне надо? И еще неизвестно чем раб благословит благодетеля... Может и того... Ладно пусть все остается как есть. Не силен я в экономике, тем более в столь древней.

Полистал я тетради Прохора и вернул ему со вздохом, типа, продолжай, родной, в том же духе. Ну, судя по его виду, иного он и не ожидал. Видал он уже таких проверяльщиков...

– Ну а доход-то хоть есть? – тоскливо спросил я.

– Есть. Как не быть? – солидно ответил Прохор. – Вот по осени урожай соберем, свезем в город, там продадим, тогда и деньги будут.

– Понятно, – хмуро ответил я.

Прохор промолчал, но весь вид его говорил: «Ничего тебе барин не понятно. Денежки прогулять в кабаках, куда как просто, а вот заработать их совсем другое дело...» Я, конечно, проникся, но что делать, если уж родился эксплуататором. И освободят от нас, эксплуататоров, трудовое крестьянство только через сто лет. Правда, сначала падет крепостное право, но это тоже не скоро... Прохор, глядя на мой унылый вид, смилостивился.

– Понимаю, барин, что деньги, понадобились? – спросил

он.

– Да не то чтобы понадобились, – задумчиво сказал я, – но без гроша в кармане как-то и жизнь не красна...

– Как же так, барин, – укоризненно сказал он. – Неужто проигрались?

– Ну, не то чтоб проигрался... – начал я, на ходу прикидывая, что бы соврать, чтоб уж совсем не выглядеть гулякой и мотом, которым я вовсе даже не был. – Война ведь была, братец, расходы...

– Ну, немного-то мы сыщем... Кое что отложено на черный день. А как иначе? Всякие напасти могут случиться.

– Вот и славно, – обрадовался я. – А уж со следующего урожая, ты загашник-то восстанови.

– Что восстановить? – удивился Прохор.

– Ну, заначку свою, то, что ты откладываешь...

– Да, понял, барин. Просто слово мудреное сказали. Мы ведь далеко от столиц-то... А может вам женится, барин? Тут есть невесты на выданье. Богатые невесты есть, да и вам самое время жениться...

– погоди, Прохор, не все сразу. Я тут первый день. Надо осмотреться, что да как тут у вас, а потом уж на невест глянуть. Можно и жениться...

– У нас тут, как и везде. Съездите в гости, поговорите с отцом невесты, узнаете, что за ней дают, глянете на невесту и, коли понравится, считайте дело сделано. Обвенчает вас поп, когда пожелаете, но лучше бы к осени...

«К осени это правильно, – подумал я, – дольше тут едва ли задержусь»

– Ладно, Прохор. Будем считать, что с твоей бухгалтерией я познакомился, давай теперь познакомь меня с усадьбой и для первого дня хватит.

Дворовых людей было немало, но ведь и именье, как оказалось немаленькое. Это в первый день я всего не разглядел. А сейчас Прохор мне представил двух конюхов, сапожника, плотника, все семейные и дети малые бегали по двору. Старшие дети и женщины, – жены конюхов и сапожника, – были заняты разными хозяйственными заботами. Старшие-то дворовые все уж были в возрасте: пятый десяток разменяли, а Прохору на вид было не менее шестидесяти. Ольгу мне тоже представили, только она была пришлая. Как я потом узнал, она была сирота, и ее Прохор привез из дальней деревни в усадьбу специально для барина. А что было делать? Какие нравы у офицеров он слышит, в столицах и вовсе непотребства случаются, да там дома специальные есть для безобразий. А в усадьбах господ с дворовыми девками запросто развлекаются. Вот! Как только пришло известие, что в усадьбу молодой барин приезжает, своих дочерей от пятнадцати до восемнадцати лет, отправили в деревни, к родственникам, от греха подальше, а Ольгу, наоборот, привезли, переодели и определили к барину в услужение. Мне, значит. Впрочем, никакого горя на ее лице я не обнаружил, она

вела себя ровно, то есть равнодушно: или смирилась со своей участью, или я ей понравился. Ну, я не зверь и не насильник, никого неволить не стану. Да и надо думать, как обратно в свой мир возвратиться. Использовать тот путь, который меня сюда привел, я больше не буду, иначе попаду к древним русичам. Значит надо в Забайкалье, а железную дорогу еще не построили... Придется в карете, а это дело хлопотное и не дешевое.

Вариантов много. Вот Прохор предлагает жениться, идея... Но это какая-то афера. Стать брачным аферистом? Фу! Можно вступить в общество декабристов. Собственно декабристов-то еще нет, есть северный союз и южный, насколько я помню историю. Только восстание они организуют в двадцать пятом году, а сейчас девятнадцатый. Ждать долго, да и не возьмут меня туда, неизвестного пехотного подпоручика. А то отправился бы в Сибирь за казенный счет. Ну да ладно, хватит мечтать. Надо обживаться в этом мире.

После обеда мы с Прохором совершили конную прогулку по окрестностям. Хорошо, что я выучился конному делу в прошлом мире, а то бы засыпался. Тут без верховой езды никуда. Пацаны с десяти лет осваивают эту науку. Короче, в трех верстах оказалось лесное озеро. Один берег зарос осокой, и там крякали утки, зато другой был пологий и песчаный, вполне годился для купанья. Из озера вытекала речка, там были мостки и на них бабы стирали белье. В общем, благодать. Все условия для полноценного отдыха, толь-

ко для этого надо быть барином. У крепостных-то, все по другому... Не приведи бог сменить статус.

В углу двора, недалеко от конюшни, я присмотрел место, где можно сделать перекладину для подтягивания. Бросать физические упражнения и зарастать жиром я не собирался. Соответственно, все распоряжения плотнику были отданы, а также приказ Прохору: к вечеру истопить баню.

День прошел довольно быстро. Я изо всех сил старался не показать своей полной неосведомленности в простых житейских делах. Со своими советами и распоряжениями не лез, чем заслужил уважительное отношение со стороны Прохора. Да и другие дворовые перестали меня дичиться. Быт здесь давным-давно налажен и нет нужды его ломать, надо в него вписаться. А добрым отношением можно добиться от людей большего, чем окриками и бестолковыми распоряжениями.

Баня была замечательная, с березовым веником, сухим паром и квасом в большом фарфоровом жбане. Ожидаемо, Ольга ждала меня там, но не голая, конечно, а в длинной полотняной рубаше, которая, впрочем, не могла скрыть вполне развитую девичью фигуру. Только я не стал использовать свое барское положение и мягко, но решительно проводил ее за дверь. Впрочем, не удержался и шлепнул по попке.

Она ждала меня в предбаннике уже одетая, но с полотенцем и чистым бельем. Затем был ужин: жареная утка и вишневая наливка. Потом я отправился в спальню, помахав Ольге рукой. Вид у нее был удивленно недоумевающий. А чему

удивляться то, я ведь не кот. И даже коты не сразу кидаются на кошек... Видно, слишком уж прямолинейно инструктировал ее Прохор. А ведь хороша, голубоглазая красавица...

На другой день, проснувшись в семь утра, я тотчас выбежал во двор и занялся упражнениями на перекладине, затем, наскоро умывшись, приказал оседлать коня, чтоб ехать на озеро и там продолжить свои физические экзерсисы в виде плаванья, ныряния и прочих водных процедур. Яркие летние деньки надо было использовать. Зимой с этим будет сложнее, впрочем, до зимы еще дожить надо.

Вскочив на коня, я увидел Ольгу, которая, ошарашено, смотрела на меня. «Что со мной не так? – подумал я. – Может ее с собой взять?»

– Поедешь со мной не озеро?

– Как? – спросила она.

– Верхов, – ответил я. – Эй, Семен, седлай еще одного коня...

– Я не могу верхом, – обиженно ответила она.

– Она же баба, а не гусар, – смеясь, ответил конюх.

– Ну, ладно, в другой раз, – ответил я и ускакал со двора.

«Какой может быть другой раз, если она не может верхом? – мелькнула у меня мысль. – Коляску что ли для нее закладывать? Да нет, глупо это дворовую девку на озеро катать». Выполнив намеченную программу водных процедур, и убедившись, что вода в озере чистая, а берег с противоположной от дороги стороны, пологий и песчаный, я вернулся

в поместье.

Войдя в дом, я нечаянно услышал разговор Ольги с какой-то рыжей и конопатой девицей, лет шестнадцати.

– Ну, расскажи: каков барин? – спрашивала девица. – Страшный?

– Нет, не страшный? – отвечала Ольга.

– Как не страшный, если весь саблями посечен!

– Ну и что, что посечен...

– И не страшно было с ним «это»?

– Что, «это»? – спросила Ольга.

– Ну, то, для чего тебя к нему приставили, – продолжила допрос девица. – Барин-то, красивый?

– Красивый, – вздохнула Ольга. – На озеро меня звал...

– А чего не поехала?

– Я же не могу верхом...

– Так запрыгнула бы к нему в седло.

– Как это?

– Ну, ты и дура!

Тут раздался голос Прохора:

– Марья! А ты что тут делаешь? Почему вернулась?

Я потихоньку вышел, чтоб не мешать разборкам Прохора с Марьей, которая похоже была его дочерью. Сходство то было на лицо или на лице... А ведь у меня началась простая деревенская жизнь, и еще, похоже, я пользуюсь успехом у дворовых девок. Пока пользуюсь чисто умозрительно, но никто не мешает воспользоваться и физически... Однако, это

подождет. Надо навестить соседей с дружеским визитом.

Где-то через пару дней, Прохор рассказал мне о местных помещиках, тех, кто жили в своих поместьях, а не в городе. Елисеевы в двадцати верстах от «моего» поместья, небогатые дворяне. Семья большая: двое сыновей, учатся в уездном городе – гимназисты. Две дочери на выданье: семнадцати и двадцати лет. Тут большого приданного ждать не приходится, хотя девицы пригожие и приятные на вид. Это на взгляд Прохора они приятные, я-то еще не видел. А в сорока верстах есть еще одно семейство, Денисовы, тут все иначе: детей всего двое, сын – военный, служит в Санкт-Петербурге. Дочь не столь приятна на вид, но имеет другое достоинство: богатое приданное. Впрочем, девица восемнадцати лет, да с хорошим приданным, на взгляд Прохора, не может быть дурнушкой.

Для начала, мне надо было справиться мундир, а поскольку Прохор распотрошил барскую заначку, я отправил его в город приобрести мундир, в соответствии с моим теперешним статусом, подпоручика в отпуске по ранению. Свой внешний вид я привел в соответствие с теперешней модой. Слава богу, что тут было с кого брать пример. В деревне были солдаты, вернувшиеся с наполеоновской войны.

Таким образом, через неделю я готов был появиться в обществе с благородными дамами и господами. Правда, о чем с ними говорить, я совершенно не представлял. С дамами, еще куда ни шло, можно поговорить о литературе: Дюма, Виктор

Гюго, Золя, кое-что я знал об этих писателях, правда были ли они известны в то время – вопрос. Зато Пушкин, Лермонтов, Вяземский были известны наверняка. С художниками у меня было сложнее... Нет, художников девятнадцатого века я знал, но вот кто из них творил в начале века сказать не мог. Да и провинциальные дамы, едва ли могли поддержать такую беседу. Тут главное не переборщить со своими познаниями. А вот о чем говорить с благородными господами, совершенно не представлял. Нет! Я совершенно точно знаю, что господа в те времена обсуждали оружие и лошадей. Само собой, о лошадях я знал мало и это еще мягко сказано. Можно было бы покритиковать гладкоствольное кремниевое оружие, да вот беда, нарезное оружие с унитарным патроном было еще неизвестно, хотя работы уже велись.

Но ведь мужики – всегда мужики, а это значит можно говорить о бабах. Ну, это я грубо сказал. В благородном обществе мужчины говорят о дамах и обсуждают их достоинства, поскольку недостатков дамы не имеют. А более всего господа говорят о выпивке, ну это несколько вульгарно сказано. Джентльмены обсуждают вина. Надеюсь, что парижских вин в провинции не знают, а расписать достоинство домашней наливки я как-нибудь смогу.

Вспоминая начало девятнадцатого столетия, кроме восстания декабристов, которое еще не случилось, была война с Наполеоном, причем сравнительно недавно. А ведь на эту тему были фильмы, «Гусарская баллада» например. Я помнил

этот фильм и даже песни из этого фильма знал наизусть... Так! Идея! Эврика! Надо раздобыть гитару и я обеспечу себе успех у дам! Честь имею рекомендовать себя: подпоручик Яковлев, собственной персоной! Нет, это уже было в каком-то фильме... Подпоручик Яковлев исполняет балладу о короле Генрихе четвертом... Да-с! Кстати, есть песня Высоцкого из фильма «Айвенго», да и Окуджава...

В общем, остался пустяк, найти гитару и подготовить репертуар, а потом можно и напроситься в гости. К несчастью гитары в усадьбе не нашлось. Пианино нашлось, как же в усадьбе без этого инструмента, а вот гитары не оказалось. Пришлось снова Прохора в город отправлять. Он, конечно, мужик себе на уме, все расходы учитывал... И вскоре инструмент у меня появился. По вечерам летом светлого времени было много и я, настроив гитару, напевал песни, не особенно заботясь о репертуаре. А кого стесняться? Ольга уже стала вполне привычным атрибутом моей жизни, с интимом не навязывалась. Скромная девушка, скромная и молчаливая, иногда задавала вопросы типа: «чего это барин сказать изволил?» Но, увидев мой недоуменный взгляд, на ответе не настаивала. Да и как бы я ей объяснил, кто такая «усталая подлодка», которая «из глубины идет домой». Но в основном мои песни были лирические или военные и техники не касались, а лирика была вся понятна.

Каждое утро я выезжал на озеро, на его дальний конец и там купался в свое удовольствие в полном одиночестве. Приходилось раздеваться до гола, ведь плавки еще не изобрели, а плавать в подштанниках было бы глупо и не эстетично. Ольгу я на озеро больше не звал и, даже, запретил ей там появляться, во время моего водного моциона, именно по этой причине.

Однажды, когда я был как раз на середине озера, где вода была прозрачна до самого дна, ведь озеро было проточным, услышал вдруг конское ржание и цокот копыт. Моя кобыла была стреножена и мирно щипала травку. Я видел ее. Ржать она, конечно, могла, но уж цокать копытами, никак. «Наверное, кто-то из дворовых пацанов, или деревенские мужики, – решил я. – Бабы тут верхом не ездят». Однако, на всякий случай вышел на берег и стал одеваться. В отдалении снова послышалось ржание. «Это уж точно не моя кобыла», – отметил я.

Оделся не спеша и сел в седло, чтоб ехать домой, и тут увидел ее. Из перелеска верхом на белой лошади выехала женщина, вернее девушка. Выглядела очень молодо и одета была костюм для верховой езды. «Неужели и здесь амазонки, – сразу подумал я. – А что? Вполне вероятно. Я ведь даже никогда не спрашивал, сколько лет существует пансионат»... Правда ее одежда была светло-серой, а у амазонок форма была черной. Между тем девушка выглядела несколь-

ко смущенной, а амазонки застенчивостью не страдают, это я давно понял.

– Приветствую вас, сударыня, – начал я, когда молчание стало уже неприличным. – Позвольте представиться: Максим, здешний помещик.

– Полина! – ответила девушка, кивнув головой.

Вдруг она покраснела и отвернулась, чтоб скрыть это. Девушка была довольно привлекательна: черные, распущенные по плечам волосы, карие глаза и платок на шее... Хороша! Но причину ее смущения я понял сразу.

– Подглядывать изволили, Полина? – усмехнувшись, сказал я.

Тут она вспыхнула и, пришпорив коня, ускакала прочь. Я тотчас пожалел о сказанном, но сделанного не воротишь. Она скакала во весь опор и скоро скрылась за поворотом дороги. Догонять ее я не стал. Зачем. Глупо получилось, но догонять еще глупее, поэтому не спеша поехал восвояси. Но вскоре сзади снова раздался цокот копыт. Полина возвращалась. Теперь она напоминала разъяренную фурию. Ну, это так говорят, когда видят сильно рассерженную женщину. На самом деле я фурий не видел раньше. Да, раньше не видел, а вот теперь она была передо мною воочию.

– И вовсе вы не красавец, как про вас говорят! – выкрикнула она, поравнявшись.

– Да я и не претендую, – чуть усмехнувшись, ответил я. – А кто говорит-то?

– Неважно! – снова выкрикнула она. – А еще вы... вы... грубиян! Солдафон! Вот!

Она снова развернула лошадь, намереваясь ускакать, но я уже не мог позволить ей просто так исчезнуть.

– Ради бога, извините меня, Полина! – воскликнул я, перегораживая ей дорогу. – Ну, да. Я болван, я солдафон... Но я больше не буду! Честное слово!

Некоторое время она была в смятении. В ней боролись два желания: ускакать во весь опор, подняв облако пыли, и остаться, чтоб высказать еще что-нибудь похлеще... Второе желание победило.

– И вовсе я не подглядывала... Я просто ехала мимо! – уже спокойно, но с оттенком возмущения сказала она. – Я ваша соседка. Наше имение недалеко совсем, верст пятнадцать, может, чуть больше. Елисеевы мы.

– Ну, тогда, может, вы позволите, проводить вас? – сказал я, стараясь быть как можно учтивее.

Она кивнула мне, даже несколько высокомерно. Дескать, так уж и быть, что с тобой делать. Дальше мы поехали вместе, переглядываясь. Я мучительно думал с чего начать разговор, но она заговорила первая.

– А у нас дворовые девки говорили, что в соседнем имении появился молодой барин, чудо как хорош, я не поверила, ведь они такие выдумщицы, и решила сама...

Тут она сообразила, что полностью выдала себя, вспыхнула, и вдруг начала хохотать. Совсем как ребенок, сочинив-

ший приключение своим подружкам и, внезапно, сам себя разоблачивший.

– Лучше расскажите что-нибудь о себе, – проникновенно сказал я, чтоб сменить тему и не смущать даму.

Она постепенно успокоилась, даже немного задумалась...

– Да, что рассказывать-то... Живем тут, в глуши... Скучно. Вот вы приехали, это уже событие... Заехали бы просто в гости...

– Так ведь еду, – продолжил я ее мысль. – То есть едем...

– А и то верно! – обрадовалась она. – Я поехала просто покататься, тут встретила вас, и вы любезно согласились меня проводить до усадьбы. А там уж папенька просто так вас не отпустит. Наверняка, отобедаете у нас, а может и отужинаете... А у меня еще младшая сестра есть, говорят – красавица, только она маленькая еще: всего семнадцать лет... Она там умирает от любопытства, хотела со мной, да только маменька ее не отпустила.

Выдав эту очередную плюху, она прыснула, и на нее снова напал смех, да такой заразительный, что я тоже расхохотался. Так, пересмеиваясь, почти, после каждой фразы мы и въехали в ее усадьбу. Ворота были открыты, и во дворе нас уже встречал отец семейства. Это не удивительно, поскольку ехали мы не спеша, нас уже давно заметили и, соответственно, подготовили встречу.

Едва мы спешили, – я, конечно, подхватил свою даму, – как подошел глава семейства. Спутать было невозмож-

но. Кто из дворовых нарядится в сюртук? Короче, встретил нас невысокий толстячок с лысиной на макушке и улыбкой во весь рот.

– Позвольте представиться: Илья Иванович. А вас сударь, я знаю заочно. Максим Петрович, верно?

– Совершенно верно, Илья Иванович. Меня перепутать трудно, – ответил я, намекая на свой шрам на лице.

– Шрамы украшают, мужчину, – серьезно заметил хозяин поместья.

– Было бы глупо с моей стороны оспаривать это, – ответил я. – Вот, совершенно случайно встретил вашу дочь и вызвался проводить.

– И совершенно правильно поступили, сударь. Хотя в наших местах разбойников не водится, но молодой девице негоже ездить верхом одной, без сопровождения. Да разве их удержишь...

Тут он махнул рукой, показывая всю безнадежность попыток ограничить свободу передвижения своей дочери. Тут я возражать не стал, лишь понимающе улыбнулся, хотя в данный момент эта проблема меня совершенно не беспокоила. Нас пригласили в дом, собственно пригласили только меня, поскольку Полина в приглашении не нуждалась, она быстро скрылась в недрах этого немаленького дома, наверняка, чтоб поменять одежду.

Вместо Полины тут же появилась почти полная ее копия, только ростом пониже и в платье, разумеется. Явно не по-

вседневный наряд, – отметил я про себя, – декольте неглубокое, но обозначено. Видел я подобные наряды на дамах, изображенных на картинах художников того времени. Да и Лев Николаевич Толстой в своих романах весьма красочно их описывал. Ну а саму хозяйку нарядного платья описывать не надо. Как я уже сказал, она была почти полной копией Полины, разве что губы чуть более пухлые и взгляд карих глаз был полон детского любопытства. Она смотрела на меня, как ребенок на незнакомую игрушку.

– А это моя младшая, Надеждой звать, – с нескрываемым восторгом представил красавицу папаша.

– Максим, – ответил я, и приложился к протянутой для поцелуя ручке.

Девица сделала книксен и заговорила, – Проходите, Максим Петрович. Наконец-то вы навестили нас. Папенька уж не знал, что и думать, соседи ведь, могли бы и раньше приехать.

– Так ведь надо было себя в порядок привести, прежде чем появиться в обществе прекрасных дам.

На «прекрасных дам» Надежда среагировала, как положено, то есть, в глазах блеснул восторг. А я подивился самому себе. Однако ловко я стал общаться с прекрасным полом. Раньше не замечал за собой таких талантов. В свое время с Мальвиной двух слов связать не мог, а с Анной по большей части обходился междомедиями. А всего то, надо было научиться говорить комплименты. Ну да тут у меня будет на ком попрактиковаться. Хорошо, что мысли мои подслушать

невозможно, а то, небось, меня бы вытурили из поместья не накормив, а есть то уже хочется. Дома-то Ольга уж наверняка завтрак приготовила и ждет...

Между тем мы прошли в столовую, где прислуга уже хлопотала вокруг стола.

– Вы, Максим Петрович, не извольте беспокоиться, – сказал глава семейства, – мы послали мальчишку в ваше имение. Он сообщит, что вы в гостях и скоро не воротитесь...

– Спасибо, Илья Иванович. Вы поступили очень разумно, – ответил я, подивившись такой прозорливости.

Его слова: «скоро не воротитесь» наводили на мысль о весьма длительном общении, что пока в мои планы не входило. Впрочем, кобыла моя уже в конюшне, и завтракаю я здесь, а дальше как пойдет. Пожалуй, две красотики – многовато. На двоих у меня лапши не хватит, а если еще и их маменьке уделять внимание, то я влип. Это у Хлестакова здорово получалось влачиться напропалую за женой и дочкой городничего. Кстати, никак не припомню: в каком году Гоголь написал своего «Ревизора».

– Позвольте представить вам жену мою, Марию Ивановну, – проворковал отец семейства.

Я бы ее и так узнал. В комнату вплыла пожилая матрона, но еще не утратившая миловидных черт лица. Девицы удались явно в нее. Я приложился к ручке, не преминув сообщить, что безмерно рад познакомиться с матерью двух восхитительных созданий... А на столе, между тем, рядом с са-

моваром появился малиновый пирог. Время моего обычного завтрака давно прошло, а здесь как раз наступило... Малиновый пирог был моим любимым лакомством, и я несколько отвлекся от остального мира. Взгляды на пирог, естественно не остались без внимания дам, и последовало немедленное приглашение сесть за стол.

Я, отдавая дань выпечке и, упомянутому выше, пирогу, похвалил и повара, чем весьма удивил и девиц и их мамашу. Заметив это, я постарался сменить тему. Наверное, тут не принято хвалить обслугу. Полина начала пространно рассказывать о нашей «нечаянной» встрече на озере, и эта встреча начала обрастать подробностями, о которых я не подозревал. В какой-то момент я даже начал опасаться, что сейчас выяснится мое купание нагишом. Однако, сочинение знойной амазонки Полины плавно обогнуло этот момент, оставив, однако, туманный намек. Поскольку сабельный шрам на груди и пулевой след на ноге прямо указывали на то, что красотка видела больше, чем дозволяли приличия того времени. Мамаша умолкла, соображая, можно ли теперь задавать вопросы дочери, или повременить, а отец не обратил на этот опус внимания.

Сидеть за самоваром можно бесконечно. Этот десятилитровый агрегат вчетвером не опорожнить. Не водка ведь, да и гусар только двое. Я чуть отодвинул свой стул, намекая таким образом, что пора переходить и к другому акту этой пьесы, под названием: «нечаянный визит». Тут Илья Иванович

сделал знак прислуге и на столе появился графин с вишне-
вой наливкой и рюмки. Теперь пришла пора мне удивляться.
«А почему после пирога-то? – кипела во мне невысказанная
мысль. – Где ж ты раньше был, друг мой?» Пить теперь на-
ливку, смысла нет никакого, только вред для желудка, это я
знал точно. Однако одну рюмку вместе с хозяином пришлось
выпить.

Мне, конечно, надлежало оценить и похвалить сей про-
дукт, и я уже открыл рот, чтоб соврать, насколько хороша
наливка, но, к счастью, заговорила хозяйка дома.

– Я очень рада неожиданному визиту нашего соседа и, раз
уж представился такой случай, хотела бы, чтоб он оценил
не только стряпню нашего повара и наливку, самолично из-
готовленную Ильей Ивановичем, но и музыкальные данные
Наденьки, нашей младшей красавицы дочери.

– Я был бы очень признателен, – подхватил я, – поскольку
давно уже не слышал женского пения, да и, вообще, музици-
рования...

Упрашивать Надежду не было нужды и после некоторых,
обязательных в подобных случаях ужимок, она села за пи-
анино. Мне было действительно интересно услышать музы-
ку того времени. Как интересно устроен человек, я думал:
«музыка того времени», а сам-то где нахожусь? Вот именно!
Там и нахожусь... Для начала она исполнила несколько му-
зыкальных пьес, чем заслужила вполне искренние мои апло-
дисменты. Девушка явно была музыкально образована, име-

ла слух и другие музыкальные дарования. Затем за инструментом ее сменила сестра, а Надежда исполнила несколько романсов. Я раньше таких не слышал, что и не удивительно. Даже здесь слушать романсы о трудной женской доле, причем речь шла не о крестьянках, было не слишком интересно... Но не куплеты же ей исполнять! Это я понимал и заранее не рассчитывал ни на частушки, ни на канкан. Между тем их маменька уже хлюпала носом, а папенька отвернувшись замахнул еще рюмку наливки. Похоже, за столом он выпечку проигнорировал и сейчас оттягивался вполне недурственно. А Полина вдруг вышла из-за пианино.

– Ну, Надежда, ты вгоняешь в меланхолию нашего гостя. А что Максим Петрович, может быть, и вы нам что-нибудь исполните? Я могу аккомпанировать, или прикажете принести гитару? У нас есть такой инструмент.

– А что, – ответил я, – может быть не столь талантливо, но могу тоже исполнить гусарский романс.

Не прошло и пяти минут, как в моих руках оказалась гитара, да еще какая. Видно тут музыку любили и к инструментам относились бережно. Во всяком случае, настраивать мне ее не пришлось. Романс Булата Окуджавы из кинофильма «Звезда пленительного счастья» был мною заготовлен и отрепетирован как раз для такого случая.

*Кавалергардов век не долгов,
И потому так сладок он,*

*Трубаач трубит, откинут полог,
И где-то слышен сабель звон.
Еще грохочет голос трубный,
А командир уже в седле...
Не обещайте деве юной,
Любови вечной на земле...*

После того, как я пропел до конца, глаза девушек засияли восторгом. Надежда потребовала, чтоб я немедленно записал ей слова. Они именно потребовала... Я, разумеется, не сопротивлялся, только попросил, чтоб писала она сама, а я только надиктую. Ну не владел я гусиным пером. Не наловчился еще. А Полина стала подбирать мелодию и это у нее почти получилось. Короче, мне пришлось еще раз пропеть этот романс и девушки его запомнили. Не удивительно, я и сам запомнил эту песню с одного раза. Но тут меня замучила мысль: ведь пройдет каких-то сто пятьдесят лет и Булат Шалвович будет неприятно поражен. Или не будет поражен? Ведь это плагиат... Однако это будет считаться плагиатом, если я присвою себе авторство.

– Надежда, – сказал я, когда она закончила писать, – я полагаю надо указать автора, этого романса. Пишите: Окуджава Булат Шалвович... У него это не единственное произведение, при случае я еще что-нибудь исполню.

– Он гусар? Я правильно догадалась, – спросила Полина.
– Вы совершенно правы, – ответил я, – но, к сожалению,

я не знаком с ним лично, хотя очень уважаю его творчество.

Дальше женщины стали просить исполнить еще что-нибудь. Я задумался, а кто бы не задумался на моем месте? Песен-то я знал немало, да не все их можно было исполнить здесь. Следом последовала песня Окуджавы: «Капли датского короля». Естественно она была тоже переписана и музыка подбиралась, а у девушек появился азарт... Затем, я исполнил балладу о Генрихе четвертом, короче, время летело незаметно. Я пел что-то еще, и на моих глазах рождалась джаз банда: сестры Елисейевы и их антрепренер Максим Савельев. Надежда весьма неплохо повторила мои песни под аккомпанемент Полины, оставалось только сформировать репертуар нашей джаз банды и можно выступать с концертами. Идея с выступлениями возникла спонтанно, обе девицы оказались очень музыкальны, а младшая еще и с голосом. Осталось решить вопрос со сценой и будем деньги лопатой грести...

Тут я обнаружил, что время перевалило за полдень у меня в голосе появилась хрипотца, а девицы выглядели утомленными, хотя со всех сил старались этого не показать. Старшее поколение Елисейевых явно замучились слушать нас. Отец семейства первым покинул аудиторию, матушка продержалась дольше, а потом с полным удовольствием скомандовала: подавать обед на стол.

Обед был обильным, но в этот раз наливка появилась вовремя, и я отдал ей должное. Девицы ели мало, явно дер-

жали диету. Неудивительно. От такой пищи могло разнести вширь кого угодно. Выпечка, соленья, варенья, а также жареное мясо и каша в качестве гарнира. Меня уже давно напрягало отсутствие картошки, я даже интересовался у Прохора. Тому, правда, эти вопросы не нравились, и он всячески их обходил...

После обеда сестры вознамерились продолжить музыкальные занятия, но меня разморило, явно, наливка была не проста, поэтому начал прощаться к явному облегчению отца семейства.

– На сегодня хватит, – сказал я Полине. – Мы ведь соседи, теперь жду вас с ответным визитом.

– Мы ведь не можем ехать без папеньки, – вздохнула она, – а его не просто сподвигнуть...

– Приезжайте с маменькой, – ответил я.

– Лучше уж вы к нам.

Я несколько неуклюже взобрался на свою кобылу и помахал дамам ручкой. Да, Елисеевскую наливку больше пить нельзя. Не хватало только свалиться с кобылы под хохот дворни. И дабы избежать конфуза, я сразу пустил ее в галоп, лихо вылетел на дорогу и поскакал к своей усадьбе, так, словно за мной гнались. Надеюсь, что мне удалось сохранить образ лихого рубаки.

Дома от обеда я, конечно, отказался.

– Ну, которая из Елисеевских барышень вам понравилась, барин? – спросил Прохор, встретив меня во дворе.

– Обе, – не задумываясь, ответил я.

– Тот на минуту остолбенел, потом сказал:

– Значит, ни одна не понравилась.

– Да нет, обе хороши!

– Не выбрали еще, – добавил он. – И то верно. Сразу-то и не разберешь... В следующий раз вы уж предупредите, когда отправитесь к ним.

– Да я не собирался... Случайно получилось.

Дальше я отправился в спальню, намереваясь вздремнуть чуток, но проспал до вечера. Проснулся поздно с тяжелой головой, ужинать не хотелось. Кляня наливку и собственную невоздержанность, отправился на кухню, где встретил полное понимание со стороны Ольги. Она подала мне стакан холодного огуречного рассола. Да. Полегчало почти сразу. Есть универсальное лекарство на Руси...

На другой день я проснулся, как обычно бодр и свеж. После обычных физических упражнений вскочил на свою кобылу, чтоб ехать на озеро, ведь лето через два месяца кончится, и я буду лишен водных процедур. Внезапно Ольга преградила мне дорогу и, отвернув в сторону покрасневшее лицо, протянула мне сверток.

– Барин, вам не гоже купаться нагишом! – твердо сказала она, по-прежнему глядя в сторону. – Вот, возьмите.

Я попытался развернуть сверток.

– На озере развернете, – добавила она и усмехнулась, ста-

раясь не смотреть на меня.

Сверток был небольшой, и я сунул его за пазуху. «Похоже, уже все знают, что я купаюсь нагишом, – подумал я. – Наверное, бабы, что полощут белье на мостках, не поленились пройти полверсты, чтоб посмотреть на барина. А теперь и в усадьбе Елисеевых известно. Я, конечно, не ханжа, но ведь и не нудист, придется изобрести плавки». Так я думал по пути к озеру, а когда прибыл на место, понял, что изобретать ничего не надо. Ольга уже изобрела. В том свертке, что она мне сунула, оказались подштанники, обрезанные до колен и аккуратно подшитые, чтоб не махрились.

На этот раз я внимательно проверил свое место для купания на предмет возможных зрителей. Таковых, к счастью, не оказалось. Время-то раннее, благородные господа и дамы должны еще спать, крестьянки стирают в отдалении, на мостках, до них расстояние с полверсты. Тем не менее, я переделся и довольно быстро, прежде чем окунуться в прохладную утреннюю воду озера. Переплыл на другую сторону, метров сто, не более, но берег тут был топкий и заросший травой, не стал выходить, вернулся назад. Хорошее место я выбрал для купания, пологий песчаный берег, а дальше сосновый бор, дорога... Озеро располагалось, примерно, на полпути до Елисеевской усадьбы.

Да... Помяни черта, а он тут как тут. Ну не хотел я сегодня в гости, ведь не каждый же день... Но не успел я выйти из воды, а амазонка Полина уже гарцевала по берегу на сво-

ем скакуне. В этот раз она уже не скрывалась. Ждала, когда я выйду из воды... А еще говорят: уездные барышни такие скромницы. Ну, я вышел из воды по пояс, сложил руки на груди, смотрю на нее, жду...

– Максим Петрович, жду вас у дороги, – крикнула она и ускакала.

Будь мы в моем мире, я бы пригласил ее присоединиться ко мне, и наверняка бы девица согласилась. Ведь ничего особенного тут нет... А в здешние времена, за такое приглашение, можно и вызов на дуэль получить от ее папаши или от кавалера... Я, кстати, и не знаю есть ли у сестер Елисеевых кавалеры. Может, даже обручены.

Быстро переодевшись, я выехал на дорогу. Полина, увидев меня, пустила коня в галоп, описала дугу прямо передо мной. Ну, хороша чертовка! Если она хотела произвести на меня впечатление, то это у нее получилось. Настоящая амазонка, а ведь я повидал настоящих амазонок, даже в бою с ними был. Конь был хорош, а наездница, просто нет слов: черные, развевающиеся волосы и светло серый костюм, безупречно подогнанный по фигуре, могли сразить кого угодно. Правда, кроме меня тут никого не было...

– Максим Петрович, нас ждут в усадьбе! – крикнула она и поскакала вперед.

Мне естественно пришлось ее догонять. Моя кобыла резвостью не отличалась, и уже намечался конфуз. Однако, в планы Полины не входило конфузить меня, и она, уже не без

труда, сдержала своего жеребца. Когда я подскакал, она и во-
все пустила своего коня шагом.

– Полина Ильинична, вы просто великолепны. Настоящая
амазонка! – не удержался я от комплиментов.

– А вы видели настоящих амазонок? – насмешливо спро-
сила она?

– Приходилось, – спокойно подтвердил я.

Ну что мне оставалось делать? Ну да, мог соврать, отбол-
таться, но уж больно задел меня ее насмешливый тон. При-
шлось дать понять, что пришлось в жизни повидать немало
всего, несмотря на возраст...

– Расскажите, какие они! Красивые? – быстро спросила
она.

– С вами, сударыня, никто не сравнится, – попытался за-
крыть тему я.

– Ах, оставьте комплименты! Я думала, амазонки, это вы-
думка, легенда, а вы говорите: они существуют?

– Они не любят себя показывать. Это закрытый орден,
спрятанный за монастырскими стенами. Они владеют бое-
выми искусствами: рукопашным боем, метко стреляют, бро-
сают ножи, скачут на лошадях. В условиях боевых действий
могут вести разведку и диверсионную деятельность.

– Боже, как интересно! Расскажите что-нибудь о них.

– Да я вам уже рассказал все, что знаю.

– А я знаю, что в войне с Бонапартом участвовала кавале-
рист – девица. Про это много рассказывали. А я бы наверно

не смогла...

– И это правильно. Махать саблей должны мужчины.

– Только не рассказывайте мне, что удел женщин – ублажать мужа и рожать ему детей...

– Что в этом плохого?

– Да ничего плохого, только скучно, серо, обыденно...

– Думаете, за монастырскими стенами веселей?

– О! Нет! Только не это! – рассмеялась Полина.

Так за разговорами мы и не заметили, как оказались у ворот усадьбы. Я, конечно, проявил галантность и помог даме спешиться. Для себя не мог не отметить, что девица довольно крепкая, талия жирком не обросла. И судя, по ее взгляду на меня, она именно это и продемонстрировала мне сейчас. Удивительно, с каким изяществом двадцатилетние девицы владеют своим телом. Одно, два совершенно невинных движения и кавалер уже знает все достоинства предмета своих мечтаний. Правда, пока еще я не очень-то и размышлялся, но дело к тому шло.

В этот раз родители нас встречали в доме, а младшая Елисеева укоризненно посмотрела на сестру. Типа: чего так долго. Но стол был уже накрыт. После всех приветствий и расшаркиваний, чинно уселись за стол, и мне даже стало казаться, что мы сидим тут со вчерашнего дня. Я исподтишка наблюдал за хозяином, он ел и пил чай наравне со всеми. Неужели вместо десерта будет кушать наливку? Словно отвечая на невысказанный мною вопрос, он залихватски под-

мигнул мне, и, вдруг, в руке у него оказалась бутылка мадеры. И тут же фужеры оказались на столе. Может они сразу стояли? Но пить мадеру на сытый желудок: это как?

– Извините, Илья Иванович, – сказал я, изображая трезвенника. – Может чуть попозже.

Полина вздохнула с облегчением и уселась за пианино. Папенька пожал плечами и откушал мадеры изрядную порцию, а я подивился крепости его желудка. Ну, а наша джаз-банда начала репетиции. Тут уж любой наблюдатель скажет, что это именно репетиции, а не просто музицирование. Исполнение песен Окуджавы сестры довели до совершенства. Впрочем, по моему мнению, лучше Булата Шалвовича, его песни никто не исполняет. Однако, Полина удачно вела мелодию, а голос Надежды был столь бодр и насыщен, что успех у слушателей, когда таковые появятся, гарантирован.

Исполнив все, что вчера Надежда записала гусиным пером, обе дамы вопросительно уставились на меня. Я, конечно, понимал, что меня ждет. Скажу больше, я еще вчера знал, что девицы будут ждать новых песен, но не подготовился и теперь был в положении школьника, не выучившего урок. Но что-то делать надо, попытался вспомнить старый романс: *«В лунном сияньи снег серебрится, вдоль по дороге троечка мчится...»*. Пока пел припев: *«Динь, динь, динь...»* вспомнил второй куплет, присочинил кое-где, ну, да это со всеми исполнителями случается. Только вот реакция слушательниц была слабой. Записали этот романс, но без особых вос-

торгов. Понятно, кто ж с Окуджавой сравнится. Потом была песня Городницкого: «Снег». По сути – это вальс, и Полина очень быстро подобрала мелодию, а я, как всегда переиначил некоторые слова, поскольку Петрограда еще не было, а был Санкт-Петербург.

Скоро я понял, что песни можно особо и не переделывать. Те, непонятные в этом веке слова: самолеты, пароходы, поезда, слушателями не воспринимались, звучали как тра-ля-ля, а смысл и мелодия шли на ура. А в конце я исполнил «Шамаханскую царицу» Городницкого. Уж не знаю, написал ли Александр Сергеевич, свою сказку о золотом петушке, скорее всего, нет, но по поводу страны Шамахи, вопросов никто не задавал. Восток далеко, стран там много, и в существовании Хвалынского моря никто не усомнился. Записывать эту песню девицы не стали. Зачем? Ведь им ее не исполнять.

Окончание визита пошло по вчерашнему сценарию: обед, мадера, прощанье с дамами и обещание продолжения встреч и новых песен. Была небольшая разница лишь в том, что я не переусердствовал с мадерой и в седле держался уверенно. А еще я дал себе зарок: завтра в поместье Елисеевых не появляться. Сделать это было проще простого: не ездить на озеро. А если девицы придут сами, чтоб справиться о здоровье... Надо что-то придумать...

Ничего придумывать не пришлось. Во-первых: мне всю ночь снились синие глаза и черные кудри Полины, во-вторых: на другой день я просто мечтал побыстрее оказаться у

Елисеевых, чтоб опять увидеть ее. И куда делось мое вчерашнее желание прекратить визиты? Свой режим дня я не нарушал. Встал, как обычно, в шесть часов, заставил себя не спеша проделать все физические упражнения и вскочил на коня, чтоб ехать на озеро. Ольга проходила по двору, когда я выезжал из ворот. На этот раз она не подошла ко мне, только странно усмехнулась, а я приветливо помахал ей рукой. «Дворовые девки знают свое место», – подумал я, и в предвкушении поскакал на озеро галопом, чего раньше не делал.

На озере все было как обычно, я быстро переоделся в купальные трусы, – так я окрестил свою обновку, сшитую Ольгой, – и поплыл на середину озера, ожидая появления амазонки. Я не только накупался всласть, но даже начал замерзать, когда понял, что Полина запаздывает. Тут до меня дошло, что она ждет меня у дороги и это не она, а я опаздываю. Сообразив, я моментально оделся, вскочил на свою кобылу и поскакал к дороге, где вчера мы встретились. Вот только сейчас я почувствовал, что ее тут нет, и не было. Следов на дороге не осталось, ведь следы коня не скроешь... Вот тебе и на... То чувство, которое я испытал, разочарованием не назовешь. Похоже, я снова превращаюсь в Пьеро...

Сам себе удивляясь, понял, что уже еду к Елисеевской усадьбе. Стоп. Время-то еще раннее, и куда это я собрался? Я же не Винни-Пух, чтоб ездить в гости по утрам... Благородные девицы в это время спать должны. Развернул кобылу, которая недовольно заржала, отправился в свою усадьбу.

Небось, у кобылы тоже рандеву сорвалось с Полинкиным конем. Теперь я вспомнил усмешку Ольги сегодня утром. Да-с. Деревня. Все всё про всех знают, один я ничего не ведаю... Надо у Ольги повыспросить про семейство Елисеевых, может девицы просватаны давно, а я как олух серенады распеваю. Хотя, какая мне разница, просватаны или нет? Я же в этом мире не собираюсь оставаться насовсем. Должен ведь быть портал в другую сторону! Или не должен?

3

К моему возвращению завтрак был подан незамедлительно, значит, знала чертовка, что вернусь, – думал я про Ольгу, которая подавала на стол, сияя как медный самовар.

– А что, Ольга, – спросил вдруг я ее, – расскажи мне про Елисеевских барышень. Что про них знаешь.

– Хорошие барышни, барин, – спокойно ответила она, даже плечиками пожала. – Правда приданого за ними кот наплакал... Ну, так говорят, барин. Мне-то сие неведомо...

«Ну да, неведомо тебе, как же...»

– Да я не про то спрашиваю, – придав себе самый простецкий вид, сказал я. – Ты вот скажи мне, кавалеры-то у них есть? Или, может, просватаны они?

– У младшей есть кавалер, а про остальное мне не ведомо...

«Уже лучше. Младшая меня не волнует.»

– Все тебе ведомо. Усадьбы недалеко, а дворовые-то все про барышень знают.

– Могу побожиться, барин, – степенно ответила Ольга.

Ну, меня больше ничего, в общем-то, и не интересовало, и я прекратил расспросы. Зачем ей божиться. Она не на исповеди, да и я не поп. После обеда нанесу Елисеевым дружеский визит, – решил я для себя.

Я-то решил, а вот кто-то свыше перерешил, не знаю судьба ли, или господь бог... а только в аккурат к обеду появился мужик, впрочем нет, не так. Не мужик, а молодой человек лет тридцати – тридцати пяти. Опять не так? Не молодой человек? Короче прибыл сосед помещик из своего имения, расположенного верстах в двадцати от моего.

Назвался он Марком Савельичем, сразу объявил, что признал меня, хоть и не виделись лет десять с гаком. Я порадовался своей узнаваемости и пригласил Марка обедать. Тот и не подумал отказываться, не принято здесь такое лицемерие. Наоборот, обед обязателен, иначе хозяева обидятся. Мадеры у меня, к сожалению, не было, пришлось за обедом вишневую наливку потребблять. За обедом обсуждали подаваемые на стол блюда. Ольга не выказала прибытию Марка ни радости, ни удивления и выглядела совершенно безэмоционально, как и положено прислуге. Я же с самого начала подозревал, что визит этот неспроста, не долг вежливости, если существуют такие долги в природе. Чего-то от меня хочет, этот взрослый господин. Хитрить и притворяться он яв-

но не умел и не хотел, просто, не знал, как начать разговор по делу. Этикет-то ведь во все времена был. Нельзя просто так явиться к соседу и с порога объявить: мне вот надо от тебя и то и это, а верну, как получится. Короче, по облику и манерам, видно, что мужик порядочный, не прохиндей и не разбойник, просто гнетет его что-то и надеется на меня... Наконец, когда мы уже наливки откушали и с обедом покончили, я не мог больше смотреть на его маяту и обсуждать цены на будущий урожай.

– Ну, давай, Марк, рассказывай проблемы свои, – начал я. – Мы же с тобой мужчины, а ты мнешься, как...

Тут я вовремя остановился, ведь неловким сравнением можно обидеть человека и вместо откровенности получить вызов на дуэль. В здешних реалиях это дело обыденное. Тут Марк задумался, собираясь с мыслями, а я вдруг сообразил, сложил два плюс два...

– Похоже, сейчас речь пойдет о женщине, – продолжил я, гордясь своей прозорливостью. – И я даже догадываюсь о ком. – Вам понравилась младшая Елисеева.

Взгляд Марка стал удивленным.

– Да вы провидец, мой юный друг! – ответил он, – Впрочем, эту тайну знает вся округа. К тому же вы бываете у них. Только дело тут не в этом. Все просто и, одновременно, запутано. Да. Я люблю Наденьку, и она ответила мне взаимностью. Но дело в том, что я разорен, а приданого за Наденькой, увы и ах, почти никакого. Да вы знаете, наверняка. Толь-

ко не об этом я хотел с тобой поговорить, друг мой. Причина моего разорения – издательство. Да, я владелец издательства «Русское слово» в Павловске. Издательство последнее время приносило убытки, а сейчас и вовсе арестовано за долги. Не бог весть какой долг, всего две тысячи... Только, теперь я лишусь имущества. Елисейев старший про мои дела знает и мне свою дочь не отдаст. Да я и сам ведь не злодей какой... Зачем буду губить жизнь девице. А ведь издательство можно оживить, я уверен, что найду талантливых авторов, и мой журнал будут покупать. Обыватели любят сенсации и приключения о войне. У меня уже есть наметки...

– Понял! – сказал я не совсем трезвым голосом. – Вам надо занять денег...

– Да! Тысяч пять. Верну не позднее, чем через полгода.

Я некоторое время молчал. Не подсчитывал, конечно. У Прохора таких денег в заначке не было, да и просить не хотелось. В то, что у Марка в издательстве дела пойдут на лад, тоже не верилось.

– Как ты думаешь, Марк, – сказал, наконец, я, – почему я оставил службу в Питере и живу здесь? Думаешь в деревне жизнь интереснее?

Марк сразу погрузился. Стало ясно, что дальнейшее развитие темы не имеет смысла. Ну, это он так думал, а у меня-то мысль появилась. Даже не мысль, а мысли и грандиозные идеи...

– Понятно, – просто ответил он.

– Пока тебе ничего не понятно, – начал я. – У меня есть несколько идей, что печатать в твоём журнале, и он пойдёт нарасхват. Обыватели драку устроят за обладание последним экземпляром. Сейчас главное выплатить долг и снять арест... Может обратиться к ростовщикам?

– Лучше сразу застрелиться, – ответил он. – Да и не даст никто...

– Ещё идеи есть?

– Как не быть, – уныло продолжил он. – Можно жениться на Варваре Денисовой... Только это уж совсем...

– Неужто, настолько страшна?

– Да нет, не страшна вовсе. Не красавица, но и не уродина, – пожал плечами Марк. – Да ведь я Наденьку люблю.

– Однако! В твоём возрасте надо быть практичнее.

– А ты сначала доживи до моего возраста, – раздражённо ответил Марк.

– Ладно, не злись. Давай поступим так. Ты мне завтра привезешь несколько экземпляров твоего журнала, а я подготовлю то, что мы напечатаем в следующем выпуске.

Марк уехал домой и, кажется, не в настроении. Да нет, не кажется, точно не в настроении. Ведь деньги у меня, помещика и барина, появятся не раньше октября, когда будет продан урожай этого года, так мой управляющий сказал и ему приходится верить. А вести праздную жизнь паразита и эксплуататора уже надоело. Марка надо спасать, и я знал,

как сделать его журнал популярным у читателей и увеличить число этих самых читателей. Во-первых: я решил написать повесть про амазонок, но не про тех, у которых побывал в гостях в пансионате, а про тех, о которых начал сочинять Полине. Напишу повесть с продолжением в каждом последующем номере, как писал Дюма. Ведь тема благодатная. В далеком, затерянном в сибирской тайге, женском монастыре, есть орден амазонок... А дальше – приключения, боевые схватки... Ну это одна тема, а гвоздь программы – это кроссворд на последней странице. До этого пока здесь не додумались. Ответы, естественно в следующем номере. Кроссворд я состряпаю прямо сегодня, дело не хитрое, особо изголяться не буду, главная проблема в написании слов с ятями и ерами. Но тут Марк отредактирует, главное его убедить. А во-вторых: можно опубликовать тексты некоторых песен Окуджавы с указанием автора, конечно. Я думаю, Булат Шалвович меня простит, если его песни будут опубликованы на полтора века раньше.

Сочинять кроссворд я начал незамедлительно, но дело пошло туго. Для начала пришлось учиться владеть гусиным пером. Не позавидуешь теперешним писателям. Затем пришлось подобрать слова. Хорошо, хоть книги были в усадьбе, иначе рухнула бы моя идея не успев воплотиться. Кроссворд, для начала я придумал небольшой, на три десятка слов по вертикали и горизонтали. Трудился весь вечер и первую половину следующего дня, на озеро не поехал, настолько

увлекся, да и Марку обещал...

Марк приехал к обеду. Как и договаривались, привез два номера своего журнала. Я просмотрел их прямо при нем. Марк был напряжен, поскольку не понимал, что я затеял. Убедившись, что тематика соответствует моим идеям, я начал убеждать его принять мой замысел. Сначала он отнесся к нему весьма скептически, что неудивительно. Повидал на своем веку графоманов... Но когда я ему продекламировал, а вернее пропел под гитару романс «кавалергардов» Окуджавы, а потом «Шамаханскую царицу» Городницкого, он быстро оттаял.

– Если бы я мог опубликовать эти стихи раньше, никакого банкротства бы не было... – с тоской сказал он. – О твоей повести, еще не написанной пока говорить воздержусь, но ты ведь и сам понимаешь, что выбор у меня не велик. Столичных писателей публикуют другие издатели, и они не отдадут мне свой кусок. А те рукописи, что присылали мне, годятся только для растопки.

Тут дело дошло до кроссворда, на который я потратил почти сутки и от которого Марк отказался сразу, даже не пытаюсь вникнуть в суть. Он почему-то был убежден, что простому обывателю это не нужно. Простому обывателю интересно только развлекательное чтение, ну зачем напрягать мозги? Он на службе их напрягает, а тут еще и дома.

– Так ведь кроссворды разгадывают лежа на диване, – не сдавался я. – И потом, приятно чувствовать себя знатоком.

Мы же не будем загадывать трудные слова. Поверь это очень увлекательное занятие, и даже домочадцы могут принять в нем участие.

Марк, однако, уперся, как осел, тогда я предложил провести эксперимент: пусть кто-нибудь третий рассудит наш спор. Съездим к нашим соседям, Елисеевым, там глава семейства пусть попробует разгадать.

– К Елисеевым мне нельзя, – со вздохом сказал Марк. – Я там нежелательная персона. Да и Наденьку встречу... Нет, не поеду, не хочу душу рвать, ни себе ни ей...

– Тогда давай к Денисовым съездим. Я там, правда, еще не был, не знаком, так сказать... Кстати, если сможем убедить главу семейства вложить капитал в наше предприятие, то сразу две проблемы решатся.

– Это и вовсе провальная затея, если, конечно, ты не надумаешь жениться на Варваре...

– Ну, зачем сразу пускаться в крайности. К тому же я не собираюсь становиться брачным аферистом.

– А кто такой брачный аферист?

– Ну, это тот, кто сначала обещает жениться, берет деньги под мнимым предлогом, а потом исчезает.

– Здесь это не прокатит. Тебя так ославят, что ни в один приличный дом потом не пустят...

– Да я и не собирался этим заниматься. Мы попытаемся убедить хозяина...

– Хозяйку.

– Не важно, пусть хозяйку, раскошелиться под хороший процент...

– Не прокатит... Евдокия Никитична дама умная и практичная. Кстати, дочь тоже не глупа.

– Давай, хотя бы, попробуем. Ведь надо что-то делать.

– Ехать к Денисовым с таким прожектом... Я думаю, надо хотя бы набросать план следующего выпуска нашего журнала.

Меня несказанно порадовало слово «нашего», и я предложил создать рукописный черновой вариант. В результате визит к будущим меценатам решили отложить, я обещал за два дня написать первые главы своей обещанной повести, а Марк напишет поэтические странички со стихами, где перлами, конечно, будут романс Окуджавы и песня Городницкого. А еще мне пришло в голову, включить страничку с юмором, ведь анекдотов в мое время ходило множество, и некоторые можно было пристроить к теперешнему времени. Вот к примеру.

Судят одного господина за убийство. Судья обращается к нему:

– Ну-с, сударь, расскажите нам, как было дело.

– Да что тут рассказывать. Все обыкновенно было. Решили мы пультку расписать вечерком. Сели за стол, колоду новую распечатали: я, Иван Васильевич, и покойничек. Ну играем: первый круг, второй... Тут я вижу странную вещь:

Иван Васильевич берет игру, я вистую, покойничек – пас. Играем стоя: я несу пичку и покойничек пичку, я несу трефу и покойничек трефу...

Тут судья вскакивает и кричит:

– Так надо было его подсвечником...

Не знаю, известна ли эта игра Марку, но хохотал он искренне.

– Есть еще анекдотец, уж не знаю, известен ли тебе, – продолжил я.

Приказывает барин своему лакею: «Сходи-ка, любезный, в огород, да нарви мне редиски с грядки». Тот, естественно, приказанье выполнил и принес барину пучок редиски.

– Ты что, дурак, сделал, – возмутился барин. – Если я сказал: нарви редиски, это значит – ее надо помыть, почистить, нарезать, посолить, заправить сметаной и подать мне.

Прошла неделя. Захворал барин и послал лакея за доктором. Того долгонько не было, но как пришел, барин сразу спросил.

– Ну, как? Приедет доктор?

– Не извольте беспокоиться, барин. Доктор приедет, папихиду заказал, могилу уже копают, с попом я договорился...

И эта байка прошла на ура. Марк от смеха чуть со стула не упал. Потом Марк уехал, а мне предстояло написать первые главы повести, название которой еще не придумал. Лиха беда начало. Надо вспомнить, что я про них знаю из античной истории, и что мне известно о них в предыдущем мире. Из античной истории я помнил только то, что они убивали своих мужчин после брачных игр. Это совершенно не годилось для написания, а в предыдущем мире это были очень умелые бойцы. Владели рукопашным боем, прекрасно стреляли и скакали на конях. Вот из этого и будем исходить.

С бумагой и чернилами у меня проблем не было, Прохор вел бухгалтерию, и мужик он был запасливый. С гусиными перьями тоже никаких проблем, ведь в деревне живем, и гусей вокруг хватает. А вот писать гусиным пером, удовольствие еще то... Да еще эта тутошняя грамматика.

Но деваться некуда, если назвался груздем...

Вьюга над полями

Рок

Так сложились обстоятельства. Так распорядилась судьба. Сколько раз произносились эти слова, и сколько раз они еще будут произнесены...

Семилетняя девочка выбралась из горящего дома. Несмотря на то, что она вся была перепачкана сажей и

надсадно кашляла, одежда на ней была добротная и даже ботинки были надеты правильно. Думаете, ее кто-то одел и помог выбраться? Как бы не так. Мать Леры Кистеневой умерла три недели назад, не дожив нескольких часов до наступления нового года и нового девятнадцатого века, а отец, морской офицер, погиб два года назад, сражаясь с турками под командованием адмирала Ушакова. У нее теперь есть только дядька, брат матери. Впрочем, есть или был теперь, после пожара, большой вопрос. Дядька прибыл из Парижа, где успешно прокутил свое состояние, а судьба услужливо предоставило ему состояние его сестры. Конечно, он был всего лишь опекуном своей племянницы, но винному погребу было все равно, кто берет из него вино, а прислугу он разогнал. Племяннице он объяснил, что после похорон следует устроить поминки, потом девятый день, потом сороковой. В общем, он поминал свою горячо любимую сестру, начиная с первого дня, а на двадцать первый день именно сгорело. Пыхало так, что тушить даже не пытались. Еле деревню отстояли. Вот туда-то и отправилась семилетняя Валерия Кистенева, никому уже на этом свете ненужная.

Раньше, когда мать была здорова, у Леры была нянька, которая кормила ее, одевала, водила гулять, словом занималась с ребенком всеми теми делами, которые должны делать няньки для маленьких барчат. Барчата бывают маленькими до разного возраста: некоторые всю жизнь,

а некоторые... Короче, Лера перестала быть маленькой в шесть лет, поскольку после приезда дядьки нянька куда-то исчезла, и девочке пришлось самой о себе заботиться. До вчерашнего дня некоторая прислуга в доме еще была и голодной она не оставалась. А в остальном ребенок был предоставлен себе, делай все, что угодно, только не приставай ни к кому.

Так судьба сложилась. Рок. Иначе не скажешь. Вот что делать семилетнему ребенку – погорельцу... Это только в сказках Маугли смог выжить, и Тарзана воспитали обезьяны. А в наших российских лесах зверушки не такие добрые, бананы на деревьях не растут, а уж про зиму и говорить нечего. Не выжили бы тут ни Маугли, ни Тарзан. Нам неизвестно, знала ли Валерия этих сказочных персонажей, но то, что надо идти в деревню к людям, она знала точно. Ночь вокруг, но тьмы кромешной не было, усадьба еще догорала. Через лес Лера не пошла, полем идти, хоть и дальше, но не так страшно. Не доходя до деревни, она увидела костер, возле которого сидели два человека: взрослый мужчина и девочка примерно ее возраста.

Увидев, внезапно появившегося из темноты ребенка, мужчина вскочил.

– Ты откуда? Ты чья? – озабочено спросил он.

– Оттуда. Ничья, – ответила Лера.

– Дети не бывают ничьи, – уже спокойнее сказал он.

– Бывают, – равнодушно ответила Лера и села к костру.

– Как звать-то тебя?

– Лера... Валерия Кистенева.

– Так. Понятно. Здешняя помещица, значит, а теперь еще полная сирота и погорелица. Ну, и что же с тобой делать?

– Не знаю.

– Послушай, Файка, – обратился он к девчужке, которая до сих пор безучастно смотрела на Леру, – может, возьмем ее с собой?

– А что она умеет делать? – спросила Файка.

– Что ты умеешь делать? – повторил вопрос мужчина.

– Все умею, – ответила Лера, глядя на котелок, висевший над костром.

– Так не бывает, – заметила Файка.

– Бывает, – повторила Лера и добавила. – Я есть хочу.

Мужчина усмехнулся.

– Ну, что Файка, накормим помещицу? Как никак, мы на ее землях сейчас. Пусть это будет арендной платой. Согласна?

– Согласна. А что такое арендная плата?

– А тебе не все равно? – спросила Файка. – Ты есть хочешь, или как?

– Хочу.

– Тогда садись.

Файка и мужчина, которого звали Иван, оказались бродячими артистами. Они ходили по большим селам и ма-

леньким городам. Иван жонглировал деревянными шарами и другими предметами, а Фаина показывала акробатические трюки, она обладала потрясающей гибкостью и бесстрашием: могла пройти по проволоке на большой высоте. Для этого у нее были специальные тапочки. Иван не любил опасные трюки и редко позволял ей ходить по проволоке.

Лера прибилась к этой компании, и теперь они ходили втроем. А поскольку Фаина скоро выяснила у своей новой подруги удивительный дар, – та обладала феноменальной памятью и молниеносной реакцией, – то теперь и Валерия не даром ела свой хлеб. В их представлениях появились фокусы, когда Лера с одного взгляда запоминала карту, одну из пяти и после перемешивания их на столе безошибочно находила. Как она успевала ее отследить во время перемешивания, было загадкой даже для Ивана.

Однако недолго продолжались их артистические гастроли. В одном небольшом городке, во время выступления Фаины, в толпе зрителей, Лера заметила мальчишку, который ловко запускал свою руку в карманы и корзинки мужчин и женщин, глазающих на представление. Мальчишка был немного старше ее. Лера уже собиралась пресечь это безобразие, как вдруг поняла, что тот работает не один. В стороне стоял мужик, одетый, как приказчик из купеческой лавки, и глазами и знаками давал указания пацану. А тот уже понял, что их вот-вот разоблачат, быстро перебрросил свою добычу подельнику и завопил:

– Вору! Ширмачи! Люди, вас обворовывают!

Мальчишка быстро исчез в толпе. Некоторые из зрителей быстро обнаружили пропажу своих кошельков, поднялся крик и суета. Мужик, замеченный Лерой, быстро шмыгнул в сторону и с независимым видом отправился подальше от гудящей толпы. Тут уже начался шум и гвалт, появился городской и в результате артистов под улюлюканье толпы отвели в участок. Там их беззастенчиво обыскали, но кошельков, конечно, не нашли, да и денег было совсем немного. Гораздо меньше, чем украдено у пострадавших. Это никого не обескуражила, ведь того мальчишку отнесли к их команде, да и что можно доказать разозленным людям. Ивана посадили под замок, отдельно от девочек. В полиции, где быстро выяснили, что они сироты и бродяжки, сказали, что ждет их сиротский дом, а пока суть, да дело, придется переночевать эту ночь в участке.

Узнав, что ночевать придется в участке, Фаина совершенно успокоилась. Она и раньше не выглядела особенно взволнованной, по сравнению с Лерой, а теперь вроде даже обрадовалась.

– Кормить-то нас будут? Я есть хочу, – сказала он дежурному полицейскому.

Лера молчала, ей явно было не до еды.

– Да, успокойся ты! – быстро сказала Файка своей подруге, и шепотом добавила, – не впервой попадаем. Сбежим, не бойся. Если бы сразу в сиротский дом отвезли, было бы

хуже. Оттуда сбежать трудно. А здесь ерунда, как стемнеет, выберемся, ты только меня слушайся.

К вечеру им дали по ломтю хлеба и воды. Как стало темнеть, их сторож зажег лампу и проверил задвижку. Затем он вышел на улицу с трубкой во рту.

– Сейчас я попрошусь в туалет, – тихо сказала Фаина, – как только мы выйдем за дверь, сразу выходи на улицу и жди меня за углом.

– Он же закроет дверь на задвижку...

– Задвижку я открою. Жди за углом...

Полицейский зашел в участок и сел за стол. Лампа тускло освещала комнату, но он и ее собирался затушить.

– Мне в надо в нуржик, – громко сказала Фаина.

– Ведро в углу, – ответил дежурный.

– Так ведь вонять будет, – задумчиво ответила Файка. –

Ну как хочешь, желание зрителей надо выполнять.

Она стала устраиваться над ведром, развязывая шнурок на штанишках. Лера с ужасом смотрела на это действие.

– Стой! – рявкнул полицейский. – Ладно, выведу тебя...

Файка отошла от ведра, а ее сторож отодвинул задвижку и выпустил ее в дежурку, затем снова задвинул задвижку. Дальнейшие действия Лера не видела, только слышала.

– Ну, давай, шевелись! Чего стала. Ой! Да чтоб тебя...

– Извините, дяденька.

Хлопнула входная дверь. Лера попробовала открыть дверь в камеру и та открылась. Как Файка смогла... Но ду-

мать дальше она не стала. Быстро вышла на улицу, где один фонарь тускло освещал фасад здания, завернула за угол и притаилась в темноте. Вокруг не было никого. Буквально через минуту появилась Файка и, схватив Леру за руку, увлекла за собой. Они быстро бежали по улице, а сзади слышались крики и ругательства полицейского. Бежали они не долго. В полной темноте бегать опасно, правда Фаине темнота не помеха, она прекрасно ориентировалась, обходя колдобины на дороге.

– Все, – сказала она. – Догонять нас не будут. Надо подумать о ночлеге. На краю города попросимся в какой-нибудь дом. Завтра пойдем в село Трехгорское, оно недалеко, верст десять...

– А как же Иван? – удивилась Лера.

– Что Иван? Вины за ним нет, сиротский дом ему не грозит. Завтра отпустят его, а может уже отпустили. У нас с ним договоренность: в случае чего, встречаемся в церкви близлежащего села. Думаешь, мы в первый раз попались? Нет... Летом-то хорошо, а вот зимой... Может и в сиротском доме придется перезимовать...

Так рассуждала Файка, шагая вместе с подругой по темной улице. Переночевали они в большом сарае на сеновале, никого при этом не спрашивая. У кого спрашивать посреди ночи? Конечно, сарай имел своего хозяина, который спал в доме неподалеку и даже не помышлял охранять свое сено.

Утром следующего дня девочки слезли с сеновала. Фаина

уже имела некоторый опыт бродяжничества. Она подошла к калитке ближайшего дома.

– Жди меня здесь, – сказала она Лере и вошла в незапертую дверь.

Через некоторое время она вышла с ломтем хлеба в руках. Отломив половину своей подруге, она сказала:

– Идем в Трехгорское, – дорогу я спросила. – К обеду доберемся.

По дороге проезжали крестьянские телеги и господские кареты. Иногда их спрашивали, почему они идут без взрослых, На это Фаина спокойно отвечала, что они ходили в город к тетушке, а сейчас возвращаются домой в Ольховку, а Трехгорском их ждет тятенька. Дальше никто не любопытствовал. Деревни с таким названием на Руси не редкость. Так они и шли себе спокойно. Некоторые сердобольные мамыши даже угощали их из своих припасов. Мало кого оставит равнодушным взгляд голодного ребенка.

До села они дошли и отдохнули на ступеньках храма. Им даже несколько мелких монет бросили, только вот Ивана там не было. Лера понимала, что ждать его придется, возможно, не один день, а вот Фаина казалась обескураженной.

– Не мог он дойти сюда раньше нас, да и его может еще не отпустили из участка, – успокаивала она подругу.

– Его еще вчера должны были отпустить, – ответила та. – А мы, если завтра еще здесь будем сидеть, то нас

опять под замок посадят, а потом в сиротский дом отправят. Тут ведь тоже полиция есть.

Но тут судьба распорядилась иначе. К вечеру со ступенек храма спустилась монахиня и направилась прямо к ним. Она села рядом и начала разговор. То, что обе девочки сироты и бродяжничают, было видно сразу. То, что они не хотят в сиротский дом, тоже не секрет. Об этом и говорить не стоило. Монахиня говорила совсем о другом, она рассказывала о монастыре, в котором жила, о том, как там живут такие же девочки как они, а еще она сказала, что силой там никого не держат и если вдруг найдутся родственники, то они вольны уйти, когда захотят.

В итоге их неспешной беседы обе бродяжки отправились вслед за монашкой сначала на постоялый двор, а потом уже в карете, как важные дамы, вслед за ней в святую обитель, расположенную очень не близко. Но с этого момента уже было кому о них позаботиться, и не надо стало зарабатывать себе на хлеб насущный сомнительными фокусами и опасными акробатическими трюками.

Монастырь

При слове монастырь воображение рисует высокие каменные стены, дубовые ворота и каменную церковь внутри. А тут в глухой сибирской тайге все было не так. На высоком берегу таежной речки стояли деревянные здания, окру-

женные частоколом, высотой метра три с половиной. Ну, это по теперешним меркам. Раньше-то высоту саженьями да аршинами измеряли. Это и был женский монастырь. С камнем работы больше, чем с деревом, да и много его в тайге, искать не надо. Вот так и получилось, что все строения, и церковь и кельи, и все подсобные помещения из дерева.

Не простой это был монастырь, мало кто про него знал, только очень высокопоставленные особы ведали, и тайну его существования хранили. Ведь и послушницы тут были особые, и время проводили не только в молитвах, а в учебе и упражнениях, которые укрепляли и тело и дух. Специальные эмиссары собирали малолетних сирот благородных кровей от пяти до семи лет, иногда полукровок, но не каждую привозили в монастырь. Сначала их проверяли на быстроту реакции, физическую выносливость, крепость всего организма и детского разума.

Уже в самом монастыре начиналось их обучение грамоте, различным иностранным языкам, истории, географическим наукам, но самое главное физическим упражнениям. Режим дня соблюдался неукоснительно, и времени для детских игр давалось совсем немного, а по мере взросления его не оставалось совсем. Не все выдерживали такой режим и в группе из двенадцати человек к пятнадцати годам, осталось четыре девочки, хотя правильнее называть их барышнями. Только и это обращение к ним уже применять нельзя. Амазонки. Так их теперь называли все в монасты-

ре. А остальные их сверстницы стали просто послушницами. И амазонки гордились своим званием и по монастырской иерархии стояли выше послушниц и выше учениц. Ведь на три года младше их обучалась следующая группа.

Амазонки носили специальную форму, черного цвета, которая состояла из комбинезона и бушлата. Бушлат был подогнан по фигуре каждой девушки. На голове носили черный платок, повязанный особым образом, чтоб волосы не развевались на ветру при конных выездах. И еще, при выезде за ворота монастыря, они обязаны были надевать маски на лицо, тоже черного цвета. Каждая из девушек, став амазонкой получала личное оружие: облегченный пистолет, выполненный на заказ и клинок, подобный японскому самурайскому мечу. Клинок гораздо легче гусарской сабли, но зато сталь была самого лучшего качества. Но самое главное, хозяйка этого клинка, владела им виртуозно, впрочем, также виртуозно стреляла из пистолета. Много сил было положено на обучение амазонок этому искусству. Теперь же, после того как они стали обладательницами личного оружия, на них ложилась обязанность содержать его в порядке.

Личное оружие, однако, было для амазонок скорее символом, чем средством обороны или нападения, поскольку были обучены они рукопашному бою без оружия. Нанести противнику смертельный удар можно рукой или ногой, и амазонки знали такие удары и могли их применять. Правда, отработывались они на чучелах. Учебные бои с учителем или

друг с другом такие удары, естественно, не предусматривали.

Вот такой был этот монастырь, затерянный в сибирской тайге на берегу неширокой реки. Так вот десять лет тому назад, значит в августе 1809 года, по этой самой реке к причалу, устроенному в полуверсте от монастыря, подплыла парусная лодка, из которой вышли двое военных. Выправку-то не скроешь от опытного глаза. Да они и не пытались скрыть. Зачем. Тайга вокруг, а до монастыря с полверсты, да они и там не собирались таиться. По делу прибыли полковник Потоцкий и штабс-капитан Юдин. Им предстояло принять очередную группу амазонок и доставить в столицу, где должно завершиться их обучение, после чего их будет ждать работа трудная и опасная на благо отечества. А где будет эта работа, пока никому не ведомо.

В монастыре их уже ждали. Настоятельница монастыря сама вышла к воротам встречать гостей. Проводили их для начала в столовую, где накормили и дали отдохнуть с дороги. Ведь не близкий путь проделали. Ну, а ближе к вечеру провели гостей в просторную залу, где уже находилась мать настоятельница, две ее помощницы и старшая из учителей, которая воспитывала амазонок с младых лет, являлась для них руководителем, решала с ними все возникающие проблемы, и они подчинялись ей беспрекословно.

– Я рада приветствовать вас, господа офицеры, – сказала настоятельница. – Сейчас я представлю вам наших вос-

питанниц. Они прошли все этапы обучения и готовы продемонстрировать вам свои умения. Я надеюсь, господа офицеры, что вы всегда будете помнить, что перед вами не только боевые машины, для выполнения особых государственных задач, хотя они этому обучены, но и девушки, основное предназначение, которых – продолжение рода человеческого. Я верю и надеюсь, что рано или поздно, каждая из них сможет устроить свою судьбу.

Офицеры, молча, выслушали ее и, кивнув, в знак согласия, стоя ожидали прибытия амазонок. Первая в залу вышла высокая девушка в обычном монашеском одеянии, которое скрывало фигуру и волосы. Лицо было приятным, детского румянца уже не было, серые глаза смотрели на гостей спокойно и уверенно, в них не было никаких эмоций. Нос прямой, рот маленький, губы чуть припухлые, и вроде бы обычная девушка, но учитывая только что сказанное настоятельницей, возникло странное чувство, исходящей от нее силы. Даже офицеры невольно подтянулись.

– Позвольте представить вам Лилию Рон, – продолжила настоятельница. – Ей недавно исполнилось пятнадцать лет. Спокойна, выдержана, в экстремальных ситуациях способна быстро оценивать обстановку и принимать правильные решения. В группе является лидером. Владение рукопашным боем – оценка восемь баллов, стрельба из пистолета – восемь, владение холодным оружием – девять, метание ножей – девять, верховая езда – десять. Все оценки по

десятибалльной системе. Господа офицеры могут задать вопросы.

– Вы готовы продолжить обучение в столице? – спросил полковник.

– Готова, – спокойно ответила Лилия, без каких либо эмоций на лице.

Лилия ушла и вышла другая девушка в таком же монашеском одеянии, немного ниже ростом. На ее приятном личике играла улыбка, а голубые глаза с нескрываемым интересом рассматривали военных. Глядя на нее, даже штабс-капитан не мог не улыбнуться в ответ.

– Позвольте представить вам следующую выпускницу, – продолжила настоятельница. – Перед вами Валерия Кистенева, пятнадцать лет. Девушка обладает феноменальной памятью, умна, эмоциональна, как вы изволите видеть, и обладает необычайно быстрой реакцией. Неудивительно, что при таких данных, у нее высший балл по всем дисциплинам. Можете задавать вопросы.

– Валерия, вы готовы продолжить образование в столице? – задал тот же вопрос полковник.

– Да! – выпалили девушка, даже не дослушав до конца вопрос. Было видно, что она с трудом сдерживается, чтоб не запрыгать от радости.

Повинуясь знаку, сделанному наставницей, Валерия ушла, а в зал вошла следующая девушка. Она была такого же роста, как предшественница и в том же монашеском

одеянии. Однако, монашеский балахон сидел на ней немного иначе, чем на ее предшественницах. Изящество. Именно это слово приходило на ум, глядя на эту девушку. Не зря говорят, что одежду надо уметь носить. Умение подать себя, вот что важно. Девушка, которая сейчас стояла в зале, сразу внушала симпатию, и не надо было напрягать воображение, чтоб понять, что под монашеским балахоном скрывается великолепная девичья фигура. Ее карие глаза смотрели на окружающих спокойно и уверенно, нос с горбинкой и тонкие очертания рта выдавали уроженку востока.

– Представляю вам Фаину Усманову, – сказала настоятельница, – ей шестнадцать лет. Девушка обладает кошачьей грацией и ловкостью, великолепно ориентируется на местности, может преодолевать препятствия, которые другим не под силу, может передвигаться совершенно бесшумно, не боится высоты, может найти выход в полной темноте. Ее показатели в боевых дисциплинах: стрельба из пистолета – восемь баллов, рукопашный бой – восемь баллов, остальное – высший балл. Можете задавать вопросы.

– Вопрос у нас один, – сказал полковник. – Готовы ли вы ехать с нами в столицу продолжать образование?

– Готова! – последовал немедленный ответ.

Ее наставница кивнула и Фаина ушла. Вошла следующая амазонка. Ростом она была чуть повыше и заметно шире предыдущей, но двигалась так же ловко. Черты лица правильные, можно даже сказать идеально правильные, выдер-

жаны все пропорции. Можно ли назвать ее красавицей? Да, пожалуй, можно, хотя избыточная правильность иногда отпугивает. Черные глаза смотрят открыто, даже слишком открыто, будто говорят: смотрите, какая я простая и открытая девушка. Но во всем ее облике все же угадывается какая-то хитринка. И ведь вроде бы все просто, а нет – где-то спрятана чертовинка.

– Представляю последнюю амазонку этого выпуска, Елену Леонову, – продолжила свою миссию настоятельница. Ей пятнадцать лет, характер спокойный, преуспела в изучении точных наук, имеет склонность к техническим усовершенствованиям различных механизмов. Обладает обширными познаниями в области огнестрельного оружия. Ее оценки: рукопашный бой – восемь баллов, верховая езда – восемь баллов, остальные дисциплины – высший балл. Задавайте вопросы.

– Как смотришь на продолжение обучения в столице? – спросил штабс-капитан.

– Я согласна, – последовал ответ.

На этом завершилось представление амазонок их будущим командирам, ибо они знали с самого детства, что их ждет военная служба в одном из тайных подразделений России, под покровительством самого императора. На другой день состоялись их последние испытания, ибо прибывшие офицеры должны воочию, а не на словах убедиться в умениях своих будущих подопечных.

Амазонки, одетые в свою униформу, собрались в обширном дворе монастыря. Монастырские конюшни были в дальнем углу и амазонки начали испытания с верховой езды. Полковник отметил, что лошади были настоящими, боевыми конями и управлять ими могли только очень тренированные наездники. Все девушки откатали обычные упражнения на отлично, срубив на скаку заранее установленную лозу. Не заметил погрешностей и штабс-капитан, сам опытный кавалерист. Следующим упражнением была стрельба из пистолета. Как уже говорилось, у каждой амазонки оружие было свое, они его чистили и заряжали сами. В качестве мишени был деревянный щит на расстоянии двадцати шагов, в середине которого очертили круг размерами в локоть. Когда все девушки отстрелялись, все четыре пулевых отверстия можно было закрыть ладонью. Полковник не мог скрыть своего удовлетворения результатами.

– Если бы все наши солдаты умели так стрелять! – воскликнул он.

Далее амазонки разбились на пары и показали приемы рукопашного боя.

– Я бы, пожалуй, не рискнул выйти на круг против любой из них, – покачав головой, сказал штабс-капитан.

Следующим испытанием был бой на деревянных саблях, ведь облегченный самурайский меч по форме напоминал казацкую саблю. Тут офицеры с удовольствием наблюдали зрелище, где оценить боевые навыки было довольно труд-

но, поскольку двигались амазонки слишком быстро, зато они насладились самим представлением, словно театральной постановкой. Впрочем, это был действительно постановочный бой, не было нужды выявлять победительниц.

После завершения испытаний полковник сказал короткую речь.

– Уважаемые дамы, нам выпала честь доставить вас в столицу для дальнейшего обучения. В течение последующих двух лет вы будете учиться в Санкт-Петербурге. Вас будут учить дворцовому этикету, геральдике, правилам поведения в светском обществе, общению с аристократами, а также таким малоизвестным наукам, как психология и ей подобные. В результате вашего обучения вы должны стать светскими дамами и чувствовать себя в своей стихии как в высшем свете, так среди простолюдинов. Одновременно вы будете продолжать изучать иностранные языки, вам дадут основы музыкального образования, живописи, литературы. Вы, конечно, не станете ни музыкантами, ни художниками, но сможете поддерживать светскую беседу и даже давать не предвзятые оценки тому или иному творению искусства.

А для того, чтоб за два года вы не растеряли своих боевых навыков, недалеко от столицы оборудован полигон, где вы сможете заниматься не реже двух раз в неделю тем, что вы так прекрасно продемонстрировали сейчас.

И, последнее: завтра утром мы выезжаем из монастыря верхом. За два дня нам надо добраться до Ново-Алексе-

евска, а там оставим верховых лошадей, – их потом отправят в монастырь, – сядем в карету и уже отправимся в столицу, как и подобает благородным барышням и кавалерам. Собирайте свои вещи, у вас должна быть обычная женская одежда, кроме формы амазонок. Монашеское одеяние оставьте в монастыре. У кого проблемы с одеждой, купите ее в Ново-Алексеевске, там же получите деньги на карманные расходы. Если остались вопросы, спрашивайте...

Утром следующего дня кавалькада из шести всадников выехала из монастыря. Путь по тайге не близкий, но дорога к монастырю была, и деревни по пути попадались. Наши путники удивления ни у кого не вызывали, ведь местные жители знали, что неподалеку женский монастырь. Монашки иногда ездили в деревни, да и в город наведывались. Ну а то, что их двое военных сопровождает, тоже не диво. Слухи-то давно ходят, что не простые монашки в этом монастыре, очень даже могут за себя постоять. Ведь в тайге всякий народ случается, много ссыльных отправляли в эти края.

До Ново-Алексеевска добрались без приключений. Не кисейные барышни с кавалерами ехали. А в городе надо было менять обличье, поскольку дальше дорога шла по местам обжитым, хоть и диким. Однако тут уже никто не должен знать, каких девиц сопровождают офицеры. При въезде в город амазонки надели маски, так что прохожие видели только глаза, и вряд ли могли распознать девичьи фигуры. Го-

станица располагалась в центре городка и места в ней были подготовлены заблаговременно: комната на двоих для мужчин, и комната на четверых – амазонкам. Впрочем, амазонками они перестали быть почти сразу, как только переоделись в обычные женские наряды. Ужин им подали в комнате, а после ужина полковник и штабс-капитан, отправились к барышням с визитом. Нужно было озвучить дальнейший маршрут следования, а он был не близкий.

– Так-с! – удивленно воскликнул полковник.

Удивляться-то было чему, возле идеально застеленных кроватей выстроившись в шеренгу, стояли барышни. Лидия стояла чуть в стороне, как и полагалось командиру группы.

– Ваше благородие, амазонки готовы к продолжению следования, – рявкнула она, явно подражая унтеру, который вел у них занятия.

В женском одеянии это подразделение смотрелось несколько комично, и штабс-капитан едва сдерживал смех. Будь на них форма амазонок, можно было восхититься выправкой, но теперь...

– Сударыни, – спокойно сказал полковник, – вы не в казарме и не на плацу. С этого момента все построения отменяются, ведите себя как барышни. Чувствуйте себя свободно и вольготно. Не надо большие казарменных штучек. Подчиняйтесь приказом своего командира и этого достаточно. Теперь, что касается вашей женской одежды. Не в укор вам будет сказано, сударыни, прошу понять меня правильно, но

в том, что на вас сейчас надето, я не могу привезти вас в столицу и представить его превосходительству. Нам придется задержаться в этом городе на несколько дней, пока вам пошьют другие наряды. Придут портнихи и снимут с вас мерки, затем по мере готовности, вы получите и дорожные костюмы и платья для светских вечеров и другие, необходимые женские принадлежности. Запомните, сударыни, что далее в пути следования, вы светские дамы, а не амазонки. А теперь штабс-капитан, выдаст каждой из вас по двадцать рублей ассигнациями, чтоб вы могли скрасить себе ожидание. Побалуйте себя дамскими безделушками, сладостями, но не увлекайтесь. Этих денег должно хватить до прибытия в столицу. Завтра после обеда все свободны, а с утра дождитесь портних.

Штабс-капитан, тотчас выполнил возложенное на него поручение и вручил радостным девицам их первое в жизни денежное довольствие. После чего они с полковником удалились. У офицеров дел было немало, они навестили коменданта местного гарнизона, который был в курсе миссии возложенной на офицеров и обязан был оказывать все посильное содействие. Город был небольшой, да и не было еще в Сибири больших городов. Однако, местная знать имела и балы, и вечера проводились. А как же? Ведь иначе, извините, можно со скуки сдохнуть. А ведь надо еще и дочерей замуж отдавать... Поэтому имелись белошвейки, и не без талантов. Цены на их работу были божеские. Не избалована была Си-

бирь большими деньгами.

Офицеры, конечно, выполнили задуманное. Решили вопросы и экипировкой барышень и с дилижансом на шесть мест, для продолжения пути, а, вернувшись домой, уже поздненько, не забыли и себя порадовать бутылкой рому из местных запасов в купеческой лавке.

А барышни, тем временем бурно обсуждали, как распорядится полученными деньгами. Ведь последние семь лет, они не покидали стен своего монастыря и город произвел на них впечатление чего то огромного и таинственного... Те детские воспоминания, которые у них были до того, как их доставили в монастырь, почти изгладились из памяти. Даже простые действия при покупке товара, могли вызвать затруднения. А общение с незнакомыми людьми? Все непросто и на первых порах нужен хотя бы проводник по незнакомому для них миру. Офицерам это, как видно, в голову не пришло. Правда, мать настоятельница монастыря, провозжая своих питомиц, в светскую жизнь, тоже дала им несколько советов. В незнакомые места ходите парами, в одиночку, даже с вашими навыками вы будете в опасности. В сложных ситуациях, действуйте парами, страхуя друг друга. Но настоятельница монастыря не ограничилась словесным напутствием, и каждая девушка получила небольшую сумму денег, зашитую в их униформу, с наказом использовать ее только в самом крайнем случае.

– Сударыни! – весело воскликнула Валерия, подражая

полковнику, который только что покинул своих подопечных. – Я думаю, что нам нет нужды ждать завтрашнего дня, и предлагаю немедленно отправиться в торговые ряды.

– Лера, а ты знаешь, где эти ряды находятся? – рассудительно заметила Лилия.

– Полковник так раскритиковал нашу одежду... – грустно сказала Елена, – что хочется снова одеться в нашу униформу.

– Ну, нет, – сказала Фаина. – От нас будет шарахаться народ.

– Хорошо, – сказала Лилия. – Только все деньги мы не возьмем. Каждая из нас половину оставит здесь. Нам надо привыкать к окружающему миру, поэтому идем прямо сейчас, но будем держаться парами, оружие не брать. Со мной в паре Валерия. Вернуться должны до темноты.

Спорить с командиром группы девушки не привыкли, они вышли из гостиницы почти вслед за офицерами. Извозчики возле единственной в городе гостиницы стоят всегда, и девушки парами усевшись в коляски, отправились в сторону торговых рядов.

Летом световой день длинный и торговля продолжалась гораздо дольше, чем в зимнее время. Барышни рассматривали наряды. Купить хотелось все, а торговаться они не умели, и хотя по тем временам, десять рублей сумма немаленькая, ей быстро пришел конец. Не удивительно, ведь торговцы быстро сообразили, что имеют дело с богатыми и

бестолковыми барышнями. Правда, совсем нахальничать не стали, опасаясь, что вослед появятся их разъяренные машины...

Фаина нацелилась на большую копченую рыбку, названная которой она не знала, и уже собиралась поинтересоваться ценой, как рыбка вдруг исчезла, ловко сдернутая с прилавка рукой мальчишки – оборванца. Фаина, не менее ловко, успела схватить за шиворот ворюшку и вырвать у него из рук рыбку.

– Пятьдесят копеек, – объявила хозяйка прилавка, увидев в руках у Фаины свой товар. Предыдущую сцену она не успела разглядеть.

Цена была непомерной. Даже мальчишка, услышав ее, перестал дергаться, но потом, спохватившись, завопил тоненьким голосом.

– Пустите, тетенька! Чего я вам сделал?

– Рыбу украсть пытался, – сказала Фаина.

– Неправда! – завопил тот.

– Отпусти мальчика, – хмуро сказала какая-то толстая баба, стоявшая неподалеку.

– Но он же вор! – возмутилась Фаина.

В этот момент пацан рванулся и, оставив в ее руках клоч рубашки, исчез за торговыми рядами.

Фаина заплатила за рыбу и отошла с недовольным видом, а толстая баба, вступившаяся за мальчишку, плюнула ей вслед. Напарница Фаины, Елена потянула ее из торговых

рядов.

– Не надо нам приключений с полицией, – сказала она. – Наши документы у полковника. Да и деньги на исходе. Вот зачем тебе эта рыбина?

– Очень хочется попробовать, – облизнулась Фаина.

Они уже вышли из рядов и направились к площади, чтоб найти извозчика. Покупки в холщевом мешке висели за спиной. Мимо прошли два мужика. Внезапно один из них схватил Фаину поперек туловища и, закрыв ей рот другой рукой, потащил в сторону кустов, на обочине дороги. Другой мужик сильно толкнул Елену в сторону, явно рассчитывая, что та упадет. Но получилось наоборот, почему-то, – а мы уже догадываемся почему, – упал мужик и встать сразу явно не мог. Тот же, который тащил Фаину к кустам, вдруг тоже споткнулся и отлетел от своей жертвы. А жертва уже плавным движением разворачивалась, и женская ножка, вырвавшись из под подола длинного платья, впечатала каблук башмака ему в лоб.

Наверно, некоторые обыватели в торговых рядах видели эту сцену, только никто и ухом не повел. Дела незнакомых барышень никого не касаются. Сами нарываются на неприятности, самим и отвечать. Барышни же, большие не обращающая внимания на сидящих в пыли мужиков, окликнули извозчика, сели в коляску и отправились в гостиницу не дожидаясь подруг.

– Кажется, я порвала платье, – сказала Фаина, когда

они вошли в комнату.

– Тебе не кажется, – ответила Елена. – Эта одежда не предназначена для драк.

– Что теперь делать?

– Ничего, завтра дома будешь сидеть, ремонтировать свою одежду.

Их подруги пришли немного позже и добрались без приключений. Обсуждать это незначительное, на их взгляд, происшествие не стали, поскольку все занялись своими покупками. С шумом и смехом примеряли обновки, оценивая друг дружку, затем, отдали должное рыбине Фаины, и остальным съедобным покупкам. За исключением рыбины, девушки накупили сладостей. Ну что можно было ожидать от пятнадцатилетних девиц.

На другой день с утра пришли четыре белошвейки и стали снимать мерки. Одеть четырех девиц дело не простое и недешевое, однако, если это делать в столице, то расходы возрастут в разы. Работа подошла к концу, лишь перед обедом. Неожиданный визит полковника застал девиц врасплох.

– Предупреждать надо о своем визите, господин полковник, – раздраженно сказала Лилия, набросив на себя жакет. – Вы же сами изволили сказать, что здесь не казарма.

– Извините, – буркнул полковник, – просто хотел вас попросить, при визите в город вести себя более сдержанно: не ловить местных ворюшек и не калечить ширмачей. Не надо

привлекать к себе излишнего внимания. Еще раз прошу извинить...

Полковник ушел, а Фаине пришлось рассказать о недоразумении, возникшем в торговых рядах.

Слухи в городе расходятся быстро, а вот наряды шились медленно. И после нескольких прогулок по городу наших барышень, возле них появились ухажеры, офицеры из местного гарнизона. Возможно, комендант попросил неженатых офицеров о сопровождении молодых неопытных девиц в их прогулках по незнакомому городу, возможно, все получилось само собой. Но наши барышни больше не скучали в ожидании, пока белошвейки закончат свою работу, и их затраты оставшегося казенного денежного довольствия значительно уменьшились.

Между тем, примерки продолжались и их дорожные костюмы, состоявшие из широкой юбки, легкой кофточки и жакета были уже готовы. Естественно, что фасон и расцветка были совершенно разные и барышни не походили друг на друга. Однако, когда они собирались вместе, всем было видно, что это одна команда.

– В этом костюме никакое оружие не спрячешь, – со вздохом сказала Лилия. – Я чувствую себя как-то неудобно. Тем более, что полковник сказал: поездка до Екатеринбурга весьма опасна...

– А вот и спрячешь, – хохотнула Валерия. Она быстро задрала подол своей юбки и показала прикрепленный к бедру

нож в ножнах.

– Доставать-то как будешь? – поинтересовалась Елена. – Юбку задерешь?

– Вовсе нет! – ответила та. Она сунула руку в складки юбки, ловко выдернула нож и помахала им перед носом подруги.

Все уже сообразили, что в складках юбки есть разрез, который и позволяет выхватить оружие за секунду.

– Всем сделать то же самое! – приказала Лилия, и девушки занялись работой.

Время шло, лето было на исходе, а впереди их ждал долгий путь, долгий и опасный. Так их предупреждал полковник, требуя, чтоб они нашли время и место для выполнения, хотя бы минимального комплекса физических упражнений и перестали объедаться сладостями. Полковник надеялся не позднее октября добраться до столицы и передать барышень другим учителям, которые попытаются сделать из них светских львиц. Одному богу известно, что из этого выйдет, а пока он объявил день отъезда из гостеприимного города Ново-Алексеевска.

Дорога в столицу

Вечером перед отправлением полковник снова навестил своих подопечных. В этот раз он предупредил заранее о своем визите и никого не застал врасплох. Был он хмур, но раз-

говаривал спокойно и рассудительно.

– Поверьте, барышни, – начал он. – Если б вы были на конях и при оружии, я без колебаний бы отправился, хоть к черту в ад. Но полученный мной приказ... – тут он хлопнул рукой по столу, – он не допускает иной трактовки. Я должен везти вас в карете, как светских дам! И что нам со штабс-капитаном делать, если вдруг выскочат на дороге десяток разбойничков? Ну, двух-трех мы успокоим, а дальше? Вот вы, мадмуазель, что будете делать, если вдруг перед вами возникнет бородатый мужичище с саблей наголо? – тут полковник ткнул пальцем в Валерию.

Со стороны барышни последовало молниеносное движение к бедру, и в стену влетел нож. Не слабый такой бросок и бородатого мужика, если б таковой был, можно смело сбрасывать со счетов. Полковник был ошарашен. Некоторое время он просто не знал, что сказать, а затем просто ткнул пальцем в Елену. Ситуация повторилась и в стене торчало уже два ножа.

– У меня нет слов, сударыни, – наконец произнес он. – Теперь я готов отправиться хоть в преисподнюю. Выезжаем завтра в шесть утра. И все же, – добавил он, подходя к двери, – подготовьте ваши пистолеты. Они всегда должны быть под рукой, даже в карете. Особенно в карете! – подчеркнул он, выходя из номера. – Очень лакомый кусок для разбойничков, наш экипаж...

К концу второго дня написания повести у меня едва хватило сил добраться до кровати. Выпачканный чернилами с головы до ног, я едва сподобился умыться и рухнул на кровать без сил. В каком виде находился мой кабинет, лучше не вспоминать. Стопку листов – чистовой вариант повести, я сложил отдельно и положил на шкаф. Завтра попрошу Ольгу навести там порядок, нет, не попрошу, а прикажу. Я ведь барин. Вчера наорал на нее ни за что, надо бы извиниться... Или не надо извиняться? Крепостная ведь... На этом мысли в моей голове кончились, я уснул.

4

На следующее утро в шесть, как обычно, я проснулся. Вся, самая трудная работа сделана. К обеду придет Марк, мы с ним сегодня подготовим проект нашего журнала, и завтра с утра отправимся к Денисовым, нашим предполагаемым меценатам. А раз так, пусть сегодня у меня будет незапланированный отдых, хотя бы утром. Я повернулся на другой бок и снова заснул.

А часа, через полтора, когда я еще ни не думал просыпаться, во двор имения въехала всадница. Если бы я это видел, то наверняка решил бы что мне снится сон на тему моей рукописи для журнала. Амазонка, правда, была в белом

наряде, но обличем походила на Валерию. Впрочем, я ведь спал, а всадницу встретила Ольга. Встретила довольно равнодушно, сразу объявив, что барин спит, а будить его она не станет, потому что барин последнее время сильно не в духе. А все из-за соседского помещика, Марка Савельича...

– Чего ты такая неласковая, – спешившись, спросила Полина. – И чем это твой барин так занят, что даже на озеро ездить перестал?

– Уж думаю: порчу на него навели... Ходит по дому, бормочет что-то, а потом садится и пишет. Все пишет и пишет... Рвет написанное и снова пишет. Вот и меня давеча...

Тут у Ольги потекли слезы.

– Неужто побил? – удивилась Полина.

– Лучше бы побил... – всхлипнула Ольга. – Кричал, чтоб на глаза ему больше не показывалась, а ведь всего-то пыталась кабинет его прибрать...

У девушки снова потекли слезы.

– Ладно, – сказала Полина, снова садясь в седло, – передай барину, как проснется, что завтра утром его будут ждать в том месте, которое он знает...

– Как же я передам, барышня, если он видеть меня не хочет...

– Ты дуру-то из себя не строй и из меня дуру не делай! Передай, что я сказала, – крикнула Полина и галопом ускакала со двора.

Проснулся я поздно, зато с чувством выполненного долга. Марк получит то, что я ему обещал и, возможно нам удастся оживить его детище. Умывшись во дворе, я увидел Ольгу, которая протягивала мне полотенце и при этом всячески старалась не смотреть на меня.

– Ты чего это нос от меня воротишь? – спросил я ее.

– Так вы же вчера приказали на глаза не показываться, – пробурчала она.

– Так то же вчера было, а сегодня показывайся! – рявкнул я, изображая барина – самодура.

Ольга хмыкнула и повернулась ко мне.

– Ты чего? Ревела что ли? – спросил я, увидев покрасневшие глаза.

– Так вы же вчера...

– Ну что ты все вчера да вчера, сегодня уже наступило! – сказал я, возвращая полотенце.

– Тут барышня Елисеевых приезжала... – начала мямлить Ольга.

– Какая барышня?

– Старшая... Полина Ильинична...

– Почему меня не разбудила?

– Так вы же...

– Ладно, что сказала барышня? Давай, не тяни кога за хвост, рассказывай!

– Они сказали, что будут ждать вас завтра утром у озера, – быстро протараторила Ольга.

Так, дела идут, девицы мне свиданье назначают, и этот путь ведет к ЗАГСу. Хотя ЗАГС еще не изобрели, значит в церковь. Сегодня у меня дела с Марком, а завтра с утра я и так собирался на озеро. За последние дни напряженной работы мысли и рук, мои чувства к Полине немного поостыли. Впереди маячила творческая деятельность, а любовь... Ну, да одно другому не помеха.

Марк приехал, едва я успел позавтракать. Он был возбужден, поскольку выполнил свою часть работы и горел желанием увидеть мою. Я передал ему листочки с началом своей повести и он почти на час погрузился в чтение.

– Написано хорошо, – сказал он, – но совершенно безграмотно. Отвык ты писать за время службы.

– Ну, естественно, – поддержал я его. – У нас ведь будет редактор?

– Да я отредактирую, не в этом суть. Написано хорошо, но мало, надо дописать вторую главу.

– Э, нет! Надо останавливаться на самом интересном месте. Читатель должен ждать следующий номер.

– Ладно, третейский судья рассудит, – сказал я имея в виду Денисовых. – Сегодня ты забереешь все к себе и готовишь рукописный вариант первого номера, а завтра с утра едем к Денисовым.

Марк, к моей радости не возражал против такого варианта. О своем свидании с Полиной, назначенного на утро того же дня, я, на всякий случай умолчал. Поездка предполага-

лась верхом, и мы назначили место встречи у развилки дорог, одна из которых вела к Елисеевым, а другая, длинная, в именье Денисовых.

После отъезда Марка я задумался о продолжении своей повести и даже взялся за перо, но... Слова о моей безграмотности притормозили мою прыть. Да еще возникла мысль: вдруг наши предполагаемые меценаты забракуют мое произведение? И зачем тогда бумагу переводить? В итоге я завалился, с гитарой в обнимку, на диван. Тотчас объявилась благодарная слушательница Ольга. При ней я мог горланить любые песни из своего мира, вопросов она не задавала, а если что и спрашивала, то можно было просто махнуть рукой. На ответе она не настаивала.

Следующее утро я начал по заведенному распорядку с занятий на перекладине, отжиманиям, боксированием с песочной грушей и другими нехитрыми упражнениями, а затем в привычное время вскочил на свою кобылу и отправился на озеро. Только вот что странно: о купании в озере я совсем не думал и даже импровизированные плавки с собой не взял. Весь короткий путь я думал только о Полине. Странная штука жизнь, два года назад, я страдал по Мальвине, потом была Анна. Обе девушки меня бросили, или как бы это помягче выразиться... Да нет, бросили и все тут. Теперь вот Полина, сама попросила о свидании? Только тут времена другие, надо или свататься или откланяться. Третьего не дано в моей ситуации. А если женюсь, то потом брать ее в

свой мир? Да нет, гуманнее будет оставить тут...

На этом мои размышления кончились, потому что на опушке Полины не было. Неужели ждет на озере? Точно. Сидит на берегу, на стволе поваленного дерева и делает вид, что не слышит ржание моей кобылы, которая похоже уже почувяла своего дружка. Вот будет хохма, если они прямо тут случку устроят... Я подошел к девушке и сел рядом.

– Здравствуйте, Полина. Извините, что заставил вас ждать.

– Да ничего, я сама рано приехала, мы ведь не договаривались на время, – искоса взглянув на меня, ответила она.

Я замешкался, не зная, что говорить дальше. И вообще, о чем говорить с девушкой, которая сама пригласила на свидание. В голове вертелись слова Онегина: «Вы мне питали, я прочел...» Но ведь она мне не писала.. Черт знает, что сейчас надо сказать.

– Ну что же вы молчите, Максим? – наконец, сказала она. – Скажите, наконец, что благоразумные барышни не приглашают кавалеров на свиданье, да еще в такую рань? Вы, небось, не выспались из-за меня?

– Полина, вы ошибаетесь насчет меня. Я уже несколько дней мечтаю вас увидеть. Если бы не Марк... Ну не могу его бросить с его проблемами. Да вы ведь в курсе, наверное.

– Марк мне совсем неинтересен. Он за Надеждой пытался ухаживать... А что у вас с ним за дела?

– Я пытаюсь помочь ему продолжить издательскую дея-

тельность. Да не хочу я сейчас, сидя рядом с вами, обсуждать какие-то дела. Вы мне очень нравитесь, Полина и я хочу насладиться созерцанием вашего волшебного образа.

– Ого! Вот как вы заговорили! А где же вы были последние четыре дня?

– Дома, – пробурчал я, понимая, что сейчас разговор опять вернется к Марку и его проблемам.

– А что ж не приехали? Ведь недалече живем, и приглашали вас. Могли бы наслаждаться созерцанием меня сколько угодно. Признайтесь, вы специально хотели помучить меня!

– Вовсе нет! – совершенно искренне воскликнул я. – Сначала я пытался вспомнить новые романсы, ведь должен же я чем-то привлечь вас. А потом Марк появился...

– И вы забыли обо мне! – продолжила она. – Вот все вы мужчины такие...

– Полиночка! Мы же на первом свидании, зачем нам ссориться, – вкрадчиво сказал я и потихоньку взял ее за руку.

– Действительно, – ответила она и впервые за все время улыбнулась. Руку она не отняла, а я потихоньку придвинулся к ней поближе.

– Полиночка! Послезавтра я обязательно появлюсь у вас...

– Послезавтра!?

– Ну, завтра я обещал Марку... У нас с ним общее дело. Не только его финансовые дела, но и мои тоже не ахти... Поймите, Полиночка, не смотря на все мои чувства, ваш па-

пенька не отдаст вас. Впрочем, кажется, я забегаю вперед. Ведь, я еще не знаю ваших чувств ко мне...

– Так уж и не знаете, – лукаво глянув на меня, ответила она. – Ну, хорошо. Я согласна потерпеть до послезавтра, но вы мне все потом расскажете про ваши дела с Марком.

– Ну разумеется! – воскликнул я. – Если у нас все получится, то я тотчас буду просить у вашего папеньки вашей руки, если, конечно, вы будете согласны.

– Сколько всяких если... А что у вас за дела? Насколько я знаю, Марк – банкрот и издательства у него больше нет, а есть долги.

– Опять мы вернулись к Марку. Я обещаю все рассказать послезавтра, а пока не могу.

Мы провели в разговорах часа два и я, даже, поцеловал ее в щечку, робко, как школьник. А как иначе? Ведь начало девятнадцатого века и роман с благородной девицей. Тут все делается чинно и не спеша. Это с крепостными девками можно не церемониться. Правда я с Ольгой церемонился и продолжаю церемониться, хотя и она мне нравится, и с отцом общаться не надо, и сама не против, только вот ничем хорошим это не закончится. Не хочу я бастардов строгать.

Я проводил Полину почти до их усадьбы, потом мы простились и мне был дозволен еще один поцелуй в щечку. Обратный путь я проделал с легким сердцем и свободными от всяких мыслей мозгами. До встречи с Марком оставался почти час. За это время я успел переодеться в верховой ко-

стюм и позавтракать. Марк уже ждал меня условленном месте, недовольно поглядывая на часы.

– Опаздываете, сударь! – буркнул он. – А путь не близкий.

– К обеду доберемся, – беззаботно ответил я. – Ночевать у хозяев придется, ну не выгонят же они, на ночь глядя.

Сорок верст, даже меньше, пожалуй, мы за три часа одолели, хоть и утомили лошадей. На пышную встречу в усадьбе Денисовых мы не рассчитывали, но ведь русское гостеприимство еще никто не отменил.

Поместье было немаленьким, а прекрасный каменный дом, давал понять, что теперешнее состояние Денисовых не чета моему, а про Марка вообще молчу. Возникла даже мысль, что мы попали к титулованной особе. Однако, прислуга была не в ливреях, да и что делать высшей знати в этих краях, они все в столицах обитают...

Размышления мои были прерваны появлением барыни.

– Проходите, гости дорогие, – с чуть заметной усмешкой произнесла она.

– Здравствуйте, Евдокия Никитична, – с поклоном произнес Марк. – Мы вот ехали мимо, решили заглянуть с дружеским визитом, чтоб лицезреть вас и о делах ваших справиться...

Я слушая охиною Марка, чуть из седла не вывалился.

– Здравствуйте, Марк Савельич, здравствуйте Максим Петрович, – с откровенным смешком, ответила дородная

женщина, Евдокия Никитична.

Рядом появилась барышня: полненькая, невысокая, русоволосая и вся в конопушках. Она несмело взглянула на меня и представилась:

– Варвара... Варвара Ильинична, – поправилась она и сделала книксен.

– Максим, – почему-то с робостью в голосе ответил я, хотя давно уже с девицами робости не чувствовал. А уж с этой серой мышкой и подавно.

Только во взгляде больших темно-зеленых глаз было столько робости, надежды и сомнения, что хотелось защитить ее. Хотя, кто мог обидеть ее в собственном доме.

– Проходите в залу, господа. Вот видишь, Варвара, женихи приехали, сейчас сватать тебя будут, – продолжила хозяйка. То ли юмор у нее такой, то ли действительно от женихов отбоя нет.

А Варвара засмушалась вдруг, и шмыгнула в какую-то дверь, оставив нас втроем в большой зале для гостей. Прислуга захлопотала вокруг стола, а Марк, опасаясь, что его тут же женят, решил взять быка за рога.

– Евдокия Никитична, у меня к вам разговор серьезный имеется, – сообщил он.

– Извольте, Марк Савельич. Пройдемте в мой кабинет, поговорим, пока прислуга на стол собирает... Я почему-то думаю, что разговор наш не затянется.

Зря ты так думаешь: мысленно произнес я.

– А вы, Максим Петрович пока с Варенькой, пообщайтесь, – продолжила она. – Варенька девушка умная, только не всем это хочет показать...

Ясное дело: умный не увидит, дурак не поймет, кто кого за нос водит. Вот только Марку теперь одному придется дело решать. Ну, да журнал у него в руках, а красноречия ему не занимать.

Варенька появилась, словно по волшебству, и выглядела она гораздо наряднее, а ведь и пяти минут не прошло.

– Вы маменьку не слушайте, у нее одни женихи на уме. А я не хочу так... Я хочу, чтоб любовь была. Вот я вижу по вам, что вы в жизни много повидали... А я, хоть и обучалась в Санкт-Петербурге, теперь вот сижу здесь. Дожидаюсь, пока маменька меня замуж выдаст незнамо за кого... Если бы такой, как вы...

– Да, я, собственно, тоже не подарок, – попытался я вставить свой пятак в поток ее откровений.

– А я вот рисовать люблю, – вдруг сменила тему моя собеседница. – Идемте Максим, я покажу вам свои рисунки.

И мы отправились по лестнице на второй этаж в ее мастерскую. Обширная была мастерская, но ширмой разделена на две половины. Во вторую половину меня не провели, очевидно, там находилась незавершенка. А в самом начале мастерской были готовые картины в рамках и без. В основном акварель. Варвара рисовала природу. Нет, натюрмортов не было ни одного, были поляны с цветами и лесом, лошадка,

бредущая по дороге, впряженная в крестьянскую телегу, деревенские избы, осенний лес. На мое восприятие, Варенька явно была талантлива.

В это же время снизу доносились вкусные ароматы жареного мяса и выпечки. Живот мой стал предательски урчать, и я не знал, что с этим поделать. Хотелось досмотреть работы Варвары, тем более, что у меня возникла мысль, сделать в журнале художественную страничку, и есть тоже хотелось. Я сел на стул, сделав вид, что притомился с дороги, а Варвара, тотчас, вручила мне в руки увесистый альбом с ее графическими работами. Тут были портреты разных людей и я, с удивлением узнал Марка. Без автопортрета тоже не обошлось.

Тут явилась горничная и объявила:

– Барыня просят вас спуститься, обед уже подан.

На лице Варвары отразилась досада, но возражать приказу матери она не смела.

– Вы не расстраивайтесь, Варенька, – сказал я ей. – Мы с Марком обязательно посмотрим ваши замечательные картины. Я просто восхищен тем, что видел.

Кстати, я говорил истинную правду. Я действительно был восхищен, только меня сейчас гораздо больше волновал тот разговор между Марком и Евдокией Никитичной. Чем он закончился, я даже предположить не мог. У меня, конечно, не было таких проблем, как у Марка, но на подготовленный журнал я уже смотрел, как на свое детище, и будет обидно

если вся работа пойдет насмарку.

Усаживаясь за столом, я пытался по лицу своего приятеля угадать результат переговоров, но к моему удивлению, Марк выглядел совершенно равнодушным, словно и не было никакой серьезной беседы. По Евдокии Никитичне тоже ничего не было видно. Она была совершенно спокойна и принимала нас как радушная хозяйка. Пришлось и мне держать свое любопытство в узде.

– А Максиму Петровичу понравились мои картины и рисунки тоже! – вдруг выпалила Варвара. – Он сказал, что после обеда продолжит осмотр моих работ вместе с Марком Савельичем.

– Я думаю, что это случится завтра, – спокойно ответила хозяйка, – а сегодня у нас с тобой будет занятие поинтереснее. Марк Савельич сообщил мне, что сегодня они очень спешат, но непременно будут завтра к обеду и обязательно вдвоем.

Последние слова Евдокии Никитичны звучали как приказ, а Марк, весь поглощенный едой согласно кивал головой. Я не стал разгадывать этот ребус, целиком положившись на своего компаньона. Весь обед прошел в дружеской беседе, где о нашем деле не упоминалось ни словом, ни намеком.

Отобедав, мы с Марком тотчас вскочили, ну не вскочили, а залезли, на наших коней и отправились восвояси.

– Ну, рассказывай, – обратился я к нему, едва мы отъехали от ворот усадьбы.

– Пока рассказывать нечего. Евдокия Никитична женщина умная и практичная. Суть проблемы она поняла еще до того, как мы вошли в ее кабинет. Все что я ей пытался донести, она уловила с полуслова. Журнал, нами подготовленный, пролистала очень бегло, и он ее заинтересовал, но... Она сказала, что ей нужно, во-первых: прочитать журнал целиком и очень внимательно, во-вторых: прежде чем что-либо решать, хорошо подумать. Таким образом, она приглашает нас завтра к обеду, где и объявит свой вердикт.

– Справедливо, – заметил я. – Она рискует деньгами и не маленькими. Но, как говорят мои приятели: кто не рискует тот не пьет шампанское... Сам то на что надеешься.

– Ты знаешь, – задумчиво ответил Марк. – Я чувствую, что нас ждет какой-то подвох. Не отказ, нет. Именно, подвох!

Дальше мы ехали молча. Марк был погружен в свои мысли, а я пытался угадать, что кроется за словами Марка. В конце концов, я должен знать: заниматься ли мне дальше сочинительством или начать разрабатывать другую тему, типа изобретения велосипеда. Создание джаз банды с сестрами Елисеевыми, увы, невозможно. Нет, петь-то на банкетах и балах можно сколько угодно, только вот зарабатывать этим нельзя. Не положено-с дворянскому сословию заниматься этим бизнесом. Крепостных эксплуатировать, это, пожалуй-ста, сколько угодно. Служить в армии или по гражданскому ведомству, извольте-с. А больше ни-ни, ну разве что изда-

тельское дело... Попрощавшись на развилке дорог и условившись встретиться завтра в то же время, мы расстались.

Утром следующего дня, после обычной зарядки я на озеро не поехал. Не хотел «случайно» встречаться с Полиной. Поэтому прибыл к развилке даже раньше назначенного времени. Марк был сосредоточен, даже несколько мрачен. Похоже, эту ночь он провел без сна. Я не стал докучать ему пустыми разговорами и мы, пришпорив своих лошадей, неслись к усадьбе Денисовых. Только подъезжая к усадьбе, Марк резко осадил лошадь.

– Рановато мы, однако, – с кривой усмешкой сказал он.

– Разве нам ко времени? – удивился я.

– Нет, но обедать еще рано, – со вздохом сказал Марк.

– Ты, похоже, робеешь?

– Есть немного...

– Поехали. У нас ведь дело, а не сватовство. Чего робеть-то?

А нас уже ждали. Евдокия Никитична, да и Варвара, принаряженные, встречали на крыльце.

– Проходите, гости дорогие, – сказала хозяйка, – сначала в кабинет, дела будем решать, а потом за стол. Отобедаете у нас.

В кабинет мы вошли вчетвером. Небольшая комната: бюро, шкаф, кресло и три стула, причем два стула, явно принесены недавно, очевидно, для нас. Присутствие Варвары,

похоже, Марку не понравилось. Он как-то сразу помрачнел. Меня это тоже удивило, но девушка была совершенно спокойна и даже лучилась какой-то затаенной радостью. Да и сама Евдокия Никитична выглядела довольной. Очевидно, принятое ею решение, устраивало ее полностью. Мало того, она была уверена, что Марку оно тоже понравится.

– Ну, так вот, Марк Савельич, – начала она свою речь. – Мы с вами вчера обговорили положение дел в вашем издательстве. Собственно, оно и не ваше уже. То, что вы предлагаете по его восстановлению мы тоже обсудили, а главное мы прочитали ваш рукописный экземпляр и нам все понравилось. Я имею ввиду, себя и Варвару Ильиничну. А теперь слушайте мое решение. Я выкупаю издательство из долгов и становлюсь его владелицей. Соответственно вы, Марк Савельич, более не банкрот и вам не нужно закладывать усадьбу, чтоб расплатиться. Мало того, я даю вам еще тысячу рублей отступных. Далее, в своем издательстве я назначаю управляющей Варвару Ильиничну, а вас Марк Савельич, – главным редактором. Ваши зарплаты будут зависеть от доходов издательства. Судя по тому, что вы мне принесли вчера, доходы будут. Естественно, за все, что напечатано, авторам будет выплачиваться гонорар. Это уже вас касается, Максим Петрович. Кстати, мы ждем продолжения вашей повести. Варвара даже сделала рисунки к ней...

– Вы так хорошо описали внешность девушек, что я не удержалась, – сказала Варвара, глядя на меня.

Марк сидел, как громом пораженный. Он ожидал подвоха, но явно не такого. Зато мне предложение хозяйки очень понравилось. Надо было сразу предусмотреть такой вариант. У меня чесались руки, хотелось ткнуть Марка в бок, чтоб он не тянул резину, а скорее соглашался, пока Евдокия не передумала. Но ему видно не хотелось быть в подчинении у Варвары. А что делать? Других-то вариантов просто нет. Впрочем, он может жениться на Варваре, тогда все повернется наоборот...

– Вижу, мое предложение стало для вас неожиданным, Марк Савельич, – сказала хозяйка. – Так я вас не тороплю. Сейчас мы сядем за стол, за обедом вы все обдумаете и скажете нам свое решение.

– Вот это правильно, – поддержал я ее, а то молчание Марка стало меня напрягать. В конце концов, кто даст немаленькие деньги под обещание вернуть, когда разбогатею? Я таких чудаков не встречал ни в одном из миров.

Марк видно пришел к такому же выводу и, глубоко вздохнув, сказал:

– Я согласен, Евдокия Никитична.

– Ну, и слава богу, – ответила та.

Мы перешли в обеденную залу, где уже был накрыт стол, но более изыскано, чем вчера. Стояла даже бутылка вина, явно не домашнего производства. Обедали, вначале молча, наверное, хмурый вид Марка не располагал к разговорам. Моя попытка сгладить неловкое молчание успеха не имела. Евдо-

кия Никитична выглядела вполне довольной, а хмурый вид Марка, казалось, ее даже забавлял. Варвару переполняли какие-то эмоции, она порывалась что-то спросить у меня, но наткнулась на строгий взгляд матери и никак не могла решиться.

– Варенька, вы что-то хотите сказать, – прервал я ее мучения.

– Да, Максим Петрович, – тотчас ответила она. – Вы уже дописали вашу повесть?

– Нет, Варенька, – удивленно ответил я. – Я же не знал, чем закончится наша с Марком затея, а писать просто так, в пустоту, смысла нет. Но теперь-то уж я допишу, не сомневайтесь...

– А Полине Елисейевой, вы читали вашу повесть? – продолжила она.

– Нет, когда бы я успел? – снова удивился я.

– А вы можете исполнить романсы, которые написаны в вашем журнале? – продолжила допрос неугомонная девица.

– В нашем журнале, – совершенно спокойно поправил ее Марк.

После этих его слов у меня гора с плеч упала. Как говорил великий комбинатор: лед тронулся, господа присяжные... Далее завязался общий разговор, вино было разлито по бокалам и, естественно, выпито за успех нашего предприятия. Марк, с хозяйкой своего издательства, теперь Евдокия Никитична приобрела этот статус, решили отправиться в Пав-

ловск, прямо завтра, Вареньке было приказано следовать за матерью, а я пообещал присоединиться позже. Моего присутствия там вовсе не требовалось, а в поместье я обещал написать еще две главы для следующего номера. Мои черновики Марк вернул еще вчера.

– Евдокия Никитична, – спросил я нашу хозяйку, когда с обедом было закончено, – а как вы находите нашу задумку с кроссвордом, на последней страничке и публикацией ответов на него в следующем номере.

– Задумка хорошая, да уж больно легко ответы находят-ся, – ответила она.

– Так ведь можно усложнить. Варенька наверняка лучше может придумать!

– Верно. Вот пусть и займется этим, – резонно заметила Евдокия. – А еще, я думаю, название журнала надо сменить.

– Это почему? – нахмурился Марк.

– А ты подумай, – спокойно заметила та. – Почему ты стал банкротом? Потому что читателей стало мало. Старое название – старые читатели. Я не настаиваю, Марк, но рекомендую...

Марк ненадолго задумался, потом тряхнул головой.

– А ведь вы опять правы, – серьезно сказал он. – У вас уже есть варианты нового названия?

– Пока нет, может Максим Петрович выскажется.

У меня спонтанно название возникло: «Роман – газета», но озвучивать не стал.

– Да потом придумается, – равнодушно ответил я, – это же не к спеху. Название журнала, как название корабля, требует размышлений.

Потом мы прошли в другую залу, этого просторного дома и Варвара принесла мне гитару, явно намекая на озвучку романсов. Я, после выпитого и съеденного, и сам был не против блеснуть вокальными талантами. С авторами песен мне, разумеется, не сравниться, да ведь никто их здесь не слышал и не услышит...

Начал я с «Шамаханской царицы» Городницкого, надо сказать, что прослушали с интересом, похвалили за необычный стиль исполнения. Однако, каких-то особых эмоций песня не вызвала. Оно и понятно, песня-то для мужской аудитории. Следом последовал Окуджава: «Капли датского короля». Снова, как я понял, песня никого не зацепила. Я решил: исполню «Кавалергардов век недолог» и пора прощаться. Домой путь не близкий и надо бы попасть засветло. Исполнил, и вот тут я попал в точку и глаза Вареньки заблестели, да и мамаша ее впала в задумчивость. Варвара не собиралась меня отпускать, но я кивнул Марку, который уже давно делал мне знаки, что пора и честь знать.

– Варвара Ильинична, – сказал я ей, – теперь мы с вами будем видеться часто и я своим пением еще успею вам надоесть. Сейчас нам пора по домам. Путь не близкий, а с завтрашнего дня у вас начнется новая жизнь. Поверьте, быть управляющей издательством, это нелегкая задача.

– Вы могли бы переночевать у нас. Свободные комнаты есть, – заметила Евдокия Никитична.

– Нам надо собраться для переезда в Павловск, – сказал Марк, прекращая дискуссию.

На обратном пути Марк уже не выглядел ни мрачным, ни хмурым. Скорее, он был озабочен. Это и понятно, именно так должен выглядеть деловой человек, главный редактор журнала, название которому еще предстоит придумать. Мы условились, что я приеду в Павловск через неделю, за это время он рассчитывал реанимировать издательство помощью денег новой владелицы и определить взаимоотношения с Варварой. Ее должность выглядела несколько двусмысленно. Если есть главный редактор, зачем нужен управляющий? Но с хозяйкой спорить не будешь, а тысяча отступных, душу уже согревает. Я не преминул ему заметить, что Варенька неплохая художница и, вообще, девочка умненькая, никакого банкротства в будущем не допустит. Марк при этих словах скривился, но потом махнул рукой.

– Ладно, начнем новую жизнь, а дальше время рассудит.

На этом мы с ним расстались. Я отправился в свое имение, по дороге продумывая сюжет развития своей повести. Хорошо бы дождаться критики, прежде чем писать продолжение. Оценка Варвары меня, конечно, порадовала, но хотелось бы и литературных критиков послушать или почитать.

Во дворе своей усадьбы встретил Ольгу и, заходя в дом, шутя приобнял ее.

– Как дела твои, девичьи, – спросил ее.

Та удивленно посмотрела на меня.

– Это у вас, барин, дела. А у меня, так...

– Это ты верно, сказала. У Марка теперь дела в гору пойдут, да и мы, может, чуть-чуть разбогатеем. Марк, наверное, на барышне Елисейевой женится...

– На младшей?

– На младшей!

– Так он же для нее старый. Она ему в дочери годится.

– Ну, так и что? Любовь зла... – увидев по глазам Ольги, что эта поговорка ей не знакома, продолжил, – полюбишь и козла.

Тут ее разобрал хохот. Давно не слышал такого смеха. На крыльце появился Прохор.

– Чего это с ней? – спросил он.

– Не знаю. Наверно смешинка в рот попала, – ответил я, а потом добавил. – Я через неделю в Павловск поеду, возможно, надолго. Деньги мне понадобятся, рублей двести, внеси в свою бухгалтерию, как непредвиденные расходы. С продажи урожая восстановишь. Если в городе дела пойдут, то деньги более не понадобятся.

Прохор повздыхал и махнул рукой, потом окликнул Ольгу.

– Слышала. Барин в город уезжают. Отправишься обратно в свою деревню. Эх, никакого толку от тебя...

Ольга посмурилась, сникла и ушла на людскую половину.

Мне почему-то сразу жалко ее стало, девка хорошая и обратно она явно не хотела. Я спросил Прохора, откуда она. Тот ответил: молодая вдова, муж умер, домишко плохонький оставил. Одной трудно будет хозяйство вести, а мужика не может себе подобрать, разборчива больно.

– Я бы с собой ее взял, да ведь грамоте не обучена, – сказал я ему. – А мне грамотного человека надо для моих дел.

– Грамоте-то она, похоже, понимает, но надо у нее спросить, – ответил Прохор. – Прислуга, то вам барин, в городе все равно нужна. Лучше уж свою привезти, чем чужих нанимать.

Поговорив с Ольгой, я убедился, что грамоту она кое-как знает. Может и прочесть написанное, и накарябать ответ, если месяц попрактикуется, можно секретаршей взять... Эх я размечтался... Но ведь Прохор прав, без прислуги не обойтись, местное общество не поймет. Сама-то Ольга согласилась и даже с радостью. Теперь вопрос только: насколько хватит затребованных денег. На носу осень, потом зима. Одежка понадобится. Впрочем, мне же гонорар обещан... Не буду загадывать наперед.

На другой день передо мною встал вопрос: ехать купаться на озеро или сразу к Елисеевым, как обещал Полине. Решил не ломать свой распорядок: ну что я, в конце концов, пацан или мужчина? Сделал обычные упражнения на перекладине, помолотил кулаками подвешенную грушу и отправился на озеро, захватив купальные трусы. Впрочем, захватил я не

только трусы, но и черновой вариант журнала со своей повестью об амазонках, ведь Полине надо объяснить смысл моего отъезда в Павловск, если я имею относительно нее серьезные намерения, то мое участие в делах Марка надо обосновать. Заодно я узнаю непредвзятое мнение о моем литературном творчестве.

На берегу озера купаться расхотелось, прохладный выдался денек, да деваться некуда, ведь пот надо смыть, свидание намечалось. Полез в воду, проплыл до другого берега, вернулся обратно. Только успел вытереться и одеться, как услышал цокот копыт. Вот ведь неугомонная, – подумал я про Полину. Только это оказалось не она, а ее батюшка пожаловал.

– Приветствую, вас Максим Петрович, – сказал он. – Утренний моцион у вас? А я вот, случайно мимо проезжал, решил по бережку прокатиться...

Ага, случайно, мимо... Дочуню свою пасешь... Ну, и правильно делаешь...

– Здравствуйте, Илья Иванович, давно не виделись, а я вот в гости к вам собирался навеститься.

– Так за чем дело стало, давайте сразу и поедем.

– И то верно, – ответил я. – Один мой друг говорил: «Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро... тарам-пам-пам, тарам-пам-пам, на то оно и утро».

– Ха-ха-ха... Веселый вы человек Максим Петрович, – отсмеявшись, сказал он. А у меня дома веселья мало... Слез

больше. Что делать? Бабье царство.

Погрустнел Илья Иванович и повело его на откровения.

– Две девицы на выданье, а с женихами беда. Сначала Марк Савельич к Надиньке ездить повадился, почти до сватовства дело дошло, да тут беда. Прогорело его дело в городе, обанкротился и больше к нам ни ногой. Да и как за него дочь отдавать? Именье того и гляди опишут... Теперь вот старшая, Полина, повадилась к вам на свидания ездить... Как-то неправильно это, Максим Петрович, лучше уж вы к нам. Если, конечно, серьезные намеренья имеете...

– Поверьте, Илья Иванович, у меня намерения самые серьезные. Но прежде мне надо завершить одно дело с Марком Савельичем. И об этом я и хотел сегодня поговорить с Полиной Ильиничной.

– Уж не поэтому ли делу вы ездили вчера к Денисовым?

– Именно так, раз уж вам известно об этом визите, – ответил я, не удивившись осведомленности. – Дело это касается в основном Марка. Его банкротство должно скоро прекратится, а дела должны поправиться. Все это должно произойти в ближайшие месяцы и вам не придется отказывать в его сватовстве.

– Неужели Евдокия деньги дала? Что-то я сомневаюсь. Небось рассчитывает за него Варвару выдать... Нет, тут повременить надо, как бы беды не вышло... – задумчиво рассуждал мой будущий тесть.

Да-а, который уж по счету будущий тесть... Фу, черт, ка-

кие мысли лезут в голову. Впрочем, как говорил один мой знакомый: обещать – еще не жениться. Впрочем, если придется задержаться в этом мире, то жениться надо, а лучшей жены, чем Полина, в округе не просматривается.

– Я пока не могу раскрыть всех подробностей, дабы не сглазить, – продолжил я. – Но с женитьбой дело не связано. А мое участие в нем требует отъезда в Павловск, об этом я и хотел поговорить с Полиной Ильиничной.

– Однако! Какого тумана вы тут напустили... Ну, да ладно, бог вам судья.

Между тем, мы подъехали к усадьбе, где нас уже ждали, несмотря на ранний по местным меркам час. Я действительно тумана напустил, или, говоря языком нашего мира, повесил лапшу. Но не посвящать же его во все подробности.

Полина выглядела хмурой, а Надежда вообще на глаза не показывалась, только хозяйка дома излучала радушие. Я, как и положено, приложился сначала к маменькиной ручке, затем, к дочкиной. Стол был накрыт, но садиться никто не спешил, очевидно, ждали Наденьку, или каких-то особых слов от меня. Однако, просить руки еще время не пришло, здесь так быстро такие дела не делаются. Я увлек Полину к стоящему в углу креслу и заговорил.

– Полиночка, давеча я обещал вам рассказать о своих делах, все как есть. Так вот пришло время. Вчера мы с Марком Савельичем были с визитом у Денисовых...

– И позавчера тоже, – с усмешкой добавила Полина.

– И позавчера тоже, – тоже с усмешкой повторил я и продолжил свой рассказ. – Так вот, дела Марка пошли на лад. Он продал свое обанкротившееся издательство Евдокии Денисовой, и теперь опись имущества ему не грозит. Однако мы твердо обещали издательство оживить и для этого подготовили следующий номер журнала, который должен иметь успех. В новом журнале, у которого еще нет названия, будут странички с короткими смешными историями, стихи тех песен, которые я вам давеча пел, кроссворд, я вам потом объясню, что это такое, а главное моя повесть об амазонках. Да, я стал писать, Полина Ильинична, и в этом заключается мое участие в делах Марка. Впрочем, кроссворды для журнала тоже я придумал. А теперь, чтоб вы не сочли меня болтуном, я покажу вам черновики журнала, вы прочтаете и выскажете свое мнение.

Я сходил на крыльцо, где оставил свою сумку и передал ее Полине, с удовлетворением отметив, что лицо ее прояснилось и меня уже не считают Казановой и прохиндеем. Тут хозяйка пригласила всех к столу, даже Надежда появилась, правда выглядела довольно хмуро поначалу. Но потом, по мере моих красочных рассказов о Марке, его издательстве, уже бывшем, она постепенно оттаяла, а узнав, что он вышел из своего банкротства без потерь и даже с некоторой прибылью и вовсе заулыбалась. Правда, ситуация осталась довольно двусмысленной, теперь он попал в зависимость к Денисовым, а Варвара еще и его прямой начальник. Но и это, как

ни крути, лучше опиши имущества, или долговой ямы. Да, практиковали еще и такой метод в те времена...

На обед у Елисеевых я не остался, но оставил им черновики журнала для ознакомления. Я сослался на необходимость писать повесть, начало которой, просил Полину оценить. Но уезжая от Елисеевых, твердо обещал: прибыть на следующий день к обеду.

5

Приехав домой, я честно собирался начать писать продолжение повести, даже заготовил гусиных перьев, с которыми уже наловчился обращаться. Только вот никак не смог усадить себя за стол, зато придумал для себя отмазку. Ведь черновики у Елисеевых, а я немного подзабыл уже написанное, целых четыре дня прошло. Болтаясь полдня по усадьбе, вывел для себя истину: врать самому себе очень трудно, зато можно самого себя убедить. Ох, что-то я задержался в этом средневековье, хорошо бы домой вернуться. Вот, – представил я себе, возвращаюсь я домой, – а меня там ждет, все честь по чести, полковник Сосновский, а я ему в качестве компенсации сдаю свою крепостную девку Ольгу. Правда, она не из будущего, а из прошлого, ну так уж получилось. Зато девка хорошая, неизбалованная, работающая, научит его лапти плести. А нашим ученым историкам расскажет, как крепостные жили на Руси. Небось, много вранья в наших

учебниках. Нет, жалко Ольгу. Не выжить ей в нашем мире, да и мне туда нельзя, в лучшем случае отправят лес валить, а я там долго не протяну...

Ночью долго не мог уснуть, потом приснились амазонки... Утром попытался вспомнить свой сон, но тщетно. Ладно, что рука напишет, так тому и быть рассудил я. Тут главное усадить себя за стол, взять в руку перо и написать первую фразу. А дальше возникает в воображении картина, и герои начинают действовать самостоятельно. Тут ведь главное, чтоб не оказались в их умелых ручках то, до чего еще не додумались местные Кулибины. Я имею в виду: автомат Калашникова или пулемет Максим. А на самих девиц у меня далеко идущие планы... Ну, да ладно, надо теперь о других девицах подумать: сестрах Елисеевых. Вернее меня занимает только одна из сестер: Полина. Я вот скоро уеду в город, а с ней как быть? С собой ее не возьмешь, она ж не крепостная девка. Женится? Между прочим, обещал ведь...

Проснулся как обычно, только несколько разбитым, полубессонная ночь бодрости не придает, решил на озеро не ездить. Во дворе все есть: и перекладина и колодец с ледяной водой. Короче, к Елисеевым поехал уже в первом часу, а до того обдумывал сюжет продолжения своей повести.

Встретили меня в полном составе: обе сестры и их родители. Все были довольны и прямо излучали доброту и гостеприимство.

– Заждались мы вас, Максим Петрович! – первым начал

хозяин семейства. – Прошу в дом, отообедаем да побеседуем о вашем литературном шедевре...

– Ну, уж, Илья Иванович, вы явно преувеличиваете мои литературные таланты, – скромно ответил я, но его речь меня вдохновила.

Теперь я уже без сомнений ожидал комплиментов от Полины, но она с ними почему-то не спешила. Илья Иванович, заметив наши переглядывания, вдруг махнул рукой и продолжил:

– Женщины в литературе мало что понимают, а я, будьте уверены, уж не пропущу следующий номер вашего журнала.

Следующий номер? Значит Полине моя повесть не понравилась, вот это номер... Да-с. Каламбур, однако, получается. Ладно, послушаем критику сестер.

За обедом сестры говорили на отвлеченные темы, зато их родитель заливался соловьем, расхваливая мою повесть. Страничка с анекдотами ему тоже понравилась, даже о стихах положительно отозвался. Матушка пыталась ему вторить, но вскоре я понял, что она читала не все. Скорее всего, ей просто пересказали содержимое. Страничку с кроссвордом Илья Петрович похвалил тоже, но посетовал, что слишком легко отгадывались слова.

Наконец обед закончился, и мне удалось оказаться с сестрами наедине. Полина видно заготовила целую речь для меня, а Надежда пока хранила таинственное молчание.

– Максим Петрович, – начала Полина, – я понимаю, что

прежде всего вас интересует оценка вашей повести. Ведь так? Я все прочитала внимательно... Понимаю, конечно, что это только начало. Но где интрига? Где любовь, чувства? Ведь у пятнадцатилетних девушек уже все это есть. Пусть даже в монастыре... А уж когда они выехали из монастыря с двумя офицерами, ведь должна же возникнуть, хотя бы у некоторых из них романтическая влюбленность. Неужели вы собрались описывать только погони, драки, стрельбу и прочие гадости? Нет, я понимаю, что по ходу действия возникнут: и злодеи и благородные рыцари, но ведь вы написали уже более десяти страниц, а нет даже намека на романтику...

Суть критики я понял. Дамам подавайте мелодрамы, а то, что я насочинял, годится только мужикам. Только вот беда. Читающих женщин, среди барского сословия, гораздо больше, чем мужчин. Тут есть над чем подумать. Однако, развернуть сюжет в мелодраматическое русло уже не получится. Даже не так. У меня это вообще это не получится. Но... В мои планы некоторые любовные аспекты входят, правда, будут они на втором плане... Да-с. Замечания существенные и надо их непременно учесть. Кстати, в фильме «Гусарская баллада», все боевые действия успешно сочетаются с лирикой. А если пойти дальше, то в романе Дюма «Три мушкетера» там лирика, политика и драки увязаны так, что женщины тоже читают с удовольствием.

Между тем Полина закончила свою речь и теперь ждала моей реакции.

– Вы, совершенно правы, Полина Ильинична, – спокойно заметил я. – После ваших слов, я уж и сам вижу, где сплочивал, но надеюсь поправить дело. Ведь впереди еще немало страниц будет написано. И, если честно, надеюсь на вашу помощь.

Тут моя собеседница явно растерялась. Не рассчитывала она на такой оборот. Видно, думала, будут обиды, сопли, страдания. А я для себя уже решил, что работу доведу до конца, даже если успеха у читателей не достигну. Ну не люблю я бросать начатое, да и Марку обещал. А Полина, которая заготовила вторую половину речи, где меня будет утешать и хвалить отдельные фрагменты повести, несколько растерялась. Правда тут вклинилась в разговор ее сестра. Вот уж кого совершенно не волновал мой писательский дар, да и повесть тоже. Ее интересовал только Марк, его дела. Короче, она ждала вестей от него. Но мне-то сказать было нечего. Какие вести, ведь еще недели не прошло. Он сейчас там вертится, как белка в колесе, восстанавливает свое издательство, вернее передает его в надежные руки Евдокии Никитичны. Варвара, небось, тоже без дела не сидит.

Пока я слушал Надежду и обещал ей, как только что узнаю, непременно сообщить, пришла в голову мысль: ведь вот она, готовая мелодрама. Любовь Марка и Надежды, банкротство Марка – завязка, появление Денисовых и неожиданное спасение, – очень недурное развитие сюжета, а появление Вареньки и внезапно вспыхнувшее чувство у обо-

их – кульминация. Хорошо, что нельзя подслушать мысли. А вот если бы это было возможно, то что бы сейчас было... Кстати, еще один сюжет, для фантастической повести. Можно такой анекдотец сочинить...

Засиделся я у Елисеевых до вечера, Надежда пела чувствительные романсы, начав с «Кавалергардов» Окуджавы. Ну как же-с! Не обещайте деве юной... Потом последовали другие романсы, а я под конец взял гитару и исполнил: «Сиреневый туман». Тоже в тему попал, судя по тому, как загрустила Полина. В свою усадьбу вернулся только к вечеру и сразу же сел за стол, за писательство. Отужинать-то пришлось тоже у Елисеевых. Русское гостеприимство. Да-с!

***Вьюга над полями** (продолжение)*

На следующее утро четверка амазонок грузилась в экипаж. Несмотря на женские дорожные костюмы, состоявшие из приталенной кофты и широкой юбки, барышнями их назвать, язык не повернется. Слишком деловой и уверенный вид, слишком отточенные движения, а уж то, как они входили в экипаж... Этому могли позавидовать бойцы разведроты элитного полка.

«Черт знает что, – думал полковник, неволью любуясь грацией и сноровкой своих подопечных, – ну вот как из них сделать кисейных барышень? Впрочем, это не моя задача. Мое дело доставить их в столицу». О чем думал штабс-ка-

питан, мы не знаем, он отвечал за погрузку багажа, которого оказалось немало. Ну, это по объему немало, а по весу сущие пустяки.

Лилия Рон, тоже наблюдала за своей командой и была ответственной за боеготовность своей группы. Вчерашнюю речь полковника она восприняла, как руководство к действию, и теперь у каждой девушки, кроме ножа, спрятанного на бедре, под рукой был заряженный пистолет.

Вот такой экипаж, запряженный шестеркой лошадей выехал из Ново-Алексеевска ранним августовским утром. В те времена в одиночку не ездили даже экипажи, обязательно были попутчики и конные, и на телегах, и в карете. А все потому, что разбойничали на дорогах. В глухой тайге летом лихие люди чувствовали себя вольготно. Нападения на отдельные экипажи были не редки. Можно, конечно, нанять вооруженный конвой, но ведь это стоит денег. Многие надеялись на русский «авось», другие надеялись отбиться от ватаги не слишком умелых ширмачей.

Наш экипаж, однако, выехал без всякого сопровождения, а все потому, что полковник имел устный приказ: как можно меньше привлекать постороннего внимания к барышням, которых ему надлежало доставить. А как можно не привлечь внимания к девицам из экипажа, если они будут двигаться в сопровождении солдат или гражданских лиц? Никак невозможно. Поэтому и катил экипаж в одиночестве по дороге среди таежной глуши. И полковник, и его боевой то-

варищ знали, что разбойничкам наверняка сообщат о столь лакомом куске, движущемся в направлении Екатеринбурга, до которого не один день пути. Значит, к вечеру надо ждать засаду, дай бог единственную.

Экипаж бодро катил по накатанному тракту, внутри было вполне комфортно и девушки дремали, откинувшись на подушки. Действительно, сколько можно глазеть в окно, все равно пейзаж один и тот же. Тайга-с. Штабс-капитан тоже стал клевать носом, только полковника не отпустило предчувствие неприятности, если вполне ожидаемое нападение разбойников можно назвать неприятностью.

Снаружи послышалось ржание и цокот копыт, экипаж остановился. Штабс-капитан выхватил пистолет и двинулся к выходу, но полковник жестом остановил его, сам открыл дверцу и вышел держа пистолет в руке. Возле экипажа гарцевал гусарский офицер, чуть в отдалении были еще двое верховых в солдатской форме. Оружия в руках не было и на нападение это никак не походило. Полковник тоже убрал пистолет. Офицер приложил два пальца к козырьку.

– Поручик Корсаков, – представился он, – прибыл по приказу его превосходительства, сопроводить экипаж.

– Полковник Потоцкий, – несколько удивленно ответил полковник. – Тогда почему мы стоим...

– Прошу прощения, господин полковник, – улыбаясь во весь рот, ответил поручик, – но здесь в двух верстах есть

постоялый двор. Рекомендую заночевать там. Дело идет к вечеру, да и лошадям требуется отдых.

Поручик был прав, и постоялый двор сейчас был бы очень кстати. Только вот не ожидал он здесь встретить жилье. И в городе, когда он выезжал по этой дороге, комендант говорил ему, что до ближайшего поселка около ста верст, а это значит, что прибудут они только к ночи. Но поручик и сопровождавшие его всадники выглядели вполне дружелюбно, во всяком случае, на разбойников с большой дороги не походили.

Поручик спешил и помог кучеру развернуть экипаж на дорогу, отходившую от основного тракта. Погода была полетнему теплой и девушки, воспользовавшись заминкой, вышли из экипажа. Поручик просто расцвел, и, не скрывая восторга, приложился к ручке каждой из дам. Экипаж развернули, и барышни снова вернулись на свои места. Лилия с сомнением посмотрела на полковника, словно спрашивая, все ли в порядке. Полковник и сам был в недоумении, но воевать с тремя гусарами, которые даже не пытались прикоснуться к оружию, было глупо. Некоторое время ехали молча.

– От поручика пахнет костром, – вдруг сказала Валерия. Тут полковника осенило.

– К оружию! – крикнул он. – Это ловушка!

Но экипаж уже остановился. Полковник выскочил первым, Лидия не спешила выходить и не давала амазонкам команды на выход. В окна экипажа было видно, что сто-

ит он на небольшой поляне, а вокруг со всех сторон лес и возле деревьев около двух десятков вооруженных ружьями и пистолетами мужиков, а к поясу каждого подвешена сабля или длинный нож. Вот такая диспозиция. Весь экипаж представлял из себя одну сплошную мишень.

– Всем на выход, пистолеты не брать! – скомандовала она.

Впереди всех стоял здоровенный бородатый мужик, гусарского поручика и кучера вокруг не наблюдалось, два мужика сноровисто выпрягали лошадей из экипажа.

– Господин хороший, – спокойно сказал бородач, – ты пистолетик-то брось и товарищу своему скажи, чтоб не шалил. Тогда, может, и поживете еще. А то ведь начнут палить мои ребята и тебя угробят, и в девках лишних дырок наделают. Тебе ведь это не надо?

Полковник плюнул, но пистолет бросил. Стрельбу сейчас устраивать бесполезно, перестреляют. Позиция проигрышная, хорошо, что амазонки вышли без оружия. Вернее их оружие надежно спрятано.

– Ну вот, так-то лучше, – спокойно сказал атаман. – Девкам твоим мы работу найдем, а вот насчет вас, подумать надо. Бежать не советую, нас тут две дюжины, враз поймаем, тогда уж не обессудь, сразу кончим. Да и куда тут бежать? Зверья в лесу много...

В это время лошадей уже выпрягли и отвели на край поляны, где кстати виднелись землянки, а перед одной из них

стоял настоящий стол. К нему и направился атаман, а два его подручных повели туда полковника.

Амазонки вышли из экипажа и кучкой стояли в сторонке, наблюдая за происходящим. Штабс-капитан, стоял рядом и чувствовал, что эти четыре девушки сейчас представляют собой боевой механизм и готовы проложить дорогу сквозь ряды разбойничков, ждут только приказа.

– Их слишком много, – тихо сказала Лидия. – Надо уполномочить. Поиграйте с ними в прятки, что ли. Каждая должна спрятать троих.

Атаман сел за стол, полковника усадили подручные, предварительно обыскав и отобрав кошелек и кинжал, спрятавший в рукаве.

– Что-то девки у тебя больно спокойные, – задумчиво сказал атаман. – В обморок не падают и в ногах у меня не валяются... Ты где таких взял, господин хороший.

– А ты кто такой, чтоб я с тобой говорил? – зло ответил полковник.

– Я атаман Кубарь!

– Полковник Потоцкий! – представился полковник.

– Не борзей полковник, – продолжил атаман. – Не в том ты положении, чтоб борзеть. Скажи лучше, какой выкуп дадут за твоих девок. Мои ребята, конечно, их маленько помнут, врать тебе не буду, но не до смерти. Сдадим их маменькам и папенькам в полном здравии, но не бесплатно, сам понимать должен.

– Будут тебе деньги, атаман, но и ты попридержи своих.

Надобно тут замечание сделать в скобках. Ведь для светской барышни, глухой лес, что зверь косматый. Светская барышня, оказавшись в лесу, да еще с разбойниками тотчас бы чувств лишилась, да и этим бы дело не ограничилось. Совсем другое дело барышни из таежного монастыря, которые с детства к лесу привычные. А если учесть, что их обучение боевым умениям проходило большей частью в лесу, где и отрабатывалось, также, нападение разбойников, становится понятным их хладнокровие. То, что противник превосходит их числом, – это минус. То, что он не превосходит их в умениях, – это плюс. Но самый большой плюс, – это то, что противник не имеет понятия, с кем связался.

В этот момент атаман снова удивился. Барышни, вместо того, чтоб держаться кучкой пищать и плакать, вдруг разошлись в разные стороны и углубились в лес. Разумеется, возле каждой из них тотчас появились два-три бородастых мужика с радостными возгласами. Ведь добыча сама идет в руки, в буквальном смысле.

Четверо разбойников шустро потрошили экипаж, безжалостно обращаясь с багажом барышень и сопровождавших их офицеров. Лошадей уже выпрягли, а громоздкий экипаж стоял посреди поляны. Обыск его долго не продолжался, ничего ценного в багаже не нашли, только небольшой запас продуктов. Команда досмотра подошла к атаману и начала шумно выражать неудовольствие. Ну что за добыча!

Ни денег, ни золота, одни тряпки в багаже. Атаман, правда быстро их успокоил: за барышень будет выкуп, а экипаж уж сам по себе денег стоит...

Тут атаман вдруг спохватился, что-то из леса не слышно ни криков, ни гиканья. Тишина какая-то нехорошая, и отправил он двух своих орхаровцев проверить товар, то бишь барышень, да приглядеть, что б там не слишком того... не испортили товар.

Когда Лера отошла от экипажа, к ней направились сразу два бородатых мужика, а когда она, не обращая на них внимания углубилась в лес, появился еще один. Это был совсем молодой парень с жиденькой бороденкой, но на поясе у него висел палаш. Очевидно больше для устрашения, поскольку телосложения он был хилого и едва ли мог хорошо управляться с таким оружием. Лера сделала шаг в сторону, чтоб избежать неминуемой встречи с ним и здоровый бородач, шедший за ней, проскочил вперед. Она, подставив ему подножку, чуть толкнула вперед и в результате он влетел прямо в молодого парня. В тот же миг, выхватив нож, она ударила им снизу вверх третьего мужика, который пытался схватить ее за плечо.

Все дальнейшие ее действия заняли считанные мгновения: уклонившись от падающего тела, она метнула нож в здорового бородача, попав ему в горло. Последний ее противник, молодой парень, стоял не в силах шевельнуться.

– Ты кто, – прошептал он побелевшими губами.

– Монастырские мы, – усмехнулась Валерия.

Не обращая на парня внимания, она извлекла нож, вытерла его об одежду убитого, и спрятала в складках своей дорожной юбки.

– Беги отсюда подальше, и не вздумай орать, а то рядом положу, – сказала она парню, кивнув на двух, уже переставших хрипеть разбойничков.

Два раза повторять ему не пришлось. Быстрая и страшная смерть двух здоровенных мужиков от руки девицы, в которой окровавленный нож смотрелся совсем нелепо, помутили рассудок парня, и он бросился в лес, без звука и не оглядываясь. У остальных девиц дела шли аналогично. Лилия и Фаина положили еще четверых разбойничков, а Лена успокоила троих, даже не доставая нож.

Подручные атамана из леса не возвращались, а через некоторое время началась стрельба. Атаман жестом отправил еще двоих на выяснение непоняток. Теперь уже он явно выглядел обеспокоенным. Возле него стояли двое его подручных с пистолетами в руках и крутили головами во все стороны. Атаман пока оружие не доставал, демонстрируя свое превосходство, а полковник со штабс-капитаном обменялись быстрыми взглядами. Они уже догадались, что происходит в лесу и готовились вступить в схватку. Вот только силы были неравны: двое безоружных, против четверых вооруженных. Но ситуация менялась на глазах.

Раздались еще выстрелы и трое разбойников, окружав-

ших своего вождя упали на землю. Дырки в голове шансов на выживание не оставляли. Исключения, конечно, бывали, но не в этом случае. Тут атамана вдруг осенило.

– Монастырские девки! – завопил он.

Спротивляться офицерам, которые метнулись к нему, атаман и не помышлял. Наоборот он упал в ноги и завопил.

– Не погубите, отцы родные! Бес попутал!

Больше со стороны разбойников никакого сопротивления не было. Пятеро безоружных разбойников вместе с атаманом Кубарем, стояли возле экипажа и тряслись от ужаса, словно малые дети перед сказочным чудищем. Но чудища не было, а перед ними стояли вполне благопристойные девицы и два офицера в гражданской одежде. Атаман клялся всеми святыми, что никогда бы не напал на экипаж с девицами, если бы его не сбил с пути гусарский поручик, который недавно прибил к ним и обещал богатую добычу. Кстати, поручика давно и след простыл. После того как экипаж заехал на поляну его никто не видел.

Все это действие заняло не более двух часов, атаман уже божился что до настоящего постоянного двора они успеют доехать засветло. Естественно, разбойнички очень быстро впрягли в экипаж самых резвых лошадей, привели в порядок багаж амазонок, вернули деньги офицерам и проводили своих несостоявшихся жертв на тракт.

К постоянному двору в большом селе они прибыли затемно, но, тем не менее, хозяин разместил их достаточно ком-

фортно в трех комнатах по два человека. Платил за по-
стой полковник и не скупился. После такого приключения
полагался отдых, но увы, надо было спешить. Да и барышни
готовы были терпеть неудобства, лишь бы не затягивать
путешествие. До следующего города Белозерск было двести
верст, но полковник выяснил, что по пути, есть где заноче-
вать и выехали с раннего утра не мешкая. Теперь у них в хо-
зяйстве добавились две заводные лошади, – взяли в качестве
контрибуции у Кубаря, – и капитан с полковником иногда
ехали верхом, дабы избежать еще одной засады.

Насколько эффективна конная разведка перед движу-
щимся экипажем, судить не будем, но за два дня добрались
до Белозерска без происшествий. А в городе решили остано-
виться на сутки. Отдых все же нужен и людям и живот-
ным, да и экипаж требовал осмотра на предмет исправно-
сти снаряжения и ходовой части. Дороги-то были грунто-
вые и, хотя дождей пока не было, колеса телег и карет, да
и копыта лошадей разбивали их нещадно.

Полковник объявил своим подопечным, что в течение су-
ток, они могут отдыхать, как им заблагорассудится, но в
городе гулять только парами. За всех отвечает Лилия Рон.
Собственно, в своей короткой речи он ничего нового не сооб-
щил. Сам же он, вместе с капитаном, навестили коменда-
туру города, дабы узнать обстановку в округе. До обыва-
телей-то не вся информация доводится, да и многие детали
жизни города и области обывателям неинтересны. Главное

порядок в городе и отсутствие разбойного люда в окрестностях. Ну, а полковник выяснял как быстрее и без приключений добраться до Екатеринбурга. Дальше-то все будет проще. За Уралом и народу побольше проживает, и дорог больше, да и не тайга уже, а лес. Хотя понятие это условное...

Ближе к вечеру он вместе со штабс-капитаном решили поужинать в корчме. Взяли бутылочку рому, хорошую закуску, чтоб отметить самую трудную часть пути. Однако полковник вдруг замер, не успев донести рюмку до рта, – штабс-капитан-то успел замахнуть и вторую налил, – а полковник так и сидел, выпучив глаза, словно перед ним появилось привидение.

Только, появившийся перед ним гусарский поручик Корсаков, привидением не был, и всем своим видом показывал, что несказанно рад встрече, явно напрашиваясь на приглашение сесть за стол.

– Поручик! Как вы посмели появиться здесь! Я немедленно прикажу вас арестовать, – воскликнул полковник.

– И совершите ошибку, – спокойно ответил поручик. – Вы позволите мне присесть за ваш стол?

– Это черт знает что, – ответил полковник, махнул рукой в знак согласия и осушил свою рюмку.

Поручик подозвал официанта и потребовал еще один прибор.

– Я всего лишь выполнял приказ его превосходительства, – спокойно сказал он офицерам. – И, между прочим,

именно это я вам сказал, перед тем как направить вас в разбойничье логово.

– То есть, это нападение разбойников было подстроено заранее? – уточнил штабс-капитан.

– Именно! Именно так звучал приказ его превосходительства, – продолжил поручик. – Но вы не беспокойтесь, разбойники были самые настоящие, и то, что ваши барышни с ними сотворили, не будет иметь никаких последствий.

– И все равно, – хмуро сказал полковник, – это черт знает что...

– Ну а как бы вы хотели, господин полковник, – снова сказал поручик, лихо замахнув рюмку рома, не спрашивая разрешения на этот раз. Было видно, что он тоже пытается снять возникшее напряжение. – Его превосходительство должен был лично убедиться... Ну, хорошо, не совсем уж лично... Короче, господин полковник, ваши подопечные экзамен выдержали с оценкой отлично.

На некоторое время за столом воцарилось молчание. Офицеры пили ром и закусывали переваривая полученную информацию. «Конечно, – думал полковник, – его превосходительство имеет полное право экзаменовывать поступающих на службу амазонок. Но ведь не таким зверским способом! Хотя...» Тут мысли полковника приняли другой оборот. Обучение и содержание этого странного, на первый взгляд, подразделения будет стоить немалых денег. Но может и доход принести немаленький.

– И все же позвольте, поручик, дать вам совет. Не показывайтесь на глаза нашим барышням. Вы можете не успеть сообщить им о вашей странной миссии. Они прекрасно стреляют и бросают ножи, причем никогда не промахиваются.

– Я надеюсь, господин полковник, что вы сообщите им о моей роли в этом спектакле.

– Не уверен, что нужно это делать, – ответил тот. – Скажу больше, я не стану этого делать, дабы не бросить тень на его превосходительство. Так что, примите мои слова к сведению. Вы ведь, кстати, тоже рисковали... да и сейчас рискуете.

– Пожалуй вы правы, Михаил Юрьевич, – после некоторого раздумья ответил поручик. – Тогда позвольте откланяться, не буду больше докучать вам своим присутствием. Возможно, нам еще придется встретиться в столице, ведь мы служим по одному ведомству.

Поручик ушел, а у полковника остался на душе осадок. Слишком грубой была проверка, ведь могли быть и жертвы не только у разбойников.

Пока офицеры были заняты служебными делами, барышни тоже не скучали. Они навестили городские продуктовые лавки и беззаботно потратили оставшиеся деньги своего первого жалования.

– Я думаю, что за ликвидацию банды разбойников, могли

бы нас и отблагодарить отцы командиры, – Валерия озвучила мысль, которая витала в головах амазонок.

– Думаю, что до Екатеринбурга ничего не дождемся, – вздохнула Фаина.

В этот момент во дворе раздался пистолетный выстрел, затем следующий.

– Это местные офицеры забавляются, – сказала Елена. – Меткость свою показывают, а победителю приз... немаленький.

– Может и нам поучаствовать? – неуверенно протянула Валерия.

– А что?! – сказала Лилия. – Запрета на такие развлечения не было... Лера идем со мной, попробуем, остальные только наблюдателями.

Во дворе зрителей собралось достаточно, да и участников было около десятка, причем не только офицеры. Правила были просты. Мишенью являлось установленное на плахе полено. Надо было сбить его выстрелом из пистолета с пятнадцати шагов. Каждый стрелок ставил на кон пять рублей, – деньги надо сказать немалые, – и производил выстрел. Промахнувшийся выбывал из соревнований, те кто попал, шли на второй круг, и так далее. Победитель забирал все.

Когда появились барышни, зрители уже вошли в азарт, и формировалась следующая группа стрелков. Однако, когда Валерия пожелала участвовать, мужчины решительно

воспротивились.

– Ваше место в первом ряду, сударыня! – сказал ей майор с лихо закрученными усами. – Дамам пользоваться оружием армейский устав не позволяет.

– Да пусть участвует, – заметил пехотный капитан. – В уставе, кстати, ничего про это не сказано.

– Кстати мы не на службе, – добавил поручик, – а банк увеличить никому не возбраняется. Несите денежку, сударыня.

Майор с неудовольствием посмотрел на поручика, но промолчал, а Валерия вложила в казну пять рублей.

– Ну, что ж, мадмуазель, извольте стрелять первой, – насмешливо сказал майор. – Оружие у вас имеется?

Лилия уже протянула Валерии ее пистолет, и та сразу же навскидку выстрелила. Полено слетело со своего пьедестала. Раздались хвалебные возгласы. Впрочем, в них явно чувствовалась фальшь, все были уверены, что это чистая случайность.

Дальнейшие соревнования закончились предсказуемо. Амазонки разбогатели на сорок рублей, а раздосадованные стрелки отправились в харчевню заливать проигрыши вином.

Утром, перед отправлением в дальнейший путь, полковник снова выразил им свое неудовольствие.

– Сударыни, вы опять засветились! Если и дальше так пойдет, то слухи о вас, долетят до столицы, раньше мы туда приедем. Я же просил вас...

– А как же тот случай с разбойниками? – хмуро возразила Лидия.

– Ну, хорошо. С разбойниками вы поступили правильно. И все же я прошу вас...

– Да мы просто поправили наши финансовые дела, поиздержались ведь в дороге, – объяснила Валерия. – Большие не будем...

– Шила в мешке не утаишь, Михаил Юрьевич, – усмехнулся штабс-капитан.

Полковник и сам понимал бесполезность своих увещеваний. Единственное, что он мог сделать, это как можно быстрее доехать до столицы.

До Екатеринбурга добрались без приключений. Да и довольно бы уж и того что было. В этом городе полковник планировал задержаться дня на два-три. Утомительна дорога для молодых барышень, даже для монастырских. Да и офицерам не помешала бы передышка. Устроились на постоя в городской гостинице, но не как в Белозерске. Все барышни поместились в одном большом номере.

– Пусть отдохнут пару дней, – сказал полковник своему товарищу. – Иначе потеряют свой цветущий вид, да и еще неизвестно, какие сюрпризы нас ждут впереди. А чтоб больше ничего не учудили, есть у меня одна идея...

Полковник постучал к барышням, все честь по чести, и вошел, только получив разрешение. Пора дамам привыкать к светскому обращению. Барышни уставшими не выглядели

и явно готовились к посещению торговых рядов.

– Ну вот, – сказал он потирая руки. – Дорогие дамы, мы проделали большую часть пути и заслужили небольшой отдых. На завтра и послезавтра все свободны. Но у меня к вам настоятельная просьба: достать ваши монашеские одеяния и в город выходить только в них. Поверьте, сударыни, это в целях вашей же безопасности. Чем неприметнее вы будете выглядеть, тем меньше привлечете к себе внимание мужского населения. Здесь довольно много военных и мастеровых людей, а вот женщин наблюдается недостаток. Зачем вам назойливые кавалеры? Скоро вы окажетесь в столице, а уж там-то у вас не будет недостатка в поклонниках. На этом позвольте откланяться, однако, при возникновении каких-либо проблем, обращайтесь.

Полковник ушел, оставив своих подопечных в глубоком унынии. Барышни были наблюдательны и уже сами догадались, что обзавестись ухажерами здесь можно без затруднений, а легкий флирт пороком не является... Но, просьба полковника, по сути, являлась приказом и ослушаться они не могли.

– Вообще-то, использование нами монашеского одеяния, неправомерно, – заметила Фаина. – Поскольку мы покинули монастырь для прохождения учебы в светских заведениях, то монашками больше не являемся. Если местные священники заинтересуются к какому храму или монастырю мы принадлежим, что нам отвечать? Пусть господин полков-

ник пояснит...

– А ведь ты права, – сказала Лидия. – Я сейчас же отправлюсь к нему и выясню наш статус.

– Не ходи, – равнодушно сказала Елена. – Нет сейчас у нас никакого статуса. В данное время мы являемся детьми, которых сопровождают взрослые дяди. Вот в столице, когда нас определяют в учебное заведение, появится статус. А пока придется выполнять указания старших.

На этом обсуждения закончились, девушки достали из багажа свои монашеские балахоны и начали приводить их в порядок. От прогулок они отказываться не собирались, когда еще им придется побывать в столице Сибири Екатеринбург. Да и придется ли? А у Елены Леоновой были и свои причины побродить по городу. Ведь это был ее родной город, восемь лет назад именно отсюда ее забрали и привезли в монастырь. Ее память хранила обрывочные воспоминания о детстве. Но среди этих обрывков она хорошо помнила дом и улицу, где жила, когда у нее были родители... Потом оказалось, что и не родители вовсе. Понять все своим детским умом она не могла, но когда она вдруг нашла их мертвыми... Детская психика стирает некоторые картины из памяти. Вот и теперь в памяти Лены остался только дом, ворота и лицо женщины, которую она считает своей матерью, кто бы что ни говорил...

Две монашки, Елена и Лидия, вышли из пролетки прямо посреди липовой аллеи, за которой виднелись дома. Они рас-

платились с извозчиком и медленно пошли по дорожке среди огромных лип. Был вечер и редкие прохожие оглядывались на молоденьких монашек, раздумывали, к кому это они пожаловали.

Лена вдруг быстро подошла к большому двухэтажному дому, прикоснулась рукой к калитке и замерла, не решаясь войти или постучать. Прошло, наверное, несколько минут, ее подруга стояла рядом, не выказывая нетерпения, она, вообще, не выказывала никаких чувств.

Калитка отворилась и вышла взрослая женщина, лет сорока, может и более. Одета была, как все горожанки: длинная юбка и кофта, обтягивающая полную грудь. Две монашки в своих черных балахонах смотрелись чужеродным явлением в этот теплый сентябрьский день.

– Вы к кому? – спросила женщина.

– К Леоновым, – замешкавшись, ответила Лена.

– Наверное, вы ошиблись, сестрицы, – покачала головой женщина, – на нашей улице таких нет.

– Наверное... – тихо ответила Лена и, повернувшись, тихо побрела прочь.

Подруга последовала за ней. Они, молча, брели улицей, не задумываясь о направлении, и вышли к берегу реки. Лена смотрела на текущую воду и молчала, Лидия ни о чем не спрашивала. Иногда, человеку не надо докучать вопросами, придет время и он сам все расскажет, а может и не расскажет. Она знала, что подруга пришла на встречу со своим

детством, и поняла, что встреча не состоялась. Так часто бывает, особенно в молодости.

Девушки просто сидели на берегу и смотрели на воду. Говорят, что смотреть на текущую воду можно бесконечно. Сзади послышались шаги, Лилия обернулась. К ним подходил крупный мужчина в красной косоворотке, подпоясанный тонким ремешком. На вид ему было около пятидесяти, шевелюра была уже с проседью, да и на бороде проблескивала седина. Шел мужчина неторопливо, словно прогуливаясь, наверное, так оно и было. «Купец, не иначе», – подумала Лилия.

– Издалече идете, христовы невесты? – спросил он, присаживаясь рядом.

– Издалече, отец родной, издалече, – спокойно ответила Лилия.

– И откуда же вы такие молоденькие да еще одни?

– Из Белозерска мы, – охотно пояснила Лидия. – Вот пришли родню навестить, да только нет уже ни кого. То ли съехали, то ли бог прибрал...

– Долгий путь проделали, теперь назад возвращаться надо. А ночевать-то где будете, сердешные?

– Так, на постоялый двор сейчас пойдем, деньги на постой имеем...

– Зачем вам постоялый двор, можете у меня переночевать. Хозяйка у меня добрая, хлебосольная, места в доме достаточно...

– Спасибо, благодетель, только нельзя нам. Мы уж пойдем, подскажите лучше как нам извозчика найти.

– Да чего там искать, сам я вас и отвезу. Идите за мной. Вы пока с хозяйкой чайку попейте, а я лошадь запрягу. Время еще не позднее...

Девушки поднялись и пошли за мужчиной. Неосмотрительно поступили, конечно, но никакой угрозы от этого мужчины не исходило, да и предложение выглядело заманчиво, к тому же и дом его был совсем рядом. Хозяйка, крупная женщина, под стать своему мужу приняла их, не то чтобы с радушием, скорее с равнодушием.

Девушек усадили за стол, хозяева удалились на кухню, очевидно, мужчина рассказывал о них своей жене. Лилия вдруг поняла, что они даже не познакомились, и когда хозяйка стала накрывать на стол, она представилась сама и представили свою подругу. Хозяин кивнул и сказал:

– Меня зовут Федором, а ее Пелагея. Сейчас я пойду кобылу в коляску запрягать, а вы пока чаевничайте.

На столе, тем временем появились две чашки чая, сахарница с кусочками сахара и плюшки, выпеченные, по всей видимости, еще утром. Несколько непривычный вкус чая, девушек не насторожил, в монастыре часто добавляли в чай травы. Поэтому когда окружающая действительность стала расплываться перед глазами, Лилия просто удивилась. Она с удивлением посмотрела на свою подругу, которая пыталась встать, но ноги ее не слушались. У самой Ли-

лиш руки стали словно ватные, а движения вялые и замедленные. «Словно во сне», – думала она. Краем угасающего сознания она поняла, что хозяйка сама-то чай не пила, а вот смотрела на них как-то жалостливо.

Хлопнула дверь и Федор вошел в дом.

– Готовы? – спросил он.

Мог и не спрашивать. Девушки уже не сидели на лавке, а медленно сползали с нее, делая слабые попытки удержаться.

– Молоденькие совсем, – вздохнула Пелагея.

– Пожалела? – рыкнул Федор. – А нас с тобой кто-нибудь, когда-нибудь жалел?

Он взял на руки Елену и, ногой открыв дверь, вышел на улицу. Усадив барышню в глубину коляски, он вернулся в дом за ее подругой. Спустя несколько минут коляска катилась по пыльной мостовой к южной окраине города.

Федор еще засветло подкатил к большому двухэтажному дому. Улица была пуста, и он постучал в калитку. Быстро переговорив с человеком, открывшим калитку, он вошел и, через некоторое время открыл створки ворот. Затем завел лошадь коляской во двор и закрыл ворота. Во дворе к нему подошел человек одетый в засаленный сюртук, лицо было почти безволосое и очень бледное. Он вытер грязным платком свою лысую голову и сказал:

– Ну, давай, показывай, что там у тебя.

Федор откинул верх коляски и кивнул на двух, лежавших

без движения монашек.

– Совсем молоденькие, ваше благородие. Искать их никто не будет, пришлые они, с Белозерска. Так что извольте расчитаться.

Бледный господин вытащил из кармана несколько ассигнаций и не глядя сунул Федору. Тот тщательно пересчитал деньги и сунул в карман.

– Надо бы добавить, ваше благородие, товар-то первостатейный, – сказал он, раздумчиво глядя на бледного, который засуетился вокруг коляски, разглядывая монашек.

– Жаден ты, братец, – ответил бледный, однако вынул из кармана еще несколько бумажек и, опять не глядя, протянул Федору.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал тот, – сразу бы так. Показывайте куда нести.

Он поднял на руки Лилию и понес в дом, шагая вслед хозяину. В доме была комната без окон, которая освещалась свечами. Вообще, весь дом казался пустым, хотя может и не казался, скорее всего, так и было. Оба злодея вернулись к коляске.

– Эту давай пока в чулан, ею завтра займусь, – сказал бледный.

Федор взял Лену на руки и пошел вслед за своим сообщником в направлении низкого каменного строения в глубине двора. Уложив пленницу на топчан, он вышел из помещения, а бледный закрыл дверь на амбарный замок.

– Вы, вот что, ваше благородие, – сказал Федор, открывая створки ворот дома, – как натешитесь, приберите за собой, чтоб не получилось как в прошлый раз.

– Но, но! Еще учить меня будешь! – прикрикнул бледный.

– Учить не буду, но на каторгу из-за вас не пойду. От всего отпущу, а свидетелей не сыщут.

– За бабой своей пригляди. Бабам веры нет!

– Вы в мои дела не лезьте... Да вот еще что, в этот раз зелье немного другое, как вы и просили, отпускать их будет постепенно. К полуночи будут уже шевелиться, а к утру совсем отпустит, будут бегать и прыгать.

– До утра дожить надо, – хмыкнул бледный, закрывая за выехавшей коляской створки ворот.

Но в доме «их благородие» был не один и, как только Федор уехал, из недр этого огромного дома вышел еще один персонаж. Назвать его человеком можно было с большой натяжкой, поскольку горб и маленький рост, делал его похожим на гнома, огромные уши и нос крючком завершали картину. Надо еще отметить огромные, непропорциональные руки и широкие ступни. Определить возраст обоих было затруднительно из-за их жутокватого вида, а лысые головы делали их похожими друг на друга, хотя если приглядеться схожести не было никакой.

– Хороша! – прошелестел горбун, глядя на пленницу. – А то, что монашка, так это просто шик!

– Давай подождем до полуночи, когда шевелиться нач-

нет, – сказал бледный, – а то она пока словно кукла... Неинтересно!

В этот день, единственная из девушек, у кого приказ полковника: ходить по городу в монашеской одежде, не вызвал раздражения была Лена Леонова. Разумеется, все уже знали, что она родом из этого города и собиралась навестить знакомые с детства места. Лиля сама себя назначила сопровождающей, ведь разные могли возникнуть ситуации. В их небольшом коллективе все всё друг о дружке знали, ну или почти всё. Они ушли из гостиницы сразу после обеда.

Лера с Фаиной решили в этот день никуда не ходить. «Пусть полковнику станет стыдно, – думала Валерия, – сделал нас затворницами. Когда-то мы еще в столицу попадем. А вдруг и там запрут в монастыре?» От мрачных мыслей отвлекла Фаина, которая предложила устроить физические занятия на заднем дворе. Девушки оделись в неширокие парусиновые штаны, в которых обычно занимались в монастырских гимнастических залах, майки, плотно облегавшие их ладные фигуры, и отправились на задний двор, дабы избежать излишнего внимания.

Они бегали по кругу, выполняли акробатические упражнения, проводили учебные поединки. Скоро, однако, убедились, что избежать внимания не удалось. Собрались не только постояльцы, но и обслуживающий персонал этого постоянного двора отвлекся от выполнения своих обязан-

ностей. Девушек это взбудрило и настроение улучшилось. Фаина вспомнила свои детские выступления, когда они были бродячими артистами. Представление продолжалось довольно долго, и закончилось, когда среди зрителей появился полковник и поманил пальцем одну из артисток.

– Заканчивайте вашу забаву, сударыни, – сказал он, – и попросите Лилию зайти к нам для беседы.

Девушки шутливо поклонились зрителям, и ушли к себе в номер, однако их подруг там не оказалось. Время подходило к ужину и Лилия с Леной уже должны были вернуться или хотя бы дать весть о себе, если собрались остаться в гостях. Валерия встревожилась не на шутку. Она сама пошла в комнату к офицерам, Фаина вошла вслед за ней.

– Они до сих пор не вернулись, – сказала она.

Полковник тоже казался встревоженным.

– Дело в том, – сказал он, в упор глядя на Леру, – что в последнее время тут уже случались исчезновения молоденьких девушек. А потом находили их останки... Не хочу вас пугать, но судя по останкам их долго мучили самым гнусным образом... Конечно, ваших подруг просто так не взять, но монашеская одежда не даст им эффективно противостоять злодеям. Да и городские бандиты, это не лесные разбойники, у них другие методы...

– Мы с Фаиной немедленно отправимся на поиски. Я и так уже чувствую неладное, – сказала Лера.

– Нет, – ответил полковник. – Поисками займемся мы

со штабс-капитаном и полицию привлечем. А вы лучшие скажите нам, куда они направились.

– Мы не знаем, – ответила Лера, – они уехали на извозчике.

– Номер извозчика...

– Тридцать один...

– Хорошо, – сказал полковник. – Мы сейчас отправимся в полицию, найдем извозчика и попробуем найти ваших подруг. А вы сидите в номере и никуда...

Офицеры ушли, а девушки вернулись в свою комнату. Лера выглянула в окно и воскликнула.

– Чего его искать! Вот он стоит у нашей гостиницы. Я его хорошо запомнила...

– Тогда давай быстрее к нему, – сказала Фаина.

– Сначала возьмем наши ножи, а то полковник нарасказывал страстей, – ответила ей подруга.

– Монашеские балахоны накинем сверху, – добавила Фаина.

Через некоторое время, к извозчику с номером 31 подошли две монахини и попросили его отвести их туда же, куда он не столь давно отвез их подруг. Просьба была обычной и Лера с Фаиной вскоре оказались на той же улице... Только девушки не пошли к тому дому, где Лена спрашивала Леоновых. Они даже не догадывались, где может быть этот дом. Осмотревшись они направились к берегу реки и сами того не зная опустились на берег, где два часа назад сидели их подруги...

А дальше...

Федор уже вернулся домой и успел выпрячь кобылу из коляски, а потом не заходя в дом вышел на берег реки поразмыслить о бренности бытия. На душе было неспокойно, но в кармане лежала внушительная сумма ассигнациями. Еще одно такое дело и можно уезжать с этого места подобру-поздорову и начинать новую жизнь, честную и порядочную. И тут он поперхнулся. Неужели бог услышал его мысли? Нет. Не бог конечно, а черт. Ведь бог такими делами не занимается. Короче, на том же самом месте сидели две монашки и смотрели на воду. По виду-то сразу было видно, что не те же самые, а другие, но с одного приходу. Внутри Федора боролись два желания, одно убеждало его потихоньку убраться домой и носа не высовывать, другое говорило прямо противоположное: такую удачу упускать нельзя. Надо прямо сейчас отправить их к этому упырю, забрать у него деньги и прямо завтра с утра бежать с этого места и как можно дальше. Аренда этого дома кончается через неделю, все будет шито-крыто...

– О чем задумался, добрый человек? – спросила его одна из монашек, глядя чистым голубым взглядом.

– Не видел ли здесь двух сестер наших? – спросила вторая, поднимаясь с травы, на которой они сидели перед его приходом.

– Не видел, – ответил Федор, оглядывая будущую добычу. Валерия, внимательно следившая за его реакцией, вдруг

поняла, что Федор врет, и не просто врет, а еще задумал что-то относительно их.

– Как звать-то вас, добрый человек, – улыбаясь спросила Фаина.

– Федором зовут, – пытаюсь изобразить улыбку, ответил тот.

– А я, Фаина, моя подруга – Валерия. Мы сестры во Христе.

– Время позднее уже, – сказала Валерия, – не знаешь ли Федор, кто может на ночлег пустить двух бедных монашек?

– Так извольте, я могу, – ответил тот. – Дом мой недалеко, ступайте за мной сестрицы.

Федор привел монашек в дом. Хозяйка, правда, всплеснула руками, увидев их.

– Опять?! – едва слышно сказала она, но увидев волосатый кулак мужа, быстро скрылась на кухне.

Лера поняла, что они на верном пути, но сделала вид, что не расслышала реплики хозяйки. Фаина замешкалась в сенях и эту сцену не видела.

– Вы, гости дорогие, садитесь за стол. Сейчас Пелагея вас чаем напоит, ватрушками попотчует, а потом и спать уложит. А мне надо лошадь запрячь, да съездить кое-куда. Федор вышел, а монашки чинно рядком сели за стол. Хозяйка скоро вышла с двумя чашками чая, а потом принесла блюдо с ватрушками. Лера внимательно следила за хозяй-

кой, но та села напротив с непроницаемым лицом.

– Пейте, барышни, – равнодушно сказала она.

Лера поднесла чашку ко рту и сразу уловила незнакомый аромат. Она отставила чашку и легонько ногой тронула подругу.

– А сами-то вы что? – спокойно спросила Фаина.

– Так пила уж. Сколько ж можно пить? – все также бесцветным голосом ответила та.

– Значит, опоила подруг наших? – вкрадчиво произнесла Лера.

Хозяйка вдруг резко подняла голову, и на лице ее отразился страх. Она попыталась вскочить, но Лера быстро схватила ее за волосы и прижала голову к столу, а Фаина, мгновенно выскочив из-за стола, быстро подняла чашку с чаем.

– Придется еще выпить, Пелагеюшка, – сказала она. – Давай, сама, а то поможем. Мы это умеем.

Конечно, хозяйка пыталась вырваться и, конечно, у нее ничего не получилось. Амазонки, уже поняв, что нашли исполнителей похищения своих подруг, не церемонились и, постепенно влили приготовленное для них пойло, в рот Пелагеи. Та быстро обмякла и сидела уже, уронив голову на стол.

– Пора братья за хозяина, пока не уехал, – сказала Фаина.

– Я думаю, что он без нас не уедет, – ответила Лера.

Она сбросила монашеский балахон, оставшись в штанах и майке, и встала возле двери.

– Давай, Фаина, зови злыдня, сейчас придется заняться его перевоспитанием.

Фаина вышла во двор и окликнула Федора.

– Эй, хозяин! Что-то неладное с твоей Пелагеей...

Во дворе стояла запряженная коляска. Федор, стоя возле нее, смотрел в небо. На слова Фаины он отреагировал странно. Поминая шепотом все неприличные слова, нимало не стесняясь монашки, он вошел в дом.

Увидев свою хозяйку, уткнувшуюся лбом в стол, а возле нее пустую чайную чашку, Федор на мгновение обомлел. Удар ноги в голову опрокинул его на спину и одновременно вернул в чувства.

– Где наши подружки? Говори быстро, – сказала Лера, извлекая из ножен свой нож.

Тут Федора охватила ярость. Как эти две курицы смеют здесь командовать? Да сейчас по стенке размажусь... Он быстро вскочил на ноги, но тотчас получил такой удар в грудь, что перехватило дыхание. Будто конь копытом ударил. Затем посыпались еще удары. Он пришел в себя, когда Фаина вылила на него ведро воды. Грудь саднило, будто по ней били кувалдой, правая рука не действовала, да и левая с трудом поднималась.

– Хватит, или еще добавить? – спросила Лера.

Федор мычал и мотал головой.

– Сейчас ты отведешь нас к нашим подругам. Отказываться не советую, глаза вырву, – продолжила говорить Ва-

лерия. — Если с ними все в порядке, оставим тебя живым. Если, не дай бог, что сотворил, живьем закопаем...

Федор сначала молчал, но когда увидел возле глаз лезвие длинного ножа, замычал, а потом взглянул на стену, где тикали ходики. Они показывали без четверти одиннадцать.

— Ладно, поехали, — сказал он, сплюнув на пол кровавую слюну.

Лера села на козлы, а Фаина с присмиревшим Федором устроились в глубине коляски. Федор постоянно чувствовал возле бока лезвие ножа и почти без понуканий подсказывал дорогу. Стемнело. Время подходило к полуночи. Коляска остановилась перед воротами уже знакомого нам дома. Фаина и Федор вышли из коляски. Сбросив монашеский балахон, Фаина ловко по-кошачьи перемахнула через забор и бесшумно растворилась внутри усадьбы. А Лера приказала Федору вызвать хозяев, как он обычно это делает. Сама же она села на траву возле забора, изображая очередную опоенную жертву. Федор, с трудом двигаясь, подошел к воротам и постучал условным стуком. О побеге он уже не думал, поскольку понимал, что будет тут же пойман и едва ли переживет неминуемое наказание.

Ждать пришлось долго. Лера уже приготовилась встать, но тут послышался шум...

— Какого черта! — из калитки показался мертвенно бледный мужчина. Лунный свет делал его неприглядный вид еще ужаснее.

– Еще одну привез. Забирайте, ваше благородие, – прошамкал Федор и сплюнул на землю.

– Ты совсем рехнулся, дурак! Мы с теми еще не начали даже!. Ну, ладно. Давай тащи в чулан, и убирайся отсюда побыстрее.

– Сами тащите, умаялся я сегодня, – гнусно ухмыльнувшись, ответил Федор.

Слова бледного вдохнули в него надежду на благополучный исход. Если та девка еще цела, то его обещали отпустить. Заветная шкатулка уже в коляске, он даже домой заезжать не будет. Пусть Пелагея сама с полицией разбирается, а он за ночь успеет до ближайшей деревни добраться, а там... Что там, он додумать не успел, потому что в этот момент бледный получил удар ногой в голову и задом влетел в калитку. Федор тоже получил тычек и вошел во след. Лера вошла последней и закрыла калитку. Перед домом осталась только запряженная коляска.

Бледный выхватил из-за пояса пистолет, но выстрелить не успел. Валерия вырвала из его руки оружие и, одновременно, нанесла удар коленом в пах. Федор деловито обыскал «их благородие», нашел ключи от чулана и, усмехнувшись, сказал.

– Идем, забирай свою подругу, а меня ты обещала отпустить...

Они подошли к чулану, Федор открыл замок и отошел в сторону. В этот момент в доме прозвучал выстрел, Лера

направила пистолет на Федора и обернулась к крыльцу дома. На крыльце появились две девушки. Лилия была совершенно голая и двигалась с большим трудом, опираясь на Фаину, у которой в руках был дымящийся пистолет.

– Я там какого-то упыря застрелила, – сказала она и выбросила разряженный пистолет. – Не успел он ничего Лилке сделать, только напугал очень.

– Держи под прицелом этих козлов, а я за Леной, – сказала Лера и перебросила Фаине пистолет.

Из дверей чулана показалась Лена, она двигалась с трудом, но в руке у нее уже был нож. В этот момент грохнул еще выстрел. Это опять стреляла Фаина. Бледный корчился на крыльце, зажимая живот.

– Вот что, Федор, – сказала Лера. – Сейчас тут, наверное, будет полиция. Нашумели мы. Ты с ними сам объяснись, а нам пора.

На Лилию натянули монашеский балахон, затем их с Леной усадили в коляску, Фаина с Лерой сели на козлы и, оттолкнув Федора, который тоже лез в коляску, развернули лошадь и двинулись в обратный путь. Фаина дорогу запомнила и в темноте ориентировалась прекрасно.

Во втором часу ночи вся компания вошла в гостиницу, оставив коляску во дворе. В комнате стоял разъяренный полковник, готовый разорвать пополам любого, кто войдет, но увидев всех четверых невредимыми, мгновенно успокоился. Лилию и Лену уложили на кровати, а Фаина с Лерой по-

чти до утра рассказывали о своих вечерних приключениях.

Когда полковник со штабс-капитаном ушли, и барышни собирались спать, Фаина вдруг достала шкатулку.

– Откуда это у тебя? – спросила Лера.

– В коляске нашла, – ответила Фаина, открывая шкатулку.

Шкатулка была набита ассигнациями сторублевого достоинства.

– Ай да Федор! – воскликнула Лера. – Это сколько же душ он загубил.

– Душегубов мы прикончили, – ответила Фаина, – Федором пусть полиция занимается, а это мы оставим себе, как пострадавшая сторона в качестве компенсации. Или контрибуции... Теперь мы богатые мадамы, но полковнику об этом знать не обязательно.

К обеду следующего дня девушки полностью пришли в себя, и когда появился полковник и объявил, что экипаж готов. Они без ненужных вопросов собрались. Не прошло и часа, как они погрузились в экипаж и отправились в дальнейший путь. Шкатулку Фаина вручила Лидии, тем самым превратив ее в казначея.

Столица

Дальнейший путь до Санкт-Петербурга занял еще неделю. Нельзя сказать, что он был гладким и сладким, но та-

ких страшных приключений уже не было. Полковник, после отъезда из Екатеринбурга, притих. Больше не читал нравоучений, не указывал: в какой одежде им ходить. Оно и понятно, эти барышни, не смотря на свой, почти, детский возраст, уже многое в этой жизни повидали и, он знал, что эта группа может даже изменить ход истории. Главное, чтоб управлял ею человек умный, благородный, но без имперских амбиций. Хотя последнее качество, иногда идет во благо страны.

Полковник, конечно, по ходу пути понял, что барышни опустошают прилавки во встречных городах, явно не на жалованье, выданное им в начале пути. Ясно, что в Екатеринбурге они забрали загашиник злодеев, но об этом он предпочитал быть в неведении. Штабс-капитан, ухмыляясь, помогал затаскивать все увеличивающийся багаж в экипаж, а барышни, невинно улыбаясь, объясняли, что им в столице без этих вещей никак нельзя. Они же барышни, конце концов, а монахини... С монашеством покончено, теперь начинается другая жизнь и к ней надо готовиться.

Продолжение в следующем номере.

Ну вот, перечитал написанное. Опять получилось не то,

что хотел. И что за дела такие, как только начинаю писать, герои выходят из повиновения и начинают жить своей жизнью. Говорят совсем не то, что я для них придумал. Я-то ведь хотел написать нечто лирическо-романтическое. Чтоб появились прекрасные принцы для моих барышень... А получилось опять какое-то зверство, мордобой, даже чуть до насилия дело не дошло... Ну да ладно, как говорил мой дружок Никита: третий сорт – не брак, впереди еще ого-го сколько всего. Героиням-то только пятнадцать лет, рановато еще их отдавать прекрасным принцам. Пусть подрастут годика два хотя бы.

Я собрал и скомпоновал написанное. Показывать Полине или нет? С одной стороны, зачем показывать, если заранее знаю, что скажет. С другой стороны столько трудов потрачено, пусть хотя бы посочувствует. Скажу ей, что я тут не при чем, девки сами творили черте что, а я только записывал... Не поверит. Скажет, что так не бывает. А я вот что сделаю: отнесу ей рукопись, и пусть сама попробует написать продолжение...

Утром следующего дня, выполнив все физические упражнения во дворе, я решил прекратить поездки на озеро. Конец августа, похолодало, ограничился умыванием из бочонка. Ольга лила из ковша на спину, а потом дала свежее полотенце. Позавтракав, я отправился к Прохору выяснять финансовые вопросы. Пора ведь выезжать в город, хотя известий от Марка еще не было, но раз уж я решил доукомплек-

товать редакцию его журнала своей персоной, то незачем тянуть резину. Хорошо бы еще Полину Елисееву с собой прихватить, но приличия не позволяют, а крепостную девку Ольгу позволяют, так-то вот.

Проخور приготовил требуемую сумму и без промедления вручил мне. Осталось собрать вещички и можно отправляться. Только следовало бы дождаться известий от Марка. Я еще пребывал в раздумьях: ждать или не ждать и если ждать, то сколько? А тут к обеду пожаловали Елисеевы: отец со старшей дочкой. Дружеские визиты, без них, тут скука смертная. Чем еще господам помещикам заниматься, правда, уже начался сезон охоты... Слава богу, Елисеев не охотник, а то бы и мне не миновать этого мероприятия.

Обед состоялся, как и положено в барских усадьбах, – я то уже привык к своему барскому положению, – а после обеда объявил Елисеевым, что сейчас буду читать продолжение своей повести.

– Надеюсь услышать от вас мнение о моем сочинении, – добавил я, перед тем как начать.

Чтец-то я так себе, но читал свое сочинение, поэтому не сбивался и не ошибался. В общем, старался, как мог. Прошло около часа, возможно чуть больше.

– Ну вот, Полина Ильинична, Илья Иванович, – сказал я охрипшим голосом, – сейчас извольте немного подумать и можете сказать мне ваше мнение.

Оставив гостей в задумчивости, я вышел в людскую и при-

казал Ольге принести наливки и какой-нибудь закуски. Надо было привести голосовой аппарат в порядок. Полтора часа молоть языком для меня непривычно, потому и охрип. Дерябнув наливки, на пару с Ильей Ивановичем, я почувствовал себя вообще неплохо. Теперь был готов выслушать Полину.

– Максим Петрович, – наконец сказала она, – все это настолько ужасно, что у меня просто нет слов. Ну, скажите, пожалуйста, что этого никогда не было.

– Этого никогда не было, – охотно подтвердил я. – Все это выдуманно мною сутки назад. Даже нет, не так! Я ничего не выдумывал, я просто записывал то, что видели и слышали мои героини. Ну, не знаю, почему так получается, я-то хотел написать совсем другое.

– Максим Петрович! – возмущенно сказал Полина. – Вы смеетесь надо мной!

– Ничуть не бывало! – горячо возразил я. – Да разве бы я посмел... Ну, вот хотите, давайте попробуйте продолжить повесть...

– Как продолжить, – смешалась Полина.

– Ну, ведь начало вы знаете, теперь продолжайте сюжет, так как, по-вашему, должно быть...

– Я считаю, что у молодых девушек должны появиться романтические отношения... Господи, да ведь у вас даже положительного героя нет, одни злодеи вокруг. Сопровождающие офицеры по возрасту не подходят...

– Это потому, что героини маленькие еще... Пятнадцать лет всего, какие романтические отношения?

– Ага, как со злодеями драться, так не маленькие...

– Ну, будет вам, – сказал вдруг Илья Иванович. – Мне вот, понравилось, и я жду продолжения. Но и у меня есть пожелание: надо увеличить объем текста. Для журнального варианта – слишком короткие фрагменты.

Тут я задумался. «А ведь он прав, – решил я. – Если развернуть даже небольшую повесть, то надо еще десять таких фрагментов, а у меня, небольшая не получается...» Затем вспомнил, что в литературно художественных журналах моего времени, повести с продолжениями умещались в трех-четырех номерах.

– Я, пожалуй, соглашусь с вами, Илья Иванович, – наконец, сказал я. – Пока не могу сказать, какой длины получится моя повесть, но тянуть кога за хвост в течение десяти номеров нельзя. Это может отвратить читателя.

– А меня вы не хотите послушать? – раздраженно заметила Полина.

– Еще как хотим, – горячо возразил я. – А еще я уповаю на то, что вы поможете мне с написанием следующей главы...

В этот момент вошла Ольга и передала мне пакет.

– Из Павловска доставили от Марка Савельевича и велели немедленно передать вам, – сказала она.

Мне пришлось прямо при гостях вскрыть пакет и зачитать послание Марка вслух. Это даже кстати получилось, по-

сколькy Марк живо интересовался делами семьи Елисеевых, особо его интересовала Надежда. Теперь ей сестра сообщит, о том, что она не забыта и не покинута... А меня поразил тот факт, что Марк прямо указывал мне, что текста первых двух глав моей повести «Вьюга над полями» недостаточно и надо срочно дописать еще два раза по столько... Ну надо же. Вдруг все спохватились, а раньше-то чего молчали? Ну ладно, дело поправимое, напишу. А может напишем... Далее Марк писал, что меня ждут в редакции журнала, и недурно бы еще подсочинить кроссвордов или анекдотов. Варвара занята подготовкой рисунков и ждет моего появления.

Последнюю фразу я не озвучил, чтоб не напрягать Полину. Илья Иванович одобрительно кивал головой, когда Марк просил увеличить объем печатаемых фрагментов, а потом вдруг неожиданно предложил себя, в качестве составителя кроссвордов. Я, разумеется, приветствовал его инициативу. Мы договорились, что через пару дней, я загляну к ним с визитом и заберу их с Полиной творчество, после чего отправлюсь в Павловск. Ну а далее буду извещать почтой о продвижении наших с Марком дел. При отъезде домой, Илья Иванович был в приподнятом настроении, а Полина пребывала в задумчивости.

После этого визита, а главное после письма Марка, мне не оставалось ничего иного, как снова сесть за сочинительство. В то, что Полина мне поможет, я верил слабо, мечтать лежа на диване это одно, а скрипеть пером – совсем другое. Сло-

ва уложить на бумагу легко, но вот чтоб при прочтении из слов формировался образ дело непростое. А для себя я уже решил, если Полина что-то лирическое сочинит, то ее сочинения я буду укладывать между своими сценами, где наверняка будет преобладать мордобой и другие безобразия. Если это удастся, то в последствии можно и других привлечь к соавторству... Я имел в виду Марка и Варвару.

Вьюга над полями (продолжение)

Подготовка к немонашеской жизни не затянулась. Девушек определили на проживание в один очень немаленький особняк, не на Невском, конечно, но и не окраине города. Теперь у каждой была своя комната, а во время трапезы они встречались в столовой. Кроме того была зала, где они занимались музыкой или проходили обучение предметам, о которых до сих пор не слышали вовсе. Кстати, о некоторых предметах не слышали даже воспитанницы Смольного института.

Девушки всегда были под присмотром взрослых женщин, таким образом, их образование и обучение никогда не прерывалось. Кроме занятий обычных, для всех благородных девиц, были еще и занятия необычные. Эти занятия проводились в физкультурном зале. Учителями были отставные военные, а дисциплины включали в себя рукопашный бой, владение холодным оружием, стрельба из пистолета. Ле-

том были обязательные занятия по бегу, плаванию и лазанию по вертикальной стенке, утыканной в некоторых местах специальными штырями. Зимой еженедельный бег на лыжах был обязателен.

В интенсивных занятиях прошел целый год, девушки уже хорошо освоили придворный этикет, балльные танцы и французский язык. С английским и немецким языками дело обстояло хуже, но времени впереди было еще достаточно. По высочайшему повелению группа амазонок должна была выйти в свет в одиннадцатом году и вид они должны иметь: неотразимых светских красавиц. А если учесть их особые таланты, то при умелом использовании этих барышень в заграничных посольствах можно верить судьбы народов. Наполеон уже поставил на колени Европу, и только Россия стояла у него как ком в горле. Эта страна была ему не нужна, но сильная российская армия очень мешала. Если разгромить российскую армию, то на восточного соседа можно больше не обращать внимания.

Впрочем, пока еще шел десятый год, девушкам было уже шестнадцать и сердца их уже готовы были впитать нектар любви. Их начали вывозить в свет. Сначала на небольшие светские вечеринки с двумя десятками приглашенных. Правда и тут было не все так просто...

Кавалергард в чине поручика Мишка Левин только что получил категоричный приказ: немедленно явиться к его

превосходительству по срочному делу. Сам Мишка уже догадывался, что за этим может последовать. А все из-за вчерашней дуэли: отправил армейского полковника на больничную койку. «И ведь не объяснишь, что полковник сам нарывался», – думал он, шагая по коридорам дворца. Самое-то противное, что Мишка и сам не помнил, с чего все началось. Пьян был изрядно, а когда схватились за шпаги, уже поздно было выяснять правых и виноватых. То, что Мишка, будучи пьяным в поединке на шпагах ранил полковника, никого не удивило. Всех удивило то, что никто не помнил причины дуэли, хотя свидетелей было не меньше десятка.

Мишкин друг, Василий напутствовал его:

– Говори, что из-за женичины! Раз никто ничего не помнит, значит точно из-за женичины. Тут можно такого туману напустить, братец мой, что при хорошем раскладе еще и героем окажешься.

– Дурак ты Васька! Тут как бы из гвардии не турнули, а ты героем... Лучшие бы узнал, как там полковник. Я ведь даже, как зовут его, не знаю. И чего это он ко мне привязался?

– Да, черт его знает. Перед этим вы о лошадях говорили, я отвлекся ненадолго, а когда повернулся, он уже шпагу выхватил и на тебя прет. Мы со штабс-капитаном еле смогли вас в круг поставить. Ты тоже хорош был... Обещал чучело из него сделать...

– Вот видишь, – задумчиво сказал Михаил, – говорили о лошадях, а дуэль из-за женичины... Как-то не сходится.

– Ну, это как посмотреть. Вот если ты его жену кобылой назвал...

– Что-о!

– Ну я это... предположительно...

– Так вот почему у всех память отшибло. Теперь ясно...

Точно из гвардии турнут.

– Ты, главное ни в чем не признавайся, – продолжал напутствовать Васька. – Говори: задета честь дамы и больше ничего не говори.

– Послушай, а ты точно помнишь...

– Я ничего не помню и ничего не знаю. Вы схватились за шпаги, как ошпаренные...

– А жена полковника была на том банкете?

– Откуда мне знать?

Прокручивая в голове события позавчерашнего вечера и вчерашний разговор с Васькой, Михаил сидел в приемной и ждал, когда его вызовут. В приемную вошел мичман в полной парадной форме, как и Мишка, но с такой постной миной на лице, что стало еще тошнее. «Этому-то что здесь надо», – подумал Михаил. – Он по другому ведомству проходит. Неужели из флота выперли и теперь в гвардию намылился?» Додумать он не успел, поскольку из двери кабинета вышел адъютант и объявил:

– Поручик Левин и мичман Ланской зайдите в кабинет.

После того как офицеры представились и замерли в ожидании, генерал вышел из-за стола и внимательно, словно на

плащу осмотрел их. Впрочем, придраться было не к чему. Кавалергард выглядел безукоризненно: высокий, голубоглазый блондин с правильными чертами лица, настоящий красавец, наверняка, любимец женщин, а еще бретер и забияка. Для выполнения той задачи, которую ему готовил генерал, трудно подобрать лучшего кандидата. Второй офицер, мичман с фрегата «Отважный», по его ведомству не проходил, но он был на грани списания с корабля, за какое-то несоблюдение чего-то... Короче, за него попросили. Если он выполнит поставленную задачу, то возможно искупит свое прегрешение... В чем провинился этот бравый моряк, генерал вникать не стал, ему понравился открытый взгляд серых глаз, крепкая фигура и коротко остриженные черные волосы. «То, что надо», – решил он про себя.

– Прошу садится, господа офицеры! – наконец,скомандовал он и сам сел во главе стола. – Вы оба проштрафились и знаете свои прегрешения. Один из вас на грани увольнения с флота, другой из гвардии. Сюда я вызвал вас, чтоб предложить вам одно очень деликатное дело. От выполнения оно-го будет зависеть ваше будущее. Дело это еще и чрезвычайно секретное и растянутое по времени и продлиться может не один год. Да, я понимаю, что говорю загадками, но пока я не получил от вас согласия, большего сказать не могу. Впрочем, могу сказать еще, что ваша деятельность будет временами иметь приятные аспекты, а временами – чрезвычайно опасна. Вы можете отказаться прямо сейчас, но

если согласитесь, то принимаете на себя обязанность хранить тайну, за разглашение которой – расстрел. Теперь я слушаю вас, господа офицеры.

Господам офицерам, как вы понимаете, деваться-то некуда было. Так сказать, или-или. Никто не хотел лишиться службы, поэтому его превосходительство без промедления получил согласие, которое было закреплено на бумаге.

– Ну вот, господа, – сказал генерал, – теперь позвольте поздравить вас с началом службы в департаменте разведки в качестве офицеров по особым поручениям. И не стройте такие кислые рожки. Никто не собирается делать из вас шпионов. Да и не годитесь вы для этой работы. А сейчас слушайте приказ: сегодня к пяти часам вечера вы явитесь по указанному адресу. Там вас встретят две молодые особы, которых вы сопроводите на бал к графине Марецкой. В вашу задачу входит: оберегать барышень от излишнего внимания кавалеров, но при этом не нарушать этикета. Одним словом на время бала, вы обязаны бдительно следить за ними и как отцы родные, и как кавалеры. Подчеркиваю особо, старайтесь подмечать все особенности поведения вверенных вам особ, и после возвращения их в родные пенаты, указать воспитателям на нарушения этикета ваших подопечных, или иное несоответствие в поведении барышень.

На этом его превосходительство прием закончил и знаком отпустил офицеров, не поинтересовавшись, как обычно

есть ли вопросы. Хотя какие уж тут вопросы... На выходе Михаил протянул руку мичману.

– Михаил, – просто представился он.

– Андрей, – ответил тот.

– Ты что-нибудь понял? – спросил кавалергард.

– Вообще ничего, – ответил моряк.

– Значит, будем решать проблемы по мере их поступления, – ухмыльнулся Михаил, и офицеры разошлись в разные стороны.

Вечером, в назначенное время оба офицера вошли в дом по адресу, который им вручил адъютант, после приема у его превосходительства. Прибыли они почти одновременно, их без каких-либо вопросов провели в гостиную, поскольку ждали. Прислуга тотчас удалилась, и гости в парадных мундирах снова остались одни.

– Послушайте, мичман, – негромко сказал поручик, – сейчас, я полагаю, выйдут наши подопечные, и нам неплохо бы определиться заранее, кому кто достанется...

– Согласен! – ответил мичман. – Пусть вашей будет брюнетка.

– А если они обе брюнетки? – не согласился поручик. – Давайте так: первая, кто выйдет – ваша. Следующая – моя.

Они еще не знали, что через незаметное отверстие в стене за ними уже наблюдали Лилия и Елена.

– Моряк, мой! – объявила Лилия и вышла в гостиную.

Елена вышла вслед за ней. Они еще не знали, что их выбор совпал, но не удивились, когда офицеры поднялись и каждый направился к своей даме. В этот же момент вошла классная дама, наставница молодых девушек, и представила их офицерам. Не задерживаясь далее в этом доме, обе пары сели в коляски и укатили в дом графини Марецкой, которая сегодня давала бал, но для весьма ограниченного общества. Было не более сорока приглашенных, не все были титулованные особы, но все люди светские и ко двору государя приближенные.

Обе наши барышни понимали, что никогда бы им не бывать в этом обществе, если бы не та особая миссия, ради которой их и привезли в столицу и теперь старательно готовят из них светских дам. А их кавалеры вообще находились в полном недоумении, но старательно играли свою роль. Правда, особенно стараться нужды не было. В светское общество оба были вхожи, этикет знали сызмальства. Дамы их вели себя вполне достойно, хотя сразу было видно, что это общество им непривычно, и они стараются изо всех сил, чтоб не попасть впросак.

Если кто из приглашенных и заметил их некоторые неловкости, то виду не подал, а офицеры, сразу поняв, что девы в высшем свете впервые, незаметно, шепотом, подсказывали им что можно взять со стола, а что лучше не трогать. Ну и остальные аспекты тоже.

Разумеется, на балу были еще офицеры и в более высоких

чинах, но к общению с Лилией и Еленой пока не стремились. За кавалергардом уже укрепилась слава бретера и забияки, а мичман принадлежал флоту, к флотским всегда отношение особое.

Михаил свою девушку вел в танце уверенно, хотя сразу понял, что это ее первый бал и до этого она танцевала только с учителями. Однако, он сразу почувствовал исходящую от нее энергию. Ему сразу понравилась эта черноглазая, крепкого телосложения девушка. Общаясь с ней в течение вечера, случайно и неслучайно соприкасаясь, он понял, что лишнего жира в ней нет ни капли, но и мускулы, отнюдь, не выпирают. Крепкая и ладная статъ: по-другому ее фигуру и не охарактеризуешь. Бокал шампанского она выпила, и Мишка сообразил, что это первый в ее жизни алкоголь. Он ничего ей не стал говорить, просто водил ее по залам так, чтобы никто не заметил изрядно окосевшей девицы. Впрочем, к легкой выпивке надо привыкать, это часть светской жизни, тут главное не переборщить. Хорошо, что ему пришло в голову занять ее разговором. Он кое-что узнал о своей подопечной: что она из сибирского города Екатеринбурга, круглая сирота и богатая родня определила ее в частный пансионат, где из нее обещали сделать благовоспитанную девицу, а потом выдать замуж. За кого ее готовят замуж, она не знает, будущего мужа даже не видела и, вообще, замуж не хочет, а хочет повидать заморские страны. Собственно, Михаил и сам предполагал подобную историю, только он не

знал, что эту историю, девушка заучила не столь давно.

О том, что Елене тоже понравился красавец кавалергард можно и не говорить. Девушку, мягко говоря, неизбалованную мужским вниманием, увлечь очень легко. А выпитый бокал шампанского, музыка, танцы и блестящие кавалеры вокруг, кружили голову. Дамы все казались красавицами и разодеты были как на картинках, которые показывали им модистки. Она видела, что на нее смотрят и другие мужчины, не только Михаил, который в этот вечер принадлежал только ей одной. Сначала она пряталась от этих взглядов за Михаила, потом успокоилась и приняла правила игры. Ведь взгляды, всего только взгляды. и мало что означают среди шумного бала. Она еще не знала, что за некоторые взгляды следуют вызовы на дуэль... На Лилию с Андреем она не смотрела, эта пара, можно сказать своя, чего на них смотреть, когда вокруг такая красота и роскошь. Когда от выпитого шампанского во всем теле возникла странная легкость, а окружающий мир начал покачиваться, она поняла, что более пить не следует. Об этом ее предупреждала их классная дама: порядочная девушка может себе позволить за вечер не более одного бокала шампанского. Только она не предупредила, что нельзя этот бокал выпивать сразу... А Михаил уже о чем то спрашивал ее, кажется, о том кто ее родители... Елена отбарабанила свою недавно заученную легенду, где правды было ни на грош, но зачем Михаилу знать правду. К тому же она сама не знает тай-

ну своего рождения. Вот Валерия все о себе знает, а она нет... Может быть это и к лучшему. К концу бала ей уже безумно нравился ее кавалер, а сама она мечтала о продолжении этого волшебного вечера, хотя, конечно, понимала, что праздники частыми не бывают.

Андрей, увидев Лилию, влюбился сразу и наповал. Он в отличие от кавалергарда, не был завзятым сердцееедом и, вообще, с дамами был неловок, хотя правилам светской жизни его обучали с пеленок. Он на автомате вел свою даму в танцах, представлял хозяйке дома и другим гостям, но мечтал только об одном, остаться с ней наедине и смотреть в ее бездонные серые глаза. Но на балу свидания наедине не предусмотрены. Он не обратил внимания на выпитый Лилией бокал шампанского, а ее внезапно заблестевшие глаза подействовали на него, как бутылка мадеры, выпитая залпом. Ему даже в голову не пришло о чем-то расспрашивать ее. Да и не до того было, он старательно оберегал ее от взглядов других мужчин, заслоняя ее собой, хотя это не вменялось в его обязанность. Словом, если существует любовь с первого взгляда, то вот она, пожалуйста, извольте видеть...

Лилия сразу поняла, что мичман принадлежит ей, и не только потому, что она его выбрала, но в большей степени, потому, что он ее выбрал. Поскольку сама она была командиром группы амазонок, то без церемоний приняла в свою команду и мичмана. Растерянность на балу, вызванная большим количеством блестящих красавиц и немалым количе-

ством кавалеров, которые, не скрывая восхищения, поглядывали на Лилию, быстро прошла. На смену ей пришла уверенность. Мичман ей понравился, нельзя этого не признать. Но при этом она имела нечто другое, совсем не чувства. Для нее это был просто атрибут этого вечера, совершенно необходимый и обязательный. Но на другой бал, может быть и другой кавалер, не обязательно мичман, пусть это будет кавалергард или даже гражданский, какая разница. Главное, чтоб был кавалер. Впрочем, тут, наверное, мы грешим против истины, внешность все же имеет значение, как и чин. Мичман почти не разговаривал с ней, только отвечал на вопросы, и то, весьма, невразумительно. Соответственно, рассказывать заранее заготовленную легенду о себе ей не пришлось.

Бал закончился и оба офицера, доставив своих подопечных домой и сдав на попечение классной даме в целостности и сохранности, отправились восвояси.

На другой день оба офицера были вызваны в то же ведомство, которым руководил его превосходительство. Ведомство это занималось внешней разведкой, но соответствующего названия не имело. Называлось оно совсем иначе: управление делами отдаленных гарнизонов, однако подчинялось не армейскому штабу, а непосредственно государю.

Поручик и мичман были временно прикомандированы к этому управлению и подчинялись его приказам. На этот раз офицеров принимал уже не генерал, а полковник Потоцкий

Михаил Юрьевич, с которым мы уже знакомы. Оба офицера были без задержки приглашены в кабинет полковника.

– Докладывайте, господа, о выполнении задания, – сразу сказал он им.

– Шутить изволите, господин полковник! – раздраженно сказал кавалергард.

– Никаких шуток, – равнодушно ответил полковник. – То, что ваши подопечные ничего не натворили, мне уже известно. Мне нужны подробности о всех особенностях их поведения на балу. Начнем с вас, кавалергард. Я слушаю...

– Поперхнулась шампанским, других происшествий не случилось, – усмехнулся поручик.

– Подробней, пожалуйста, – сказал полковник. – Было ли опьянение? Было ли это замечено обществом?

– Ничего подобного не было, – ответил поручик. – Моя дама ни на йоту не отступила от этикета, никто ничего не заметил. В танцах – как полковая кобыла на плацу...

– Попрошу без солдафонских шуточек, кавалергард! – рявкнул полковник.

– Виноват! Поведение моей дамы было безупречно во всем! – отбарабанил поручик.

– Относитесь к вашему заданию серьезно! У нас ведомство серьезное, уж поверьте, господин поручик...

– В таком случае, господин полковник, не угодно ли прояснить ситуацию. Кто эти барышни, и в чем, конкретно, состоит наша задача? А пока, насколько я понимаю, вы ис-

пользуете нас втемную.

– Барышни благородного происхождения, но в высшем свете не общались в силу независящих от них обстоятельств. Сейчас это упущение надо наверстать и наверстать очень быстро. Пока этих сведений вам достаточно. Если потребуются дополнительная информация вам ее сообщат. Теперь вы, господин мичман, что имеете сообщить о вашей даме?

– Мне совершенно нечего вам сообщить, господин полковник о моей даме. Поведение моей дамы на балу – безупречно. Но я считаю, что докладывать об каких-либо ошибках барышни, только-только вступающей в свет, недостойно офицера, и прошу избавить меня от подробных расспросов.

– Вот только не надо сейчас становиться в позу! Все, что вы делаете, это для их же блага... Я пока не могу вам всего объяснить! Но могут наступить такие обстоятельства, когда допущенная ошибка или даже небрежность будет стоить им жизни! Поймите это мичман. Мы тут не в игрушки играем!

– Прошу извинить! – сказал мичман, изменившись в лице. – Но мне нечего добавить. Поведение моей дамы было безупречно.

– Ну, хорошо, – уже спокойно продолжил полковник. – Ваше задание продолжается. Возьмите приглашение, на банкет князя Васильчикова. Народу там будет побольше, и общество разношерстное, имеется в виду: флотские, армей-

ские и гражданские чины. Ваша задача та же: доставить барышень на банкет и не допускать никаких двусмысленных ситуаций связанных с ними.

Офицеры взяли приглашения, и вышли из управления.

– Ты что-нибудь понимаешь, Михаил? – спросил мичман, когда они вышли на улицу.

– Пока только то, что нас водят за нос. Но выбора нет, придется исполнять поручение. Когда банкет?

– Завтра.

– Тогда до завтра.

Офицеры расстались, чтоб встретиться вечером следующего дня. Кавалергард целый день пытался проанализировать ситуацию, но ни к какому выводу не пришел. Однако для своей подопечной заготовил несколько вопросов. Вопросы были о сущих пустяках, но могли пролить свет на всю эту странную генеральскую затею. Не любил поручик закулисные игры, а уж участвовать в них... А мичман ни о чем таком не думал, он просто мечтал о встрече с Лилией, а разговор с ней заранее не планировал.

Встретились они в гостиной, где и ожидали выхода своих барышень. Когда барышни вышли, поручик замер с открытым ртом, а мичман побледнел. И ведь было от чего. К Михаилу, улыбаясь во весь рот подошла Валерия, а к Андрею танцующей походкой подошла Фаина.

– Мы готовы, господа офицеры! – со смехом сказала Валерия.

– Простите, сударыня, – поклонившись, сказал поручик, – но я жду Елену.

Тут вмешалась подошедшая классная дама.

– Господа офицеры, позвольте представить вам Валерию и Фаину, – величественным тоном произнесла она, а девушки, когда произносились их имена, делали книксен. – Сегодня вы сопровождаете их.

– А могу я увидеть Лилию? – вдруг спросил моряк.

– Вы ее непременно увидите, но не сегодня, – ответила классная дама.

Обе пары вышли на улицу и сели в коляски. Офицеры медленно отходили от шока, а девицы, сидящие рядом с ними, просто лучились радостью.

– Ну, не будьте таким занудой, господин мичман, – сказала Фаина, слегка толкнув его локтем. – Я ничем не хуже Лильки! Я танцую лучше нее, а по верховой езде... Ой!

– Чего? – удивился мичман.

– Ничего. Я говорю, что не надо так расстраиваться, я совсем не хуже вашей предыдущей подруги.

– Вы что-то сказали о верховой езде...

– Ну да, нас обучали верховой езде, а что тут такого?...

– А что с Лилией? Почему не она...

– С Лилией все в порядке. На сегодняшний вечер я ваша дама, Андрей и интересоваться другой дамой в моем присутствии – моветон. Вы не находите?

– Извините, пожалуйста. Просто я не ожидал такого

оборота...

– Ладно, я вас прощаю, но о Лильке больше ни слова.

В коляске кавалергарда таких разговоров не было, но не потому, что тот сразу понял ситуацию, а потому, что Валерия миг очаровала его. Объяснение классной дамы его вполне устроило, и он даже не думал докучать вопросами своей теперешней даме о Елене. «Так даже интереснее», – думал он. Затем поручик поинтересовался о том кто она и откуда. Лера отбарабанила легенду, подобную, легенде Елены, только детство она провела в другом городе, и о монастыре не было сказано ни слова. Однако поручик уже глядел на Леру влюбленным взглядом и сам понимал, что ему совершенно все равно: кто она и откуда.

Еще никогда поручик не был так растерян, но ведь и было от чего. В прихожей, помогая раздеться своей даме, он споткнулся о свою саблю и едва не растянулся на полу. Чья-то сильная рука ухватила его за плечо и не дала упасть.

– Ну, вот поручик, – услышал он игривый голос Валерии, – кто кого должен поддерживать?

Если раньше Михаил был просто растерян, то теперь был просто ошарашен. Это какой же силой должна обладать девушка, чтоб подхватить и поставить на ноги падающего офицера? А Валерия стояла перед ним и улыбалась, как ни в чем не бывало. «Ну, теперь будет, что рассказать полковнику», – подумал он.

Девушка взяла его под руку, и они отправились к гостям.

Об их прибытии объявил дворецкий, как положено на светских вечеринках. Теперь надо было примкнуть к какой либо группе гостей, для обсуждения последних светских новостей или сплетен, перед тем как усесться за столы. У кавалергарда здесь были знакомые, он заметил корнета Петрищева, ротмистра Сбруева и направился к ним. Валерия, как и положено молодой девице, вела себя благонаравно, но успевала стрелять глазами во все стороны. Получая дежурные комплименты офицеров, кивала, подавала ручку для поцелуя. Поданный ей бокал шампанского, едва пригубила.

Далее, и за столом и в танцах, поручик убедился, что ее манеры полностью соответствуют этикету того времени. Даже если бы он хотел сообщить полковнику, о каких либо недочетах, то обнаружить их он не мог. Для себя-то он уже давно решил, что ничего сообщать никому не будет, даже если его дама подерется с хозяйкой дома. Шутка, конечно. Однако некоторые странности он заметил, хоть и не сразу. Например она вдруг сказала ему, что говорит своей даме, знакомый ему корнет. Вроде бы ничего удивительного, если бы они не находились в другом конце танцевального зала.

– У вас очень тонкий слух, – удивленно сказал Михаил.

– Нет, просто у корнета очень яркая артикуляция, – ответила Валерия.

Скоро поручик убедился, что у его дамы феноменальная память. Она помнила, кто, где сидел за столом и о чем вели разговоры. Да и сами разговоры она помнила слово в слово.

Вторая пара: мичман и Фаина, можно сказать, блистали на этом банкете. Все благодаря Фаине. Было видно, что она отдает команды своему кавалеру, а тот добросовестно их выполняет. Они презнакомились почти со всеми гостями, приняли участие в обсуждении всех сплетен, а уж когда начались танцы, Фаина превзошла саму себя. Хотя она, наверное, перестаралась, нажила себе завистниц. Даже Валерия неодобрительно смотрела на нее.

– Фаина, – шепнула она ей мимоходом, – нам велено не слишком выделяться. Придержи свою энергию.

Вокруг нее появились поклонники, и ей пришлось рассказывать: кто она и откуда. Но легенда Фаины была почти целиком правдива, за исключением монастыря. Ее родителей помнили некоторые из гостей, поскольку детство-то она провела в столице. Поклонники, впрочем, не были слишком назойливы. Мрачный вид мичмана и его внушительная фигура отпугивала записных ловеласов.

– Фаина, можно один вопрос? – спросил вдруг мичман уже в конце банкета.

– Если опять о Лильке, то я зарезу тебя твоим же кортиком, – ответила та, изображая ревность. А может и не изображая.

– Да, нет, – хмуро ответил мичман, – я просто хотел узнать: сколько вас там всего в этом доме?

– Нас всего четверо, – сказала Фаина, – ты всех уже видел, но я не знаю: кто будет твоей дамой в следующий раз.

А Лильке я скажу, конечно, о твоих мечтах...

Далее на этом банкете больше не произошло ни чего необычного и в положенное время барышни были доставлены домой. Офицеры также отправились каждый в свое жилище, чтоб на другой день встретиться в управлении в кабинете полковника. Вошли они вдвоем, как и в прошлый раз.

– Говорите. Сначала вы, поручик, – сказал хозяин кабинета.

– Если вчерашний банкет воспринимать как экзамен на знание этикета и светских манер, то моя подопечная сдала его с оценкой отлично, – произнес Михаил заготовленную заранее фразу.

– Могу сказать то же самое о своей подопечной, – добавил мичман.

– Ну что ж, господа офицеры, о следующем банкете вас известят, вам придется еще несколько раз вывести барышень в светское общество, – резюмировал полковник.

– Извините, Михаил Юрьевич, – сказал кавалергард, – а как скоро закончится это интересное задание и когда я смогу вернуться в полк?

– Ваше задание, господин поручик, еще и не начиналось. Это пока... прелюдия, так сказать. К новому году готовьтесь к командировке... в Париж, по всей вероятности. Мичман, вас это тоже касается. Для страны грядут трудные времена, и вам придется послужить на благо отечества.

Офицеры продолжали вывозить барышень в свет, но

внедрение их в светское общество столицы, проходило весьма медленно и затруднительно по причине отсутствия прямых родственных связей. К тому же обзавестись подружками из светского общества у наших барышень тоже не получалось. Прошла осень, началась зима. Мичману за все время удалось четыре раза сопровождать Лилию, но сама она ничем не выказала своих предпочтений к Андрею. У кавалергарда амурные дела складывались удачно, Валерия явно симпатизировала ему и пыталась сделать его своим кавалером, вне «службы». Только ей это не удалось, потому что догляд за барышнями был строгий. Ну, это и понятно, девицам только исполнилось семнадцать лет. Фаина откровенно запала на Андрея и получился любовный треугольник. Полковник поступил недальновидно, определив для четырех девушек двух кавалеров, очевидно, рассчитывал, что в светском обществе съищутся остальные, но... Очень не просто они вливались в эту среду.

В один из предновогодних дней, полковник на очередной встрече сказал им.

— Пора, господа офицеры, вам познакомиться поближе с вашими дамами. Сегодня нам будет дозволено присутствовать на занятиях в спортивном зале. Уверяю вас, это будет интересно.

В том, что это интересно, офицеры ни минуты не сомневались. Они вместе с полковником сели в коляску и направились по уже известному адресу. В прихожей они разделись,

и классная дама провела их в спортзал. Зал был невелик, метров десять в длину и чуть меньше в ширину. В углу стояло пианино, поскольку некоторые занятия проходили под музыку. Но в этот день за пианино никого не было. Четыре девушки, одетые в черные костюмы бегали по кругу. Разминка. На голове каждой повязана черная косынка, скрывающая волосы, а на лице маска, оставляющая открытыми только глаза. В результате офицеры не сразу распознали своих барышень. В углу зала, было возвышение, огороженное барьером, где стояли стулья. Туда-то и провел полковник мичмана и поручика. Наблюдать за занятиями было удобно.

Девушки, конечно, поняли, что им вновь нужно продемонстрировать свои умения. Они в одночасье снова превратились с амазонок и не разочаровали своих зрителей. Впрочем, не разочаровали, это мягко сказано. Они проделали акробатические упражнения, прыжки с переворотом вперед и назад, шпагат, колесо, затем провели учебно-показательные бои, разбившись на пары.

Пока кавалергард и моряк заворожено смотрели на это выступление, полковник дополнял его своими комментариями. Он-то видел уже все и знал не понаслышке возможности этой боевой группы.

– Кроме того, что вы видели, – говорил он офицерам, – эти барышни прекрасно владеют холодным оружием, стреляют из пистолета так, что им позавидуют лучшие гвар-

дейские стрелки. Но это еще не все. Каждая из этих барышень имеет один уникальный дар. Вот, к примеру, Валерия Кистенева обладает феноменальной памятью. Она может просто прогуляться по расположению войскового подразделения, а потом очень точно указать на карте расположение артиллерийских батарей, блиндажи и укрепления, командный пункт, и, довольно точно, указать количество живой силы противника. Фаина Усманова прекрасно ориентируется в полной темноте, обладает гибкостью и ловкостью, не боится высоты, может пройти по карнизу здания, может взобраться по почти отвесной стенке. Елена Леонова прекрасно разбирается в механике, что позволяет ей открывать замки без ключа, используя некоторые приспособления, кроме того она умеет работать со взрывчатыми веществами и может подготовить взрыв на заданное время, и это далеко не каждому умельцу под силу. Наконец, Лилия Рон. Особый дар этой амазонки в том, что она может руководить этой группой. Думаете это просто? Нет, господа офицеры. Под ее руководством эта группа может превратиться в артиллерийский расчет, и снаряды полетят точно в цель, может превратиться в небольшой эскадрон, который может догнать и захватить любой экипаж. И, я думаю, это далеко не все их возможности.

– Михаил Юрьевич, – сказал поручик, – мы с Андреем уже давно догадались, что наши дамы отнюдь не провинциальные барышни, которых надо ввести в свет. Но о подобных

чудесах даже не догадывались. Теперь, наверно, пришла пора поговорить о задании, которое вы для нас приготовили.

– Суть задания нам расскажут позже, я пока и сам не знаю, в чем оно будет состоять. Пока пришло время поговорить о распределении ролей. Перед вами группа амазонок. Это основной боевой кулак, а мы с вами будем выполнять роль перчатки для этого кулака. Четверкой амазонок командует Лилия Рон, а четверкой мужчин, которая будет оберегать их до поры до времени, командую я. Итого нас будет восемь. Не надо думать, что наша роль второстепенная или незначительная. Отнюдь. Мы являемся единым механизмом. Для сравнения представьте, что пуля и ствол, из которого она вылетает, являются одним механизмом: без ствола пуля никуда не полетит, а без пули ствол бесполезен. Я хочу, чтоб вы это поняли и свои амбиции держали в узде.

– Господин полковник, – сказал мичман, – вы говорите, что нас тоже будет четверо, включая вас, но я не вижу четвертого.

– Вы правы, господин Мичман, – ответил полковник, – есть еще один офицер, который здесь не присутствует. Это гусарский поручик Олег Корсаков. Я представлю его вам позднее. Амазонкам он уже знаком в роли разбойника с большой дороги, надо будет разрешить это недоразумение... Впрочем, это уже моя задача. С этим бравым гусаром знакомиться будем завтра, а сегодня наши дамы приглашают нас на дружеский ужин.

Девушки закончили свои занятия и удалились переодеться, а офицеры направились в гостиную, где ожидали своих пассий, которые должны выйти уже в обычной женской одежде. В гостиной же они встретили и познакомились с гусарским поручиком Олегом.

– Вы многое потеряли, Олег, что не были с нами в спортивном зале, где занимались наши барышни, – сказал Михаил.

– Поверьте, кавалергард, – ответил тот, – я видел этих «барышень», как вы изволили выразиться, не на спортивных занятиях, а в реальной схватке с лесными разбойниками, и имею впечатление весьма конкретное...

В этот момент вошли все четверо амазонок и уставились на гусарского поручика, и их взгляды не сулили ему ничего хорошего. Если учесть, что в их руках любой предмет превращался в оружие, да и без оружия они могли многое, гусару должно быть не по себе. Однако он только беззаботно пожал плечами. Ситуацию прояснил полковник.

– Уважаемые дамы, – начал он, – я должен представить вам еще одного офицера нашего управления: поручика гусарского полка, Олега Корсакова. Ту встречу в лесу, где на нас напали лесные разбойники, прошу считать недоразумением. Поручик выполнял специальное задание, о котором не знал даже я. Разбойники-то были настоящие, но... Вот как-то так.

– Значит, это была проверка, – спокойно сказала Ли-

лия. – К вам, полковник, никаких вопросов нет, вы рисковали наравне с нами. Но, вообще-то, это странно...

– Я высказал руководству свое мнение, – ответил полковник, – оно совпадает с вашим. Его превосходительство приносит вам свои извинения и гарантирует, что впредь подобного не произойдет. Надеюсь, в отношении поручика у вас не возникнет неприятя. Он выполнял приказ. А в дальнейшем он должен работать в составе нашей группы.

– Ну что ж, господа офицеры, – ответила Лилия, – прошу к столу. Будущее все расставит по своим местам.

Лилия подошла к мичману, Валерия оперлась о руку кавалергарда, полковник подошел к Елене, а гусару досталась Фаина. Ужин прошел в теплой обстановке, даже к гусару отношение было ровным и дружеским. Теперь все знали друг друга достаточно хорошо и были готовы к выполнению задания, о котором им намекали уже давно, но сути не знал даже командир их отряда, полковник Потоцкий.

Продолжение в следующем номере

«Ну вот, – подумал я, – теперь для первого номера журнала хватит». Однако что дальше делать с героинями я совершенно не знал. Вроде бы все сцены получились вполне благопристойными, без мордобоя, стрельбы и прочего, что так не понравилось Полине. Только вот, я и сам это понимаю, тонких чувств и любовных переживаний, прямо скажем, ма-

ловато. Тем не менее, глава закончена и надо показать Полине, главному эксперту, пожелание которой я старался выполнить. На положительный отзыв я не рассчитывал, как, впрочем, и на то, что она сама что-нибудь напишет.

7

На другой день к обеду я был уже у Елисеевых. Меня встречало все семейство, и настроение у всех было благостное. Я понимаю, ведь их жизнь, – я имею ввиду женскую половину, – уже перестала быть скучной. Теперь они полноправные участники создания нового печатного издания и вправе претендовать на авторский экземпляр.

Во время обеда разговоры были о литературе, обсуждали сочинения Дениса Давыдова, героя войны с Наполеоном, Пушкина. Я больше старался помалкивать, но не потому, что не знал поэтов и писателей тех времен, а просто времена создания тех или иных произведений были мне неизвестны. Но суть не в этом. В данный момент меня интересовало, смог ли отец этого милого семейства составить хотя бы пару кроссвордов. Ведь по моей задумке, это гвоздь программы. И Илья Иванович оправдал мои надежды, он составил целых пять штук. Это даже многовато, но я надеялся, что поднаторевший в редакторской деятельности Марк, отбракует лишнее или оставит для последующих номеров.

Наконец, пришло время и мне озвучить продолжение мо-

ей повести. Я старался как мог: читал с выражением, в нужных местах делал паузы, менял интонацию... Но, интерес в глазах я видел только у отца семейства. Женская половина явно принимала мою писанину с прохладцей.

– Ну что ж, неплохо! – сказал Илья Иванович. – Напряжение нагнетается, только что вы задумали дальше? Покушение на Наполеона? Но ведь насколько известно общественности, на него покушений не было. Хотя, мы не все знаем. А поскольку он остался жив и здоров, значит покушение неудачное? Значит, героини погибли?

– Ну, зачем так категорично, – ответил я. – Даже при неудачном покушении погибать героиням не обязательно. Но вообще-то я не планировал вводить в свое произведение императоров. Можно выбрать сюжет попроще. Например: отправить их спасать из темницы благородного кавалера, царских кровей, ставшего жертвой интриг некоего высокопоставленного злодея. Или благородную даму, попавшую в затруднительное положение...

– Ну, сударь мой, – сказал Илья Иванович, – насчет благородной дамы, попавшей в затруднительную ситуацию, сюжетец будет мелковат. Я бы не советовал. Это как из пушки по воробьям. А вот спасти кавалера, царских кровей...

– А меня вам угодно выслушать? – с раздражением вмешалась в разговор Полина.

– Я с нетерпением и благоговением жду вашего приговора, – изобразив смирение на лице, ответил я.

– Помните, я говорила, что в вашей повести недостаточно чувств, – продолжила Полина. – В этот раз вы попытались исправить и изобразили чувства офицеров. Вернее пытались изобразить, очень кратко и неубедительно. Но, наверное, у мужчин по-другому и не бывает. А вот про чувства ваших барышень вы совершенно забыли. Ну, ни слова о них нет. Они как живые куклы, все умеют делать, но ничего не чувствуют. Правда надо отдать вам должное, безобразных драк, погонь и стрельбы уже нет, но папенька правильно сказал: обстановка нагнетается и готовится что-то ужасное...

– И я опять вынужден с вами согласиться, – ответил я. – В дальнейшем опять просматриваются стрельба и погони... Однако хочу вас спросить, вы, Полина Ильинична попытались сами что-нибудь изобразить?

– Пыталась, – вздохнула она. – Ничего не получается. Да и как может получиться? Я же не знаю, что вы напишите, никак не состыкуются наши сюжеты.

– А вы напишите, Полина, любой эпизод с любой героиней, а я постараюсь втиснуть его в сюжет.

Ну вот, как то так прошла встреча с Елисеевыми и я начал собираться в Павловск. Теперь у меня в руках был изрядный кусок будущего литературного журнала. Однако продолжение повести просматривалось очень смутно. Пример для подражания у меня был. Вот Дюма, например, в «Трех мушкетерах» из совершенно глупой истории с подвесками королевы сотворил бестселлер, который уже два столетия, вза-

хлеб читают все и во всех странах мира. А я собрал такую же команду, только из женщин, но не за подвесками же их посылать? В подобной ситуации они сами пошлют королеву вместе с ее Бекингемом куда подальше. Кстати, я ведь не шутил, когда говорил Полине, что мои героини действуют помимо моей воли, я только записываю то, что с ними происходит. Но чтобы с ними что-то происходило им надо дать задание.

Покушение на Наполеона я сразу отмел. Тут-то все сразу ясно, этому императору уготовлен остров Святой Елены, про то всем известно. Значит, если я отправлю к нему боевую группу, то ее заведомо ждет провал. Читателю это не понравится... Какая же авантюра происходила в России в девятнадцатом веке не связанная с войнами? А вот какая! Аляску продали! Правда, до этого события еще полвека, но Аляска – это не подвески королевы. Это Клондайк и отнюдь не в переносном смысле. Но пока об этом никто не знает, идет освоение американского континента. А надо, чтоб узнали об этой земле поболее, тогда, может быть, Александр второй, – племянник теперешнего императора, – не вздумает ее продавать. Все вроде бы неплохо должно сложиться, только я в предыдущей части собрался отправить своих амазонок совсем в другую сторону, в Париж. Да к тому же еще зима. До Аляски и летом-то непросто добраться... Тут есть об чем подумать.

В Павловске я сразу снял небольшую квартиру, чтоб и мне

хватало места для творчества, да и Ольга могла вести хозяйство. У Марка была квартира неподалеку, он-то ведь просто продлил аренду. Издательства продолжило свою работу, после того, как все финансовые проблемы были решены. Марк название придумал: «Российский вестник» и первый номер уже готов был к верстке. Все три отрывка моей повести объединили, а Варвара постаралась с рисунками. Кроссворды, разумеется, не забыли. Меня, конечно, волновали отзывы о моей повести, но они оказались весьма противоречивы. Женщинам она не нравилась, а мужчины, почти все, давали положительный отзыв и спрашивали продолжение.

Марк был постоянно занят в издательстве: он правил рукописи, – и мою в том числе, – решал вопросы с типографией, с цензурой, с торговыми точками, да и других вопросов было немало. Вообще-то, половину этой работы должна была делать Варвара, как директор. Но Марк все брал на себя, то ли не доверял, то ли просто по привычке. Варвара не спорила и не возмущалась, но при этом старалась быть в курсе всех дел. Я конфликтов между ними не заметил, да и Марк ведь не дурак, чтоб конфликтовать со своими спасителями. Одно могу заметить, что без подписи Варвары финансовые дела не решались, а она не имела привычки подписывать документы, не читая.

Я в эти дела не лез, мне теперь с избытком хватало писательской деятельности. А после того, что я задумал... Мечты были такие: я создаю литературный шедевр, он доходить

до их величеств и...

Продажа Аляски не состоится. Но возможен и другой вариант. Мой шедевр переводят на английский язык, его читают американцы, и продажа Аляски происходит еще раньше. Пожалуй, второй вариант маловероятен.

В самый разгар подготовки первого номера, меня пригласили в гости к Денисовым. Евдокия Никитична, как мы знаем, была женщина богатая, и жили они с дочерью в большом доме с прислугой. Сама-то хозяйка в дела издательства не вникала, и слава богу, Марку меньше проблем. А Варвара тут была своеобразным посредником, но, несмотря на мягкий, я бы даже сказал, кошачий нрав, финансовую деятельность Марка полностью контролировала и сомнительные сделки не подписывала. А Марк, хоть и был упрям, а иногда и вздорен, соглашался с ней. Поначалу я относил это к финансовой зависимости от кошелька Евдокии Никитичны, но через некоторое время с удивлением обнаружил, что он поглядывает на Варвару с обожанием. Честно говоря, я и сам иногда с восхищением смотрел на это чудо в конопушках, хотелось даже погладить ее по головке, как малое дитя... При этом не было даже намека на какие либо фантазии. Как можно-с, ребенок ведь. Только этому ребенку уже двадцать первый год пошел.

Придя в гости, я встретил там Марка, который по свойски развалившись в кресле, беседовал с нашей меценаткой, хозяйкой дома и нашего издательства. Это меня вовсе не уди-

вило, по-другому и быть не должно, удивило просто какое-то вальяжно свойское поведение Марка. Как будто он уже живет в этом доме, причем на правах хозяина... Если он уже с Варварой занят амурами и дело идет к свадьбе, то как быть с Наденькой Елисейевой? А мне-то что за дело до всего этого? Я вот теперь и повесть свою могу не дописывать...

– Слушай, Марк, – сказал я ему, – твои дела, кажется, налаживаются. Похоже мое присутствие в вашей компании необязательно...

– Погоди, Макс, – живо откликнулся он, – что сбежать решил? А как же твоя повесть? Первый номер уже верстают, а где продолжение?

Тут я задумался. Эксперимент надо завершить, тем более вся нить повествования уже уложилась в голове. Самому же интересно, как после моей повести будут развиваться исторические события. Продадут Аляску или нет?

– Повесть допишу, – ответил я ему, – а дальше без меня.

– Куда это ты засобирался?

– В армию, решил продолжить службу.

Марк развел руками, дескать, неволить не могу. Подали обед, за столом все было чинно, разговоры велись на отвлеченные темы. Однако, я высказал несколько комплиментов Варваре, по поводу ее рисунков к моему сочинению. Собственно, я не погрешил против истины, поскольку ее рисунки оживили моих героинь. Я-то ведь словесным портретом не особенно утруждался, весьма схематично их изобразил,

зато теперь Варвара буквально вдохнула в них жизнь.

Мои комплименты, в общем-то, обычные и безыскусные произвели впечатление на Варвару. Она краснела и смущалась, как девочка, а в ее темно-зеленых глазах таились бесенята. Ее несколько странное поведение за обедом и позднее почему-то забавляло Евдокию Никитичну. Она безобидно подтрунивала над дочерью, намекая, что пора сделать выбор между двумя охапками сена. Притчу о Буридановом осле она не рассказывала. Зачем. Ее все знали. В конце концов, Марк начал злиться. Когда мы возвращались домой, он почти не разговаривал со мной. Ну и дела. Мне только дуэли не хватало, для полного счастья.

Простились мы друг с другом прохладно. Нарисовался какой-то любовный треугольник. Я себя ловеласом никогда не считал, ведь у меня в поместье Елисеевых была Полина, а тут мне почему-то нравилось внимание Варвары. Если сравнивать двух девушек, то внешне Варвара проигрывала Полине, зато превосходила ее интеллектуально. А ее детскую непосредственность и даже влюбленность не скроешь от моего многоопытного взгляда. А Марк-то тоже хорош, ведь его ждет Надежда, и Варвара об этом знает. Впрочем, она и о Полине знает. Вот какой пятиугольник получился.

А дома меня ждал приятный сюрприз, урожай был в этом году неплохой, торги уже состоялись и мои крепостные принесли мне немалую прибыль. Прохор привез мне полторы тысячи ассигнациями, громадные деньги, по этим временам.

Я думаю: он и себя не обидел. Банкет, по такому случаю я устраивать не стал, не принято это здесь, но заставил Ольгу обновить ее гардероб, приобрести зимнюю женскую одежду, ведь октябрь уже... Сам я тоже приоделся. Ходил теперь в гражданской одежде, мундир подпоручика оставил до лучших времен. Но денег то сильно не ubyло. Дешевы были и товары и услуги. Впереди меня ждал гонорар за повесть, – это пока мечты, – можно было задуматься о поездке в Сибирь. Железную дорогу туда построят через девяносто лет, станцию Басаргина и того позже, придется добираться на лошадях до знакомых мест. Пора уж в родные места, в двадцатый век. Хотя, что там меня ждет? Да-а...

Появившись в издательстве, я отправился сразу в кабинет Марка. Тот сидел в своем кресле с видом человека, который только что решил очень трудную задачу и теперь торопился записать решение. В момент моего появления, он поднял голову, кивнул и продолжил писать с видом сосредоточенным и деловым.

– Привет Марк, – сказал я, садясь на стул для посетителей. – Ну, рассказывай, как дела наши движутся.

– Слушай Макс, – быстро заговорил он, не поднимая голову от стола, – пока еще ничего не понятно. Тираж только поступил в продажу. Подписчиков у нас три человека, не считая нас, конечно. Я тебя хочу попросить, чтоб ты продолжил писать, поскольку пора готовить следующий номер... Объем должен быть таким же или больше. Я рассчитываю в следу-

ющих трех номерах на твою повесть. Гонораром, думаю, будешь доволен. Ну а дальше, сам решай...

– Марк, я готов приняться за работу, хоть сейчас, но должен быть уверен, что эта работа будет востребована. Хотел бы услышать отзыв, от тебя и от Варвары.

Марк поднял голову и в упор посмотрел на меня.

– Считай, что мой положительный отзыв ты получил, – сказал он, – иначе я бы не стал печатать. А к Варваре сходи сам, если хочешь. Ты ведь видел ее иллюстрации к повести. Сам подумай: стала бы она рисовать, если бы ей она не понравилось?

– Ну, это как сказать... Художники, они несколько не от мира сего...

Оставив Марка в его кабинете, отправился к Варваре. В кабинете она была не одна. Возле ее стола стоял лохматый, неопрятно одетый мужичок и, размахивая руками, что-то быстро ей говорил. Я вышел и затворил дверь. Наверное, директору нужна секретарша. Может Ольгу пристроить? Пожалуй, нет, тогда по дому некому будет хозяйство вести. Вот после моего отъезда, пожалуйста. Не прошло и пяти минут, как Варвара вытолкала мужика из своего кабинета буквально взашей.

– Заходите, Максим, – сказала она мне.

Я зашел и затворил за собой дверь.

– Секретаршу вам надо завести, Варвара.

– Кого?

– Ну, девушку, которая будет пропускать нужных посетителей, а не нужных отправлять на улицу. Да еще много полезных дел будет делать, например, чай подавать, за порядком следить...

– Нет, девушку не надо... Вот вышибалу, наверное, придется нанять.

Ну, тут я только руками развел.

– Варвара, я ведь вот зачем пришел, – начал я. – Мне пока неизвестно, будет ли моя повесть пользоваться успехом, и стоит ли писать продолжение.

– Писать продолжение надо в любом случае, Максим. Мы на вас рассчитываем. А чтоб у вас не осталось больше сомнений, издательство готово выплатить вам гонорар авансом. Как вы на это смотрите?

– Ну, нет. Этого не нужно. Лучше оплатите по факту, после получения прибыли...

– Вот и славно. Пишите, Максим Петрович. Мне ваше произведение понравилось, а если в дальнейшем вы добавите чуть больше лирики, то будет совсем замечательно.

«И эта туда же», – подумал я, но озвучивать не стал.

Тут появился Марк и, не обращая на меня внимания, завел разговор о делах в типографии, которые требовали присутствия не только Марка, но и директора издательства, то есть Варвары Ильиничны. Я, конечно, сразу понял свое место и откланялся.

Уже шагая домой, я размышлял о том, что Марк очень

быстро обрел крылья. Ведь еще месяц назад он был никем, а вот надо же... Допишу повесть, и наша дружба закончится. Так просто и незаметно сойдет на нет. Ну и бог с ним. Не везет мне с друзьями и подругами. Никиту пришлось в Ельске оставить, он мне там козу подстроил, вынудил взять Ольгу Сосновскую в двадцать первый век, а ее папаша потом обрушил временные порталы. Анна, хорошая девушка, но тоже меня оставила, хотя ее я могу понять. Много хлопот и неприятностей я ей доставил. А в этом мире, хоть и стал барин, но друзьями не обзавелся, да и подругу себе выбрать не могу. Обстоятельства таковы...

А писать я начал в тот же день.

Вьюга над полями (продолжение)

Париж

Наступил 1811 год, в России отметили Рождество. И вот настал день, когда в кабинет его превосходительства был вызван Полковник Потоцкий Михаил Юрьевич и Лилия Рон. Почему в таком странном составе проходило совещание? Да нет, все правильно. Полковник – командир всего отряда, а Лилия – командир амазонок, остальные – рядовой состав. Им подробности знать ни к чему, и свое мнение высказывать не нужно.

Речь генерала была довольно пространной, а приказ, ко-

торый последовал за ней, никаких неясностей не оставлял.

– Так вот, господа, – начал генерал свою речь, тут он взглянул на Лилию, хмыкнул, но поправляться не стал, – так вот, господа, пришло время послужить отечеству, проявить себя и показать на что вы способны. Для начала послушайте историю. Обстановка в Европе вам, я думаю, известна. Россия находится в сложном положении и рано или поздно война с Наполеоном неизбежна. Но, хотя вы и направляетесь в Париж, вас политическая обстановка не должна напрягать, поскольку ваше задание находится в иной плоскости... В Париже сейчас находится некто Клобуков Иван Трофимович, подданный России. Живет он на широкую ногу. Записной игрок, кутила и пьяница, и, что удивительно, деньги у него не кончаются. То, что русские богачи проматывают деньги в Париже дело обычное. Необычно то, что Клобуков, еще два года назад, богачом не был, а был он прапорщиком линейного полка и служил на Аляске. Служба там нелегкая, края суровые, с индейцами бывают стычки, но в основном с местным населением удается находить общий язык. Никаких богачеев там нет, откуда им взяться в такой глуши. Так вот, два года назад прапорщик Клобуков и два его приятеля исчезли, в расположении полка не появились и никаких сведений о них не поступало. Поиски проводились, но ничего узнать не удалось. Как будто черти унесли. Такие происшествия иногда случаются в тех краях. Только вот чтобы пропавшие на Аляске, вдруг обнаружались в Па-

риже, да еще так сорили деньгами, такого не бывало никогда. Но Клобукова опознал один из его давнишних приятелей и немало удивился метаморфозе с ним произошедшей. С ним самим поговорить ему не удалось, не желает он разговаривать со старыми приятелями, а желает пить, гулять и веселиться. Происхождение его богатства остается тайной, а о двух его сослуживцах совершенно ничего неизвестно. Дело тут прямо скажем нечисто. Надо во всем разобраться, но просто так к Клобукову не подобраться, он окружил себя отпетыми мерзавцами, которые, не задумываясь, пускают в ход ножи. А теперь слушайте приказ: «В этой темной истории разобраться, прапорщика доставить в Санкт-Петербург для допроса. Происхождение его богатства выяснить досконально. Досконально это значит не по слухам, не с его слов, а убедиться воочию. Вы должны увидеть собственными глазами, откуда что взялось.»

Приказ был понятен. Никаких вопросов не последовало. После приема Михаил Юрьевич и Лилия, отправились в казначейство, получили деньги на эту экспедицию и начали готовиться. Все необходимое для длительного путешествия было закуплено. Барышни получили на руки некоторое количество ассигнаций. Поскольку они находились на службе, то им положено было жалованье. Однако, полковника тревожило другое, очень молоды были девицы. Молоды и неопытны...

– Я бы хотел поговорить с вами, сударыня, – сказал он

однажды Лилия. – Разговор несколько необычный... Короче, дело в том, что девушкам в вашем возрасте нужна взрослая дама, которая будет за вами присматривать, в определенном смысле, давать советы, ну и пресекать, если что-то не так... Вы понимаете Лилия, что я имею в виду... Мы на задании, и я не хочу сюрпризов!

– Да полно, вам, сударь мой! – возмутилась Лилия. – Мы воспитывались в монастыре.

– Вот как раз это меня и напрягает, – ответил полковник. – После строгостей монастыря и вдруг оказаться на свободе это, знаете ли...

– Ха! Михаил Юрьевич, вы говорите, что за нами некому присмотреть? – усмехнулась девушка. – Неужели вы не заметили, что вот за мною очень бдительно присматривает мичман. Он своими ручищами лом согнуть может, и я заранее не завидую тому, кто попытается приблизиться ко мне. За Валерией очень внимательно следит кавалергард, вы его хорошо знаете, – дуэлянт и забияка. За ее сохранность тоже можно не волноваться. У Фаины теперь тоже появился кавалер: гусарский поручик. Осталась Елена и вы, господин полковник. Я ведь не слепая и вижу, как вы на нее смотрите. Напрасно вы завели этот разговор. Присматривайте за своими офицерами и с нами проблем не будет. Или я не права?

– Правы, конечно... Я же все понимаю. Но сначала работа, потом замужество... Я это хотел вам сказать...

На самом деле полковник хотел сказать совсем не это. Но слово не воробей, что сказано, то сказано, а что будет еще никому не ведомо. Вскороости сборы были закончены и в начале февраля два дилижанса выехали из столицы России в столицу Франции.

Дорога в Европу – это не сибирский тракт. Таежных чащоб нет и в помине, а постоялые дворы более комфортабельны, хоть и дороже обходится постой. Разбойный люд власти держат в узде. Грабежи еще случаются, воровство тоже не редкость, но полиция не дремлет, на любом постоялом дворе имеются осведомители. Конечно, наши путешественники могут и сами за себя постоять, но самосуд не приветствуется... Он нигде не приветствуется, ни в какой стране, но всегда случается. А как без него? Дуэли-то ведь случаются, сколько их не запрещай, а это одна из мер восстановления справедливости без участия полиции.

В пути у офицеров не было повода браться за оружие, хотя военных встречалось много, и из совершенно разных армий. Лилия тоже категорически запретила амазонкам светить свои боевые навыки. Так и добрались они до Парижа, без лишнего шума и ажиотажа. В другое время, может и привлекла бы к себе внимание группа из восьми человек, но, напомним, шел одиннадцатый год. Европа бурлила, Франция превратилась в империю... Войны не утихали. А под этот шум и гам, незаметно въехала в Париж группа амазонок, под видом праздных, но любопытных девиц, ко-

торых сопровождали мужчины в гражданской одежде, но с военной выправкой. Особняк сняли сразу, за вполне приемлемую цену. Русское дворяне французским языком владели. Сказать, что говорили без акцента нельзя, поскольку русских опознавали сразу. Но поскольку русские владели французским, а французы русским – нет, то торговаться было легко.

Особняк, прямо скажем, был нешикарным, да и прислуги не было, но ведь наши люди и не планировали задерживаться здесь надолго. Во всяком случае, полковник для себя решил, что двух недель им вполне хватит. Он даже представить себе не мог, во что выльется это простое, на первый взгляд, задание. План у полковника был, он придумал его еще на пути в Париж. Сначала офицеры, впрочем, теперь уже гражданские люди, устанавливают местонахождение Клобукова, затем одна из амазонок, а возможно и две сразу, внедряются в его окружение, ну а остальное дело техники.

План был всем хорош, однако дал сбой в самом начале. Пока барышни два дня обустроивались на новом месте и приводили себя в порядок, кавалеры отправились на поиски объекта. Ну а где его искать? В злачных местах, конечно. Там, куда праздный народ ходит пить, гулять и веселиться. Сам полковник навестил городскую ратушу и наше русское посольство, дабы поинтересоваться местом обитания состоятельных российских граждан, прибывших пару лет назад. Поначалу он не хотел проявлять свой интерес к кон-

кретному гражданину Клобукову Ивану Трофимовичу.

Через два дня Лилия подошла к полковнику и без обиняков объявила.

– Михаил Юрьевич, мы к работе готовы. На встречу с Клобуковым пойдут Валерия и Фаина, а сопровождать их будете вы, во избежание недоразумений.

– Хорошо, что вы готовы, Лилия, – задумчиво сказал полковник. – Только вот не можем мы пока найти его. Странные дела происходят. Нигде не отмечился и нигде не засветился Клобуков Иван Трофимович. Не знают такого ни в российском посольстве, ни в русской общине, да и вообще в Париже такой личности не появлялось.

– Так это и неудивительно, – спокойно ответила Лилия. – Человек, который дезертировал из армии, и при этом раздобыл кучу денег, наверняка приобрел другие документы и живет под другим именем.

– Похоже, вы правы, – хмуро пробурчал полковник, который уже и сам до этого додумался. – Но у нас есть его словесный портрет.

– Я читала словесный портрет, – ответила Лилия. – Правда, придется опять вас разочаровать. Мужчина может легко изменить свою внешность: ничего не стоит подстричь бороду, сбрить усы, убрать бакенбарды на европейский манер, да и походку можно изменить.

– Я вас понял, сударыня, может быть, у вас есть мысль, как найти нам этого господина.

– Самое простое – через того человека, который его уже опознал и сообщил его превосходительству.

– Отпадает. Его уже нет в живых. В прошлом году, летом был зарезан во время пьяной потасовки.

– Тогда придется обходить игорные дома и внимательно наблюдать за соотечественниками. Мы будем сопровождать вас. Я рекомендую вам взять с собой Валерию, она запоминает всех и весь процесс игры, кроме того она может и сыграть, и не проиграется.

– Согласен с вами, сударыня, – сказал полковник, вновь обретя уверенный вид.

Задача, разумеется, усложнилась. Теперь нашей боевой группе придется затратить время на поиски объекта. Полковника это обстоятельство несколько раздосадовало, но деваться некуда. А другие офицеры, на эту задержку не сетовали. Они сопровождали своих пассий в их походах за современными нарядами, за продуктами, которые не требовали приготовления, и в недорогие рестораны, где приходилось питаться. Девушки, воспитанные в монастыре были неприхотливы в еде и сами умели готовить. Быт постепенно налаживался.

Вечером того же дня, полковник предложил офицерам сыграть в покер, ну во-первых надо входить в роль, да и освежить свои познания в игре. Давно уж не приходилось ему играть... Зато кавалергард и гусар были, что называется в теме. Ставки были невелики, но появилась и зрительни-

ца: Валерия, которая должна была сопровождать полковника в игорных заведениях. В России женщины к играм не допущены, но здесь другое дело. Да-с, господа, Европа. Тут они и мужских нарядах иногда щеголяют, а некоторые могут и шпагой того-с... Короче, когда офицеры расположились за столом, за исключением мичмана, – флотские почему-то картами не увлекались, – Валерия устроилась за спиной полковника. Играли, разумеется, на деньги, на интерес в эту игру не играют. Через час вся компания вошла во вкус. Полковник уже распрощался с половиной месячного жалованья, кавалергард был близок к тому же, зато гусар, что называется, был на коне.

Еще через час полковник бросил карты. Сделал он это, проявив изрядную силу воли. Велико было желание отыграться. Но ведь завтра снова игра и в компании профессионалов. Правда и здесь сидят не дилетанты...

– Господа, Михаил Юрьевич, на сегодня игру закончил, – вдруг сказала Валерия, – не угодно ли сразиться со мной?

Она села за стол, извлекла деньги и сделала ставку. За прошедшие два часа она поняла правила игры и раскусила смысл самой игры. Блеф – вот что правит бал в этой игре. Насколько бы ни был искушен игрок в этом искусстве, на лице и в глазах его всегда отражаются эмоции, даже у профессионалов, а читать лица людей она умела великолепно. Разумеется, она не могла угадать комбинацию карт на руках, но насколько сильна карта, она видела. Тут еще надо

учитывать характер человека, а всех игроков в этой комнате она знала. Мы уже говорили, что эта девушка обладала феноменальной памятью, и все расчеты в уме производила моментально. И надо ли говорить, что через час гусар попрощался со своим выигрышем, а кавалергард и полковник продудли месячное жалованье.

– Хорошо, что в России женщины не допущены к игорным столам, – сказал Корсаков.

– Зато в Европе запретов нет, и это тоже хорошо, – ответила Валерия, – иначе наши поиски Клобукова по значным местам, очень быстро закончатся. Из вас троих, господа офицеры, только у гусара есть шанс не проигратъся в первом же игорном заведении. Поэтому, господин полковник, придется вам поменять диспозицию. Мы с Олегом будем сидеть за игорным столом, а вы будете на подстраховке.

– Сударыня, – вдруг спросил кавалергард, – а вы и шпагой владеете так же виртуозно, как карточной игрой.

– Шпагой, а точнее палашом, она владеет значительно лучше, чем колодой карт, – ответила Фаина, которая неслышно появилась в комнате. – Желаете посмотреть?

– Желаем! – воскликнул кавалергард.

– О нет! Увольте-с, – столь же горячо запротестовал Олег Корсаков.

– Я уже видел, – спокойно ответил полковник.

После некоторых препирательств между мужчинами, девушки: Фаина и Валерия вооружившись своими облепчен-

ными, но не менее смертоносными, самурайскими мечами, устроили учебный поединок, прямо в комнате. Зрелище впечатлило даже тех, кто уже видел амазонок в деле, а у кавалергарда и мичмана слов не осталось. Действительно, мечи мелькали с такой быстротой, что оставалось только удивляться, как девушки не поранили друг друга.

На другой день вся группа полковника приступила к выполнению задания: поискам неуловимого Клобукова. Валерия с гусаром отправились в игорное заведение, а остальные, разбившись на пары, отправились посещать светские вечеринки. Кавалергард не скрывал своей неприязни к гусару, который не честным методом увел у него подругу, и теперь Михаилу пришлось сопровождать Елену. Но только присутствие полковника удерживало обоих от желания пустить в ход шпаги. Олегу-то Валерия понравилась еще там, в лесу, у разбойников, когда он из укромного места наблюдал, как девицы громили банду Кубаря. И теперь он не собирался ее никому уступать. Довольно странно, что ни тот ни другой совершенно не интересовались мнением самой Валерии. Вот таковы были нравы того времени. Все решали мужчины. Но мы не будем забывать, наши амазонки, отнюдь, не напоминали провинциальных барышень.

Время шло, а поиски успеха не приносили. Много было гуляк и русские среди них встречались не редко, некоторые даже подходили под описание, но при личном знакомстве, увы, никак не могли быть искомой личностью, да и большим бо-

гатством не блистали. Единственное, что утешало в этих довольно затратных поисках, так это то, что Валерия с гусаром стабильно пополняли казну боевой группы, своими выигрышами в покер. Правда, все известные игорные заведения они уже обошли по одному разу. И теперь вставал вопрос, стоит ли повторять, тем более, что за ними уже потянулся слушок. Напрямую их еще никто не обвинял в мошенничестве, но дело к тому шло. Полковник уже предупредил гусара, что следует всячески избегать поединков, ибо огласка в этом случае неизбежна. Это может осложнить поиски. Но это легко сказать избегать... Бывают прецеденты, когда и рад бы избежать, да нельзя-с.

И вот однажды утром, Лилия пригласила полковника для частной беседы. Вечером-то совещания не проводились, поскольку с приемов и светских раутов возвращались поздно.

– Михаил Юрьевич, – сказала она с нескрываемым торжеством в голосе, – похоже, наши поиски увенчались успехом! Вчера Валерия опознала по описанию Клобукова. Мало того, он пригласил ее в свой особняк, предложив сыграть по крупному. Валерия, естественно, согласилась. Поручик Корсаков пока не в курсе этого предложения, Валерия беседовала с Клобуковым буквально пару минут. Кстати он назвался Джоном Руткерсом и выдает себя за американца, но по-английски говорит плохо.

– Пригласите Валерию, – ответил полковник, – надо опре-

делиться с дальнейшими действиями.

Валерия подтвердила, что действительно опознала Клобукова по описанию, к тому же она заметила его в нескольких игорных заведениях.

– Я пойду на встречу с Фаиной, – сказала она. – Мужского сопровождения не нужно, чтоб не спугнуть нашего клиента раньше времени. Но было бы неплохо, чтоб вы проследили за нами во избежание непредвиденных затруднений.

– Это сделаем обязательно, – ответил полковник, – однако отпускать одних девушек очень рискованно.

– Мы справимся, – ответила Валерия, – да и других вариантов все равно нет.

Вечером того же дня Валерия и Фаина отправились на свидание в условное место, к одному из игорных клубов, где их уже ждал Джон в карете. Девушки сели, и карета понеслась по Парижским улицам на окраину города. Хорошо, что полковник с Лилией догадались заблаговременно подкатить на своей карете к этому же клубу, и постарались следовать на расстоянии, что пока удавалось с немалым трудом. Спустя час полковник понял, что след потерян, и догнать или найти карету, увозившую двух амазонок, не удастся. Полковник помрачнел и был близок к отчаянию. Почему-то он считал Клобукова очень опасным типом, и, возможно, у него были для этого основания. Лилия же оставалась спокойной.

– Не отчаивайтесь, Михаил Юрьевич, – сказала она. – Де-

вочки справятся. Оружие у них имеется и даже пятеро противников им не соперники.

– Ваши бы слова... – вздохнул полковник.

Валерия и Фаина, усевшись в карету, особенно не волновались. Оружие у них действительно было: ножи в ножнах на бедре, которые легко было достать, благодаря специальному карману на платьях. Сам же Джон, будем пока его так называть, излучал искреннюю радость и благодущие.

– Вы можете совершенно ни о чем не беспокоиться барышни, – медовым голосом произнес он. – Я вас пригласил Валерия только для игры, мне очень хочется сыграть с вами в приватной обстановке. У вас необычный стиль игры, он просто завораживает, когда вы играете в салоне игорного дома, а вот как у вас получится играть один на один... Жаль, что вашей подруге придется немного поскучать...

Валерия что-то отвечала, улыбаясь в ответ, но одновременно она фиксировала в памяти дорогу, в окно почти ничего не было видно, зато она запомнила все повороты и скорость движения. Она довольно быстро поняла, что полковник с Лилией не смогут проследить маршрут, но она сама сможет его изобразить на плане от начальной точки до конечной.

Когда прибыли на место, Джон был сама любезность, он помог дамам выйти из кареты и провел в дом, где был накрыт стол с закусками и вином. В гостиной находился только один слуга, который очевидно исполнял роль официанта.

анта. Девушки от угощения отказались, тогда Джон провёл Валерию в другую комнату, где был стол и запечатанная колода карт.

– А вы сударыня, останьтесь в гостиной, а чтоб не скучали, гарсон покажет вам мою коллекцию оружия, если угодно, – сказал он Фаине. – Таковы условия игры, ведь ваша подруга согласилась. Не так ли сударыня, – обратился он к Валерии. – Только вы и я...

Валерия была удивлена таким оборотом дела, она предполагала, что их попытаются захватить и использовать совсем для другого дела, но не для карточной игры. Однако вида не подавала и села за стол. Распечатали колоду и сделали ставки. Валерия снова удивилась: играли на деньги, и ставка была невысока. Валерия достала пачку банкнот, почти такую же, какую выставил со своей стороны Джон. Началась игра...

Джон не зарывался и не поднимал ставки слишком высоко. Валерия уже знала его манеру игры, ведь они уже встречались за столом, и она даже выигрывала у него. Но сегодня что-то разладилось, и Валерия проигрывала раз за разом. Проигрыши у нее случались, ведь она не была шулером и выигрывала только благодаря наблюдательности и точному расчету. Но тут ее наблюдательность не помогала, словно она играла с безэмоциональным автоматом. Джон с одинаково бесстрастным видом мог открыть флеш-рояль или каре. Оправившись от первого шока, Валерия сме-

нила тактику, сосредоточив внимание на руках Джона. Ей удалось даже несколько раз выиграть, но затем снова начались проигрыши. Карта упорно не шла ей и ее кучка банкнот неуклонно таяла. Наконец, Валерия бросила карты.

– Все, сударь, я пуста, – улыбаясь, сказала она. – Благодарю вас за игру, и позвольте откланяться.

– Я тоже благодарю вас, сударыня, – ответил Джон, укладывая выигранные в карман своего стуртука. – Мне понравилась игра, до сих пор редко удавалось встретить достойного соперника. Прошу прощения, что обобрал вас, сударыня, но таковы правила. Впрочем, я уверен, что вы скоро восполните проигранное. В гостиную вас ждет ужин и ваша подруга.

Фаина сидела за столом, и было видно, что она только что закончила трапезу. Валерия от ужина снова отказалась.

– Ну, как вам будет угодно, – развел руками Джон. – Карета ждет вас. Назовите кучеру адрес, и он отвезет вас. Ему уже уплачено.

Девушки вышли во двор, назвали кучеру адрес, но не своего дома, а на противоположной стороне улицы. Затем они сели в карету без каких-либо проблем, выехали из ворот и менее чем через два часа оказались дома, где их ждали с надеждой и нетерпением.

Узнав, что Валерия вдрызг проигралась, Олег долго хохотал. Возможно, это было нервное, но полковник укоризненно-

но взглянул на него. Потом Олег просил прощения у Валерии за свой смех, а кавалергард, похоже, ждал повода вызвать гусара на дуэль.

– Сударыни, – сказал полковник, когда схлынула первая радость от встречи, – теперь извольте сообщить, что вы узнали о нашем подопечном, Клобукове Иване Трофимовиче. Говорите сначала вы, Фаина.

– Я могу сообщить только о доме, где мы побывали с Валерией, – ответила девушка. – Там, кроме хозяина, живут еще четверо мужчин, возможно, являются слугами господина Клобукова, а, возможно, и компаньонами. Из них четверо французы и один русский. В доме есть коллекция холодного оружия, но не слишком богатая. Захватить этот дом вместе с жителями мы сможем легко и без большого шума.

– Мне остается только сообщить о господине Клобукове, – продолжила Валерия рассказ Фаины. – Он, вне всякого сомнения, является именно тем, кого мы искали. Но вот сведения полученные о нем вызывают сомнение. По вашим сведениям, Михаил Юрьевич, Клобуков является гулякой, мотом, дезертиром, с неизвестно откуда взявшимся богатством, окружившим себя убийцами и сам убийствами не гнушавшийся.

– В нашу задачу входит узнать обстоятельства его побега с Аляски и определить источник его богатства, – сухо сказал полковник.

– Так вот, Михаил Юрьевич, могу вам сообщить, что он

не мот и не гуляка, а человек очень умный и окружение его состоит не из убийц. Особого мотовства я не заметила, а в покер он больше выигрывает, чем проигрывает. В этом, к сожалению, убедилась на собственном опыте. Дорогу к его дому я запомнила, расположение комнат тоже могу нарисовать. Захватить этот особняк, как уже говорила Фаина, никаких трудностей не составит. Только смысла в этом никакого нет. Поскольку едва ли он расскажет добровольно все, что мы хотим знать. Доставить его в Санкт-Петербург, мы не сможем, вы сами понимаете, что происходит сейчас в Европе. Да и Россия, прямо скажем, накануне войны с Наполеоном. Можно попытаться доставить его морским путем, это более реально, но надо ждать лета.

– И что вы предлагаете? – спросил полковник.

– Мне кажется, – сказала Валерия, – вариант только один. Надо войти к нему в доверие, в круг его друзей, так мы вернее узнаем то, что нам нужно.

– Он назначил вам встречу? – продолжил полковник.

– Нет, к сожалению. Как партнер по покеру, я ему больше не интересна, а как женщина, очевидно, не в его вкусе.

– Пока я не знаю, что мы можем предпринять, кроме захвата Клобукова в плен, – задумчиво сказал полковник.

– А почему бы просто, не явиться к нему с визитом и не задать все вопросы напрямую? – сказал мичман.

– Так он нам и скажет, – вступил в разговор гусар. – Мне кажется, что моя обожаемая Валерия несколько идеализи-

рует этого пройдоху. А как еще его назвать? Его товарищи служат России в суровых северных краях, а он гуляет по Парижу. Нет, господа и дамы, тут прямо смердит криминалом. На прямые вопросы он нам не ответит, а вот если ему прищемить одно место...

– Не забываетесь, господин поручик, здесь дамы! – рявкнул кавалергард.

– Короче, дамы и господа, – резюмировал полковник, – поступило три предложения: просто встретиться и спросить прямым текстом «Почему дезертировали, господин Клобуков? Где ваши сотоварищи? И откуда у вас денежки на богемную жизнь в Париже». Второе предложение, захватить господина Клобукова и допросить с пристрастием без присутствия дам, чтоб получить ответы на те же вопросы. И третий вариант, внедриться в его окружение, чтоб ненавязчиво выведать то же самое. Будут еще варианты?

Поскольку других вариантов не последовало, полковник подвел итог.

– Итак, дамы и господа, наше собрание окончено, о принятом решении я вам сообщу позже.

Все разошлись по своим комнатам. Полковник, как командир группы, имел отдельный кабинет. Туда он и пригласил Лилию, с которой хотел обсудить сложившуюся ситуацию. Ибо внедрение в окружение Клобукова подразумевало участие девушек. Собственно, даже не подразумевало, а прямо указывало на это.

– Я бы хотел обсудить с вами текущую ситуацию, – начал полковник. – Собственно, решение я уже принял. Будем осуществлять внедрение к Клобукову нашего человека, остальные два предложения, это крайний случай. Их можно использовать, если внедриться не удастся. Как вы сами понимаете, Лилия, внедрять придется одну из ваших девушек. Валерию и Фаину уже нельзя использовать, поскольку Клобуков их знает, то остаетесь только вы и Лена.

– Это я уже поняла, – ответила девушка, – осталось только придумать, как это сделать. Насколько я поняла, женской прислуги у господина Клобукова нет. Дом у него большой, да и народу немало. Женищина в доме ему явно нужна, поскольку для уборки и готовки пищи мужчины мало приспособлены...

– Попробуем такой вариант, – сказал полковник. – Остался пустяк, убедить Клобукова, что ему нужна прислуга. Только вряд ли между ним и прислугой могут возникнуть доверительные отношения...

– Пожалуй, вы правы, – задумчиво ответила Лилия. – Ну не в любовницы же к нему набиваться... Мы для таких дел не годимся.

– И это верно, – сказал полковник. – Думайте Лилия, я тоже попытаюсь, что-либо сообразить...

Пока командиры совещались, гусар и кавалергард отправились в питейное заведение, как закадычные друзья. За последние сутки они поняли, что оба не добились благосклон-

ности Валерии, к которой питали самые возвышенные чувства. Объединяло их то, что счастливого соперника не наблюдалось и сердце их дамы оставалось свободно, а значит враждовать смысла нет, наоборот, надо дружить. Да и, действительно, с кем им соперничать? У мичмана своя пассия – Лилия, а полковнику Валерия в дочери годилась, правда, это завязтых ловеласов не останавливало, но Михаил Юрьевич был явно не из их числа.

Вот так, мирно беседуя, оба поручика вошли в здание, которое по-русски именуется трактир, а по-французски бог знает как. Дело ведь не в названии. Они сели за стол, заказали две бутылки вина и немудреную закуску. Успели выпить только по стакану вина, как к ним подсел невысокий толстячок и заговорил на русском языке.

– Узнаю соотечественников, господа. И мне почему-то кажется, что вы не только соотечественники, но и люди служивые. Я прав?

– Ну, допустим, – хмуро ответил кавалергард, которому это соседство не понравилось.

– Не хмурьтесь, господа, – не смутившись, ответил их неожиданный собеседник, – сейчас в Париже осталось совсем не много наших соотечественников.

Он махнул рукой, подзывая гарсона, и знаком потребовал еще две бутылки вина.

– Позвольте представиться, – бесцеремонно продолжил он, – Петр Рыжов, неgociант, а по нашему просто ку-

пец. Торговую дамским товаром: платья, шляпки, всякие другие женские товары, о которых вы, господа военные имете весьма смутное представление. Предлагаю выпить за встречу соотечественников. Война не за горами, и я даже не знаю, как потом будут получать свой товар столичные модницы. Тот груз, который я загрузил в свой дилижанс, надеюсь еще смогу доставить по назначению...

Гусар с интересом слушал негоцианта, а кавалергард с раздражением думал, как избавиться он навязчивого соседа. Тем не менее, Петр продолжил свою мысль.

– Я ведь не просто так к вам подсел, не буду перед вами делать тайну. Ищу попутчиков возвращающихся на родину, Товара у меня много, а на дорогах беспокойно. Вокруг войска разных армий. Конечно, солдатам мой товар совершенно не нужен, но вед из озорства могут все испортить...

– Ну, мы-то пока на родину не собираемся, – усмехнулся кавалергард.

– Ваше слово, пока, звучит многообещающе, – нимало не смутившись, ответил Петр. – Скажите мне, что вас тут держит и, возможно, я смогу вам помочь в ваших делах. Что-то мне подсказывает, что вы не прочь ускорить свой отъезд.

– И рады бы в рай, да грехи не пускают, – хмыкнул гусар. – Дела у нас, господин купец, и вы уж точно не сможете нам помочь.

Тут, в питейном заведении появился еще один персонаж

и негоциант проводил его взглядом.

– Вот еще один наш соотечественник, Джон Руткерс, – сказал он. – А выдает себя за американца. Только он такой же американец, как я папа римский. Темная личность, между прочим. Вот его-то я в попутчики, ни за что бы не пригласил.

– И чем же он плох? – настороженно спросил гусар.

– А вот тем! – запальчиво ответил купец. – Не нравятся мне люди, которые скрывают свою личность. Его настоящее имя Клобуков Иван Трофимович. Это мне верный человек сказывал. А еще он золотишко продает и по всему виду, что много у него этого золотишка.

– Монеты? – быстро спросил кавалергард.

– Нет! – тут негоциант сделал эффектную паузу. – Самородки продает ювелирам. И немало у него этих самородков, да золотого песка... Ну да пес с ним!

– Многих вы, как видно, знаете, господин негоциант, – задумчиво сказал гусар. – Весьма обширны ваши знания о жизни в Париже.

– Что касается коммерции и коммерсантов, то да, мои познания велики, – ответил он, – зато в военных делах я полный профан.

С купцом, Петром Рыжовым, наши офицеры расстались через пару часов, когда он уже лыка не вязал. Оставив его на попечение хозяина заведения, они отправились домой, где поделились добытыми сведениями с полковником.

В этот раз полковник не стремился поделиться информацией с Лилией, ведь в конечном итоге решение оставалось за ним. Теперь источник богатства Клобукова – Руткерса просматривался явственнее. Аляска – Париж – самородки, это говорило о многом. Клобуков нашел богатые залежи самородного золота на Аляске и сумел тайно от всех обогатиться. При этом исчезли два его товарища, но тут не обязательно замешан криминал. Возможно, они выправили другие документы, купили имена, где-нибудь в Рязанской губернии и живут себе припеваючи, не выпячивая свое богатство на показ. Возможен и другой вариант: их останки лежат засыпанные снегом в холодном северном краю. Но вопрос остается прежним: надо найти это место на Аляске, ведь это не маленькое пространство, поболее Европы будет.

Тем временем жизнь в особняке, занятом отрядом полковника Потоцкого, – я надеюсь, читатель еще не забыл фамилию полковника, который вывез амазонок из монастыря, – так вот жизнь в особняке уже вошла в свою колею. Все четыре амазонки занимали одну большую комнату, которая являлась и спальней, а офицеры, за исключением полковника жили в другой большой комнате. Полковник, как уже говорилось, имел свой кабинет, где стояла его кровать. Была еще просторная столовая, кухня, чулан, другие подсобные помещения.

Обустройством быта офицеры были мало озабочены,

понимая, что в любой момент им придется спешно покинуть это жилище. О Клобукове они тоже особо не думали, ждали лишь приказа полковника, но тот пока упорно молчал. Впрочем, кавалергарду и гусару он дал поручение, ненавязчиво наблюдать за ним. Ведь волею случая они теперь знали, какой трактир тот предпочитает, да и купец, Петр Рыжов, мимоходом сообщал им некоторые сведения о нем. Оказывается, он снимал жилье, чуть ли не по соседству с его домом.

Таким образом, и гусар и кавалергард были при деле. Мичман как-то незаметно стал ординарцем у своей пассии Лилии. Сама она принимала его ухаживания как должное, как само собой разумеющееся. Полковник, глядя на эти перипетии, только диву давался, но никак не вмешивался. Не было никогда в его подчинении столь разношерстной команды. Тем не менее, он понимал, что команда очень сильна, а сейчас, когда все они сдружились, то сам черт им не брат. Даже любовные коллизии были на руку. Ведь когда твоя пассия находится рядом, это дополнительный стимул.

Лена и Фаина, так получилось, что кавалеров не имели. Если Лена воспринимала это равнодушно, – ну какие ее годы, – то Фаину ее состояние несколько напрягало, честно говоря, сильно напрягало. Ну как это так! Одна подруга имеет кавалера, другая даже двух, а им с Ленкой ни одного? Ведь полковника можно не считать, не потому что старый, он вообще-то не старый вовсе, а потому что не видит

в них эженицин. Считает детьми и даже не думает... Вообщее, черт знает о чем он думает, помимо того задания которым его озадачили в столице.

– Лен, ну вот что мы с тобой тут делаем? – сказала Фаина своей подружке. – Лилька и Лера вроде при деле и при кавалерах, а мы с тобой как две кухарки. Только еду готовим на всю ораву. Называется в Париже живем... Лучшие уж в Питер. Там не скучно, занятия каждый день и в свет иногда вывозят...

– Ты это к чему говоришь? – ответила Елена.

– Да к тому, что надо что-то делать, – продолжила Фаина. – Полковник молчит, думает о чем-то, Лилька ходит с загадочным видом, мичманом управляет в свое удовольствие, Лерка в своих кавалерах заблудилась, не знает кого выбрать. Казенные деньги продула в покер нашему клиенту, как будто так и надо...

– Она ж не специально, да и отыграла она эти деньги у других... А ты что-то хочешь предложить?

– Вот именно, что хочу. Я знаю, как пробраться в дом к этому Джону, я даже догадываюсь, где он хранит свои сокровища. Давай-ка навестим этого беглого дезертира и, аккуратноненько так, лишим его несправедно нажитого богатства... Ведь в конечном итоге нас за этим и послали. Наши сегодня, как и вчера, поздно придут, а мы переоденемся в наш черный камуфляж амазонок, маски наденем. Дом я знаю, пробраться туда смогу, охрану аккуратно нейтрализи-

зую и дверь тебе открою. От тебя потребуется вскрыть замок, возможно, не один и, по возможности, без ущерба для механизма... Как только стемнеет, сразу и отправимся. Хозяина дома не будет, двое слуг для меня не помеха. Все сделаю аккуратно, когда очухаются ничего и не вспомнят...

– То что ты предлагаешь, это же форменный грабеж, так нельзя... Надо Лилии сообщить, если она разрешит...

– Она сообщит полковнику, тот будет думать, а мы так и останемся кухарками... Через месяц все навыки потеряем и придется менять профессию...

– Ну это ты лишкухватила... Хотя мне тоже уже надоело все. Хоть бы нас посвящали в свои дела, а то уходят куда-то, то ли амуры у них, то ли государственные дела...

– Ну, вот и ладненько! Давай собирайся, инструмент не забудь. Я сейчас за каретой сбегаю...

Через час две амазонки одетые во все черное вышли из дома. В конце квартала их ждала карета, на которой они отправились на дело. Остановившись на соседней улице они приказали извозчику ждать и отправились к дому, который Фаина хорошо запомнила. Там она надела маску и ловкими кошачьими движениями влезла на высокий забор, за которым вскоре и пропала. Лена пряталась в тени зеленых кустов. Через несколько минут калитка бесшумно открылась, Лена надела маску и исчезла во дворе дома.

В доме все происходило без шума и пыли. Двое мужчин, находившихся там, были ловко связаны, на головы им наде-

ли, заранее приготовленные мешки, а Лену Фаина привела в комнату, дверь в которую была закрыта на врезной замок. Лилия справилась с ним довольно быстро. При свете масляной лампы, опять же заранее припасенной, обнаружился кованый сундук, запертый аж на три замка. Ну да для такой умелой девушки, как Лена, это было не препятствие. А вот в сундуке лежал всего один мешок и пачка ассигнаций. Ассигнации забрали сразу, а в мешок сначала заглянули, там оказались металлические крошки желтого цвета. Тяжеленький был мешок, фунтов двадцать, а то и больше. Фаина задумалась: брать или оставить? А вдруг золото?

– Берем, – сказала Лена. – Под тремя замками медь держат не будут.

– Это верно, дотащим как-нибудь, – ответила Фаина и девицы отправились в обратный путь.

Охрану они развязали, но оставили в комнате, закрыв на задвижку. А дальше без всяких препятствий добрались до кареты и вернулись домой, соблюдая конспирацию, разумеется. То есть, карету отпустили за два квартала от своего дома.

Лилия со своим мичманом уже вернулась и была обеспокоена отсутствием своих подруг. Но увидев их, обрадовалась и не стала докучать расспросами. В конце концов, она чувствовала, что девочки должны иметь некоторую свободу. И ночные прогулки не преступление.

Однако, Фаина посчитала, что поскольку их предпри-

тие вышло вполне успешным, нет смысла его скрывать.

– Мы тут с Леной немного пошалили, скучно ведь. Вы тут все в делах, а мы на хозяйстве, ну сколько ж можно. Короче навестили мы особняк Клобукова, вернули денежки, которые ему Лерка в карты продула, казенные ведь. Ну и еще кое-что на память прихватили. Похоже на золото...

Она положила перед ошалевшей Лилией ассигнации и весьма увесистый мешок... Лилия покачала головой и, ничего не сказав, взяла мешок, ассигнации и отправилась к полковнику в кабинет. Прошло не более получаса, и она вернулась вместе с полковником.

– Вы уверены, что вас никто не опознает? – спросил он Фаину.

– Абсолютно. Можете не сомневаться, мы были в масках, да и темно было.

– Ну что ж, хоть вы и проявили самоуправство, а эта вещь в армии наказуема, но тут редчайший случай. Как раз это задание я и собирался вам поручить. Таким образом, я поздравляю вас, вы заслужили награду. Когда вернемся в столицу, буду ходатайствовать перед его превосходительством.

Полковник правильно понял сложившуюся диспозицию. Теперь Клобуков, оставшись без средств к существованию, больше не мог вести богемную жизнь в Париже. Впрочем, вести не богемную жизнь ему тоже было не на что. Теперь он должен был что-то предпринять, а именно: пополнить свой

золотой запас, для этого должен вернуться туда, где и добыл это золото. По-другому быть не могло. Ну не на службу же ему возвращаться. Там за дезертирство придется ответить, да и двух своих сообщников дезавуировать.

Своих офицеров Михаил Юрьевич сразу озадачил наблюдением за Клобуковым. Тот оправдал его предположения. Сначала Джон, естественно, обратился в полицию, но заявил только о пропаже денег. Полиция провела расследование, убедилась, что криминальный контингент Парижа не при делах и развела руками. Джон не стал дальше общаться с полицией, поскольку опасался, что всплывет его второе я или, еще того хуже, станет известно о золотых самородках. По этому, продал свой особняк и отбыл на побережье средиземного моря, конкретно в порт Марсель, где стал дожидаться корабля под американским флагом. Куда он собрался? Похоже, это уже не секрет. Вся наша команда, под руководством полковника Потоцкого, тоже обосновалась в Марселе с тем же самым заданием: не выпускать Клобукова из виду до тех пор, пока он не приведет их к самому началу своей одиссеи.

На корабле

Путь команды Потоцкого на Аляску лежал через Атлантику в Америку, затем из Америки в Канаду, а уже из Ка-

нады на Аляску. Дорога длинная и очень не легкая, однако если двигаться в противоположную сторону, через Сибирь, то это еще труднее и дольше.

За Клобуковым установили слежку, разумеется Валерию, Фаину и Олега он знал в лицо и они пока никак не засветились в порту, где теперь много времени проводил Джон. Кавалергард, отираясь в порту вместе с Клобуковым, неожиданно стал его приятелем, почти близким другом, поскольку собирался плыть в Америку. Это упростило задачу группы Потоцкого. И вот в начале апреля, трехмачтовый барк «Омерон», под греческим флагом, готовился к отплытию через Атлантику в порт Бостон. Груз был невелик, модные женские тряпки, ведь Франция законодатель мод, но главным образом пассажиры со своим багажом. Из переполненной и беспокойной Европы в новый свет стремились и стар и млад. Люди верили, что обретут спокойную и сытую жизнь. Правда не у всех она складывалась, так как мечталось и часть из них, после долгих мытарств, вернется.

Но наша команда имела вполне конкретную цель, и задерживаться в Америке не собиралась. Полковник еще не выработал план операции. Все было непросто. Ведь по прибытию в Бостон, Джон должен отправиться дальше, а прицепить к нему группу из восьми человек, явно не удастся. Двух – трех человек он еще возьмет в компанию, но восемь соотечественников наведут его на размышления и вся затея мо-

жет провалиться. Но пока вся группа грузилась на корабль, стараясь не попадаться ему на глаза.

Полковник превратил золотые самородки в монеты, которые были в ходу в старом и новом свете, и проблем с финансированием экспедиции не было. А вот у Джона, средств явно было впритык и приходилось экономить. Ехать первым классом ему было уже не по карману. Фаина в первые дни плавания пожалела его.

– Слушай, подруга, – сказала она Елене. – кажется мы слегка перестарались. Уж слишком обнищал наш клиент. Надо Лерке сказать, чтоб продула в покер ему немного денег, у нее это здорово получается. А то как-то даже стыдно становится.

Валерия, услышав мысль Фаины, не обиделась. Она вообще была необидчивая девушка и чувством юмора обладала, но сказала, что играть с ним будет только с разрешения командира. А вот насчет проигрыша, – это как пойдет. Специально проигрывать не будет.

– Я так делать не умею и не буду, – сказала она Фаине. Плавание под парусами в новый свет дело не быстрое. Первый пароход еще только-только был построен в США и куда он поплывет бог весть. «Омерон» шел по Средиземному морю к Гиблартару, и в его каютах пребывала группа полковника Потоцкого: две каюты занимали барышни и две каюты офицеры, кстати, одна из кают была свободна. В этих широтах в апреле уже тепло, не то, что в Сибири, а

уж про Аляску и говорить нечего.

В каютах второго класса, уже четырехместных, располагались небогатые купцы и пассажиры из среднеобеспеченных семей. Таких кают было всего две, и одна пустовала, а в другой был Джон, внезапно обедневший, а компанию ему составляли два негоцианта и один мужчина, о профессии которого можно только догадываться. Но мы сразу скажем, что он добывал свой хлеб насущный игрой, но не в казино, а на разных торговых судах, где пассажирам делать нечего, а денег у некоторых куры не клюют.

Ну вот, о пассажирах первого и второго класса сказали, а о третьем классе и сказать то нечего. Нет, пассажиры-то были и даже в немалом количестве, но помещались они на корме, а там деления на каюты не было. Все жили одним большим табором. Народ там был совсем небогатым, кому, что называется, удалось собрать деньжат на билет, и они плыли в новый свет за новой жизнью, поскольку старая, почему-то, не задалась.

Как и положено, в те времена общество делилось по классам, то есть: пассажирам третьего класса ход на палубу был заказан. Они могли разгуливать во время плаванья только на корме, а палуба в передней части корабля была для пассажиров первого и второго классов. Команда корабля была немаленькая, поскольку управляться с парусами на трехмачтовом судне задача не легкая даже при слабом ветре.

Наши амазонки, кроме обычных женских нарядов, приобрели себе широкие парусиновые штаны, просторные блузы и широкие плащи. Хоть и не плавали они еще по морю океану никогда, но догадывались, какие могут быть ветра. Щеголять при пассажирах и команде в черной форме амазонок, Лилия им запретила. Слишком уж смахивали они на пиратов в этих нарядах.

С капитаном, высоким жилистым греком с густой черной бородой, они познакомились, еще при посадке на корабль и теперь в начале плавания, каждая из барышень здоровалась с ним стараясь завести разговор, чтоб побольше узнать о продолжительности плавания, о маршруте следования, погоде в этих широтах и нравах на побережье Америки. Насчет продолжительности точно им мог сказать только господь бог, от многих факторов зависело путешествие.

– Около четырех недель, милая барышня, – сообщил капитан Фаине, с удовольствием оглядывая ее ладную фигуру, которую не могли скрыть просторные штаны и широкая блуза.

– А как тут насчет пиратов? – с невинным видом поинтересовалась девушка.

– Типун вам на язык, – помрачнел капитан, вздохнул и добавил. – Не извольте беспокоиться, ход у нас хороший. Оторвемся.

В это время ее подруга и соседка по каюте, Валерия, про-

гуливалась под руку с Олегом Корсаковым, гусарским поручиком, но теперь он был в гражданской одежде и изображал жениха Валерии. Это не Валерия его выбрала. Хотя у нее то и был выбор между гусаром и кавалергардом, ведь оба на нее запали. Однако, командир, в лице полковника приказал, а точнее назначил женихом гусара, поскольку они оба были знакомы их подопечному Джону, который теперь не выходил из образа американца и, похоже, усиленно штудировал английский. Впрочем, в те времена не все американцы хорошо знали английский, ведь в Штатах смешались все нации.

Мы немного отвлеклись от повествования, но это прощительно, поскольку на корабле ничего интересного не происходило. Плыл себе по Средиземному морю барк «Омерон» и пассажиры первого класса прогуливались по палубе. Не все, конечно, Лилия и Елена находились в каюте по причине морской болезни. Никуда не деться от этой напасти, хоть и не все пассажиры ей подвержены, мичману и гусару хоть бы что, а вот полковник и кавалергард, кстати, тоже занимавших одну каюту, лежали лежкой. К счастью, это явление временное и через два – три дня должно закончиться. Остальных пассажиров в той или иной мере это явление тоже коснулось. Только экипаж, давно привыкший ко всему, был бодр и свеж, как и положено бравым мореманам.

– Сударыня, – вкрадчиво вещал Олег своей назначенной невесте, заметив Фаину, беседующую с капитаном, – сударыня, на палубе ветрено, не угодно ли пройти в каюту...

– Привыкайте, поручик, – смеясь, отвечала девушка. – Мы ведь должны добраться до Аляски, а там климат не чета здешнему.

– Поверьте, Валерия, я беспокоюсь исключительно о вашем здоровье, – усмехнувшись, продолжил Олег. – Вы же моя невеста, и я обязан заботиться о вас...

– Однако, вы быстро вошли в роль, господин поручик, – ответила она, – но не слишком углубляйтесь. Ведь мы играем спектакль, а корабль – это декорации второго акта этой пьесы.

– А как же реальная жизнь, моя очаровательная Валерия?

– А в реальной жизни мы на службе и может так случится, что вы с кавалергардом поменяетесь ролями, а возможно и наоборот: для вас полковник назначит другую невесту. Фаину, например. Она будет только рада...

– А вы? Вы, сударыня тоже будете рады?

– А кто нас спрашивает? Вы военный и должны выполнять приказ. Мы тоже на службе и должны подчиняться...

– Вот и я о том же! – обрадовался Олег.

– Вы меня совсем запутали, – вздохнула Валерия, – но в каюту не пойдем. Будем прогуливаться по палубе и ждать, когда выйдет Клобуков. Он ведь еще не знает, что мы здесь, пора повстречаться, пригласить в гости...

Словно в ответ на ее слова на палубе появился Джон.

– Легок на помине, – удивленно сказал гусар.

Джон выглядел довольно хмурым, но увидев Валерию, заулыбался.

– Приветствую вас мадмуазель, – на корявом французском произнес он. – Хоть одно знакомое личико... Куда направляетесь сударыня? Кстати, представьте меня вашему спутнику.

– Мы уже встречались, не припоминаете? – не слишком дружелюбно сказал Олег. – Впрочем, если угодно, извольте: отставной поручик Александровского гусарского полка, Корсаков Олег Владимирович. В настоящее время являюсь женихом этой девицы и, соответственно, ее ангелом хранителем.

– Что-то не похожи вы на ангела хранителя, – усмехнулся Джон, – скорее на демона искуителя.

Олег напрягся, но промолчал.

– А вы куда направляетесь, мистер Джон? – с невинным личиком спросила Валерия.

– О! – ответил тот, – тут нет никаких тайн. Мы все плывем в Бостон, причем, кажется, будет еще стоянка в Лиссабоне...

– Значит, возвращаетесь на родину? – продолжила Валерия. – А мы с Олегом тоже решили навестить новый свет еще до замужества. Потом-то ведь некогда будет... А может быть вы согласитесь быть нашим гидом по вашей стране. Если, конечно, вы не слишком заняты?

– Да, как вам сказать, – задумчиво поскреб бороду Кло-

буков. – Надо подумать... Поиздержался я, знаете ли, да и впереди предстоят траты...

– Полноте вам! – хихикнула Валерия. – Вы же прекрасный игрок в покер, тут на судне вы вмиг поправите свои дела... Кстати, вот Олег может составить вам партию. Я тоже не откажусь.

– Не знаю, что и сказать вам, сударыня. Похоже, мое везенье кончилось, а может тут появилась птица более высокого полета. Короче, в нашей каюте проживает некто месье Люка. Меня он уже слегка пощипал. Там еще двое негоциантов с нами вместе, но пока их морская болезнь держит. А как только отпустит и до них дойдет очередь. Так что, помните мое предупреждение. Это очень способный молодой человек: сначала завлекает по мелочи, а потом может сорвать куш по крупному.

– Спасибо за предупреждение, мистер Джон, – ответила Валерия. – Не угодно ли отобедать с нами?

– Почту за честь, – радостно откликнулся Клобуков.

Обедали в каюте барышень: Валерии и Фаины, вчетвером. Обед доставил стюард. К обеду подали вина, ведь пассажиры первого класса, как никак, и Валерия ненавязчиво продолжила разговор о новом свете.

– Скажите, Джон, а чем вы так заняты на вашей родине, что не хотите составить, нам с Олегом и Фаиной, компанию?

– Да дело не в том, – задумчиво ответил Джон, – я бы

с удовольствием вам показал экзотические места... В общем, Бостон, это не конечная часть моего пути. Дальнейший мой путь лежит на север, в Канаду в места северные, суровые, можно сказать дикие. Туда, милые барышни, женищинам путь заказан. Ваша слабая натура не выдержит физических нагрузок и сурового климата тех мест... Вот вашего жениха, сударыня, я бы взял с удовольствием. Мне, так или иначе, придется найти попутчиков, вернее компанийонов...

– Должна вам заметить, Джон, – спокойно ответила Валерия, – что нельзя всех женищин мерить одним аршином, как говорят у нас на родине. Есть кисейные барышни, которые увидев волка упадут в обморок, но есть девушки, которые могут расправиться с диким зверем быстрее мужчины.

– Может быть, вы и правы, спорить не стану, но я таких не встречал, – сказал Джон. – Хотя в покер вы играете мастерски, но не уверен, что вы сможете встать на лыжи и пробежать хотя бы метров сто...

– Мы с Фаиной воспитывались в монастыре до пятнадцати лет, – ответила Валерия, – и там нам не давали бездельничать. Уверяю вас, что пробежать на лыжах пять верст, для нас – легкая разминка.

Джон лишь улыбнулся, пожав плечами. Было видно, что слова Валерии всерьез не восприняты. Девушки не стали продолжать эту тему, поскольку путь еще длинный и у Клобукова будет возможность убедиться, как глубоко он

заблуждается насчет женского пола, по крайней мере, в отношении некоторых его представительниц. Гораздо интереснее было то, что теперь они точно знали: Джон собирается на Аляску и ему нужны компаньоны. Другое дело, что компаньонов будет слишком много и это наведет на подозрения, а подозрения ведут к срыву всего предприятия.

Проводив своего, теперь уже приятеля, Джона, Олег с барышнями отправились к полковнику на совет. Пришлось тому, не смотря дурное самочувствие, провести совещание. Он недолго обдумывал полученную информацию.

– Позовите мичмана, – приказал полковник.

Когда его команда была выполнена, он объявил:

– С этого момента вы объединяетесь в отдельную группу и ваша задача вместе с Клобуковым единой командой отправиться туда, куда он вас поведет. Для этого барышни должны уверить его, что готовы отправиться в суровые северные и дикие места, а мужчины войти в доверие. Надеюсь, что вы сможете это выполнить. Мы же, оставшиеся, будем делать вид, что незнакомы, но через пару – тройку дней отправимся по вашим следам. Чтоб эти следы остались, вы должны позаботиться. Теперь, что касается вас, мичман. С этой минуты вы становитесь кавалером Фаины. Лидию на время вам придется забыть... Теперь вы должны неотступно следовать за Фаиной, изображать влюбленного, жениха или друга... Короче, не мне вас учить.

– Но, господин полковник! – возмущенно начал мичман.

– Это приказ, господин мичман! – прервал его полковник. – Я ведь не под венец вас толкаю! Хотя, если потребуется... В общем, извольте выполнять! Фаина Усманова, вам все понятно, надеюсь?

– Так точно! – ответила девушка.

Внезапно она повисла на шее мичмана и вlepила ему смачный поцелуй в щеку. Андрей был просто ошарашен, и только молча смотрел на свою новую подругу. Вот так возникла другая диспозиция в группе полковника Потоцкого. Мичман вернулся в комнату Лилии и Елены, где пребывал все свое свободное время в качестве вестового командира амазонок. Вид у него был как у побитой собаки, он не смел взглянуть в глаза предмету своего обожания. Девушкам же было не до настроений Андрея. Морская болезнь, то затихала, то снова схватывала их. Однако Лилия быстро выяснила, какой приказ полковника получил ее вестовой.

– Андрей, – усмехнувшись, сказала она, – Фаина очень хорошая девушка. Иди к ней и не появляйся здесь больше, пока тебя не позовут.

Мичман добросовестно старался выполнять приказание командира, но получалось это настолько неуклюже, что Олег, тоже приставленный к Валерии приказом полковника, то и дело хохотал. Впрочем, сам мичман относился к этому совершенно равнодушно, ничуть не обижаясь. А потом он еще и догадался перенести все действия гусара, по отношению к Валерии, на Фаину и дело пошло. Причем дело

пошло так, что Олегу вместо насмешек пришлось завидовать. Ведь все ухаживания мичмана принимались Фаиной на ура, а к ухаживаниям гусара Валерия относилась с самого начала, весьма, прохладно.

По утрам обе амазонки, которых не уложила на койку морская болезнь, надев парусиновые штаны и блузы, выбегали на палубу делать физические упражнения. Вскоре они обзавелись зрителями. Ну как же без этого! Свободные от вахты матросы, да и командный состав с удовольствием наблюдал за диковиной акробатикой и прыжками молодых девиц, одетых в матросскую одежду. Девицам явно льстило внимание зрителей и однажды они устроили целое представление. Они обе вооружились деревянными учебными мечами, Фаина повязала голову черным платком и изображала пирата, а Валерия, в белой косынке, играла гардемарина. Они носились по палубе, нападая и отбиваясь, с гиканьем и воплями, одновременно показывая мастерство владения холодным оружием. Зрители ревели от восторга. Матросы, не избалованные театральными представлениями, бурно выражали свое восхищение. Мичману и гусару пришлось не сладко, уводя девушек и отталкивая слишком назойливых поклонников. Впрочем, до драки дело не дошло, вмешались помощники капитана и боцман.

В обед капитан пригласил обеих девушек к себе, где выразил свое восхищение их выступлением, но попросил на будущее воздержаться от подобного, чтоб не провоцировать

команду. Те, естественно, согласились, поскольку уже получили внушение и от полковника и от Лилии.

Джон, конечно, зрелища не пропустил. Вслух он ничего не говорил, но его отношение к девицам изменилось. Оно стало вкрадчиво-настороженным. С Андреем он вел себя несколько высокомерно, а к Олегу, наоборот, даже стал заискивать. Может оттого, что тот ссудил его деньгами. То, что деньги казенные, Клобуков не знал. Зачем ему знать такие подробности. Самое главное, он не догадывался, кто его избавил от богатства в Париже. Он уже давно оценил ловкость и проворство Фаины, но пока не сопоставил его с ограблением своего дома. Да и как заподозрить такую славную девушку. Мысленно он включил ее в состав своей экспедиции. Его опасения вызывала только Валерия. Одно дело кувыркатся и прыгать с деревянным мечом на палубе, и совсем другое реальные стычки с индейцами. А нравы индейцев в тех краях он знал. Впрочем, похоже, выбора-то у него и не было. Без Валерии Олег не присоединиться, а у него есть деньги на снаряжение и обустройство.

Между тем барк «Омерон» уже прошел Гибралтар и огибал Пиренейский полуостров, чтоб пришвартоваться в Лиссабоне для пополнения запасов воды и продовольствия. Ведь предстоял путь под парусами через Атлантику. А тем временем морская болезнь у остальных членов группы полковника Потоцкого – сошла на нет, и, к прибытию в Лиссабон, все были здоровы.

У капитана в этом порту была цель набрать пассажиров в новый свет, причем, желательны в первый и второй класс. Только народ тут стремился не в северную Америку, а в южную, так уж сложилось: северная Америка для французов и англичан, а южная для испанцев и португальцев. Зачем капитан остановился в этом порту, а не Ливерпуле, например, где с пассажирами проблем бы не возникло, мы сказать не можем. Да и не наше это дело. Пусть капитан пополняет запасы воды и провизии, набирает пассажиров, а мы, вместе с командой Потоцкого, побываем на берегу.

Стоянка запланирована на один день, так сказал капитан, когда пассажиры сходили по трапу. Никто в Лиссабоне еще не бывал, и, Джон вместе со своими новыми друзьями предложил для начала отобедать в портовой таверне, а потом прогуляться по городу. Лилия и Елена в сопровождении полковника и кавалергарда делали вид, что незнакомы с Валерией и Фаиной и их кавалерами, но Джон наверняка видел их на корабле, поэтому помахал им рукой как старым знакомым. В таверну они вошли вместе, но сели за разные столы. При заказе обеда, без выпивки не обошлось.

Клобуков был в весьма благодушном настроении, ведь его новые друзья оплачивали и обед и выпивку. Он рассказывал байки, мешая английские и французские слова. Впрочем, в его лексиконе и русских слов было немало. Полностью на русский он не переходил, понимая, что его тотчас дезавуируют, как русского. Ведь девушки и их кавалеры не скрывают,

ли своей национальной принадлежностью. Барышни, будучи в обычной женской одежде, старались вести себя достойно, соблюдая все правила высшего света. Но кто бы знал эти правила в обычной таверне. В обед еще было относительно спокойно, и моряки старались не приставать к женщинам, которых сопровождали кавалеры. К тому же кавалеров было трое, а фигура мичмана вообще внушала почтение, поскольку этого здоровяка лучше не дразнить.

Зато сам мичман был явно не в своей тарелке. Он чисто механически ухаживал за Фаиной, но то и дело отвлекался на столик, где сидела Лилия. От Фаины это, конечно, не укрылось, и мичман получил пинок под столом, после чего немного успокоился и постарался включиться в общий разговор. Олега интересовала только Валерия, и на другой столик он не обращал никакого внимания. Ну а у Клобукова была очень сложная задача, он обдумывал детали будущей экспедиции на север и строил планы на мужчин, мечтая женщин оставить в Бостоне. Он, будучи на Аляске, сам видел, что в этих краях белые женщины были большой редкостью. Трудно было им выжить в этом суровом краю. Вот индейские женщины никаких проблем не испытывали, ведь они не знали всех благ цивилизации. То представление, которое Валерия с Фаиной устроили на корабле, он воспринял, как обычную женскую причуду.

А тем временем за соседним столиком назревал конфликт. Кавалером Лилии был полковник и молодые морские

ловеласы принимали его за папашу симпатичной девицы. Один из них придвинул свой стул почти вплотную к Лилии и начал ей что-то вещать на ухо, кивая на дверь. Смысл его речей явно не нуждался в переводе. Полковник встал и рявкнул на распоясавшегося невежу. Но тот только ухмыльнулся и попытался ущипнуть девицу. В этот момент, словно из ниоткуда появился мичман и ударом могучего кулака, отправил хулигана в полет вместе со стулом. Окружающий народ стал оглядываться, но трактирные вышибалы не спешили вмешиваться. Драки в тавернах дело обычное, правда, они происходят вечером. Однако народ и днем не прочь поразвлечься.

Полковник взглядом приказал мичману не лезть не в свое дело, тот и сам понимал, что его пассия сама способна за себя постоять, да и полковник не так прост, как могло показаться. Но что сделано, то сделано. Обиженный забулдыга, естественно, не унялся и выхватив нож бросился на своего обидчика, но по пути зацепился о подставленную ногу полковника и опять растянулся на полу. Тут уже вмешались вышибалы: как иначе, ведь дело шло к кровопусканию, а это шло не на пользу имиджу заведения, да и с полицией связываться хозяин не хотел. Забияку взяли два дюжих молодца и проводили за дверь, за ним последовали двое его дружков, в таверне снова воцарилось спокойствие. Только один из вышибал подошел к мичману и на ломаном английском что-то произнес, указывая на дверь. Фраза в переводе

не нуждалась, и так ясно, что за дверью его будут ждать.

Мичман беззаботно пожал плечами и продолжил трапезу. Валерия со своим кавалером вроде даже и не заметили инцидента, а Фаина явно разозлилась на своего кавалера. «Вот если бы он за нее заступился! А то лезет явно не в свое дело». Джон повертел головой и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Уходить будем через задний двор. Зачем нам тут приключения, они у нас еще впереди.

– Вот еще! – возмутилась Фаина. – Убегать от трактирной шпаньы, не собираюсь. Если Андрею страшно, пусть идет через задний двор...

Андрей, который в этот момент запивал пивом окорок, чуть не подавился.

– Подождите меня тут, – сказал он и направился к двери.

Фаина тотчас вскочила и пошла вместе с ним, не отставая ни на шаг. Валерия со своим гусаром двинулись следом, словно только того и ждали. Правда Олег, перед тем как подняться, оставил на столе купюру и сказал Джону:

– Рассчитайся за обед, приятель. Встретимся на корабле.

Полковник, наблюдавший эту картину со своего места, кивнул кавалергарду.

– Помоги своему приятелю, – сказал он.

Михаил вышел вслед, а полковник достал бумажник, чтоб рассчитаться за обед. Помогать никому не пришлось,

поскольку, когда мичман вышел из двери таверны у хулиганов пропал боевой настрой. Они просто попятились, а когда рядом встал Олег и вслед за ним появился Михаил, пустились в бега. Спустя некоторое время появился и Джон. Трусом-то он не был, но поступок Андрея для него был совершенно непонятен. Зачем было затевать драку из-за девушки, у которой свой кавалер? «Странная, однако, у меня компания», – впервые за все время знакомства, подумал он.

Поскольку стычка с местным криминалом не случилась, все впятером отправились гулять по городу. Однако, ни испанского, ни португальского языков никто не знал, ознакомиться с местными достопримечательностями не удалось. А ведь немало должно быть памятников великим мореплавателям, открывшим американский континент. Васко да Гама три с лишним столетия назад пересек Атлантику: именно из этого города вел свои каравеллы к неизвестному матерiku. Теперь этот материк был известен и активно заселялся европейцами, а все начиналось здесь. Исторические места... Но, как мы уже говорили в нашей компании никто местными языками не владел и осмотр достопримечательностей не состоялся. Зато навестили здешний базар, пропустить который было просто невозможно.

Олег, ухаживая за своей дамой, по зову сердца, а не по приказу полковника, уже купил Валерии красивую цветную шаль. Отчего же не побаловать свою даму, если денег в кошельке с избытком. Мичман тоже, глядя на него, купил Фа-

ине расписную вазу, которая той приглянулась. Теперь он явно присматривал подарок для Лилии. Его озабоченность, разумеется, Фаине не понравилась.

– Ты купи ей ведро в подарок, – присоветовала она Андрею, – путь-то через Атлантику долгий, вдруг опять морская болезнь приключится. Очень кстати оно будет.

– Ну как ты можешь так шутить! – укоризненно ответил мичман. – Она же твоя подруга, присоветуй что-нибудь стоящее...

– Ты, Андрюша, теперь обо мне должен заботиться, а не о Лильке. О ней пусть полковник думает...

В этот момент какая-то дама с пышными формами и пестрой одежде начала оттирать Джона к толпе возле прилавка. Из толпы вынырнул малец, лет десяти в лохмотьях и тощий, ну просто заморыш. Пышка двигала Клобукова грудью к прилавку с товарами, тот пытался ее обойти, а малец, внезапно появившись из-за широкой фигуры матроны, ловко залез ему в карман и выудил кошелек. Вокруг толпился народ, еще мгновение и парень с кошельком разини Джона исчез бы в толпе, но рука Валерии оказалась проворнее. Она успела вырвать кошелек буквально в последний момент. Пацан пискнул, но сообразив, что дело не выгорело, тотчас исчез.

Весь эпизод не занял и минуты. Матрона потеряла к Джону интерес и озадаченно уставилась на Валерию, заподозрив в ней конкурентку. Однако та, ткнув Клобукова ку-

лаком в бок, продемонстрировала ему его же кошелек.

– Сударыня, но позвольте... – ошарашено произнес он по-русски.

– Внимательнее надо быть, сударь, – насмешливо ответила она. – Чуть не лишились своего имущества. Это портовый город, если будете засматриваться на местных красоток, быстро останетесь без порток.

Клобуков был изумлен и озадачен, мичман и Фаина, казалось, даже не заметили эпизода, а Олег лишь снисходительно улыбался. Он уже достаточно хорошо знал амазонок, чтоб удивляться по таким пустякам.

Ночевать решили на корабле, поскольку капитан так и не назвал время отплытия, ограничившись словом: завтра. Однако, отужинать решили в городе. В портовой таверне их наверняка ждали приключения, поэтому присмотрели скромное заведение подальше от порта. Но, как оказалось, моряки были везде. Лиссабон! Что тут скажешь. Перекресток морских путей.

Ресторанчик был небольшой, меню состояло из двух частей: закуски и выпивки. Закуска не отличалась изысками: было несколько рыбных блюд, зато выпивка была весьма разнообразной: от крепкого рома, до виноградных вин. Винограда-то в этих краях изобилие. Но главное, места в этом ресторанчике было совсем немного и, кроме нашей компании, сидели еще пять матросов, очевидно недавно вернувшихся с рейса, и теперь торопились наверстать упущенное в плава-

нии время, заливались ромом под завязку. Итог сего безумного питья был известен. Их ждал ночлег под столом в том же заведении, а может для таких случаев были предусмотрены комнаты.

Но наших друзей это уже не касалось. Они заказали еду, что была в меню и выпивку в разумных пределах: мужчинам ром, а дамам вино. Хозяйка ресторана утверждала, что вино у нее самое лучшее в городе, только кто это проверит. Валерия, попробовав, сразу скривилась, а Фаина, сделав глоток, потребовала принести воды. Мужчины нашли ром вполне приемлемым и не стали привередничать. Олег, кивнув на соседний столик, сказал Клобукову:

– Твои соотечественники, Джон. Не хочешь пообщаться?

– Соотечественники... Но не друзья, – промямлил тот. – Моряки – это отдельная нация. Нет разницы: американец он или француз. Все они живут в море, а на земле только гостят...

– Ну, не скажите! – возмутился мичман. – У моряков каждой нации свои традиции, свои порядки во флоте...

Тут к мичману подсел моряк с соседнего столика. Он вежливо кивнул дамам и заговорил, обращаясь к Андрею:

– Месье, – сказал он, – вы, как я вижу моряк. Прошу прощения, но я слышал ваш разговор. Я совершенно с вами согласен. Кроме того я понял, что вы русский военный моряк...

– В отставке, – буркнул мичман, покосившись на Клобукова.

– Неважно! – воскликнул матрос. – Я уважаю ваш военный флот, вашего адмирала Ушакова... Для меня честь выпить с вами.

Мичману ничего не оставалось, как налить гостю и выпить с ним. Впрочем, Олег поддержал его, и даже девушки присоединились. Ужин продолжился в теплой дружеской обстановке. Только продолжался он недолго. Дверь распахнулась и ввалилась компания матросов, не то чтоб сильно пьяных, но изрядно навеселе.

– Матильда! – рявкнул рыжий здоровяк, обращаясь к хозяйке, явно предводитель этой компании.

Далее последовала короткая речь на испанском. Матильда смотрела на эту компанию, вытаращив глаза не говоря ни слова. Она, мягко говоря, выглядела удивленной. Но тут вышел вперед матрос, подсевший к мичману.

– Капитан Рикс! – крикнул он. – Это мои друзья и они останутся с нами!

Вместо ответа капитан от души врезал матросу в челюсть, да так, что тот отлетел в угол и даже не пытался встать на ноги.

Тут капитан завопил во все горло мешая английские французские и испанские слова, суть его речи была такова: друзья этого придурка, вместе со своими шлюхами, могут убираться отсюда и побыстрее... Мичман услышав столь нелестный отзыв о дамах, сидящих рядом, вскочил и бросился на капитана. Кавалергард последовал за ним.

– Вон отсюда! – раздался вопль Матильды, в руках у которой оказалось два пистолета. – Выметайтесь во двор и там решайте свои дела!

Она направила оба ствола на капитана и его команду. Те понялись и вышли на улицу вместе с капитаном за ними последовали мичман и кавалергард с намерением поквитаться за оскорбление, и в первую очередь с рыжим капитаном. Девушки бросились следом за своими кавалерами.

– А мне опять рассчитывать за ужсин, – хмуро пробурчал Джон и направился к Матильде.

За дверью ресторанчика раздавались крики и вопли, всегда сопутствующие драке. Но Клобуков рассчитывался не торопясь, явно не собираясь участвовать в потасовке. В конце концов, под насмешливым взглядом Матильды, он все же открыл дверь и вышел на улицу. Картина, которую он там увидел, повергла его в ступор. Четверо крепких матросов лежали на земле в разных позах, а их капитан Рикс не просто лежал на спине, а на животе у него сидела Фаина, и в руках у нее был короткий кинжал, который она вертела возле глаз капитана.

– Немедленно проси прощения, рыжая скотина! – громко требовала она. – А то зарезу, как поросенка!

Рикс, похоже, не понимал что происходит, а таких слов, как просить прощения, он вообще не знал. Но несуразность происходящего до него постепенно доходила. Он все же столкнул с себя Фаину, которая нехотя встала, но нож так

и не убрала. Он осмотрелся, увидел лежащими своих приятелей, но это его не удивило. После того количества спиртного, которое сегодня они в себя влили, на ногах устоять трудно. Удивило его то, что их противники стояли рядом со своими девицами совершенно спокойно в позе победителей. В голове у него шумело, но он все же сказал:

– Девок оставьте нам и можете идти куда угодно, хоть к черту на рога!

А дальше к нему подошел мичман и одним ударом вырубил капитана. На этом все приключения нашей компании в славном городе Лиссабоне закончились. Возвращаться в заведение Матильды никто не пожелал, и все дружно отправились на свой корабль.

На долю группы полковника приключений выпало значительно меньше. Они также отправились бродить по городу, также из достопримечательностей ознакомились только с рынком. Кавалергард куртуазно ухаживал за Еленой и приобрел ей в качестве подарка часы, выполненные в виде яйца. Правда, в природе яиц такого размера поручику видеть не доводилось, поскольку было оно в половину курицы. Но Елена была очень довольна и выпросила у поручика еще и пистолет необычной конструкции. Пистолет-то им продали по дешевке, поскольку продавец признался, что стрелять из него невозможно, и предназначен он только для украшения жилища. Честно говоря, девушка уже начала нравиться Михаилу, и в его ухаживаниях за ней не было никакой фаль-

ши.

Сам полковник тоже поспешил побаловать свою даму, которую продавцы товара воспринимали как дочь и соответственно предлагали на выбор разнообразные дамские принадлежности. Лилия, понимая, что денег у них вполне достаточно, не ограничивала себя в выборе, и, вскоре, на шее у нее красовался кулон на золотой цепочке, а ее довольный папочка приобрел себе кожаные перчатки рыжего цвета. Поручик тоже себя не обидел и приобрел небольшой кинжал с волнистым лезвием за непомерную цену. Вещь была невиданная поручиком, до сей поры. Ну, еще бы! Волнистое лезвие и заточить-то было непросто, а еще продавец утверждал, что любая рана нанесенная таким оружием смертельна. Это суждение, особого впечатления на покупателя не произвело, но он заплатил, почти не торгуясь. В конце концов, в столице коллекционеры такой кинжал с руками оторвут.

Своих друзей на рынке они не встретили, и ужинать отправились в таверну, стоящую на отшибе. И, надо сказать, тут им повезло. Никто на девушек не обращал внимания больше, чем того допускали приличия. Возможно, пистолет неизвестной конструкции за поясом поручика внушал, так сказать, почтение. Никто ведь не знал, что стрелять он не может. Так, совершенно спокойно отужинав, вся компания вернулась на корабль.

«Омерон» покинул порт Лиссабона на следующий день.

Капитану удалось еще набрать пассажиров. В первом классе оказалась престарелая супружеская пара, которая возвращалась домой из старого света, где улаживали дела с наследством. А во втором классе четырехместную каюту заняло семейство: супружеская пара и близняшки – девочки лет двенадцати. Они, наоборот, отправлялись в новый свет в поисках лучшей доли.

Путь через Атлантику под парусами занимал немало времени, тут все зависело от розы ветров и выучки экипажа. Тут даже несведущий в морском деле человек понимал, что не просто плыть против ветра, но возможно, а при попутном ветре иногда приходится зарифлять паруса. Да и штурвал требует вдумчивого обращения... Ну, да оставим морские дела и вернемся к нашим героям.

Клобуков уже окончательно решил для себя, что команда для путешествия на Аляску набрана. В девицах он больше не сомневался, они уже достаточно показали себя. Осталось только решить для себя некоторые этические вопросы. Та жила, которую он со своими друзьями нашел два года назад, могла озолотить в буквальном смысле всю компанию. Разделив добычу на три части, – женицин он почему-то в расчет не брал, – можно разбежаться в разные стороны и навсегда забыть друг о друге. Возвращаться в Россию он не собирался, да и в Европу тоже. Можно было неплохо устроиться в Америке или в Канаде.

Полковник, который теперь тоже был посвящен в пла-

ны своего подопечного, пребывал в благодушном настроении. Теперь достаточно было узнать место прииска и задание можно считать выполненным. Доставлять самого Клобукова через Европу на родину, смысла нет. Аляска – это тоже Россия, достаточно сдать его местным властям и можно возвращаться на родину. Но самая удивительная метаморфоза произошла с Михаилом. Его чувства к Валерии вдруг начали угасать, и возникла симпатия к Елене. Возможно из-за того, что Валерия никак не реагировала на его ухаживания, а Елену радовал любой, даже пустяковый, знак внимания.

Плаванье продолжалось своим чередом. Близняшки, Мария-Луиза, – кто из них кто, знали только они сами да их мать, а она, вместе с отцом, страдали от морской болезни и, почти, не выходили из каюты, – так вот, близняшки целыми днями носились по палубе или гостили в каютах амазонок, которые с удовольствием играли в их детские игры. Кроме того они с удивлением наблюдали, как эти, почти взрослые барышни, переодевшись в матросскую одежду, лазали по вантам к парусному вооружению корабля, стараясь не попасться на глаза капитану. Сами-то Мария-Луиза в их женских платьях могли только смотреть и завидовать.

Где-то в конце пути капитан сказал полковнику, указывая на его барышень:

– Будь я пиратом, взял бы этих девиц марсовыми матросами. Очень уж ловко они лазают по вантам.

– А будь я пиратом, – ответил полковник, – взял бы этих девиц в абордажную команду, поскольку с ножом и пистолетом они управляются гораздо лучше профессиональных военных.

Заметим, что к всеобщей радости, проверять их навыки не пришлось. Хотя в те времена пиратство и процветало, но «Омерону» повезло, и он прибыл в порт назначения, избежав морских стихий и других бед.

Путь на Юкон

В Бостоне наши путешественники сразу заселились в гостиницу. Фаина с Валерией сняли один номер на двоих, а мужчины тоже заселились в один номер. Долго задерживаться в этом городе они не собирались. Дорога впереди трудная и опасная. Клобуков знал это как никто другой, поскольку однажды уже проделал этот путь. Тогда ему повезло. Теперь их путь лежал на дикий запад, ну и на север, тоже. Север был не просто диким, но еще и суровым. Восток считался цивилизованным. Ну, еще бы! Ведь цивилизация шла со старого света, то бишь, с Европы, и через Атлантику. На востоке были горы и Тихий океан, и оттуда освоение Америки было очень затруднительно, очень уж велик был этот океан. Но мы отвлеклись. Итак, вперед на дикий запад, навстречу опасностям. А самая главная опасность, – это дикие индейцы. Они только начали вкушать

плоды цивилизации, и эти плоды им, почему-то, не понравились. Дикари, чего с них взять.

Клобуков в таком пути был незаменимым человеком, поскольку знал некоторые обычаи индейцев, и понимал когда можно взять, а когда нужно дать. Индейцы ведь народ не злой. Если небольшая группа белых людей просто идет на северо-восток, никого не обижая, не нанося ущерб природе то зачем с ними воевать? А если они еще и готовы поделиться некоторыми диковинными вещами, то с таким народом надо дружить. А вот если они начнут захватывать земли и ставить свои поселения, это уже другое дело. Тут без войны не обойтись. Клобуков понял это еще когда служил на Аляске. Пришлось тогда повоевать с индейцами... Нет. Тут таких путешественников, как они, пока, слава богу, немного, и пройти надо тихо, мирно, поднося воздям дары. Тем более, что дары-то весьма дешевы: ножи, порох, пули, металлическая посуда. У диких племен с железом всегда не простые отношения.

Но была на их пути и другая беда, – это банды грабителей. Они нападали и на одинокие повозки, учиняя грабеж пассажиров, и на небольшие поселения, заставляя народ платить дань. Разбойниками с большой дороги в эти времена никого не удивишь, но если в Европе, да и в России, их активно ловили и безжалостно вешали, то тут ситуация была иная. Образно говоря: спасение утопающих дело рук самих утопающих. Что означало, что ловить бандитов офи-

циально, было просто некому. У властей рук не хватало, вот и приходилось простым гражданам самим заботиться о своих интересах. Объединяться в группы для отпора разбойничкам или нанимать свободных охотников, которых во все времена было в достатке.

Вот такая была диспозиция в этих краях. Клобуков ее знал прекрасно, члены его команды лишь догадывались, что их ждет. Однако все готовились и к неожиданным встречам и к суровым погодным условиям. Собственно, Джон планировал до начала зимы добраться до Юкона, там зазимовать, а весной уже двинуться дальше на Аляску. По другому просто невозможно. Он активно обсуждал маршрут с Андреем и Олегом, хотя те совершенно не знали страну.

— Сначала мы двигаемся на Север и идем до Канадской границы, далее мимо великих озер на северо-восток. Тут будут встречаться небольшие городки, поселки и отдельные фермы. В этих местах индейские поселения лучше обходить стороной. Они теряют свои земли, и настроены недружеслобно, мягко говоря. Путь будет долгий, но зимовать будем на Юконе.

Было закуплено оружие: длинноствольные ружья, порох, пули, запаслись продовольствием на первое время. Взяты были и рыболовные снасти. Рыба обязательно входила в рацион питания, иначе трудно было бы выживать в тех краях. Ну, а самое главное, были приобретены лошади и дилижанс, довольно вместительный. Теплую меховую одежду

ду на зиму, собирались купить в пути. В северных краях она дешевле. Четверку лошадей запрягли в дилижанс, две лошади были под седлом, на них скакали мичман с гусаром. Джон правил лошадьми дилижанса. Вот так в середине июня выглядела экспедиция Клобукова на Аляску. Однако, он не знал, что через два дня после их отбытия из Бостона, вслед за ними отправилась, почти, точно такая же экспедиция, под руководством полковника Потоцкого.

Экипировка была почти идентичной, да и состав мало отличался: два мужчины и две девушки. Оружие, продукты и брезентовые палатки, для ночевки в лесу были уложены как багаж. Амазонки скакали в седле, а полковник с кавалергардом по очереди правили лошадьми. Был, правда, один нюанс, они взяли пассажиров, попутчиков: две молодые семейные пары с двумя детьми мальчиками семи и десяти лет. Кстати мужская одежда на женщинах здесь не вызывала удивления. У полковника даже сложилось убеждение, что американцы вообще не умеют удивляться. Их женщины тоже могли управляться с лошадьми и оружием, понятно, что не так ловко как наши амазонки, но ведь они были обычными женщинами. Их основная задача поддержание домашнего очага, а за оружие они брались лишь в самом крайнем случае.

В первые дни путешествия пассажиры не проявляли никакого беспокойства, леса и поля шли бесконечной чередой. Встречались небольшие поселения, иногда огороженные вы-

соким забором, – это бывшие форты, защита от нападения диких индейцев. Но войны с индейцами уже не было, и форты перестали быть оплотом белого населения. Небольшие фермы, попадавшиеся на пути, встречали путников дружелюбно. Им ни разу не пришлось воспользоваться палатками, ведь дилижансы проезжали здесь регулярно и для гостей в салунах всегда были комнаты. Команда полковника, как мы уже говорили, выехала на два дня позже, группы Клобукова, и без особых расспросов, узнавали о движении их дилижанса. Народ бесхитростно рассказывал последние новости, и все советовали поторопиться догнать идущий впереди экипаж, чтоб двигаться дальше вместе. Однако, полковник, да и кавалергард, очень смутно представляли опасности, подстерегавшие их на дороге, а догонять шедший впереди экипаж, и уж тем более объединяться, в их планы не входило.

Возле великих озер леса стали гуще и пассажиры стали вести себя более настороженно. Мужчины сами вызвались сопровождать дилижанс верхом.

– Пусть ваши леди отдохнут, – сказал старший из них. – Скакать верхом не женское дело, а кучеру надо держать ружье наготове. Оно должно быть под рукой... Беспечность в этих местах до добра не доведет...

Полковник принял эти советы без возражений, только темп движения поверг его в шок. За сутки проходили не более сорока – пятидесяти миль. Версты тут были не ходу,

но и так понятно, что это менее ста верст. Дороги! Ну, что тут скажешь... Если дальше так пойдет, думал он, то до Аляски и в следующем году не добратся. А ведь дальше будет только хуже...

А вот Михаила и Елену темп движения вполне устраивал. Любовь, знаете ли... Это чувство спешки не любит. Для влюбленных дорога длиною в год, это... лучше не придумаешь. Все время вместе, а то, что уединиться днем невозможно, так это и не беда. Зато ночь все тайны скроет... Но это только посторонний человек мог подумать, что парочка потеряла границы приличий. Отнюдь! Хоть поручик и не отличался христианской добродетелью в столице, здесь, в глуши лесной, он ее обрел. Их чувства созревали медленно, но неуклонно. Лилия взирала на свою подругу сначала с удивлением, потом начала примешиваться зависть. Вспоминая своего мичмана, она уже ждала, что слишком равнодушно с ним обходилась. Но теперь ничего уж не исправить. «Небось, обрадовался, что получил приказ приударить за Фаиной, – с досадой думала она. – Хоть бы одним глазком посмотреть: чем они там занимаются. Олег от Валерии не отстанет, это ясно. А Файка, рано или поздно, Андрея совертит. Глупо все получилось». Полковник, разумеется, об амурах не думал, у него свои задачи, стратегические...

Лилия все еще размышляла, лежа в повозке, когда вдруг грохнул выстрел. Она тотчас вскочила, схватила свой пистолет и открыла дверцу дилижанса, собираясь выскочить

наружу. Все-таки выучка у амазонок никуда не делась, даже после такого тяготящего пути. Люсиль, одна из пассажирок, буквально схватила ее за штаны, – амазонки с начала пути носили свою униформу.

– Не пугайся, это мой Томми кого-то подстрелил. Сегодня будет свежее мясо на ужин.

– Откуда ты знаешь? А вдруг это индейцы или лесные разбойники.

– Я ружье своего мужа по выстрелу отличаю. А индейцы используют лук и стрелы для охоты. Да и не будут они сейчас нападать. В этих местах их племя к нам дружественно настроено, они предпочитают торговать. А вот дальше форта Левингтон, нападения иногда случаются. До форта еще два дня пути, там мы с Томми вас покинем.

– Вы в форте живете?

– Нет, но недалеко. Одна миля или чуть больше, но нам не по пути... Вот Мэри с Джимом, они в форте живут.

– А нам еще далече, – вздохнула Лилия, – мы в Новоархангельск едем. – Такова была легенда, придуманная полковником. Надо же как-то объяснять местным властям цель своего путешествия. Да и попутчикам лучше не темнить в разговорах, хоть народ тут был на редкость нелюбопытный.

– Никогда не слышала про такой город. А где это, Новоархангельск? – спросила Люсиль.

– Западное побережье Аляски.

– Ого! И чего это вас несет в этакую даль...

В ее словах вопроса не было, просто констатация факта. Ну, кому какое дело, зачем люди едут в далекие и суровые края. Может быть, торговлей занимаются. Много пушиного зверя добывается на севере. А может, жизненные обстоятельства так сложились. Просто так, ради прогулки в эти края не ездят. Или коммерция, или с законом не поладили и теперь следы замечают. Зачем совать нос в чужие дела, в своих бы разобраться...

Том действительно подстрелил косулю, пришлось сделать небольшой привал, чтоб разделать тушу. Теперь мяса должно хватить на три дня, до самого форта Левингтон. Вечером разбили палатки, назначили дежурных, все как положено. После ужина, когда народ готовился ко сну и выбирали себе место для ночлега, подошли индейцы. Просто подошли двое краснокожих без опаски, даже оружия при себе не имели. Одеты были в кожаные штаны и рубахи, явно не собственного производства. Они кое-как на ломаном английском поприветствовали путников и поинтересовались можно ли прямо сейчас обменять шкуры лисиц и белок на ножи, или белые люди пройдут в их стойбище, чтоб там совершить обмен.

Полковник не имел никакого желания задерживаться здесь и поэтому предложил совершить обмен на месте. Везти пушнину на север Канады – глупость несусветная, ведь вся торговля происходит наоборот, пушиной товар везут с

севера. Однако выбора у полковника не было. Он постарался объяснить, что они могут обменивать только небольшое количество металлических предметов, поскольку их путь лежит далеко на север. Индейцы не спорили, да и торговались не слишком азартно. Полковник, таким образом, избавился от десятка простых ножей, довольно низкого качества и приобрел несколько беличьих шкурок выглядевших вполне прилично.

Лилия собиралась тоже пообщаться с индейцами, с целью выяснить когда тут проезжал такой же дилижанс... Однако, индейцы с женщинами не общались вообще и хвостом ходили за полковником, поняв что он у белых является вождем и все вопросы решает единолично. Только понимал он их плохо. Гораздо лучше общаться мог Том, он знал десятков несколько индейских слов и мог объясниться довольно сносно.

Результатами этой небольшой торговли оба индейца были довольны. Металлические изделия в их среде ценились высоко, а Лилия, как дочь белого вождя даже удостоилась подарка: головного убора из беличьей шкурки. Она поблагодарила своих дарителей и в свою очередь подарила для дочери их вождя широкую ленту из красного атласа, специально для такого случая припасенную.

Лилия, все же, не упустила случая спросить о дилижансе, который должен был проехать двумя днями раньше по этой дороге, но оказалось, что индейцы ничего о нем не зна-

ют. Конечно, это еще не повод для тревоги, ведь они вполне могли разминуться с представителями этого племени, но что-то дрогнуло у нее внутри.

Вот таким образом закончилась первая встреча с коренным населением Америки. Хорошо бы и дальше так пошло... Люсиль вечером много рассказала Лидии об обычаях индейцев, об их образе жизни. Он мало чем отличался от жизни коренных народов Сибири. Разве что огнестрельное оружие в Сибири давно уже было в ходу у всех. Была только одна особенность, неизвестно чем обусловленная: индейские племена враждовали друг с другом, причем, враждовали так, что иногда устраивали настоящие войны. Громили стойбища врага, угоняли в плен женщин и детей, словом вели себя, как кочевые племена в древней Руси.

Лилия отправилась ночевать в дилижанс. Полковник уже знал, что предыдущий экипаж пропал из виду, но не тревожился и успокоил «дочь».

– Не потеряются, – сказал он. – Население здесь немногочисленно, когда приедем в форт, все будет известно. Нам даже спрашивать не придется...

В дилижансе тесно не было. Лилия и полковник устроились в разных углах с комфортом. Михаил и Елена появились уже за полночь, но легли врозь. В палатке ночевали пассажиры. Полковник установил дежурство, Индейцы, конечно, не нападут, но могут «случайно» увести коней. Ищи их тогда. К дежурству он привлек всех мужчин и обеих амазонок.

Дежурили парами, по два часа. Сколько еще будет таких ночевок в лесу, сказать сложно. Но до форта Левингтон, было еще две. Индейцы больше не приходили. А вот в форте их ждал сюрприз: не проезжал там дилижанс Клобукова.

Полковник помрачнел, хотя старался не подавать вида. Ну, вот! Потерять своего подопечного в самом начале пути... Хотя дилижанс не иголка и была договоренность на зимовку остановиться в Форте Нельсон, но тревога грызла командира, и он лихорадочно искал способ объединиться. Только на ум ничего не приходило, ведь Клобуков их видел на корабле, а увидев здесь, сложит два плюс два. После этого он просто сбежит, или его придется связать. Только вряд ли он в этом случае приведет их к золотому пришку. Хотя, это вопрос... Если пообещать ему свободу, то приведет. Но тут тоже проблема: не имел полковник таких полномочий. Официально не имел, да, но можно дать ему сбежать... Только после этого группа амазонок потеряет свой имидж, и будет, скорее всего отправлена обратно в монастырь. Кому они нужны в столице. Пусть даже все они красавицы, в столице этого добра хватает, а уж на периферии... Не объяснить его превосходительству, сколь сложна и опасна поставленная задача. В высоких кабинетах путь через Канаду покажется прогулкой на свежем воздухе.

Лилию тоже томили недобрые предчувствия, но только ей скоро стало не до переживаний за подруг, поскольку она подверглась непрерывным ухаживаниям со стороны сол-

дат и офицеров гарнизона форта. Очень большой недостаток женщин был в тех краях. Впрочем, нравы в те времена были строгие и никаких вольностей ухажеры себе не позволяли, тем более, что у этой девицы был в наличии «папаша».

В форте пробыли два дня, надо было привести дилижанс в порядок, поскольку путь предстоял длинный. Продукты не запасали, поскольку в лесах было полно зверья, а в реках и озерах рыбы. Благодатный был край на сорок пятой параллели, вот севернее природные условия изменятся, но для наших путников будут привычнее. А пока дальнейший путь лежит вдоль великих озер на запад. Снова взяли попутчиков, в этот раз была повозка с семейством, которое ехало в свой поселок.

Уже выехав из форта, снова повстречали индейцев, полковник уже начал осваивать их речь. Он не собирался останавливаться, но те сказали несколько слов на ломаном английском, и полковник спешил. Затем, он остановил дилижанс, вынул из багажа еще один нож, не из самых плохих и просто подарил одному из индейцев.

– Нашлась пропажа, – крикнул он Лилии. – У их дилижанса сломалась передняя ось, завтра они будут в форте Левингтон. Теперь мы опережаем их на два дня.

Проблем такой оборот никаких не составил. Порядок движения роли не играл, главное не встречаться. Лилия почувствовала облегчение, волновалась она за своих подруг.

Вот Елена, похоже, ни о ком не тревожилась и своей судьбой была вполне довольна. Бывает же так, посреди океана и на глухой лесной дороге нашла свое счастье и ничего ей больше не надо. «А мне еще год, похоже, придется ходить в «дочерях» полковника, – думала Лилия. – Нет, зависть плохое чувство. Может и я тут жениха найду... Кстати, полковник не такой уж и старый».

Небольшой обоз огибал с севера Великие озера, погода была прекрасная, охота и рыбалка почти всегда были удачными. Полковника огорчала только скорость движения, но тут уж ничего не поделаешь. Дорога была проторена, но не более того, встречали переезды вброд маленьких речушек, приходилось помогать лошадям и толкать дилижанс в гору. Спускаться с горы было легче, но тут от возницы требовалось весьма искусное управление, дабы не свалиться в канаву. Поселения фермеров встречались довольно часто, и не приходилось ночевать в дилижансе. Еще хорошо, что в Париже они разбогатели, благодаря Фаине, и теперь было чем платить за ночлег. Серебро тут было в почете. А где оно не в почете? Бумажные деньги тоже были, они пригодятся, когда доберемся до представителей Гудзонской торговой компании. Это она основала недавно Форт Нельсон. Хорошо бы туда до зимы добраться.

Четверо суток назад по дороге в форт Левингтон, Джон, который сидел на козлах, вдруг повернул дилижанс в сторо-

ну, куда уходило мало приметное ответвление дороги.

– Куда это мы? – удивленно спросил гусар, который вместе с Валерией ехал рядом с дилижансом.

– Тут дорога короче, – ответил Клобуков, – только надо бы проверить сохранился ли мост через речку. До него, по здешним меркам, меньше мили, прогуляйтесь, вместе с леди. Если мост цел, то выиграем сутки пути и уже завтра будем в форте.

Олег и Валерия ускакали. Они сразу обнаружили, что этой дорогой когда-то активно пользовались, но потом забросили, и свежих следов на ней не было. Однако, мост через речку был, правда сделали его на скорую руку, но дилижанс провести можно. Всадники поскакали обратно. Олег заметил в лесу тетерева и остановился, собираясь подстрелить его на ужин, а девушка вернулась к дилижансу, который успел преодолеть уже полмили, но теперь стоял покосившись вперед и на бок. Возле него стоял Клобуков и разговаривал сам с собой. Валерия спешила. Слов Дюсона она понять не могла, хотя говорил он вроде по-русски. Понятны были некоторые междомедия, но причем тут мать?

Из дилижанса выбрались заспанные Фаина с Андреем. Обстановка прояснилась. Сломалась передняя ось, а поскольку она была железной, то ремонт превращался в серьезную проблему. Через некоторое время появился Олег с подстреленным тетеревом в руке. В этой технике хорошо разбирался один Клобуков, Андрей и Олег могли помочь

только физически, а от девушек и в этом плане толку не было.

– Какие будут предложения? – спросила Фаина, – которой надоело слушать вздохи мичмана и сумбурную матершину Джона.

– А что тут сделаешь? – с досадой ответил Джон. – Нам с Андреем надо ехать верхом в форт, там приобретем ось или что-либо подходящее, потом вернемся за вами.

– Это мы будем ждать вас четверо суток? А потом еще двое суток ехать? – удивилась Валерия. – Нет уж, давайте чинить на месте. Вы же мужчины придумайте что-нибудь!

Немедленно начались придумки, причем девушки тоже не остались в стороне и идеи сыпались как из рога изобилия. Сначала решили поставить деревянную ось, а для этого надо было найти крепкое сухое и прямое дерево. Инструмент для работы с деревом, разумеется, был. Даже изобилие было инструмента, как и самого дерева. Дуб найти не удалось, пришлось использовать клен. Только, кленовая ось оказалась хреновой, о чем узнали даже дамы. Ну не затыкать же им уши. Проехать удалось менее четверти мили, но и это было хорошо. Добрались почти до моста.

Опять стала проблема, как форсировать мост со сломанной осью. Ведь сломайся деревянная ось на переправе, и дилижанс кувьркнется в речку, а это уже катастрофа... Вечер провели у костра в жарких спорах. Клобуков склонялся к тому, чтоб ехать за осью в форт, Валерия и Фаина

яростно возражали, мичман держал нейтралитет, а Олег, которому на полонку было вообще наплевать, поддерживал Валерию.

На другой день в качестве оси были перепробованы другие породы дерева. Продвинулись еще на полмили, но при этом успешно преодолели мост. Это вдохновило даже Клобукова. Заночевали, вечер тоже прошел в спорах, но в этот раз мичман встал на сторону Джона. Большинство все равно было за то, чтоб добираться в форт вместе, только какое это большинство, если в споре участвуют дамы, не разбирающиеся в технике. Клобуков не преминул сообщить об этом, чем вызвал яростное возмущение Фаины, зато Валерия подала свежую и вполне здравую мысль. Ведь сломанную ось тоже можно использовать. На месте излома нужно использовать муфту из подручных материалов. Идея была здоровой и требовала проверки. На другой день муфту соорудили из подручных материалов и проехали на ней больше двух миль. Затем муфту починили и проехали еще милю. К концу дня снова устроили совещание.

– Так дальше не пойдет, – твердо сказал Джон, – надо ехать за осью. Форт уже недалече, если мы с Андреем поторопимся, то за два дня обернемся.

– Надо сделать кое-что другое, – ехидно улыбнувшись, сказала Фаина.

– Что именно? – раздраженно спросил Джон.

– Во-первых: надо внимательно смотреть на дорогу и

ехать осторожней, во-вторых: надо перенести весь тяжелый груз в заднюю часть дилижанса...

– Какой смысл перетаскивать груз, если два человека всегда находятся внутри, – возразил Джон. – Ну не идти же им пешком!

– Зачем пешком, – с тем же ехидством, продолжила Фаина. – Вот я читала в романах, что в старину рыцари своих дам сажали на лошадей впереди себя и увозили в свои замки...

На несколько секунд воцарилось молчание.

– У меня нет замка, – ошарашено сказал мичман.

– Да я и не претендую, – усмехнулась Фаина. – Но ведь есть форт и там ночевать приятнее, чем в дилижансе.

Олег ничего не сказал, он с восхищением смотрел на Валерию. Как такая простая мысль не пришла ему в голову? Зато сейчас его мозг заработал не полную катушку. Надо приготовить седло для перевозки дамы. Ведь обычное седло для этого не годилось. В романах-то можно все, что угодно написать, а в реальной жизни в седло впереди себя даму не посадишь ни верхом, ни боком. Мысль заработала, и Олег кинулся изобретать подходящее седло, впрочем, можно ведь и вовсе без седла...

Клобуков, взглянул на обе парочки и понял, что сторонников у него не осталось. Пришлось изобретать очередную муфту, правда, у него уже были мысли на эту тему, которые он пока не озвучил.

Следующий день ехали медленно, может даже излишне медленно, но, – О чудо!, – ось не сломалась, и заночевали они уже почти у ворот форта. Этот день очень понравился Фаине, а Олег был просто в восторге. Вечером Валерия уже благосклонно выслушивала комплименты Олега, а Андрей, как-то по-отечески смотрел на Фаину, но ту это почему-то раздражало. Клобуков уже отошел от стресса и теперь увлеченно сочинял список запчастей, которые рассчитывал приобрести в форте. Первым делом, конечно, сломанную ось. Он понимал, что многого может не оказаться, но ведь это всего лишь первый форт на их пути, а впереди еще будут.

Войдя на другой день в форт, Лилия тотчас узнала, что дилижанс полковника, который должен был следовать за ними, обогнал их. И теперь роли поменялись, но это не беда. Проблема в другом, теперь Клобуков будет знать, что впереди движется группа в том же направлении. Что он предпримет, – неизвестно. Может попытаться их догнать, а может изменить маршрут. Оба варианта плохи и грозят провалом экспедиции.

Пока, правда, он не обратил внимания на эту информацию и целиком занялся ремонтом дилижанса, потом долго беседовал с кузнецом. Ось кузнец починил и божился, что теперь она крепче новой, но Клобуков попросил установить новую ось, а старую взял с собой в запас. Сам дилижанс подвергся жесточайшему осмотру на предмет возможных

неполадок. Дефектов явных найдено не было, а скрытые дефекты впопыхах не обнаружишь.

Через два дня дилижанс покинул форт, и впереди раскинулась лесная дорога с редкими поселениями. Лес вырубался и шел на строительство домов и придомовых построек. Пни выкорчевывались, освобожденные площади шли под посевы. Поселенцы работали не щадя себя и эта земля кормила их.

Путь на северо-запад продолжался. На ночлег, обычно, останавливались в небольших поселениях или фермах, где жила одна семья, иногда большая. Вот и сегодня остановились на ранчо, так тут называли небольшие хутора. Семья была по здешним меркам небольшая: муж, жена и два взрослых сына. Ужинали за столом во дворе, жарко было в этих местах, ведь уже конец июня. Сыновья с нескрываемым интересом поглядывали на Лилию, которая по легенде «ходила» в дочках у полковника.

– Сыновья у меня пригожие, на всякую работу мастера, – начал хозяин свое нехитрое сватовство. – Чего тебе, мистер Мишель, тащить свою дочь в такую даль? Дорога то дальше весьма опасна...

– Так ведь жених ее ждет в Новоархангельске, просвата-на она, – отвечал полковник, отрабатывая привычную легенду.

– Ну, когда так, ладно... – вздохнул хозяин. – Не хватает у нас тут невест. Городские сюда не едут, а индианку

братъ, так они не приучены к нашему быту и работа наша им незнакома. Одна маята будет и ей и нам...

Хозяин повздыхал еще и пошел в дом. За ним зачем-то увязался Клобуков. Остальные тоже встали из-за стола и разбрелись перед ночлегом кто куда. Лилия сидела в задумчивости и как-то странно поглядывала на полковника.

– Чего-то сказать хочешь? – спросил тот.

– Хочу, Михаил Юрьевич, – ответила она. – Давно уже хочу сказать вам. Надоело мне в дочках ходить. Глупо это, вы не находите? Глупо и неинтересно... Может, отдадите меня замуж за одного из этих молодцов?

Полковник ошарашено смотрел на нее и молчал, а Лилия закрыла лицо руками и плечи ее дергались... Потом она немного успокоилась.

– Никто меня в Новоархангельске не ждет, и вообще никто и нигде меня не ждет. А здесь меня будут любить и ждать... – с тоской, едва слышно, сказала она.

Полковник сидел, переваривая услышанное. Он, конечно, предполагал, что с женищинами при выполнении задания придется трудно, но не с этой стороны он ждал трудностей. Он предполагал, что они захандрят в дороге от бытовых неудобств, тяжести самого пути, и это было бы естественно. Но потом он увидел, что эти девушки сильнее и выносливее многих его сослуживцев, и уже успокоился, но вот: на тебе! Если бы захандрил поручик, он бы знал что делать. А теперь что? Замуж ее взять что ли? Так ведь в

около нет ни одного православного священника. Они разве что на Аляске встречаются.

– Лилия, – наконец, сказал он. – Эта экспедиция рано или поздно закончится. Вы еще очень молоды и вы очень красивы. Вы сможете устроить вашу личную жизнь в столице, а не в этой глуши.

– Да, я понимаю, – уже полностью успокоившись, сказала Лилия. – Но быть вашей дочерью по легенде я больше не хочу. Пусть тоже по легенде я буду вашей женой. Да, я намного моложе вас, и в дочери гожусь, но легенду можно слегка подправить. Так всем будет лучше. Никто больше не будет меня сватать. Ну, согласитесь!

– Ну хорошо, будь по вашему, – пожал плечами полковник. – Надо предупредить Елену и поручика...

– Да ну их, им совсем не до нас... А вообще, Михаил Юрьевич, человек так устроен: умные и благородные мысли ему в голову надо вбивать, а мысли глупые и пошлые сами приходят и не надо напрягать свои умственные способности. Не будем им ничего говорить... Сами увидите результат.

Между тем дилижанс Клобукова двигался по намеченному пути. Он уже давно понял, что впереди идет обоз, состоящий из дилижанса и повозки, но мысль объединиться возникла у него только сейчас, когда он узнал, что дилижанс направляется в Новоархангельск. Это означало, что до форта Нельсон можно двигаться вместе. Там можно

разделиться, но зимовать всегда лучше большой компанией.

Клобуков подошел к Олегу и вид у него был весьма загадочный.

– Мистер Олег, – начал он без тени улыбки. – Тут такое дело вырисовывается. До следующего форта три дня пути, дальше места пойдут совсем глухие и индейцы там совсем не такие паиньки, как здесь. А впереди нас, в двух днях пути идет обоз: дилижанс и повозка с семейством. Сколько там народа никто не считал, но в дилижансе четверо, а в повозке неизвестно. Но суть не в этом, по слухам путь они держат в Новоархангельск. Нам бы объединиться и до Форта Нельсон дойти вместе.

– Мысль хорошая, – пожал плечами Олег, – только нам их не догнать, а они ждать не будут. Ведь они-то о нас не знают, да и дорога у них может не совпадать с нашей.

– Я понимаю, – продолжил Клобуков, – но попробовать стоит. Вы можете выехать вперед верхом, налегке, и запросто их догоните, а там как повезет. Попутчики в нашем деле не помешают. До определенного момента, конечно. На Аляске разбежимся в разные стороны. Я уже все продумал. Даже обратный маршрут проложил...

Продолжение следует

Я наконец-то смог остановить свою писанину. Если бы только я с самого начала понимал, куда заведет меня сюжет... Об этом периоде истории Америки я знал только из романов Майн Рида и Фенимора Купера. Майн Рид сразу отпадает, поскольку он описывал юг континента. А вот «Зверобой» Купера точно попадает во время и место действия. Из школьной истории сведения весьма схематичны, да иначе и не бывает. Толку от школьного курса никакого. Кстати была еще масса художественных фильмов, но они относились к более позднему периоду, когда было изобретено многозарядное оружие. Ковбои скакали на конях и палили из револьверов. Индейцы тоже скакали на конях, стреляли из ружей и пускали стрелы из луков...

Собственно, я мог по своему желанию ускорять или замедлять процесс прохождения своих героев по североамериканскому континенту, для меня главное вдохнуть в них жизнь, чтоб читатель начал им сопереживать. Вот тут-то и заговоздка... Почему-то мои герои и героини говорят не то, что я задумал и делают не совсем то и не совсем так. Интересно бы посмотреть творческий процесс настоящего писателя. А у меня последний эпизод получился стихийно, первоначально я задумал схватку с кровожадными индейцами, но потом отказался. Четыре хорошо обученных и хорошо вооруженных человека все равно не смогут победить в реальной жизни стойбище индейцев, а превращать мое повествование в детскую сказку, очень не хочется.

Можно изобразить схватку с бандитами, только откуда им взяться в этой глуши? У Купера герои сражались с плохими индейцами и им помогали хорошие индейцы. Ну да ладно, как пойдет, батальную сцену придется изобразить, иначе все повествование закиснет. У меня тут другая проблема, как изобразить романтические чувства: любовь, ревность, коварство... То, что я написал, опять не понравится женскому коллективу. Но я старался изо всех сил.

Завтра отнесу Марку, пусть оценит мою недельную работу. На два номера журнала я уже написал, напишу еще столько же и завершу работу. А сегодня я дам почитать свое сочинение Ольге, которая исполняла при мне должность кухарки, горничной, кастелянши, и вообще, она моя крепостная, почти рабыня. Я могу заставить ее делать все, что угодно, ну почти все, даже читать свои сочинения... Я ведь барин. И пусть только выдаст мне плохую рецензию... Шутка! Но в каждой шутке есть доля истины. Ведь в здешнем обществе о правах человека еще никто и не слыхивал.

На другой день я отправился в редакцию к Марку и вручил ему продолжение повести. Он явно обрадовался, увидев меня, выскочил из за стола, кинулся обниматься, словно год не видал.

– Ну, рассказывай, как дела идут! У нас первый номер, можно сказать, нарасхват. Начали готовить второй, я зарезервировал под твою повесть пятьдесят страниц...

– Тут ты переборщил, я столько не написал... Короче, сна-

чала почитай. У меня тут сюжет повело совсем не туда, куда изначально планировал.

– У Варвары был?

– Нет еще. Сначала ты прочитай, потом ей передай. Как тут у вас дела, в общем и целом?

– На амуры намекаешь?

– Ну, можно и так сказать. Ведь с производственными делами все в порядке, раз журнал вышел и идет нарасхват...

Макс как-то странно ухмыльнулся.

– А вот тут, братец, сюжетец намечается! Ты вовремя освободился. Теперь тебе впору за другую повесть браться. Но старую, естественно, дописываешь...

– Загадками говорите, сударь, – напрягся я.

– Да какие загадки, Елисеевы прикатили вчера: отец с двумя дочками. У Денисовых квартируют. Полина о тебе интересоваться изволила... Меня тоже вниманием не обошли. Но, главное, папаша их меня порадовал: привез целую кучу кроссвордов, довольно толково составлены, хоть не вводи его в штат редакции.

– Тогда давай, Марк, я к тебе завтра приду: обсудим, что я написал. Сегодня я к Варваре не пойду, обсуждать пока нечего, у вас тут дел полно, я только мешать буду, а уж завтра буду готов выслушать критику, перед тем, как писать окончание.

– Э, нет, с тебя еще две части. Вспомни, мы договаривались на четыре номера.

– Ну ладно, понял. Значит до завтра...

Сначала я хотел отправиться к Денисовым, чтоб пови-
даться с Полиной, но потом решил, что утро не подходящее
время для визитов, не Винни-Пух ведь. К тому же обсуждать
пока нечего, разве что на гитаре побренчать... Но романсы
вылетели из головы.. А вот герои Купера песен не пели сво-
им дамам. Во всяком случае, он об этом не писал, и Майн
Рид тоже не писал, придется мне исправить это упущение...

Короче, когда я вернулся домой, меня встретила Ольга.
Она выглядела очень довольной и даже была взволнована.

– Вот, Максим Петрович, – сказала она и вручила мне пер-
вый номер журнала «Русское слово», – можно сказать, с бо-
ем купить удалось. Нарасхват идет ваш журнал.

– Вот, спасибо! – воскликнул я и чмокнул Ольгу в щеку,
чем поверг ее в некоторое смущение.

Но Марк-то хорош! Мог бы выдать мне авторский экзем-
пляр, наверняка ведь держит у себя десяток. Я тотчас отпра-
вился к себе, улегся на диван и занялся прочтением. Оказы-
вается увлекательнейшее занятие, читать собственное сочи-
нение.

До обеда время пролетело незаметно. А после обеда я бес-
церемонно оторвал Ольгу от хозяйственных дел, чтоб пого-
ворить: что она думает о моей повести. Девушка она грамот-
ная, хоть и не образованная, и едва ли она читала что-ни-
будь, кроме этого журнала, но тем более, важно для меня
знать мнение простого народа. Но ничего вразумительного у

народа узнать было нельзя, поскольку народу нравился сам писатель, а значит и все им написанное... Я уж это давно заметил, но старался не обращать внимания.

С утра, едва дождавшись девяти часов, я побежал в редакцию. Марк сидел на своем месте все такой же довольный, как кот, объевшийся сметаны.

– Привет, Макс! – радостно откликнулся он на мое: здравствуйте. – Ты вчера так быстро убежал, что я не успел вручить тебе авторский экземпляр.

Марк вынул из стола журнал и попытался вручить мне.

– Спасибо, – ответил я, жестом отказываясь от подарка, – у меня уже есть, Ольга купила вчера, говорит: продажа идет очень бойко...

– Какая Ольга? – удивился Марк.

– Да горничная моя.

– А... Ну ладно. Зайди к Варваре, тебя гонорар ждет...

– Ты мне лучше вот что скажи: как тебе вторая часть?

Марк задумался.

– Не читал разве? – удивился я.

– Да, нет, прочитал. Все бы ничего, только вот как бы цензура не прикопалась... Понимаешь... Аляска, золото, дезертир, Америка, – все это отдает политикой...

– Так ведь фантастика же, – снова удивился я.

– А поди вот, объясни им... – задумчиво ответил Марк. – Впрочем, с цензорами Варвара объясняться будет. А так ничего, весьма завлекательный сюжетец. Только вот куда он те-

бя дальше уведет? Тут не две части, а четыре или пять намечаются. Сам-то как думаешь?

– Думаю в две уложиться. Сделаю один – два боевых эпизода, добавлю лирики и верну девиц в столицу.

– Надеюсь в полном составе?

– Как получится. Тут предсказывать не берусь. Они не всегда меня слушают, иной раз такое откалываю, что я не предполагал вовсе.

– Шуточки, – ухмыльнулся Марк. – Ладно, иди к Варваре, может, она тебе что подскажет. Да, кстати вечером тебя у Денисовых ждут, и не только хозяйка дома. Сам понимать должен. А почему вчера-то не пришел?

– Занят был. Да и не приглашал никто.

– Ну, считай, что получил приглашение.

Вот как интересненько. Марк приглашения раздает от имени Евдокии Никитичны, и как это понимать? Впрочем, мне это понимать не обязательно. У меня есть свой огород... Я поднялся наверх постучал и открыл дверь директорского кабинета. Все же надо Варваре секретаршу завести. Ведь стучать в рабочее время не положено, но и входить без стука к даме, тоже не с руки.

– Здравствуйте, Варвара Ильинична, – с порога сказал я.

– Здравствуйте Максим Петрович, – ответила она, вставая из-за стола. – От чего вчера не зашли? Сегодня к ужину ждем вас.

– Спасибо, непременно приду, – степенно ответил я. – Да-

веча работы было много. Очень хлопотно оказывается писать такую повесть... Я раньше и не предполагал.

– Ваши труды будут вознаграждены по заслугам, – улыбаясь, сказала Варвара.

– Да я не к тому, – смутился я. – Просто времени много требуется... А главное, я ведь зашел, чтоб мнение ваше выслушать. Это для меня важно. Марк вот цензорами меня пугает, а вы что думаете?

– Насчет цензоров не задумывайтесь, тут не к чему придраться, – задумчиво сказала она. – Пишете вы хорошо, и сюжет разворачивается динамично, и даже романтические чувства появились. Но вот тут-то и загвоздка. Молодые люди по сюжету слишком много времени проводят наедине или в узком кругу. Понимаете о чем я? После этой экспедиции кое-кого придется поженить... Сами-то вы что задумали.

– Да я, об этом не думал еще, – промямлил я. – Тут по сюжету должны быть боевые схватки с индейцами или с разбойниками... Ну и романтические отношения тоже должны разворачиваться. А свадьба состояться не может, пока нет православного священника.

– Значит, вы будете балансировать на грани приличий... – смутившись как девочка, ответила Варвара.

– Ничего неприличного не случится, уверяю вас, – заверил я ее.

Понятно, что я тут не собирался описывать никаких безобразий, иначе не только цензоры, но и читательницы нач-

нут тыкать в меня пальцем. Ведь мне было уже известно, что именно в эти времена Наполеон Бонапарт, прочитал слишком откровенный роман маркиза де Сада «Жюстина» и, расвирепев, от описываемых там оргий, отправил автора в тюрьму. Варваре я этого говорить не стал, поскольку этот эпизод был ей неизвестен, да и сам маркиз тоже, а его романы даже в Париже были сейчас под запретом.

– Ну, вот и прекрасно, а сейчас извольте получить гонорар, – ответила она и загремела ключом, открывая ящик старинного бюро.

«Как все просто, – с восхищением подумал я, – ни кассира, ни бухгалтера, ни ведомости...» Впрочем, насчет ведомости я ошибся, в какой-то бумаге мне пришлось расписаться.

– Это для отчета, – виновато улыбаясь, сказала Варвара, и вручили мне несколько ассигнаций.

Я не глядя на них, неловко засунул их в карман. Вот и первый заработок в этом мире. Теперь не пропаду...

– Ну, тогда до вечера Варвара Ильинична, не смею больше отрывать вас от дел, – пробурчал я, пятясь к двери.

– До вечера, Максим Петрович. Мы вас ждем! – лучезарно улыбаясь, ответила она.

Вернувшись домой, я, естественно, любопытствовал на свой гонорар. Он оказался не маленьким. Пятьдесят рублей по нынешним временам сумма значительная. Нам с Ольгой ее на месяц свободно хватит. Я тотчас вручил деньги Ольге

на хозяйство и прочие надобности. Вообще-то, я предполагал платить ей зарплату, но пока не получалось. Вот разбогатею, тогда уж...

Вечером отправился к Денисовым и, встретив там Марка, совершенно не удивился.

– У вас тут вся редакция журнала во главе с директором, – пошутил я, – можно проводить совещание.

– Согласитесь, что это удобно, Максим Петрович, – сказала Евдокия Никитична.

– Весьма, – согласился я.

«А если все они станут родственниками, то будет удобно вдвойне», – подумал я, но вслух, конечно, ничего не сказал. Впрочем, все родственниками стать никак не могут. Если Марк женится на Варваре, то я-то все равно родственником не стану, а если я, вдруг, женюсь на Варваре, то Марк, останется при своих интересах. Тут в залу вошли Елисеевы: отец и две дочери. Полина с радостью направилась ко мне.

– Максим Петрович, – сказала она, – очень рада вас видеть.

Я, как положено, приложился к ручке и отвечал, что тоже безумно рад повстречать мечту своих грез, красавицу Полину Ильиничну. Потом наговорил еще несколько комплиментов, столь же неуклюжих и бестолковых. Но Полина не обиделась, комплименты слушать всегда приятно.

– Полина Ильинична, – сказал я, – надеюсь, вы прочли мое последнее сочинение. Я с нетерпением и страхом жду

ваш приговор...

Страха-то у меня, не было, но был очень жгучий интерес. Ведь Полина не просто читательница, она олицетворяет многих читательниц своего поколения и к ее мнению следует отнестись со всем вниманием.

– Извольте, Максим, – ответила она, если вы настаиваете, я готова высказаться.

Я, естественно, настаивал, а у Полины речь то была уже заготовлена, это было видно по ее решительному виду. Все, включая ее папеньку, собирались внимательно выслушать ее мнение. А сама она вдохновленная наличием нескольких слушателей: Варвара и ее мать, Марк, сестра и отец, слегка покраснелась.

– Я давеча вам говорила, Максим Петрович, что в вашем произведении преобладают безобразные драки и очень мало чувств, которые всегда присутствуют у молодых девушек. Так вот в последней части все поменялось наоборот. Чувств стало слишком много, а ситуация складывается так, что о свадьбах и даже помолвках речи быть не может. Вы завели своих героинь в какую-то глухомань, у них возникли чувства к своим кавалерам, и даже образовалась пара. А до окончания экспедиции еще как минимум год. И как же вы намерены выходить из ситуации?

– Да понятия не имею, – я пожал плечами, – я же вам уже говорил, Полиночка, что мои героини живут своей жизнью, я только беру перо и записываю все, что с ними происходит...

– Так не бывает, Максим Петрович, – запальчиво ответила она.

– А вы попробуйте, Полина Ильинична, – усмехнулся я, – возьмите перо, бумагу и напишите хотя бы следующую страницу...

– Да я уже пробовала, – вздохнув, ответила Полина, – ничего не получается. Пустая трата бумаги... Не слушаются меня ваши амазонки. Пишите сами, у вас получается. Вот и папеньке моему нравится, да и мне, честно говоря, тоже. Жду следующую часть... Только вы мне скажите: откуда вам известна жизнь в новом свете. То, что там коренное население индейцы и они очень воинственны, известно давно, но про жизнь поселенцев мало кто знает.

– Это верно, – ответил я, – и об Америке и об Аляске в литературе информации мало. Приходится выдумывать, но ведь я пишу фантастическую повесть, тут выдумка элемент обязательный. Если меня будут упрекать, что я пишу то, чего на самом деле не было, и быть не могло, так ведь и амазонок-то не было. Они тоже, – выдумка, а окружающая их реальность, – это декорации, подобные тем, которые бывают в театре. А декорации не должны быть реальны, они должны иметь сходство с реальностью...

– На этом обсуждения предлагаю закончить, – вступил в разговор Илья Иванович, – А вы уж, голубчик, пишите.

Последнее относилось ко мне. Хозяйка пригласила за стол. Все расселись, и Полина оказалась возле меня, а Марк

сидел между Варварой и Надеждой, причем как раз напротив меня. Эта ситуация меня порадовала, не хотел бы я оказаться на месте Марка, но он, к моему удивлению чувствовал себя как рыба в воде, и ни одна из его соседок не выглядели удрученными. Однако... Впрочем, дело не мое, я тут не частый гость. Полина, тоже казалась тоже вполне довольной жизнью. Разговор за столом больше не напоминал литературный диспут, я получил рецензии, чего еще желать? Правда, от этих рецензий практической пользы не было. Я так и не знал как вести сюжет дальше. «Надо отдохнуть от писанины пару дней, – подумал я, – потом что-нибудь придумается». Глядя на троицу, сидящую напротив, возникло желание написать мелодраму, но нет, не буду. Пусть Марк ищет других писателей...

После ужина Варвара увлекла нас с Полиной в свою мастерскую показывать наброски иллюстраций к моей повести. Иллюстрации Варвары мне нравились, причем нравились больше чем сама повесть, о чем я ей не преминул сообщить. В ответ Варвара фыркнула, как кошка и сказала, что это слишком грубая лесть. Однако, иллюстрации действительно были хороши, даже возникло желание начать писать прямо сейчас.

Остаться наедине с Полиной не получалось, хотя, если честно, не очень-то я стремился. С ее стороны тоже не было никаких намеков. Да и как можно уединяться, находясь в компании. Но, оказывается, можно. Марк с Надеждой ку-

да-то исчезли, правда, Ильи Ивановича тоже не было. «Это правильно, – подумал я. – Надо бдеть за дочерьми. Иначе могут быть сюрпризы». Однако, сюрприз последовал от Варвары.

– Максим Петрович, – вдруг сказала она, – вы вот давеча подали мне мысль, привлечь к работе еще человека, чтоб помогал мне с посетителями, которых становится все больше...

– Я имел в виду, сделать приемную перед вашим кабинетом и посадить туда секретаря, чтоб он помогал вам в работе и не пропускал ненужных посетителей. А вы сказали, что вам нужен не секретарь, а...

– Неважно, важно, – прервала меня Варвара. – Дело ведь не в названии... Просто мне нужен помощник, тогда я смогу заниматься рисованием. И, кажется, я нашла помощника, вернее помощницу... Знакомьтесь, это Полина Ильинична. Теперь вы все вопросы будете решать с ней.

– Вот это поворот, однако, – удивился я. – А как на это посмотрит Евдокия Никитична?

– С маменькой я решу этот вопрос, – ответила Варвара. – На первых порах, я ей буду помогать, а там все должно войти в колею.

– А Марк что скажет?

– У Марка Савельича своя работа. Он вот в своем прежнем издательстве пытался один все вершить, и что из этого вышло?

– Тоже верно, – сказал я. – А вы Полина уже дали согласие?

– Да! – воскликнула она. – Я хочу попробовать сделать что-то полезное в жизни.

– Ну что ж, – ответил я, – осталось пожелать успехов в вашем нелегком труде. Я со своей стороны приложу усилия, чтоб предприятие процветало, и с завтрашнего дня начну писать продолжение своей повести.

Полина была довольна сложившимся оборотом дела. Мне по большому счету было все равно, кто руководит издательством, Марк получит через пару недель продолжение и журнал будет выходить... Хотя, Марка наверное уже завалили рукописями. Графоманов на Руси всегда хватало. Пушкиных, Толстых и Достоевских не так уж и много, а графоманов... Ну, да ладно. Сам такой.

Вечер у Денисовых завершился, я возвращался домой вместе с Марком, мы почти не разговаривали, он был задумчив, рассеян, душа его явно витала в облаках. Возле моего дома мы распрощались. Время было позднее, поднявшись к себе, я стал обдумывать дальнейшее развитие сюжета своей повести, которая уже грозила превратиться в роман. Незаметно я уснул и снились мне амазонки и индейцы. Благодаря красочным рисункам Варвары образы, набросанные мною, приняли вполне реальные человеческие черты.

Проснувшись на другой день, я тщетно пытался вспомнить свой сон. Ну, никак не получалось. Я представил себе

индейцев с размалеванными охрой рожами и томагавками в руках, амазонок – с изогнутыми самурайскими мечами. Но картинка боя не складывалась: томагавк и катана во время схватки будут выглядеть странно, впрочем, так же как лук против пистолета.

Так и не обдумав дальнейшего развития сюжета, снова взялся за перо.

Вьюга над полями (продолжение)

Олег скакал налегке, догоняя впереди идущий дилижанс. Оружие у него, конечно, было, но он искренне надеялся, что применять его не придется. Одинокий всадник ни для кого опасности не представлял. Он надеялся догнать обоз к вечеру, но если не получится, то заночевать на каком-нибудь ранчо. Клобуков просил его переговорить с хозяевами дилижанса, предложить им продолжить путь вместе, а для этого надо было, чтоб они на сутки сделали остановку. Чего уж проще. Если согласятся, то возвращаться не обязательно.

Олег вовсе не собирался убеждать полковника, принять предложение Клобукова, поскольку у его пассии Валерии опять появится еще один ухажер Михаил. Более того, Олег был уверен, что полковник не примет предложение Джона, поскольку оно противоречило разработанному в Бостоне плану. Тем не менее, он добросовестно выполнял поруче-

ние. Он продолжил бы скакать до темноты, но коню нужен был отдых, да и самому хотелось бы заночевать не в придорожных кустах. В этот день догнать дилижанс не удалось, зато на ранчо, где он попросился на ночлег, подтвердили, что обоз прошел недавно и завтра он его непременно догонит.

Догнал он его только ближе к вечеру. Появлению гусара все обрадовались, поначалу, конечно, встревожились, но потом обрадовались. Нелегко было узнать в этом заросшем оборванце бывшего гусарского поручика, Лилия даже съязвила:

– Что-то ненадлежащим образом присматривает Валерия за вами, поручик. На кого вы стали похожи!

Поручик хмыкнул и промолчал, хотя мог и по поводу Лилии кое-что сказать. За месяц пути и девушки уже мало напоминают светских дам. Но больше всего его удивил Михаил. Он почти тотчас обнаружил, что кавалергард всерьез увлечен Еленой и эта увлеченность взаимна. Полковник, глядя на Михаила, только усмехался в усы. Да, мужчины обросли, и уже не очень походили на тех красавцев, которые выехали из Бостона.

Дилижанс, остановился, а повозка с семейством продолжала свой путь. Полковник обдумывал предложение Клобукова. В конце концов, что тут такого, даже если он узнает, что они прибыли на одном корабле? У них своя цель поездки: добраться до Новоархангельска. А в восьмером они смогут

отбиться и от небольшого племени индейцев и от бандитов, которые тут иногда нападают на почтовые кареты и на торговые повозки.

Лилии понравилась мысль объединиться, правда, меньше всего она думала о Клобукове. Просто теперь ее девочки будут снова под ее началом, да и мичман будет рядом. Хорошо бы еще с Фаиной поменяться. Пусть она у полковника в дочках ходит... Но, здраво рассуждая, она понимала, что это невозможно. Каждому придется играть, предназначенную ему роль, до конца путешествия.

Елена и Михаил высказались за объединение, для их отношений ничего не менялось, а польза для всего их предприятия была очевидна. Большой группой легче пройти эти дикие места.

Разбив палатки, путешественники заночевали. На другой день дилижанс никуда не двинулся, стали готовиться к встрече. Мужчины отправились на охоту, женщины остались на хозяйстве. Все, как в давние времена.

Встреча состоялась к вечеру следующего дня. Сначала церемонно познакомились друг с другом, специально для Клобукова разыгрывая спектакль. Девушек он узнал сразу, встречались на палубе «Омерона», а мужчин сразу не признал. Однако полковник не стал дальше темнить, и объявил, что они прибыли из Парижа, чтоб добраться до русской Америки, а конкретно до Новоархангельска, куда он получил назначение помощника управляющего по делам переселенцев.

– Михаил, – полковник представил кавалергарда, – едет туда в звании поручика и должен принять роту солдат, заменить погибшего в бою с индейцами ротного. Елена его невеста, пожелала разделить с будущим мужем все тяготы службы. Лилия – моя жена, едет со мной к месту нового назначения.

Услышав последнюю фразу, мичман охнул, а Фаина фыркнула, с трудом сдерживая смех. Даже сама Лилия была в шоке, хотя еще совсем недавно сама предложила поменять свой статус «дочери» на жену. Елена никак не отреагировала, а Валерия еле сдержала удивленный возглас. Михаил и Олег даже глазом не повели, вроде бы это их совсем не касается, что собственно было правдой. Ну, какое им дело до личных дел руководителя, тем более, что свои дела у них устраивались отлично.

Клобуков последнюю фразу полковника просто принял к сведению. Его устраивало все, хотя он рассчитывал, что в дилижансе будет больше мужчин. Женщин то он за бойцов не считал, хоть и имел возможность убедиться в обратном. Таков уж стереотип мышления.

– Вам было бы проще добираться через Гудзонский пролив на судах Русско-Американской торговой компании, – задумчиво сказал Клобуков, обращаясь к полковнику. – Тогда, возможно вы успели бы до зимы добраться в пункт назначения, а теперь придется зимовать в одном из фортов, или ехать на собаках... Вам доводилось ездить на собаках?

– Я даже не знал, что такое возможно, – удивленно ответил полковник.

– Когда доберемся до форта Нельсон, у вас будет возможность использовать этот вид транспорта.

Дорога на Юкон (продолжение)

Дорога казалась бесконечной. Проходили дни за днями, переправлялись через большие и маленькие ручьи, через реки и речки. Слава богу, что сама дорога уже была проложена первыми поселенцами, которые уже полтора столетия осваивали эти земли. Где-то договаривались с кочевыми племенами индейцев, а где-то просто сгоняя их с земель при участии армейских частей. Индейцы бунтовали, вернее пытались оказывать сопротивление, только томагавки и луки против огнестрельного оружия не могли конкурировать, и возжи, получив в качестве откупных какие-то товары и даже ружья для охоты, уводили племена дальше в глубь континента. А поселенцы, старались содержать в относительном порядке дороги, чтоб можно было общаться с фортами, где были солдаты, и с другими поселениями.

Наши путники двигались, хоть и медленно, но неуклонно от форта к форту, стараясь ночевать за их стенами, дабы не вводить в соблазн индейцев. Ведь ночью захватить обоз, даже с немаленьким сопровождением, было легко. Луки бьют, а томагавки летают бесшумно. При всем при этом

шла бойкая торговля пушиным зверем. Светские модницы наряжались в меха и торговые компании процветали. А меха добывали индейцы и вольные охотники среди поселенцев. Индейцы выменивали шкурки зверушек на продукты, порох и пули к ружьям, и начали уже разводить лошадей, а вольные охотники продавали пушнину торговцам за деньги, которые тут же тратили на продукты и выпивку.

Мы несколько отвлеклись от повествования, но ведь нужно дать некоторое представление о стране, которая по сей день принадлежит Британии. Возле Великих озер поселений было много, но дальше на север, а наши путники углубились уже далеко, поселения встречались все реже. Вместо фортов приходилось ночевать в блокгаузах. Если кто не знает, то блокгауз это большой рубленый дом из огромных бревен с маленькими окнами, напоминающими бойницы. Грубая крыша, которая местами протекала. Главная цель блокгауза, дать укрытие путникам от внезапного нападения индейцев, ну и от диких зверей, тоже. Постоянно там никто не жил, но пользовались такими строениями часто.

Клобуков вел свою команду путем, который однажды прошел сам, уходя с Аляски континентом. Хотя, морской путь был проще. Причина была проста. Уходя через континент, легче было затеряться. По тем же соображениям он не выбрал путь на Аляску через Гудзонский залив. Желающих отправится туда в путешествие, было наперечет, и каждый человек был на виду.

Двигаться двумя экипажами по лесной дороге, было не в пример легче. Два всадника были всегда впереди и вели разведку, находили место для привала на обед и место для ночлега. Стойбища индейцев не встречались, вблизи дороги индейцы не селились, но нередко появлялись, чтоб обменять пушнину. Первое нападение индейцев случилось, когда дорога повернула на север и местность стала гористой. Собственно это было даже не нападение, а попытка украсть лошадей. Путники расположились на ночлег в блокгаузе, расположив дилижансы перед дверью, а для лошадей устроили небольшой загон, перегородив жердями часть двора. Как и положено, были назначены дежурные, ведь теперь отряд был большой, в дилижансах было много ценных вещей и не все их можно было перетаскать в блокгауз.

Затея индейцев, может быть, и удалась бы, если бы в этот момент не дежурила Фаина, которая видела в темноте, как кошка, и по ловкости ей не уступала. Она сидела на крыльце перед дверью блокгауза, когда уловила едва заметное движение со стороны дороги. Заржала лошадь и быстро смолкла. Фаина отработанным движением перекатилась с крыльца за угол дома и тотчас на крыльце перед дверью возникла фигура индейца. Он молниеносно подпер дверь копьем, теперь из блокгауза выйти было невозможно.

Фаина метнула нож, и индеец упал, не успев издать и звука. Нож торчал из горла. «Все, шутки кончились и спокойная жизнь тоже», – подумала она и выбежала во двор.

Поднимать тревогу смысла не было, поскольку дверь была заблокирована. В руке у нее был пистолет, но стрелять она не торопилась, возле лошадей суетились всего два человека. Они уже отвязали трех коней и сейчас занимались очередными. Очевидно, имели планы увести всю восьмерку лошадей. Значит, сообщники были поблизости, потому что таким неопытным конюхам восемь лошадей не увести.

Один из индейцев в полголоса что-то сказал своему товарищу и направился в сторону блокгауза. Едва он приблизился, Фаина нанесла удар ногой в голову, и тот рухнул почти бесшумно. Последний из грабителей все же что-то услышал и обернулся, но девушка уже вытащила из ножен на спине клинок, и полоснула его по горлу. Индеец рухнул с шумом и треском, но его сообщников поблизости не было. Фаина снова привязала коней и осторожно пошла к дороге. Черная униформа амазонки полностью скрывала ее, чего нельзя сказать о тех, кто прятался в кустах на другой стороне дороги. Она достала пистолет и выстрелила в одну из фигур на другой стороне дороги.

Выстрел разбудил обитателей блокгауза. Фаина подошла к двери, в которую уже кто-то ломился, и отбросила подпиравшее ее копьё. Первым выскочил Олег, за ним полковник и Лилия. Началась суета и беготня, но на лошадей никто больше не покушался, и тени на другой стороне дороги исчезли. Лилия сменила на посту Фаину, а разбор произошедшего отложили до утра.

Утром три трупа индейцев сложили возле блокгауза, в придорожных кустах при внимательном осмотре обнаружили следы крови, но трупа не было. Значит, индейцы забрали его с собой.

– Ну что ж, – сказал полковник, – война объявлена, теперь надо ждать нападений.

– Не стоит беспокоиться, Михаил, – равнодушно ответил Клобуков. – Это племя малочисленное, если бы они хотели напасть, то давно бы напали. Просто хотели украсть лошадей. Будем двигаться осторожнее, а Фаина молодец! Я восхищен! Где она научилась так владеть оружием?

– В монастыре, – ответила подошедшая Лилия. – Что делать с трупами? Будем хоронить?

– Вот еще! – отозвался Клобуков. – Отнесем к берегу и сбросим со скалы в воду.

– Андрей! Михаил! – крикнул полковник. – Давайте быстрее унесем трупы и приберем тут. Надо выдвигаться, до вечера должны прибыть в поселок.

Через час, быстро позавтракав, дилижансы продолжили путь. Нельзя сказать, что дорога была пустынна, встречались повозки и одинокие всадники. Пешие путники попадались редко и попутчиков брали охотно. Ведь теперь в гористой местности дилижансы приходилось иногда толкать, или вытаскивать колеса из ям. Клобуков не забывал про сломанную ось и правил осторожно. Лилия вместе с Олегом отправились вперед, Клобуков сказал что скоро должно

быть небольшое ранчо.

– Лилия, – усмехнувшись, сказал гусар, когда они отъехали от дилижансов, – а тебя «муж-то» не приревнует.

– Не ваше дело, господин поручик! – вспыхнув, как порох, ответила девушка.

Над ней уже давно подтрунивали все амазонки. А что теперь делать? Сама придумала свой статус. Ходила бы в «дочках», так и Андрей бы не прятал глаза. Могла с ним, в открытую, амуры крутить. Своими руками, можно сказать, отдала его Файке и себя превратила в посмешище. Впрочем, для амуров-то времени и не было, за целый день пути все так уставали, что вечером валились с ног.

А через несколько дней пути произошла еще одна попытка нападения. Это было уже серьезнее, поскольку была приготовлена ловушка и путники должны были исчезнуть без следа. Передовой дозор, который опережал обоз на полторы версты, вдруг вернулся назад.

– Дальше дорога перекрыта упавшим деревом, – сказала Фаина, которая вместе с Андреем осуществляли разведку пути. – Дилижансы не проедут...

Когда подъехали к препятствию, ситуация стала понятна. Огромное дерево лежало так, что мог свободно пройти пеший и конный, но дилижанс – ни коим образом, поскольку с одной стороны был обрыв и туда свисала верхушка дерева с другой стороны был довольно крутой подъем, на который упирался комель. У комля торчали корни дерева, а

по всему стволу толстые разлапистые ветви. Дилижансы стояли перед препятствием, а Клобуков, бормоча под нос известные ему русские слова, осматривал дорогу перед деревом и после него.

– Похоже, мы попались, – изрек он, наконец.

– Предлагаю дерево сжечь на месте, – пожав плечами, сказал Михаил.

– Лучше поработать топорами и по частям сбросить его в обрыв, – предложил Андрей.

– Ты что скажешь? – спросил полковник Олега.

– Кто бы что ни предложил, – вмешался Клобуков, – а ночевать нам придется здесь. Это ловушка. Ночью явятся индейцы и перебьют нас как мух. Все наше имущество унесут, а с телами поступят так же, как мы поступили с их соплеменниками.

– И что вы предлагаете? – спросил полковник.

– Оставить дилижансы и дальше двигаться верхом. Собственно, рано или поздно нам придется так поступить, поскольку селения попадают все реже, а дорога все хуже. Да вы и сами видите.

– Да, но мы надеялись добраться до форта и там дилижансы продать, – заметил полковник.

– Половину всего, что мы везем, придется бросить, – сказала Лилия.

– Ваше семейное гнездышко... – начала Фаина, но закончить не успела. Успела только увернуться от толчка Ли-

лиш.

– Не о том думаете, господа вояжеры, – сказала Елена, которая до этого с задумчивым видом ходила вокруг огромного ветвистого ствола. – Его не так уж и трудно убрать с дороги. Пусть мужчины возьмут топоры, а я скажу какие ветви и в каком порядке надо срубить, чтоб дерево само покатило в обрыв. Придется еще сделать ваги, чтоб подтолкнуть его в нужном направлении.

Топоров было всего два, и взяли их Андрей и Михаил, поскольку у них лучше получалось с ними управляться. Елена объясняла суть задуманного ею плана полковнику, рассказывая, как будет смещаться ствол, при срубании ветвей, куда переместится центр тяжести, где придется подпереть его вагами, и прочие технические премудрости.

В результате дорогу удалось расчистить за час, еще час был потрачен на обсуждения и подготовку. В результате добрались до очередного блокада уже к темноте, измученные и голодные, зато без потерь имущества.

Лилия, вернувшись в блокада после ужина, не обнаружила своего спального мешка там, где она намеревалась ночевать. А ночевать она собиралась возле Елены, как обычно.

– Сударыня, – спокойно сказал ей полковник, – теперь ваше спальное место возле меня.

Он взял изумленную девушку за руку и подвел к огороженному углу, где было приготовлено два спальных места рядом. И даже чья-то заботливая женская рука положила

одно покрывало на двоих. «Небось, Файка постаралась», – раздраженно подумала Лилия.

– Лилия, – продолжил полковник, – вы сами это придумали. Как говориться «назвался груздем – полезай в кузов». Исполнять супружеский долг, я вас не принуждаю, но спать нам придется рядом. И днем, уж будьте любезны, не забывать, что вы моя жена и вести себя соответственно.

– Слушаюсь, мой господин, – раздраженно ответила девица и, молча, улеглась возле полковника.

Раздразниться то надо было только на себя. Но кто же знал, что все так обернется. Теперь мичман молча страдал в своем углу, а Лилия начинала ненавидеть полковника, хотя тот даже не прикоснулся к ней а спокойно похрапывал рядом, отвернувшись к стене. Но почему-то это раздражало ее больше, чем, если бы он попытался обнять ее. Впрочем, она совсем запуталась в своих чувствах. «Что-то тут неправильно, – думала она. – А точнее тут неправильно все! Теперь все будут считать меня шлюхой, а Ленка с Олегом останутся невинными ангелочками. Ладно, на Ленку с Олегом наплевать, не мое это дело, но как объяснить Андрею?»

Окончательно запутавшись в своих мыслях и чувствах, Лилия заснула. Фаина, которой уже давно безумно нравился мичман, старалась по полной программе воспользоваться нежданной удачей и прилагала все усилия, чтоб соблазнить Андрея. Его буквально ошарашило известие о том, что Лилия жена полковника, но потом он сообразил, что

это должно быть по легенде, которую разыгрывают перед Клобуковым. Хотя зачем уж так стараться? Зачем им спать рядом? Правда, разум ему подсказывал: как же может быть иначе, жена ведь. И ведь сам-то он что делает возле Фаины? Ничего не делает? Вот именно: ничего не делает, и девушку, похоже, это напрягает. Ведь Андрей вовсе не дурак и видел, что нравится ей. «Сердцу не прикажешь», – решил он про себя. «А вот телу: тоже не прикажешь? Или все-таки прикажешь?» – думал он, чувствуя, что определенная часть тела выходит из повиновения и приказов слушать не собирается.

А Елена с Михаилом размышлениями себя не мучили, просто спали обнявшись. Они уж давно все сказали друг другу, трудности сегодняшнего пути отняли довольно много сил у всех, и хотелось только спать.

А у Валерии с Олегом отношения были самыми простыми, а может и не простыми... Но это смотря для кого. Для Олега это были ухаживания за любимой девушкой, которые, к сожалению, не продвинулись не на йоту. Валерия относилась к нему дружелюбно, но не более того. И спальня у них лежала на расстоянии. Сама же девушка пока среди окружающих ее мужчин не видела своего возлюбленного, к которому могла бы броситься в объятия очертя голову.

Ну, а про Клобукова пока и сказать нечего. У него была цель, и он шел к ней, стараясь не отвлекаться на постое-

ронные раздражители. Он был еще не старьй мужчина, гораздо моложе полковника, и четыре женицины в экспедиции не могли оставить его равнодуиным, только все дамы были при кавалерах, и вклинится между ними, он не старался. Честно говоря и обстановка не располагала. Уж ему-то было известно, что настоящие трудности ждут впереди. А удовольствия будем иметь по возвращению в Бостон. Обратнo он решил возвращаться через Гудзонский залив, а в Европу вообще не соваться. Наполеон покорил европейские страны и нацеливался на Россию... Нет, лучше остаться в Новом свете. С деньгами надо жить там, где не происходят никакие политические катаклизмы.

Дни шли за днями, но дорога каждьй день преподносила сюрпризы. Но если бы экипажи не объединились в обоз, то движение замедлилось бы и весьма значительно. Теперь в один дилижанс было впряжено четыре лошадки и уложен самый тяжелый груз, а второй дилижанс тянули две, но он был облегчен. Двое верховых вели разведку. Был уже конец августа и наши путники углубились далеко на северо-запад, но до форта Нельсон было еще очень далеко.

В этот день верхом скакали Валерия и Михаил. Они не уходили далеко вперед, стараясь не выпускать обоз из виду. Внезапно впереди послышались выстрелы. Стреляли довольно далеко, но это не были выстрелы охотников. Михаил сразу определил, что бьют четыре ружья. Одна две минуты на перезарядку и снова стрельба. Он махнул рукой Ва-

лериш, жестом приказывая возвращаться, и ускакал вперед. Та, впрочем, не послушалась и поскакала вслед.

Полковник, старый военный, тоже сразу определил, что впереди идет бой. Он остановил дилижанс и приказал Андрею выпрягать лошадей. Не прошло и пяти минут, как еще четыре всадника ускакали вперед: Олег, Андрей, полковник и Фаина.

В небольшом поселении шел настоящий бой. Два десятка индейцев штурмовали один, хорошо укрепленный дом. В поселке было еще несколько домов, но жители, очевидно, покинули их и теперь отсиживались за стенами блокгауза изредка стреляя по индейцам, которые попадались в поле их зрения. Поджигать поселок они как видно не собирались, а занимались банальным грабежом домов. Однако, оставлять в живых жителей, тоже в их планы не входило, поэтому к блокгаузу стаскивали дрова, сухой хворост, солому, словом все, что может быстро вспыхнуть.

На единственной улице поселка лежало несколько тел и судя по всему уже не живых. Своих индейцы уносили в лес, а поселенцы оставались лежать там где их застигла смерть от стрелы или боевого топора. Оценив эту дикую картину Михаил вытащил пистолет и первым же выстрелом разнес голову индейцу, который показался ему главным. Прежде, чем его увидели, он успел достать второй пистолет и выстрелил в индейца, который был ближе к нему. Уложив пистолеты в кобуры он выхватил палаши. В это время прозвуч-

чало еще два выстрела и еще два индейца упали. Это Валерия вступила в бой. Засвистели стрелы, но, к счастью, мимо. Не так просто попасть во всадника на скаку. Валерия быстро спешила, понимая, что лошадей надо жалеть, а в рукопашной схватке с индейцами она выйдет победителем даже против трех воинов. Так, собственно и происходило. Два воина с томагавками бросились на нее, и оба получили смертельные рубленые раны от ее клинка. Третий метнул свой боевой топор, но не попал и был убит ударом ноги в голову.

Михаил, не спешиваясь, проскакал по улице, размахивая палашом, но никого не задел, потому что индейцы разбежались, но в него полетели стрелы, и одна пробила ему плечо. Со стороны леса снова зазвучали выстрелы, и лучники развернулись в другую сторону. В этот раз восемь выстрелов произвели опустошение в рядах индейцев. Их командир, рассудив, что подошло внушительное подкрепление, дал команду отступить. А блокгауз уже полыхал. Подскакавшие к нему путешественники начали немедленно тушить, благо, что колодец был рядом.

Через пару минут к ним подключились оставшиеся в живых жители поселка, которые вышли из своего убежища. Потом убрали трупы индейцев и поселенцев. Потери с обеих сторон были небольшие. Но индейцев полегло больше, амазонки стреляли без промаха, да и офицеры прекрасно владели стрелковым оружием. К вечеру подкатили второй

дилижанс, который стоял на дороге без лошадей.

Ночевали, конечно, в этом поселке. Староста, большой бородатый мужик, рассказал им, что индейцы нападают не в первый раз, но сегодня было нечто необычное. Если бы не помощь путников, то им бы не выстоять. Зато теперь, потеряв столько воинов, они долго не сунутся к ним и зимовать можно спокойно.

Утром староста подошел к полковнику.

– Извините, мистер, – начал он, – я, наверное, не в свое дело лезу, но должен вам кое что сказать. Вы ведь направляетесь в форт Нельсон?

– Верно, так оно и есть, – ответил полковник.

– Так вот, до следующего селения вы на своих повозках не доберетесь. Придется бросить их в пути. Дело даже не в индейцах. Вы просто проехать не сможете. Это я верно вам говорю. Рекомендую дальше двигаться верхом, так будет и быстрее и безопасней.

– Честно говоря, я и сам уже об этом думаю, – сказал полковник, – сейчас поговорю об этом с нашим проводником, он уже бывал в этих краях.

Староста кивнул и отошел. Полковник задумался. Если двигаться верхом, то до заморозков они наверняка доберутся до форта, а там можно и зимовать. Продать дилижансы едва ли удастся, лучше обменять на провиант: вяленое мясо, зерно...

Клубуков согласился со старостой.

– Я как раз собирался сообщить вам об этом, – сказал он. – На дилижансах до форта нам не добраться, а зимовать в каком-нибудь блокгаузе или охотничьем домике не сможем, – слишком много нас.

Как решило руководство, так и сделали. Лошадей, конечно, пришлось нагрузить: оружие, спальные мешки, две палатки на всех, ну и продовольствие.

Как-то само собой получилось, что руководил всей группой полковник. Клобуков не раз слышал такое обращение к Михаилу Юрьевичу со стороны его попутчиков и это его не удивило. В Америке таких гражданских «полковников» сколько угодно. По возрасту он был старшим, да и опыт военный имел, это сразу видно. Самому-то Клобукову было все равно, кому подчиняется вся группа, лишь бы шли в нужную сторону. А в форте Нельсон они разделяться, а возможно дальше он отправится один. Уж больно вся эта команда напоминает банду под предводительством полковника. «С такой командой впору на большой дороге промышлять, – думал он, – или банки грабить в небольших городках». А жена полковника, на жену никак не похожа. Он же не первый год живет на свете. Чтоб жена беспрекословно повиновалась мужу? Да где это видано!

А через неделю пути Клобуков кое-что заметил и все, как будто, встало на свои места. Вечером, заготавливая дрова для костра, он случайно в кустах заметил Лилию и Андрея, которые целовались, и, отнюдь, не дружескими поцелуйчи-

ками.

«Ну, теперь понятно, почему она такая паинька с полковником, — подумал он, — рога отращивает мужу. Теперь будет представление. Или дуэль устроят, или этот здоровяк пристукнет полковника в укромном углу». Это открытие его не огорчило и не обрадовало. В армии между офицерами дуэли случались, правда, до смертоубийства редко доходило. На другой день он и думать об этом забыл.

А вот у Лилии теперь жизнь стала насыщенная и разнообразная. Днем она старалась играть роль жены полковника. Играла, как умела. А если честно, совсем неумело. Ведь женой-то она еще никогда не была. А вечером, когда все занимались хозяйственными делами они, совсем ненадолго, уединялись с мичманом и самозабвенно целовались, думая, что никто про них ничего не знает. Но знали-то все, а главное Фаина. Именно она старалась воспрепятствовать этим встречам. Полковник знал, но ему было наплевать, остальным, в общем-то, тоже. В конце концов, Фаина остановила Лилию возле палатки и довольно грубо сказала:

— Лилька! Ты нахально нарушаешь приказ! Думаешь, никто не знает? Если полковник не может тебя вразумить, то я тебя сама приведу в порядок!

— Какое тебе дело! — возмутилась Лилия.

— Прекратили сейчас же! — сказал появившийся из темноты полковник. — А вы Лилия с этого момента ни на шаг

от меня. Пока не прибудем на зимовку в форт, побудете моей женой и никаких романов.

– А когда прибудем? – спросила она.

– Там видно будет, – последовал маловразумительный ответ.

Палаток у наших путешественников было всего две, но их не делили по принципу: мальчики в одной, девочки в другой. Тут опять же оттого, что полковник путешествовал с женой. В палатке с полковником и Лилией были Елена и кавалергард Михаил. Елена уже давно поняла, что Лилия с полковником спят на расстоянии. Это ее не удивляло, но не понимала, почему вдруг Лиля не захотела быть «дочкой». Сама она с Михаилом держала дистанцию, но как только появиться православный священник, была готова идти под венец. Правда, кавалергард о венчании еще не говорил...

В другой палатке ситуация была схожая, но там в середине было место Клобукова, по бокам от него лежали спальные мешки Фаины и Валерии, а по краям уместались их кавалеры. Но любовных страстей не было, поскольку за день все уматывались, и к вечеру едва стояли на ногах. Верховая езда в течение дня, да по пересеченной местности, это не утренняя прогулка. А за лошадьми еще и уход нужен.

В ноябре добрались-таки до форта Нельсон. Местность вокруг была гористая и пускаться в дальнейший путь, на зиму глядя, было, мягко говоря, неразумно. Лошадей пришлось продать, благо, что спрос на них был. Кроме того компании

предстояло разделиться. Форт построен был недавно, гостинный двор, несколько домов, казарма для гарнизона. Наши путники разделились: полковник с Лилией жили в отдельной комнате, остальные барышни занимали комнату на троих, а мужчины поселились в комнате на четверых. Зима, время года скучное для всех обитателей форта, а поскольку мужское население преобладало, то основным развлечением была выпивка. Для этого был салун, в котором и пропадали неженатые мужчины.

Но были и вечеринки, на которые приглашались женщины, а поскольку женщин было гораздо меньше, чем мужчин, то нередко вспыхивали ссоры, случались и драки и даже дуэли. Правда, дуэли бескровные. Не так-то просто попасть из гладкоствольного пистолета даже в большую мишень, особенно, если пыл ссоры уже угас.

Наши барышни были под присмотром своих кавалеров и не допускали никаких вольностей от местных ухажеров. Однако теперь выбор у барышень был большой и Фаине надоело самой ухаживать за Андреем, который продолжал молча страдать по Лилии, липовой жене полковника. Фаина постепенно, не враз, начала принимать знаки внимания от местного сержанта, высокого и статного блондина. Мичман, смотрел на это совершенно равнодушно, и такое его отношение, еще больше заводило Фаину. К Елене местные кавалеры и не подходили, поскольку тут ловить было нечего, ни на кого кроме Михаила она не смотрела. А вот Вале-

рия радовалась вниманию со стороны местных ловеласов и ревность Олега ее откровенно забавляла.

Клобуков не сомневался, что полковник со своей женой и поручик с невестой Еленой, отправятся в Новоархангельск позже, чем он собирался отбыть на Юкон со своей компанией. Однако, предупредил Олега и Андрея, чтоб они не распространялись о цели их путешествия.

— Мы просто охотники, — внушал он им, — у нас на севере есть свой домик, где мы будем жить, добывая пушного зверя, а осенью вернемся обратно.

Зима — это время добычи пушного зверя. И все охотники форта этим и занимались. Собственно именно этот вид заработка и являлся тем двигателем, который толкал сюда европейцев. Высоко ценились в старом и новом свете шубки из норки и песца, шапки и разнообразная одежда, в основном женская. Зимой жители форта промышляли охотой, а весной являлись негодянты и скупали все. Конечно, довольно дешево скупали, но можно было и самим охотникам везти товар в города, там цена в разы выше, только кто из охотников будет этим заниматься. Вот и богатели Гудзонская промысловая компания.

Полковник тоже решил не отставать от местных и вышел на охоту, вслед за ним последовала и его команда: сначала мужчины, а потом и девушки встали на лыжи. А чем еще можно заниматься долгими зимними месяцами? Да ведь и форму поддерживать надо. Привыкли они к постоянным

тренировкам еще в монастыре, снега вокруг им тоже не в новинку. Но, надо сказать, что из местных жительниц тоже не было дам избалованных, каждая умела стрелять и ходить на лыжах, так что наши амазонки никакого удивления не вызывали. Дамы, привыкшие к комфорту, на север материка не ездят.

На охоту ходили парами, какие это были пары – понятно. Полковник с «женой», Михаил с Еленой, Олег с Валерией, а вот мичман частенько оставался без пары и ходил на охоту один или оставался в форте, потому что Фаина откровенно флиртвала с местным сержантом и охотилась с ним, или за ним, но осуждать ее не будем. По восемнадцать лет исполнилось девушкам – это тот еще возраст.

Когда началась весна, комната полковника и Лилии превратилась в штаб. В Новоархангельск, конечно, никто не собирался. Диспозиция повторяла ситуацию при выезде из Бостона: Клобуков ведет свою группу к цели, а полковник со своей командой идет по следу... Представители торговой компании скупили все охотничьи трофеи и в конце весны Клобуков отдал команду на выдвижение. Теперь у него никто не оспаривал права командовать, ведь экспедиция вступала в завершающую фазу. Дальнейшее путешествие на Юкон продолжалось водным путем. Да, отправились на плоту по реке.

Плот сделали большой: четыре метра в длину и два в ширину, в середине помост, на котором натянута палатка и

сложены продукты. Река не широкая, но извилистая. Путешествие на плоту, к сожалению, не означает отдых и любовование природой. Два человека с длинными шестами стояли впереди и сзади. Они управляли движением, чтоб не занесло на мель или не вынесло на берег. Работа не трудная, но требует внимания, поэтому рулевых меняли через два часа. Остальные занимались ловлей рыбы или хозяйственными делами. Плыть по реке, где нет порогов и течение не быстрое, легче, чем идти пешком. Беда только в том, что течение не всегда совпадает с маршрутом следования, да и скорость продвижения не столь велика, как могло показаться вначале.

Клобуков, прокладывая маршрут, рассчитывал пройти триста миль, потом двигаться пешком, тоже не малый кусок маршрута, и выйти к реке Юкон. Там снова соорудить плот, на котором можно уже добраться до Аляски. Сколько двигаться по территории Аляски и в каком направлении он никому не говорил. Правда, его никто и не спрашивал.

Не смотря на то, что река была спокойная, с наступлением темноты причаливали к берегу и ночевали у костра на суше. Если Клобуков в этом плавании был капитаном, то Андрей, безусловно, боцманом, а Фаина была у него подручным матросом, а точнее, юнгой. Неизвестно как она сама оценивала свою должность, но команды боцмана исполняла справно. Погода не баловала путешественников, ведь в начале мая и на суше-то холодно. А на воде еще и влажность,

но до простуды дело не дошло. В экстремальных условиях у человека иммунитет повышается.

Через три недели плавания, Клобуков объявил, что дальнейший путь предстоит по суше вплоть до реки Юкон. Олег, которого еще в форте полковник назначил командиром их маленького отряда, уже сомневался, идут ли по следу их товарищи. Следов-то он старался оставить предостаточно: костры, срубленные кусты и ветви деревьев, хотя нужды особой в этом не было. Клобуков несколько раз пенял ему, что не надо слишком уж безобразничать в лесу. Индейцы ведь вокруг, не любят они, когда без нужды губят деревья или зверя бьют напрасно. Олег-то бы, конечно, не стал так безобразничать, но следы были нужны.

Отряд продвигался в нужном направлении, не встречая ни индейцев, ни европейцев. Индейцы, безусловно, были поблизости, Фаина несколько раз замечала внимательный взгляд из зарослей, но открыто они не выходили. Впрочем, даже если и выйдут, о чем с ними говорить? Товаров на обмен у них не было, несли только самое необходимое. Да и языка индейского никто толком не знал. Валерия немного нахваталась за время пребывания в форте. Клобуков делал вид, что понимает кое-что, но Олег уже давно не верил ему. Шли они по азимуту, Клобуков вел, по другому в лесу нельзя. Лес к стати поредел. Давно уже появились родные российские березы, елки, пихты, сосны, идти было легче, чем у реки, но дальше через две сотни миль, снова ждала река, Юкон и до нее на-

до было дойти до начала июля. Иначе предстояла еще одна зимовка, это уже Клобуков объяснил. Второй раз зимовать никому не хотелось. На Аляске зимы суровые, хотя индейцы живут везде, и у них нет теплых бревенчатых домов.

Индийский вождь и его затея

Полковник со своим отрядом выдвинулся через два дня. Он, естественно, знал, что Клобуков отправился в дальнейший путь по воде, и его команда соорудила аналогичный плот. Плавание продолжалось в том же ключе, что и сухопутный путь из Бостона. Внимательно осматривая берега реки в бинокль, находили следы ночевок, иногда записки Валерии или Фаины, которые поясняли дальнейший маршрут.

Но вот закончился путь по воде и начался путь по суше. Труднее всего приходилось полковнику, возраст давал о себе знать. Груз приходилось нести не маленький: спальные мешки, палатку и оружие, а кроме того пропитание. Охота за дичью и готовка отнимали драгоценное время, путь был очень не близкий. Хорошо, что не отклонились от маршрута Клобукова и продолжали находить следы их стоянок.

Но однажды утром случилось нечто: пропала Елена. Михаил обегал все близлежащие кусты, потом все подключились к поискам. Полковник оставался на месте ночлега, а остальные разбежались по округе, пытаясь докричаться до потеряшки. Потом на место сбора вернулся Михаил, и они

с полковником обнаружили, что во время поисков пропала Лилия. Полковник решил использовать последнее средство, он достал пистолеты, и они с кавалергардом открыли пальбу в воздух.

Внезапно появились индейцы. Четверо воинов в боевой раскраске подошли к ним. Индейцы, вернее один из них кое-как говорил по-английски. Собственно особо он и не разговаривал, он просто повел их за собой в лес, дав понять, что их скво находятся там, куда их ведут. При этом оружие у них забрали. Полковник приказал Михаилу не оказывать сопротивления, тем более, что появилось еще полтора десятка воинов. Все были вооружены копьями и боевые топоры висели на поясе.

Внезапно открылась поляна, где находился еще десяток воинов. Теперь уже было понятно, что их просто захватили в плен. Полковника и Михаила посадили в центр поляны и быстро связали руки и ноги, о сопротивлении не могло быть и речи, четверо воинов держали наготове копья. Затем к ним вышел вождь, украшенный какой-то дикой татуировкой и пестрыми перьями. Он начал говорить и толмач путая английские и французские слова пытался донести пленникам смысл сказанного.

– Белые люди, – говорил он, – должны отдать своих скво, поскольку в их племени не хватает женщин. Очень не хватает, и молодые сильные воины не могут найти себе жен. Если белые люди добровольно отдадут своих скво, то сохранят

свои жизни. Если они будут настолько глупы, что вздумают сопротивляться, то воины убьют их и заберут их скво, как добычу.

– Покажите наших женицин, – спокойно сказал полковник, – мы должны убедиться, что они живы.

– Что за бред! – простонал кавалергард. – Зачем этим образинам наши жены?

– Когда вы успели жениться, поручик, – удивился полковник.

– Вслед за вами, господин полковник...

Вождь, тем временем дал команду своей свите, но те, похоже, не спешили выполнить его распоряжение и между индейцами возникли какие-то препирательства. Потом вождь сердито крикнул и стукнул копьём о землю. Привели пленниц. Мужчины облегченно вздохнули. Девушки были со связанными руками. У Лилии под глазом был лиловый синяк, а у Елены царапина через всю щеку. Значит, сопротивлялись, но, тем не менее, их смогли захватить. Впрочем, неудивительно при таком численном перевесе.

– Отпустите женицин, мы дадим хороший выкуп, – попытался торговаться полковник.

– Белый человек глуп, – спокойно сказал вождь, – у вас ничего нет, вы ничего не можете нам дать, мы все взяли сами.

– Не убивайте их, – крикнула Лилия. – Мы пойдем с вами добровольно.

Михаил дернулся, но тотчас получил древком копья по голове и свалился на землю.

– Хорошо, – решил вождь, – мы не будем убивать ваших мужчин.

Индейцы увели женицин, затем привязали полковника и кавалергарда к дереву, и сделали это добросовестно. Затем быстро и бесшумно исчезли.

– Они выполнили свое обещание, – сказал полковник, когда Михаил пришел в себя. – Нас не убили, но освободиться мы не сможем.

– Лучшие бы убили... – сказал Михаил. – Ремнями связали, освободиться невозможно и вокруг никого на сотню миль.

– Ну почему никого, – вздохнул полковник, – индейцы, возможно, охотятся здесь. Может покричать, рты нам, слава богу, не заткнули...

Июньское солнце в этих широтах не слишком жаркое, да и ветерок прохладный, но что-то будет ночью. Правда, до нее еще дожить надо.

– Я думаю, поручик, наши «жены» ночью освободятся и вернутся за нами, – сказал полковник.

– И я на это надеюсь, – ответил тот. – Лена что-нибудь придумает.

– Если бы сюда всю четверку, наших девиц, то от этих крашеных клоунов вместе с их вождем, остались бы только перья, – пробурчал полковник.

Простоять, привязанными к дереву, несколько часов, не

самая изощренная пытка, но этого достаточно, чтоб полностью лишить человека сил. Поэтому, когда их пути разрезали, они просто мешками упали на землю даже не пытаясь пошевелиться. Немного оклемавшись, полковник открыл глаза, но вместо спасительницы «жены» увидел те же разрисованные лица индейских воинов. Они сидели у костра, где что-то варилось в глиняной посуде, и курили длинные трубки. На пленников внимания не обращали. Впрочем, полковник заметил, что пленниками они уже не были, поскольку были уже не связаны, и охраны возле них не было. Приглядевшись, он увидел, что раскраска на лицах индейцев другая, да и сами они выглядят несколько иначе.

– Похоже, – сказал очнувшийся поручик, – что нас накормят, перед тем как...

Он не успел договорить, поскольку к ним подошел один из воинов и вручил каждому по небольшому куску мяса. Затем он что-то сказал на своем языке, но, не дождавшись ответа, ушел к костру. Бывшие пленники стали жадно есть, поскольку с утра даже позавтракать не успели. Потом отправились к ручью, чтоб утолить жажду. Воины сидевшие у костра не обращали на них внимания. Через час, окончательно придя в себя, полковник сказал:

– Идем, Михаил, надо побеседовать с вождем, прояснить ситуацию. Одно я уже понял, это не те индейцы, которые захватили наших женщин.

Беседа с индейцами затянулось, они знали только неко-

торые английские слова, запас индейских слов у полковника был невелик, а у поручика еще меньше. Тем не менее, узнали они не мало: в одном большом индейском племени произошел раскол. Группа воинов, которую возглавил самозванный вождь Учуг, отделилась и ушла, чтоб организовать свое племя и стойбище. Естественно, что женицин у них не оказалось, и они начали делать набеги на соседей, воруя там невест для своих воинов. Эта группа воинов из соседнего стойбища, как раз направлялась по следу злодеев, чтоб вернуть своих украденных скво.

– Учуг совсем сошел с ума, – говорил молодой воин полковнику. – Зачем он захватил белых скво? Они ничего не умеют делать. Мало того, им вообще не пережить зиму в вигваме. Вторая его глупость в том, что он не убил белых воинов. Теперь придут солдаты и разгромят его стойбище.

– У нас с вами одна цель, – отвечал полковник. – Мы хотим присоединиться к вам. Сколько воинов у Учуга?

– Воинов у него немного, но больше, чем нас. Завтра мы их догоним, но нападать не будем, в бою нам их не победить, попробуем увести ночью по-тихому.

Полковнику и кавалергарду пришлось согласиться, хотя он сильно сомневался, что удастся избежать схватки. Огнестрельное оружие дало бы преимущество, но его не было и дай бог, чтоб Учуг не сумел применить захваченные ружья и пистолеты.

В это время наши амазонки Лилия и Елена были уже в стойбище Учуга. Весь день они бежали по лесу вместе с воинами. Убежать они не пытались, невозможно убежать со связанными руками, да еще на поводке у самых сильных воинов. Накормили их уже поздно ночью и поместили в вигвам. Но сразу устраивать побег они тоже не стали, и не потому, что их охраняли, просто надо было восстановить силы и раздобыть хоть какое-то оружие.

Перед сном к ним зашел вождь и сказал, с помощью своего переводчика, конечно.

– Белые скво станут женами моих воинов. Мои воины самые сильные и умелые среди остальных племен моего народа. Потомство от вас будет сильным и ловким как мои воины, и умным и хитрым как ваш народ. Пройдет много лет и мое племя будет самым могущественным на земле. Завтра вы выберете себе мужей. Два десятка моих воинов готовы состязаться за то, чтоб взять вас в свой вигвам.

Вождь ушел, а девушки стали обсуждать свою дальнейшую судьбу.

– Похоже, мы попали к местному Бонапарту, – сказала Лилия.

– Что делать будем? – спросила Лена.

– Сегодня отдыхаем, – ответила Лилия, – завтра узнаем обстановку в округе, раздобудем наши ножи и ночью убежим.

– Надеюсь, наши «мужья» смогли освободиться, – тихо

продолжила Лена.

– Думай лучше, как нам освободиться от тутюиных мужей, – усмехнулась Лиля.

– Вождь сказал, что завтра они будут состязаться за право стать нашими мужьями. Прямо как в старых русских сказках. Надо что-нибудь придумать, чтоб не было победителей. Не нравятся мне эти крашенные клоуны.

Девушки еще немного поболтали и уснули, рассудив, что утро вечера мудренее. А утром их снова накормили, провели к ручью. Никто их больше не связывал, и охраны не было, как вчера. За ними просто приглядывали. Они сами понимали, что сейчас побег устраивать рано, все равно поймают. Очень выносливы эти лесные люди, и лес этот им хорошо знаком. Девушки начали вполне дружелюбно общаться с их толмачом и узнали немало интересного про это племя. Их удивило отсутствие в стойбище детей и стариков, а индейские скво выглядели уныло и как-то затравлено. Уже к вечеру они узнали, что индейские скво тоже похищены из родных стойбищ другого племени, и вся затея местного Бонапарта стала понятна. А еще они узнали, что до реки Юкон не так уж и далеко. Это их несколько ободрило, хотя понимали, что помощи ждать могут только от тех же индейцев, у которых украли их эсенин. Вождь это тоже понимал и стойбище неусыпно охранялось.

К вечеру воины, претенденты на белых скво, собрались на поляне перед вигвамом, где находились Лиля и Елена. Их

набралось полтора десятка, вождь объявил, что белые скво сами могут выбрать своих мужей. На поляне горел костер, и претенденты прохаживались перед девицами, демонстрируя свои мускулистые торсы и разрисованные лица.

Елена вышла к толпе воинов и объявила:

– Моим мужем будет тот, кто сможет опрокинуть меня на землю.

Раздался дружный рев восторга среди зрителей и претендентов. Ну, еще бы, никто из них и не догадывался, что их ждет. Вперед вышел рослый воин, он бросил на землю шкуру, широко расставил руки, намереваясь осторожно поднять девушку и уложить ее. Однако, через пару секунд, сам оказался лежащим на этой шкуре. То же самое произошло со следующим воином, потом со следующим. Вокруг установилась тишина. Никто уже не вопил, слышалось только тяжелое дыхание очередного неудачника.

– Стоп! – крикнул вождь, подняв руку вверх, тем самым останавливая состязание. – Я понял! Это колдовство! Белая скво обладает колдовской силой. Я отменяю состязание! Белая скво пойдет в мой вигвам. Я сам дам потомство белой скво!

– Пусть другая скво сделает свой выбор, – закричали другие воины, – но без борьбы.

– А как же состязания? – усмехнулась Лилия. – Я должна выбрать самого сильного и умелого.

– Выбирай! – распорядился вождь.

Лилия подошла к костру и вдруг выхватила из рук одного из воинов нож, который когда-то носила на бедре под одеждой. Воин отскочил от нее и потянулся за своим копьем, другие тоже отошли от нее, образуя круг. Они с интересом смотрели на белую скво, которая подбрасывала на своей ладони вороненый клинок. Зрелище действительно было завораживающим. Наконец она не сильно размахнулась и метнула нож в ствол, стоявшего в десяти шагах, дерева. Последовал глухой удар вошедшего в дерево лезвия. Рукоять дрожала и слегка покачивалась, но клинок вошел глубоко, и вынуть его было бы не просто, только вынимать его никто не спешил. Все только заврожено смотрели то на Лилию, то на торчащий в стволе нож.

– Кто сможет повторить, – сказала она, – тот и будет моим мужем.

До этого молчавшие воины заговорили разом. Затем начались броски, разумеется, безуспешные. Охотники привыкли бросать томагавки, это у них получалось отлично. Вскоре они поняли, что их просто дурачат, поэтому взяли, привычное им, оружие, и один за другим метнули его в ствол дерева. Естественно, все томагавки попали в цель, и состязание опять зашло в тупик. Лилия пожала плечами и взглянула на вождя.

– Бороться твои воины не умеют, ножи бросать не могут, – сказала она. – Зачем мне такой муж?

– Не смей оскорблять моих воинов! – завопил вождь. –

Да, они не владеют подлыми приемами белых людей, но они сильные храбрые и честные воины!

– Честные воины не воруют женщин, и не принуждают их к замужеству! – спокойно ответила Лилия.

– Ты сама не понимаешь своего счастья, – снова завопил вождь. – Уведите их и поставьте охрану, завтра я решу, как с ними поступить.

Девушек снова отвели в вигвам, но возле него сидели два воина с томагавками в руках. Они явно не боялись белых скво, на их крашенных лицах читалось только любопытство. Когда стемнело, из вигвама вышла одна из девушек и подошла к воинам.

– Ждете решения вождя? – спросила Лилия у одного из них.

Тот утвердительно кивнул головой.

– Вы можете ждать внутри, – продолжила она и помашила их за собой.

Посоветовавшись между собой, индейцы вошли в вигвам, а через полчаса снова вышли оттуда. Правда выглядели они несколько иначе и уже мало походили на воинов и обликом и одеждой. За индейцев их можно было принять лишь в темноте и на расстоянии. А в действительности это были наши амазонки, наспех загримированные подручными средствами под индейских воинов.

– Надо вернуть хотя бы наше оружие, иначе мы далеко не уйдем, – шепотом сказала Лилия.

– Вождь хранит все это в своем вигваме, – ответила Лена, – к нему не подобраться.

В этот момент на краю стойбища в вигваме, где были похищенные скво, раздался протяжный заунывный вой. Затем вой повторился, послышались гортанные крики. Амазонки притаились в тени вигвама вождя. Они увидели, как вождь в сопровождении пяти воинов направился в сторону начавшейся суеты у вигвамов похищенных скво.

Такой случай упускать нельзя, и амазонки, стараясь походить на индейских воинов, проскользнули внутрь. Суета в стойбище нарастала, слышались выкрики, воины с копьями и томагавками бежали вслед за вождем к крайним вигвамам. Наши девушки выскользнули из жилища вождя с двумя большими мешками в руках и побежали к другой окраине стойбища. На них пока не обращали внимания, только уже на выходе в лес, часовые пытались остановить их, но это им не удалось. Оба получили удар ноги в голову и, возможно, больше не придется им бегать по лесам.

Отбежав немного, девушки остановились, сбросили с себя одежду индейских воинов и одели черный камуфляж амазонок, в котором, собственно, и были захвачены. Достали из мешка пистолеты, которые были заряжены. Индейцы не знали, как с ними обращаться и поэтому просто притащили их с собой как дрова, хорошо, что в костер не бросили. Словом, теперь они были вооружены, как до похищения и просто так их не захватить. Черная одежда и размалеван-

ные лица делали их почти невидимыми в темноте.

– Лилия, мы должны грохнуть этого Бонапарта, пока он не вывел новую породу людей, – сказала вдруг Лена.

– Нам точно надо его грохнуть, – ответила Лилия, – иначе нас снова поймают. А новая порода людей все равно выведется, тут уж не сомневайся.

Амазонки начали огибать стойбище, продвигаясь к той стороне, где слышались крики и мелькали факелы. О причинах ажиотажа они догадались еще в вигваме вождя. Наверняка пришли воина другого племени освободить своих женщин, и сейчас идет бой. Схватка в темноте всегда происходит сумбурно, но те, кто нападает из темноты всегда в выигрышном положении, поскольку он видит освещенного противника, а его не видно.

Вот и амазонки заметили фигуру вождя. Елена стала целиться из пистолета, тут мазать нельзя, второго выстрела ей сделать не дадут. Лилия тоже держала оружие наготове. Четыре выстрела они сделать успеют, а дальше рукопашная или бегство?

– Стреляем и бежим, пока они не опомнились, – командовала Лилия.

Загремели выстрелы. Вождь упал, и два стоящих рядом с ним воина тоже рухнули на землю. После грохота четырех выстрелов, раздались вопли обороняющихся и появились первые признаки паники. Этим воспользовались нападавшие: полетели копья и томагавки. Амазонки бросили свои писто-

леты в заплечные мешки и побежали в сторону от разгорающегося сражения. Они внесли свой вклад, отомстив обидчикам, и не собирались присоединяться к нападавшим. Однако, обстоятельства сложились иначе. Они услышали крики на русском языке со стороны нападавших. И голоса узнали. Их звали по именам полковник, «муж» Лилиш, и поручик, кавалер Елены.

Теперь все стало на свои места. Девушки вернулись и вскоре увидели своих друзей, или «мужей», что в данный момент было неважно. Сражение, тем временем стало затихать, нападающая сторона не пошла добивать деморализованного противника, а тихо ретировалась, забрав своих скво. Наша четверка тоже двинулась в сторону, но противоположную той, куда ушли дружественные индейцы. Группу вел полковник, причем он уверенно держал направление. Мужчины избавили девушек от груза, и продвижение шло довольно бодро. На расстоянии не менее трех миль, разбили лагерь, развели костер и, определив дежурных, расположились на ночлег. К счастью в одном из мешков оказалась их палатка.

Наутро провели ревизию оставшегося снаряжения. В наличии оказались пистолеты, заряды к ним, ножи, одежда. Лишились только продовольственных запасов, но они пополнялись охотой. В середине июля группа вышла к реке Юкон. Следы предыдущей группы больше не встречались, и оставалось только надеяться, что Клобукову и его команде уда-

лось добраться до этой реки. Четыре дня потратили на изготовление плота, а дальше началось плавание, которое должно было закончиться на родине, а точнее, на Аляске. Девушки снова надели свои матросские парусиновые рубашки, а изрядно уже потрепанные мундиры амазонок сложили в мешки. Индейские племена попадались редко, но там удалось выторговать мокасины для всех, поскольку их европейская обувь пришла в негодность. Встретили представителей Гудзонской торговой компании, у них купили теплую одежду, порох и пули. Поселения белых людей встречались совсем редко.

В конце августа группа Клобукова приближалась к границе Аляски. Никаких пограничных столбов, конечно, не было. Граница была нарисована на карте. Поселки белых переселенцев не встречались, а стойбища местных жителей на карты не наносились, поскольку могли поменять свое местоположение в любое время.

Клобуков рассчитывал добраться до места своего прииска в этом году. Этот золотой прииск он считал своим и ни с кем делиться не собирался. Своих попутчиков он вел только для того, чтоб добраться самому, поскольку одному этот путь не осилить. Он давно, еще во время зимовки понял, что ведет, а вернее его ведут соотечественники, чтоб наверняка сдать русским властям на Аляске вместе с его прииском. Трудно было не догадаться о замыслах полковника Потоц-

кого за те полгода, что они пробыли вместе. Да и компания из четырех девиц, владеющих оружием, весьма впечатляла. Дураком Клобуков не был и давно придумал, как скорректировать планы группы захвата так, чтоб самому выйти сухим из воды и соотечественников не сильно обидеть. А то ведь найдут... А вот если спрятать концы в воду, то не найдут. А если еще удастся индейцев вдохновить на нападение, то и искать не будут.

Клобукову, еще во время пешего перехода, удалось тайно договориться с вождем одного из племен. Он, беседуя наедине, присоветовал захватить группу из четырех белых людей, которые идут за ними, убедив вождя, что искать их никто не будет, и мстить за них тоже никому. Чужаки они на этом континенте. Теперь он сократил группу Потоцкого вдвое, индейцы не упустят шанс обогатиться. Даже если кто-то из четверых вырвется, догнать его не сможет.

Теперь приближалось время избавления от основной группы. Дело-то было не сложное, всего-то надо было отчалить на плоту вместе со всем имуществом и оружием, оставив четверку на берегу. И он уже придумал хитроумный план. Река в этом месте текла прямо на север, без изгибов и течение было довольно быстрым.

Золотая осень

Осень наступила холодная, в этих широтах по-другому не бывает. Клобуков стоял на плоту и в бинокль рассматривал окрестности.

– Джон, я так понимаю, что мы уже на территории Аляски? – спросил Андрей.

– Пока нет, – ответил тот, – еще два дня пути и пересечем границу.

– А до места еще далеко?

– Четыре дня по воде и еще три – пешком.

Фаина примеряла мокасины, сплетенные по образу и подобию индейских. Пообносились девушки. Если с одеждой дела обстояли сносно, то с обувью были проблемы. Пришлось научиться плести. Разделять тушки зверя и готовить пищу на костре они научились давно, теперь вот приобрели еще одно умение: плести мокасины. Правда, делать это хорошо получалось только у Фаины. Олег добывал зверя, Андрей рыбу, Валерия чинила одежду, только Клобуков, как начальник, был освобожден от хозяйственных дел. Ходил он важный и задумчивый и курил трубку, которую приобрел во время зимовки.

– Надо бы приглядывать за нашим командиром, – тихо сказала Олегу Валерия.

– Так приглядываем же, – удивленно ответил тот.

– За мной ты приглядываешь, – вздохнула Валерия. – А Джон что-то задумал. Видишь, как напряженно он озирается...

– Пытается сориентироваться, давно ведь не был здесь...

– Нет, тут что-то другое.

– Думаешь, сбежать надумал? Без нас ему не добраться, и обратно не выбраться, – с сомнением сказал Олег.

– Ой, не знаю, – ответила девушка. – По-моему, он давно нас раскусил, еще в форте...

– Что ты предлагаешь?

– Ничего, просто не выпускать его из виду.

– Как его можно выпустить из виду, если он постоянно на виду, – удивился Олег.

– Меньше на меня глазей, больше на него, – уже раздраженно ответила Валерия.

Фаина, тем временем, приладила мокасины и пошла перед мичманом как по подиуму.

– Ну как я тебе? – подбоченясь спросила она его.

– Нормально, – буркнул Андрей, – жаль тебя твой сержант не видит.

– Тьфу на тебя, – беззлобно фыркнула Фаина. – Ревнуешь?

– Вот еще, – ответил Андрей.

– Ревнуешь! – торжественно провозгласила Фаина. – Так тебе и надо, совратитель чужих жен.

– Лилия не жена ему! – возмутился мичман.

– Откуда ты знаешь? – продолжала дразнить его Фаина. – Мы женщины такие... Мне вот раньше сержант нра-

вился, а сейчас мичман...

– Да ну вас.. – пробурчал мичман и отошел от Фаины.

Все происходило на берегу, пока мужчины складывали палатку и переносили вещи на плот, который стоял возле берега, крепко привязанный к двум вбитым в песок кольям.

– Джон куда-то пропал, – сказал вдруг Олег.

– До ветру пошел, – ответил Андрей.

– Что-то долгонько ходит... – продолжил Олег, – пойду проведу.

Прошло почти полчаса, Олег вернулся, пожимая плечами.

– Идем, пощем, – сказал Андрей, – не случилось ли чего...

Олег, Андрей и Валерия углубились в прибрежный лесок.

Фаина осталась на плоту и осматривала окрестности. Клобуков появился неожиданно прямо возле плота.

– Фаина, – негромко позвал он. – Там Андрей ногу подвернул, вас зовет...

Фаина спрыгнула с плота, на который тотчас запрыгнул Клобуков. Он мгновенно обрезал веревки, за которые плот был привязан к кольям, схватил гребной шест и резко оттолкнулся от берега. Плот быстро удалялся от берега, но Фаина сразу поняла свою ошибку и выхватила пистолет. Направив его на Джона, она несколько раз нажала на курок, но выстрела не последовало. Джон ухмыляясь глядя на Фаину, комично развел руки. Затем, отвернувшись, он стал править на середину реки. Плот с Клобуковым и всем имуществом быстро удалялся. Рядом с Фаиной вхолостую щел-

кал курком пистолета Олег.

– Приплыли, – мрачно констатировал мичман.

– Да-а, – протянул Олег. – Что будем делать? Ждать, когда прибудет группа полковника?

– Если у них никаких приключений не было, то они появятся через два дня... – сказал мичман.

– Можно попытаться найти индейцев и купить у них пирогу, – сказала Фаина.

– А на какие деньги мы будем ее покупать? – спросила Валерия. – Да и не продадут они свою пирогу за наши деньги. Нужны товары на обмен, а у нас ничего нет.

Еще некоторое время наши незадачливые путники обсуждали создавшееся невеселое положение. Затем Олег и Андрей привели свое оружие в боеспособное положение, ведь пороховница у мичмана была, да и пули тоже. У них было холодное оружие, не было только никакой еды. Нет, голодная смерть им не грозила, в лесах были олени, в реке – рыба. Пришлось срочно строить шалаши из подручных материалов, используя в качестве инструмента ножи. Два – три дня можно пережить, а к вечеру в близлежащей лагуне Олег нашел полузатопленную пирогу.

Ночь провели у костра, а на другой день вытащили из воды пирогу и начали ее латать. Мужчины отправились на охоту и рыбалку, женщины занялись оборудованием очага. Жить в шалаше поздней осенью невозможно, если группа полковника не появится в течение недели, придется искать

индейское племя.

На третий день пирога была готова к использованию, мичман провел испытания, и можно было отправляться в погоню за злодеем. Скорость хода у пироги значительно выше, чем у плота значит через два – три дня погоня должна увенчаться успехом. Оставался вопрос: ждать ли вторую группу и если ждать, то сколько?

– Я предлагаю разделиться, – сказала Фаина. – Мы с Андреем отправляемся в погоню, а вы остаетесь ждать вторую группу, объясняете, что произошло и идете по нашим следам.

– А почему бы не отправиться в погоню вчетвером? – удивилась Валерия.

– Полковник должен знать, что Клобуков нас рассекретил, – пожала плечами Фаина.

– Отправляемся в погоню все и немедленно, – скомандовал мичман. – Все пререкания отставить и выполнять мои команды.

Возражений не последовало, собственно, их и быть не должно. На реке командовал группой мичман, а на суше командование переходило к гусарскому поручику. Пирог отправилась в путь налегке, но пирога – это не плот, команда озаботилась изготовлением весел. На веслах по течению реки движение резко ускорилось. Конечно, догнать Клобукова в этот день не получится, только не уйти ему от погони. Движение продолжалось до темноты. Олег привязал нож

к длинному шесту – получилась острога. Удалось за время движения поймать пару больших рыбин.

Рыбу запекли на костре, ночевать тоже пришлось у костра и, хотя, все замерзли, но никто не заболел. Утром снова запекли свежесвыловленную рыбу и продолжили путь. Что они будут делать, когда поймают Клобукова, никто об этом не думал. Главное догнать, схватить и отнять украденное снаряжение, без которого они едва ли смогут перезимовать или добраться до русских поселений. Мичман уже не сомневался, что они находятся на территории Аляски.

Однако, случилась очередная неприятность. Начала протекать пирога. Нельзя сказать, что беда пришла неожиданно, мичман понимал, что индейцы пирогу бросили не зря, отслужила она свое, а ремонт лишь ненадолго оживил ее. Короче, не пройдя и четверти вчерашнего пути, пришлось пристать к берегу. Выбрали место на отмели, вышли и вытащили пирогу на берег. Вот тут-то и ждал их настоящий сюрприз. На берегу было множество следов а в кустах находился их плот, угнанный Клобуковым. Не надо быть великим следопытом, чтоб понять что происходило здесь накануне вечером. Джон, конечно, далеко не дурак. Зачем ему одному плот и столько снаряжения? Он пристал к берегу, нашел индейцев, – они нередко тут занимаются рыбалкой и охотой, – и выменял у них пирогу на снаряжение и оружие. Добра-то у него было немало, у индейцев можно было не одну пирогу купить.

Мичман с Олегом осмотрели плот, вернее, его останки, но ничего полезного не нашли и занялись ремонтом пироги. Валерия, вооружившись острогой отправилась осматривать окрестности, надеясь найти какого-нибудь зверька на обед, а Фаина, как заправский следопыт пыталась что-то по ним выяснить. Она ведь, как, впрочем, и остальные, давно поняла, что их Джон Клобуков, человек весьма неглупый, расчетливый и не робкого десятка... Ну не верила она, что он за одну пирогу отдаст индейцам столько добра. А две пироги ему ни к чему. Значит, что-то он должен припрятать здесь, просто на всякий случай. И интуиция ее не подвела. Вскоре она вскарабкалась на небольшую скальную возвышенность и, после недолгого, но тщательного исследования склона, обнаружила нишу, искусно заложенную камнями.

Так оно и оказалось: это был схрон Клобукова. Радости ее, да и всех остальных тоже не было предела. Ну, еще бы! Обнаружились два топора, два клинка Фаины и Валерии, котелок, крупа, вяленое мясо, порох плотно закрученный в пороховнице, один спальный мешок и палатка. Индейцы за свою пирогу тоже получили немало. И оружие, и порох, и пули, и ножи, которые, кстати и взяты были для обмена с индейцами. Нашлась и форма амазонок, к еще большей радости девушек. Зачем Клобуков сохранил ее, осталось загадкой. Впрочем, он был человеком практичным, и переплачивать индейцам было не в его правилах.

С ремонтом пироги провозились до вечера, охота Валерии была удачной и в этот раз в рационе путников была не только рыба. Ремонт пироги был проведен более качественно, а заночевали уже в палатке, хоть было и холодно, зато, когда пошел дождик, промозглая сырость ощущалась значительно меньше. А спали Валерия и Фаина в одном спальном мешке, они свободно в нем уместались.

Утром все быстро собрались в путь.

– Что будем делать, когда догоним его, – спросила Фаина, погрузившись в пирогу.

– Мы его не догоним, – спокойно ответил Андрей.

– Почему? – удивился Олег, – ведь уже почти догнали.

– Теперь он движется быстрее нас, – сказал мичман. – Он один, его пирога легче и лучше нашей. Он знает эту местность. На воде нам его не догнать, да и на суше не догоним.

– И что теперь делать? – спросил Олег.

– Андрей прав. Нам остается только идти по следу, – задумчиво сказала Фаина.

Группа продолжила движение, безнадежность погони была уже всем ясна, надо было только дождаться группы полковника и принимать решение. Однако девушки работали веслами, мичман сидел на корме и управлял движением, а Олег, вооружившись острогой, смотрел в воду. При движении пироги охота с острогой дело безнадежное, но все же, вдруг повезет. На обед остановку не делали, постоянно сменяя друг друга, работали веслами. Когда стало темнеть

присмотрели подходящее место на берегу.

– Место хорошее, – причаливая, сказал Олег. – Наверняка Клобуков тут же останавливался.

Словно подтверждая его слова, в лесу грохнул выстрел, затем еще один.

– Охотники, – полувопросительно сказал Андрей.

– Нет, стреляли из пистолетов, – ответил Олег. – Может Клобуков охотится?

– Какая сейчас охота, уже совсем стемнело, – задумчиво сказала Валерия. – Если стреляет Клобуков, то у него проблемы... Оставайтесь тут, мы с Фаиной узнаем в чем дело.

Девушки, вооружившись, исчезли в ночном лесу прежде чем мужчины нашли что возразить. Собственно они и не нашли, что возразить. Ведь амазонки воспитывались в лесу, а значит, могли ориентироваться на этой местности лучше мужчин.

Фаина прекрасно видела в темноте и сразу засекала движения справа. Ее выстрел прозвучал раньше, чем индеец успел бросить свой томагавк. Валерия успела увернуться от оружия другого индейца и ударила его ногой. Фаина уже орудовала своим клинком, сражаясь сразу с двумя нападавшими. Валерия выстрелила и уравнила противников. Отбросив пистолет, она выхватила свой клинок и схватка продолжилась. Короткая была схватка. Прошло не более минуты, и последний противник бросился наутек. Только далеко он не убежал, Валерия очень точно метнула нож. Пятеро индей-

ских воинов лежали на земле, бегло осмотрев их Фаина безапелляционно заявила:

– Они совсем недавно ограбили нашего Джона. Он где-то здесь должен быть.

Благодаря уникальной способности Фаины видеть в темноте, Джона они нашли. Он был еще жив, но рана, нанесенная томагавком не оставляла надежд на благоприятный исход. Они с великим трудом выволокли этого здорового мужика на берег реки, где к ним подбежали Олег с Андреем.

На берегу было еще светло, а через некоторое время мужичины развели костер. Клобуков был совсем плох. Он, то терял сознание, то ненадолго приходил в себя и вполне осознанно смотрел на своих бывших друзей. Объяснять никому ничего не надо, все и так ясно. Второй раз разбогатеть у Клобукова не получилось. Девушки промыли его рану и остановили кровь, но это могло лишь продлить агонию. Клобуков и сам уже все понимал. Ближе к утру ему стало ненадолго легче, он пришел в себя, подозвал Валерию и заговорил.

– Давайте прощаться дорогие соотечественники, – начал он тихим голосом, – я давно уже понял, что вас послали по мою душу. Скажу тебе Валерия, как перед богом, что кроме дезертирства, на мне других грехов нет. С моими товарищами я простился на корабле, который шел в Марсель, они остались в Америке и где сейчас находятся, мне не ведомо. Насчет вас я тоже душегубства не замышлял, хотя вы-то явно собирались меня сдать коменданту в Новоархангель-

ске. Я просто хотел разбогатеть и пожить в свое удовольствие... Но видно не судьба. Схороните меня здесь по христианскому обычаю. А напоследок отдам я вам карту моего золотого прииска. Не пропадать же добру. Вот карта. Жила выходит прямо на поверхность, даже копать не надо...

С этими словами Клобуков достал спрятанную на поясе матерчатую карту и передал Валерии. Еще некоторое время он вздыхал и хрипел, потом затих.

Клобукова похоронили вечером следующего дня. У убитых индейцев забрали его вещи: одежду, спальный мешок, пистолет, порох. Теперь погоня не имела смысла, осталось дождаться группы полковника и можно сворачивать экспедицию.

Андрей срубил длинную жердь, на него водрузил импровизированный Андреевский флаг: белое полотнище с диагональным синим крестом. Как оказалось, он им запасся еще в форте, и все время носил с собой. Жердь с флагом вкопали на берегу.

– Теперь наши мимо не проскочат, – заявил он. – Не обязательно даже дежурить.

Дежурства то все же установили, опасаясь повторного нападения индейцев. Отставшая четверка появилась на другой день, им тоже удалось раздобыть у индейцев пирогу. Группа воссоединилась, теперь уже до конца экспедиции.

– Нам нужно побывать на прииске, точно описать его местоположение и доставить в столицу образцы самород-

ного золота, – сказал полковник и, тем самым, решил вопрос о продолжении похода.

Это решение означало наверняка еще одну зимовку и пока непонятно где. Это никого не обрадовало поначалу, но потом девушки первые сообразили, что золото, оно везде золото и если постараться, – ну не зря же золотоискателей называют старателями, – то замуж они пойдут не бесприданницами и не за кого попало. Мужчины тоже поняли суть вопроса, а может полковник пояснил им, что в качестве образцов не обязательно сдавать все добытые самородки. Ведь немало пришлось потрудиться, да и еще придется. Но ведь и кроме желтого металла, здесь есть на чем сделать состояние и это пушиной зверь, которого скупает Гудзонская торговая компания, да и русские купцы в Новорхангельске не откажутся от негоции.

Экспедиция продолжила свой путь пешком уже по территории Аляски. Без проводника идти намного труднее, но люди были выносливы и подготовлены к трудностям пути. Взаимоотношения в группе стали иными. Теперь не надо было играть легенду, подготовленную для Клобукова, все возвращалось на круги своя. Назначенные приказом жены и женихи с невестами обрели свободу в своих предпочтениях, только от этого никому лучше не стало. Первым потерпел фиаско мичман. Оказалось, что его пассия Лилия, с которой он уже начал крутить любовь в форте, вдруг предпочла оставаться «женой» полковника и на попытки Андрея

втереться между ними, реагировала весьма отрицательно. В результате он ходил обиженный на весь белый свет, хотя Фаина, дружески посмеиваясь над глупым «Ромео», во-все не отталкивала его от себя. Правда вольностей тоже не позволяла. У Олега с Валерией отношения оставались на прежнем уровне, она не поощряла ухаживаний гусара, но и не отвергала их. Эта неопределенность его определенно заводила, тем более, что у Михаила с Еленой дело явно шло к свадьбе. Хотя какая свадьба в условиях Аляски да еще поздней осенью. Жених уже давно растерял свой аристократический лоск, да и невеста отнюдь не блистала в своих дражных и штопаных нарядах. Но временные трудности надо было перетерпеть. Ведь впереди их ждет успех, как в любви, так и в карьере, а если повезет, то и богатство тоже.

Конец октября. В это время в средней полосе России золотая осень. Слетают с берез желтые листочки и ветер гонит их по земле, сметая в кучи и укрывая сырую землю. А здесь уже не средняя полоса, здесь гораздо севернее, да и местность гористая. С низкорослых березок листья давно облетели и кое-где покрыли землю серо-бурым налетом. Холодный мелкий дождь и порывистый ветер довершали безрадостную картину.

Наши путники продолжали движение, руководствуясь картой Клобукова. Теплая одежда, которая еще сохранилась у них после всех дорожных приключений, за день пути промокала от дождя и от пота. Вечером у костра частич-

но удавалось обсушиться. Индейцев они пока не опасались, мало их было в этих краях, да и напасть на такой большой отряд, не всякий вождь племени отважится. Зачем воевать с белыми воинами, если они не нападают, лучше торговать, или обменивать шкуры пушиного зверя на металлические изделия.

Так и дошли они до места обозначенного на карте. Хорошо была составлена карта, толково. Фаина сразу опознала это место, правда в этом немалую роль сыграла ее интуитивное чутье, но мичман подтвердил ее догадку, а затем и полковник утвердительно кивнул. Олег снял с плеч свой мешок и подобрал с земли блестящий камушек. Когда он обтер его об одежду, все сомнения отпали. Да, вот она! Золотая жила.

Но на карте была обозначена еще одна точка, явно не прииск, тем не менее, полковник приказал провести разведку. Это мог быть лагерь индейцев, или поселок белых поселенцев. На этот раз ушли в разведку Михаил с Олегом. Остальные озаботились дровами для костра, а женщины готовкой горячей пищи. Собственно, место для костра было оборудовано, очевидно, еще Клобуковым и его компаньонами. С дровами было труднее. Гористая местность, чахлые деревца, сырость вокруг.

Разведка вернулась через час и, судя по их довольному виду, принесли добрую весть.

— Неужели вышли к поселку наших поселенцев? — спросила

Лилия.

– Нет, – ответил Олег, – все гораздо лучше. В двух верстах есть охотничья избушка, небольшая, но это гораздо лучше, чем палатка.

Дальнейшие действия экспедиции были просты и понятны. Полковник принял командование отрядом, Лилия исполняла роль сержанта, остальные были рядовыми. Утром каждый получал разрядку: четыре человека на прииск, два человека на охоту, – надо же добывать пропитание, да и пушнина имеет свою цену, – два человека на хозяйстве, готовить пищу, чинить одежду и оборудование. Все добытое золото ссыпалось в общий котел и в дальнейшем должно быть разделено на десять частей. Две части должны быть отправлены в государственную казну, где будут служить доказательством ценности недр Аляски. Остальные восемь частей будут заслуженной наградой тем, кто добыл эти доказательства.

В середине ноября экспедиция свернула свои работы, и начался путь на юг к побережью тихого океана. Возвращение на родину всегда приятно, а возвращение с победой приятно вдвойне. Ценность сведений добытых потом и кровью была велика и полковник, как никто другой понимал это. Однако путь был далек, ведь по сути, команда осуществляла кругосветное путешествие. А это значит впереди горы и леса, моря и океаны. А в морях у нас кто? Известно кто, – пираты. Впрочем, и на суше их хватает. А пока наша группа,

пробыв вдали от цивилизации более года, двигалась строго на юг, от одного поселения к другому пешком и на лыжах, поскольку реки уже покрылись льдом.

Возвращение

Только в апреле восьмерка путников прибыла в Новоархангельск. Здесь они узнали о войне с Францией, о нападении Наполеона на Россию, о том что Москва сдана и огромная наполеоновская армия ждет предложения мира от русского императора, который находится в Санкт Петербурге и отказывается встречаться с послом Наполеона.

Новоархангельск отстраивался после войны 1804 года с индейцами тлинкитами и порт уже функционировал. Русский фрегат «Таврия» намеревался в ближайшие дни отправиться в кругосветку через Тихий океан, затем Индийский океан, чтобы обогнув Африку и Пиренейский полуостров выйти в Балтийское море и к берегам России. Труден и опасен этот путь, но другого не было. А нашей восьмерке к опасностям и трудностям не привыкать. Теперь уже каждый из них знал, насколько важны добытые сведения для страны.

Все приключения с героями, как правило, происходят в пути. Таковы законы приключенческого жанра. Если герои сидят дома, то какие у них могут быть приключения? Вспом-

ните, как начинаются романы Майн Рида, Фенимора Купера, Дюма и прочие... Впрочем, по количеству пройденных миль на суше и на море мы многих переплюнули. По количеству приключений, конечно, нет, но ведь и дорога еще не окончена. Впереди три океана и моря, что может угрожать сорокапушечному фрегату? Да много, что может угрожать паруснику, пусть даже военному с нехилым вооружением. Не обязательно пираты, хотя и их немало в это время на морских просторах.

Полковник сидел в каюте капитана «Тавриш» уже давно и разговор никак не получался. Вернее не получалось договориться. Капитан чернобородый широкоплечий красавец мужчина, мечта всех эсениц острова, где стоял Новоархангельск, разводил руками и басил:

– Помилуйте, Михаил Юрьевич, ну никак не могу. Четверых офицеров с превеликим удовольствием, но четверых эсениц... Увольте-с. Ну, никак! Через месяц придут негодяи, они с превеликой радостью их возьмут, а у меня военный корабль... полторы сотни матросов, офицеры... Четыре молодые девицы? Нет! Никак невозможно-с.

– Эти четыре девицы в бою стоят двух десятков твоих бордажников, – хмуро сказал полковник.

– Верю, – охотно подтвердил капитан, хотя веры в его словах не было никакой. – Верю! Отец родной, но не могу. Устав того не позволяет. Нельзя на военном судне перевозить гражданское население.

– Так уж и нельзя? – ухмыльнулся полковник.

– Дозволяется при эвакуации... Но сейчас эвакуации нет! Да не переживайте вы так, скоро придут купцы...

– Да что купцы, – с досадой махнул рукой полковник. – Мы два года уже на спецзадании, огонь и воду прошли вместе, а вы купцы...

Дело не складывалось. Не хотел капитан фрегата брать девиц и стоял на своем как скала. Он и внешне походил на скалу: большой, крепкий, голубоглазый мужчина. И ведь решение зависело только от него. Приняли в комендатуре города их хорошо. Ну, еще бы! Соотечественники появились как бы из ниоткуда, и не староверы раскольники, а свои православные. Девушки две недели приводили себя в порядок, накупили одежды и не только женских платьев. Обновили и форму амазонок и матросскую робу. Снова готовы были нести службу, и вот на тебе! Капитана никак не обойти. И что это за упрямство? Может суеверие? А может и вправду боится, ведь случись что, ему отвечать. Полторы сотни матросов... Да нет! Дисциплина во флоте железная.

– А хотите пари? – вдруг пришла ему в голову шальная мысль. – Одна девица против двух матросов. Если уложит обеих на палубу, вы всех берете, если нет, то и разговоров больше не будет. Согласны?

– Ну, извольте-с. Быть посему! Только зачем вам это надо Михаил Юрьевич? Ведь любой мой матрос может уложить двух солдат и даже не вспотеет. Впрочем, как вам

угодно. Я распоряджусь, чтоб аккуратно обошлись с дамами.

На следующее утро на верхней палубе фрегата стояли четыре амазонки, затянутые в черную униформу, возле них прохаживались кавалергард и гусар. Мичман и полковник стояли в стороне. Несколько любопытных матросов с деловым видом пробежали мимо, чтоб через некоторое время найти себе занятие возле мачты у парусного оснащения корабля.

– Какой импозантный мужчина, – сказала Валерия, заведя взгляд на подходившего к ним капитана.

– Не заглядывайся на офицеров, – тихо прошептала Лилия. – Михаил Юрьевич разрешил поединки только с матросами...

– Да я понимаю, – ответила Валерия, – офицеров нельзя обижать. Я не в том смысле сказала. Капитан просто красавчик.

Лилия ткнула Валерию кулаком в бок.

– А наши-то ходят, как петухи в курятнике, – ухмыльнулась Фаина. – Вот кого бы я уложила на палубу, – и она кивнула на Олега, который косил взглядом на Валерию. От него не укрылось ее внимание к капитану, и он воспылал ревностью.

Капитан в сопровождении дежурного офицера направился к полковнику. Мельком взглянув на амазонок, затянутых

в черное, он обратился к дежурному офицеру:

– Почему посторонние... – оборвав фразу на полуслове, он замедлил шаг, но полковник сам подошел к нему.

– Доброе утро Александр Семенович, – сказал полковник, протягивая руку, – позвольте представить вам моих амазонок.

– Доброе утро, Михаил Юрьевич, – несколько заторможено ответил капитан, – что ж вы не сказали мне давеча...

Он снова оборвал фразу на полуслове, явно не зная как продолжить. За последние несколько секунд он уже успел поменять свое вчерашнее решение и теперь напряженно думал, как выкрутиться из создавшейся ситуации. Пока полковник церемонно представлял ему барышень, которые на барышень вовсе и не походили, а походили на... Тут капитан опять не находил подходящего сравнения. «Короче, – решил про себя капитан, – полковник должен выиграть спор. Надо только предупредить матросов, которые будут участвовать в поединке, или как это назвать...» Как предупредить матросов, которые с любопытством поглядывали на странно одетых девиц, он пока не придумал.

– Не хотите ли для начала осмотреть корабль? – неожиданно для себя обратился он к полковнику.

– Так может сначала... – удивленно начал полковник.

– Успеется, Михаил Юрьевич, – махнул рукой капитан. – Осмотрим корабль, потом позавтракаем, а то, что же обо мне подумают дамы. Пришли в гости и тут сразу мордобой,

господи прости.

– Ну, какой мордобой, Александр Семенович, помилуйте. Просто дружеское соревнование, как мы давеча договорились, – ответил полковник.

– Иван Ильич, – обратился капитан к дежурному офицеру. – Покажите барышням наш корабль, проведите небольшую экскурсию и возвращайтесь сюда, а мы пока побеседуем с Михаилом Юрьевичем.

Девушки отправились вслед за Иваном Ильичом, за ними пошли и Олег с Михаилом. Андрей и полковник остались вместе с капитаном, который сегодня вовсе не напоминал вчерашнего непреклонного служаку, а просто лучился добротой и благодушием. Однако полковнику это благодушие не понравилось. Вопрос надо было решить однозначно и быстро, а эта тягучая неопределенность, которую разыгрывал капитан, только раздражала.

– Александр Семенович, – хмуро сказал полковник, – зачем тянуть кота за хвост. Давайте устроим соревнование, если вы опасаетесь рукопашной схватки с моими амазонками, давайте организуем стрельбу из пистолетов, метание ножей, поединок на саблях...

– Ну, ну, Михаил Юрьевич, не хватало только рубиться на саблях с твоими девицами. За кого вы меня принимаете!

– Тогда согласно вчерашней договоренности...

– Хорошо, хорошо. Извольте-с. Но от рукопашной с девицами увольте. Я ж не злодей какой, Меня в адмиралтей-

стве за такие приключения засмеют-с, да и команда того-с... Вы говорили насчет стрельбы и метания ножей? Я сейчас распоряджусь, принесут щит, пистолеты. Только уж вы не обессудьте, Михаил Юрьевич, если будут промахи...

– Ну, вот и славно. Распорядитесь.

Капитан окликнул старпома и поставил задачу. Через полчаса на носу корабля установили деревянный щит, на котором углем был нарисован круг. Принесли пистолеты в количестве пяти штук. Когда вернулся дежурный офицер с амазонками мишень и оружие были готовы. Корабль слегка покачивало, и это, отнюдь, не облегчало задачу. Полковник, хоть и хорошо знал своих подопечных, но волновался. Ведь от случайностей никто не застрахован, а ставка высока.

Капитан отошел, шагов на пятнадцать, взял один из пяти разложенных на небольшом столике пистолетов, не выбирая, явно наугад, и выстрелил, почти не целясь. Пуля попала в круг, не в самый центр, но близко. Выстрел просто великолепен. Стрелять при качке навскидку и при этом попадать в цель, это, можно сказать, искусство, и капитан им владел в совершенстве.

Амазонки вопросительно смотрели на Лилию.

– Валерия! – сказала она.

Эта девушка уже давно привлекала взгляды зрителей, и теперь наверняка все желали ей успеха. Она подошла к обозначенному рубежу, взяла пистолет и встала, выставив левую ногу на полишага вперед. Пистолет она держала двумя

руками, вытянутыми вперед и стала медленно поднимать, прицеливаясь в щит. «Как на ученьях», – мысленно отметил капитан. Грянул выстрел и полковник с удовлетворением отметил, что пуля попала в круг и даже ближе к центру, чем пуля капитана. Затем стреляла Елена, ее пуля легла почти в центр круга, а техника стрельбы в точности повторяла технику подруги. Следующей была Фаина, техника стрельбы была та же, но одновременно поражала легкостью и изяществом, правда пуля легла чуть дальше от центра круга, чем пули ее подруг. Последней стреляла Лилия из того же положения и столь же успешно, ее пуля легла рядом с пулей капитана.

– Bravo! – восхищенно воскликнул капитан. – Если они так же могут метать ножи, то зачислю их в абордажную команду.

– Прикажете принести ножи, – спокойно сказал полковник.

– Могу предложить только свой кортик, – пожал плечами капитан. – Это личное оружие офицеров и я не вправе им распоряжаться.

– У нас личное оружие тоже при себе, – сказала Лилия.

– Тогда извольте-с, – с легким поклоном сказал капитан, – покажите свое умение.

Амазонка отошла на десять шагов от щита, резко повернулась и взмахнула рукой. Шестидюймовое лезвие, покачиваясь, торчало почти в центре круга. Остальные девичьи

цы, полностью повторяя движения своей предводительницы, всадили свои ножи в круг. Четыре клинка, покачиваясь, сидели в мишени довольно кучно. Зрители: старпом, дежурный офицер, и несколько матросов, «случайно» оказавшиеся рядом, начали аплодировать, словно им показали цирковое представление.

– Надеюсь, наша проблема решена, – незаметно шепнул полковник капитану.

Тот недоуменно посмотрел на него, затем, словно спохватившись, ответил:

– Ну да, конечно, я распоряжусь отвести им две каюты. Отвести по каюте каждой, к сожалению, не имею возможности.

– Этого и не нужно. Благодарю вас, Александр Семенович.

– А что еще умеют ваши амазонки?

– Да многое что умеют... Рукопашные схватки без оружия, могут сражаться на саблях, скакать на конях... В бордажной команде им самое место.

– Вообще-то место эсеницы в доме... Ну, да ладно, как говорил кто-то из великих: исключение подтверждает правило.

В этот момент к полковнику подошла Лилия.

– Михаил Юрьевич, – сказала она, – мы можем продолжить выступление. Проведем рукопашные схватки между собой, никаких обид не будет. Немного танца, немного акробатики – зрителям это нравится.

Полковник кивнул, и Лилия отошла совещаться к амазонкам.

– Александр Семенович, – сказал он капитану, – сейчас амазонки представят учебный рукопашный бой без оружия.

Капитан кивнул, разрешая представление, и амазонки вышли на середину палубы. Зрителей уже скопилось достаточно и девушки, разбившись на пары, начали схватку. Они уже давно поняли, что когда выступает одна пара, интерес у зрителей меньше, а две пары одновременно имеют у зрителей успех просто потрясающий. Все движения у них были отработаны во время тренировок. Удары руками, ногами, блокировки этих ударов и уклонения сыпались непрерывным потоком. Амазонки наносили удар ногой в голову с такой быстротой, что казалось уклониться невозможно, но все было рассчитано. Следовало уклонение или прыжок через голову и схватка продолжалась. Естественно, что победителей тут определить было невозможно, да это и не требовалось. Сам процесс завораживал, зрители болели молча, да и как тут болеть? За кого? Схватка прекратилась внезапно, во всяком случае, зрителям так показалось. Но у амазенок время тоже было рассчитано, и по сигналу Лилии, они встали и отошли к щиту, в котором все еще торчали их ножи.

– Ну как Александр Семенович? – спросил полковник капитана. – Убедил я вас?

– Да-а, – протянул тот. – Весьма впечатляет. Не удив-

люсь, если они и морском деле разбираются...

– Нет, – усмехнулся полковник, – девицы сугубо сухопутные. Хотя, если обучить...

– Да полно, вам. Я пошутил, – ответил капитан.

На другой день наша восьмерка перебралась на фрегат. Барышни заняли две каюты, а мужчины поместились в одной. Тут уж размер кошелька пассажиров роли не играл, военный корабль ведь. Пассажиров-то вообще не должно быть, только экипаж. Ну, это если соблюдать регламент, только кто его соблюдает. Все важные персоны перемещались по свету только на военных кораблях, а на торговых судах – простой люд.

И вот двадцатого апреля 1813 года фрегат «Таврида» отправился из порта Новоархангельска в Санкт-Петербург. Естественно шел он не порожний, на борту были шкурки пушиного зверя. Веса они почти не имели, да и объем занимали небольшой, зато цену представляли немаленькую. Оттого и честь им была оказана такая, специальным рейсом военного сорокапушечного фрегата доставлялись в столицу.

Путь лежал через Тихий океан к берегам Кореи мимо негостеприимной пока Японии. Долгий путь по морю, не всегда спокойному, опять вызвал морскую болезнь у наших спутников. Лилия и Елена, опять оказавшиеся в одной каюте, мучительно страдали от качки. Мичман старался облегчить жизнь девушкам, но что он мог сделать? Лекарств от это-

го недуга еще не изобрели. Из мужчин, как и в прошлый раз, лежали лежкой полковник и Михаил. Но недуг этот, как известно, непродолжительный. Прошла неделя и состояние барышень почти пришло в норму.

– Послушай Лена, – нерешительно спросила Лилия, – вы с Михаилом сразу поженитесь, как только прибудем в столицу?

– Даже не знаю, что сказать, – столь же нерешительно ответила Елена. – Он уже больше года твердит о любви, но еще ни слова не сказал о свадьбе... Пожалуй я дам ему отворот поворот. Теперь я богатая невеста...

– Так ты спроси напрямик, – сказала Лилия. – Если он не собирается жениться, не позволяй ему компрометировать себя. К тому же здесь на корабле у нас женихов сколько угодно, и приданное у нас теперь есть...

– Напрямик спрашивать не буду, для девушки это неприлично, сам должен понимать... А как у тебя с Андреем. Уж он-то наверняка тебе предложение сделал.

– Он-то сделал, только я не готова ответить...

– Как это? Он тебе разонравился?

– Нет, не в этом причина. Андрей мне нравится, и мужчина он надежный с ним можно создавать семью. И даже обеспечены мы с ним будем, благодаря приску Клобукова. Просто я не представляю себе семейную жизнь... Ведь меня почти с младенчества обучали боевым искусствам. И зачем все это? Как я буду без вас? Я не знаю, что ему ответить,

ведь мне нет еще и двадцати.

– А я об этом не думаю. Для меня главное семья и дети. И я без колебания выйду замуж за надежного мужчину. А насчет Михаила ты права, мне надоели обжимания по углам. Дам понять, чтоб прекратил мою компрометацию.

Подобные разговоры велись и в другой каюте.

– Слушай, Лерка, – начала очередную воспитательную беседу Фаина. – Ты бы перестала строить глазки капитану. Вот Олег вызовет его на дуэль и останется корабль без капитана.

– Ну, ты и сказанула, – усмехнулась Валерия, – Видела, как капитан стреляет... Олегу с ним не тягаться.

– Ну, на что он тебе сдался, он же старый, да и женат наверняка.

– Не старше полковника, а Лилька его в мужья себе выбрала. Да и не женат он уже. Вдовый...

– Все уже вызнала! А как же Олег!

– А причем тут Олег? Я ему ничего не обещала.

– Ну что у меня за подружки такие: одна между полковником и мичманом заблудилась, другая капитану и поручику головы задурила. Одна Елена порядочно себя ведет, ни на кого кроме своего кавалергарда не смотрит. Небось, после прибытия в столицу, на свадьбе гулять будем.

– А вот тут ты Файка заблуждаешься. Я давно за ними наблюдаю. Эти Ромео и Джульетта играют только первый акт своей пьесы и ко второму никак перейти не могут. По-

хоже, не написано для них продолжение. Так что там не все так просто как кажется.

– А знаешь, Лерка, что я сделаю? Отобью ко я у тебя капитана! Я видела, как он на меня смотрел.

– Ну вот, еще новости. Тут два десятка молодых офицеров, а мы с тобой одного делить будем?

– Да ладно, пошутила я. Удивительно просто, полный корабль мужчин, хоть бы кто познакомиться зашел. Со скуки сдохнуть можно. А ведь еще только начало пути...

– Попроси полковника, он тебе в приказном порядке кавалера назначит.

– Спасибо, подруга, за совет. Пожалуй я им воспользуюсь... Хочу мичмана, у Лильки есть «муж», любовнику пусть даст отставку иначе капитану пожалуюсь. Разврат на корабле!

Фаина захохотала, Валерия попыталась что-то сказать, но тоже зашлась смехом.

В каюте, где обитали мужчины, находились на своих койках кавалергард и полковник. Морская болезнь уже не мучила их, но на палубе делать было нечего. Один и тот же океанский простор вокруг давно уже надоел, и, хотя, судно полным ходом шло на юг, в теплые края, северный ветер давал себя знать. Через месяц пути они, наверное, будут мечтать о прохладе, но пока этой прохлады они нахлебались с избытком.

– А скажите-ка поручик, – с некоторым лукавством в

голосе, сказал полковник, – когда нам ждать приглашения на свадьбу?

Вопрос, казалось, завис в воздухе, поскольку кавалергард молчал.

– Чего молчите-с? – продолжил полковник. – Надеюсь, мы попадаем в список приглашенных?

– Какая свадьба, – тихо вздохнул поручик, – я ведь женат.

– Чего!?! – удивленно воскликнул полковник.

– Того самого, – последовал хмурый ответ.

– Послушайте, милостивый государь, – раздраженно вставая с койки, сказал полковник, – наши амазонки – не сенные девки. С ними так не поступают! Это девушки благородной кровей и если вы думаете, что за них некому вступить...

– Да полно вам, полковник, – раздраженно ответил кавалергард. – Я просто отрабатывал легенду, кстати, вами придуманную...

– А вы не переусердствовали, отрабатывая легенду? Если будут последствия...

– Не будет последствий. Ничего недозволенного моралью у меня с ней не было.

– А она знает, что вы женаты?

– Нет.

– Заигрались вы, поручик, – ворчливо, но уже без злости сказал полковник. – Извольте сказать барышне правду. Ле-

генда уже давно не работает.

– А вы сами, господин полковник, не заигрались? По-моему, предводительница амазонок до сих пор мнит себя вашей «женой».

– Во-первых, я холост, во-вторых, никакого урона ее чести я не нанес, в-третьих она сама назначила себя моей женой, по легенде могла оставаться дочерью, и, наконец, если она того пожелает, я готов обвенчаться. Вот так-с, господин поручик!

– Да я тоже готов обвенчаться, господин полковник, но только прежде мне надо развестись! – с неожиданной горячностью воскликнул кавалергард.

– Дела-а... – протянул полковник.

– А вы бы не тянули, господин полковник, – неожиданно продолжил кавалергард, – сделайте предложение, а то мичман отобьет у вас красотку...

– Ну, мичман-то ей давно разонравился, – задумчиво ответил тот, – а в целом вы правы. Если бы не разница в возрасте... Да-с, задачка, однако...

– А у Олега-то ведь тоже не сложилось, – вдруг усмехнулся поручик. – Валерия откровенно строит глазки капитану. Впрочем, она и раньше нашему гусару не давала никаких надежд...

Последняя фраза поручика развеселила обоих. Было от чего смеяться. Проведя два года бок о бок с четырьмя привлекательными девицами, ни у кого не сложились отноше-

ния. Впрочем, впереди еще уйма времени, никак не менее полугода. Так что, все еще впереди.

Олег вошел в каюту.

– Что это вас так развеселило? – спросил он.

– Да вот, – ответил полковник, – два года мы рядом с девицами прожили, а никаких романов не сложилось. И ведь, скажем прямо, девицы весьма недурны на вид. Что скажете поручик?

– Ну, тут вы, господин полковник, не совсем правы. Не складывается только у меня. Вот Михаил, небось, уж свадьбу планирует.

– Михаил, как оказалось, женат...

– Однако... Надеюсь, это не повод для веселья.

– Разумеется, нет! – серьезно ответил полковник. – Смешит ситуация в целом. Ни вы, ни я, ни мичман не обрели невесты за два года общения с весьма привлекательными особами.

– Так мы же были на задании, – недоуменно ответил Олег, – к тому же, как вы помните, были связаны легендой.

– Да, тут вы правы. Но теперь в легенде нет необходимости...

– Но ведь мы все еще на задании, – вдруг хитро усмехнулся Олег. – Так вы прикажите нам с Валерией немедленно обвенчаться, дабы не вводить в искушение капитана корабля. Священник на корабле имеется, отдельная каюта тоже. Ну же, господин полковник... Выпивка за мой счет!

– Шутник, вы, однако, господин поручик. Впрочем, заручитесь согласием невесты, и я немедля прикажу вас обвенчать.

– На корабле приказывает капитан, – флегматично заметил Михаил. – Священник вам не подчинится, а капитан легко найдет причину, чтоб вам отказать. Боевой корабль и вдруг посреди океана свадьба?

– Шутки шутками, – сказал полковник, – а ведь теперь мы люди не бедные, можно подумать об отставке...

– О чем вы, полковник, – совершенно серьезно сказал Михаил. – Идет война с Францией, родина в опасности, говорят, что Наполеон в Москве.

– Вы правы, поручик, – ответил полковник. – Пока идет война об отставке и речи быть не может.

Вошел мичман и улегся на свое место.

– О чем беседуем, господа?

– О жизни, мичман... – вздохнул Михаил. – Война идет, а мы за тридевять земель.

– Вы не совсем правы, поручик, – ответил Андрей. – Вернее, вы совсем не правы. Мы находимся на боевом корабле и для нас любой военный корабль под французским флагом – враг. Так что мы находимся на боевом посту, и в любой момент может начаться бой. Кстати, наши амазонки уже в абордажной команде, ну и мы, надеюсь, не ударим лицом в грязь.

– А ведь верно. Дело говорит мичман, – воскликнул Олег. –

Пусть у нас не клянутся дела на любовном фронте, зато покажем себя в бою.

Между тем фрегат двигался на юго-запад к берегам азиатского континента. К Японии не приближались, закрыта была эта страна для европейских судов, да и остальных гостей не привечали на этих островах. Первая стоянка должна быть в Корее, а дальше ждал Индийский океан и знойный экваториальный климат.

Фрегат входил в корейский порт, соблюдая все предписанные формальности. Здесь уже стоял купец под американским флагом, греческий барк, испанское торговое судно ну и англичане, конечно. Как же без них. Их военные и торговые суда были во всех портах мира, а тут под боком Индия, их колония. Полковник собрал свою команду, чтоб объявить порядок схода на берег.

– Дамы и господа, – начал он свою речь, – на берег сходим только парами, причем две пары на берегу, две пары остаются на корабле. Дамы могут бросить жребий, кому первыми сходить на берег, затем выбирают себе сопровождающих. Надеюсь, я ясно выразился...

– Сопровождающих можно выбрать из экипажа фрегата? – неожиданно спросила Валерия.

– Ни в коем случае! – ответил полковник. – Сопровождающий должен быть один из нас. Кстати, капитан не может быть вашим сопровождающим, он не покидает корабль.

Бросали амазонки жребий или иначе решили вопрос с увольнением на берег, но в первую партию уходили Валерия и Елена. Они нарядились в женские платья, купленные еще в Новоархангельске. Погода была солнечная и очень теплая, дамских шляпок у них не было и они рассчитывали приобрести их в городе.

Валерия подошла к полковнику, сделала книксен и сказала:

– Я вас приглашаю, Михаил Юрьевич, сопроводить меня.

Полковник, который увидел кому выпал жребий идти в город первыми, никак не ожидал приглашения, тем не менее, кивнул и отправился менять повседневную одежду, на парадную. Кавалергард, который уже в парадной форме ожидал Елену, был удивлен еще больше, когда та с ангельской улыбкой пригласила мичмана.

Матросы спустили на воду баркас и ожидали пассажиров, которые не замедлили подойти к борту. Женщинам спускаться по веревочному трапу было неудобно, но матросы очень аккуратно и вежливо помогли им. Мужчины спустились сами. Кроме нашей четверки в баркас спустилось еще несколько офицеров, свободных от несения службы в данный момент. Матросы взялись за весла, и в считанные минуты баркас достиг берега.

– Куда вы поведете меня, господин полковник, – сказала Валерия, с милой улыбкой взяв его под руку.

– В торговые ряды, сударыня, – усмехнувшись, ответил тот. – Впереди экватор, нужно купить летнюю одежду. Рекомендую вам приобрести шляпку с широкими полями и легкую блузку. Остальное на ваше усмотрение. Мне, кстати, тоже не мешает обновить свой гардероб.

– Позвольте откровенно, Михаил Юрьевич, – просительным тоном сказала Валерия, – я есть хочу.

– Извольте, сударыня, но только не в портовой таверне. Да, и пробовать экзотические блюда не советую...

– Я полностью полагаюсь на вас, господин полковник, – ответила Валерия.

Нашлась закусочная, но знакомые блюда состояли из рыбы. Валерия скривилась.

– Так хочется чего-нибудь мясного, – протянула она почти жалобно.

На их счастье в закусочную зашел лейтенант с фрегата. Узнав затруднения красивой российской барышни и его корабля, он сказал:

– Я уже бывал в этом порту и насчет качества пищи можете не беспокоиться.

Он помог с выбором блюд и указал дорогу в торговые ряды, сам, однако, навязывать свое общество не стал, полагая, что одного кавалера достаточно даже для такой красотки. Красотка мило улыбнулась, но не пригласила его в компанию.

Елена с мичманом по пути им не встретились, очевид-

но, нашли другую закусочную, немало их было в этом городе. Моряки других государств встречались на каждом шагу, Некоторые пытались заговорить, но русский язык не знал никто, а французским владели единицы. В ходу был английский, а наши путешественники владели им слабо. В те времена в России в моде был французский. Но в торговых рядах русским владели многие, торговля в портовом городе знание иностранных языков подразумевает.

Валерия довольно быстро обзавелась шляпкой с широкими полями и увлеченно рылась в женских одежках, которых тут было изобилие. Полковник не решился оставить ее, и терпеливо ожидал, когда она сделает покупки. Однако, через час он уже чертыхался, – про себя, конечно, – и начал жалеть, что в приказном порядке не назначил ей в кавалеры Олега. Наконец, она появилась возле него с кошелкой, довольно плотно набитой женскими вещами.

– Извините, Михаил Юрьевич, что заставила вас ждать, – отдышавшись, сказала она, – но тут такие цены! Я, конечно, теперь дама богатая, но все равно. Разве можно ломить такую цену за... Извините еще раз.

– Привыкайте, Валерия, – спокойно ответил полковник, – в портовых городах всегда так. Если вы немного отъедете вглубь страны, то ту же самую вещь сможете купить втрое дешевле. Просто стоянка у нас короткая, да и страну эту мы не знаем.

Пришла очередь полковника делать покупки. Он почти

сразу приобрел модную черную шляпу, затем, не особо задумываясь, купил просторные штаны и куртку. Поскольку, в этой экспедиции все офицеры выступали, как гражданские лица, мундиры никто не носил. Надо было купить еще и исподнее, но мешало присутствие Валерии. Хотя сама она не особо стеснялась полковника.

К вечеру они нагруженные покупками отправились на пирс, куда должен был подойти баркас. Уже при посадке, усаживаясь рядом с Валерией, он вдруг понял, что она целый день откровенно кокетничала с ним, всячески показывая свой женский интерес к нему. Такого Лилия никогда не позволяла себе, даже когда он «ходил в мужьях» у нее. «Вот и пойми этих женщин», – подумал он.

Елена с мичманом возвращались тем же баркасом и тоже с покупками, в городе обе пары не встречались и теперь готовились поделиться впечатлениями с товарищами. Ведь завтра в город отправиться вторая партия. Корабль долго стоять не будет. Капитан сказал, что как только пополнят запасы воды и продуктов, сразу продолжат путь, то есть через три – четыре дня.

Мичману удалось узнать последние новости из России. Новости радовали, поскольку у Наполеона, несмотря на взятие Москвы, дела в России не заладились, и он ушел, потеряв зимой на российских просторах половину своей армии.

На другой день в город отправились Лилия с Фаиной, взяв с собой оставшихся кавалеров. Они на пары не поделились

и всюду ходили вчетвером. Но на результат похода это не сказалось. Все приобрели летнюю одежду. Разумеется, впереди их ждали еще порты иностранных держав на побережье Азии и теплый Индийский океан.

Окончание следует.

9

Наконец-то я отложил перо. На следующий номер журнала этого хватит, но как же мне самому надоели эти амазонки, просто слов нет. И ведь покончить с ними нельзя и не только из-за обещания Марку. Ведь хочется, чтоб дошла информация о золотых приисках на Аляске до Его Величества Александра второго, и тот бы не вздумал продавать эту территорию. Но пока страной правит его дядька, потом бразды правления достанутся его отцу... Да еще не факт, что эта повесть дойдет до власть имущих и ей поверят... Впрочем, достаточно того, чтоб ее прочитал какой-нибудь авантюрист или золотопромышленник. Главное, сделать повесть интересной и захватывающей, но, похоже, с этим проблемы.

Я уже давно понял, что для популярности главное не о чем писать, а как писать. Самый интересный случай можно описывать так, словно мочало пережевывая. И кто это одолеет? А можно из ничего из ерунды сварганить такое... Вот Дюма был мастер. Его роман «Три мушкетера» читается взахлеб. И сюжет-то вроде ни о чем. Ну, подумаешь, королева

отдала украшение любовнику. Могла ведь отболтаться: потеряла. Где? Не знаю. Но, гремят выстрелы, сверкают шпаги, любовь, честь, благородство. А где честь? Бонасье – замужняя дама, королева – вообще, первая дама. И где благородство? Но ведь как написано! А какие фильмы поставлены... А главное, что подкупает читателя, да и зрителя тоже, главные герои никакой корысти со своих приключений не поимели, плевать им было, в общем-то, и на королей, и на королев. Любовь и дружба превыше всего, и только во имя этого гремели выстрелы и сверкали шпаги.

Ну, я своим амазонкам в последней части тоже устрою и выстрелы и сверканье клинков, еще не кончен бал, и свечи не потушены. И кто скажет, что игра не стоит свеч? Ведь на кону Аляска. Однако, признаюсь самому себе, как на духу. Протащить эту компанию через Канаду начала девятнадцатого века случай не из легких. Ведь понятие о тех местах и временах почерпнуто из романов Фенимора Купера. А как ему верить? Его Натти Бумпо из гладкоствольного ружья попадал в шляпку гвоздя. Скажите-ка это снайперу профессионалу, он вам ответит: даже из нарезного оружия с оптическим прицелом, в шляпку попасть можно, разве что, случайно. Но мы ведь не исторический документ создаем, а пишем фантастическую повесть, и нам правда жизни нужна в ограниченных количествах в виде декораций. А если описывать только правду, то кто это будет читать? Вот представьте, что актеры в театре играют спектакль: в графине настоящая

водка, на блюде порезана колбаска, огурцы. Первое действие пройдет на ура, а дальше?

Вот такие мысли бродят в голове после написания предпоследней части повести. Не нравится мне моя писанина, предыдущие части, еще – куда ни шло, а эту даже перечитывать неохота. Дотащу эту кампашку до столицы и баста, больно уж много их оказалось. Хватило бы двоих, да что уж теперь... Была мысль двоих выдать замуж в глухих Канадских лесах за крутых европейских переселенцев, но не решился. Потом, совсем уж было собрался оставить одну в Новоархангельске, опять же замужем, разумеется, за нашим моряком, но что-то не срослось.

И с любовными приключениями нелады. Ну, кто мне поверит, что четыре здоровые восемнадцатилетние девицы без присмотра родителей, проведя почти два года в компании, опять же, здоровых молодых мужчин, сохранят невинность для будущих мужей? Цензоры поверят, конечно. Впрочем, благодравные матроны тоже. В начале девятнадцатого века нравственность понятие абсолютное. Завтра унесу свое сочинение в редакцию, пусть обсуждают. Марка, наверное, уже завалили рукописями, но моя теперь пойдет вне конкуренции, поскольку начало напечатано. Интересно, что скажет Полина. Хотел я добавить лирики, очень даже старался, но не получается никак. Если любовь значит замужество, если замужество, то какие приключения? Замкнутый круг получается. Конечно, от бытовых проблем они будут избавлены,

для этого прислуга имеется. Но ведь дети... а без этого никак не бывает. Значит, после венчания повесть должна заканчиваться. Есть еще вариант неразделенной любви, как в романах Вальтер Скотта, но тогда красотки рискуют остаться в старых девах, а это уж точно никому не интересно.

Вообще-то мне более интересно мнение Варвары, мне кажется, эта девушка более образована, зря она отказалась от кресла директора издательства. Сомневаюсь, что Полина справится. Впрочем, мое дело сторона, вот допишу обещанную повесть и попрощаюсь. Пора мне далее, надоело уже здесь. Прихватчу Ольгу с собой. Интересно даже, куда в следующий раз меня черти забросят...

На улице снег лежит, декабрь уже. Время-то как летит. Долгонько я писал эту предпоследнюю часть. Зато последняя будет много короче. Мои амазонки выполняют это задание, следующее уже без меня. Легкий морозец и белый искрящийся снег, хрустящий под валенками, вселял в меня радость бытия и здоровый оптимизм. Все в мире должно быть хорошо. Марк в редакции ждет мою повесть, меня ждет гонорар за предыдущую часть. Сейчас я увижу своих друзей: Марка, Полину и Варвару, они обрадуются, увидев меня, и я обрадуюсь им. Какая замечательная штука жизнь, даже в средневековье. Может осесть тут навсегда! Примкнуть к декабристам. Хотя примкнуть не так просто, но на Сенатской площади я побываю непременно.

Полный радостными мечтами, я влетел в издательство и

просто ворвался в кабинет Марка. Первое, что я увидел, это обнявшихся Марка с Полиной, которые стояли перед столом Марка. На звук открывшейся двери они повернулись и мгновенно отстранились друг от друга. У Марка был ошарашенный вид, а Полина побледнела, как мел.

– Я пойду к себе Марк Савельич, – жалобным голосом сказала она и, обойдя меня по дуге, словно опасного зверя, вышла из кабинета.

– Ну, ты братец и фрунт! – раздраженно сказал Марк. – Стучаться надо!

– С чего бы вдруг! – не менее раздраженно ответил я. – Я зашел в рабочий кабинет в течение рабочего дня! Этикет позволяет входить без стука, Марк Савельич. Заведи себе секретаршу, тогда не будет сюрпризов.

– Ладно, ладно, проехали... Чего хотел? – уже без раздражения, но с легким неудовольствием спросил Марк.

– Соскучился, повидаться заскочил, – зло ответил я. – Только, кажется мне здесь не рады.

– Продолжение повести принес? – спокойно спросил он.

– Принес, – ответил я и швырнул пакет с рукописью на стол. – Если угодно могу больше не появляться, окончание повести пришлю с курьером. На этом наше сотрудничество считаю законченным.

– Да погоди, не кипятись, благодетель ты наш. Сходи наверх к Полине, получи гонорар за предыдущую часть, да Варвару навести, очень интересуется продолжением твоей

повести, да и тебя желает повидать...

У меня вдруг вся злость испарилась. Чего я, собственно раскипятился? Полина переметнулась к Марку? Да и бог с ней. Я же все равно собирался покинуть эти края. Да я ведь и не на Полину разозлился, а на Марка. Я же его из г... вытащил, ну где бы он был, если бы я придумал реанимацию его издательства? А он в награду невесту у меня увел. Друг называется! Ну и черт с ними со всеми. Повесть допишу все равно, тут у меня свой интерес, и гонорар, естественно, получу. Деньги то очень понадобятся для моего путешествия в Сибирь.

– Нет, Марк. Разбирайся со своим гаремом сам, да повесть мою прочитай. Завтра я зайду, чтоб узнать резюме, ты уж побеспокойся. Гонорар тоже завтра получу. Приду к концу рабочего дня, часа в четыре. В кабинеты входить не буду, ты уж сам изволь выйти и пригласить, если свободен будешь.

Я отправился домой, но не отказал себе в удовольствии, выходя из кабинета, пропеть песенку:

*«Если б я был султан, я б имел трех жен,
И тройной красотой был бы окружен...»*

По дороге домой завернул в лавку и приобрел бутылку мадеры. Недешевое вино, но могу себе позволить, наливка мне не нравится, возможно, ее тут делать не умеют. Возвратился домой, хоть и не рассчитывал столь рано появиться. Ольга, казалось, ждала меня.

– Не печальтесь барин, – сказала она, принимая мой полушубок. – Не велика потеря.

– Ты о чем? – удивленно спросил я.

– Известно о чем. О барышне Елисейевой, – усмехнулась Ольга.

– А ты откуда все знаешь?

– Прислуга всегда все знает. Это господа прислугу не замечают, а уж она-то все знает о господах.

– Пожалуй, ты права, – задумчиво сказал я. – А скажи-ка, раз уж ты все знаешь, давно это у них с Марком?

– Да сразу же, как только Полина Ильинична заняла директорский кабинет в издательстве...

– А как Варвара к этому относится?

– Никак не относится, – продолжала рассказывать Ольга. – Ей все равно. Матери ее тоже все равно, издательство стало приносить доход и не маленький. Так что все довольны, да и вам тужить не о чем. Барышня Денисова поинтересней будет, хотя сердцу не прикажешь. – Тут Ольга вздохнула и ушла на свою половину.

«Как же так получается, – думал я. – Сначала Мальвина меня бросила, это еще в моем мире, потом Анна от меня сбежала с поручиком, уже в другом, чужом для нее, мире, теперь вот Полина переметнулась к Марку. Может что-то со мной не так? Что-то не то я делаю? Ну ладно, Мальвина, бог с ней. Я уж ее почти забыл. Да и не моего уровня девица... Анна, тут все как-то странно, она ведь сама ко мне прилепи-

лась, у меня поначалу только дружеские чувства были. Это потом я на нее запал, когда она спасла меня в моем мире, а потом еще спасла уже в другом. Лучше бы не спасала... До сих пор не могу забыть, а ведь год прошел. С Полиной та же история, только она меня не спасала. С ней вообще черте что: сама полюбила, сама разлюбила... Может мне на крепостной жениться? Вот до чего додумался. Зачем на крепостной-то жениться, она и так моя будет когда захочу... Ох неправильно все это».

Я достал бутылку мадеры и снова окликнул Ольгу.

– Принеси-ка, душа моя, стаканы, да огурчиков порежь, – сказал я ей. – Сама тоже посиди со мной. Не люблю пить в одиночку...

– Извольте, барин, – ответила она, и вскоре появились стаканы и порезанные соленые огурчики.

Я не собирался спаивать свою крепостную девку, зачем мне ее спаивать. Она и так прекословить не станет... Просто, поговорить хотелось, порассуждать о жизни. Я ей, конечно, тоже плеснул в стакан и она пригубила. А я лихо ополовинил стакан и закусил огурчиком. Тут Ольга опять усмехнулась и одним махом допила все, что я ей налил. Удивила она меня, но жмотничать я не стал и налил ей еще полстакана.

– Как же так получается барин, – вздохнула она. – Как же это так получается...

Ольга сидела подперев рукою голову, глядя на меня совершенно чистыми голубыми глазами.

– Вот рождается человек в барской семье, – начала она неспешный рассказ, – с малых лет за малышкой ходит нянька, одевает, умывает, кормит, обихаживает. Вырастает барышня, никаких забот не зная. В жизни ее все ясно и просто: балы, кавалеры, ухаживания, красивые слова, потом ее ведут под венец, рождается новый человек и все повторяется: балы, кавалеры, красивые слова, ухаживания... А вот рождается человек в крестьянской семье, никаких нянек у малышки нет, она сама нянька для младшего братишки. С малых лет работой озадачена, надо гусей пасти, за другой скотиной приглядывать. Подрастет, – с матерью по хозяйству работает и избу обиходит и белье постирает и в поле посильные дела делает. Не сидит без дела, чем-нибудь да занята, а подрастет, никаких балов и кавалеров в помине нет. Только замет в углу, да облапает пьяный конюх. А как придет время отдадут ему эту девку в жены, не спрашивая на то ее желания, и рождается новый человек, такой же раб, с такой же судьбой. Вот и скажи мне барин: выходит у господ Бога нашего еще до рождения души поделены на господ и рабов? Ведь младенец-то рождается безгрешным, а на нем уже клеймо раба... Ты же барин умный человек, ученый, вот и расскажи мне дуре бабе, как же так получается... Почему одни рождаются господами, а другим быть рабами предназначено?

Ольга залпом выпила мадеру, закусывать не стала, только смотрела в темноту за окном, подперев рукой голову. На меня она не смотрела и, казалось, ответа не ожидала. А я и не

знал, что ответить ей. Вот ведь как случается иногда. Только собрался поплакаться ей в жилетку по случаю предательства друга и можно сказать невесты, а тут такая исповедь. Моя обида сразу обидой быть перестала. Всю правду о жизни своей она мне рассказала. Ведь я хотел, чтоб она мне посочувствовала. А чему тут сочувствовать? Нет, я понял насколько мелки и ничтожны мои обиды. Может своими рассуждениями она этого и добивалась? Я допил свою мадеру, закусывать тоже не стал, но что ей ответить... Я молчал. Ольга встала и пошла к себе.

– Погоди, душа моя, – сказал я, понимая, насколько фальшиво звучат мои слова. – Посиди еще немного.

– Воля ваша, барин, – ответила она, возвращаясь на место.

– Не знаю я, что тебе ответить, – сказал я. – Ну, не должно так быть, как ты говоришь. Но так есть и правдивы все твои слова. Не должен человек рождаться рабом и не должно рабов быть... Но вот есть. Уже пора освободить крестьян. И есть люди, которые это задумали...

– Крамола это, барин, – сказала Ольга, – я ведь не о том спрашивала.

– А как без крамолы? Добровольно-то никто от своего богатства не откажется. Крепостные денег стоят. Знаешь, небось?

– Как не знать, – усмехнулась Ольга.

– Придет время и на Сенатской площади в Санкт-Петербурге... Немного уже осталось времени. И будь я проклят,

если не выйду в двадцать пятом году на Сенатскую площадь...

– Непонятно вы говорите, барин, – удивленно сказала девушка.

– Иди, отдыхай Ольга, – сказал я и взял гитару.

Песня Городницкого подходила, как нельзя более кстати...

*«Там где каторжный труд, там, где лес не почат
В необъятной заснеженной шире,
Наши песни поют, наши цепи звенят,
Наши избы стоят по Сибири.»*

Много написано о декабристах в истории России. Много сложено хороших песен, есть даже фильм «Звезда пленительного счастья» и песня Окуджавы о кавалергардах... А я запомнил песню Городницкого и допел ее до конца. Лучше чем он сказал, и придумать невозможно, особенно поражает конец.

*Пусть запомнят потомки на все времена,
Добиваясь победы в сраженье,
Не всегда для свободы победа нужна.
Ей важнее порой поражение.»*

Я пел не громко и не заметил, когда в комнату вошла Оль-

га. Когда закончил петь, из глаз ее катились слезы. Она подошла ко мне, положила руки на голову и прошептала:

– Храни вас бог. Храни вас бог барин...

– Да не называй меня больше баринком, – раздраженно сказал я. – Хочешь, завтра сделаю тебе вольную...

– Нет, барин... Нет, Максим Петрович, не хочу, – испуганно сказала она.

– Почему?

– А куда я пойду? У меня же ничего нет. Кому я нужна?

– Так никуда не ходи. Оставайся при мне.

– Но это же неприлично ба... Максим Петрович. Вольная девица и отставной военный вместе живут... невенчаные...

– А сейчас прилично?

– Сейчас прилично. Я ваша крепостная, вы мне приказали, я послушаться не могу...

– Ну и дела... И что мне с тобой делать?

– Что хотите, то и делайте. Воля ваша...

– Ладно, иди к себе...

Разбередила душу. Вот ведь как все обернулось. Вот о чем надо писать, а не сказки про амазонок. Написать-то не проблема, да только ни одно издательство не опубликует, а меня отправят в Сибирь лес валить, на пять лет раньше, чем декабристов. Вылил я остатки мадеры в свой стакан и выпил единым махом. В голове уже шумело. Гитару я убрал на место и отправился на свою лежанку, обдумывая завтрашний визит в издательство. Оценка моего труда, меня больше не

интересовала. Собственно, я хотел просто получить гонорар за опубликованную часть, да посмотреть иллюстрации Варвары. Денег на путешествие в восточную Сибирь уже хватит.

А на моей постели сидела Ольга. Вот ведь, добился, чего вовсе не хотел. А может давно уже хотел? Ну да хотел, только раньше Полина у меня в невестах ходила, а теперь что? Это получается бери, что дают? Нет, не так. Ольга женщина порядочная, хоть и не дворянских кровей. Сделаю ей вольную, хочет она того или нет. Всем крепостным дать волю у меня не получится, я же не император, а одно крепостной вдове запросто.

Ночь у меня прошла в полном удовольствии и не я один его получил. Ольга тоже была удовлетворена, и это я точно знаю. Утром я проснулся один, завтрак и кувшин для умывания с теплой водой ждали меня. Печка топилась, и весело потрескивали дрова.

– Сейчас пойдем оформлять тебе вольную грамоту, – сказал я Ольге, а вечером я пойду в издательство, получу гонорар и отметим это событие.

– Зачем мне вольная, если душа подневольная, – усмехнулась она.

– Потом мы с тобой обвенчаемся...

– Эх, барин, Максим Петрович, – ответила она. – Это в вас вчерашняя мадера говорит.

– Нет, Ольга, это твои вчерашние слова откликнулись. Давай будем завтракать и пойдем в городскую управу.

– Больно скоро все у вас, Максим Петрович, вы еще с барышней Денисовой не общались, а уж со мной венчаться собрались.

– Ольга, ты это брось. Я ведь... Да не могу я тебе всего сейчас объяснить, только придется нам с тобой скоро отправиться в дальние края. Твоего согласия не спрашиваю, поскольку...

– Да согласна я. Пойду за вами, хоть к чертям в преисподнюю.

– Кстати, – хмыкнул я, – и в этом есть доля истины.

Вольную грамоту для Ольги я оформил, не такое уж это хлопотное дело оказалось. А вот второе дело, получение гонорара за вторую часть повести не удалось, к моему великому удивлению. В издательстве произошли необъяснимые метаморфозы. Марка я встретил сразу же, как вошел в помещение редакции. У него был вид очень озабоченного и куда-то спешащего человека.

– Привет, Максим, – скороговоркой начал он, протянув мне руку, – повесть прочитал. Пойдет. Зайди к директору, по поводу гонорара. Мне сегодня очень некогда, дел невпроворот.

Я едва успел пожать ему руку, как он исчез за дверями своего кабинета, закрыв за собой дверь. Вот это прием. Даже просителей так не принимают. Впрочем, я и есть проситель, гонорар пришел просить. Ладно, не буду этому шуст-

рику объяснять правила хорошего тона, пойду к директору, то бишь к Полине.

На втором этаже перед кабинетом я немного замешкался, стучать или не стучать. Этикет позволяет в служебный кабинет входить без стука, но ведь хозяйка кабинета дама... Да плевать, что я еще не видел в этих кабинетах.

Полина сидела за столом и вдумчиво изучала, лежащие перед ней бумаги. Она подняла голову, затем указала на стул в пяти шагах от ее стола. «Вот кого надо учить этикету», – мстительно подумал я.

– Садитесь, Максим Петрович, – спокойно сказала она. – У вас удивительная манера врываться в кабинет без стука.

– Правила этикета, Полина Ильинична, позволяют входить в служебный кабинет без стука в течение рабочего дня, – раздраженно ответил я. – А если вам угодно амурничать в рабочее время то извольте закрываться. И не вам меня учить правилам хорошего тона!

– Да как вы смеете в моем кабинете такое говорить!

Я сообразил, глядя на побагровевшую даму, что перегнул палку и добавил.

– Прошу извинить! Я зашел по поводу гонорара, за опубликованную часть своей повести...

– По поводу гонорара, Максим Петрович, могу сказать следующее, – успокоившись, ответила Полина. – Вы получите весь гонорар целиком, после того как выйдет из печати журнал с окончанием вашей повести. То что вы принесли

вчера, я прочитала и в следующем номере будет напечатано. Сейчас идите и пишите окончание. Желаю вам успеха. Надеюсь вам все понятно?

– Позвольте, сударыня, но мы договаривались не так.

– С кем вы договаривались?

– С Варварой...

– Варвара Денисова, художник в нашем издательстве, а директор теперь я. Вот что, Максим Петрович, вы ведь человек не бедный и вам есть на что жить, к тому же вы получили весьма немаленькую сумму за первую часть вашей повести, а издательство сейчас испытывает финансовые затруднения. Поймите это. И не сомневайтесь, деньги вы получите. Кстати, если у вас есть еще романсы для публикации, то за них мы готовы расплатиться авансом. Все поняли?

– Чего ж тут не понять. Будут романсы, будут и финансы, а пока пишите и денег не просите.

В этот момент открылась дверь и появился Марк.

– Полина Ильинична, надо ехать в типографию, там проблемы... Вопрос еще не решен? – сказал он, покосившись на меня.

– Решен, Марк Савельич, – сказала Полина и, повернувшись ко мне, добавила. – Вы можете идти, Максим Петрович. Помните, что я вам сказала. Романсы будут оплачены сразу.

Мне осталось только встать и выйти из кабинета. Очень хотелось послать эту сладкую парочку куда подальше, да вот

не люблю я незаконченности. Пойду дописывать повесть, тут я задний ход дать не могу. Есть у меня великая цель: не допустить продажи Аляски, и ради этого, если надо буду мелким бесом рассыпаться, в пояс кланяться и в дверь их служебных кабинетов входить постучавшись, дабы не застать голубчиков в интересных позициях.

Ну а теперь зайду к Варваре в мастерскую, может она зарядит меня положительными эмоциями. Ведь нуждаюсь я в них перед написанием последней части. Варвара даже не сразу заметила меня, слишком увлеченно работала акварелью. Но, увидев, заулыбалась, отложила краски, вытерла руки передником. Сразу видно, что человек рад меня видеть.

– Здравствуйте, Максим Петрович, давненько уж вас не видно было. Прочитала продолжение вашей повести, мне понравилось. Очень неплохо написано, я давно уже прониклась симпатией к вашим героям и героиням. Вот создаю эскизы для будущих иллюстраций.

– Ну, слава богу, – облегченно сказал я, – хоть один положительный отклик.

– Да? А Марку Савельичу тоже понравилось. Разве он не сказал вам? Полина-то, по-моему, не читала. Она вся с головой ушла в работу, даже по вечерам работает...

Я с трудом подавил смех.

– Это верно, – хмыкнул я, – наверное, и по ночам трудится не покладая...

– Максим Петрович! – строго сказала Варвара. – Не по-

вторяйте сплетни дворовых людей! Я понимаю, что вы удивлены произошедшими переменами вашей пассивности, но вы ведь не мальчик. Так бывает иногда. Общий труд объединяет людей и не надо осуждать их за это... К тому же у них цель выкупить издательство у моей матушки и они выжимают из него максимальную прибыль.

– А! Ну вот теперь все понятно стало, – с облегчением ответил я, – а то напустили туману: «у издательства трудное финансовое положение...» Кстати, как ваша матушка к этому относится?

– Она готова продать его. С небольшой прибылью, конечно. А зачем оно ей? Марка она недолюбливает. Она ведь для меня старалась, приобретая его. А сейчас видит, что мне это все не нужно, а из Марка какой жених? Он и редактор-то не очень... Пусть Елисеевы с ним нянчатся. А вы ведь, Максим Петрович, уезжать собрались из наших краев?

– Верно, собираюсь. Все всем уже известно, удивительное дело. Но до весны остаюсь здесь в Павловске.

– А куда собрались? Или это секрет?

– Нет, не секрет. Есть в восточной Сибири городок небольшой, Ельск называется. Дело у меня там очень важное. Вот теперь вы все знаете из первых рук.

– Не все знаю, конечно, – вздохнула Варвара, – но пусть бог поможет вам в вашем важном деле. Если надумаете вернуться, милости просим. Примем как дорогого гостя. Именные продавать будете?

– Нет, не буду. Управляющим я доволен, крепкий мужик и грамотный, пусть дальше ведет хозяйство. Возможно, вернуться придется. Кто знает, как дела пойдут...

– Это верно. Никому будущее не ведомо...

Тут, конечно, я мог бы поспорить, но лучше согласиться. Зачем пророчествовать? Поговорив еще немного о том и о сем, я отправился домой, с намерением завтра снова начать писать и, закончить, наконец, эту затянувшуюся повесть. Возвращаясь, я продолжал обдумывать сюжет. Собственно, даже не сюжет, а концовку. Вытягивать такой же объем, я не стану, надоели мне мои герои, да и Марк с его мадамой тоже, но конец повести должен быть эффектным. А как иначе? Ведь если конец будет смазан, то и вся повесть псу под хвост.

Ольга встретила меня накрытым столом. Посередине стояла бутылка мадеры, а вокруг разнообразные закуски, приготовленные ее руками. Вольную грамоту получила женщина, и это полагалось отметить. Она принарядилась, ведь теперь начиналась совсем другая жизнь. Мне полагалось сказать речь. Ничего заранее не обдумывая, я наполнил бокалы и начал говорить.

– Ольга! Теперь твоя жизнь вступила в новую фазу. Ты перестала быть рабой и мои приказы отныне для тебя необязательны. С этого момента я не твой барин, у тебя теперь барина нет и быть не может, а ты можешь называть меня Максим Петрович или просто Максим. Но я продолжаю нести

ответственность за твою судьбу. Давай выпьем за то, чтоб она у тебя сложилась самым лучшим образом.

Она внимательно и серьезно слушала меня, но никакой радости на ее лице не отражалось. Скорее даже оно было печальным.

– И как теперь мне дальше быть, – напряженно спросила она.

– Мы же давеча договаривались, что ты отправишься со мной в дальние края, а чтоб все было по закону, мы с тобой обвенчаемся. Ты Ольга не робей, я обучу тебя всему, что в этой жизни тебе понадобится и через год, другой ты станешь важной дамой, будешь беседовать о литературе и живописи с Денисовыми и Елисеевыми на равных, если мы, конечно, встретимся с ними.

Ольга заулыбалась, едва ли она верила в то, что станет важной дамой, но эта мысль, высказанная мной, была ей приятна. А ведь первый шаг сделан. Если серьезно взяться за ее обучение, то можно добиться многого. Она ведь женщина не ленивая и молодая... Так, я что-то замечтался. Все зависит от того, куда мы с ней попадем. Если провалимся еще глубже в прошлое, то она станет моим учителем. А если попадем в мое время, то отправлю ее в школу рабочей молодежи. Только на что мы будем там жить? Да и где? Нет, обратно нельзя. Тут я помещик, а там никто... Вот загвоздка. Ладно, время еще есть на размышления. Хотя, что тут размышлять, буду промышлять контрабандой между мирами. Опыт-то кое-ка-

кой уже есть.

Проснувшись поутру и не ощутив похмелья после вчерашнего, я собрался взяться за работу. Все-таки качество закуски во время банкета играет не последнюю роль. Ольга постаралась. Она и сейчас старается, от всяких бытовых проблем я избавлен.

Вьюга над полями (окончание)

А фрегат «Таврия», покинув берега Кореи, пересек тридцатую параллель и направлялся в Южно-Китайское море, чтоб пересечь экватор и выйти в Индийский океан. Длинный был путь для парусника, где скорость зависела от ветров. Но не столько даже от ветра, сколько от умения моряков управлять парусами. А это почти искусство.

Морские офицеры несли вахту, матросы лазали по снастям парусного вооружения, выполняя команды вахтенных офицеров. Абордажная команда и комендоры орудий выполняли свои регламентные работы. А у нашей команды работ не было, а погода становилась жарче день ото дня. Но капитан присоветовал девицам реже показываться на палубе в дневное время, дабы своим завлекательным видом не провозгласить команду, которая еще долго не попадет в порт. Поэтому наши барышни бегали по палубе в темное время суток, а оно становилось все короче.

– А что, Александр Семенович, – сказал полковник, по-

завившись возле капитана, который в подзорную трубу осматривал горизонт, – если вдруг увидим француза? Нападём? Война ведь...

– У меня нет приказа вести боевые действия, Михаил Юрьевич, – ответил капитан. – Если только они первые нападут...

– А если увидим торговое судно? Неужели упустим трофей?

– Скажите-ка, Михаил Юрьевич, – усмехнулся капитан, – а вот вы во время войны нападаете на гражданских, отбираете их имущество?

– Упаси бог. Это же мародерство.

– Что ж вы мне тогда советуете?

– Но ведь досмотреть надо. Вдруг оружие везут?

– До России тысячи километров, не забывайте, где мы находимся. Пусть везут, что хотят и куда хотят. Вот если военный корабль, – другое дело.

– А если эскадра?

– С эскадрой нам не справиться. Да откуда здесь взяться эскадре! Ее разве что в Атлантике встретим, впрочем, это маловероятно. Наполеон на суше воюет, нет у французов адмирала Нельсона. Вчера мимо нас прошел американец, сегодня англичанина видели. Едва ли тут мы французов встретим, разве что когда Африку будем огибать, а до этого еще ого сколько...

Капитан, тем не менее, напряженно взглядывался в гори-

зонт. Вскоре донеслась отдаленная пушечная пальба.

– Ну вот, – напряженно сказал капитан, – помяни черта, а он тут как тут.

Полковник возле него переминался с ноги на ногу, но невооруженным глазом на горизонте ничего пока не мог разглядеть.

– Француз на горизонте, – продолжил он. – Удирает от кого-то... Похоже напали на него... Точно. Пиратский фрегат, под черным флагом преследует французского купца...

– Поможем?

– Кому? – усмехнулся капитан.

– Пиратам, конечно, – не задумываясь, ответил полковник.

– Еще чего! – разозлился капитан. – Чтоб я под Андреевским флагом присоединился к пиратам! За кого вы меня принимаете!

– Мимо пройдем? – смущенно спросил полковник.

– Пираты напали на гражданское судно, – хмуро ответил капитан. – Как я могу пройти мимо?

– У нас война с Францией, – удивленно сказал полковник.

– Война с Наполеоном, но не с французами, – задумчиво ответил капитан, и вдруг скомандовал, – дежурного офицера ко мне. Боевая тревога! Командира абордажной группы на мостик!

Затем капитан повернулся к полковнику.

– Возвращайтесь в каюту, Михаил Юрьевич, и не выпус-

кайте ваших на палубу. Сейчас тут будет жарко!

Полковник быстро отправился к себе. Не смотря на явную противоречивость ситуации, в душе он одобрил решение капитана. Сначала надо разделаться с пиратами, а потом заняться французом.

Пираты, увидев, неожиданно появившийся русский фрегат, не обрадовались, поняв, что русские могут отнять у них добычу. Зато обрадовались французы. Ведь если сейчас пираты сцепятся с русским военным фрегатом, есть все шансы ускользнуть от тех и других. Но их радость была преждевременна: русский фрегат был далеко, а пираты рядом. Вскоре на борт французского корабля полетели абордажные крючья, а вслед за ними, визжа и улюлюкая, посыпалась абордажная команда. Француз был захвачен быстро, но и русский фрегат подошел на расстояние пушечного выстрела.

Капитан пиратов был третий калач и оба сцепленных корабля поставил так, что русские пушки могли крушить только французский борт, а пираты, приготовив стрелковое оружие расположились на французском корабле. Было их явно больше чем, абордажная команда русских, и положение выгодное. Из пушек их корабль не достать, а француза не жалко. К тому же есть неплохой шанс захватить и русский фрегат, если те вдруг кинутся в абордажный бой. Когда маячит такой куш, пираты дерутся отчаянно, а зная, что у них и численный перевес и выигрышная позиция, явно

сдаваться не будут.

Ветер был слабый, но русский фрегат неуклонно приближался к пирату и захваченному им французу. Уже можно было пускать в ход мушкеты, но пираты не стреляли, давая русским уйти с места событий без боя, который им совершенно не нужен. Ведь грабят их врага... Капитан русского корабля лихорадочно искал приемлемое решение. Если ударить из пушек по французу, то из-за него тотчас выйдет пират и ударит в ответ. В результате пират будет в выигрыше. Если выбросить на французский борт абордажную команду, то французы, явно помогать не будут. В лучшем случае попрячутся. А зачем им помогать кораблю враждебной страны. И что делать? Либо вступить в бой в заведомо невыгодной позиции с превосходящим по численности противником, либо пройти мимо, как ни в чем не бывало. Капитан уже склонялся ко второму решению...

Полковник вернулся к своим. Естественно он не стал выполнять приказание капитана. Если будет абордажный бой, разве могут боевые офицеры прятаться в каютах? А амазонок он уже не застал. Услышав голос командира абордажников, они мгновенно облачились в черную форму амазонок, схватили оружие и выбежали на палубу. Правда форма их имела вид уже не тот, что год назад. В лохмотья еще не превратилась, но была сильно потрепана и выгорела на солнце. Зато пистолеты были как новые, и сверкали на солнце хищно изогнутые клинки. Холодное оружие ама-

зонок было длиннее кортика, принятого в абордажной команде, но короче сабли, которая тоже была на вооружении. Около сотни бойцов готовились к бою, рассредоточившись на палубе и по правому борту корабля. Сближение продолжалось.

– Капитан пиратов на мостике французца, – сказал лейтенант, командир абордажников. – Если его снять – половина дела будет сделано. Без капитана эти ребята превращаются в неуправляемую толпу.

– Далеко, – сказал, стоящий возле него, боец, – не попасть с такого расстояния.

– Дай-ка мне, – вдруг послышался женский голос.

Девушка в замурзанном комбинезоне и черной косынкой на голове, взяла у ошалевшего солдата ружье и почти не целясь выстрелила в сторону французского корабля. Пирата, стоявшего там, словно невидимая сила сошвырнула вниз. Тотчас загрохотали выстрелы со стороны пиратов и с русского корабля.

– На абордаж! – крикнул капитан русского фрегата.

Теперь ничего другого не оставалось, и на борт французца полетели абордажные крючья. Кто выстрелил первым, Александр Семенович не заметил, но про себя решил, что стрелка непременно найдет после боя. Награждать его или наказывать, потом определяю, но найти непременно надо. А стрелком была Валерия, которая уже разрядила два своих пистолета и готовилась прыгнуть на борт французца. Ее по-

други находились в нескольких шагах в рядах моряков, готовых к прыжку. Олег был рядом со своей пассией, полковник оказался неподалеку от Фаины, а Андрей старался встать впереди Лилии, но у него не получалось. Елена и Михаил, не сговариваясь, стояли рядом плечо к плечу. Шли последние секунды перед рукопашной схваткой.

Русское судно было выше француза и это давало серьезное преимущество, поскольку после удара бортами наши абордажники прыгали вниз, а пиратам прыгать вверх несподручно. Да они и не помышляли. Военные моряки с их выучкой быстро ополовинили первые ряды пиратского воинства.

Солдат, у которого Валерия «одолжила» ружье, прыгнул вслед на ней размахивая саблей, намереваясь подстрелить отважную девицу. Перед Валерией оказалось сразу два противника с кривыми длинными ножами. Но одного она сразу отбросила ударом ноги в голову и, уклонившись от ножа второго, чиркнула ему по шее своим клинком и бросилась вперед к капитанскому мостику. Полковник оказался не столь разворотлив и рубился у самого борта, но его «опекала» Фаина и за судьбу командира можно было не опасаться. Елена с кавалергардом работали в паре, и это у них здорово получалось, они продвигались к корме, Лилия и Андрей двигались к противоположному борту вместе с большой группой абордажников.

Не прошло и десяти минут, как пираты не выдержали, и

их воинство просто побежало, резво запрыгивая на свой корабль. Командир пиратов быстро раскусил расклад и поменял тактику боя. Как видно опыта ему было не занимать. Еще до того, как все его абордажники вернулись на свой корабль, он приказал рубить концы, и, оставив абордажные крючья в борту французского брига, пират стал быстро отходить от его борта.

Ситуация быстро менялась, теперь пират мог обойти сцепленный с французом русский фрегат, который превращался в неподвижную мишень, и начать обстрел из пушек. Но наш капитан, конечно, этого допустить не мог и тоже приказал рубить концы, оставив абордажную команду на борту француза. Еще через полчаса оба фрегата, пират и «Таврия» начали артиллерийскую дуэль, отойдя от француза на небольшое расстояние. Ядра пролетали близко, но ни одно из них не попало в несчастный корабль, который теперь оказался в руках русского десанта. Оставшиеся пираты успели спустить шлюпку и теперь улепетывали на веслах в направлении своего корабля.

Бой был коротким, но жертв было много, в основном среди пиратов. Все же разница в высоте борта и выучка русской абордажной команды два серьезных преимущества. Наша группа отделалась царапинами. Правда ножжевая царапина оставляет след на всю жизнь, и если для мужчин это украшение, то для женщин совсем наоборот. Не уродство конечно, но пятно на репутации. Вот и сейчас Елена с

ужасом смотрела на свою окровавленную лодыжку, по которой прошелся пиратский клинок. Лилия, разрезав ее штанину, накладывала повязку, но уже было видно, что придется сшивать. У полковника было рассечено лицо, но тут швы не понадобятся, а о своей внешности тот не заботился. Рань остальных наших бойцов внимания не заслуживали.

На ногах оставалось около полусотни десантников, французских матросов было гораздо больше, но они прятались в трюмах, не участвуя в баталии. Да и как им участвовать? На чью сторону ни стань, все равно мимо. Тем не менее, их капитан уже стоял на мостике и беседовал с командиром наших абордажников.

Теперь все зависело от того, на чью сторону станет команда французского корабля, матросов на бриге было втрое больше, чем российских десантников. Однако, воевать с русским десантом, чтоб в итоге оказаться в плену у пиратов, французы не хотели. Они хотели, чтоб их оставили в покое и те и другие, и об этом говорил французский капитан, нашему лейтенанту, который командовал десантом.

Наконец, командир пиратского судна принял единственно верное решение и стал быстро удаляться в сторону азиатского материка, оставив русским захваченное, но не разграбленное судно. Капитан российского фрегата, грабить француза не собирался, ведь не военное судно и не нападало ни на кого. Поэтому абордажная команда покинула бриг, получив в качестве подарка двадцать бочонков французской

мадеры.

Полковник не стал проводить среди своего воинства разбор абордажной атаки, поскольку этот инцидент не имел никакого отношения к их заданию, больше того: капитан фрегата даже запретил им участвовать в этой схватке. Амазонки в своих каютах зализывали раны, а офицеры, приведя себя в порядок, принесли в свою каюту, ведро мадеры, и отмечали победу в этом морском сражении.

А вот капитан фрегата «Таврия» анализ боевого столкновения провел. Да и как не провести? Потери были в абордажной команде. Несравнимые, конечно, с потерями пиратов, но ведь были. И сама ситуация неприятная донельзя. Спасли от пиратов судно враждебной страны.

– Александр Семенович, – сказал лейтенант Перовский, командир абордажников, – Наполеон уже ушел из России и война с ним идет на просторах Европы. Не сегодня, завтра с ним будет покончено и Франция снова будет дружественной страной. Я разговаривал с капитаном французского барка, он говорит, что вот – вот будет восстановлена монархия. Так что мы поступили правильно, спасая французов от пиратского разбоя.

– Ваши бы слова, да богу в уши, – ответил капитан. – Теперь скажите-ка мне лейтенант, кто из твоих молодцов сделал первый выстрел. Не скрою, меткий выстрел и заслуживает награды, но ведь команды к нападению не было, а это нарушение дисциплины. А может это вы дали команду,

лейтенант?

– Я команды не давал, но говорил своему стрелку, что если снять капитана пиратов, то бой можно выиграть с меньшими потерями...

– Стрелок воспринял это как приказ к действию? Вызови-ка его сюда.

– Стрелял не он, а одна из тех девиц, которые влились в мою группу и участвовали в абордажной атаке. Эти четыре фурии произвели настоящее опустошение в неприятельских рядах. Только благодаря им, наши потери не столь велики. Кстати вы сами, Александр Семенович, еще в Новоархангельске, приняли их в абордажную команду. Я могу найти эту девицу и доставить ее к вам, если вы прикажете, но наказывать ее... извольте сами.

– Найдите ее и отправьте ко мне, – сказал капитан.

Чтоб найти стрелка – девицу, лейтенант приказал абордажной команде собраться на палубе. Амазонки, разумеется, тоже выполнили команду. Лейтенант опознал Валерию без особого труда, трудно забыть такую красотку. Объявив команде благодарность, он попросил Валерию зайти в каюту капитана, не приказал, а просто предложил. Его можно понять, не привык он дамам раздавать команды. Никого это не удивило, и Валерия немедленно отправилась к Александру Семеновичу, не задумываясь о причинах вызова. Она даже обрадовалась, потому что нравился он ей как мужчина. Однако на пороге каюты она критически осмот-

рела свой наряд. «Нет! Так не пойдет!» – решила она. Быстро вернувшись в свою каюту, она поменяла форму амазонки на женское платье, купленное в корейском порту и еще ни разу не надеванное. Приведя в нужное состояние прическу, и водрузив на голову шляпку, она отправилась к капитану.

Все это не заняло много времени, но капитан остолбенел, увидев ее.

– Господин капитан, – выпалила она, – Валерия Кистенева прибыла по вашему приказанию.

– Но я не приказывал... – начал капитан и споткнулся на полуслове, – Хм... Садитесь, сударыня...

Капитан замолчал, и, явно пребывая в растерянности. «И так ситуация глупая, вступили в бой на стороне неприятеля, так теперь еще и наказать некого, – думал он. – Ну не эту же наказывать!» А девица была хороша, чудо как хороша. Он уже вспомнил, как появились на корабле амазонки, видел их стрельбу, Валерию тоже вспомнил.

– Ну, что же вы, капитан? В бою вы были решительны и быстро принимали решения, а сейчас молчите... Я знаю, что виновата, начала стрелять раньше, чем вы отдали команду, и готова понести наказание.

– И что мне с вами делать? – задумчиво протянул капитан.

– Можете повесить на рее в назидание другим, – улыбаясь, сказала Валерия.

– Ага! Это верный способ поднять бунт на корабле. Все

абордажники во главе с лейтенантом вступятся за вас, да и ваши друзья...

– Ну тогда не знаю... А какие еще бывают наказания для провинившихся?

– Лишить увольнения на берег...

– Это слишком жестоко. Неужели вы будете так жестоки, Александр Семенович?

Девушка смотрела на капитана своим небесно-голубым взглядом, слегка выпятив нижнюю губу, и глаза ее начали наполняться влагой. Капитан смотрел на нее в каком-то оцепенении.

– Идите к себе в каюту, Валерия. С этого дня вы больше не в абордажной команде и в случае боевых действий, будете неотлучно находиться при мне для выполнения особых поручений. Вам все понятно?

– Да, мой капитан!

– В Российском флоте принято обращаться по имени отчеству.

– Да, Александр Семенович!

– Идите, Валерия.

Девушка ушла в свою каюту, беседа с капитаном ей понравилась.

В это время офицеры, уже изрядно загрузившись мадерой, обсуждали детали боя.

– Я совершенно не представлял, что наши девушки так хо-

рошо владеют кортиком, – говорил мичман. – Если бы их было не четверо, а четыре десятка, то захватили бы пирата без потерь...

– Ну, а мы с Олегом уже могли в этом убедиться, – ответил полковник. – А знаете, кто на самом деле победил в этом морском сражении?

– Конечно, знаем, – ответил мичман. – Мы победили.

– На самом деле, – продолжил полковник, – победили французы. Они не потеряли ни одного человека, и на их бриг не упало ни одно ядро. Их судно почти не пострадало, а двадцать бочонков мадеры, – это мелочь, о которой даже не стоит говорить.

– А ведь вы правы, Михаил Юрьевич, – сказал кавалергард. – А за этот бой нашему капитану грозит нагоняй.

– Интересно, – сказал Олег, – а вы бы как поступили на месте капитана?

– Не знаю, как бы я поступил, – ответил кавалергард, – но точно знаю, что очень не хотел бы быть на его месте.

– Вы правы, – заметил полковник. – Очень глупая ситуация. Лично я не собираюсь распространяться об этом инциденте в столице, да и вам не советую.

В это время Валерия вошла в свою каюту.

– Ну как? Обошлось? – спросила Фаина.

– Ага! – весело ответила Лера. – Поначалу хотел повесить на рее в назидание остальным, но потом передумал и сделал меня своим ординарцем. В следующем сражении

должна находиться рядом с ним и выполнять специальные поручения.

– А когда назначено следующее сражение? – усмехнулась Фаина.

– Я думаю, он меня уведомит, – с мечтательной улыбкой ответила Валерия.

Снова потекли однообразные корабельные будни. Фрегат пересек экватор и устремился к восточному побережью Африки, чтоб сделать короткую стоянку у острова Мадагаскар и обогнуть с юга африканский материк.

Стоянка в порту острова была короткой. Нужно было запастись продовольствием и пресной водой. В порту стоял английский корвет, французский бриг, Испанский фрегат и еще несколько судов, помельче, из разных стран. На острове французская речь преобладала, но в порту был полный интернационал. На русский фрегат местные власти поглядывали настороженно, но препятствий к затариванию продовольствием и водой не чинили.

Лилию и Елену на берегу сопровождали полковник и кавалергард. Лилия снова определилась к полковнику в «жены», почему-то она упорно не хотела становиться дочерью. Возможно потому, что сразу находились женихи, и начиналось сватовство. А Елена просто находилась при кавалере и никто никаких вопросов не задавал. Экзотическая природа острова и чернокожее население были в диковинку. А уж

пестрота нарядов женицин, причем весьма легкомысленных, вызывала зависть. Лилия завидовала местным красоткам, которые могут так нарядиться и не страдать от жары, при этом, не оскорбляя ничьих нравственных чувств. Нашим дамам приходилось носить длиннополые платья. Ведь показаться в порту в матросской робе было верхом неприличия, а их наряды амазонок после абордажного боя пришли в такое состояние, что надеть их уже не представлялось возможным. Шить-то наши девицы не умели. Так, зашить кое-что могли, а шить, нет. Не учили их этому искусству в монастыре.

Навестив торговые ряды, наши дамы кое-какие наряды приобрели, как же без этого. Вернувшись с прогулки по городу, они продемонстрировали подругам свои покупки и рассказали о местной экзотике.

На другой день отправились Валерия с Фаиной в сопровождении мичмана и гусара. Они решили не отставать от подруг и тоже купили себе короткие цветастые юбочки и безрукавки столь же короткие не закрывавшие даже живот. Вот тут-то на торговой площади они и увидели танец живота в исполнении местных черных красавиц. Посреди площади был небольшой подиум, по краям которого сидели черные мужчины и били в барабаны, а на самом подиуме в такт барабанам резвились две девицы. Они выгибались, кружились, задирали ноги. Юбки их пузырились, почти открывая на обозрение то, что должно быть скрыто, от

постороннего взгляда. Впрочем, в каждой стране свои законы. Как говорить в чужой монастырь со своим уставом не лезь. Вот и здесь это зрелище никакого осуждения не вызывало. Наоборот. Толпившиеся вокруг подиума моряки и другой люд, вопили от восторга, и это еще больше заводило танцующих девиц.

Какой-то рослый рыжий матрос, мешая французские слова с английскими, выразился вполне определенно.

– Я бы одну такую черную чертовку не поменял на трех белых.

При этом он недвусмысленно мотнул головой в сторону Валерии с Фаиной. Такого наши девицы снести не могли.

– Вот это сейчас мы *a la montre*, – сказала Фаина и потянула за рукав свою подругу.

Они забежали в стоящий рядом шатер, где уже отдыхали сбежавшие с подиума черные артистки. Буквально, через несколько минут и шатра на подиум выскочили две белые девицы в таких же цветастых коротких юбочках. Они кивнули, оторопевшим поначалу, барабанищикам и те ударили в свои тамтамы. В руках у девиц моментально возникли длинные ножи, и они хищно закружили по подиуму, имитируя поединок. Они нападали, отскакивали, при этом крутили сальто, перекачивались. Ножи мелькали в их руках, с невероятной быстротой менялись позиции, а черные барабанистики наращивали темп.

Вокруг подиума стала уплотняться толпа. Не все зрите-

ли поняли, что идет лишь имитация поединка, большинство решили, что девицы дерутся всерьез, очевидно, не поделив кавалера. Гремели барабаны, но из толпы не доносилось ни звука, все следили за девицами, ожидая развязки. Хотя обе демонстрировали чудеса ловкости и умения, но ведь вечно это продолжаться не могло. Внезапно девицы остановились и замерли. Ножки исчезли в ножнах, которые скрывались в юбках. Барабанистики тоже замерли. Тут взревела толпа. Сейчас все поняли, что им показывали представление, и все жаждали продолжения.

Девицы их не разочаровали. Они снова кивнули барабанищикам и начали синхронный танец. Теперь под мерные звуки тамтамов они выполняли танцевальные движения совершенно синхронно. Барабанистики обладали удивительным чувством ритма, представление продолжалось несколько минут. Затем они что-то крикнули и барабаны смолкли, а танцорки под рев толпы исчезли в шатре, откуда довольно быстро появились две дамы в обычных европейских одеждах, но несколько запыхавшиеся и раскрасневшиеся.

Кавалеры тотчас их подхватили и потащили вон из толпы. Все это происходило быстро, и окружающий народ не сразу сообразил, что дальнейшего продолжения не будет. Впрочем, продолжение было. На помост снова выскочили две негротянки и под грохот тамтамов начали танец. Но наши амазонки со своими кавалерами досматривать представление не стали, только Валерия еще долго крутила

головой, высматривая того рыжего матроса, который и спровоцировал выступление наших девиц.

– Ну как вам, наше выступление? – не удержалась от вопроса Фаина, искоса поглядывая на мичмана.

– Просто замечательно! – ответил вместо мичмана Олег. – Впрочем, вы великолепны, как всегда. Ведь мне уже доводилось видеть нечто подобное в вашем исполнении. А эти наряды на вас смотрелись просто бесподобно. Только надевать их на корабле не советую. А то матросы попадают с рей...

– Ха! – воскликнула Валерия, – мы в любых нарядах можем это изобразить.

– Где же тот рыжий матрос? – озиралась Фаина.

– Зачем он вам? Чернокожих танцорок вы обставили, – ответил мичман. – Нам пора на корабль, пока вас не увели в местный театр...

Во время этой короткой стоянки через английских моряков дошли вести о России. Русская армия ведет войну с Бонапартом уже на просторах Европы, за пределами Российского государства, а в самой Франции появились роялисты, которые хотят видеть на французском престоле очередного Людовика, вместо воинственного Бонапарта. Одним словом, после похода Наполеона на Россию, его империя начала трещать по швам и вот – вот отдаст богу душу. Эти сведения порадовали всех, особенно капитана, который все еще

не знал, как воспримут в столице его поступок с французским бригаом.

Снова потекли корабельные будни, когда экипажу корабля занятому установкой парусов, вахтами и регламентными работами скучать было некогда, чего не скажешь о пассажирах. Изнуряющая жара в экваториальных водах Атлантики заставила эсеницин обрядиться в наряды мадагаскарских красоток, и за это полковник получил множество нареканий от капитана фрегата.

Но, рано или поздно любому путешествию приходит конец. Вот и фрегат «Таврия» пересек пятидесятую параллель входя в Балтийское море. Холодная осенняя погода заставила эсеницин облачиться в теплую женскую одежду, а вовсе не укоризненные высказывания капитана и увещевания полковника. В настроении амазонок тоже произошли изменения. Возможно, это было связано с ожиданием долгожданного возвращения на родину, ведь на родине даже преступники казались родными и не столь кровожадными, как американские индейцы. А может барышни просто повзрели и пришла пора задуматься о будущем.

– Вы, господин кавалергард, – сказала, однажды, Елена своему постоянному кавалеру, – более не должны ко мне приближаться даже на расстояние пушечного выстрела. Поскольку, мне стало известно, что вы женаты. А я девица на выданьи и, отнюдь не бедная.

– Я вас понял, сударыня, – ответил Михаил. – Исполнить

буквально ваше пожелание, увы, невозможно, поскольку вокруг только море. Но аллегорияю я понимаю и не стану вам докучать более необходимого до завершения нашей миссии.

А Лилия объяснилась с полковником в таком ключе, которого он никак ожидать не мог.

– Господин полковник, – совершенно спокойно сказала она, глядя ему в глаза, – а не кажется ли вам, что нам пора уже сходить к корабельному священнику и провести обряд венчания. Мы слишком долго были мужем и женой понарошку, а это накладывает некоторые обязательства. Или вы так не считаете, Михаил Юрьевич? Согласитесь, что в Санкт-Петербурге молва распространится быстро и мне будет весьма затруднительно восстановить свою репутацию.

– Да-с, сударыня, – задумчиво ответил полковник. – Чего угодно ожидал от вас, только не этого. Впрочем, если вас не страшит разница в возрасте, извольте, я готов. Только зачем так спешить, осталось меньше недели, и мы будем в столице, где сыграем свадьбу, как того требуют обычаи.

– Я согласна, Михаил Юрьевич, стать вашей женой и согласна венчаться на берегу, – с легким оттенком усмешки, ответила Лилия.

Мичман уже давно получил у нее отставку и ходил мрачный и раздраженный. Фаина нашла себе кавалера среди офицеров экипажа, в открытую крутила с ним роман и тут дело, похоже, шло к свадьбе. А вот Валерия, хоть и

оказывала знаки внимания капитану, но и о своем гусаре не забывала. Впрочем, в разговорах с подругами она утверждала, что замуж совсем не торопится и готова продолжать служить родине на военном поприще или на гражданской службе.

Наконец настал день, когда фрегат бросил якоря на рейде Кронштадта. Амазонки отправились в свой особняк, откуда отправились на задание более двух лет назад. Полковник отчитался у его превосходительства о проделанной работе. Главным в его отчете был, конечно, золотой прииск на Аляске и образцы золота с него. Группа амазонок за образцовое выполнение задания тоже получила вознаграждение. Правда, эта награда не шла ни в какое сравнение с тем богатством, которое они привезли с прииска. Но государственные награды имеют не только материальную ценность.

А страна в это время, избавившись от Наполеоновского нашествия, восстанавливала Москву и другие разрушенные города. Европа продолжала воню с Францией и с ее Бонапартом уже на своих территориях. На этом мы оставим отважных девушек в их особняке Санкт-Петербурга, и не будем загадывать, как сложится их дальнейшая судьба.

Конец.

Ну вот, закончил я свой труд. Мое обещание Марку выполнено. Объем для повести вполне достаточный. Я, конечно, планировал написать больше, но почему-то надоели мне эти амазонки. Даже хотелось изобразить потопление фрегата в героическом сражении, да жалко стало. Ведь они-то не виноваты, что Марк мне подянку устроил и с Полиной, и с гонораром. Мне, честно говоря, по большому счету, наплевать на это, но все равно противно. Я свое обещание ему выполнил, а он и не обещал мне ничего, так что обижаться вообще глупо.

На дворе март уже, пора нести в издательство окончание повести, только идти очень не хочется. Может Ольгу послать? Да нет, нельзя. Окончание повести скомкано, объем меньше заявленного и значительно, придется самому объясняться. Марк, небось, уже издательство выкупил, Варвару домой отправил и процветает, как подсолнух на помойке.

Ну, вот зачем, такие сравнения лезут в голову? Понимаю ведь, что не ангелочек он, но и не опереточный злодей. Главное, что повесть будет напечатана. У меня же другая цель: чтоб Аляску не продали через пятьдесят лет, а для этого должны прочитать эту повесть и поковыряться в земле этой, пока еще российской. Повесть-то ведь фантастической не выглядит, нет в ней инопланетян, чертей, ведьм и колдунов. Амазонки, правда, выдумка чистой воды, но ведь такое возможно... По непроверенным данным в монастырях Тибета

есть монахи, которые владеют искусством рукопашного боя, впрочем это никто не подтвердил, кроме американских киношников, а им верить... Ну да ладно. Может мне поверят или хотя бы проверят, насчет золота...

Сзади подошла Ольга. За последний месяц наши отношения изменились кардинально. Она перестала смотреть на меня, как на господина и чувствовала себя гораздо увереннее. Кроме того она в полной мере освоила грамматику и довольно бегло читала книги, которые я иногда покупал. Считать-то она и раньше умела, некоторые приемы (умножение и деление) я ей показал. Для жизни этого хватит. Логарифмы и тригонометрию оставим на потом, если у нас сложится это «потом».

– Скажу тебе прямо, Максим Петрович, – сказала она, – начало твоей повести гораздо интереснее, чем конец. Боюсь, не понравится Марку Савельичу последняя часть.

– И я скажу тебе прямо, – душа моя, – мне и самому последняя часть не нравится. А Марк перебьется. Я свое обещание выполнил... Ну пойми, Ольга, надоели мне уже эти амазонки и не знаю я что для них дальше придумать. Ты ведь, небось, сама заметила, что приключения начали повторяться.

– Заметила. Но все равно, начало было интереснее...

– Может их утопить вместе с кораблем? Еще не поздно...

– Ну, нет!

– Тогда завтра с утра отнесу в редакцию. Заодно, может,

гонорар выхмурю.

– Это едва ли. Марк Савельич уже выкупил издательство у Денисовых и денег у него нет, не смотря на большую прибыль от изданных журналов.

– Послушай, душа моя, может, ты еще чего-нибудь знаешь? Давай рассказывай. А то я на прошлом визите попал как кур в ощип.

– Так все там нормально между Полиной Ильиничной и Марком Савельичем. Правда, давеча скандал вышел, когда Полина Ильинична Варвару Денисову уволила. Марк Савельич долго кричал, что теперь придется художника оформителя нанимать, а он даром, как Варвара, работать не будет...

– Это точно! – подтвердил я. – Погорячилась Полина.

– Я тоже так думаю, – продолжила Ольга. – Без тебя, Максим Петрович и без Варвары дела в гору не пойдут.

– Ну, это еще не факт. Марк калач тертый, второй раз в ту же яму не угодит.

На следующее утро я отправился в редакцию. На гонорар я уже не надеялся, и потому угрызений совести за последнюю часть повести не испытывал. В издательство вошел, стараясь произвести как можно больше шума, чтоб снова не нарваться на неловкий момент. В дверь кабинета главного редактора постучал, и заходить не торопился. Марк тотчас изнутри распахнул дверь, словно ожидал меня. Он излучал само радушие, схватил меня за руку и повел к креслу перед

столом, словно дорогого гостя.

– Заходи, Максим, – радостно, даже, пожалуй, слишком радостно, заговорил он. – Для друзей мои двери всегда открыты. Не ждал тебя так рано. Давай свой шедевр.

Он схватил протянутую мной рукопись и бегло пролистал ее.

– Почему так мало? – удивленно сказал он. – Впрочем, понимаю. Злишься на меня? Знаю, злишься. Грешен, куда деваться. Да-с, но ведь жизнь такая... Гонорар не заплатил, невесту увел. А скажи Макс, зачем тебе такая невеста, которую столь легко увести? А гонорар тебе зачем? Ты ведь не бедствуешь, а вот признание читателей у тебя никто не отнимет и не уведет.

Марк сел рядом и как-то доверительно взял меня за руку.

– Времена, Макс, пока трудные, еле концы с концами сводим, зато издательство теперь мое. А если мы с тобой продолжим сотрудничество, то таких дел можем наворотить, и посыплются на нас денежки золотым дождем... Не веришь мне?

Я неопределенно пожал плечами.

– Вижу, что не веришь. Вижу, что бросаешь меня. Может ты и прав... А может и нет! Ведь я уже выбрался из такой ямы! А теперь осталось совсем немного. Мне бы сотрудника толкового...

– В чем проблема, – спокойно заметил я, – у тебя Варвара есть, да и Полина...

Марк скривился, как от зубной боли.

– Не делай вид, будто ты не знаешь про Варвару. Ладно, Макс, иди сейчас к Полине, решите вопрос с гонораром, потом возвращайся ко мне.

Я поднялся на второй этаж и оказался перед дверью с новенькой табличкой «Директор. Полина Ильинична Елисеева». Постучал и снова не стал входить, пока не услышал с той стороны разрешения войти. Полина сидела в кресле с видом равнодушным, даже несколько высокомерным.

– Садитесь, Максим Петрович, – сказала она. – Насколько я понимаю, вы принесли окончание повести, и намерены получить причитающийся вам гонорар.

– Намерен, – лаконично ответил я, с интересом ожидая продолжения.

– Я подготовила вексель, поскольку наличных сейчас нет, и не скоро будут. Кроме того я намерена предложить вам продолжить сотрудничество. Ведь Марк Савельич ваш друг...

Она замолчала, а я промурлыкал песенку:

Если друг оказался вдруг,

И не друг, и не враг, а так...

– Я так понимаю, что оформлять договор о дальнейшем сотрудничестве вы не намерены.

– Вы правильно понимаете.

– В таком случае забирайте вексель и зайдите, пожалуйста, еще раз в кабинет Марка Савельича.

Я забрал вексель и вышел из кабинета. Почему-то разговор оставил неприятный осадок, хотя чего я ожидал? Однако когда я взглянул на сумму указанную в векселе, то осадок стал превращаться в злость. Дело даже не в том, что гонорар был сильно занижен. Злило то, что меня держали за идиота. Ведь никто иной за такую оплату на сотрудничество не пойдет.

Марк, увидев меня в своем кабинете с векселем в руке, вдруг расхохотался.

– Не психуй! – крикнул он. – Это для налоговой инспекции. Как только появятся деньги, получишь все сполна. Давай поговорим о следующем твоём шедевре.

– Да какой следующий шедевр? Я это-то еле дописал. Нет у меня желания писать, да и темы подходящей нет.

– Тем я тебе перечислю сколько угодно. Дело не в том, о чем писать, главное как писать. Можно из любого события рассказ сотворить, да такой, что заслушаешься...

Марк продолжал разглагольствовать, а я вдруг подумал, что если описать мои приключения между мирами за последние два года, то получится такая повесть с продолжениями, что журналу Марка обеспечено будет дальнейшее процветание.

– Ладно, я подумаю о дальнейшем сотрудничестве и о новом «шедевре», – прервал я разглагольствования Марка. – Но пока писать некогда, надо в усадьбу съездить, дела накопились, я ведь помещик, как тебе известно.

– Мне многое известно, – подмигнул вдруг Марк. – На свадьбу-то позовешь, надеюсь? Да, не удивляйся, тут все обо всем знают. Ты все обо мне знаешь, я о тебе...

– А ты придешь на мою свадьбу с бывшей крепостной? – вдруг усмехнулся я. – Я тебя обязательно приглашу. Приходите вместе с Полиной Ильиничной, и мы с Ольгой на вашу свадьбу поjalуем. Ты же пригласишь своего друга?

Марк поперхнулся и даже побагровел. Моя реприза угодила в цель. За такое приглашение можно получить вызов на дуэль. Свадьба с бывшей крепостной никогда не афишировалась, да и свадьбы как таковой не было, а уж являться с ней к кому-нибудь с визитом считалось оскорблением. Сейчас Марк должен был вызвать меня, но ведь сам напрашивался... А дуэль со мной, ничего хорошего ему не сулила. Да-с. Я больше ничего не стал говорить, просто встал и вышел.

Домой я возвращался в полной уверенности, что все мои дела в этом мире закончены. Пора возвращаться, только опять встает вопрос – куда? Во время переноса я на этот процесс влиять не могу, никто меня не спрашивает, куда я хочу. Если опять на сто лет назад, то попадаю в царствование Анны Иоановны, а там такое творилось, что не приведи бог. А если вперед, то тоже ничего хорошего не ждет.

– Ольга! – окликнул я свою супругу, вернувшись домой. – Мы уезжаем в свое поместье. Я закончил все дела в этом городе.

– А как же Марк Савельич и его издательство? – спросила она, но без особого удивления в голосе.

– С Марком мы теперь в ссоре, мягко говоря, – ответил я. – Я выполнил свое обещание и на дальнейшую судьбу его издательства мне наплевать. Собирайся. Завтра едем в имение.

Я решил до лета ничего не предпринимать, просто жить в своей усадьбе и барствовать. На другой день я нанял карету и, погрузив имущество, которым обзавелись в городе, мы отправились в путь. Дорога была длиною в два дня с ночевкой на постоялом дворе. Короче, к вечеру второго дня мы прибыли в усадьбу, где были встречены Прохором.

Когда я Прохору объявил, что Ольга теперь является моей законной женой, а, следовательно, его барыней, тот остолбенел. Он бы так и стоял, разинув рот, если бы я не прикрикнул.

– Ну чего встал столбом! Давай выгружать вещи, готовь барские комнаты, распорядись насчет ужина. Мы устали с дороги. Баню пусть завтра истопят.

Ольга ничего не говорила, только озиралась вокруг, словно впервые увидела поместье, где теперь ей придется вести барскую жизнь. Вся дворня встретила нас молча, словно пришельцев из иного мира, с которыми говорить надо на другом языке и непонятно о чем.

Свободного времени теперь у меня и у Ольги было сколь-

ко угодно. Прислуга шушукалась по углам, обсуждая, небывалое в этих краях событие: женитьбу барина на крепостной, пусть даже с вольной грамотой на руках. Я, волей-неволей, тоже иногда слышал эти разговоры.

– Послушай, папаша, – раздался девичий голос, – а правду говорят, что барин на Ольке женился, в отместку Марку Савельичу, за то, что он у него Полину Елисееву увел?

– И кому же он отомстил, интересно? – ответил Прохор. – Нет, сказывают, это любовь у них...

– Понятно, что любовь, только женится-то зачем. Ведь дворовая она... была. Наверное, не допускала его до себя. Невинность блюла...

– Это у вдовы-то невинность? – удивился Прохор. – Где ж она ее взяла?

– Да это я в фигуральном смысле, – продолжал убеждать девичий голос.

– А вот в фигуральном смысле у нее все в порядке, тебе до нее далече...

– Эх, папаша! Вот будет у меня муж, тогда и моя фигура добавится в нужных местах.

– А ведь Максим Петрович обучает нашу Ольку, разным барским наукам, – назидательно продолжил Прохор.

– Ага, уже обучил ее дрыхнуть до обеда. Наверно тяжело ей дается эта наука...

– Да будет тебе! Может она уже того? К осени барчонка нянчить будем...

– Размечтался. Не того она еще, уж это я точно знаю...

Разговоры разговорами, а Ольгу я действительно обучал некоторым наукам и не только наукам. Пришлось настоятельно просить ее освоить верховую езду. Благо все условия для этого были. А без этого уменя, отправляться с нею в дальний путь, смысла нет. Жизнь моя такие пируэты закладывает, что я сам не знаю, где окажусь следующим летом. Между тем наступил апрель, снег почти сошел. Утром легкий морозец, а днем солнце палило немилосердно. От Марка сведений никаких не было, да и откуда им взяться после такого нашего прощанья. А все соседи объезжали теперь мое поместье стороной, словно чумное. Даже Денисовы не заглядывали, а ведь дорога в их поместье совсем недалече проходила, про Елисеевых уж не говорю. Тут все понятно.

Вот так и жили мы с Ольгой. И вовсе даже неплохо жили, да только тоска меня заела в этом средневековье... И я уже определенно решил, не позднее, чем в мае разыскать тот холм, откуда я попал в этот мир. Путем весьма простых рассуждений я понял, что на холме есть грот в небольшой скале, что оба раза я оказался там во время грозы. Кроме того этот грот расположен с южной стороны холма. Возможно, с северной стороны есть аналогичный грот или пещера. Ну, это типа автобусной остановки. Если один грот отправляет в прошлое, значит, на противоположной стороне должна быть отправка в будущее. Логично? Логично! Если это все так, то

не надо ехать в Сибирь и искать тамошние порталы. Короче, надо съездить на разведку. Пока еще май не наступил и грозы никак не должно быть.

Сказано – сделано. Стоял ясный апрельский день. Снег почти сошел, во всяком случае, южная сторона холма должна быть чистой. Правда, меня в данный момент интересовала северная сторона холма.

– Ольга, прикажи седлать коней, сегодня едем на прогулку, – крикнул я жене.

– Максим Петрович! – со вздохом отозвалась она. – Нездоровится мне что-то. Давайте сегодня без меня...

Ну, что ж. На разведку ведь еду, одному даже лучше. А в путешествие только вдвоем, я даже мысли не держал одному умотать. Тоскливо одному жить в любом из миров. Для путешествия я готовился основательно. С собой надо кое-что взять, иначе много ненужных приключений произойдет. Оружие не нужно, я ведь в будущее собираюсь, зачем там кремниевые пистолеты. А вот золотые и серебряные монеты надо взять обязательно. Бумажные деньги ни к чему, а золото и серебро всегда цену имеют. Кроме денег, конечно, одежда нужна, еда на всякий случай, остальное я еще не придумал, но главное это драгметалл.

Я еще продолжал размышлять, а холм уже возвышался впереди. Совсем невысокая возвышенность, но пространства занимала много, не менее версты и с южной стороны каменная. Кобыла моя перешла на шаг, я ее не подгонял.

Спешить некуда, до вечера еще далеко, я успею объехать вокруг не один раз.

К моему удивлению на южной стороне я грота не обнаружил, проехал раза три сверху вниз и снизу вверх. На северной стороне еще поблескивал снег, и я сразу сообразил, что под снегом грот не найти, даже если он существует. Но чтоб моя разведка не пропала даром, я решил спуститься с холма с северной стороны. Моей кобыле эта дорога не понравилась, и она норовила свернуть в сторону, я ее понимал, мокрый подтаявший снег наверняка причинял боль. Пришлось спешиться и идти впереди. Поводья отпустил, и кобыла плелась сзади, но неожиданно я провалился почти по пояс, а при попытке выбраться провалился по грудь. Ситуация получилась глупейшая. До поводьев мне не дотянуться, а больше ухватиться было не за что. Лошадь моя стояла рядом и ждала, когда хозяину надоест сидеть в снегу.

Да..., придется стоять тут и не дергаться, пока Ольга не отправится на мои поиски, или отправит кого-нибудь. Но ведь надо еще догадаться, что я на северной стороне холма, которую из усадьбы не видно... А за это время у меня что-нибудь отмерзнет, и не что-нибудь, а известно что... Но тут раздался очень знакомый голос.

– Привет, Максим! Опять проблемы? И опять мне придется тебя вытаскивать...

«Силы небесные! – пронеслось у меня в голове, а потом еще много разных восклицаний. – Анька! Как она тут ока-

залась? Господи! Лучше бы я тут провалился по самую макушку!»

– А знаешь, Макс, мне это стало уже надоедать! Почти два года прошло, а ты опять влип, и опять мне тебя доставать!

– А ты не доставай. У тебя ведь теперь другой путь и другой попутчик. Иди себе мимо...

– И рада бы, да не могу. Одни мы тут не от мира сего... Ну, давай руку, контрабандист!

Это действительно была Анна, только уже не та девчонка, которую я когда-то увел от родителей в другие миры, и даже не та девица, которую когда-то увезла в Питер директриса пансионата. Это была матерая волчица, сбить с пути которую – трудно, а испугать – невозможно. Впрочем, я тоже уже не контрабандист – любитель. Как говорил незабвенный Попандопуло, я приобрел много специальностей, теперь вот барином работаю.

Одета Анна как раз по погоде, вполне современный женский костюм для верховой езды, вон и лошадь ее стоит рядом с моей. Теперь надо ехать в усадьбу и знакомить с женой. Не очень мне это все нравится. Может обратно в яму залезть, а она пусть себе идет куда шла? Но в яму не полез, а сел на камень. Анна устроилась рядом.

– Ну, чего, Макс, посмурнел? Не хочешь меня с женой знакомить? Так я уже познакомилась и, вообще, я все о тебе знаю. Весь твой жизненный путь мне известен с момента моего отъезда в Питер с Татьяной Павловной, царство ей

небесное... Да и ты обо мне все знаешь, до своего убытия в это средневековье. Не надоело? Домой не тянет? Меня вот тянет, потому и нашла тебя.

– Ну, а муж твой где? Пора бы уж познакомиться... – сказал я, оглядываясь по сторонам.

– Муж? Ну, ладно, пусть муж... Только познакомиться не получится. Остался он у генерала Каппеля. Сказал, что каждый должен иметь свое место в жизни. Наверное, он прав. Я не захотела быть походно-полевой женой поручика, а он не захотел отправляться в мой мир. Да и не верил он мне, считал сумасшедшей. В чем-то он прав. В свой мир из того сибирского портала, я не попала, а попала сюда, еще полгода назад. Только вот, в отличие от тебя, оказалась не владелицей усадьбы, а вообще никем. Девицей, не помнящей родства своего, оказалась. Чуть в крепостные не угодила. Но опять помогло знание рукопашного боя, акробатические упражнения, танцы. Устроилась в институт благородных девиц, учу их ритмической гимнастике. В Питере живу и даже не бедствую, только очень домой хочется...

– А меня-то как нашла? – спросил я.

– Ну, это совсем просто. Тебе известно, что ты теперь известный писатель, который печатается в неизвестном журнале? А? Дальше объяснять? Фамилию, имя, отчество ты не изменил, а уж текст про амазонок кто еще мог сочинить в этом времени? Правда, главный редактор тебя не жалует, а директор издательства просто ненавидит. Впрочем, дело не

мое, на твой вопрос я ответила. Скажи лучше, когда домой собираешься? Не верю я, что ты решил тут корни пустить.

– Не поверишь, но именно здесь и сейчас, я искал портал в обратную сторону.

– Поверю! Ну, скажи, что ты его нашел!

– Увы, нет пока... Если только это не та яма, из которой ты меня вытащила...

– Так это мы сейчас проверим! Я же знаю, что твои порталы в иные миры, это лазанье по горам да по подземельям. Все снаряжение у меня с собой...

– Э, нет. Я приехал только на разведку. Прямо сейчас отправляться назад не готов.

– Жену с собой решил взять? Эх, Макс! Ничему тебя жизнь не учит. Вот меня ты в свой мир притащил, хорошее дело сделал? Ну, ладно, дело твое... Давай проведем разведку, если это действительно портал, уйду без тебя. Мороки меньше будет.

Меня Анькины слова разозлили несказанно, поскольку она была совершенно права. Если бы просто так брякнула, я бы и ухом не повел, но ведь права... А снаряжение у нее действительно было: и веревки, и крючья, и карабины, и молоток. Все лежало в мешке, притороченном к седлу ее жеребца. Умная девочка стала... Впрочем, душой она никогда не была.

Я обвязался веревкой и снова полез в свою яму. Провалился я быстро на глубину метров трех, Внизу-то снега по-

что не было, и открылся лаз. Ну, прямо все, как положено, ход в другие миры.

– Есть лаз, – крикнул я, – только нужны факелы.

Анна спустилась вслед за мной, хоть и тесно было в яме, но развернуться было можно. А факелы и кремниевая зажигалка у нее тоже были. Хорошо она подготовилась, в отличие от меня. Но я-то ведь только на разведку собирался... Вот, уже оправдываюсь. А она уже обвязалась веревкой и собралась лезть в проем. Но этого я допустить не мог, отодвинул ее и полез сам. Лаз быстро расширился, и я смог встать на ноги. Свет чуть-чуть проникал, но определить размеры пещеры было невозможно.

– Лезь, – крикнул я.

Ждать почти не пришлось, Анна влезла сама и втащила мешок. Затем она зажгла факел и стало возможно осмотреть грот. Это была квадратная комната, я бы даже сказал, чистая и аккуратная, только возле лаза была небольшая кучка земли. Интересное помещенье. Может быть, тут когда-то склад был? Да нет, не склад, а погреб, где запасливые бабушки хранят варенье и соленья. Очень похоже, только не было тут даже следов ничьих, совершенно пустое помещенье. И вход в него был только один, через который мы проникли. Другого хода не было. Тупик, одним словом.

Анна все осмотрела вслед за мной и пребывала в полном недоумении. Делать тут больше нечего. На всякий случай, я взял у нее молоток и простучал все стены, но, увы, везде был

глухой звук. Никакой потайной двери простучать не удалось.

– Ну ладно, – сказал я. – Давай наверх. Похоже, мы нашли чей-то погреб. Вот снег сойдет, повторим разведку.

– Погоди-ка, – как-то очень напряженно ответила Анна. – Ты гул слышишь?

– Да вроде нет, – ответил я прислушиваясь. – Может ветер наверху завывает?

– Не похоже, – ответила она, и приложила ухо к камням противоположной стены.

Я сделал то же самое и действительно услышал какой-то гул, напоминающий шум работающей самолетной турбины.

– Чертовщина какая-то, – удивленно сказал я. – Ладно, время уже позднее, давай возвращаемся в усадьбу. Погостишь у нас пока. Потом продолжим изыскания.

Анна потопталась еще в дальнем углу, прислушиваясь, затем вернулась к лазу. Я помог ей выбраться, затем протолкнул ее мешок со снаряжением и выбрался сам...

Пора домой

1

Веревки, по которой мы спустились в яму, не было, да она и не нужна была. Яма мне показалась гораздо шире, чем была раньше и глубина была чуть больше моего роста. Анна ждала, когда я вылезу, и собиралась уже выбираться из ямы.

– Подожди, я первый, – сказал я и начал карабкаться наверх.

Она подставила плечо для опоры и я, довольно сноровисто выбрался. Пока выбирался, обуревали предчувствия, не дай бог встретят гвардейцы Анны Иоановны и поволокут в тайный приказ... Обошлось. Похоже, остались там же где и были. Природа вокруг не изменилась. Тот же холм, кое-где лежит апрельский снег, только лошадей наших нет. Я склонился над ямой и протянул Анне руку. Она моментально выбралась. Сноровка появилась, не зря с амазонками несколько месяцев тренировалась. Впрочем, неловкой она никогда не была.

– Придется домой идти пешком, – сказал я ей. – Увел твой конь мою кобылу. Весна ведь.

– Это он за меня отомстил, – усмехнулась Анна, продолжая озираться вокруг. – Только где теперь наш дом?

Слова «наш дом» прямо душу согрели. А осматривая окрестности, я особых изменений не обнаружил. Теперь надо было перейти на южную сторону холма и спуститься к дороге, а по ней верст пять до моей усадьбы, засветло доберемся... Ольга про Анну ничего не знает, примет как положено по русскому обычаю. На другой стороне холма, лошадей не обнаружилось, и у меня опять закрались сомнения. Между тем, мы продолжали спускаться к дороге, которая ясно просматривалась. Я нес на плече мешок Анны, очень напоминавший рюкзак, с которыми мы появились в начале двадцатого века в гостях у амазонок. Сама Анна продолжала смотреть по сторонам. Исчезновение лошадей ее почему-то не напрягало. Но когда впереди замаячила знакомая усадьба, у меня сомнения исчезли. Я стал думать, как объяснить Ольге появление Анны в нашей компании. А потом вдруг вспомнил, как два года назад, ходил в другие миры тоже в компании с Ольгой и Анной. Все повторяется...

– Мы вернулись обратно, – сказала вдруг Анна.

– Ну да, – подтвердил я.

– Мы вернулись в начало двадцатого века, – уже раздраженно добавила Анна.

– Да с чего ты взяла? Это моя усадьба впереди маячит. Что я свое имя не признаю? – удивился я.

– А красный флаг на крыше ты повесил? – насмешливо спросила она.

Тут уж и я все понял и встал, как вкопанный.

– Черт бы все взял! – воскликнул я. – Придется вернуться обратно, я ведь Ольгу обещал взять с собой.

– Горазд ты на обещания, Макс, – сказала Анна, повернувшись ко мне. – А ты уверен, что найдешь портал в темноте? Стемнеет скоро... И куда ты попадешь через этот портал? Подумай...

Я уже и без ее язвительных замечаний сообразил, что сегодня обратно вернуться не удастся. Надо искать портал с другой стороны холма. Черт ее принес на мою голову... Впрочем, нет худа без добра. Теперь я знаю, как доставить ее домой и выполню одно свое обещание, данное ее отцу. Правда придется держать ответ за прошедшие два года...

– Да ты не злись, Макс, – продолжила Анна. – И Ольгу свою не тревожь. Ты из крепостной девки сделал барыню. Она в своем времени проживет вполне комфортную жизнь. А здесь-то что она будет делать?

– Она любит меня и здесь будет при мне...

– А ты здесь кто?

– Я тут оперуполномоченный... был полтора года назад.

– Значит, товарищи тебя шлепнут, за дезертирство... Я здешние порядки хорошо усвоила.

Я опять задумался. Действительно, такой вариант не исключен. Как объяснить мою полтора годовую отлучку Льву Борисовичу я не знал. Если притащить сюда Ольгу, то моя задача легализоваться станет почти неразрешимой. Похоже, тот же вариант меня ждет в моем 1968... Да-а, самое гуман-

ное оставить ее в своем времени.

– Так, Анна Постольская! Слушай меня внимательно. Завтра я доставлю тебя домой. Теперь я знаю, как это сделать, только попадешь ты не в свой 2018 год, а в 2020. Тут я ничего сделать не смогу. А сейчас идем проситься на ночлег.

– Ну вот, наконец-то услышала слова мужчины, а не детский лепет, – усмехнулась Анна.

Я и сам обрадовался. Завтра мы отправимся на тот же холм в тот же портал, который перенесет нас на сто лет вперед, я передам Анну ее отцу, а за двухлетнюю задержку пусть сама объясняется. Хотя, если бы я знал как, то ответил бы сам... Ладно, что загадывать. Сначала надо туда попасть.

Моя усадьба, конечно, была перестроена и, вероятно не один раз. Но каждый раз, старались сохранить ее внешний вид. Как я и предполагал, теперь тут был сельсовет, и сторож нас с Анной пустил. Было еще не поздно, но уже смеркалось. Мы представились ходоками из дальних краев, вид имели вполне безобидный. Печка в зале была протоплена, стояли лавки, стулья, стол. Мы отогрелись, сторож раскочегарил самовар, а у запасливой Анны оказалась кое-какая еда. Спать, правда, пришлось на сдвинутых лавках. Кое какая старая одежонка была брошена сверху и мы улеглись на некотором расстоянии друг от дружки. После мягкой пуховой перины в барском доме, контраст разительный. Сон, естественно не шел. Не знаю, как Анька жила в Питере, но ведь я-то не бедствовал. Меня-то зачем домой понесло? Давно в тюрьме не

сидел? Ну, честно говоря, вообще никогда не сидел... С Анной все понятно. Ее ждет нормальная жизнь в прекрасном будущем, – для меня это вообще сказка, – а это приключение будет вспоминать всю жизнь, как пацаны вспоминают свою службу в армии.

Воображение мне рисовало разные картины: вот начальник местной ВЧК Лев Борисович выводит меня во двор и ставит к забору. Савва, мой бывший напарник, зачитывает приказ, где звучат слова «за дезертирство»... Потом появилось видение в виде Анькиного отца, который тоже зачитывал приказ: «за похищение моей дочери»... А под конец явилась Ольга и тоже стала зачитывать бумагу: «за невыполнение своих обещаний»... «Господи! – завопил я. – Да стреляйте же, наконец!»

– Ты чего орешь? – надо мной стояла Анна и трясла меня за плечо.

– Да, снится черте что, – пробурчал я, с трудом разлепляя глаза.

Быстренько умывшись и перекусив остатками Анькиных запасов, мы вышли на улицу, не забыв поблагодарить сторожа за ночлег. Я сбросил с души остатки ночных кошмаров. Стоял ясный апрельский денек, легкий морозец бодрил, и встающее на востоке солнце поднимало настроение.

– Идем, Анюта! – весело сказал я своей подруге. – Наш автобус ждет нас. И хоть он без нас никуда не уйдет, не будем тянуть кота за хвост.

Сейчас уже неважно, кем она приходится мне на самом деле. Главное, через несколько часов я сдам ее с рук на руки ее папаше, а там хоть трава не расти.

– Куда идем-то, – как-то не очень радостно спросила она.

– Идем туда, откуда вчера пришли, – назидательно сказал я. – Там портал в будущее, остановки следуют через сто лет. Не сомневайся все уже проверено.

Анна вздохнула, я забросил за плечо ее мешок, и мы отправились вчерашней дорогой в неблизкий путь. На наше счастье дорога была пуста. Простых крестьян мы, конечно, не опасались, а вот с военными встречаться не хотелось. Гражданская война – красные и белые, но это для истории, а в реальной жизни и грабежи, и бандитизм и горе тем, кто попадает в жернова войны. Наши герои уже побывали там, но сегодня им повезло. Два часа ходу по обочине раскисшей дороги и свернули к невысокому холму. Теперь надо пройти по нему на северный склон, это еще час ходу. Вот и наши вчерашние следы на снегу.

Я подошел к яме и снял с плеча мешок.

– Ну, что. Прощаться будем? – с кривой улыбкой спросила Анна.

– Нет, сударыня, – решительно ответил я. – Сдам вас вашему родителю, как говориться с рук на руки, тогда и попрощаемся.

Я спрыгнул в яму, Анна сбросила мне свой мешок, затем с моей помощью, спустилась сама. Дальше все пошло

по вчерашнему сценарию: сначала влез я, потом вытащил мешок, и последняя пролезла Анна. Помещение, освещенное факелом из ее мешка, выглядело так же как вчера. Мы обошли его, но в этот раз никакого гула не услышали. Меня это несколько обескуражило, я даже начал прикладывать ухо к камням, однако стояла гнетущая тишина. Неужели облом? Пока шли, я уже репетировал речь, которую скажу Анькиному отцу...

– Ну что? Выходим? – спросила Анна. – Похоже, наш автобус сломался...

– Не каркайте, душа моя! – проникновенно ответил я. – Просто этот автобус идет бесшумно.

Я подошел к лазу и благополучно выбрался из этого погреба. Затем вытащил мешок своей подруги, а потом и ее саму. Изменения снаружи были заметны сразу. Яма была мне по пояс, а снега склоне холма не было совсем. Это сразу внушило оптимизм, и я глянул на Анну свысока. Она выбралась из ямы уже без моей помощи, осмотрелась и на лице ее заиграла какая-то беспомощная улыбка. Хотя радоваться-то еще рано.

Спускались с холма мы быстро, не разговаривая друг с дружкой, только внимательно под ноги смотрели. Когда перешли на южную сторону, сразу увидели дорогу. Тут уж все сомнения отпали, дорога была асфальтирована. То, что мы в будущем, сомнению не подлежит, осталось узнать какой сейчас год.

На асфальтовую дорогу вышли быстро, и пошли по обочине, мимо прошел огромный самосвал, необычного вида. Я засмотрелся, а Анна даже головы не повернула. Затем навстречу нам прошла легковая машина, явно не из моего мира, а в Анькином мире я такие уже видел. Голосовать я не собирался, если она захочет – пожалуйста. Тут ближайший город, должен быть Павловск, если, конечно, его в мое время не переименовали. Надо как-то добраться до него. Денег здешних у меня нет, но в кармане брякают несколько серебряных монет двухсотлетней давности. Я их запросто превращу в здешние тыщи, надо только найти антикварный магазин, и стану богатым буратиной. А потом...

Додумать, что сделаю потом, я не успел, поскольку вдруг на обочине дороги оказалась автобусная остановка. Самая настоящая автобусная остановка, как и в мое время. Мы, конечно, зашли под навес, я сбросил мешок Анны на скамью, и она тотчас стала в нем копать, что-то выискивая среди всякого, уже не нужного, хлама.

– Деньги ищешь? – равнодушно спросил я.

– Вроде того, – напряженно ответила она, продолжая копать в мешке.

Поиски увенчались успехом, и она извлекла небольшой мешочек, в котором лежал ее смартфон, еще какие-то прямоугольнички из пластика и ее паспорт. Надо же! Сумела сохранить во всех наших перипетиях. «Молодец девочка, далеко пойдет, – мысленно похвалил я ее, – не то, что я». Мой на-

стоящий паспорт остался в далеком 1919 году в общежитии города Павловска, а липовый дубликат, выданный начальником ВЧК Львом Борисовичем, остался в 1820 году в моем, опять же, липовом поместье в комодке у моей жены Ольги. Я, явно, далеко не пойду, скорее всего, меня поведут...

Тут появился автобус, опять же совершенно неизвестной марки. Импортная машина, сразу определил я, никаких наших машин я в этом мире еще не видел. Похоже, нас все же победили проклятые империалисты. Анна сразу кинулась в автобус. Я, прихватив мешок, отправился за ней, раз решил сдать ее с рук на руки, надо выполнять. Она, правда, обернулась ко мне, убедилась, что я вошел, и сунула водителю пластиковый прямоугольник. Тот приложил его к какому-то аппарату и из него вылез чек. Затем он повторил операцию, понажимав на кнопки этого аппарата. Теперь мы с Анькой стали полноправными пассажирами. Места в салоне автобуса были, и я плюхнулся рядом со своей подопечной. Впрочем, вру, какая она подопечная? Скорей уж наоборот. Теперь я от нее в зависимости. Но это дело поправимое, надо только найти точку, где берут антиквариат.

Прямо над кабиной водителя цветное табло, где был обозначен маршрут следования автобуса и конечный пункт – автовокзал города Павловска. Прекрасно. Но самое прекрасное то, что я прочитал ниже: год, месяц, день, день недели и текущее время. Было 2020 15 апреля 10-22.

Анна тоже увидела это и на лице ее играла наивная дет-

ская счастливая улыбка. Глядя на нее, я тоже заулыбался. На автовокзале она зарядит свой телефон, позвонит домой, ей вышлют денег, я посажу ее в самолет и мы попрощаемся, возможно, навсегда. Хотя, нет. Лететь нам надо вместе, ведь мне придется выбираться в свое время через те порталы, если они еще работают... Ну, да ладно, потом разберусь.

Если б я только знал, что будет потом, то сошел бы на первой же остановки, тем более, что до Павловска их было несколько. И ведь понимал уже, что дальше она и без меня легко доберется, просто попижонить решил. «Обещал вернуть в целости. Вот, пожалуйста, получайте!» А ведь мог догадаться, что произойдет... Да, не дал бог ума. Короче... Пока ехали до Павловска, Анька пребывала в мечтах, о бытовых удобствах, наверное, а я готовил пафосную речь для ее папаши.

А на автовокзале в Павловске нас сразу взяли под руки дяденьки милиционеры, а вернее полицейские, поскольку уже прошло очередное переименование правоохранительных органов. Мы даже сказать друг дружке ничего не успели, как сильные мужики в камуфляже увели нас в сторонку и усадили в разные автомобили. На мой глупый вопрос: «В чем дело, товарищи?» никто не ответил, а дальше я перестал спрашивать. Поскольку правоохранительные органы любят спрашивать сами, а на вопросы задержанных отвечать не любят.

Но о своей судьбе, я особо не беспокоился, да и о судь-

бе Анны, тоже. В этом мире мы ничего плохого не натворили. Вот если бы нас задержали в моем времени, другое дело. А здесь мы чисты как ангелочки. Вот такие наивные мысли бродили в моей немой и нестриженной голове.

Прошла неделя, после моего задержания, а вернее уже ареста, кстати, за это время меня вымыли постригли и переодели, и следователь объяснил мне, что меня подозревают в похищении девицы: Анны Постольской, с нехорошими целями и грозит мне за это соответствующая статья уголовного кодекса, которая предусматривает семь лет лишения свободы. Дело мое совершенно ясное, за исключением одного нюанса. Кто я такой никому не ведомо. После многочисленных допросов и проверок выяснилось, что такого человека, как Максим Петрович Савельев девяносто седьмого года рождения (тут мне пришлось соврать), не существовало ни в Ельске, откуда я родом, ни где бы то ни было.

Был и еще один нюанс, так сказать, следователь, теперь уже не полиции а, ФСБ домогался: в какой горячей точке я получил пулевое ранение в ногу и рубленую рану на лице и на груди. Мое неуклюжее вранье о бандитских разборках, тут не прокатило. Бандиты такими винтовками не пользуются и саблями не машут... Знатоки, однако. По зажившим шрамам оружие определить могут.

Время шло, я понял, что ФСБ-шники от меня отказались и передали полиции. По части ФСБ я ничего не натворил, а вот по ведомству МВД мне есть что предъявить. Правда,

насчет похищения, разговоры прекратились. Осталось нарушение паспортного режима и тут полная загвоздка: никак не удастся установить мою личность. Ну, никто никогда меня не видел и знать не знает. Правда, есть исключения: Анна, ее мать, отец и бабушка. Но и тут проблемы. Родня жертвы похищения меня видели несколько часов и ничего обо мне не знают, кроме того, что я им сам наплел. А сама Анна уже давно требует моего освобождения. Но и это ни о чем не говорит. «Стокгольмский синдром», знаете ли. Не знаете? Это когда жертва, после освобождения, старается спасти своего палача. Вот так! Анну-то, конечно, тоже обследовали, но следов насилия или истязаний на ней не нашли, и это опять заводило следствие в тупик. Между тем меня перевезли в Ельск. По всем показателям мое дело должна была вести тамошняя прокуратура. Мне назначили нового следователя, но ничего не изменилось в моем статусе.

Наступил август, а мое дело стояло на мертвой точке. Следователь однажды сказал мне.

– Вот ты, дорогой, взялся неизвестно откуда, а можешь ты исчезнуть неизвестно куда?

– Попробую, если только вы отпустите меня... – с некоторым сомнением ответил я.

– Как же тебя отпустить-то? Ведь дело заведено... Обвинение в похищении снято, девица призналась, что ушла с тобой добровольно.

– Так какие проблемы? Нет обвинения – нет преступле-

ния... Отпускай меня начальник.

– Кого отпускать? Личность-то твою не установили... Если отпустим, куда пойдешь?

– Не знаю пока.

– Вот видишь, незнамо кто, будет обитать незнамо где. Опять к нам попадешь, и начнется сказка про белого бычка.

На другой день меня снова вызвал следователь и объявил, что ко мне на свидание прибыла Анна Постольская, моя «жертва», так сказать. Свидание происходило в отдельном кабинете, для свиданий предназначенном. Я уже не сомневался, что оно будет записано от начала и до конца, с целью вывести нас обоих на чистую воду. За прошедшие четыре месяца своего ареста я сильно поумнел и теперь мечтал только о том, чтоб Анна не ляпнула лишнее. Иначе, или в дурдом отправят, но это полбеды, или обнаружат порталы и перекроют доступ к ним, тогда я навеки останусь здесь. Остаться в этом времени совсем не хотелось.

Войдя в комнату для свиданий, я обнаружил Анну вместе с ее отцом. Надо сказать, что это меня успокоило, даже обрадовало, и я поздоровался с ним, даже руку протянул.

– Здравствуйте, Валерий Петрович, – сказал я.

Он что-то буркнул, неохотно и вяло пожал протянутую руку.

– Кто это тебя так? – спросил он.

– Что? – недоуменно спросил он.

– Лицо где поранил?

– А... Да, так... – я не готов был к этому вопросу да и вообще забыл про этот шрам на лице.

– Жаль что мало, – ухмыльнулся он.

– Папа!! – возмущенно воскликнула Анна.

Для нее мой шрам тоже оказался сюрпризом, раньше-то он не был заметен из-за бороды, а теперь я был выбрит, помыт и пострижен и выглядел, конечно, иначе.

– Здравствуйте, Анна Валерьевна, – церемонно раскланялся я.

Тут появился мой следователь, но с ним я не стал здороваться и раскланиваться. Виделись уже.

– Ну, вот видите, Анна Валерьевна, нет у него никакой амнезии, помнит он прекрасно даже вашего отца. Может уже хватит в прятки играть, раз уж мы тут собрались, решим дело разом да разойдемся по домам, – уже не в первый раз озвучил здравую мысль следователь.

– Я только за! – горячо воскликнул я. – Отпустите меня с богом и я обещаю больше не попадаться.

Дальше началась сказка про белого бычка, мне предлагали сказать кто я такой, я твердил, что студент Ельского университета, следователь говорил, что это все вранье, никто там не видел меня, и среди студентов я не значусь и адреса нет такого, где я, якобы, живу и родителей моих никто не знает. Наконец, следователь сказал Анькиному отцу:

– Давайте, Валерий Петрович, оставим их вдвоем ненадолго, пусть пообщаются, может что-нибудь новое придума-

ют.

Когда они вышли, мы остались с Анной вдвоем сидя за столом друг против друга. Надо сказать, что она изменилась просто поразительно. Собственно, изменилась-то она еще там, в том времени. Из наивной и смущающейся по любому поводу девчонки, получилась уверенная в себе женщина. Нет, по возрасту ей больше двадцати не дать, но этот взгляд, осанка, чуть насмешливая улыбка... О, ловеласы двадцать первого века, этот орешек сломает вам зуб. Мой взгляд от нее, конечно, не укрылся, но тут у нас случай особый и любовный поединок не предвидится.

– Послушай, Анята, – сказал я. – Вот одного никак понять не могу. Откуда взялась полиция на автовокзале возле нашего автобуса. Они ведь специально встречали нас?

– Тут-то как раз все понятно, – ответила она. – Меня давным-давно объявили в розыск. Тебя, кстати, тоже, как моего похитителя. При покупке билета в автобусе я воспользовалась банковской карточкой, а она на контроле полиции. Остальное понятно.

– Что понятно? Вообще ничего непонятно.

– Я не знаю, как тебе объяснить эти розыскные технологии, да и на кой черт тебе это надо знать!

– Ну, интересно же. Скучно так сидеть и ничего не делать.

– Лучше думай, как отсюда выбраться.

– Думаю... Деньги нужны и дня два форы...

– Деньги не проблема, я кое-что привезла из нашего пу-

тешества, а вот насчет побега и форы два дня... Это я пока не могу.

– Думай, спасательница моя. Я со своей стороны обещаю больше не попадаться и навсегда исчезнуть с глаз твоих прекрасных, – не удержался я от комплимента.

– И навсегда забыть о контрабанде! – продолжила она.

– Мамой, клянусь! – подтвердил я.

– Ладно, дам знать, как придумаю, – подытожила Анна.

Следователь с Валерием Петровичем вернулись. Не знаю, слышали они наш разговор или нет. Наверное, слышали, но что из него поняли? Разве только то, что я замышляю побег и склоняю Аньку к сообщничеству. Только, ведь следователь и так это знает. Ну, кто из заключенных не мечтает о побеге? А все кто добивается свидания с заключенным, – потенциальные пособники. Ну а слова Анны о контрабанде, это просто бравада. Какая контрабанда в центре России? Дальнейшая беседа не состоялась, и посетители отправились восвояси, а я в свою камеру.

Однако, с этой встречи дело мое перешло совсем в другую плоскость. Поскольку обвинение в похищении девицы было с меня снято, и все соответствующие формальности с Анькиными родителями улажены, я из бандита превратился в обыкновенного бомжа, которых на просторах нашей страны пруд пруди. У каждого ведь своя история и своя куча вранья. Моя-то история, по мнению следователя, состоит целиком из вранья, причем самого наглого. Но поскольку никаких пре-

ступлений теперь за мной не числится, я получил пинок под зад и дельный совет убираться из города подобру-поздорову. Мне даже денег дали пятьсот рублей. Следовательно расщедрился или так положено, не знаю.

Я вышел за ворота и решил отправиться прямо к вокзалу. Но это сказать легко – отправился. Этот город даже отдаленно не напоминал мой родной Ельск, где я родился и вырос. Изменилось все. Нет больше частных деревянных домов, появились небоскребы, где количество этажей даже сосчитать непросто... Вот пока я разинув рот считал этажи, возле меня остановилась машина и очень знакомый голос окликнул меня. Не забыла меня Аня, небось благодаря ей, я опять обрел свободу. Ну, а кому я еще нужен в этом мире? Впрочем, ей-то я точно не нужен, просто, надо меня спровадить побыстрее.

Я без разговоров сел на заднее сиденье рядом с Анной, за рулем был ее отец. Валерий Петрович на мое приветствие не ответил, был хмур и сосредоточен. Машина неслась по улицам города, явно с превышением...

– Привет, Максим, – деловым тоном сказала Анна.

– Здравствуй, Аня, – по простецки ответил я. – Опять я тебе обязан жизнью и свободой, просто не знаю чем расплачиваться буду...

– Пока сделано только полдела, – тем же деловым тоном ответила она. – Вот, держи!

Мне в руки ткнулась пачка пятисотрублевых купюр.

– Здесь пять тысяч, специально для тебя разменяла, – продолжила она. – Мы сейчас едем в Боровск, там я выйду, а папа отвезет тебя на станцию Басаргина. Дальше сам.

– Да, ладно, от Боровска я и сам доберусь, электрички-то ведь ходят, – ответил я.

– Нет уж, родной, довезу тебя до станции, так вернее будет, – вступил в разговор Валерий Петрович. – Где я тебя взял, туда и верну.

– Как хотите, – не стал спорить я.

Дорога до Боровска длинная, несколько часов ехали. Сначала мы с Анной молчали, не оттого, что нечего было сказать друг другу, просто присутствие ее отца стесняло. Но постепенно диалог налажился.

– Я теперь студентка Медакадемии, – похвасталась Анна.

– Молодец, – похвалил я. – Хорошо, что не теряла даром времени. Значит, будешь жить в Ельске в общежитии.

– Ну, да... Только теперь я благовоспитанная мамина и папина дочка и никаких глупостей совершать не собираюсь.

– Это правильно, пусть другие их совершают. Правда, я за тобой и раньше, глупостей не замечал...

При этих словах Валерий Петрович, аж крякнул, но промолчал.

– Кроме того, у меня, кажется, жених появился, – с загадочной улыбкой продолжила Анна и потянулась как кошка.

Теперь я замолчал. Нет, конечно, ничего удивительного в этом нет. Анна девушка красивая, а за два года в ней появи-

лась настоящая женская статья... Значит скоро выйдет замуж за какого-то хмыря (это я от злости). Ну и ладно, хватит ей по разным мирам болтаться с временными мужьями. Пора за ум браться. Интересно, как она будет налаживать тихую семейную жизнь после всего того, что с ней происходило за эти два года.

– Что замолчал Макс? Ревнуешь?...

– Вот, еще, – ответил я. – Если ты помнишь, я женат...

Тут она совершенно искренне расхохоталась. Между тем мы перестали обращать внимание на Валерия Петровича, который сосредоточенно крутил баранку, выжимая из машины максимально допустимую на этой трассе скорость.

– Ну, признайся, что ревнуешь! – продолжала куражится Анна.

– Ну и зачем тебе мои признания, – пробурчал я. – Делать мне больше нечего, как тебя ревновать? Мне еще домой добираться незнамо как.

– Небось, по Мальвине соскучился? Ждет тебя, наверное...

– Ага! Тюрьма меня ждет, это уж точно...

– За что интересно? – усмехнулась Анна. – Ты там ничего плохого не совершил. Все грехи на мне, а ты разве что от милиционеров бегал, так за это не сажают.

Я опять задумался. Анна, конечно, про все мои дела знает. Сажать-то меня действительно не за что, но это по здешним меркам. В моем времени внутренние органы могут пришить

какую-нибудь статью и даже без статьи могут обойтись... Я ведь исчез бесследно. Зачем меня являть на свет божий? Ну, это если меня сразу возьмут, как в этом мире, только у нас техника еще не столь развита...

– Ну что Максик замолчал? – игриво продолжила Анна, а ее папаша хмуро поглядывал на меня через зеркало заднего вида.

– А что? Поздравлять тебя с законным браком еще рано, – хмуро ответил я, – меня с успешным возвращением – тоже. Чему радуешься?

– А просто так! Жизнь хороша. Птички поют, погода хорошая, красота!

– Это точно, – вздохнул я. – Дома хорошо. Небось бабушка пирогов напекла, ждут тебя... А к вечеру жених пожалует, поведет тебя на прогулку по родному городу...

– Ревнуешь... – промурлыкала Анна. – А в общем, все правильно говоришь. Так оно и будет.

Я опять замолчал. Вот на кой черт при расставании ей надо было мне про своего жениха рассказывать? Мало мне было прошлого раза, когда она с поручиком умотала невесть куда? Хотя чего это я страдать вздумал. Сам-то...

– Не страдай, – все так же улыбаясь продолжила Анна, – в багажнике твой рюкзак лежит, я туда кое-что положила. Теперь все девки твои будут.

– Спасибо, конечно, жаль, что отдарить тебя нечем... – пробормотал я.

– Да, ладно... – отмахнулась она.

Мы снова умолкли, вроде бы и сказать друг другу нечего на прощанье. Валерий Петрович гнал по трассе, явно с превышением. Когда молчание затянулось, он включил музыку. Анна смотрела вперед и витала где-то в своих мечтах, не обращая больше на меня внимания. Я тоже задумался. Правда, меня ждало не столь радужное будущее. Если даже наши внутренние органы на меня наплюют и оставят в покое, то придется восстанавливаться в институте на третий курс. Тоже не простая задача. Дома тоже проблемы будут... Под мягкую, ненавязчивую музыку и мерное покачивание, я задремал. Проснулся уже от легкого толчка Анны.

– Просыпайся, соня, – сказала она, тормоша за плечо. – Пора прощаться...

Машина стояла на обочине шоссе, недалеко просматривался железнодорожный вокзал города Боровска. Я вышел из машины и потянулся. После многочасового сиденья в машине, хотелось немного размяться.

– Ну, пока, Макс, – сказала она, хлопнув меня по плечу. – Папа тебя довезет до твоей станции, не забудь в багажнике свой рюкзак.

Она повернулась и зашагала по пешеходной дорожке, не оборачиваясь на нас с Валерием Петровичем. Тот видно тоже устал сидеть за рулем и разминался, прохаживаясь возле машины. Я покосился на него, могу ведь доехать на электричке, но не стал предлагать второй раз. Видно давно уже

все решено. Наконец он сел за руль и кивнул мне. Я тотчас влез на свое место. Теперь за заднем сидении я был один. От Анны остался только аромат ее духов. «Замуж значит, собралась, – подумал я. – Ну ладно, флаг тебе в руки. А мужу твоему будущему...» Додумывать мысль я не стал. Какое мне, собственно, дело до нее и до ее будущего мужа. Пора подумать о себе родимом.

Машина катила по ровному шоссе на приличной скорости, иногда обгоняя самосвалы и автобусы. Я уже сильно проголодался и решил первым делом навестить стационарный буфет. Порталы от меня никуда не денутся, можно заночевать на вокзале или попытаться в гостиницу попасть, деньги теперь есть. Там, куда я собираюсь, здешние деньги и не деньги вовсе. Их даже нумизматы не возьмут... Короче, я опять задремал. Теперь будил меня Валерий Петрович, и уже не столь нежно.

– Давай просыпайся, Максим, – сказал он.

Когда я вышел из машины, он вручил мне мой рюкзак, набитый прямо под завязку. Я от удивления дар речи потерял. А вот мой несостоявшийся тесть дар речи не потерял.

– Ну, прощай, Максим, – сказал он и крепко пожал мне руку. – Зла я на тебя не держу, хоть немало ты мне крови попортил. Может ты поймешь меня, когда будет своя взрослая дочь... Ну давай, ни пуха ни пера тебе.

Я ничего не сказал, а что надо говорить в таких случаях? Он сел в машину и уехал, а я забросил рюкзак за спину и

пошел на станцию. Надо узнать, что Анька туда натолкала, да и поесть не мешает.

Рюкзак был уложен по всем правилам и на спину лег, как и положено рюкзаку. В станционном буфете я быстро перекусил выпечкой и каким-то газированным напитком, при этом потратив одну пятисотенную бумажку. Выйдя из буфета, отправился прямо на перрон, там стояли скамейки и я занял одну из них, чтоб провести ревизию своего богатства, иначе этот рюкзак не назовешь. Когда я глянул внутрь, то понял, что бог есть! Нет, насчет бога, я наверно погорячился, но богиня есть точно и зовут ее Анна Валерьевна Постольская. Чего только не было в моем рюкзаке. С такой экипировкой можно Эверест штурмовать. Тут и палатка и спальный мешок, молоток, веревки, крючья и карабины для прохода по скальному массиву. Примус, бутылочки с бензином и продукты. Даже фонарик. Это я еще не все посмотрел. Все предусмотрела девочка, а ведь кто я ей? И не друг, и не брат, а так. Уже можно сказать никто... Но разве для «никто» так собирают в дорогу? Да, если бы Пенелопа так собирала Одиссея, может, и не было бы у него столько приключений...

Я завязал рюкзак и задумался. Только любящая женщина, собирая в дорогу, может все продумать и все предусмотреть для своего мужчины. А ведь она не прощалась со мной, вдруг сообразил я. Она сказала «пока» и ушла...

Встав со скамьи, я забросил рюкзак за спину. Мысль о ночевке на станции отпала сама собой. Имея такую экипиров-

ку, ночевать в гостинице? Да это просто грех... Не успел я сделать и двух шагов, как замер на месте. Анна! Она стояла передо мной, с какой-то жалкой улыбкой на лице, а из глаз катились крупные слезы.

– Максимка! – сказала она, уткнувшись мне в грудь. – Пропадешь ты без меня...

Я взял ее за плечи и на мгновение увидел ту маленькую, испуганную девочку, заблудившуюся зимой, в чужом мире, в далеком 1967 году. Она улыбнулась, и та девочка пропала. Передо мной снова была сильная и уверенная женщина Анна Постольская, которая и коня на скаку...

– Не могу я с тобой, Максимка, – шмыгая носом, сказала она. – Нельзя мне. Никак нельзя. И ты больше не приходи к нам... Найди себе хорошую девушку в своем мире, но меня помни. Я знаю, ты меня не забудешь. Все... Иди...

Она легонько оттолкнула меня и быстро пошла по перрону к подошедшей электричке. Проводив ее взглядом, я повернулся и пошел к выходу из вокзала.

2

Дорога была мне знакома и прошагав по обочине асфальтового шоссе, я в нужном месте свернул в сторону. Прошло часа три – четыре и я уже был возле скалы, под которой обнаружил заросший высокой травой лаз. Давно им не пользовались. Во всяком случае ничьих следов не было ни старых

ни новых. Не пользовались этим порталом здешние сталкеры и слава богу. Я тоже не полез туда сходу. Куда спешить... Погони пока нет и не предвидится, заночую здесь. Подкреплюсь чем бог... нет не так, что богиня послала, то и съем.

Я поставил палатку, чудо, как хороша, расстелил в ней спальник (Вещь!), и занялся продуктами. Но не стану описывать ужин и перечислять блюда, не ресторан, но близко к тому... По моим меркам. Кто знает, чем буду ужинать завтра, может тюремной баландой. Впрочем, страшных мыслей-то в голове не было. Это шутка, насчет баланды. Почему-то был уверен, что все обойдется, и заснул сном праведника.

Ночью проснулся один раз, комары зудели. Но тут я сам виноват, не задраил вход. Проверил фонарик и снова проникся... Не знаю насколько хватит батареек, но светит так, что мама не горюй. Заснуть сразу не мог. Все мысли об Анюте. Повезло какому-то хмырю. Ревную? Да ревную! Имею право! И вся эта экипировка тут не при чем. Ну да ладно, не мой это пирог и пусть тот хмырь им подавится...

Утром проснулся бодр и свеж, сил столько, что готов в трех мирах побывать и обратно вернуться. Хотя, обратно мне нельзя, не велено... да и сам не хочу. Ничего меня тут не держит. Позавтракал, уложил рюкзак и за собой прибрал. Никаких следов не осталось, трава через день все закроет, как будто и не было тут никого. Но перед тем, как лезть в эту нору, другого слова не подобрать, я решил обойти скалу с другой стороны. Там на высоте метров десяти должен быть

карниз и щель, как в моем мире. Правда, там этот портал сломали дяденьки в синих погонах, но ведь здесь-то их не было.

С другой стороны скала была мне знакома, и карниз был на том же месте, а вот щель, с которой, собственно все и началось, я не увидел. Ну не видно было, есть она или нет, надо пройти по карнизу, чтоб убедиться. Если бы Аня не снабдила меня снаряжением, я бы плюнул на это дело, но теперь, сам бог велел...

По карнизу я прошел и в щель протиснулся вместе с рюкзаком. Некоторое время стоял прислушиваясь. Я же помню, что происходило на выходе в изнаночный мир. Однако, была полная тишина и в темноту уходил туннель. Оставив страховочную веревку снаружи, я отправился исследовать этот портал. Впрочем, кто сказал, что портал? Может обычная пещера. Однако пройдя метров сорок, увидел провал глубиной метра четыре, а там, в свете моего мощного фонаря, просматривался арочный вход. Провал был длиной тоже около четырех метров, а дальше был ровный проход и вдалеке просматривался свет. Преодолеть провал при моей экипировке было несложно. Можно по стене маятником, а можно спуститься и подняться. Только, по опыту моих прошлых хождений, там наверняка изнаночный мир.

Я сел на свой рюкзак и задумался. Что мне делать в изнаночном мире? Денег нет, документов нет, это минус. Но там есть Аня – Яна, это плюс. То, что у нее печень слева, а

сердце справа, роли не играет, ведь все остальное находится там, где и должно быть. Это тоже плюс. Она меня еще не знает, значит можно позвонить по телефону и познакомиться. Сейчас она студентка Медакадемии третьего курса... Но у такой красотки уже наверняка должен быть обожатель, это минус. Ладно. Дело не в том. Не хочу я жить в изнаночном мире, даже в своем. Не знаю, чем вызвано это неприятие... Значит выберем другой путь.

Я спустился в провал. Арочный ход, который я увидел сверху, был высотой метр и шириной столько же. Пришлось идти на карачках, волоча за собой рюкзак. Путь оказался длинный, правда, ход не сужался, что меня утешало. Окончился он неожиданно, и я едва не улетел вниз. Потерял бдительность. Не привык по пещерам лазить.

Закончился этот ход еще одним провалом, довольно глубоким, но можно было лезть вверх. Короче я вылез из дырки в стене, можно вниз спуститься, а можно и вверх вылезать. Одна беда, крючья вбивать неудобно. Обрато возвращаться не хотелось. Если бы не альпинистская экипировка... Анька, как будто знала, куда я попаду. А может и правду знала, ведь как-то попала она в тот мир, где я барином был.

В голове моей прокручивались разные мысли, а руки работали, вбивали крючья, пропускали в карабины веревку. Я выбирался наверх, этот путь был короче, всего метра полтора. Вот будет жалко, если в тупик попаду... Не попал. Выбрался наверх и двинулся, как мне показалось, в обратном

направлении. Нет, не показалось. Точно шел в обратном направлении, причем во весь рост и под уклон. Сначала уклон был небольшой, потом стал круче, потом сомнение закралось, надо ли туда идти? А куда теперь идти? Обратно? А найду ли я ту дыру, из которой вылез? Одни вопросы. Решил: иду вперед, а там что бог даст... А может черт... Это смотря куда попаду.

А вот и свет вдалеке блеснул, но радоваться еще рано, тем более, что туннель, по которому я шел сужаться стал. Вскоре я уже опять протискивался на четвереньках, с трудом волоча за собой рюкзак. Но впереди, и уже совсем недалеко, было круглое отверстие, в которое проникал яркий дневной свет. Еще небольшое усилие, и вот я вижу прямо перед собою зеленую траву. Ура! Вылезаю прямо на уровне земли. Рюкзак вытаскиваю с превеликим трудом. Глаза после темноты почти ничего не видят. Достал на ощупь какую-то тряпку и завязал их. Это пройдет надо выждать, и заодно отдохнуть от этой спелеологии.

Лежал на спине, наверное, около часа, зрение восстановилось, и я с удовольствием разглядывал синее небо и плывущие по нему облака. Вдруг заметил след реактивного самолета. Еще раз ура! Значит, не в средние века попал. Встал, осмотрелся. Ну и ну! Оказывается я возле той же норы, где вчера устроился на ночевку. Та же высокая трава, та же скала, да и природа вокруг та же самая. Неужели полдня зря лазил? Тут появилась еще одна здравая мысль: может это и

не портал вовсе, а просто скала с катакомбами? Ну, ладно, лиха беда начало. Пообедаю, тем, что мне моя благотельница припасла и снова в путь.

Для начала взял котелок и отправился к ручью. Дорога знакома, надо лишь спуститься в ложбинку и будет ручей с чистой водой... Ого! Ручеек-то почти в речку превратился за полдня. Это как? Да так! Это все же портал, а не просто скала с катакомбами. Осталось определить это мой мир или опять изнаночный, не приведи бог... Солнце стоит в зените, по нему не определить. И еще интересно, какой сейчас год... Смартфон у меня в кармане, сети нет. Значит, направление перемещения правильное, ну, а год должен быть 1970...

Пообедал я, но пока не определяюсь с направлением движения светила, решил никуда не ходить. А чтоб времени зря не терять, стал внимательно исследовать содержимое рюкзака. Я же запомнил, слова своей благотельницы, о том, что с помощью ее подарка смогу покорять сердца красавиц моего времени. И напевая: *сердце красавицы склонно к измене и перемене, как ветер мая...* перерывал карманы своего рюкзака. Нашел! Да, Анюта, щедрая душа, кучу денег потратила, правда, из средневековья, наверняка, что-то прихватила с собой, хотя вряд ли она там разбогатела. А вот я теперь могу стать богатым и счастливым, а могу и загреметь с этими игрушками на Колыму. На Колыму-то, конечно, без игрушек они найдут другого хозяина... В общем у меня, кроме

смартфона, еще часики, планшет и электронная книга, надеюсь, не пустая. А еще три комплекта зарядных устройств и наушники. Все устройства, конечно, были заряжены. Опыт обращения с этим богатством у меня уже имелся и я превеликим наслаждением стал копаться в планшете. Три часа пролетели, как одна минута. Взглянув, на небо и убедившись что солнце движется к западу, я с большим трудом убедил себя, что ночевать тут, пусть даже в комфортных условиях совсем не обязательно.

Вот так теплым августовским вечером, я появился на станции Басаргина, очень хорошо мне знакомой. Там, ничего не спрашивая, я узнал, что сейчас действительно 1970 год. Вот как все здорово получилось. Осталось решить одну маленькую проблему. Мне надо попасть в Ельск, а нет ни паспорта, ни денег... Паспорт-то и не нужен для покупки билета. Он вообще не больно то и нужен в этом мире, разве что для милиции. Но я ведь хулиганить не собираюсь и напиваться в стельку, впрочем и пить-то не на что... А вот билет до Ельска стоит без малого девять рублей. Ну и что с того, что у меня в кармане пять тысяч, пятисотками? Тут этими деньгами только печь растапливать. Не все предусмотрела моя благодетельница... про себя уж молчу.

Сижу под навесом на скамейке, рюкзак рядом стоит. Народу вокруг немного. Мой поезд на Ельск только вечером, но ведь не зайцем же на нем ехать... Рядом сел какой-то мужик, рожа у него довольная и даже мечтательная. Достал пачку

сигарет, спички, закурил, сидит на меня поглядывает. Моя-то трубка и коробка с табаком остались далеко в усадьбе, за полторы сотни лет и черт знает сколько верст...

– Закуривай, – вдруг сказал мужик, протянув мне пачку сигарет, – вижу, что курить охота, но не попрошайничаешь. Не люблю попрошаек...

Я не стал кочевряжиться, взял сигарету, прикурил.

– Спасибо, – говорю, – я вот поиздержался немного, а поезд только вечером.

– Ха, ха, – хохотнул мужик, – знаю, знаю. Это типа: пустите переночевать, а то так есть хочется...

Куда едешь-то?

– В Ельск.

– А мне в другую сторону. Турист?

– Вроде того...

– А чего один? Туристы ватагами ходят.

– Моя ватага там осталась, – сказал я и махнул в сторону леса. – А мне завтра на работу...

– Понятно... – протянул мужик.

Ничего тебе не понятно, подумал я, глядя на его безмятежную физиономию.

– А вот костром от тебя не пахнет, – продолжил он. – От туристов должно костром пахнуть... А как иначе борщ сварить, чай заварить...

– Не обязательно костер жечь. Двадцатый век на дворе, есть примусы...

– Примусы? Ха-ха-ха... – искренне расхохотался мой собеседник.

– Вижу, не знакомо вам устройство этого аппарата, – сказал я и, запустив руку в рюкзак, вынул металлическую коробку примуса.

Затем на глазах своего собеседника, я привел его в боевое положение и чиркнув колесиком зажигалки, которая лежала тут же, зажег горелку. Голубое пламя с ровным гудением возникло над горелкой. Мужик смотрел разинув рот, на это чудо техники, хотя эти устройства уже были известны. Ну, по крайней мере, альпинисты ими пользовались.

– Слушай, – ошарашено спросил он, – а на чем эта штука работает?

– Ну, на чем работает примус? На бензине, конечно...

– Продай, а... Ты себе новый купишь. Сколько он стоит?

– Десятка, – быстро сообразил я.

Мужик тотчас полез за деньгами в бумажник и вручил мне два пятирублевика. Я погасил примус, аккуратно свернул его и передал новому владельцу. Затем, подумав, достал бутылочку с бензином и зажигалку.

– Это в подарок, – сказал я мужику, который прямо лучился от счастья.

Он, ни слова не говоря, достал пачку сигарет и коробку спичек и вручил мне. Пачка была ополовинена, но до Ельска мне хватит. К платформе подходил поезд и мужик, вдруг, подхватился и побежал к нему, махнув мне рукой на проща-

нье. Вот, так. Даже не познакомились, а друг другу большую услугу оказали. У него в хозяйстве хорошая вещь будет, а я до Ельска доеду без проблем.

Билет я купил тотчас, получил рубль с копейками сдачу. Теперь мне каждая копейка дорога, пока до дома не доберусь. Ну вот! С завтрашнего дня начнется новая жизнь, а сегодня надо доесть остатки еды, хвала моей благодетельнице. Все она предусмотрела и всем меня снабдила, без нее точно пропал бы... Приеду домой поставлю свечку за здоровье святой Анны.

Поезд уходил поздно вечером, а приходил рано утром. Ехал я в общем вагоне и спал, притулившись к стенке, в обнимку с моим драгоценным рюкзаком. Ничего мне не снилось. Начинался новый этап жизни. Мои сокурсники по институту уже в этом году учебу заканчивают и на диплом выходят, а мне восстанавливаться на третьем курсе... Мысли мои блуждали с пятого на десятое и многое, что на ум приходило. Опять я свободен от всяких обязательств и завишу от родителей, поскольку живу дома у мамы с папой и еще три года им меня содержать. Правда если выгодно продать часть моего богатства, то не столь уж и накладно будет мое содержание...

Утром, сойдя с поезда, я сразу прошел к камерам хранения и забросил туда свой рюкзак. Пятнадцатикопеечная монета у меня нашлась, код на камере у меня всегда один: день и месяц рождения, а буква зависела от настроения. Сегодня

я набрал «ж». Теперь, имея в кармане рубль с пятаком, можно двигать дальше. И я отправился, нет, не домой, а к другу своему, Витьке Прозорову. Правда большими друзьями мы не были, но именно поэтому я и отправился к нему. А доверял я Витьке безгранично. Нормальный парень, из всей нашей группы, где я учился ему можно довериться во всем. Почему к Никите не пошел? Да потому, что Никита наверняка на крючке, после того как я исчез. Тут к гадалке не ходи. Дома меня тоже ждут... ждали. А вот Витьку никто трести не будет, он-то явно не при делах. Был... Теперь при делах будет. Но, ему понравится... Я ведь тоже умею быть благодарным.

Витька был дома, мое везенье продолжается. Он, конечно, оторопел, увидев меня. Неудивительно. Исчез я внезапно, два года обо мне не слыхивали, и тут появился, да еще шрам на роже... Ну, оторопь у него быстро прошла, провел он меня в квартиру. Родителей дома не было, ведь рабочий день был, на работу ушли родители. Я прошел...

– Слушай, Вить, – сказал я ему. – Я к тебе на минуту, дома еще не был. Потом тебе все расскажу, а к тебе у меня просьба. Съезди на вокзал, сходи в автоматическую камеру хранения, ячейка 78 код Ж ****. Будь другом, сделай это побыстрее. А я потом все объясню и, сам понимаешь, проставлюсь.

Витька парень простой, пообещал все сделать. Заинтриговал я его. Однако, рассказывать ничего не стал, да и кто поверил бы в мои рассказы. Быстренько я от него ушел и на-

правился домой. Недалече мой дом, всего в двух кварталах.

Ну, вот я и дома. Звонок в дверь и здрассте, получите меня. Дома оказалась только мать, поскольку отец на работе был. Но мне хватило слез и причитаний за те пятнадцать минут, что оставались матери до ее ухода. След на физиономии, конечно, вызвал бурю эмоций и я клятвенно пообещал вечером подробно рассказать, кто меня так порезал. Ну вот, она ушла, а я завалился спать. Сочинять легенду я не стал, чего-нибудь сплету на ходу. А, вообще, чем больше таинственности на себя напущу, тем лучше. Типа: инопланетяне меня захватили, а потом память стерли. Классная легенда, пусть кто-то опровергнет. Впрочем, милиционеры опровергнут, это я точно знал. А от них никуда не денешься, паспорт, вернее дубликат паспорта, надо получать.

Уснуть сразу не получилось, хотя лежал на своем диване в своей комнате. Снова я ребенок у мамы с папой, а ведь кем был... Кем только не был, даже барином – угнетателем трудового крестьянства был. Революционером – оперуполномоченным ВЧК был, контрабандистом между мирами был, даже писателем был. А теперь опять никто, мамин и папин сынок, может студентом стану...

Разбудил меня звонок в дверь. Должен сказать, не сразу понял, кто я и где я. Но звонок звонил настойчиво и я пошел открывать... Открыл. Здрассте...

– Здравствуй, Максим, – сказал с порога незнакомый мужик и, легко отодвинув меня с пути, вошел сначала в прихо-

жую, а потом, не разуваясь, прошел в комнату и сел на диван.

Я, как сомнамбула вошел вслед за ним. Со сна я еще не очень понимал, что происходит. Но что-то происходило и когда я увидел его сидящим на диване, ситуация начала проясняться. То, что это не ограбление было ясно даже младенцу, ну а я не младенец и мне тоже было ясно, откуда этот дяденька.

– Меня зовут Анатолий Ильич, – улыбаясь, но, не протягивая руки, сказал бесцеремонный визитер. – Мы решили не вызывать тебя в наше ведомство, а ограничиться беседой на дому.

– Спасибо, – ответил я.

А что еще я мог сказать? Пока ведь он ни о чем не спрашивал. Кстати я так и не придумал, что ему сочинить... А Анатолий очевидно прочитал мои мысли.

– Сочинять ничего не надо, Максим, – продолжил он, с любопытством разглядывая меня. – Где ты находился два года мы и так знаем. Кто тебе так физиономию украсил, нам пока неинтересно. Но к тебе есть один единственный вопрос: как ты вернулся назад? Ведь после твоего ухода, проход закрылся. Значит, есть еще один проход, или там где ты был, уже разработана технология перемещения во времени и тебя просто отправили восвояси.

– Второе, – ответил я, воспользовавшись его подсказкой.

«Ай да молодец, – похвалил я его, – чуть было не засыпался, а теперь есть железная версия. Ученые из будущего

вернули меня назад по моей просьбе, поскольку там я им совершенно не нужен. Ну, а те два года, я просто бичевал по стране. Бичи ведь во все времена были. Вот, через два года меня поймали полицейские и выдворили из страны». Анатолий, как-то странно усмехнулся, неужели и в самом деле мысли читает? Да нет, не может такого быть.

– Ну, вот и чудненько! – как-то уж очень по-простецки сказал он. – Значит, вопрос решен. А у тебя к нам есть вопросы?

– Никак нет! – с пионерской готовностью ответил я.

Ну, какой дурак будет задавать вопросы этому ведомству?

– Молодец, правильно отвечаешь, – приятельски улыбаясь, ответил мой собеседник.

А я, честно говоря, все ждал подвоха. Слишком уж гладко все выходило. В том мире меня почти четыре месяца промучили в разных ведомствах, а тут, получается, просто по головке погладили. Так не бывает...

– Да ты не переживай. Твой вопрос закрыт, если ты не наврал, конечно. Мы ж не звери. Это враги советской власти из нас злодеев делают, но ты ведь не враг?

– Конечно, нет! – горячо воскликнул я. – Я даже там за советскую власть...

Я хотел как-то озвучить свою работу в ВЧК, но не знал, как подойти к этому аспекту...

– Вот и прекрасно, – сказал Анатолий. – Мы поможем тебе и документы восстановить и в институте восстановиться.

«Да это просто сказка, – подумал я. – Неужели так бывает?»

– Спасибо, – сказал я вслух.

Тут Анатолий встал и вручил мне записку, где был записан его телефон фамилия, звание и должность. До визитных карточек у нас еще не додумались, поэтому все было написано ручкой на листочке, и носил он майорские погоны, когда надевал форму.

– Ты, Максим, эту бумажку спрячь пока. Когда нужда возникнет, позвони. Паспорт-то не потерял?

– Потерял, – сокрушенно ответил я.

– Завтра с утра иди в МВД, восстанавливай паспорт, потом отправляйся в институт. Ну ладно, я пошел, если будут проблемы, сообщи. Я не прощаюсь, возможно, свидимся еще.

После этого визита мое настроение подскочило до немислимых высот. Теперь осталось только сообщить родителям уже готовую версию моего двухлетнего отсутствия, и вопрос закрыт. Рабочий день заканчивался, сейчас объясню обстановку родителям, а потом навещу Никиту. Однако, насчет родителей, а вернее родительницы я заблуждался. Моя версия, о том, что я находился два года в другом мире, была тотчас отвергнута и высмеяна. Затем был задан вопрос: где Анна, с которой я их знакомил? Она мне невеста или уже жена? Где она живет? Затем последовали вопросы: за что я был изгнан из ее семейства и тому подобная чушь. Утерян-

ный паспорт хорошо подтверждал эту версию.

Пришлось буквально на ходу перестраиваться. Я без зазрения совести, объявил, что два года находился в другой стране по заданию наших спецслужб, что моя работа супер-пупер секретная, и мне под страхом расстрела запрещено о ней говорить. Анна, такой же секретный агент, как и я, осталась во враждебной стране, а мне удалось вырваться. Когда я уходил по крышам от врагов с добытой информацией, она отстреливалась из револьвера на чердаке, прикрывая мой отход.

Поверила ли моя родительница в этот бред, или слова о секретности всего и вся, под страхом расстрела остановили ее расспросы, я выяснять не стал. Но вопрос о моем исчезновении и внезапном появлении был закрыт для всей родни навсегда. К Никите в этот вечер я уже не пошел.

На другой день отправился в МВД, где опять же без зазрения совести, сообщил, что паспорт потерял вместе с бумажником очевидно в общественном транспорте и хватился не сразу. Сообщив все данные о себе, а также номер и серию утерянного паспорта, предъявив свидетельство о рождении, и написав заявление, я ушел. Разинь, в нашем социалистическом обществе великое множество и никто меня особенно не воспитывал. Пообщавшись с «товарищами по несчастью» я понял, что паспорта теряли каждый пятый, а некоторые не по одному разу... Мне грозил штраф, но не слишком большой. За деньги я не заморачивался, ведь мой рюкзак должен

быть у Витьки, теперь уже можно забрать его и начать распродавать контрабанду.

Вечером я отправился к Никите, единственному человеку в этом мире, которому можно и нужно рассказывать все как есть, без всякого сочинительства. Именно от него и хотел я узнать, как дальше жить... Ведь ход в мир Анны остался. Путь, конечно, не прост, но вдвоем его можно пройти.

Никита искренне обрадовался мне, только поговорить нам не удалось. Как тут поговоришь по душам, если рядом бегают дети пяти и семи лет, да и жена особой радости не выказывает при моем появлении. Ее можно понять, ведь когда я исчез, у наших внутренних органов к Никите появилось множество вопросов. Не знаю, как он выкрутился, только теперь мне тут не рады, мягко говоря. Однако, нам удалось перекинуться парой слов и назначить встречу на завтра в кафе.

Я целыми днями бегал по разным инстанциям, восстанавливая свое юридическое существование, бюрократия проворачивала свои механизмы, но дело шло. Все оказалось не столь трагичным, как мне рисовалось вначале. Даже в институте восприняли мое появление, я бы сказал, равнодушно. Удивляло приемную комиссию только то, что я восстанавливаюсь на дневное отделение, а не на вечерний или заочный факультет. Честно говоря, меня это тоже напрягало. В моем-то возрасте и с моим прошлым снова материально зависеть от родителей... Ну, да как-нибудь.

Вечером встретились с Никитой в кафе, я сразу сказал

ему, что пока не богат, но кое-что есть на реализацию. Он отнесся с пониманием, и финансовые расходы взял на себя. Впрочем, мы не шиковали: салаты, да водочка, ну и курево, как тут без этого. Наверное, больше часа я рассказывал ему свои приключения в трех мирах, но без излишних подробностей. Зачем Никите знать мою личную жизнь, у него своя есть. Но про Анну-то я рассказал все, и как она помогла мне покинуть этот мир (звучит двусмысленно), и как помогла потом вернуться в него. А еще сказала, чтоб я не приходил больше... Я очень кратко рассказал о своем полугодовом пребывании в средневековье, но об участии в перепетиях гражданской войны, исчезновении, а потом появлении Анны я рассказал очень подробно. Многое, из того что происходило было мне самому непонятно.

Никиту же больше интересовало мое возвращение и разговор с майором Анатолием Ильичем.

– А ведь версию твоего возвращения он тебе специально подсказал, – задумчиво сказал Никита. – Я думаю ты под колпаком... Ну, и я, соответственно, вместе с тобой. Не торопись забирать у Витьки свой рюкзак. Надо это повернуть как-нибудь незаметно. А не то конфискуют все.

– А как ты думаешь, почему Анна запретила мне приходиться? То, что она замуж выходит, это ведь не причина. Можно не у нее останавливаться, да и вообще в Боровск не ездить?

– Ну, вот тут-то тайн нет, – с усмешкой ответил Никита. –

Вспомни, как вы прощались? Как в дорогу тебя собрала, что сказала перед расставанием? Помнишь?

– Как не помнить. Нельзя, говорит, мне с тобой. Ну, никак нельзя.

– Беременна она, – со вздохом сказал Никита. – Мог бы догадаться.

– Чего? – вытаращился я. – Впрочем, возможно, но только не от меня. Я с ней полтора года, даже больше, ни-ни...

– Я же не говорю, что от тебя. Возможно от того поручика...

– Ну, ты сказанул. Тут по времени никак... Она полгода в средневековье была... Нет. Тогда при прощанье я бы уже заметил живот... Значит, тот хмырь...

– Какой хмырь? Ты про хмыря ничего не рассказывал, – заинтересовался Никита.

– Ну, замуж она собралась. Когда мы ехали в машине из Ельска в Боровск, сказала мне.

– Так и сказала: «Выхожу замуж за хмыря?» – ухмыльнулся Никита.

– Нет, просто сказала, что выходит замуж, а про хмыря я сам добавил.

– А она что?

– Сказала, что я ревную...

– А ты?

– Ну, ревную, и что!

– Тогда, я снимаю свое предположение о беременности...

– И что это меняет?

– Все меняет. Значит, есть нечто, которое воспрепятствует твоему возвращению. И последствия могут быть нехорошими.

– Последствия хорошими еще ни разу не были, – усмехнулся я.

– Ладно, – сказал Никита. – В этом сезоне мы уже никуда не пойдем, в любом случае, а потом видно будет.

Больше мы с Никитой мою одиссею не обсуждали. Да и что тут обсуждать. Рюкзак от Витьки я принесу. Теперь это не криминал. Продавать палатку и спальник я не собираюсь. Что я, дурак что ли? Такое оснащение в любом походе сгодится. А остальные ляльки, Анной подаренные, придется реализовать, раз уж учусь на дневном...

3

Август пролетел. Начался учебный семестр. Общеобразовательные дисциплины кончились, началась учеба по специальности, и я намеревался погрузиться в нее с головой. Начал добросовестно конспектировать лекции, и намеревался все проекты сдавать в срок, а если удастся, то и досрочно. Познакомился с группой, в которую меня вписали для продолжения учебы. Ну как познакомился...

С двумя парнями наладил контакт, с девочками просто здоровался, немного их было на этой специальности, в три

раза меньше, чем парней, и это понятно. Со старостой пришлось подружиться, не потому, что я собирался прогуливать, просто староста имеет больше информации о разных закулисных делах на факультете и в группе. У комсорга встал на учет. А как же! Все честь по чести, до 28 лет я комсомолец, со всеми вытекающими обязанностями: комсомольские собрания, субботники, ну и еще, что партия прикажет, а комсомол ответит: «есть!» В профсоюзе тоже, естественно, отметился. Хотя, во время учебы, профсоюз студентов, это нечто непонятное... Но ведь должен быть треугольник группы: комсорг, профорг и староста. Ведь двухугольников не бывает... Но меня в этом треугольнике профорг заинтересовала, как девушка. Очень красивая была девушка... Высокая голубоглазая брюнетка с очень развитой фигурой. Хотя в девятнадцать лет у любой девушки фигура хороша, но тут было нечто особенное, что и описанию не поддается.

Я, буквально, с первого дня заметил, что пользуюсь у женского пола популярностью. Сначала отнес это к своему возрасту, девушки любят парней постарше, к своему поколению они относятся с некоторой долей снисходительности. Потом, я понял, что в моей популярности не последнюю роль играет шрам на лице. Это тоже, понятно, придает загадочности. Значит, парень где-то побывал и кое-что повидал. Ну, а потом выяснилось, что пошли слухи о моем загадочном исчезновении, а потом, не менее загадочном, появлении.

Но при этом мои дальнейшие приключения еще не нача-

лись. А начались они через две недели учебы, когда в нашей группе появилась еще одна девушка, но на этот раз очень хорошо мне знакомая. Ольга Сосновская, вот так-то!

– Какими судьбами? – спросил я ее при первой встрече.

– Учусь я здесь, Максик! – ответила она, лучезарно улыбаясь и даже язык показала, увидев мою изумленную физиономию.

– Ты же в медицинский поступала! – удивился я. – Неужели провалила? – добавил с некоторым злорадством.

– Не важно, куда я поступала, – насмешливо ответила она, – а вот учусь я здесь!

«Как интересно, – подумал я. – Спустя три недели после начала семестра объявилась девица, которая слишком много обо мне знает. Однако знает далеко не все. И это наводит на размышления. Но неужели полковник Сосновский сделал из своей дочери агента, при этом наплевав на ее медицинскую карьеру? Да нет, такого быть просто не может». И я без труда в этом убедился, узнав у своих товарищей, что Ольга учится в этой группе с первого курса, а опоздала на три недели, поскольку ездила по путевке в какую-то за границу, а проще говоря, за бугор, для расширения кругозора...

– Ну, передавай Мальвине привет от меня, – сказал я, чтоб закончить беседу.

– Очень нужен ей твой привет! – ответила она. – Теперь моя сестра замужняя дама... Хотя... Если твой привет материальный....

– Нет, виртуальный, – ответил я, ввернув слышанное недавно слово.

Учеба моя продолжалась обычным путем. Хотя в группе ситуация была странная. С одной стороны меня явно не просто так определили туда, где учится Ольга Сосновская. Не верю в такие совпадения. Наверняка теперь под надзором. Но с другой стороны, если я чего и задумаю, то обвести вокруг пальца мою надзирательницу труда не составит.

Но при всем этом Ольга изрядно отравляла мне жизнь. Она бесцеремонно садилась рядом со мной на лекциях и на других занятиях. Могла, ни с того ни с сего, наклонившись ко мне, шептать на ухо какую-то чушь. Короче, демонстрировала окружающим, что имеет некие права на меня. А иногда вдруг демонстративно ходила мимо, не замечая меня, имитируя ссору. Все это отпугивало других девиц от меня, а главное мою тайную мечту: Инну Михайловскую, нашего профорга. Я и намеками и, почти, в открытую, просил Ольгу прекратить эти забавы. Ну, я же видел, что она просто забавляется... Наконец, мне это настолько надоело, что когда она в очередной раз подседа ко мне...

– Ути, ути, ути, ути, – воркующим голосом произнес я, одновременно пальцами показывая утиный нос.

Не понять намек было нельзя, я хорошо изобразил подсадную уточку. Она должна была психануть и, как минимум, набить мне морду. Но этого не произошло. Наоборот, она расхохоталась, как будто я специально рассмешил ее.

– Думаешь, я подсадная утка? – доверительно наклонившись ко мне, проворковала она. – Ты сильно высокого мнения о себе, если воображил, что для такого дела будут использовать дочь полковника.

– Нет, Максимка, – насмешливо продолжила она. – У папы свои игрушки, у меня – свои. Ты бы лучше подружился со мной, узнал бы много интересного о себе.

– На два фронта работаешь, Мата Хари, – ухмыльнулся я.
– Все может быть, Абель ты наш, – загадочно произнесла она. – И перестал бы ты дурить голову нашему профоргу. Мало тебе одураченной Анны?

Я аж крикнул со злости.

– Да, что ты знаешь про Анну! – разозлился я.

– Ого, сколько страсти! А знаю я про твои дела, гораздо больше, чем ты можешь себе представить! А скажи-ка, Максимка...

– Меня зовут Максим! – раздраженно прервал я ее рассуждения, мала еще так меня называть.

– А скажи-ка Максимка, – насмешливо продолжила настырная девица, – имя, Варвара Денисова, тебе о чем-нибудь говорит?

Тут я просто лишился дара речи. Ольга, конечно, много обо мне знала. Но это имя она знать не могла. Я даже Никите не рассказывал о ней. Я и о Елисеевых ему не рассказывал. Только сообщил, что написал фантастическую повесть в журнал «Русское слово». А Ольга просто сияла. Выражение

«попасть в точку» – это про нее.

– Это еще не все, Максим Петрович, – в этот раз голос ее звучал доверительно и без тени насмешки. – Вам знакома повесть Максима Петровича Савельева «Вьюга над полями»?

– Нет... – совершенно растеряно ответил я.

– А зря. Вам нужно непременно с ней ознакомиться, Максим Петрович, а то конфуз может выйти. Правда журнальный вариант достать уже не удастся, поскольку выходил журнал в 1820 году, но через столетие, повесть была издана отдельной книгой вместе с портретом этого неизвестного писателя, написанном некой художницей Варварой Денисовой, тоже малоизвестной.

– Книжку эту я могу тебе показать, Максим, – уже совершенно серьезно сказала Ольга, – Но и ты уж просвети меня кое в чем. Договорились?

– Договорились, – совершенно упавшим голосом, сказал я.

Собственно, скрывать что-либо от Ольги – глупо. Она в курсе всех моих прошлых дел и знает даже больше Никиты. Если я затею что-либо в дальнейшем, то тут другой вопрос. А утаивать то, что я уже натворил, нет никакого смысла. Это я сам себя убеждал и убедил, разумеется. Но про рюкзак, который у Витьки хранился, я ни словом не обмолвился. Кстати Витька уже не раз намекал, что пора бы мне забрать свое имущество, поскольку мой мешок всем уже надоел.

Однажды я пришел к нему, достал из рюкзака планшет, зарядил его прямо при нем и показал некоторые игры. После этого Витька больше не заикался о том, что мой рюкзак ему надоел. Правда, потом я узнал, что он пристроил его на балкон, а зимой там минусовая температура и мои игрушки ненароком проходили климатические испытания. К счастью влага туда не попадала, иначе мой бизнес накрылся бы медным тазом.

Ольгу мне, конечно, пришлось просветить, относительно моего пребывания в средневековье, причем просветил весьма подробно, о моем революционном прошлом, рассказал весьма коротенько, упомянул только, что там получил шрам на лицо от бандитов и потерял Анну. Иначе Ольга не показала бы мне мою книгу. Но и для этого мне пришлось идти к ней домой.

– Ну, а как ты думал? – сказала она мне. – Книга очень ценная, да и не моя.

Я, разумеется, понял, что ценная она годом издания, а не моим сочинением. Пришлось идти в гости. Взял коробку конфет и пошел. Встретили меня как старого доброго знакомого. О прошлом инциденте на дороге со стрельбой и бросанием консервной банки вместо гранаты, ни гугу. Будто и не было ничего. И я этому весьма обрадовался. Мальвины с ее мужем дома не было, а может и не жили они уже тут, это тоже радовало. Ольга не стала тянуть кота за хвост, книгу мне показала сразу. Тоненькая книжка, на первой страничке на-

звание и фамилия автора с инициалами. На второй странице мой портрет кисти Варвары Денисовой. Портрет я сразу узнал, ну как себя любимого не узнать. Никакого предисловия никто не написал. Это было понятно, об авторе ничего не известно. Короче, ничего интересного я не увидел. Это как раз тот случай, когда овчинка выделки не стоит. Ольга-то много чего обо мне узнала, а я ничего. Вот такая хитрая девица.

– Я ведь это писал, – сказал я Ольге, – в надежде, что золотопромышленники кинутся туда искать золото и в конечном итоге Аляску не продадут.

– Надо было лучше писать, – назидательно ответила Ольга. – Монархи тех времен французским владели лучше, чем русским, вот если бы ты...

– Окстись, красавица, – прервал я ее. – В журнале «Русское слово» печатать повесть на французском?

– Не удалась твоя затея в этот раз, но ведь можно повторить... – продолжила она.

– Ничего не выйдет, – спокойно ответил я. – Нет больше порталов, благодаря некоторым...

Ольга скривилась, как от лимона.

– Мог бы и не намекать, – хмуро сказала она.

Я тоже смекнул, что перегибаю. В гостях ведь... Засоби-рался домой, а Ольга, враз помрачневшая, меня не удерживала. Но на другой день в институте наши отношения оставались дружественными. Девица она была умная и в технике,

да и в теории разбиралась лучше многих парней. Тут ей не откажешь. Я был в группе старше всех на два года, и учиться лучше других, мне сам бог велел.

Пошли спецпредметы: теория полупроводников, теория СВЧ и прочие. Я много времени тратил, разбираясь в математических выкладках, пытаюсь постигнуть физическую суть процессов. Однако, обнаружив, что некоторые выводы буквально притянуты за уши, к учебе постепенно охладел и старался заучить только то, что необходимо для экзаменов. Ольга старалась во всю, и я уже понял, что рано или поздно на ученом небосклоне засияет новое имя: Ольги Сосновской.

– А что Оль, – сказал я ей в шутку, – возьмешься написать математическое обоснование межвременного портала?

– Пока очень мало данных, – совершенно серьезно ответила она. – Но со временем я думаю этим заняться.

У меня пропало желание, вести дальнейшие беседы на эту тему. Зимнюю сессию я сдал хорошо, а в каникулы забрал от Витьки свое богатство. Он, конечно, в рюкзак не лазил, удовлетворившись планшетом, о котором никому не рассказывал. Я оставил ему планшет в награду. Надо же отблагодарить друга. Два смартфона помог реализовать Никита, и мы честно поделили деньги. Электронную книгу я оставил себе, ну, а остальное имущество к контрабанде отношение не имело. Были еще электронные часики, подобные тем, которые когда-то носила Ольга, но их я берег надеясь покорить

сердце нашего профорга: Инны Михайловской.

Третий курс подходил к концу, но моя странная «дружба» с Ольгой не прекращалась. Мало того она уже не раз побывала у нас дома и познакомилась с родителями, причем вела себя совершенно по-дружески, без всякого намека на романтические отношения. Мать, однако, начала ее привечать, всячески намекая мне, что эта, совсем не то, что та... Подразумевая Анну, естественно. Если б она только знала на сколько эта, не то, что та... Инну я тоже неоднократно пытался пригласить к себе, чтоб мать тоже могла сравнить... Но та от приглашений уклонялась, не лишая, однако, меня надежды.

А потом была летняя сессия и производственная практика после нее. Сессию я Ольга сдали неплохо. Практика у меня и многих моих одногруппников была на одном из заводов Ельска. К моей радости Инна проходила практику на том же предприятии и в том же подразделении. Где проходила практику Ольга, я не знал, да и не интересно мне было. Она просто куда-то исчезла после сессии, как многие иногородние студенты. Иногородние – это понятно. Они могли проходить производственную практику и в родном городе. А вот Ольга... Ну, да бог с ней. Правда, хоть и не было у меня к ней никаких романтических чувств, некую пустоту я ощутил.

Зато у меня начался бурный и даже какой-то слишком быстрый роман с Инной. Началось все с гуляния в воскресный день держась за руки, как школьники. Затем приглаше-

ния на свидания уже вечером, и постепенно, за две недели невинные поцелуйчики начали перерастать в нечто большее. Затем пошли объяснения в любви, клятвы... А ведь Булат Шалвович предупреждал уже: *«Не обещайте деве юной, любви вечной на земле...»* Ну, да кто в этом возрасте слушает предупреждения старших. После практики Инна уезжала к себе в родной городок, в трехстах километрах от Ельска, а я подарил ей те волшебные часики, объяснив, конечно, как ими пользоваться и как заряжать.

Теперь у меня оставался август месяц каникул, а у Никиты, моего закадычного дружка, месяц отпуска. Чем мы будем заниматься, вопрос уже не стоял. Обещание, данное мной майору из органов, было благополучно забыто. Обещание, данное Анне, терзало меня гораздо сильнее, но и тут я уговорил себя. Ведь совсем не обязательно ездить в Боровск, можно и в другую сторону двинуть. Но больше всего на свете, мне хотелось именно в Боровск. Хоть бы разок взглянуть на того хмыря... И зачем я его так зову? Может вполне приличный парень и у Анны замечательная семья... И ведь, самое главное, деньги-то тамошние у меня были и немало их... Ну по моим меркам, конечно, не мало. Небось, Ольге-то на час не хватит... Хорошо, что нет ее.

Ну, вот как-то так все складывалось. С Никитой можно без опаски и скальные стены штурмовать, и от вооруженной шпаны отбиться. Если подумать, то сплошные плюсы. Самое главное, не увязнуть там надолго... Неизвестно как будет тут

действовать парадокс времени. Ольга-то ведь еще не выдвинула математическое обоснование перехода (шутка). Однако предприятие наше, чуть не сорвалось. Родители мои, узнав, что я собираюсь в поход на пару дней, пришли в ярость.

– Знаю я твои пару дней! – бушевала мать. – Опять придешь через два года весь порезанный и продырявленный. Никуда ты не пойдешь! Вот, закончишь институт, женишься, будешь жить самостоятельно, тогда твори, что хочешь!

У Никиты таких сцен дома не было. Это и понятно, он еще не исчезал никуда. Но ведь лиха беда начало (опять шутка... неудачная). Никита человек женатый, ему детей воспитывать надо. Короче, я свалил из дома без разрешения родителей, тайком. Двадцать два года все же, кое-какие права-то у меня должны быть. Оставил записку: вернусь через два дня, все честь по чести. Может, даже раньше вернусь, смотря как парадокс времени сработает.

Снаряжение кое-какое мы докупили, продукты, естественно. Деньги тамошние я все взял. Ну, кроме паспортов все было в ажуре. При удачном раскладе я и паспортами планировал обзавестись. Придется, конечно, с тамошним криминалом пообщаться... Мечты, мечты... Прибыли мы с Никитой на место и лаз нашли довольно быстро. Нашли... Место, где лаз был нашли. Теперь вместо лаза забетонированное пространство. Этакий бетонный полукруг. Ну мы с Никитой взялись за молотки и давай лупить со всей дури. Да куда там, даже крошка не летела. Бетон высшего качества,

наверняка из пушки не прошибешь.

Притомились мы с Никитой, лежим в небо смотрим.

– Ну, рассказывай, – говорит Никита, – как тебя полковник Сосновский с его дочуней вокруг пальца обвели...

А у меня голова пустая, как барабан из ослиной шкуры... Ничего себе сравненьице! И ведь недалеко от истины... Ну, не знаю я, как это получилось...

– Не знаю, – так и сказал Никите.

Никита больше ничего спрашивать не стал. В киношных детективах в таких обстоятельствах герои действуют по плану Б, а у нас никакого плана Б не было. Оставалось только собраться и отправиться по домам, на радость моим маме с папой, да и Никитина жена будет рада... Но мы решили не торопиться и заночевать здесь. Погода прекрасная, продукты есть, день проведем на природе.

На другой день, когда умывшись и позавтракав, мы свернули палатку, я сказал Никите:

– Помнишь, четыре года назад здесь все началось, а теперь тут все и закончилось...

– Началось не здесь, а на том карнизе, возле щели в скале, чуть дальше и выше.

– Идем, посмотрим, что там теперь, – сказал я. – Щели, скорее всего, нет, но карниз должен остаться.

Мы с Никитой обошли скалу и взобрались на площадку, откуда двигались по карнизу в другие миры. Карниз остался,

и страховочная веревка висела на вбитых крюках, а вот щели не было, вернее она была, но в нее даже пальцы не просунуть...

– А что, Никита, – сказал я вдруг, – ведь когда-то мы планировали просто поход в горы. Зачем нам другие миры?

– Я тоже хотел тебе это предложить, – ответил он. – Глупо просто так возвращаться, да и жена не поймет. Сходил в поход на один день, как школьник.

– У меня ситуация, несколько другая, – ухмыльнулся я. – Но я тоже считаю, что просто так возвращаться глупо.

Вспомнив, разработанный когда-то маршрут, мы углубились в горы. Бог знает, что еще ждет нас впереди. Прошлое хранится в памяти, настоящее всегда перед глазами, а будущее никому не ведомо...